РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ШЕСТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

1882

I

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

Въ Конторѣ Русскаго Архива (Москва, Ермолаевская Садовая, домъ 606-й) продаются

СОЧИНЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ первый: статьи политическаго содержанія.

Томъ второй: статьи богословскаго содержанія, полный безъ пропусковъ текстъ съ предисловіемъ *Ю. Ѳ. Самарина* и съ гравированнымъ портретомъ автора.

Цѣна каждому тому ТРИ рубля съ пересылкою.

Стихотворенія А. С. Хомякова. Новое изданіе. Ц. 30 к.

ВЫШЛИ XXII и XXIII КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА,

Цѣна каждой **3** рубля.

*

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры четырехъ послѣднихъ годовыхъ изданій **Русскаго Архива** (каждый годъ по три книги) можно получать по ПЯТИ рублей за годъ (съ пересылкою по ШЕСТИ рублей),

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

1877 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1877. Записки **Г. С. Винскаго.**

Біографія канцлера князя Безбородки.

Бумаги контръ-адмирала **Истомина.**

Взятіе Карса въ 1828 году. Изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго.**

Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго.**

Старая Записная Книжка.

Записки оберъ-камергера **графа Рибопьера.**

КНИГА ВТОРАЯ 1877. Записки **графа Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ.

Записки **графа А. И. Рибопьера** (царствованія Александра и Николая Павловичей).

Авдотья Петровна Елагина, біографическій очеркъ.

Разсказы объ адмиралѣ Лазаревѣ.

Н. П. Второвъ, біографическая статья **М. Ѳ. Де-Пуле.**

Самаринъ-ополченецъ, воспоминанія **В. Д. Давыдова.**

Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи **Толычовой.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1877. Записки Французскаго короля **Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи.

Записки декабриста **П. И. Фаленберга.**

Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа въ 1810 году.

Записки **М. А. Дмитріева-Мамонова.**

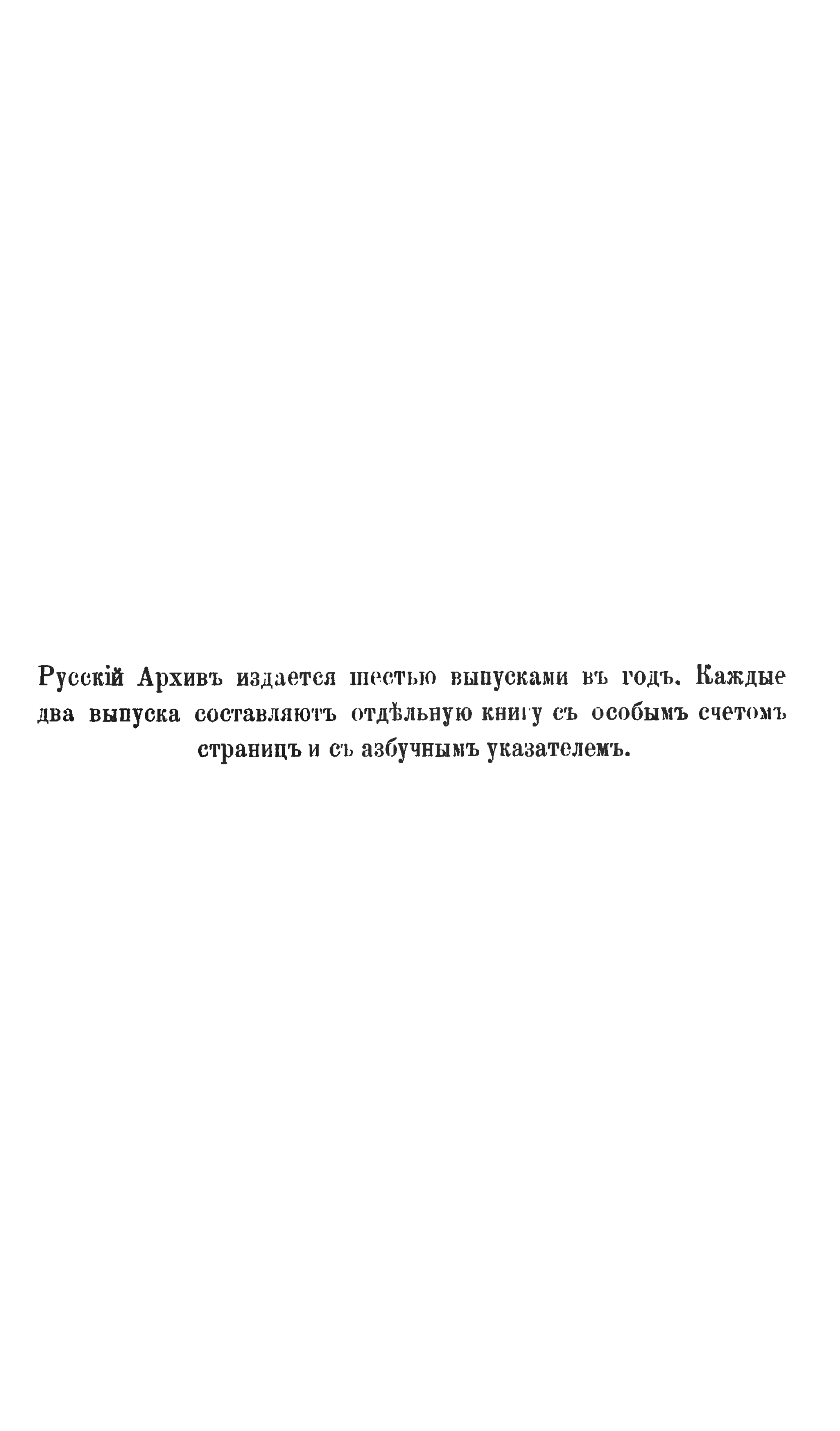
Записки о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 г. **В. М. Еропкина и И. Г. Поливанова.**

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

1882.

I.

Русскій Архивъ издается шестью выпусками въ годъ. Каждые два выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и съ азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

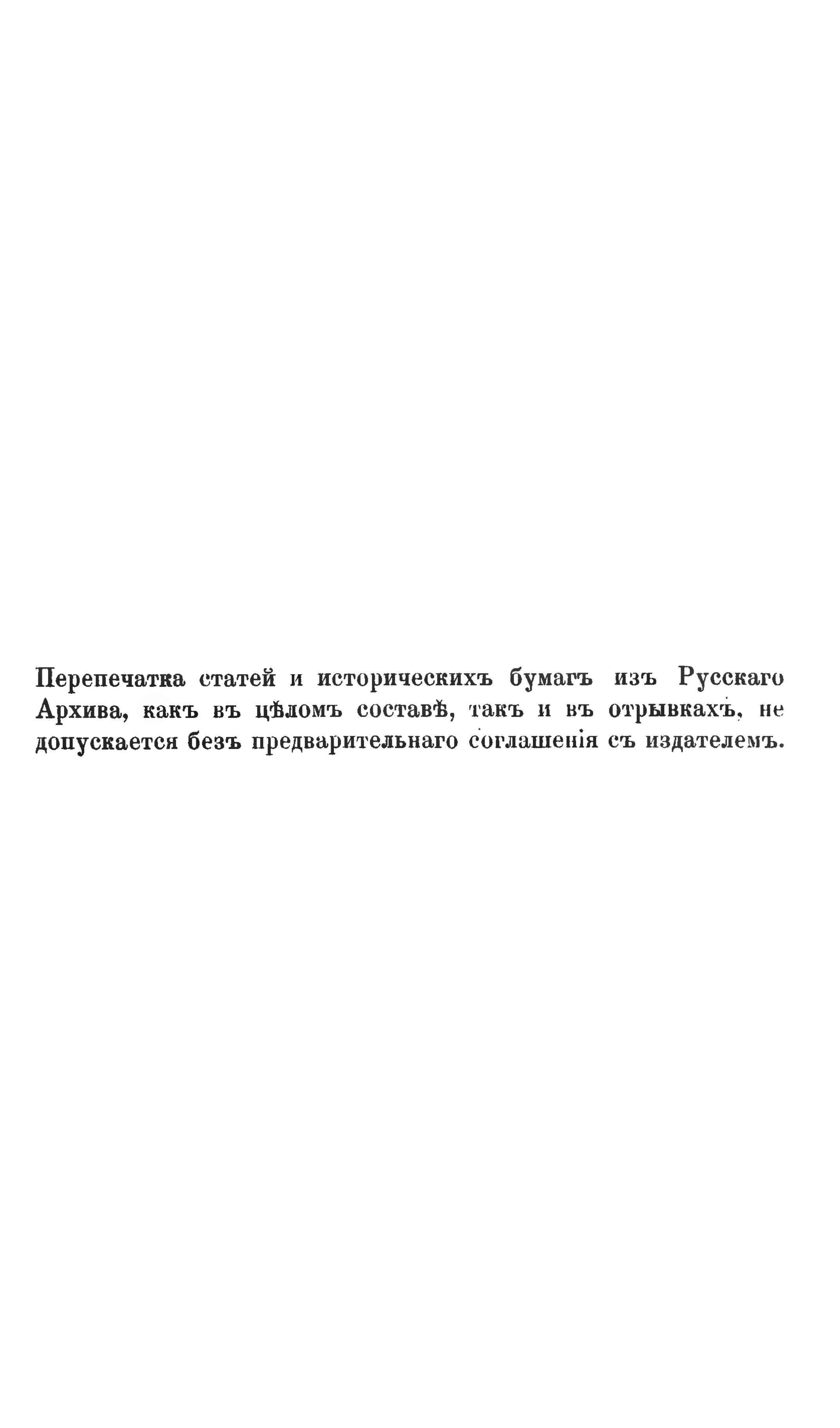
ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

1882.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ.

О ПОДВИЖНОСТИ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Сочиненіе князя В. А. Черкаскаго.

Много было до сихъ поръ говорено и писано о подвижности народонаселенія и переходахъ крестьянскихъ въ древней Россіи; но почти все говорено было лишь вскользь, намеками, и въ выраженіяхъ слишкомъ общихъ, слишкомъ неопредѣленныхъ. Спеціальная, монографическая разработка не коснулась еще этого важнѣйшаго въ исторіи нашего отечества вопроса; лишь недавно стали появляться, въ «Москвитянинѣ», а послѣ во «Временникѣ Исторіи и Древностей» близко до него касающіяся статьи г-на Бѣляева, статьи во многомъ замѣчательныя, какъ по трудолюбію автора, такъ въ особенности по богатству неизданныхъ матеріяловъ, сдѣлавшихся для него доступными въ государственныхъ архивахъ. Нельзя не замѣтить однако, что онѣ далеко не отличаются надлежащею полнотою, и къ тому же стремленіе придать слишкомъ строгій, юридическій типъ формамъ жизни древней Россіи вовлекло ученаго автора не въ одинъ значительный промахъ.

Такимъ образомъ мы остаемся до сихъ поръ только при нѣсколькихъ отрывочныхъ и сбивчивыхъ свѣдѣніяхъ объ Юрьевѣ днѣ. Мы почти ничего не знаемъ о самой догматической сторонѣ этого права перехода крестьянъ: какъ происходилъ онъ, какіе при немъ соблюдались формальности, въ какой мѣрѣ повторялось это явленіе, и было ли возникавшее отсюда бродяжничество общимъ правиломъ въ жизни древней Россіи, или только исключеніемъ? Знаемъ также мало положительнаго о срокѣ перехода и о пространствѣ, въ предѣлахъ коего онъ допускался; наконецъ, всего сбивчивѣе наши понятія о правѣ крестьянъ продавать свою землю...

Объ этихъ вопросахъ я постараюсь, по возможности въ немногихъ словахъ, изложить результатъ изслѣдованій моихъ надъ всѣми, если не ошибаюсь, доселѣ изданными памятниками отечественной исторіи.

Въ дѣйствительномъ существованіи въ древности права свободнаго перехода для крестьянъ, со времени первыхъ толковъ о семъ предметѣ при Татищевѣ и Болтинѣ, теперь уже никто не сомнѣвается. Основное положеніе объ Юрьевѣ днѣ, исходную точку для всей исторической литературы объ этомъ предметѣ, находимъ мы въ Судебникѣ великаго князя Ивана Васильевича 1497 года, въ статьѣ о «христьянскомъ отказѣ». «А христіаномъ отказыватися изъ волости въ волость, изъ села «въ село, одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осенняго и «недѣля послѣ Юрьева дня осенняго. Дворы пожилые платятъ въ по-«лѣхъ за дворъ рубль, а въ лѣсѣхъ полтина. А который христіанинъ «поживетъ за кѣмъ годъ да пойдетъ прочь, и онъ платитъ четверть двора; а «два года поживетъ и пойдетъ прочь, и онъ полдвора платитъ; а три «года поживетъ и пойдетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора; «а четыре годы поживетъ, и онъ весь дворъ платитъ» [1]).

Положеніе это нѣсколько болѣе развито во второмъ Судебникѣ Іоанна Грознаго 1550 года. Постановленіе этого Судебника заключается въ слѣдующемъ: для крестьянскаго отказа назначается одинъ срокъ въ году, недѣля до Юрьева дня и недѣля послѣ Юрьева дня. Пожилаго за дворъ полагается въ мѣстахъ безлѣсныхъ полтина съ 2 алтынами, а въ лѣсныхъ рубль и два алтына; притомъ такъ, что за каждый годъ, во дворѣ прожитой, крестьянинъ платитъ только $^1/_4$ этой суммы. Изъ нея рубль собственно пожилыхъ денегъ взимается съ каждыхъ воротъ, а два алтына—со двора, въ видѣ пошлины съ обоза съѣзжающаго поселянина. Если во время отказа у него остается посѣянный въ землѣ ржаной хлѣбъ, то онъ или оставляетъ его за собою (и тогда онъ, пока не сожнетъ, долженъ платить съ него подать въ казну и дать господину двухъ-алтынную пошлину, но на господскія работы онъ съ этого посѣяннаго или стоячаго хлѣба не тянетъ), или онъ, если хочетъ, можетъ и не платить казенныхъ податей, но тогда онъ лишается и самаго этого хлѣба. Никакихъ другихъ пошлинъ крестьянинъ при отказѣ платить не обязанъ. Буде который крестьянинъ дастъ на себя помѣщику своему полную кабальную крѣпость, то онъ не платитъ пожилыхъ денегъ и можетъ съ пашни въ кабалу продать себя безсрочно во всякое время года. Также священникъ не платитъ пожилаго и выходитъ изъ волости безсрочно [2]). Далѣе, изъ другой предшествующей Судебнику грамоты 1462 года видно, что если одинъ помѣщикъ вывозилъ крестьянина отъ другаго, и крестьянинъ соглашался въ томъ,

---

[1]) Акты Историческіе Т. I, № 105, стр. 155.

[2]) Акты Историческіе Т. I, № 153, стр. 247,

что прежнему господину своему онъ сколько-нибудь долженъ: то долгъ этотъ былъ напередъ уплачиваетъ новымъ помѣщикомъ. Если же между крестьяниномъ и старымъ его господиномъ объ этомъ предметѣ возникалъ споръ, то крестьянинъ, несмотря на это, могъ перейти къ другому, но не иначе какъ представивъ по себѣ поруки, и кромѣ того долженъ былъ въ опредѣленный срокъ явиться на судъ [3]).

О крестьянскомъ отказѣ упоминается, далѣе, еще во многихъ грамотахъ [4]); но самыя любопытныя подробности объ обрядахъ, его сопровождавшихъ, сохранились для насъ въ двухъ помѣщичьихъ челобитныхъ 1556-го года и въ челобитной выборныхъ черныхъ деревень на Ржевскихъ дѣтей боярскихъ 1555 года. По этимъ челобитнымъ мы имѣемъ указы, посланные съ Москвы къ Новгородскимъ дьякамъ. Для примѣра выпишу нѣсколько строкъ. «Били намъ челомъ (пишутъ съ Москвы дьякамъ) изо Ржева, изъ черныхъ становъ, выборныя головы.... А сказы- «ваютъ, что де дѣти боярскіе Ржевскіе, и Псковскіе, и Лужскіе, и изъ «иныхъ присудовъ вывозятъ за себя въ крестьяне жить нашихъ кре- «стьянъ изъ Ржевскихъ изъ черныхъ деревень, не по сроку, по вся дни «безпошлинно. А какъ де изо Ржевскихъ изъ нашихъ деревень пріѣ- «дутъ къ нимъ откащики, съ отказомъ, въ срокъ крестьянъ изъ за нихъ «отказывати въ наши въ черныя во Ржевскія деревни, которые кре- «стьяне похотятъ идти жить въ тѣ въ наши въ черныя деревни, и тѣ де «дѣти боярскія тѣхъ откащиковъ бьютъ и въ желѣза куютъ, а крестьянъ «де изъ за себя не выпущаютъ, да поймавъ де ихъ мучатъ и «грабятъ, и въ желѣза куютъ, и пожилое де на нихъ имѣютъ не по «Судебнику, рублевъ по 5 и по 10; и отказати де имъ крестьянина изъ «за тѣхъ дѣтей боярскихъ не мочно [5]).

А вотъ посмотримъ, какъ жалуется дворянинъ на дворянина. Въ одной грамотѣ читаемъ: «Билъ намъ челомъ изъ Великаго Новгорода, изъ «Карачюнитскаго погоста, Тимофей Семеновъ сынъ Картмазова на Семена «на Андрѣева сына Лизунова, а сказываетъ, что де дѣялось сея осени «за недѣлю до Юрьева дня. Посылалъ онъ своихъ людей, Дубину да «Ошурка, отказывати изъ за него дву крестьяниновъ, Филку да Кузему Стешовыхъ пасынковъ Бармина съ его деревни съ Волошова, «изъ одного двора, на свою деревню на Китово. И тотъ де Семенъ от- «казъ принялъ и пошлины пожилыя взялъ, и Тимофей де посылалъ по тѣхъ «крестьянъ людей своихъ Дубину да Ошурка возити за себя, и тотъ де

---

[3]) Акты Археографической Экспедиціи Т. I, № 73, стр. 53.

[4]) Дополненія къ Актамъ Историческимъ Т. I № 51 (V) № 117, № 119, № 198.

[5]) Дополненія къ Актамъ Историческимъ Т. I № 56, стр. 120.

«Семенъ тѣхъ крестьянъ изъ за себя не выпуститъ, а держитъ ихъ за собою сильно» [6]). Въ другой подобной грамотѣ сказано такъ: «Билъ намъ «челомъ Ивановъ человѣкъ Володимерова сына Шатилова Ѳедько на Богдана Кутузова, а сказываетъ, что де отказалъ онъ изъ за того Богдана крестьянина Васюка да сына Бутака за государя своего Ивана, «и Богданъ де у него отказъ взялъ и пошлины пожилыя всѣ поималъ, «да послѣ де того животы ихъ пограбилъ, и они де пришли на него «бити челомъ въ Новгородѣ. И Богданъ де того Васюкова сына Бутака поималъ, да поставилъ де его въ Новгородѣ передъ нашимъ тіуномъ, да искалъ де на немъ холопства и сносу.... И тіунъ де Бутаку передъ собой велѣлъ отвѣчать сильно, а у государя его у Ивана «у Шатилова моя царева и великаго князя грамота жаловальная, что «людей его и крестьянъ судить вамъ дьякамъ нашимъ во всякихъ «дѣлахъ» [7]).

Изъ всѣхъ этихъ актовъ ясно видно, что крестьяне не столько переходили, сколько перезывались и переманивались изъ одной деревни въ другую посредствомъ нарочно для этого высылавшихся отъ помѣщиковъ и выборныхъ головъ черныхъ деревень вербовщиковъ или отказчиковъ. Сіе послѣдніе пріѣзжали въ сосѣднее имѣніе, задабривали крестьянъ, давали имъ денегъ впередъ (какъ видно изъ многихъ до насъ сохранившихся порядныхъ), объявляли отказъ прежнимъ господамъ и расплачивались съ ними за отходившихъ крестьянъ, которыхъ и спѣшили свезти къ себѣ, заключивши съ ними условіе или порядную [8]). Таковыхъ условій крестьянъ съ помѣщиками и монастырскими властями сохранилось множество, какъ въ Юридическихъ Актахъ, такъ и разсѣянныхъ по разнымъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ. Заключались они на неравные сроки. Мы имѣемъ порядныя на пять лѣтъ [9]), на четыре года [10]), еще гораздо чаще встрѣчаются порядныя на одинъ годъ. Писались онѣ большею частію кратко, обыкновенно ссылаясь, въ отношеніи къ обязанностямъ крестьянскимъ, на старину, пошлину и мѣстный обычай.

---

[6]) Дополненія къ Актамъ Историческимъ Т. I. № 51. XXII. стр. 84.

[7]) Доп. къ Акт. Истор. Т. I. № 51. XXIV. (84).

[8]) Очевидно, многоземеліе было всеобщею язвою, владѣльцы всячески старались населить свои земли, и трудъ цѣнился весьма дорого. Исключительно занимаясь теперь установленіемъ взгляда нашего на юридическую сторону сихъ отношеній, мы въ другое время постараемся подробно изложить отношеніе между цѣнностью труда и ренты или поземельнаго дохода, сколько дозволяютъ это дошедшіе до насъ намеки въ памятникахъ того времени. Но уже теперь можемъ мы предложить себѣ вопросъ: какимъ образомъ, при высокой оцѣнкѣ, маломъ предложеніи труда и низкой вообще рентѣ земли, народонаселеніе постоянно все болѣе и болѣе бѣднѣло?

[9]) Акты Юрид. № 26. стр. 67.

[10]) Тамъ-же № 186. стр. 200.

Впрочемъ мы имѣемъ и нѣкоторыя довольно подробныя; для примѣра приведемъ точныя слова одной изъ нихъ: «Се язъ Яковъ Романовъ сынъ да «язъ Богданъ Максимовъ сынъ, оба есмя изъ Богородскаго села Спас-«скаго Прилуцкаго монастыря крестьяне, порядились есмя Спаса При-«луцкаго монастыря у келаря старца Іоны, да у казначея старца Гурья, да «у купчины старца Стахіи, въ монастырское село Богородское на полвыти «на жилую, ржи насѣяно въ земли 5 четвертей, да денегъ есмя взяли «на ссуду полтину. Пашню намъ пахать, землю незапереложить и вновь «чистить, а во дворѣ намъ поставить изба новая, въ 91-мъ году, полу-«третьи сажени, старые хоромы починивати; а дани царя и великаго «князя, и оброки, и всякія государскія подати давати, и въ монастырь «хлѣбной оброкъ всякой платити, по книгамъ сполна, и издѣлье мона-«стырское намъ всякое дѣлати. А поидемъ мы вонъ изъ за монастыря, «а избы не поставимъ или землю запереложимъ, ино на насъ по сей «записи два рубли денегъ. А на то послуси: Козьма Захарьевъ сынъ «Коптевъ да Антронъ Семеновъ, того-жъ монастыря крестьянинъ Бого-«родскаго села. А запись писалъ Богданко Ивановъ, лѣта 7090 (1582) «Апрѣля 25-го дня» [11]).

Многіе безусловные поклонники старины восхищаются юридическимъ содержаніемъ этихъ актовъ. Въ одномъ повременномъ изданіи за 1847 годъ были даже помѣщены двѣ такія порядныя подъ многообѣщающимъ заглавіемъ: «Обязанные крестьяне въ XVII вѣкѣ». Оправдаваетъ ли содержаніе ихъ эту насильно имъ навязываемую многозначительность, о томъ пусть судитъ читатель, сравнивъ ихъ между прочимъ хоть съ инвентарными списками западной Россіи [12]). Для насъ важнѣе вопросъ, эти хваленыя порядныя ограждали ли крестьянина отъ притѣсненій землевладѣльца? На это готовъ, кажется, отвѣтъ въ вышеприведенныхъ мною челобитныхъ; ниже я буду имѣть случай о томъ же сказать еще нѣсколько словъ.

Теперь постараемся рѣшить еще одно, послѣднее сомнѣніе. Мы видѣли, что крестьянинъ имѣлъ право переходить отъ одного владѣльца къ другому; но не менѣе любопытно знать, позволялъ ли законъ и помѣщику-владѣльцу согнать крестьянина съ своей земли противъ воли его [13])? Могъ ли онъ сдѣлать это во всякое время, или долженъ былъ

---

[11]) Акты Юридическіе № 182, Стр. 198.

[12]) Памятники, изд. Кіевской временной коммиссіи 1846 т. II. Отд. II. Уставъ о волокахъ 1557 Апрѣля 1-го и дополнительныя статьи 1557 Окт. 20-го и 1558 Мая 2-го.

[13]) Въ Польшѣ право это было предоставлено владѣльцамъ лишь въ XV-мъ вѣкѣ вскорѣ послѣ Вислицкаго статута. См. „Slavische Rechtsgeschichte“ von A. Macéiowsky, ubersetzt von Buss, Th. III, S. 177.

дождаться извѣстнаго срока, или, наконецъ, право отказа принадлежало одному селянину?....

Какъ ни казался бы вопросъ этотъ удоборѣшимъ a priori, путемъ аналогическимъ, но я счелъ неизлишнимъ обратить на него вниманіе, потому что изъ всѣхъ изданныхъ донынѣ историческихъ памятниковъ только въ одномъ находимъ мы ясный на него отвѣтъ. Правда, въ одномъ судномъ спискѣ 1503 года, помѣщенномъ въ Актахъ Юридическихъ, можно отыскать какъ бы намекъ на то, что дѣйствительно и помѣщики могли отсылать крестьянъ, а именно: стряпчій Евфиміева монастыря жалуется слѣдующимъ образомъ передъ судомъ на бывшаго монастырскаго крестьянина Михайлу: «Жалоба ми, господине, на того «Михалка. Тотъ, господине, Михалко жилъ у насъ въ монастырской «деревнѣ въ Ильинской два года, да вышелъ вонъ о Оспожинѣ дни, и «тому, господине, годъ будетъ Оспожинъ день. И азъ, господине, взялъ «на немъ пожилаго за дворъ полполтины денегъ, да и паренину есми «его, господине, на монастырь рожью посѣялъ; и тотъ, господине, Михалко, ріясь тому, ту деревню монастырскую Ильинскую сжегъ и съ жи- «томъ, и съ животомъ. И всего, господине, сжегъ въ той деревнѣ на полдесята рубля» [14]). Очевидно, месть Михалки заставляетъ предполагать, что сшелъ онъ съ монастырской деревни не по собственной волѣ.... Но окончательно рѣшается вопросъ этотъ Псковскою Судною Грамотою 1467 года, вполнѣ изданною въ 1847 году въ Одессѣ г. Мурзакевичемъ. На страницѣ 8-й этой грамоты мы читаемъ: «А который государь захо- «четъ отрòкъ дати своему изорнику или огороднику или кочетнику, ино «отрòку быти о Филиповѣ заговѣньи. Такожъ захочетъ изорникъ отре- «чися съ села, или огородникъ, или чотникъ, ино тому же отрòку быть; «а иному отрòку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ «кочетника, ни отъ огородника. А запрется изорникъ, или огородникъ, «или кочетникъ отрòка государева, ино ему правда дать; а государь не «доискался четверти или огородной части, или съ исады рыбной ча- »сти» [15]). Изъ этихъ словъ ясно видно, что владѣлецъ столько же имѣлъ

---

[14]) Акты Юрид. № 10, стр. 19.

[15]) При всемъ уваженіи къ ученому труду г. Мурзакевича не можемъ не замѣтить одного слишкомъ явнаго промаха почтеннаго издателя Судной Грамоты: въ объяснительномъ словарѣ къ ней г. Мурзакевичъ, приводя между прочимъ слово *отрокъ*, переводитъ его словами—работничій подмастерье, мальчикъ.... Неужели онъ не видѣлъ, что въ настоящемъ мѣстѣ Псковскій *отрокъ* есть совершенный синонимъ Московскаго *отказа?* Вѣдь въ этой же самой статьѣ находимъ мы и корень странному съ перваго взгляда выраженію:—„также захочетъ изорникъ отречься съ села"; очевидно отъ глагола *отказывать* происходитъ *отказъ*, отъ глагола *отрекаюсь—отрокъ*. Не ясно ли? Также неудовлетворительно объяснены слова *изорникъ* и *кочетникъ*. Первое г. Мурзакевичъ переводитъ словомъ пахарь, земледѣлецъ (прибавляя вопросительный знакъ); второе словомъ лапотникъ,

права согнать крестьянина, сколько сей послѣднiй имѣлъ права и самъ отказаться у него долѣе жить. Къ тому же срокъ и крестьянскому, и господскому отказу полагался одинъ и тотъ же.

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнiю самого срока крестьянскаго перехода. Мы уже видѣли выше, что оба Судебника полагаютъ для него краткое двухнедѣльное пространство времени, дозволяя крестьянамъ отказываться за новыхъ владѣльцевъ только въ теченiи одной недѣли до Юрьева дня и другой послѣ Юрьева дня осенняго (26-го Ноября). Долго изслѣдователи наши слѣпо принимали существованiе того же самаго закона или обычая въ перiодъ, предшествовавшiй первому Судебнику, не отдавая себѣ надлежащаго отчета ни въ сущности этого постановленiя, ни въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ и прiуготовившихъ его владычество. Одинъ Рейцъ, руководимый какъ бы юридическимъ тактомъ, при всемъ очевидномъ недостаткѣ положительныхъ свѣдѣнiй о томъ въ изданныхъ тогда матерiялахъ, остерегся отъ общаго заблужденiя и на основанiи одного здраваго смысла, a priori, указалъ на вѣроятную истину. «Изъ послѣдовавшаго ограниченiя перехода извѣст- «нымъ временемъ, говоритъ онъ, видно, что прежде переходъ сей даже «не былъ ограниченъ законнымъ временемъ»... Вотъ все что̀ сказалъ добросовѣстный изслѣдователь объ этомъ любопытномъ вопросѣ [16]). При всей краткости своей, замѣчанiе его глубоко справедливо и оправдывается историческими фактами. Въ новѣйшее время г. Бѣляевъ, въ предисловiи своемъ къ Переписной Новогородской книгѣ 1500-го года. также справедливо, хотя и бездоказательно, выразился, что правительство «лишь въ позднѣйшее время назначило осеннiй Юрьевъ день срокомъ «для отказа крестьянъ». Оставляя въ сторонѣ всю очевидную, осязательную вѣроятность предположенiя Рейца, почерпнутую изъ одного здраваго смысла и разсмотрѣнiя хода въ постепенномъ образованiи подданства Русской волости [17]), мы можемъ привести въ пользу его еще и слѣ-

---

тотъ кто кочетыкомъ плететъ обувь (также съ вопросительнымъ знакомъ). Зачѣмъ же г. Мурзакевичъ не сообразилъ пооснователънѣе всего вышеприведеннаго мѣста со всѣми его объяснительными намеками, и не сравнилъ его съ слѣдующими двумя; во 1-хъ: „А „который кочетникъ заложитъ весну, или исполовникъ у государя, ино заплатити ему „весна своему государю, какъ у другой чатѣ доставалося на томъ же исадѣ. А государю „на изорники, или на огородники, или на кочетники вольно и въ закличь своей покру- „ты и сочить серебра, и всякой верши, по имени, или пшеницы ярой, или озимой, и по „отроку государеву или самъ отречется“. Во 2-хъ: „А который изорникъ отречется у „государя села или государь его отречётъ, и государю взять у него всю половину своего „изорника, а изорникъ половину“. Тогда онъ увидѣлъ бы, что изорникъ значитъ во всякомъ случаѣ *половникъ*, а можетъ быть еще ближе половникъ нанимающiйся на рыбную ловлю; кочетникъ же—крестьянинъ, платящiй за наемъ четвертою частiю произведенiй.

[16]) Рейцъ, Опытъ Ист. Русск. Зак., стр. 268.

[17]) Въ самомъ дѣлѣ, какъ связать между собою двѣ картины, столь глубоко другъ

дующія положительныя доказательства, основанныя на самой буквѣ древнихъ актовъ. Во 1-хъ, во многихъ древнѣйшихъ актахъ, гдѣ (судя по содержанію ихъ) мы всего скорѣе должны бы найти выраженнымъ ограниченіе права перехода однимъ Юрьевымъ днемъ, еслибъ оно въ самомъ дѣлѣ уже тогда существовало, это право перехода дѣйствительно упоминается, но безъ всякаго ограниченія. Такъ въ духовной грамотѣ

другу противуположныя—съ одной стороны состояніе волости Русской какъ описываютъ намъ ее Несторъ и другія предшествующія и современныя ему свидѣтельства, съ другой состояніе ея въ XVI-мъ вѣкѣ? Въ первой жизнь общинно-семейная; Русская волость есть еще ничто иное, какъ аггрегатъ безчисленнаго множества мелкихъ общинъ, составленныхъ изъ семей, „живущихъ кождо особѣ“: здѣсь немыслимо то равнодушіе къ мѣсту рожденія и къ окружающимъ ихъ людямъ, которое оправдываетъ обычай позднѣйшихъ переходовъ. Не то открывается намъ въ Россіи временъ Судебника: физіологическій союзъ родственной общины разорванъ, право собственности надъ землями отъ родовой общины перешло къ отвлеченному лицу царя и великаго князя, казны, или ко множеству частныхъ владѣльцевъ—вотчинниковъ и помѣщиковъ; наконецъ, крестьянинъ, бездомный бобыль, вѣчно блуждая изъ края въ край по обширнымъ степямъ Россіи, изъ прежней неограниченной свободы сохранилъ лишь одно съ грѣхомъ пополамъ право — разъ въ годъ по произволу мѣнять мѣсто жительства и господина, въ осенній Юрьевъ день!.... Между этими двумя крайними, противуположными точками развитія волостной жизни лежитъ какъ бы неизмѣримая бездна, огромный историческій провалъ. Очевидно, отъ перваго момента ко второму, волость не могла вдругъ перешагнуть: потребенъ еще средній терминъ, третье какое либо связующее событіе. Въ чемъ состоитъ оно? Какимъ образомъ вольные роды превратились въ подданныхъ смердовъ?... Къ стыду нашей литературы скажемъ, что развѣ только въ самое послѣднее время предметъ этотъ обратилъ на себя вниманіе; изъ всѣхъ прежнихъ нашихъ изслѣдователей одинъ только Рейцъ дошелъ по крайней мѣрѣ до сознанія о существованіи здѣсь вопроса. Судя по одному мѣсту (Опытъ Исторіи I, 337, прим. 3-е, стр. 147) гдѣ онъ говоритъ о податяхъ и повинностяхъ крестьянскихъ въ первомъ періодѣ и при этомъ случаѣ мимоходомъ упоминаетъ о первоначальной дани, наложенной Варягами на Славянскія племена, мы рады были бы предположить, что онъ напалъ на настоящій слѣдъ; но къ сожалѣнію это сближеніе у него есть только случайное, и онъ между этими двумя фактами не открываетъ никакого истиннаго соотношенія. Изъ болѣе близкихъ къ намъ изслѣдователей, одинъ М. П. Погодинъ въ статьѣ (помѣщенной въ 6-мъ № Москвит. за 1848 годъ по случаю разбора вышедшей въ свѣтъ диссертаціи г-на Лакьера) впервыя высказалъ въ общихъ чертахъ историческую теорію происхожденія подданства волости и выражающихъ его оброковъ изъ прежнихъ даней. Самъ же г-нъ Бѣляевъ, несмотря на все достоинство его историческихъ изслѣдованій по этому предмету, кажется, не разрѣшилъ себѣ вопроса этого, если судить по высказанному имъ мнѣнію на 12 страницѣ предисловія къ Новогородской Переписной Книгѣ. Какъ бы то ни было, не входя нынѣ въ изложеніе подробностей о важномъ вопросѣ перехожденія прежнихъ даней въ крестьянскіе оброки и повинности (вопросѣ, который, вопреки мнѣнію г-на Бѣляева, удовлетворительно разрѣшается имѣющимися историческими данными, какъ я и постараюсь это въ свое время доказать), скажу только нѣсколько словъ, сколько нужно, для разрѣшенія предлежащаго мнѣ теперь вопроса — о происхожденіи права перехода крестьянъ въ Юрьевъ день. На живущіе въ общинно семейномъ быту племена Славянскія нашли Хозары, Варяги и другіе враждебные народы, покорили ихъ и наложили на нихъ дань. Первоначально всѣ эти дани являются собственностію князя и дружины; въ послѣдствіи князь раздаетъ ихъ нѣкоторымъ своимъ мужамъ, и отсюда образуются отчины и помѣстія; остальныя за тѣмъ дани съ ходомъ времени

князя Владимира Андреевича [18]) сказано просто: «А не восхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, ино земли лишенъ, пойди прочь.... а земли ихъ сыну князю Ивану». Тоже самое находимъ мы и въ актахъ, относящихся до племенъ западной Россіи, гдѣ существовало тоже самое право отказа крестьянъ и развивалось паралельно съ нашимъ. Въ уставной грамотѣ в. кн. Александра Литовскаго жителямъ Бѣльской волости, 1501 года Февраля 22-го [19]) мы видимъ тоже самое отсутствіе всякаго срока [20]). Вовторыхъ, мы имѣ-

---

даютъ начало имуществу казны и государя, чернымъ волостямъ и дворцов. селамъ. Такимъ образомъ мало по малу, постепенно регуляризируется это взаимное отношеніе побѣдителей и побѣжденныхъ: съ одной стороны порабощеніе Варяжское никогда не было такъ сильно, чтобы оно могло ввести рабство подданнаго класса; напротивъ, оно оставило волость вольной общиною, платившею только извѣстную дань; съ другой эта дань могла часто казаться тягостною для волощянъ; селянинъ могъ не хотѣть ее платить; въ такомъ случаѣ естественно должно было открыться и дѣйствительно открывалось для него право безпрепятственнаго перехода или въ другую волость, менѣе обложенную податьми, или въ другое состояніе—княж. дружину и т. п. Отсюда-то развилось это древнѣйшее начало нашего публичнаго права, выражавшееся въ двухъ соотвѣтствующихъ положеніяхъ: во 1-хъ, вся земля вообще въ государствѣ, кромѣ розданной на вотчинномъ правѣ, есть собственность князя, государя, казны, и находится только во временномъ владѣніи и пользованіи крестьянъ, а помѣстья—помѣщиковъ; во 2-хъ, крестьяне могутъ переходить изъ волости въ волость по своему произволу.—Само собою разумѣется, такимъ правомъ свободнаго перехода народъ весьма мало пользовался первоначально, когда дань была еще чрезвычайно незначительна и слѣдовательно мало обременяла крестьянина; но сильный переворотъ должно было произвесть Татарское владычество, когда къ первой дани присоединился еще новый элементъ, еще другая дань для ордынскаго выхода, доходившая иногда до полтины съ двора: ханскій оброкъ теперь сталъ уже чаще вынуждать крестьянина къ переселенію въ дальные, менѣе обремененные края Россіи. Но при такомъ постепенномъ въ высшей степени органическомъ происхожденіи права свободнаго перехода крестьянъ, нѣтъ возможности предполагать, чтобы съ самаго начала свобода эта ограничилась однимъ Юрьевымъ днемъ; крестьяне по всѣмъ вѣроятіямъ первоначально могли переходить во всякое время года, и ограниченіе это никакъ не м. б. порождено однимъ обычаемъ, а д. б. быть установлено правительствомъ, князьями: ибо народный обычай никогда не идетъ въ разрѣзъ эгоистическимъ выгодамъ и предразсудкамъ сословій, и подобныя мѣры устанавливаются уже главнымъ образомъ подъ вліяніемъ высшей дѣятельности князя, государя.—Волость, въ первые моменты своего данничества и даже гораздо послѣ, долго еще была свободна отъ всякаго внѣшняго полицейскаго контроля; въ опредѣленіи юридическихъ ея отношеній князь, государь долженъ былъ вмѣшаться лишь тогда, когда уже слишкомъ частыя проявленія индивидуальнаго произвола и возникшія отсюда злоупотребленія обратили на себя его вниманіе, и необходима стала регуляризація ихъ отъ верх. власти. Таковъ естественный логическій ходъ исторіи. Справедливы, слѣдовательно, слова Рейца: что „изъ послѣдовавшаго ограниченія перехода извѣстнымъ временемъ видно, что прежде переходъ сей даже не былъ ограниченъ законнымъ временемъ“...

[18]) Соб. Государ. Грам. и Догов. Т. I. № 40, стр. 78.

[19]) Акты относящіеся къ Истор. Запад. Россіи, Т. I. № 189, стр. 225.

[20]) Памятники изд. Кіевской времен. Коммиссіею. Т. I, От. II, стр. 3. Здѣсь же должно бы, можетъ быть, привести и нижеслѣдующее мѣсто изъ уставной королевской грамоты жителямъ Витебской области, 1503 г. Іюня 16, помѣщенной въ актахъ, относящихся къ Истор. Запад. Россіи подъ № 204. „Витеблянамъ жити у Витебску добровольно, всякому

емъ много актовъ, въ коихъ именно говорится, что крестьяне переходили изъ деревни въ деревню не въ Юрьевъ день, а по всякимъ другимъ днямъ, напримѣръ въ грамотѣ 1466—1478 года [21]): «Билъ ми челомъ игуменъ Троицкой,—что де изъ селъ такихъ-то вышли крестья-«не сей зимы о Сборѣ, и великій князь велитъ ихъ изловить да по-«садить ихъ по старымъ мѣстамъ, гдѣ кто жилъ до Юрьева дня до «осенняго». Въ грамотѣ 1450 года князя Михаила Андреевича Бѣлозерскаго [22]) мы читаемъ: «Присылалъ ко мнѣ игуменъ Екимъ... и сказы-«ваетъ, что являлъ имъ староста Волоцкой мою грамоту такову, что имъ «примати къ себѣ въ волость, въ твой путь, на Волочекъ изъ Мартемья-«новскихъ деревень монастырскіе половники въ серебрѣ межень лѣта и «всегда; а ту... есми полѣтную подернилъ; а игумену есми отъ Юрьева дня «и до Юрьева дня изъ своихъ деревень серебренниковъ пускати не ве-«лѣлъ, а велѣлъ есми имъ серебренниковъ отпускати за двѣ недѣли до «Юрьева дня и недѣлю по Юрьевѣ дни». И въ другой одновременной грамотѣ того же князя Бѣлозерскимъ намѣстникамъ [23]): «Билъ ми челомъ игуменъ Касьянъ... что у него отказываете людей монастырскихъ «серебренниковъ, и половниковъ, и рядовыхъ людей, и Юрьевскихъ, а «отказываете не о Юрьевѣ дни, иныхъ о Рождествѣ Христовѣ и иныхъ «о Петровѣ дни».... Далѣе опять слѣдуетъ тоже подтвержденіе Юрьева дни. Почти тоже самое читаемъ мы еще въ двухъ грамотахъ князя Андрея Васильевича Вологодскаго Кирилову монастырю, 1462—1471 годовъ [24]). Мы имѣемъ свидѣтельства, что даже послѣ Судебника, вопреки закону, срокомъ крестьянскихъ переходовъ часто былъ не Юрьевъ день, а разные другіе произвольные сроки. Такъ въ одномъ судномъ спискѣ 1503 года [25]) монастырскій стряпчій жалуется на крестьянина: «Жалоба ми, господине, на того Михалка; тотъ, господине, Михалко жилъ «у насъ въ монастырской деревнѣ два года да вышелъ вонъ о Спожинѣ «дни». При этомъ жалуется онъ не на противузаконное время отказа (ибо, какъ видно изъ акта, онъ самъ этого Михалку согналъ съ деревни), но на то, что крестьянинъ изъ мести сжегъ всю деревню. Выходы

по старему, покуль кто всхочетъ; а которому Витеблянину будетъ отъ насъ насильно, а будетъ ему нелюбо: намъ его силою не держати, ино ему путь чистъ, куды хочетъ, безо всякаго зачепки; а поити ему прочь въ нашу отчину, въ Литву, не тайно, Св. Благовѣщенью чоломъ ударивши, и нашему воеводѣ объявившися и своей братьѣ мужомъ Витеблянамъ."

[21]) Акты Арх. Эксп. Т. I, № 83, стр. 61.

[22]) Тамъ-же № 48, стр. 35.

[23]) Тамъ-же Т. I, № 48, стр. 36.

[24]) Допол. къ Актамъ Истор. Т. I, № 198, стр. 352.

[25]) Акты Юридическіе. № 10, стр. 19.

крестьянскіе «не по сроку» упоминаются далѣе еще въ двухъ судныхъ грамотахъ 1555 и 1556 годовъ [26]). Еще въ одной правой грамотѣ [27]) мы находимъ древнюю порядную крестьянина, кончающуюся словами: «а порядился есмь у игумена... на 5 лѣтъ отъ лѣта 7093-го до Семена дня до Лѣтопроводца» (11-го Сентября). Также въ Актахъ Юридическихъ, въ купчей на черную казенную землю 1568-года: «а день царева и оброкъ и всякія потери, платити съ тѣхъ деревень мнѣ Нечаю съ сыномъ своимъ Никитою до Ильина дни пророка лѣта 7077-го и во дворѣ жити до того-жъ Ильина дни». Въ крестьянской порядной [28]), писанной 4 Августа 1590-го года: «и пріити намъ жити на ту деревню на Николинъ день на вешняго»...

Замѣчательно, что въ различныхъ областяхъ Россіи различныя правительства установили и различные сроки для крестьянскаго отказа. Между тѣмъ какъ въ Москвѣ опредѣляется на это Юрьевъ день, Псковская Судная Грамота, по изслѣдованію г-на Мурзакевича относящаяся къ 1467 году, установляетъ Филиппово заговѣніе, т.-е. 14 Ноября: «А «который государь захочетъ отрѡкъ дати своему изорнику, или огород-«нику, или кочетнику, ино отрѡку быть о Филиповѣ заговеньи; такожъ «захочетъ изорникъ отречися съ села, или огородникъ, или кочетникъ, «ино томужъ отрѡку быть; а иному отроку не быти, ни отъ государя, «ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника». А вотъ какъ объ этомъ предметѣ уговорились между собою помѣщики Витебскіе и что̀ на Виленскомъ сеймѣ 1551 года внесли они въ уставъ о «людяхъ похожихъ». Привожу переводъ Кіевской временной коммиссіи съ Польскаго текста: «А еслибы который человѣкъ захотѣлъ перейти къ кому «нибудь другому, то долженъ заблаговременно, лѣтомъ, уступить пану «своему паровое поле и, явившись на мірскомъ сходѣ, на первой не-«дѣлѣ великаго поста, ударивши челомъ и заплативши выходную куницу «(12 имперскихъ грошей), выйти прочь [29]). Но еслибъ онъ въ томъ году «пропустилъ мірской сходъ, то ему нельзя уже будетъ уйти прочь, даже «до мірскаго схода слѣдующаго года». Очевидно, срокъ крестьянскаго отказа, образовавшійся самъ собою во времена еще доисторическія и въ силу одного народнаго обычая, былъ бы во всѣхъ областяхъ Россіи одинаковъ [30]). Наконецъ, любопытно сличить постановленія обоихъ Су-

[26]) Доп. къ Актамъ Истор. Т. I, № 51 (V, XVIII).

[27]) Акты Юрид. № 26, стр. 51.

[28]) Акты Юрид. № 186, стр. 200.

[29] Памятники изд. Кіевской Врем. Ком. Т. II, Отд. I, стр. 11.

[30]) У Западныхъ Славянъ были также свои сроки для крестьянскихъ переходовъ: такъ Статутъ Лещицкій опредѣляетъ для этого двѣ недѣли, предшествующія Рождеству; въ Мазовіи же былъ законнымъ срокомъ праздникъ Св. Михаила и Адалберта. См. „Slawische Rechtsgeschichte“ v. W. A. Maceiowsky, übers. v. Buss, 3 Theil, S. 174—175.

дебниковъ съ вышеприведенною грамотою князя Михаила Андреевича Бѣлозерскаго. Судебники даютъ крестьянину для перехода только одну недѣлю до Юрьева дня и другую послѣ Юрьева дня. Грамота Бѣлозерская, писанная за 50 лѣтъ до перваго изъ этихъ уложеній, еще опредѣляла на это три недѣли—недѣлю послѣ Юрьева дня и двѣ прежде. Очевидно, законодатель не вдругъ принимался за дѣло и исподоволь приготовлялъ къ нему умы. Но за то съ другой стороны, мы изъ соображенія этихъ самыхъ свидѣтельствъ замѣчаемъ, что правительство, вводя исключительнымъ срокомъ для крестьянскаго отказа осенній Юрьевъ день, не выдумало этого срока произвольно, но основывалось на древнемъ обычаѣ, по коему Юрьевъ день издавна былъ временемъ весьма и даже можетъ быть самымъ употребительнымъ для подобныхъ переходовъ крестьянъ; по крайней мѣрѣ срокъ этотъ чаще всѣхъ другихъ встрѣчается въ древнихъ актахъ. Кромѣ того, правительство необходимо должно было его избрать какъ самое лучшее и удобное время для такого рода сдѣлокъ: ибо къ осеннему Юрьеву дню всѣ полевыя работы уже кончены, крестьянинъ могъ свободно отлучиться отъ двора не вредя хозяйству, и уже сталъ или близокъ стать первый зимній путь для перевозки его имущества. Наконецъ, утверждая Юрьевъ день исключительнымъ срокомъ для крестьянскаго отказа, правительство имѣло въ виду ту выгоду, что только освящало давно принятой въ народѣ обычай, по которому день этотъ былъ однимъ изъ самыхъ употребительныхъ сроковъ для перехода, подобно Рождеству Христову и Сборному Воскресенію. На это указываютъ кромѣ нѣкоторыхъ уже представленнымъ нами мѣстъ старинныхъ актовъ еще всѣ тѣ мѣста, въ коихъ говорится объ осеннемъ переходѣ крестьянъ и которыхъ въ нашей древней письменности очень много [31]), всѣ тѣ, гдѣ упоминается еще въ XIV и XV вѣкахъ Юрьевъ день осенній, какъ срокъ для платежа оброка; ибо срокъ платежа оброка долженъ былъ совпадать со срокомъ для крестьянскаго выхода, какъ требовавшаго окончательнаго оброчнаго разсчета [32]); наконецъ, многія древнія закладныя [33]) крестьянъ на ихъ тяглые черные участки, совершавшіяся на годичный срокъ отъ Юрьева дня до Юрьева дня, и подъ тѣмъ условіемъ, что если закладчикъ въ срокъ не заплатитъ, то заимодавецъ вступитъ во владѣніе его участкомъ, и слѣд. залогодатель долженъ будетъ выйти изъ волости.

---

[31]) Акты Юрид. № 5, стр. 11. 1490. Акты Истор. Т. I, № 25, стр. 5, прежде 1418 г.

[32]) Акты Археогр. Экпед. Т. I, № 19, стр. 14, 1414. Доп. къ Актамъ Ист. Т. I, № 198, 1462—1471.

[33]) Акты Юрид. № 232 и 233, стр. 260, 1428, стр. 262, 1537.

Изо всего этого мы заключаемъ, что Юрьевъ день издавна былъ однимъ изъ обычныхъ сроковъ для крестьянскаго отказа. Когда-же въ правительствѣ, вслѣдстіе причинъ, которыя мы ниже изложимъ подробнѣе, родилось стремленіе по возможности ограничить произволъ этихъ крестьянскихъ отказовъ, то оно (вѣроятно около середины XV-го вѣка, сколько можно заключить изъ выше приведенныхъ грамотъ кн. М. А. Бѣлозерскаго, в. кн. Ивана Васильевича, 1466—1478, и князя Андрея Васильевича Вологодскаго, 1462—1471) рѣшительно избрало законнымъ срокомъ именно Юрьевъ день, какъ представлявшій наибольшія выгоды въ хозяйственномъ отношеніи, и окончательно утвердило его въ обоихъ Судебникахъ. Такимъ образомъ постановленіе Судебниковъ о Юрьевѣ днѣ является намъ съ одной стороны результатомъ полицейской реформирующей дѣятельности правительства, съ другой—продолженіемъ древняго народнаго обычая.

Скажемъ теперь о пространствѣ, въ предѣлахъ коего допускался свободный переходъ крестьянъ.

Въ отношеніи къ сему вопросу образовалось мало-по-малу общее мнѣніе, съ перваго взгляда кажущееся вѣроятнымъ и справедливымъ, но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи легко обнаруживающее свою неточность. Карамзинъ и Рейцъ единогласно и безусловно утверждаютъ, что крестьяне *имѣли право* перехода только въ предѣлахъ удѣла, владѣній своего князя; изъ одного же удѣла въ другой, говорятъ они, крестьяне не могли переходить. Простое логическое соображеніе и изученіе источниковъ приводятъ насъ къ другому выводу: намъ кажется, что крестьяне собственно, de jure, *имѣли право* переходить и отказываться изъ волости въ волость по всему пространству земли Русской, но что полицейскія мѣры князей постепенно направлялись на то, чтобы ограничить это право крестьянъ. Словомъ, право всегда оставалось за крестьянами; но князья брали тѣ или другія мѣры для его ограниченія и, никогда не будучи въ состояніи вовсе отмѣнить древняго юридическаго начала, полицейскими мѣрами старались его обойти. На это указываютъ намъ слѣдующія соображенія.

Вопервыхъ, вспомнивъ сказанное нами выше о томъ, какимъ путемъ образовалось первоначальное право крестьянъ на свободу переходовъ и каково было въ то время независимое состояніе Русской волости, мы едва ли можемъ себѣ представить, чтобы само собою, естественно могло развиться подобное ограниченіе крестьянской свободы: такъ явно носитъ оно на себѣ печать искусственнаго, положительнаго изобрѣтенія. Между тѣмъ, съ другой стороны, прямаго закона, установляющаго такое ограниченіе, нѣтъ и быть не могло; по крайней мѣрѣ никто не осмѣлился еще предположить, чтобы подобный законъ когда-нибудь

существовалъ. Ясно, слѣдовательно, что всякое стѣсненіе въ этомъ отношеніи свободы крестьянской могло быть лишь мѣрой полицейской, основанной на произвольныхъ договорахъ князей, которые не въ силахъ были отмѣнить кореннаго, исконнаго обычая, но обходили и ограничивали его. Вотъ почему, вовторыхъ, мы въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ явныя свидѣтельства, что подобные переходы крестьянъ изъ области въ область и изъ удѣла въ удѣлъ весьма часто въ дѣйствительной жизни, на практикѣ, имѣли мѣсто, не смотря на всѣ мѣры правительства. Такъ лѣтописецъ Новогородскій, повѣствуя о голодѣ, бывшемъ въ Новгородѣ, прибавляетъ: «И розъидеся градъ нашъ, и волость наша, и полни быша чужіе гради братьи нашей и сестръ»... [34]). Псковская лѣтопись повѣствуетъ въ слѣдующихъ словахъ о ссорѣ въ 1480 году съ великимъ княземъ Московскимъ его братьевъ Андрея и Бориса [35]): «И побравши «своя казны и жены и дѣти и повергше свою отчину, поидоша прочь, «и около ихъ множество бояръ и людей, яко мнѣти ми до 20.000». Никонова лѣтопись, послѣ извѣстія о ссорѣ князя Всеволода Холмскаго съ княземъ Вас. Мих. Кашинскимъ, прибавляетъ: «И сотворися межи ими нелюбіе, а людямъ Тверскимъ тягость, и мнози люди Тверскіе того ради нестроенія разыдошася [36])». Наконецъ, мы имѣемъ драгоцѣнное свидѣтельство одного Новогородскаго акта—жалованной вѣчной грамоты Новгорода крестьянамъ Терпилова погоста, около 1411 года: «И посадникъ, и тысяцкой, и весь господинъ великой Новгородъ, даша «грамоту жаловальную, на Ярославлѣ дворѣ, сиротамъ Терпилова пого«ста—давати имъ пожилое посаднице... А кто крестьянинъ Терпилова «погоста въ Двинскую слободу войдетъ, ино сму мирянину тянути въ «Двинскую слободу; а который Двинянинъ - слободчанинъ почнетъ жити «на землѣ Терпилова погоста, а той потянетъ потугомъ въ Терпиловъ «погостъ» [37]). Здѣсь ясно признано за крестьянами право переходить изъ Новгородской области въ Двинскую и обратно. Сюда же относится и слѣдующая статья Псковской Судной Грамоты: «А который изорникъ съ села забѣжитъ за рубежъ или индѣ гдѣ, а изорниковъ животъ на селѣ останется, государю покрута (убытокъ) имать на изорники. Ино государю у князя и у посадника взять приставъ, да и старостъ и судскихъ позвати, и сторонныхъ людей, да тотъ животъ изорничь, предъ приставы и предъ сторонными людьми, государю попродати, да поимати за свою покруту. А чего не достанетъ, а по томъ времени явится изорникъ, ино

[34]) Полное Собр. Лѣтописей Т. II, стр. 46.
[35]) Псковская Лѣтопись, изд. Погодина, стр. 157.
[36]) Ник. Лѣтоп. Т. III, стр. 190, 1347 года.
[37]) Акты Истор. Т. I, №. 17, стр. 26.

государю добровольно искать остатка своей покруты. А государю пени нѣтъ; а изорнику на государѣ живота не сочить, а сочить Псковскимъ». Въ 1447 году, духовенство, въ посланіи своемъ къ Шемякѣ, помѣщенномъ въ 1-мъ томѣ Историческихъ Актовъ, ставитъ ему въ вину, что «онъ шлетъ къ своему тіуну къ Ватазину грамоты и велитъ отзывать отъ великаго князя людей къ себѣ». Въ 1-мъ томѣ Дополненій къ Историческимъ Актамъ подъ № 8-мъ находимъ мы въ высшей степени для насъ важную жалованную грамоту в. кн. Дмитрія Донскаго, слѣдующаго содержанія: «Се язъ кн. вел. Дмитрій Ивановичъ пожало-«валъ есмь Евсѣвка Новоторжца, что идетъ изъ Торжку въ мою вот-«чину на Кострому. Ненадобѣ ему ни которая дань, ни ямъ, ни под-«вода, ни тамга, ни осминичее, ни вѣсчее... А даетъ мнѣ оброка на годъ «5 куницъ; а приказалъ есмь его блюсти дядѣ своему Василью тысяц-«кому; а чрезъ сю грамоту, кто что на немъ возметъ, быти ему въ «казни». Одинакого съ этимъ содержанія и слѣдующая за нею подъ № 9-мъ грамота. Наконецъ, скажемъ еще, что только этимъ необходимымъ предположеніемъ существованія за черными людьми исконнаго обычая переходить изъ предѣловъ одного княжества въ другое, возможно удовлетворительнымъ образомъ объяснить два мѣста изъ лѣтописи, смутившія Рейца и сбившія его съ толку при объясненіи сущности смердовъ. Коренное мнѣніе его о смердахъ, какъ видно изъ 141-й стр. его «Опыта Исторіи Русскаго законовѣдѣнія», состояло, кажется, въ томъ, что «они были лично свободны и не приписаны къ своему полю»; но вдругъ, вспомнивъ эти строки лѣтописи, онъ прибавляетъ: «Смердъ почитался собственно подданнымъ и не могъ оставить землю».

Рядомъ съ этимъ правомъ, вѣроятно уже и въ ту отдаленную эпоху, существовали между князьями договоры не принимать другъ отъ друга бѣглыхъ крестьянъ, а слѣд. не присвоивать себѣ права суда надъ ними; или по крайней мѣрѣ въ то время крестьянинъ, безпрепятственно перебѣгая изъ одного удѣла въ другой, необходимо долженъ былъ считаться подданнымъ прежняго своего князя, а слѣд. и быть подсуднымъ ему до тѣхъ поръ, пока не получалъ себѣ рѣшительной осѣдлости въ новомъ удѣлѣ. Такъ Янъ Вышатичъ узнаетъ вдругъ, что на Бѣлоозерѣ, въ области его князя, явились два волхва, смущающіе народъ нелѣпыми предсказаніями; но такъ какъ они пришли изъ Ростова, то ему еще неизвѣстно, подлежатъ ли они его суду или нѣтъ; наконецъ, по надлежащемъ развѣдываніи, онъ узнаётъ, что они дѣйствительно суть подданные смерды его князя; онъ хватаетъ и предаетъ ихъ заслуженному наказанію.

Сами удѣльные и великіе князья во множествѣ грамотъ, даже до позднѣйшаго времени, признавали за крестьянами право переступать

предѣлы отдѣльныхъ княжествъ и переходить изъ одного въ другое; по крайней мѣрѣ всѣ они признавали это право за крестьянами всѣхъ чужихъ княжествъ. Начало это выражается въ безчисленномъ множествѣ жалованныхъ грамотъ, данныхъ монастырямъ и частнымъ лицамъ въ теченіи XIV, XV и XVI вѣковъ. Приводить подлинныя слова было бы излишне и безполезно. Я изложу вкратцѣ существенное ихъ содержаніе по отношенію къ нашему предмету. Во всѣхъ этихъ актахъ говорится именно, что если лицо, коему дается грамота на извѣстную землю или деревню, успѣетъ въ нее перезвать крестьянъ изъ другихъ княженій, то таковымъ дается льгота въ платежѣ казенныхъ податей и повинностей на опредѣленный срокъ, смотря по обстоятельствамъ, на 5, 10, 20 лѣтъ и т. д. [38]).

Наконецъ, хотя князья безпрестанно условливались между собою въ своихъ договорныхъ грамотахъ не принимать другъ отъ друга взаимно перебѣгавшихъ своихъ подданныхъ-крестьянъ, однако мы ни въ одномъ древнемъ актѣ не находимъ прямаго запрещенія крестьянамъ переходить изъ одного княженія въ другое; на таковое прямое запрещеніе нѣтъ даже ни малѣйшаго намека въ источникахъ. Такъ живо было во всѣхъ слояхъ народа сознаніе, что селянинъ всюду можетъ перенести свои кочевые пенаты. Князь всячески, какъ я замѣтилъ выше, старался обойти это древнее непоколебимое юридическое начало, но нарушить исконный обычай прямымъ запрещеніемъ онъ еще не рѣшался......

Впрочемъ, какъ бы то ни было, но эти постепенныя ограниченія права свободнаго перехода крестьянъ, вводимыя въ общественную жизнь подъ вліяніемъ полицейской дѣятельности правительства, постоянно совершались все въ бо́льшихъ размѣрахъ. Между тѣмъ какъ съ одной стороны правительство ограничивало отказъ крестьянъ однимъ короткимъ двухнедѣльнымъ срокомъ въ году, Юрьевымъ днемъ, оно съ другой, какъ мы сейчасъ видѣли, старалось, прежде всего, посредствомъ взаимныхъ договоровъ удѣльныхъ князей между собою, стѣснить поселянъ въ предѣлахъ своихъ отдѣльныхъ княжескихъ владѣній, лишить ихъ возможности переходить въ чужія княженія. Но за этимъ первымъ шагомъ быстро слѣдовалъ другой: дѣятельность князей явно клонится

---

[38]) Акты Арх. Экспед. т. I № 5, стр. 3, 1361; № 17, стр. 13, 1410; № 19, стр. 14, 1414; № 20, стр. 15, 1421; № 36, стр. 28, 1438; № 39, стр. 30, 1448; № 44, стр. 33, 1449. Акты Историческіе т. I, № 25, стр. 51, до 1418 года; № 28, стр. 57, 1425; № 36, стр. 70, 1430; № 74, стр. 125, 1427.—Акты Западной Россіи № 118, стр. 143, 1494; № 144, стр. 166, 1497; Дополн. къ Актамъ Историч. т. I, № 17, стр. 14, 1479; № 193, стр. 349, 1451; № 208, стр. 357, 1476.

къ тому, чтобы остановить бродяжничество класса земледѣльческаго и, по возможности, прикрѣпить его къ землѣ. Въ XIV-мъ, XV-мъ и началѣ XVI-го вѣка, они не въ силахъ еще рѣшительно запретить переходъ крестьянъ и однажды навсегда приписать ихъ къ настоящему ихъ мѣсту жительства; но мысль эта уже запала имъ въ умъ, и они отселѣ во множествѣ своихъ жалованныхъ грамотъ на земли частнымъ лицамъ и монастырямъ начинаютъ употреблять слѣдующую уловку: или обѣщаютъ льготу и освобожденіе отъ податей всѣмъ крестьянамъ, коихъ они на тѣ земли перезовутъ, кромѣ крестьянъ тяглыхъ и письменныхъ, или даже и прямо запрещаютъ перевозить сихъ послѣднихъ изъ казенныхъ волостей. Такимъ образомъ уже въ одной жалованной грамотѣ Ивана Калиты, 1338—1340, сказано: «Архимандриту тяглыхъ людей «Волоцкихъ не принимати; такоже и изъ отчины князя великаго изъ «Москвы людей не принимати» [39]). Въ Нижегородской жалованной грамотѣ 1410—1427 гг.: «А тутошныхъ людей становыхъ игуменъ въ «монастырь не принимаетъ» [40]). Въ жалованной грамотѣ 1421 года: «Се «язъ кн. вел. Василій Дмитріевичъ ослободилъ есми отцу своему Фо«тію митрополиту купити въ Талшѣ деревню Яковльскую волостную..... «а тутошныхъ людей волостныхъ въ ту деревню отцу моему митропо«литу не пріимать» [41]). Въ грамотѣ 1440 года: «А Бѣжецкаго Верху «людей игумену или его прикащику въ ту слободу къ себѣ не прини«мати». Въ жалованной грамотѣ 1467 года, помѣщенной въ 1-мъ т. Дополн. къ Истор. Актамъ подъ №-мъ 200-мъ: «А тяглыхъ людей Во«логжанъ въ тотъ дворъ имъ (Кириловскому архимандриту) не при«нимати». Въ жалованной грамотѣ 1547 года: «Велѣлъ есми имъ около «того монастыря лѣсъ сѣчи, и дворы ставити, и пашню пахати, и лю«дей къ себѣ называти не письменныхъ и не тяглыхъ».

Такимъ образомъ правительство явно стремилось къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ въ своихъ казенныхъ волостяхъ закрыть средства выхода крестьянамъ: оно обязываетъ своими жалованными грамотами частныя лица не принимать къ себѣ людей тяглыхъ, письменныхъ, и даже само въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязуется не принимать крестьянъ владѣльческихъ на свои черныя тяглыя земли. Замѣчательно, что въ то самое время какъ исподоволь совершался этотъ переворотъ въ Великой Россіи, въ это самое время проигрывали туже тяжбу [42]) сельскія сословія

[39]) Акты Арх. Экспед. т. I, № 4, стр. 2.

[40]) idem. т. I, № 17, стр. 13.

[41]) idem. т. I, № 20, стр. 15.

[42]) Замѣчательно, что даже позднѣйшее ограниченіе Борисомъ Годуновымъ собственнаго нововведенія, а именно—дозволеніе въ 1601 году вновь крестьянамъ переходить отъ одного помѣщика къ другому, подъ условіемъ чтобы не выходило изъ деревни вдругъ бо-

и въ Бѣлоруссіи, Галиціи и прочихъ Западно-русскихъ областяхъ, и притомъ подъ вліяніемъ преобладающей силы шляхетства, проигрывали ее еще съ меньшимъ сбереженіемъ своихъ стародавнихъ правъ и волостной чести. Дѣйствительно, уже въ уставной грамотѣ жителямъ Полоцкой области, пожалованной Казимиромъ въ 1456-мъ году [43]), находимъ мы слѣдующее распоряженіе, лишь 130 лѣтъ позднѣе повторившееся отчасти въ Московскомъ государствѣ, какъ видѣли мы изъ вышеприведенной жалованной грамоты митрополиту Діонисію. «А такожъ мы, а любо заказники наши, тыхъ предречоныхъ княжатъ, рытеровъ, шляхтичовъ, бояръ, мѣстичовъ земль нашихъ Литовскихъ, и Рускыхъ и Жемонтскихъ и иныхъ, людей данныхъ, извѣтныхъ, селянитыхъ, невольныхъ, которыя бы коея плоти были а любо достойности, не пріймемъ, а ни урядникамъ нашимъ приняти не препустимъ; а они тѣмъ прелати, княжата, рытеря, шляхтичы, боярѣ, мѣстичи великаго княжества Литовскаго, и Рускаго, и Жемонтскаго, нашихъ и будущихъ людей, которыя бы коли плоти были а любо достойности, приняти сами, а любо черезъ свои врядники, ни жаднымъ обычаемъ не смѣти будутъ». Мало того, правительство и владѣльцы установляютъ однообразные оброки и барщинскія работы для крестьянъ цѣлыхъ областей и налагаютъ тяжкія пени на того, кто бы уменьшилъ ихъ въ имѣніи своемъ, дабы привлечь къ себѣ поселянъ отъ сосѣдей. Такъ уставная грамота в. кн. Александра Литовскаго Бѣльской области (22 Февраля 1601), установивъ въ ст. 19 и 20-й повинности крестьянскія, прибавляетъ въ ст. 21-й: «И естлибы кторы съ земянъ, для лѣпшего осаженія кмѣтевъ, легчейше працу и дань въ своей землѣ хотѣлъ бы уставить, на шкоду посполиту земянъ: таковый земянинъ, не ховуючый таковыхъ уставъ нашихъ, намъ за вину нашу ма дать сто копъ грошей» [44]). Въ 1551 году, Сентября 2-го дня, все шляхетство Полоцкое и Витебское, собравшись для общаго совѣщанія въ Витебскѣ, условилось между собою и постановило уставною грамотою, утвержденною на сеймѣ въ Вильнѣ: во 1-хъ, одинъ срокъ въ году для крестьянскаго отказа; во 2-хъ, отмѣну всякаго оброчнаго положенія крестьянъ и запрещеніе впредъ держать и вновь селить ихъ за собою на денежномъ оброкѣ или «куницахъ»; въ 3-хъ, однообразныя рабочія повинности для крестьянъ всей области; въ 4-хъ, пеню въ 50 копъ грошей съ каждаго владѣльца, который бы нарушилъ этотъ

лѣе двухъ человѣкъ, подсказано было ему обычаемъ Польскимъ. Тамъ уже съ 1496 года было воспрещено болѣе чѣмъ одному крестьянину вдругъ выходить изъ деревни. См. „Slaviche Rechtsgeschichte“ v. A. Maceiowsky, ubers. v. Buss., Theil III, S. 178.

[43]) Акты Зап. Россіи, № 61. стр. 76.

[44]) Акты Западн. Россіи, № 189. стр. 225.

уставъ облегченіемъ въ своемъ имѣніи рабочей повинности противъ другихъ, или въ особенности введеніемъ денежнаго оброка [45]). Самъ король Сигизмундъ Августъ не могъ устраниться отъ положенія общаго для всѣхъ и былъ принужденъ утвердить его 14-го Января 1553 года, распространивъ его и на собственныя свои имѣнія [46]).

Но всего замѣчательнѣе безспорно двѣ попытки, уже въ XV-мъ вѣкѣ встрѣчающіяся въ Московскомъ государствѣ, попытки полнаго укрѣпленія крестьянъ нѣкоторыхъ селеніі къ занимаемымъ ими землямъ. Это явленіе безпримѣрное, о коемъ доселѣ въ нашей ученой литературѣ не было и помину, но которое между тѣмъ заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія. Первая жалованная грамота относится къ 1455—1462 годамъ и дана вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ. «Такожъ есмь игумена съ братьею пожаловалъ: котораго ихъ крестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожильца, язъ князь великій тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ (село въ Бѣжецкомъ Верху) и изъ деревень не велѣлъ выпущать ни къ кому" [47]). Вторая грамота отъ того же государя и также 1460-го года. «Что ихъ села въ Углицкомъ уѣздѣ и которые люди отъ нихъ вышли изъ ихъ селъ .... сего лѣта, не хотя ѣхати на мою службу вел. князя къ берегу, и язъ князь великій пожаловалъ игумена..... велѣлъ есми тѣ люди вывести опять назадъ; а которые люди живутъ въ ихъ селѣхъ и нынѣча, и язъ князь великій тѣхъ людей не велѣлъ пущати прочь" [48]).

Такъ послѣдовательно, медленно и аналитически шло постепенное подготовленіе сельскаго сословія къ крѣпостному быту! Правительство при этомъ имѣло постоянно въ предметѣ остановить бродяжничество земледѣльческаго класса и твердыми узами прикрѣпить его къ пашнѣ, двору. Оно никогда не выпускало этоі цѣли изъ виду; подготовляло и косвенными мѣрами, но никогда не шло въ разрѣзъ народному обычаю. Оно пріучало мало по малу народъ къ неизбѣжному исходу, но никогда не приносило многоцѣннаго успѣха его въ жертву излишней поспѣшности въ нововведеніяхъ. Поэтому, когда въ послѣднихъ годахъ XVI-го вѣка явился знаменитый указъ Θеодора Іоанновича, умы были уже подготовлены, и совершенное запрещеніе перехода, хотя долго еще не прививалось окончательнымъ образомъ къ жизни поселянъ, но не было уже по крайнеі мѣрѣ странною новостію, дикой невидальщиной для народа.

---

[45]) Пам. изд. Кіевск. Комисс. Т. I, От. II, № 2. стр. 8—14.
[46]) Памятники изданные Кіевской ком. Т. I, От. II, № 3, стр. 15—19.
[47]) Акты Историч. Т. I. № 59. с. 107.
[48]) Акты Археогр. Экспед. Т. I. № 64. стр. 48.

Если мы захотимъ исчислить тѣ ступени, которыя прошло правительство въ этомъ постепенномъ своемъ подготовленіи великаго явленія XVII-го вѣка, то мы получимъ цѣлую аналитическую лѣствицу непрестанно возрастающихъ попытокъ ввести новый порядокъ вещей. Съ одной стороны правительство стѣсняетъ право крестьянъ переходить во всякое время установленіемъ одного срока въ году; въ Москвѣ и подмосковныхъ мѣстахъ срокъ этотъ есть Юрьевъ день, притомъ такъ что въ XV-мъ вѣкѣ на отказъ давалось крестьянамъ три недѣли, двѣ до Юрьева дни и одна послѣ; Судебники же опредѣляютъ уже только двѣ недѣли—одну до и одну по Юрьевѣ дни; во Псковѣ срокъ этотъ назначается на Филипово заговѣніе, а въ Витебскѣ—на первой недѣлѣ великаго поста. Съ другой стороны, правительство безпрестанно суживаетъ предѣлы, въ коихъ дозволяетъ свободный переходъ поселянъ. Во 1-хъ, договоры князей постановляютъ твердые рубежи, за которые селянинъ уже не можетъ выйти: «а татя, разбойника, должника, *рубеж-«ника,* холопа намъ по исправѣ выдать»; во 2-хъ, казна обязуетъ частныя лица не перезывать на свои земли тяглыхъ казенныхъ крестьянъ, иногда даже сама принимаетъ на себя тоже ограниченіе. Въ Западной Россіи государи и владѣльцы идутъ еще дальше: составляютъ общія урочныя положенія для всѣхъ имѣній и формальнымъ закономъ воспрещаютъ частнымъ лицамъ облегчать въ своихъ помѣстьяхъ участь крестьянъ, дабы черезъ это истребить всякій поводъ для нихъ переходить съ мѣста на мѣсто; наконецъ, въ 3-хъ, около половины XV-го вѣка мы встрѣчаемъ въ Московскомъ государствѣ уже два примѣра совершеннаго, полнаго укрѣпленія крестьянъ за ихъ владѣльцами, иноками Троицкой Сергіевой Лавры. Такимъ образомъ въ концѣ XVI-го вѣка оставалось уже ступить лишь послѣдній рѣшительный шагъ. Его ступилъ Борисъ Годуновъ.

Тщательно соображая всю логическую послѣдовательность выше изложеннаго нами развитія этого историческаго явленія и всѣмъ извѣстное окончательное постановленіе Бориса, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели рѣшеніе его было нѣчто вовсе произвольное или подсказанное ему единственно желаніемъ задобрить и привлечь къ себѣ мелкопомѣстное дворянство? Неужели въ самомъ существѣ древняго учрежденія, свободнаго крестьянскаго отказа, не крылось какой-нибудь внутренней причины разрушенія? И какъ иначе объяснить равнодушіе народа къ утраченному праву, память о коемъ не сохранилась даже ни въ одномъ преданіи, ни въ одной народной пѣснѣ?....

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ легко можно было бы написать нѣсколько томовъ; вѣрные методѣ возможно-краткаго изложенія, мы напомнимъ читателю двѣ краснорѣчивыя страницы о семъ предметѣ въ

Исторіи Государства Россійскаго, и удовольствуемся простымъ изложеніемъ, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, тѣхъ нагляднѣйшихъ симптомовъ, въ которыхъ выражалась недостаточность прежняго учрежденія и коихъ слишкомъ частое обнаруживаніе неминуемо должно было повлечь за собою болѣе или менѣе удачное его преобразованіе.

Первое существенное послѣдствіе Юрьева дня было зарожденіе въ низшихъ классахъ народа отчаянной страсти къ бродяжничеству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самого ненормальнаго распредѣленія народонаселенія по всѣмъ обширнымъ краямъ Россіи. Мы ужасаемся, читая безчисленное множество единогласныхъ свидѣтельствъ, непрестанно упоминающихъ о совершенномъ запустѣніи многихъ мѣстностей, о своенравныхъ приливахъ и отливахъ населенія въ другихъ, и тѣмъ какъ бы указывающихъ намъ на живую, трепещущую язву современнаго быта. Я представлю здѣсь только нѣкоторыя изъ этихъ на каждомъ шагу встрѣчающихся свидѣтельствъ.

Въ жалованной грамотѣ 1449 года в. кн. Василія Васильевича Комнинымъ [49]) читаемъ: «А что ихъ пустоши въ Переславскомъ уѣздѣ, «у Соли въ пути, Глухово, Измалково, Свѣчино, и что къ нимъ потягло «изъ старины, а лежатъ де пусты за десять лѣтъ и лѣсомъ поросли».... Въ жалованной грамотѣ Дмитрія Углицкаго Покровскому монастырю [50]) 1585 года: «И та де ихъ монастырская вотчина вся пуста; а податей «де они съ тоя монастырской вотчины платили съ пуста съ дву сохъ.... «и ныньче тоя имъ вотчины окупати нечѣмъ». Тоже говорятъ старцы Аркадьяго монастыря [51]) въ своей жалобницѣ: «А та де ихъ монастыр«ская вотчинка вся пуста и лѣсомъ поросла». Въ жалованной грамотѣ царицѣ-инокинѣ Александрѣ 1589 года сказано, что вся ея вотчина запустѣла, «крестьяне разбрелися розно». Тоже въ челобитіи царевны-инокини Агаѳіи и въ прошеніи прихожанъ Георгіева погоста митрополиту Новгородскому Варлааму [52]). Въ другой жалованной грамотѣ царицѣ-инокинѣ Александрѣ [53]) сказано, что одна вотчина ея въ конецъ запустѣла, что всего въ ней осталось только три бобыля. Самый разительный примѣръ безспорно представляетъ Муромскій посадъ. Въ сошной его, 1574 года [54]) читаемъ мы слѣдующія строки, которымъ трудно почти повѣрить въ наше время, а между тѣмъ она есть документъ оффиціяльный, на которомъ были основаны разложеніе и сборъ податей,

---

[49]) Акты Археогр. Экспед. т. I. № 44, стр. 33.
[50]) idem, т. I. № 257, стр. 391.
[51]) Акты Историч. т. I.
[52]) Акты Истор. т. I. № 239, стр. 455. Дополн. къ Акт. Истор. т. I. № 225, стр. 391.
[53]) idem т. I. № 200, стр. 366.
[54]) Акты Юрид. № 229, стр. 249.

и который, слѣд., не можетъ быть подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію. «И всего въ Муромѣ на посадѣ черныхъ тяглыхъ дворовъ, въ живущемъ молодчихъ людей 111 дворовъ, а людей въ нихъ 149 человѣкъ, а сошнаго письма въ живущемъ соха безъ четверти; а по писцовѣ сотни Дмитрія Андреевича Бутурлина съ товарищи 74 года (т. «есть 7074 или 1566) написано: въ живущемъ въ Муромѣ на посадѣ «587 дворовъ, и убыло передъ писцовою сотнею въ Муромѣ на посадѣ «черныхъ тяглыхъ дворовъ изъ жива въ пусто 476 дворовъ». Такъ народонаселеніе Муромскаго посада въ теченіи осьми лѣтъ впятеро уменьшилось. Эта простая статистическая данная говоритъ сильнѣе и краснорѣчивѣе цѣлой книги. Вспомнимъ, наконецъ, и свидѣтельство запустѣнія окрестностей Москвы около 1589 года, Англійскаго посланника Флетчера, приведенное Карамзинымъ въ 367-мъ примѣчаніи къ X-му тому своей Исторіи: «there one many villages in sight, говоритъ онъ, that «stand vacant and destute without any inhabitant». Само собою очевидно, какое великое разстройство такое неописанное бродяжничество должно было внести и въ частное хозяйство, и въ сборъ государственныхъ податей и повинностей; какъ оно должно было потрясти всякую нравственную связь между крестьяниномъ и почвою, которую онъ обрабатывалъ, и сельскимъ обществомъ или землевладѣльцемъ; какъ оно, наконецъ, благопріятствовало полицейскимъ безпорядкамъ и преступленіямъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ оно доселѣ оставило неизгладимый слѣдъ: я говорю о томъ безчисленномъ множествѣ пустошей, которыя всегда находятся при каждомъ селеніи, при каждой отдѣльной дачѣ, и суть ничто иное какъ прежде бывшія жилыя деревни, запустѣвшія въ XV-мъ или XVI-мъ вѣкахъ, большею частію заросшія лѣсомъ, и съ тѣхъ поръ остававшіяся невоздѣланными до временъ генеральнаго межеванія.

Что таково дѣйствительно было историческое происхожденіе безчисленнаго множества пустошей уже въ концѣ XVI-го вѣка, о томъ свидѣтельствуютъ многія мѣста источниковъ; я приведу изъ нихъ для примѣра жалованную грамоту Горицкому монастырю 1586 года [55]). Государь жалуетъ ему «въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ Падпорожскомъ стану, въ «черныхъ волостяхъ, сельцо Никольское....: живущаго двѣ выти съ «третьею выти, Никольскаго *села пустоши, что были деревни*», и послѣ того исчисляются названія тѣхъ пустошей, всего числомъ 25. Въ другой грамотѣ, слѣдующаго года [56]), такимъ же образомъ исчисляются при дворцовомъ селѣ Бережкахъ пятнадцать пустошей, и т. д.

---

[55]) Акты Истор. т. I, № 217, стр. 41.
[56]) dem. т. I, № 218, стр. 411.

Говоря объ этомъ отчаянномъ духѣ бродяжничества, предавшемъ въ то время большую часть Россіи страшному запустѣнію, нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ немаловажныхъ историческихъ обстоятельствахъ, значительно способствовавшихъ этому направленію тогдашняго общества. Обстоятельствъ этихъ три. Во 1-хъ, окончательное паденіе въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ системы удѣльной и уничтоженіе вмѣстѣ съ нею всѣхъ внутреннихъ препятствій и преградъ къ произвольному странствованію крестьянина по всѣмъ краямъ Россіи; во 2-хъ, покореніе Іоанномъ Грознымъ Казани и сопредѣльныхъ съ нею богатыхъ странъ приволжскихъ, гдѣ бояре и духовенство стали получать богатыя отчины и помѣстья, вскорѣ сдѣлавшіяся цѣлію непрерывныхъ переселеній крестьянъ въ огромныхъ размѣрахъ, изъ менѣе привольныхъ уѣздовъ подмосковныхъ. Эти двѣ причины усиленія бродяжничества были уже указаны и довольно подробно развиты какъ Карамзинымъ, такъ и Д. П. Бутурлинымъ въ его «Исторіи Смутнаго Времени». Гораздо менѣе обратили они вниманія на третье, тѣмъ не менѣе также крайне значительное, обстоятельство: я говорю о безпрерывномъ рядѣ тархановъ и объленій ото всѣхъ податей и повинностей недвижимыхъ имѣній духовенства, съ глубочайшей древности и даже до XVII-го вѣка, свидѣтельствовавшихъ о благочестивомъ духѣ государей Московскихъ, и въ царствованіе царя Ѳеодора Іоанновича дошедшихъ уже до степени истиннаго, всѣми сознаннаго, государственнаго зла. Важность этого обстоятельства и вліяніе на опустѣніе дворянскихъ вотчинъ, покинутыхъ крестьянами ради церковныхъ, ясно высказаны въ соборномъ актѣ 1584-го года, Іюля 20-го, подъ вліяніемъ Годунова, уничтожившемъ, было, эту пагубную привиллегію. Вотъ подлинныя слова грамоты: «Утвердихомъ съ по-«велѣнія благочестиваго царя и в. князя Ѳеодора Іоанновича всея Ру-«сіи, смиренный Діонисій митрополитъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ «и со всѣмъ царскимъ синклитомъ, о тарханѣхъ, чтобъ впредъ тарха-«номъ не быти; что земли митрополичи, и архіепископли, и владычни, и «монастырскія въ тарханѣхъ, и съ тѣхъ никакія царскія дани и зем-«скихъ розметовъ не платятъ, а воинство служилые люди тѣ ихъ земли «оплачиваютъ, и сего ради многое запустѣніе за воинскими людьми въ «вотчинахъ ихъ и помѣстьяхъ, платячи за тарханы; а крестьяне, вы-«шедъ изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханы во льготѣ, и отъ «того великая тощета воинскимъ людемъ пріиде»......

Ясно, что совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ должно было въ XVI-мъ вѣкѣ довести Русское общество до самыхъ плачевныхъ явленій. И дѣйствительно, непомѣрно-частое повтореніе голодныхъ годовъ во весь древній періодъ нашей исторіи и совершенное отсутствіе капиталовъ, упадокъ или лучше сказать ничтожество народной промышлен-

ности и всѣми иностранными извѣстіями засвидѣтельствованная нищета сельскаго сословія, были необходимымъ матеріальнымъ послѣдствіемъ обычая необузданныхъ крестьянскихъ переходовъ. Совершенная шаткость началъ нравственныхъ, которая одна можетъ объяснить грустныя явленія междуцарствія и самозванчества, едва ли не была также наслѣдіемъ, завѣщаннымъ Россіи древнимъ Юрьевымъ днемъ.

Впрочемъ, одинъ юридическій фактъ признанія закономъ за крестьянами неограниченной свободы перехода и порожденное имъ въ народѣ бродяжничество никогда не могли бы вызвать и произвести переворота, подобнаго закону Годунова объ укрѣпленіи къ однимъ мѣстамъ, еслибы, какъ я замѣтилъ выше, не крылось въ самой сущности древняго учрежденія Юрьева дня какой-нибудь внутренней причины разрушенія, а именно, если бы эта написанная въ законѣ свобода крестьянина была на самомъ дѣлѣ въ жизни практической истинная, дѣйствительная свобода; еслибы она, иногда и соблазняя крестьянина, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивала его по крайней мѣрѣ отъ произвола и насилія владѣльца. Но не такъ было въ древней Россіи. Юрьевъ день, какъ справедливо сказалъ Карамзинъ, не спасалъ ни крестьянина отъ притѣсненій помѣщика, ни мелкопомѣстнаго владѣльца отъ насилія богатаго сосѣда. Словомъ, здѣсь опять выразилось это печальное явленіе, не разъ повторявшееся въ теченіи Русской исторіи, что гражданственность въ ней не въ ровень шла съ юридическими нормами, что законъ былъ зрѣлѣе общества и не по силамъ ему. Въ подкрѣпленіе словъ нашихъ напомнимъ читателю три грамоты, приведенныя нами выше, тамъ, гдѣ мы говорили о формѣ, въ коей совершался крестьянскій отказъ [57]). Мы видѣли изъ нихъ, что въ Юрьевъ день не обходилось по всей Россіи безъ вопіющихъ нарушеній всякаго права и закона; что, по словамъ грамоты, помѣщики пріѣзжавшихъ въ ихъ деревни отказщиковъ или вербовщиковъ били и въ желѣза ковали, а крестьянъ изъ-за себя не выпускали, а поймавъ ихъ мучили и грабили и въ кандалы ковали, и брали а нихъ пожилыя деньги не по Судебнику, а рублей по 5 и по 10, ст оптивыхъ же представляли въ судъ предъ закупленныхъ тіуновъ и оговаривали ихъ въ сносѣ, искали на нихъ холопства. И все это безнаказанно и явно! О томъ же единогласно свидѣтельствуютъ и многіе другіе акты, равно какъ и частые примѣры непримиримой мести и злобы крестьянъ. Не болѣе двусмысленно свидѣтельство иностранцевъ, бразованныхъ и безпристрастныхъ, объ угнетеніи крестьянъ помѣщиками. Кому неизвѣстны слова Герберштейна о поселянахъ? Sunt

---

[57]) Доп. къ Актамъ Истор. Т. I, № 5, (XXII, XXIV), № 56.

miserrimae conditionis, quoad illorum bona nobilium ac militium praedae exposita sunt [58]). Карамзинъ приводитъ также замѣчательный авторитетъ Шиля, который говоритъ, что до Бориса Годунова, при прежнихъ великихъ князьяхъ, господа считали земледѣльцевъ своими рабами, т. е. обходились съ ними какъ съ рабами, хотя законъ и давалъ крестьянамъ свободу переходить отъ владѣльца къ владѣльцу [59]).

Итакъ два главныхъ органическихъ недостатка были причиною постепеннаго паденія древняго учрежденія свободы крестьянскаго отказа. Во 1-хъ, порожденное имъ бродяжничество сельскаго класса не могло не получить большаго развитія въ странѣ, гдѣ дробная собственность не существовала вовсе, гдѣ изъ всѣхъ родовъ промышленности извѣстно было одно только земледѣліе, а дѣвственная почва еще не требовала осѣдлыхъ трудовъ многолѣтней, тщательной обработки полей, гдѣ наконецъ, по огромному пространству государства и совершенной его ненаселенности, трудъ крестьянина постоянно требовался болѣе нежели предлагался и далеко превышалъ цѣнностію своею цѣнность самой почвы. Вторымъ существеннымъ недостаткомъ Юрьева дня была его внутренняя несостоятельность, какъ юридическаго учрежденія, къ обезпеченію крестьянскихъ правъ, такъ что изъ всѣхъ неоцѣненныхъ благъ свободы онъ даровалъ поселянамъ худшую его сторону, безграничный произволъ бродяжничества, не представляя между тѣмъ ихъ личности и имуществу никакого дѣйствительнаго обезпеченія отъ насилія.

За этими основными внутренними причинами разрушенія Юрьева дня крылось еще нѣсколько второстепенныхъ побужденій, тѣсно связанныхъ съ личностію самого Бориса и достаточно объясняющихъ намъ то враждебное отношеніе, въ которое онъ, уже при жизни царственнаго зятя своего, сталъ къ вѣковому учрежденію древней Россіи. Иво 1-хъ, при всѣхъ противорѣчащихъ о немъ сужденіяхъ, невозможно отвергнуть въ немъ пламенной, истинной любви къ забытымъ, безпомощнымъ сословіямъ народа, и нелицемѣрнаго желанія содѣйствовать улучшенію ихъ участи. Высокое безпристрастіе Карамзина заставило его воздать эту справедливость памяти Годунова, несмотря на явную къ нему не-любовь и предразсудки, нынѣ уже разсѣянные. Историкъ правдивый, онъ, кромѣ всей совокупности въ правительственной дѣятельности Бориса и многихъ имъ сейчасъ по восшествіи на престолъ дарованныхъ поселянамъ облегченій въ податяхъ, привелъ еще въ его пользу свидѣтельство того-же Шиля, а именно у одного этого иностранца сохранив-

---

[58]) Они въ несчастномъ положеніи, такъ какъ имущество ихъ подвержено грабительству дворянъ и воинскихъ людей.

[59]) Исторія Государства Россійскаго. Т. X, примѣч. 347, Т. XI. примѣч. 28.

шееся извѣстіе, что Годуновъ пытался, для лучшаго обезпеченія участи крестьянъ, закономъ разъ навсегда установить повинности ихъ къ *землевладѣльцамъ*, болѣе чего послѣдніе не въ правѣ были бы отъ нихъ требовать. Если даже въ послѣдствіи критика могла бы когда нибудь доказать, что подобный законъ никогда не состоялся, то и тогда многознаменательное свидѣтельство умнаго иностранца не утратитъ для насъ своей важности, оставаясь навсегда живымъ памятникомъ того, какъ смотрѣли современники на намѣренія Бориса. Скажемъ также, что и самъ Борисъ не разъ явно высказалъ свое сочувствіе низшимъ классамъ. Такъ напримѣръ въ наказѣ его Исленьеву, при посылкѣ въ 1591-мъ году въ Польшу, чѣмъ велѣно ему выхвалять правителя предъ Польскими панами? «Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, сказано въ наказѣ, тотъ начальной человѣкъ въ землѣ, и вся земля ему отъ государя приказана, и «строенье его таково, каково николи не бывало, какъ въ служивыхъ «людяхъ, такъ въ торговыхъ и черныхъ; никто большой, ни сильной «никакова человѣка, ни худова сиротки не изобидитъ.... что ни есть «земель всего государства, всѣ сохи въ тарханѣхъ учинилъ, во льготѣ, «даней никакихъ не емлютъ ни къ какому дѣлу, а городовыя дѣла всякія «изъ казны дѣлаютъ наймомъ». Мы имѣемъ несомнѣнное убѣжденіе, что запрещеніемъ свободнаго перехода крестьянъ Годуновъ думалъ улучшить ихъ положеніе, въ надеждѣ искусственнымъ образомъ неразрывно слить выгоды владѣльцевъ и поселянъ, и тѣмъ предупредить намѣренное разореніе послѣднихъ первыми, бывшее до него общимъ правиломъ въ Россіи.

Другимъ не менѣе искреннимъ стремленіемъ Бориса, руководившимъ его при изданіи закона 1591-го или 1592-го года, было желаніе улучшить положеніе мелкомѣстнаго дворянства, оградивъ его этимъ указомъ отъ запустѣнія его земель вслѣдствіе перехода крестьянъ въ имѣнія богатыхъ владѣльцевъ, и обѣленныя вотчины духовенства и монастырей. Участія этого побужденія въ изданіе правителемъ вышеприведеннаго узаконенія никто доселѣ не отвергалъ, ибо историческій фактъ этотъ имѣетъ за себя неопровержимыя доказательства. Вспомнимъ, вопервыхъ, вышеприведенный нами соборный актъ 1584-го года, составленный подъ очевиднымъ вліяніемъ Годунова и бывшій первымъ приготовительнымъ шагомъ къ совершенному запрещенію крестьянскаго отказа. Приведемъ далѣе подлинныя слова указа Василія Ивановича Шуйскаго, избранника столичной аристократіи, поспѣшившаго возстановить Юрьевъ день въ угоду своей партіи. Слова эти едва ли могутъ оставить въ умѣ читателя малѣйшее сомнѣніе на счетъ видовъ Бориса и его плановъ, враждебныхъ выгодамъ боярства: «Лѣта 7115, Марта, въ 9-й день, государь царь и вел. князь Василій Іоанновичь всея Руссіи со отцемъ своимъ св. Гермогеномъ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ

«и со своимъ царскимъ синклитомъ, слушавъ доклада помѣстной избы «отъ бояръ и дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинилися великія «крамолы, ябеды и насилія непомощнымъ отъ сильныхъ, чего де при в. «князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было, потому что крестьяне выходъ «имѣли вольный; а царь Ѳеодоръ Іоанновичь *по наговору Бориса Го-«дунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ,* выходъ крестьянамъ «заказалъ» [60]).

Скажемъ, наконецъ, что мелкопомѣстное дворянство отлично поняло и оцѣнило цѣль Борисову и отселѣ стало самымъ вѣрнымъ стражемъ новаго начала, такъ что всѣ рѣшительно указы царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ и возвращеніи ихъ на мѣсто жительства, объ огражденіи владѣльцевъ тяжелыми штрафами и пожилыми деньгами, были испрошены отъ верховной власти посредствомъ жалобъ, подававшихся на имя ея отъ лица всего низшаго дворянства на недобросовѣстные перезывы крестьянъ богатыми вотчинниками [61]). Позднѣйшій указъ императора Петра I, 1719-го года Апрѣля 15-го, свидѣтельствуетъ, что мелкопомѣстное дворянство первое тоже употребило новое учрежденіе во зло [62]). Какъ бы то ни было, нельзя не признаться, что, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ выгодамъ этого сословія, Борисъ достигнулъ своей цѣли, и этою мѣрою далъ служилому классу возможность выдержать тяжкое бремя непрестанныхъ воинъ наполнившихъ весь XVII-й вѣкъ и сдѣлавшихъ для Россіи возможную блистательную эпоху Петра. Что же касается до обвиненія въ томъ, что, лаская выгоды людей служилыхъ, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ старался приготовить собственное владычество, не будемъ этого отвергать, не станемъ также и оправдывать его въ этомъ.

---

[60]) Судебникъ, изданный Татищевымъ.

[61]) 1619 г. Февраля 3-го жр. грам. въ Галичь, Акты Экспед. т. III, стр. 143. — 1629 г. грам. Черд. воеводы, Акты Историч. т. III, стр. 288. — 1634 г. выписка стат. списка, Акты Археологич. Эксп. т. III, стр. 495. — 1640 г. грам. Верхотурскому воеводѣ. А. Историч. т. III, стр. 367. — 1640 г. Марта 11-го указъ царскій на просьбы мелком. дворянства, id. т. III, стр. 108. 1646. Писц. наказъ. А. А. эксп. т. IV, стр. 24. 1648. 1649. Перепис. книга сыскныхъ дѣлъ, id. т. IV, стр. 51. Уложеніе царя Ал. Мих. т. XI, статья 34 и пр. пр.

[62]) „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей отъ отца или матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего немалый вопль бываетъ; и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь, а если невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми семьями, а не порознь, и о томъ бы при сочиненіи нынѣшняго уложенія какъ высокоправительствующіе господа сенаторы благоразсудятъ".

Важнѣе для насъ другая сторона преобразованія Борисова, сторона еще мало изслѣдованная и неукоснительно требующая очищенія своего отъ многихъ жалкихъ предразсудковъ и нелѣпыхъ экономическихъ сужденій. Подробное изложеніе ея мы отложимъ до другаго раза; теперь удовольствуемся установленіемъ двухъ существенныхъ вопросовъ, до нея относящихся. Вопервыхъ, любопытно знать, какъ далеко заходила мысль Бориса въ совершенномъ имъ дѣлѣ, сколько въ этомъ преобразованіи принадлежитъ ему, и сколько позднѣйшему развитію; вовторыхъ, въ какой мѣрѣ политическое разрѣшеніе вопроса, найденное Борисомъ, совпадало съ экономическимъ?

Теперь, оставивъ на время въ сторонѣ эти соображенія, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другаго древняго юридическаго отношенія, неразрывно связаннаго въ исторіи съ правомъ крестьянъ переходить съ мѣста на мѣсто: я говорю о правѣ крестьянъ отчуждать свои земли.....

Статья эта, служащая продолженіемъ „Очерка исторіи крестьянскаго сословія до отмѣны Юрьева дня", напечатанной въ Русскомъ Архивѣ 1880 года (III, 30—149), не вполнѣ кончена и сохранилась въ трехъ набросках, изъ которыхъ полнѣйшій здѣсь изданъ. Она—плодъ трудолюбиваго изученія и свѣтлой мысли, которыми такъ отличались работы покойнаго князя Черкаскаго. Эти изслѣдованія о судьбѣ Русскаго простонародья произведены около 1850 года, но въ Русской исторической наукѣ они и до сихъ поръ сохраняютъ великую цѣну, благодаря зоркости наблюденія, которою въ высокой степени одаренъ былъ князь Владимиръ Александровичъ, и трезвости сдѣланныхъ имъ выводовъ. Вмѣстѣ съ читателями радуемся возможности печатать въ Русскомъ Архивѣ исторіографическія бумаги человѣка, значеніе и заслуги котораго долго еще будутъ рости въ сознаніи Русскихъ людей. П. Б.

ПЕРЕПИСКА ГРАФА Н. И. ПАНИНА СЪ ГРАФОМЪ П. А. РУМЯНЦОВЫМЪ.

1769 годъ.

Бумаги эти были приготовлены къ печати покойнымъ министромъ юстиціи графомъ Викторомъ Никитичемъ Панинымъ. Вдова его, графиня Наталья Павловна почтила наше изданіе сообщеніемъ этой переписки двухъ государственныхъ людей Екатерининскаго времени. Напомнимъ читателю, что графъ Румянцовъ въ то время, когда происходила помѣщаемая ниже переписка, не былъ еще главнокомандующимъ всѣхъ нашихъ войскъ противъ Турокъ, а только одной изъ армій, и въ его вѣдѣніи оставалось главное управленіе Малороссіи. *П. Б.*

1.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Милостивый государь мой графъ Никита Ивановичъ.

Староста Трехтемировскій Щенявскій, въ послѣднихъ числахъ Ноября истекшаго года, прислалъ въ полковую Переяславскую канцелярію, на Польскомъ языкѣ, письмо, выражая, сколько онъ не сомнѣвается пополнить свои убытки въ имѣніяхъ, причиненные отъ нашей стороны. Сіе письмо оригиналомъ когда ко мнѣ представлено, то содержаніе онаго хотя пустымъ и примѣчанія незаслуживающимъ я себѣ представлялъ, но что̀ было въ немъ важнѣе, то есть отпускъ онаго изъ Браилова, я только одно то и употребилъ къ заключенію, что сей бунтовщикъ конечно въ границахъ Польскихъ кроется; и, вообразивши, сколь потребно достать его стараться, писалъ я прежде къ Ѳедору Матвѣевичу [1]) навѣдаться о его пребываніи, потомъ и къ князю Прозоровскому тоже искать способовъ его подхватить. И сей напо-

[1]) Кіевскому губернатору Воейкову. *П. Б.*

слѣдокъ увѣдомляетъ меня отъ 30-го, что, по тому моему предписанію, командою его онъ, Щенявскій, съ прочими конфедератами постигнутъ и взятъ въ мѣстечкѣ Могилевѣ.

Ваше сіятельство сами довольно вѣдаете, какъ изъ давняго времени онъ злодѣйствовалъ въ нашей сторонѣ, такъ и въ нынѣшнихъ противныхъ предпріятіяхъ онъ же главнымъ заводчикомъ и изъ первѣйшихъ орудіевъ ко всему злу находился. Отъ него можемъ вывѣдать теперь всю связь противной системы, и для того я отписалъ къ князю Прозоровскому, чтобъ онъ чѣмъ скорѣе ко мнѣ, подъ надежнымъ карауломъ, сего бунтовщика прислалъ. И за полученіемъ я съ нимъ обойдуся прилично, чтобъ заставить его открыться въ знакомыхъ ему дѣлахъ. А вашего сіятельства всепокорно прошу и на сей случай не оставить меня своимъ милостивымъ примѣчаніемъ, дабы, оному слѣдуя, ничего не могъ я упустить.

О обращеніяхъ непріятельскихъ въ письмѣ ко мнѣ отъ князя Прозоровскаго, и объ одномъ присланномъ къ Ѳедору Матвѣевичу отъ пріятеля письмѣ извѣстія вашему сіятельству препровождаю.

Симъ пунктомъ я оканчивалъ мое письмо; но отъ генералъ-маіора Исакова сей часъ приспѣло новое извѣстіе, что Запорожскіе казаки, бурлаки, сдѣлали бунтъ и овладѣли всѣмъ въ Сѣчѣ, выгнавъ своего кошеваго и старшинъ. Хотя Исаковъ маіору Микульшину предписалъ употреблять противъ нихъ строгость, я, однакожъ, при первомъ случаѣ, по субтильности настоящихъ обстоятельствъ, хочу прежде мѣры употребить снисходительныя, чтобъ строгостію не побудить бунтовщиковъ къ бо́льшимъ дерзостямъ и овладѣнію самимъ ретраншаментомъ, и посылаю, съ однимъ довольно въ Сѣчѣ обращавшимся здѣшнимъ старшиною, мое увѣщаніе, чтобъ они, отложа мятежъ, покорились своимъ властямъ, а ежели имѣютъ какую себѣ обиду, или паче есть на нихъ въ вѣрности какое подозрѣніе, учинили бы чрезъ него просьбы и выдали приводцовъ къ мятежу, или бы инако ожидали по власти мнѣ ввѣренной, что съ ними поступится какъ съ недостойными помилованія. Для сего и велѣлъ я двумъ полкамъ пѣхотнымъ и двумъ кавалерійскимъ съ генералъ-маіоромъ выступить къ Сѣчѣ, чтобъ навесть страхъ мятежникамъ, сколько и ободрить добронамѣренныхъ.

По симъ и другимъ обстоятельствамъ мнѣ бы уже надлежало ближе быть къ своей командѣ; но я, въ ожиданіи счастливаго случая и увѣдомленій обѣщанныхъ, когда можно рѣшиться ѣхать въ Петербургъ, въ семъ мѣстѣ удерживаюсь. Ваше сіятельство изъ вышеписаннаго сами изволите видѣть, что я при однихъ заботахъ ни дня не бываю, но во всякой по разнымъ вѣдомостямъ долженъ обращаться.

Слѣдствія настоящихъ происшествій отъ времени умножаться станутъ необходимо; такъ я, милостивый государь, прошу покорно разрѣшить меня однажды, находите ль ваше сіятельство, кому бы я, здѣсь препоруча свои дѣла, долженъ ѣхать въ Санктпетербургъ, для полученія себѣ наставленій, или слѣдовать къ моей командѣ, чтобъ, къ тому и другому не знавши какъ приступить, не могъ иногда въ чемъ либо сдѣлать упущенія?

Микульшина репортъ, въ копіи, къ объясненію происшедшаго въ Сѣчѣ, включаю, и имѣю честь быть, впрочемъ съ непоколебимымъ высокопочитаніемъ и искреннею преданностію.

3 Генваря 1769 г. Глуховъ.

Къ этому письму приложены три копіи: а) съ рапорта, по секрету, маіора Микульшина; б) съ письма князя Прозоровскаго и в) переводъ экстрактомъ изъ письма Могилевскаго пріятеля.

I. Высородному и превосходительному господину генералъ-маіору и кавалеру Александру Степановичу Исакову, отъ секундъ-маіора Микульшина покорный репортъ.

Сего мѣсяца, 26 числа, войска Низоваго Запорожскаго казаки, тѣ, которые не имѣютъ у себя никакого имущества, сиромахи, собравшись вмѣстѣ весьма многое число, тюрьму разбили и всѣхъ колодниковъ изъ тюрьмы выпустили. А потомъ начали всѣхъ своихъ старшинъ бить до смерти, и со всѣмъ ихъ имуществомъ разорили, и квартиры ихъ какъ кошеваго, такъ и прочихъ старшинъ всѣ разбили и поломали, да и впредъ еще также намѣрены, которые, отъ той смерти ховаючись, едва спаслись и принуждены были какъ можно непримѣтнымъ образомъ, одѣвшись въ худое платье, чтобъ ихъ никто познать не могъ, по пробитіи вечерней зари, съ вечера, въ ночи, какъ самъ кошевой атаманъ, такъ и прочіе всѣ ихъ старшины, съ великимъ страхомъ, для спасенія своего, подъ защиту ко мнѣ, въ Новосѣченскій ретраншаментъ, прибѣжать, которые и теперь здѣсь находятся. А тѣ сиромахи нынѣ отъ себя другихъ кошеваго и прочихъ старшихъ наставляютъ, о чемъ отъ меня и прежде сего къ вашему превосходительству неоднократно представлено было. И когда оные сиромахи, съ того своего азарту, вознамѣрятся также напасть и на оный Новосѣченскій ретраншаментъ, то я, за малоимѣніемъ здѣсь воинской команды, по обширности, заступить и сохранить онаго никакъ не могу. Въ такомъ случаѣ неотмѣнно надлежитъ не въ продолжительномъ времени прибавить въ оный ретраншаментъ воинской команды довольное число. О чемъ вашему превосходительству симъ репортую.

26 Декабря 1768 г.

II. Копія съ письма князя Прозоровскаго.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь Петръ Александровичъ.

Прилагаю отъ Николая Ивановича къ вашему сіятельству два письма. Только я послѣ оныхъ получилъ извѣстія обстоятельнѣе прежнихъ и съ тѣми сходныя. Около 23 и 24 Декабря, ханъ съ войсками перебирался чрезъ Днѣстръ въ Бендерахъ, изъ которыхъ съ половиной сынъ пойдетъ въ Новую Сербію, а самъ, чрезъ Балту, Саврань и Егорлыкъ, сюда въ Польшу. Возмутители всѣ за Хотиномъ собираются, и съ ними 7000 Татаръ пойдутъ чрезъ Могилевъ.

Еще имѣю, ваше сіятельство, извѣстіе, что посланный капитанъ изъ Новой Сербіи и переводчикъ взяты или пойманы Турками.

Столько счастливъ, что повелѣнія вашего сіятельства исполнилъ. Партія моя подъ командою маіора Фавина, увѣдомилась, что знатное число возмутителей изъ Могилева вышло, а очень мало осталось. Ночью, отбивъ ворота, вошли и взяли 13 пушекъ, маіора, который комендантомъ былъ, да въ числѣ 22 плѣнныхъ князь Четвертинскій, подкоморій Брацлавскій, который уже и умеръ, и Щенявскій, староста Трехтемировскій. За вышесказанными извѣстіями остановилъ въ Кіевѣ отправить и содержать велѣлъ подъ крѣпкимъ присмотромъ въ Бродской крѣпости, а какъ скоро возможно будетъ, то въ Кіевъ къ вашему сіятелеству отправлю.

Отъ стороны Снятина всѣ возмутители отступили, по прибытіи подкрѣпленія къ партіямъ моимъ, а сей часъ повелѣнія послалъ, ваше сіятельство, чтобъ всѣ партіи собирались въ Базалію; а какъ непріятель покажется въ границы, то легкое мое войско возметъ позицію по рѣкѣ Случу, около Стараго Константинова, до приближенія ихъ, и потомъ ретируется къ Лаховцамъ, гдѣ я находиться буду со всею моею кавалеріею.

Изъ Брацлавскаго воеводства отъ границы всѣ разбѣжались, какъ уже нѣсколько Татаръ, Турокъ и нѣсколько артиллеріи прибыло въ Балту, и нѣкоторыхъ уже ограбили.

30 Декабря 1768 г. Лаховцы.

III. Переводъ экстрактомъ изъ письма Могилевскаго пріятеля, отъ 14-го Декабря 1768 года.

Изъ Константинополя заподлинно увѣряютъ, что, по султанскому приказу, нѣкоторымъ изъ тамошнихъ знатныхъ Христіанъ головы отсѣчены, что патріаршій домъ и прочія Греческія церкви запечатаны, что у всѣхъ Христіанъ ружья отобраны, не только въ Константинополѣ, но и во всей Румеліи. Словомъ, вездѣ во владѣніи Турецкомъ великое на Православныхъ Христіанъ возстало гоненіе. Новому визирю Хамзѣ-пашѣ, султанскимъ повелѣніемъ, голова отсѣчена, по народной молвѣ, яко бы для того, что онъ гос-

подина резидента Обрѣзкова велѣлъ посадить въ самую преисподнѣйшую темницу, а не въ обыкновенное для того въ Едикулѣ мѣсто. Въ сіе достоинство возведенъ бывшій предъ симъ у нынѣшняго Крымъ-Гирея-хана кегая. Слухъ носится, что изъ Багдадской губерніи шесть пашей съ немалымъ числомъ войска къ здѣшнимъ границамъ маршируютъ. По ханскому указу сераскиръ-султанъ, который былъ съ Татарами, въ Каушаны возвращенъ со всѣми Татарами и съ частью янычаръ и спаговъ.

На семъ возвратномъ маршѣ Татары многихъ Польскихъ подданныхъ плѣнили, а Молдавію почти совсѣмъ разорили, плѣняя обывателей, гдѣ кого только найти могли, и забирая весь хлѣбъ и скотъ съ собою. Въ столичномъ городѣ Валахіи, а именно въ Букарештѣ, ожидаютъ прибытія одного паши съ войскомъ, а другаго въ Яссы; оба сіи паши съ войскомъ тамъ имѣютъ перезимовать. Въ Букарештъ присланъ новый господарь Григорій Гика. Хану Крымскому главная команда надъ всѣмъ Турецкимъ войскомъ и пашами отъ султана поручена. Оный былъ въ Каушанахъ, намѣренъ послѣ байрама (который наступающаго 1769 года, по лунному теченію, 1-го числа Февральской луны, у нихъ празднованъ быть имѣетъ), когда всѣ рѣки льдомъ покроются, на границы Россійскія нападеніе сдѣлать, а именно на Елисаветградскую провинцію. Войска при немъ въ Каушанахъ Татарскаго и той околичности немалое число; при Бендерахъ и Очаковѣ Турецкаго до сорока тысячъ янычаръ, спаговъ и Арнаутовъ считается. Бендерскаго пашу Дервишъ-Гусейна ханъ послалъ на смѣну Хотинскому съ четырьмя тысячами Турокъ, а на мѣсто его въ Бендерахъ поручилъ команду трехъ-бунчужному пашѣ Хаджи-Солкъ-оглу. Въ Бендерахъ восемнадцать знаменъ выставлено, и всякій день, чрезъ бирючей, окликиваютъ стекаться къ онымъ Турокъ на войну противъ Россіи. Молдавскій господарь послалъ жалобу къ султану, яко проходомъ чрезъ Молдавію Татаръ оная такъ разорена, что со страху всѣ подданные Порты, кои ими не поплѣнены, разбѣжались въ горы и вертепы, отъ чего вся земля впустѣ безъ поселянъ осталась; да и хлѣба нѣтъ, ибо запасный заграбленъ, а вновь ничего не посѣяно; къ тому-жъ, по султанскому повелѣнію, присланный капиджи-баша господареву супругу и двѣнадцать знатнѣйшихъ боярскихъ женъ въ Константинополь отвезъ. Слѣдовательно, ему въ Молдавіи не у чего быть; но какая на то резолюція отъ Порты воспослѣдуетъ, неизвѣстно. Слухъ носится, что по ханскому повелѣнію изъ Крыма войска выступить имѣютъ въ походъ со всякаго дома по одному Татарину, и что, какъ выше сказано, послѣ байрама, когда всѣ рѣки льдомъ покроются, непріятельскія дѣйствія съ его стороны начаты быть имѣютъ въ Елисаветградской провинціи. Многіе увѣряютъ, что предъ выступленіемъ Крымъ-Гирея-хана изъ Константинополя, будто онъ къ Султану отозвался, какъ-де извѣстно дѣдъ его, славный Крымскій ханъ Мегметъ-Гирей, Украйною владѣлъ около семи лѣтъ, а онъ беретъ смѣлость донести, что надѣется четырнадцать лѣтъ оною властвовать. Во всей

Румеліи знамена выставлены для сбора къ онымъ войска, отъ котораго Христіане крайнее претерпѣваютъ гоненіе. По сей причинѣ во всей той провинціи никакого хлѣба не посѣяно, отъ чего великій уже въономъ недостатокъ являться началъ. Мостъ одинъ чрезъ Дунай-рѣку, при Сачкѣ, противъ Облучицы, совсѣмъ поспѣлъ, а другой начали дѣлать нѣсколько пониже. Верховный визирь, 15-го Марта, имѣетъ быть въ Бабадагѣ, а султанъ въ Адріанополѣ. Во всей Молдавіи и въ Хотинѣ множество церквей Турками и Татарами разорено, а иконостасы вездѣ съ прочими образами сожжены. Нѣкоторые изъ Турецкихъ и Татарскихъ чиновниковъ, разсуждая о политическихъ дѣлахъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ отзываются, что, безъ сомнѣнія, король Пруской, присоединя свое войско къ Россійскому, Портѣ и хану Крымскому за то мстить не оставитъ, что онъ во время войны съ Россіею требуемую помощь, не взирая на великіе подарки и денежныя дачи, отъ нихъ получить не могъ, но одними только обѣщаніями провелъ, еже Турецкимъ и Татарскимъ чиновнымъ людямъ немалую наноситъ опасность.

Всѣ три приложенія скрѣплены подписью „бунчуковаго товарища Петра Завадовскаго". Это въ послѣдствіи первый министръ народнаго просвѣщенія графъ Петръ Васильевичъ (на погребеніи котораго въ 1812 году произнесъ замѣчательную проповѣдь Филаретъ).

2.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Три письма вашего сіятельства, отъ 2-го, 18 и 23-го Декабря, дошли до рукъ моихъ вѣрно и служатъ мнѣ новымъ опытомъ ласкательной вашей откровенности.

Ничто для меня взаимно пріятнѣе быть не можетъ, какъ находить себя въ состояніи къ достойному оной соотвѣтствованію и къ облегченію вамъ, поколику мнѣ силы и возможность собственныя дозволять могутъ, настоящихъ великихъ трудовъ и заботливыхъ обстоятельствъ.

Вѣрьте, милостивый государь мой, что я тутъ не привѣтствіе дѣлаю, но говорю самую истину, какъ по персональной моей къ вамъ преданности, такъ и по долгу званія моего, кои меня въ образѣ поступковъ моихъ въ вашему сіятельству равно обязываютъ, и что не меньше и впредь изъясненія мои съ вами будутъ всегда имѣть источникъ своей въ сердечныхъ мнѣніяхъ и въ общемъ нашемъ усердіи къ службѣ Отечества.

Ея Императорское Величество изволитъ всемилостивѣйше апробовать учиненныя вами, по письму отъ 2-го Декабря, благоразумныя распоряженія къ удобнѣйшей оборонѣ границъ наличными у васъ вой-

сками. До времени не остается теперь, повидимому, ничего къ онымъ прибавлять, а только желать, дабы къ дѣйствительному всей ихъ пользы испытанію не предстало скоро и случая, дабы, между тѣмъ, войска всѣ собраться могли. Ваше сіятельство изволите сами знать, по обыкновенному расположенію арміи, что полки всѣ разсыпаны были и что прибытіе ихъ къ границамъ не можетъ быть, по дальности мѣстъ, столь поспѣшно, какъ бы того желать надлежало. Сверхъ того, на первый часъ будетъ, конечно, чувствителенъ въ нихъ и недостатокъ комплекта, доколѣ рекруты къ своимъ корпусамъ и въ исправность къ службѣ приведены не будутъ; но я тѣмъ неменьше, однакожъ, съ полною надеждою увѣряюсь, что военное ваше искусство предуспѣетъ достаточно замѣнить сіи временныя неудобства.

О засаженныхъ Татарами въ яму Донскихъ казаковъ, кои случились въ Перекопѣ, скажу я въ успокоеніе вашему сіятельству, что они не принадлежатъ до извѣстной съ Дону тайной экспедиціи; ибо оная поручена одному только надежному человѣку, отъ котораго я еще на сихъ дняхъ изъ крѣпости Святаго Дмитрія получилъ извѣстіе, что онъ не могъ оттуда пробраться въ предписанное ему мѣсто, и что по сей причинѣ имѣлъ немедленно отправиться къ вамъ самимъ, для полученія отъ васъ самоличнаго наставленія, какъ бы ему до мѣста назначенія скорѣе и безопаснѣе доѣхать. Я надѣюсь, что онъ явился уже къ вашему сіятельству и что понынѣ получилъ и отправленіе свое; а естьли, паче чаянія, сіе письмо застанетъ его еще у васъ, въ такомъ случаѣ прошу употребить всевозможное о томъ попеченіе. Мнѣ видится, что кратчайшій и безопаснѣйшій путь будетъ чрезъ Польшу, подъ именемъ и съ паспортомъ купца, который выѣхалъ изъ Россіи, по причинѣ войны, и везетъ съ собою товаръ: ибо не знаю, естьли еще способъ пробраться чрезъ Сѣчь Запорожскую. Ваше сіятельство въ состояніи опредѣлить цѣну сей моей идеи и дать ей мѣсто, буде она къ положенію дѣлъ вашего края приличествовать можетъ; а инако предписать посланному другую (по усмотрѣнію вашему на мѣстѣ) способную дорогу, дабы онъ, тѣмъ или другимъ образомъ, скорѣе до желаемаго пункта доѣхать могъ.

О новыхъ въ Польской Украйнѣ гайдамацкихъ шалостяхъ тѣмъ болѣе сожалѣть должно, что тутъ уже и собственные наши офицеры замѣшиваться стали; но когда уже зло сдѣлано, то и надлежитъ о томъ только стараться, чтобъ оное какъ можно скорѣе искоренено было, дабы инако хлопотъ нашихъ умножать, да и до самыхъ нашихъ границъ распространиться не могло. Мѣры, отъ вашего сіятельства вопреки принятыя, сами по себѣ похвальны, и естьли они вездѣ исполне-

ны будутъ, можно надѣяться, что гайдамачество вскорѣ прекратится, и виноватые получатъ достойную дерзости своей мзду.

По третьему письму вашего сіятельства о явившихся къ генералъ-маіору Исакову охотникахъ въ службу Ея Императорскаго Величества разсуждается здѣсь, что они въ тамошнемъ краю и на желаемомъ отъ нихъ основаніи не будутъ способны и надежны къ употребленію, и чтобъ потому перевесть ихъ въ Казань, для опредѣленія тамъ по мѣстамъ. Но какъ, однакожъ, въ семъ случаѣ ничего на мѣрѣ не положено, да и рѣшить еще нельзя, по невѣдѣнію, согласятся ли люди на переселеніе свое въ Казань (что̀, между тѣмъ, мнѣ весьма невѣроятно кажется), то и прошу я ваше сіятельство открыть мнѣ дружески собственное ваше мнѣніе, не можно ли съ нѣкоторою пользою ихъ, особливымъ своимъ корпусомъ, подъ командою, однакожъ, нѣкоторыхъ изъ нашихъ способныхъ офицеровъ, вамъ употреблять со стороны Крымской или Азовской, или же инако какое ваше сіятельство сами положеніе объ нихъ сдѣлать за лучшее найдете, дабы тутъ согласить и нашъ должный быть политическій видъ относительно и до прочихъ ихъ званія и земли людей, и ихъ существительное намѣреніе въ такомъ предпріятіи, которое, повидимому, едва ли къ чему другому склоняется, какъ къ выгоднѣйшимъ для нихъ способамъ наживаться плѣномъ и грабежемъ съ меньшею опасностью.

Впрочемъ, поздравляя васъ перемѣною года и желая съ оною чистосердечно всѣхъ благъ, пребуду я всегда съ непремѣннымъ почтеніемъ и истинною преданностію.

4 Генваря 1769 г.

P. S. Не меньше мое усердное поздравленіе простирается вашему сіятельству съ знакомъ отличной монаршей милости Ея Императорскаго Величества къ вамъ и къ оказуемому вами усердію и ревности къ ея службѣ, пожалованіемъ двухъ вашихъ меньшихъ дѣтей офицерами въ гвардію.

3.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Въ послѣдованіе моему письму, отъ 30-го Декабря, присовокупляю вашему сіятельству, что Перекопскій житель Степанъ Хата привезенъ сей день ко мнѣ. Я всѣми возможными только образы отвѣдывалъ извлечь изъ него признаніе чему либо тайному и искушалъ его напослѣдокъ увѣреніемъ, что ханъ Крымскій, списываясь со мною, особливо его рекомендовалъ, какъ посланнаго отъ себя въ нашъ край. Но онъ

признанія другаго не дѣлаетъ, какъ только, что выѣхалъ въ Августѣ мѣсяцѣ въ наши границы, не впервое уже будучи, съ товарами, которые въ здѣшнихъ городахъ и продалъ и, купя себѣ другихъ, хотѣлъ было съ оными возвращаться; но услышавши, разрывъ мира нашего съ Портою, остался здѣсь для безопасности, чтобъ не быть подвергнуту лютости войскъ Турецкихъ, которыя таковыхъ купцовъ, какъ сей Армянинъ, разграбляютъ имѣніе и самихъ умерщвляютъ. Для чего онъ проситъ дозволить ему прожить въ Полтавѣ, не хотя отнюдь ѣхать въ свою землю. И хотя ему въ Полтавѣ, какъ въ ближнемъ къ границѣ городѣ, жить и не мѣсто, и я его могу помѣстить тамо, гдѣ онъ можетъ жить спокойно и подъ надзираніемъ; однако ваше сіятельство, какъ Перекопскій каймаканъ въ своемъ письмѣ къ кошевому прямо его взыскивалъ высылки (что я въ предъидущемъ моемъ изъяснилъ), то я прошу вашего сіятельства себѣ наставленія, оставить ли его здѣсь по желанію, или по письму каймаканскому отправить за границу? Мнѣ кажется и не нужно его у себя удержать, по причинѣ, что онъ, долгое время здѣсь будучи, о многихъ обстоятельствахъ нашихъ освѣдомился, а когда еще и подосланъ можетъ быть для надзора, то и того больше знаетъ; слѣдственно, когда онъ выѣдетъ, натурально, все ему извѣстное перескажетъ и другимъ. Кромѣ сей предосторожности и собственной его просьбы, чтобъ здѣсь остаться, еще есть причина во удержаніи его, насъ оправдающая, что наши, по извѣстіямъ, въ Каушанахъ капитанъ Бастевикъ съ однимъ Грекомъ задержаны подъ карауломъ. Я прошу вашего сіятельства сей случай разрѣшить мнѣ своимъ мнѣніемъ, и позволите милостиво благоразумными совѣтами вашими, такъ въ маломъ, яко и великомъ быть руководствовану.

Глуховъ, 3 Генваря 1769 г.

4.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Ваше сіятельство изъ приложенія у сего изволите извѣститься, коимъ образомъ укрощенъ бунтъ Запорожцевъ. Не могу еще я точнаго сказать, одно ли только своевольство сихъ буяновъ, у коихъ обычай велся въ пьянствѣ и шумѣ въ минувшій праздникъ выбирать старшинъ, подвигнуло ихъ къ продерзости, или и подлинно намѣреніе предаться непріятельской сторонѣ. Но какъ теперь кошевой Кальнишевскій одержалъ надъ бунтовщиками верхъ и принялъ правленіе въ руки, то потому не разсудилъ я нужнымъ повелѣнный уже было походъ продолжать четыремъ полкамъ въ Сѣчу, и велѣлъ, остановя ихъ, только одинъ баталіонъ изъ полка пѣхотнаго въ укрѣпленіе Новосѣ-

ченскаго ретраншамента командировать, по разсужденію кажущейся опасности отъ движеній непріятельскихъ къ Польшѣ и нашимъ границамъ, въ чемъ всѣ извѣстія согласное утвержденіе приносятъ, дабы мнѣ отдаленіемъ немалой части войска не обнажить свой край. Я кошевому послалъ ордеръ, чтобъ онъ меня увѣдомилъ о прямыхъ причинахъ возмущенія и кто злу таковому былъ зачинщикомъ, чтобъ не остались оные безъ достойнаго наказанія, такъ какъ и воспріятие ихъ еще какимъ либо образомъ не распространилось бы. Впрочемъ, онъ бы соблюлъ всякое благоразуміе въ своемъ правленіи, по обстоятельствамъ настоящимъ, наибольшую храня осторожность противъ непріятельскихъ разнообразныхъ покушеній.

Къ обществу ихъ увѣщаніе, которое я препроводилъ съ однимъ здѣшнимъ старшиною въ то самое время, какъ и къ вашему сіятельству по сему случаю отправилъ курьера, присовокупивъ къ сему въ копіи, не нахожу при семъ болѣе какъ съ моею всесовершенною преданностію назваться и проч.

Изъ Глухова, 7 Генваря 1769 года.

Къ настоящему письму приложены двѣ копіи: а) съ рапорта маіора Микульшина и б) съ воззванія графа Румянцова всѣмъ вообще казакамъ Сѣчи Запорожской.

I. Копія съ рапорта секундъ-маіора Микульшина къ бригадиру Черткову *), въ Кременчугѣ за оберъ-коменданта находящемуся, отъ 28-го Декабря (1768).

Сего числа войска Запорожскаго низоваго кошевой атаманъ Кальнишевскій мнѣ объявилъ, что слышалъ онъ отъ своихъ казаковъ: ихъ сиромахи начали бунтъ для того, чтобъ кошеваго и старшину войсковую нынѣшнюю и прежде бывшую, а потомъ и достойныхъ казаковъ всѣхъ побить до смерти и, забравъ клейноды, идти изъ протекціи Россійской въ другое мѣсто, а неинако какъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ подъ Турецкое владѣніе; бунтъ же у нихъ начался во время вечерней тапты **) и происходилъ на другой день даже до половины дня. Поступки ихъ, злодѣевъ, были варварскіе: не взирая на святые образа и мощи, били и кололи и обдирали серебро и золото съ образовъ, и со всѣмъ ихъ имуществомъ старшинъ разорили, и едва сами спаслись въ ретраншаментѣ. А потомъ кошевой атаманъ и старшины посылали изъ ретраншамента, тайнымъ образомъ, въ Сѣчь, чтобъ собрались атаманы съ надежными казаками въ ретраншаментъ, и какъ собрались-де нѣсколько атамановъ, и намѣреніе положили кошевой и старшины послать съ ко-

---

*) Это прадѣдъ Г. А. Черткова, Василій Алексѣевичъ, впослѣдствіи намѣстникъ Воронежскій, управлявшій въ тоже время всею Тамбовскою и Саратовскою губерніями. П. Б.

**) Тапта битье зари. П. Б.

мандою двухъ старшинъ противъ такихъ злодѣевъ для укрощенія, и просилъ у меня кошевой съ старшиною одну пушку съ пристойнымъ числомъ канонеръ, при которой пушкѣ командировалъ я артиллерійскихъ служителей, сержанта одного, капрала одного, канонеръ шесть человѣкъ. Но какъ увидѣли вышеписанные бунтовщики посланную изъ ретраншамента отъ кошеваго противъ ихъ команду, то злодѣи ретировались въ городъ, въ которомъ состоятъ церковь и курени, затворили вороты и начали чинить отпоръ. Однако, по власти Божіей, отъ воротъ ихъ отбили, а потомъ оныежъ злодѣи, чрезъ рѣку въ плавлю, а другіе, притаясь, остались въ Сѣчи; изъ которыхъ бунтовщиковъ побито до смерти немалое число, а со стороны кошеваго тяжело раненъ только одинъ атаманъ. И ежелибъ не послалъ кошевой команду, то оные злодѣи похвалки чинили приступить къ ретраншаменту, чтобъ достать старшинъ и побить до смерти. По окончаніи же того бунта кошевой сыскивать началъ тѣхъ, отъ кого начался такой бунтъ и противности, и приличившихся въ томъ бунтѣ нѣсколько человѣкъ уже забрано въ тюрьму. И по примѣчанію моему, таковыхъ злодѣевъ въ Сѣчѣ еще много, и дабы не могли они еще таковаго злодѣйства сдѣлать, неотмѣнно въ Сѣчѣ быть регулярнымъ, хотя, по крайней мѣрѣ, полкамъ двумъ или болѣе, о чемъ отъ меня и прежде сего вашему высокородію, о прибавкѣ команды, репортомъ донесено было. И о вышеписанномъ происшествіи вашему высокородію симъ покорнѣйше репортую, тожъ и къ его превосходительству г. генералъ-маіору и кавалеру Александру Степановичу Исакову объ ономъ писано, а что̀ впредъ происходить будетъ, чрезъ нарочнаго вашему высокородію репортомъ донесено быть имѣетъ.

II. Отъ генералъ-аншефа Малороссійскаго генералъ-губернатора и кавалера графа Румянцова.

Всѣмъ вообще казакамъ Сѣчи Запорожской.

Порядокъ и благоразуміе, коими завсегда славилось общество ваше, невѣроятнымъ почти дѣлаютъ тотъ поступокъ, который, однакожъ, къ сожалѣнію, учинили нѣкоторые не изъ первой вашей братьи, въ 26-й день окончившагося Декабря, возставши противъ своего кошеваго и другихъ старшинъ съ наглостію возмущенія. Я слышу, что при семъ случаѣ произошли дерзости необыкновенныя, то есть изъ тюрьмы выпущены всѣ преступники, заключенные въ оной по осужденіямъ, имѣнія старшинскія разграблены и самыя квартиры ихъ разметаны, такъ что, при семъ воздвигнутомъ отъ своевольныхъ насиліи, едва могъ кошевой атаманъ и нѣкоторые старшины побѣгомъ спасти свою жизнь. Не считая чтобъ сему приключенію были другія причины, кромѣ поползновенія однихъ только своевольныхъ и неразсудныхъ людей, и паче не знавши вашихъ взаимныхъ несогласій между старшинами и собою, по какому огорченію или неудовольству возгорѣлись оныя, посылаю къ вамъ съ симъ

господина есаула генеральной артиллеріи Кологриваго, сказать въ повтореніяхъ отъ имени моего тоже, что я и самъ тутъ вамъ изъясняю.

Ежели вы имѣете какія обиды или притѣсненія отъ кошеваго и своихъ старшинъ, или же на ихъ вѣрность подозрѣніе, чрезъ сего посланнаго принесите о томъ свои мнѣ просьбы, въ чемъ удовлетвореніе, конечно, воспримете. Но когда чьимъ либо коварствомъ и чрезъ злыя внушенія приведены вы до преднамѣреній законопреступныхъ и возстаете противъ своихъ старшинъ въ другомъ видѣ, нежели простое токмо непослушаніе: то предразсудите себѣ, колико зла принесетъ вамъ сіе нетерпимое волненіе и пагубы въ слѣдствіяхъ своихъ.

Я, воображая всегда общество ваше содружнымъ по вѣрѣ и обязательствамъ взаимнымъ, не могу довольно надивиться происшедшему между вами; но какой бы источникъ смятенія настоящія въ васъ ни имѣли, сколько продерзостію своею виновные тому ни заслуживаютъ достойнаго наказанія, есть еще однакожъ всѣмъ вамъ время, обозрѣвъ свое заблужденіе и раскаясь объ ономъ, принести сущее повиновеніе и покорство своимъ властямъ, показавши изъ между себя повинныхъ руководителей къ содѣянному.

Можетъ всякъ, еще я говорю, повинувшися сему увѣщанію, которое провождаю къ вамъ со властію, ввѣренною мнѣ Высочайше отъ Ея Императорскаго Величества, получить въ своей продерзости прощеніе и загладить оную вящею преданностію, какъ и самые возмутители спокойства и тишины уменьшеніе заслуженнаго ими наказанія.

Но ежели вы хотя мало моему предложенію сопротивны будете, то вѣдайте, что я подвигну мѣры жестокой крайности, въ которыхъ властенъ по волѣ Всемилостивѣйшей нашей Государыни.

Я долженъ вамъ сію непреложную истину сказать, хотя отнюдь не ожидаю, чтобъ вы хотѣли привесть меня упорствомъ къ исполненію оныя, и льщу вопреки больше себя вашимъ благоразуміемъ, вѣрностію и усердіемъ къ Высочайшему Престолу, кои заставятъ васъ непремѣнно и наче въ такомъ случаѣ, гдѣ непріятель враждующій имени христіанскому предстоитъ уже въ глазахъ нашихъ, вообразить гибельныя слѣдствія войною междоусобныя и, прогоняя наведенное помраченіе свѣтомъ разума, продолжать неусыпныя свои попеченія объ отраженіи стремленій вѣрѣ, Отечеству и обще съ оными нашихъ сущихъ враговъ, въ чемъ одна есть теперь должность всѣхъ сыновъ вѣрныхъ Отечества.

Генваря отъ 4 дня 1769 года. Глуховъ.

5.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Имѣя честь симъ препроводить къ вашему сіятельству именной Высочайшій рескриптъ Ея Императорскаго Величества, не могу оста-

вить, чтобъ, по долгу моего званія, а наипаче еще по моему искренному почтенію и истинной привязанности къ вамъ, милостивый государь мой, не объяснить вамъ, особливо чрезъ сіе, съ полною откровенностію, Высочайшаго Ея Величества желанія по сему рескрипту. Оно особливо утверждается на томъ военномъ искусствѣ, которое справедливо столь много васъ отличаетъ, и потому ваше сіятельство тогда, конечно, во всемъ пространствѣ соотвѣтствуете довѣренности къ себѣ Ея Императорскаго Величества, когда въ своемъ представляемомъ мнѣніи обнимете всѣ разныя и возможныя операціи вашей арміи, на каждый могущій быть случай и на основаніи предписанныхъ вамъ тѣмъ рескриптомъ правилъ.

Позвольте жъ, милостивый государь мой, тутъ мнѣ еще исполнить и особливое обязательство дружбы и васъ покорно просить, что, еслибъ, при соглашеніяхъ вашихъ съ его сіятельствомъ княземъ Александромъ Михайловичемъ *), вы нѣчто изъ своихъ собственныхъ мыслей перемѣнить или отставить за нужно нашли, особливо относительно къ операціямъ вашей арміи, въ такомъ случаѣ сообщить мнѣ въ конфиденцію съ объяснительными примѣчаніями тѣ ваши собственныя мнѣнія, которыя не могли войти въ общій вашъ планъ. Я себя твердо увѣряю, что ваше сіятельство, испытавъ мой истинный характеръ отъ самой молодости, моему слову повѣрите, которое я подъ ручательствомъ чести даю вамъ, что я никогда и ни для чего сею вашею откровенностію инако не воспользуюсь, какъ точно такъ, какъ вы сами мнѣ предпишете, или же отдавая на мою собственную дискрецію: я ея никогда во зло не употреблю; а, напротивъ того, по всей моей возможности, стараться буду обратить тѣ ваши мнѣнія въ вашу славу и въ пользу службы Ея Императорскаго Величества.

5 Генваря 1769 г.

6.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

По представленію вашего сіятельства о пойманныхъ и впредъ ловимыхъ гайдамакахъ, изволила Ея Императорское Величество повелѣть, чтобъ вы поступали съ ними по собственному вашему разсмотрѣнію, отсылая способныхъ къ военной службѣ и меньше виноватыхъ во внутренніе гарнизоны, для распредѣленія по онымъ, и употребляя начинщиковъ зла, на страхъ другимъ, хотя съ оковами на ногахъ, въ

---

*) Голицынымъ, другомъ Государыни, который начальствовалъ первою, правою арміею, осаждавшею потомъ Хотинъ. *П. Б.*

каторжныя и другія тяжкія работы, естьли какія въ тамошнемъ краѣ настоятъ; а инако, и если еще содержаніе ихъ въ близости ненадежно, отправляя ихъ съ остающимися отъ распредѣленія въ гарнизоны, неспособныхъ къ военной службѣ, въ Казань, съ тѣмъ, чтобъ оные по сему Ея Императорскаго Величества, отъ васъ уже Казанскому губернатору сообщаемому, указу, оттуда далѣе въ Сибирь препровождаемы были, одни на поселеніе, а другіе въ Нерчинскъ.

Симъ образомъ (то есть распредѣляя во внутренніе гарнизоны способныхъ и отсылая въ Сибирь на поселеніе неспособныхъ) извольте ваше сіятельство поступать съ приводимыми плѣнными изъ числа Польскихъ мятежниковъ, исключая изъ того однихъ только дворянъ и дѣйствительныхъ офицеровъ, коихъ, напротивъ, надобно будетъ отправлять въ Казань, для содержанія тамъ подъ присмотромъ, впредь до указа, на томъ точно основаніи, какъ уже и прежде посланныхъ изъ Кіева содержать велѣно.

Я прошу ваше сіятельство сообщить сіе сугубое распоряженіе Өедору Матвѣевичу дабы и онъ, съ своей стороны, по оному, въ случаѣ надобности, поступать могъ.

Въ С-Петербургѣ, 14 Генваря 1769 г.

7.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Съ новою искреннею признательностію исправно получа письмо вашего сіятельства, какъ о началѣ дерзкаго въ Сѣчѣ Запорожской бунта, такъ и объ укрощеніи онаго, не преминулъ я поднесть ихъ Всемилостивѣйшей Государынѣ и долженъ увѣдомить ваше сіятельство, что всѣ, благоразумно вами по тому случаю принятыя мѣры заслужили совершенную Ея Императорскаго Величества апробацію. Для прямаго уваженія сего новаго и опаснѣйшаго между Запорожцами безпорядка, остается намъ получить точное свѣдѣніе о причинахъ и людяхъ, сію замашку произведшихъ, коихъ и ожидаю я отъ обыкновенной вашего сіятельства откровенности въ столь благосклонной со мною перепискѣ.

Ея Императорское Величество изволила за нужно признать обнародовать особливый, по теперешнимъ обстоятельствамъ, манифестъ, для сохраненія спокойствія въ здѣшней съ Польшею торговлѣ. Я посылаю при семъ къ вашему сіятельству нѣсколько экземпляровъ онаго съ копіею именнаго указа, при которомъ отправленъ онъ къ князю Александру Михайловичу, оставляя на собственную вашего сіятельства прозорливость и усердіе употребить оные въ вашемъ краѣ для пользы его коммерціи.

Пакетъ къ князю Голицыну съ тѣмъ самымъ именнымъ указомъ и манифестомъ отправляю я съ симъ же къ вашему сіятельству возвращаемымъ курьеромъ, покорно прося принять на себя попеченіе въ дальнѣйшемъ онаго къ нему доставленіи.

18 Генваря 1769 г.

Къ письму приложена копія съ рескрипта императрицы Екатерины II, слѣдующаго содержанія.

Нашему главнокомандующему заграничною арміею генералъ-аншефу князю Голицыну.

Изъ приложенной при семъ копіи манифеста усмотрѣть можете, какое мы объявленіе сдѣлали отъ стороны нашей во всей Польшѣ и великомъ княжествѣ Литовскомъ о свободѣ изъ Польскаго королевства всякаго торга, какъ и прежде до сего было, въ городъ Ригу, въ Малую Россію и въ другія подданныя намъ провинціи и города; а вамъ повелѣваемъ, въ силу того манифеста, предписать генералитету и командамъ при нашихъ войскахъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ потребно будетъ, вашими ордерами, чтобъ нашего города Риги, Малой Россіи и другихъ провинцій и городовъ нашихъ подданнымъ даваны были отъ генералитета тѣмъ, кои пожелаютъ, на свободный и безопасный проѣздъ паспорты.

Генваря 16 дня 1769 года. С.-Петербургъ.

8.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Ваше сіятельство, получа тутъ вложенное письмо о *Ламехѣ*, и о томъ изволите удостовѣриться, что онъ уже вступилъ въ предлежащій себѣ путь. Хотя трудности довольныя могутъ случиться, все однакожъ превозмочь обнадеживаютъ его качества, ежели только малѣйшая найдется преклонность въ особѣ, къ которой адресуется.

На сихъ дняхъ отъ генералъ-маіора Исакова имѣлъ я подтвержденія, что въ Сѣчѣ, по прежнему, возстановлено спокойство; но какъ посланный отъ меня курьеръ отъ кошеваго еще не возвратился, то я отлагаю, за полученіемъ отъ него извѣстія, про обстоятельства, касающіяся сего происшествія, отписать вашему сіятельству пространнѣе.

10 Генваря 1769 г. Глуховъ.

9.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Вашему сіятельству отъ князя Александра Михаиловича и Ѳедора Матвѣевича, конечно, сіи же самыя вѣдомости съ нынѣшнимъ курье-

ромъ пространно изъяснены, что и я сей часъ отъ князя Прозоровскаго получа, къ сему присовокупляю, имѣвши долгомъ и, съ моей стороны, о всемъ доходящемъ васъ увѣдомлять, хотя оныя не въ другомъ уваженіи я пріемлю, какъ разсказы увеличенные, которые нарочно пропускаются для устрашенія однихъ легковѣрныхъ, или же по свидѣтельству трусовъ, которымъ страхъ объекты и малые въ глазахъ удвояетъ.

14 Генваря 1769 г. Глуховъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Дня 15 Генваря 1769 года, изъ Егорлыка, копія съ письма.

Изюму никакъ купить не можно, для того что до Бендеръ проѣхать трудно, ибо безпрестанно войска идутъ; двѣ недѣли, во вторникъ, миновало, какъ Багты-Гирей-салтанъ ночевалъ противъ Егорлыка и пошелъ въ Балту, третьяго дня проходилъ по надъ границею. Крымъ-Гирей-ханъ сего дня будетъ въ Балтѣ, для котораго, на нашей сторонѣ, квартиру очистили, ибо намѣренъ нѣсколько дней стоять, а куда имѣетъ пойти, неизвѣстно. Я вчерашняго дня далъ провіантъ въ Балту: ячменю мѣшковъ 120, барановъ 120, хлѣбовъ 300; войска безчисленная сила идетъ безпрестанно; двѣ уже недѣли Турки шли, а теперича Татары и Арнауты слѣдуютъ; въ нашей сторонѣ никого нѣтъ, только я остался. Богъ знаетъ что со мной сдѣлается.

P. S. Подчашій Литовскій Потоцкій за три дня прибылъ въ Дубосары, въ одной милѣ отъ Егорлыка, а Оранскій находится въ Крутыхъ съ Турками.

10.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Нѣсколько дней остался еще я въ Глуховѣ, покудова могъ сдѣлать отправленіе въ Калмыцкіе улусы штабъ-офицеру, для препровожденія оттуда двадцати-тысячнаго Калмыцкаго войска. И оное наканунѣ сего окончивъ, сей часъ выѣзжаю въ Кіевъ, для исполненія тамо Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, по предоставленному мнѣ вообще дѣлу съ княземъ Александромъ Михайловичемъ.

Я не только, милостивый государь, по приведеніи въ настоящее положеніе нашихъ мыслей, исполню требованіе вашего сіятельства, изъяснивши вамъ мои мнѣнія по долгу въ званію министра, но еще чистосердечнымъ откровеніемъ особливо стараться буду воздать взаимство вашей ко мнѣ довѣренности и показать ту преданность, по которой надежду имѣю, что всегда милость и наставленія вашего сія-

тельства сопутствовать будутъ мнѣ во всякомъ отправленіи изъ должностей на меня возложенныхъ.

17 Генваря 1769 года.

Къ письму приложенъ небольшой лоскутъ бумаги, на которомъ собственноручно графомъ П. А. Румянцовымъ написано: „*Отъ Семена Васильевича заготовленное вашему сіятельству въ Малой Россіи отправлено сего числа, по подорожной, на ямскихъ*“. Кромѣ того приложена

Копія съ рапорта генералъ-маіора Исакова къ генералъ-аншефу графу Румянцову, Генваря отъ 24-го сего (1769) года.

Съ крайнимъ поспѣшеніемъ посылаю сей рапортъ къ вашему высографскому сіятельству, что непріятель (какъ пойманные отъ него два Татарина при распросѣ утвердили) съ восмьюдесятью тысячами обшелъ уже крѣпость Св. Елисаветы и жжетъ не только хлѣбъ, селенія, но и сѣно. Теперь нынѣшнюю ночь конецъ его ночевалъ въ Аджамкѣ, но крылья далѣе по Днѣпру. А извѣстія многократныя есть, что онъ хочетъ напасть на крѣпость, о чемъ какъ тѣ два пойманные Татарина, такъ и возвратившіеся изъ плѣна наши единогласно объявляютъ. А изъ того, что онъ кругомъ обжигаетъ, остается заключать, что сіе для того, дабы сикурсъ съ трудностію могъ дойти сюда, а тѣмъ бы ему удобнѣе держать въ блокадѣ крѣпость и отнять у нея всю субсистенцію, въ которой для войскъ всей провизіи не такъ много (въ разсужденіи давней тревоги) у обывателей заготовлено, чтобы долгое время пропитаться можно. Напротивъ же того, въ поле выдтить съ такъ малолюднымъ войскомъ, въ которомъ не больше какъ пѣхоты до двухъ тысячъ пятисотъ девяносто и съ прибывшими двумя баталіонами, а легкихъ войскъ двѣ тысячи четыреста и съ Ямбургскимъ карабинернымъ полкомъ, да Малороссійскихъ казаковъ, коихъ, по ихъ робости, ни къ чему употребить не можно, до двухъ же тысячъ; но сколькожъ изъ того перезябшихъ, и оттого больныхъ, отъ жестокой стужи и мятели, превосходящей силы человѣческія, которая продолжается со время впаденія непріятеля въ границы! И войско потому, употребляясь въ походы и непрестанныя партіи, совсѣмъ по такой ужасной стужѣ ослабѣло, а особливо легкія команды, по недовольному ихъ числу, съ Ноября мѣсяца, не только при кардонѣ разъѣзды содержали, но и разныя экспедиціи въ Польшѣ и здѣсь отправляли. Затѣмъ неминуемо требуется отдохновенія, да и по морозу такому никоимъ способомъ не можно ружьемъ дѣйствовать. Однакожъ, совсѣмъ тѣмъ, мѣры мои, по возможности, вопреки непріятелю располагаю; но за нужное почелъ не укоснить симъ извѣстіемъ вашему сіятельству: соблаговолите приказать всевозможно и скорѣе его встрѣтить и тѣмъ мнѣ поиски надъ нимъ облегчить, чтобъ онъ между двумя огнями находился, то есть спереди отъ Днѣпра и отъ меня. Но только нужно и то, чтобы меня скорѣе еще сикурсовали: ибо я не могу важнаго своимъ малымъ корпусомъ противъ

такого многочисленнаго непріятеля ничего предпринять. Прошу ваше сіятельство не оставить скорѣйшею на все резолюціею. А слышно за вѣрно и то, что онъ дорогу къ Польшѣ въ Смоленскую губернію спрашиваетъ, и, какъ видно, къ Днѣпру и туда въ обходъ идетъ, распространясь по селенію Елисаветградскаго пикинерскаго полка и въ лѣвую уже руку, къ Цыбулеву; имѣетъ же и пушки съ собою, кои и употреблены противъ слободы Петриковки, когда отбивались запершіеся въ церковной оградѣ жители оной. Но ежели скорѣйшаго подкрѣпленія я не получу, то провинція здѣшняя всеконечно вся раззорена будетъ, а мнѣ никоимъ способомъ противъ его такимъ малымъ числомъ предпринимать ничего не можно въ разсужденіи большой силы. Я ничего до тѣхъ поръ не могу начинать, пока не получу увѣдомленія о сикурсѣ, что онъ посланъ, которому прошу приказать идти на Глинскъ и Цыбулевъ, гдѣ какъ жителей много изо всѣхъ мѣстъ собралось, то и фуража и провіанта достать можно; но съ тѣмъ, чтобы командиръ, хотя чрезъ Польшу, въ крайней скорости мнѣ далъ знать, до котораго онъ мѣста дойдетъ, дабы я, потому зная о его положеніи, могъ учрежденія свои сдѣлать и съ нимъ сообщиться, чтò предпринимать и тѣмъ бы удержать субсистенцію къ здѣшнему мѣсту въ тѣхъ мѣстахъ, то есть въ Глинскѣ и Цыбулевѣ. Какъ оные укрѣпленные изо всѣхъ мѣстъ жители въ оныя собрались, то прошу оставить нарочитыя команды для ободренія народа; но все то надобно поспѣшнѣйше учинить, ибо изъ Кременчуга до тѣхъ мѣстъ весьма скоро и не больше какъ въ два марша поспѣть можно; инако же за безопасность помянутыхъ Глинска и Цыбулева я ручаться не могу, въ разсужденіи многочисленнаго, имѣющаго пушки, непріятеля.

11.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Видѣвшись съ княземъ Александромъ Михайловичемъ, приступлю я, ваше сіятельство, къ исполненію моего обѣщанія, отъ 17-го, въ полной надеждѣ, что вы, милостивый государь мой, примете мои мысли въ видѣ откровеннаго чистосердечія, столько изъ обыкновенія и преданности хранимыхъ къ довѣренности вашей, сколько и для собственной въ томъ моей пользы, и что ваше сіятельство, видѣвши мои мнѣнія иногда неправыми или несогласующими лучшему положенію, не оставите мнѣ мои ошибки примѣтить съ наставленіемъ истиннымъ, которому всегда и усердно я повинуюсь.

Ремесло наше свои имѣетъ правила, во многихъ случаяхъ неопредѣленныя, безъ положенія и точности, зависимыя токмо отъ предразсужденій полководцевъ. А все, чтò искусство военное въ основаніе своимъ мѣроположеніямъ пріемлетъ, состоитъ въ одномъ томъ, чтобъ

держать всегда въ виду главную причину войны, знать, что̀ было полезно и вредно въ подобныхъ случаяхъ въ прошедшихъ временахъ, совокупно положеніе мѣста и сопряженныя съ тѣмъ выгоды и трудности, размѣряя противныхъ предпріятія по себѣ, какое бы могли мы сдѣлать употребленіе, будучи на ихъ мѣстѣ.

Вотъ, милостивый государь мой, правила военныя, правила кратчайшія. Тѣ, которые имѣли счастіе прямо ихъ проникнуть и предписуемое въ нихъ узнать, славное имя получили между побѣдителями, и преимуществовать могли они всегда надъ своимъ соперникомъ, такъ какъ ошибающіеся въ сихъ соображеніяхъ платили дорого за свои инакія мѣры.

Не присвояю я тебѣ права первыхъ, но можетъ быть наиболѣ найдуся въ числѣ послѣднихъ. Изъ подражанія, однакожъ, по малѣйшей моей практикѣ, знаю собственно, сколько полезно основывать свои распоряженія на обстоятельствахъ изъясненныхъ. И такъ, осталось мнѣ за симъ по поводу вашего милостиваго взысканія, открыть вашему сіятельству мои слабыя мнѣнія, въ которую сторону лучше свои военныя операціи обратить мы можемъ.

Нѣтъ въ томъ сомнѣнія, чтобъ немногочисленнѣе теперь были войска непріятеля, и чтобъ не всѣми оными на насъ онъ устремился, нежели въ прошедшую войну *), когда его силы раздѣляли Австрійцы и Персы; а потому и не безъ труднѣе положеніе наше нынѣшнее противъ тогдашняго.

Не безъ предразсужденія тогда городъ Очаковъ прежде старались достать, нежели Хотинъ. Конечно, и въ то время пріемлемы были во уваженіе (что̀ и теперь къ тому же предстоитъ) сихъ обоихъ городовъ положенія. Хотинъ есть городъ, который по сообщенію съ Очаковомъ имѣетъ свое снабдѣніе, такъ какъ и чрезъ Молдавію несравненно въ труднѣйшихъ способахъ противъ Очакова, который, чрезъ водяную коммуникацію, отъ самаго Царьграда, все получать можетъ изобильно, во укрѣпленіе и снабдѣніе всегдашнее непріятеля. Посему судить остается о равныхъ видахъ пользы нашей и вреда непріятелю, то-есть, когда поведемъ наши дѣйствія на Очаковъ и, съ помощію Господа Силъ, успѣемъ получить оный, выиграемъ тѣмъ много надъ непріятелемъ, лишивши его первой удобности, откуда онъ могъ имѣть достаточно себѣ всякіе для войны запасы.

Симъ самымъ Хотинъ бы можно обезсилить, какъ заимствующій многое отъ Очакова. А ежели обратимся прежде къ Хотину (что̀, правда,

---

*) Т-е. кончившуюся въ 1740 году при императрицѣ Аннѣ. *П. Б.*

легче произвесть нежели первое), то мы не сдѣлаемъ, однакожъ, тѣмъ границамъ своимъ защиты, хотя бы его въ рукахъ имѣли, столько же какъ и авантажу надъ непріятелемъ, которому всегда подпорою будетъ Очаковъ.

Послѣ Очакова Перекопъ въ моемъ воображеніи занимаетъ равное или другое мѣсто, и кажутся сіи два города такими предметами, что, не овладѣвъ оными, прежде нельзя намъ возвыситься надъ непріятелемъ.

Я держу въ мысляхъ, что конфедераты, поспѣшествующіе намѣреніямъ непріятельскимъ, никогда не доведутъ до того, чтобъ непріятель многими силами вошелъ въ Польшу, для опроверженія нашихъ тамъ приготовленій. Ихъ собственный интересъ, чтобъ сохранить отъ разоренія отечество и себѣ единомысленныхъ соземцовъ, тому противится; но они, конечно понуждать станутъ непріятеля всѣ силы свои наклонить въ наши границы, а тѣмъ отвлечь и наши войска отъ Польши и, возстановивъ свободу въ своей землѣ кроющимся искрамъ подобныхъ имъ желаній, произвести пламя, пожирающее себѣ противныхъ. Въ доказательство моему мнѣнію служатъ къ границамъ уже нашимъ собравшіяся Татарскія войска, о которыхъ я, здѣсь будучи, видѣлъ извѣстія у князя Александра Михайловича, что уже проходили недалеко крѣпости нашей Елисаветы. А генералъ-маіоръ Исаковъ самъ съ своею командою привязался толь тѣсно къ сей крѣпости, что не могъ бы и знать приближенія непріятеля, ежели бы нашъ объѣздъ, наѣхавши на двухъ Татаръ, заблудившихъ отъ вьюги, не взялъ оныхъ. Въ семъ случаѣ я взыскиваю отвѣта отъ Исакова, для чего онъ не исполнилъ по моимъ повелѣніямъ и не встрѣтилъ непріятеля прежде, нежели онъ могъ покуситься на вступленіе въ наши границы.

Теперь, мнѣ кажется, милостивый государь, должны мы брать мѣры къ защищенію собственныхъ границъ и сколько можно непріятеля въ его землѣ удержать страхомъ утраты своихъ городовъ, которые ключемъ намъ бы послужили къ отверстію дальшему; и съ нашими преуспѣяніями Польша всегда зависима отъ насъ будетъ. Я смѣю себя обнадеживать свойственною вамъ справедливостію, столько же, какъ и всѣхъ сослужившихъ со мною свидѣтельствомъ, что я всегда старался возложенное на меня дѣло производить съ лучшимъ успѣхомъ, сколько мнѣ было возможно; тѣмъ болѣе теперь я къ тому устремляюсь, имѣвши счастіе носить славную довѣренность при нынѣшнемъ положеніи. Однакоже, милостивый государь, не въ предвѣщаніе, но только скажу я по естественному порядку, что часто мужество и храбрость совершенныя уступали превосходной силѣ.

1769 года Генваря 27-го. Изъ Кіева.

12.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Вступленіе непріятеля въ открытыя наши степи и слабости предосудительныя генералъ-маіора Исакова, который въ семъ случаѣ ничего къ отвращенію не употребилъ отъ меня предписаннаго, покажутъ вашему сіятельству два здѣсь приложенія *). Я теперь вообще съ княземъ Александромъ Михайловичемъ беру мѣры не допустить дальше своихъ поисковъ распространить непріятеля, сколько и свѣдать о числѣ его, не полагаясь въ томъ на увѣдомленіе господина Исакова, котораго и заочное, и не безъ страха, воображеніе заставляетъ насъ сомнѣваться.

28 Генваря 1769 г. Кіевъ.

13.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

О партіи Польскихъ жителей, искавшихъ нашей протекціи и службы, о коихъ на мое предъидущее получить имѣлъ честь вашего сіятельства отвѣтъ, послѣдованіе оказало (согласно моей въ самомъ началѣ догадкѣ), что они изъ числа тѣхъ самыхъ гайдамаковъ, которые разбиты въ Польшѣ покойнымъ ротмистромъ Дертеномъ; и теперь, по освѣдомленію о томъ господиномъ Исаковымъ, двѣсти человѣкъ изъ нихъ остаются уже взятыми, какъ изъ его рапорта сообщилъ мнѣ Ѳедоръ Матвѣевичъ.

Вчерашній день имѣлъ я отъ господина генералъ-поручика фонъ-Дальке рапортъ, что изъ пограничныхъ Польскихъ жителей по Днѣпру селеній нѣкоторые благочестивой Греческой вѣры, не имѣвши способовъ сохранить себя въ своихъ жилищахъ отъ нападенія непріятельскаго, просятъ дозволить перейти въ мѣстечко Еремѣевку и въ другія наши укрѣпленія, имѣющія мѣста, сказывая, что изъ нихъ иные къ сопротивленію вообще противъ непріятеля вооружатъ себя. Я, по единству вѣры, сосѣдству и союзу съ нами Польской державы, велѣлъ таковымъ не отказывать въ дозволеніи убѣжища въ опасности отъ общаго намъ врага, стараясь, однакожъ, чтобъ они не были безплодны въ разсужденіи защиты тѣмъ мѣстамъ.

Вашего сіятельства всепокорно прошу меня увѣрить, согласно ли вашимъ мыслямъ въ семъ случаѣ я поступаю.

1769 года Генваря 29 дня, изъ Кіева.

---

*) Приложеній при подлинномъ письмѣ не оказалось.

Копія съ ордера отъ генералъ-аншефа графа Румянцова генералъ-маіору Исакову, Генваря отъ 28 дня 1769 года.

Вы сами вообразить себѣ то можете, сколько, къ сожалѣнію, долженъ мнѣ быть непріятенъ вашъ рапортъ, отъ 24-го; а я только скажу вамъ, что оный прямо уже подтвердилъ мои до сего обо всемъ заключенія.

Что̀ я уже могу вамъ предлагать, или надѣяться, когда изъ самаго письма вашего вижу, что вы больше въ себѣ замѣшаны, нежели чтобъ къ тому привели васъ превозможенія непріятеля! Вы имѣли довольно пѣхоты и съ превосходствомъ противъ того конницы; вы должны были, познавши только вступленіе непріятеля, встрѣчать его военною рукою и, въ случаѣ сраженія, еслибы вы не могли всемѣрно одержать верхъ, тогда-бъ оставалось приличіе ретироваться съ своимъ корпусомъ къ крѣпости подъ пушки. Но вы свои дѣйствія тѣмъ начали, что̀ въ самой уже крайности предоставалось къ защитѣ; въ вашихъ рукахъ находилось все то, что̀, сами утративши, ищете теперь у другихъ.

Всякому видѣть можно изъ вашихъ изъясненій, что страхъ недостойный увеличиваетъ въ одномъ воображеніи вашемъ, безъ испытанія, силы и число непріятеля, такъ какъ напротивъ умаляетъ довольство собственныхъ.

Не стыдно ли вамъ себя унижать предъ непріятелемъ въ терпѣніи, котораго дѣйствій не остановляетъ стужа, а наши войска для оной равномѣрно ополчаться не могутъ? Я скажу справедливо, что ко всему были и есть способы, но недостаетъ только одной диспозиціи.

Вы, господинъ генералъ, отвѣтствовать будете за все то, что̀ вы уже упустили, а еще паче, ежели непріятель безпрепятственно и ко Днѣпру дойдетъ и вы его не отважитесь, сзади или со стороны ударивъ, пріостановить своимъ оружіемъ, не возлагая того на счетъ другихъ командировъ, которымъ, конечно, могутъ встрѣтиться свои должности, гдѣ они, имѣвши въ предметѣ вѣрность присяги, долгъ Отечеству и собственную честь, не по вашему стараться станутъ остановить отвагу непріятеля, и показать силу оружія нашего, замѣнивъ тѣмъ ваши слабости, возободрившія его.

Въ заключеніе, я вамъ подтверждаю исполнять непремѣнно отъ меня прежде повелѣнное и по крайности послѣднимъ поведеніемъ загладить начатки, не приносящіе вамъ славы. Я симъ разумѣю то, ежели бы непріятель пошелъ къ Днѣпру, чтобъ вамъ его преслѣдовать и всячески надъ нимъ чинить поиски.

14.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Изъ приложенныхъ здѣсь Константинопольскихъ новостей усмотрите ваше сіятельство, что Турки начинаютъ робѣть и почти раская-

ваются уже въ безразсудномъ своемъ начатіи. Сей оборотъ не можетъ для насъ инако какъ полезенъ быть, предвѣщая въ арміи и начальникахъ непріятельскихъ духъ унынія и внутреннее неустройство.

Не имѣя теперь на сей часъ ничего болѣе къ вашему сіятельству писать, возвращаю я вручителя для того только, чтобъ онъ скорѣе быть могъ при своемъ, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, нужномъ мѣстѣ.

С.-Петербургъ, 2 Февраля 1769 г.

15.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Въ дополненіе ввѣренной вашему сіятельству секретной коммиссіи касательно извѣстнаго Ламеха, почитаю я себѣ за долгъ и спѣшу сообщить вашему сіятельству дошедшее сюда, чрезъ Варшаву, извѣстіе, будто старый ханъ Крымскій, противясь соизволенію султана въ его отрѣшеніи, не уступаетъ своего мѣста Крымъ-Гирею, изъ чего теперь и происходитъ нѣкоторое замѣшательство и неповиновеніе между Татарами, раздѣляя оныхъ на двѣ партіи. Вашему сіятельству легко будетъ увѣриться въ основательности сего обстоятельства, есть-ли не инако, такъ хотя посылкою нарочнаго эмисара. Способы же онымъ воспользоваться лучше всего преподадутъ вамъ собственная вашего сіятельства прозорливость и усердіе къ службѣ и пользѣ дѣлъ Ея Императорскаго Величества.

8 Февраля 1769 г.

16.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Я не могу словами довольно выразить вашему сіятельству, сколь много обязанъ я вамъ за продолженіе важной и дружеской вашей переписки. Она льститъ моему любочестію и заставляетъ меня взаимно изыскивать всѣ удобности къ откровенному и совершенному взаимствованію съ моей стороны.

Мы теперь въ нетерпѣливости вѣдать, какой послѣдуетъ оборотъ съ стороны генералъ-маіора Исакова, по поводу того направленія, которое ваше сіятельство ему сдѣлали и которое, конечно, долженствовало тронуть въ высшей степени свойственное каждому человѣку самолюбіе, если только страхъ въ глазахъ его не превозмогаетъ надъ всѣми другими уваженіями.

Ваше сіятельство весьма хорошо поступили, приказавъ допускать въ границы наши укрывающихся изъ Польши жителей, а того еще

лучше и похвальнѣе будетъ, если вы предуспѣете мудрымъ вашимъ попеченіемъ присоединить ихъ въ подкрѣпленіе и въ пользу обороны нашей противу общаго врага.

Въ С.-Петербургѣ, 13 Февраля 1769 г.

17.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Хотя по письмамъ князя Николая Васильевича *) и не сомнѣваюсь я, что по сю пору получили уже ваше сіятельство прямо изъ Польши разсѣянное тамъ возмутительное къ гайдамачеству сочиненіе нѣкоего Запорожскаго казака, именемъ Ивана; однакожъ, въ запасъ, на всякій случай, прилагая съ онаго здѣсь переводъ, долженъ я рекомендовать вашему сіятельству, по точной волѣ Ея Императорскаго Величества, чтобъ отъ васъ, по командѣ, достаточныя мѣры и осторожности благовременно приняты были, не только къ недопущенію новыхъ въ Польшѣ гайдамацкихъ разбоевъ, но и къ совершенному пересѣченію выхода туда новыхъ удальцовъ изъ Сѣчи Запорожской. А всего лучше, чтобъ казакъ Иванъ, который нынѣ шайку себѣ набирать вздумалъ, какъ можно скорѣе отысканъ и въ страхъ другимъ достойно наказанъ былъ.

Чистосердечное приношу я вашему сіятельству благодареніе за дружеское ваше письмо, отъ 10 числа. Теперь, слава Богу, освободились мы, благоразумными вашими распоряженіями, посѣщенія непріятныхъ гостей. Надобно думать, что они впредъ повоздержнѣе будутъ, ѣмъ паче, что уже и время къ набѣгамъ ихъ удобное совсѣмъ проходитъ.

По желанію вашего сіятельства, скоро отправлю я къ вамъ родственнника вашего князя Мещерскаго. По сему случаю будетъ онъ произведенъ въ надворные совѣтники. Людей достаточно знающихъ Турецкій и Татарскій языки совсѣмъ почти теперь нѣтъ при коллегіи, и для того не изволите ли ваше сіятельство выбрать себѣ кого изъ тѣхъ, кои дѣйствительно въ тамошнемъ краѣ находятся въ командѣ Ѳедора Матвѣевича, о чемъ къ нему немедленно и указъ изъ Коллегіи отправленъ будетъ?

Въ С.-Петербургѣ, 20 Февраля 1769 г.

---

*) Репнина.

Къ письму приложенъ:

Переводъ съ копіи письма отъ Ивана казака Сѣчи Запорожской.

Я, нижеобъявленный, посылаю сіе письмо въ города и въ села Смѣлянскаго дистрикта, а чрезъ сіе, извѣщая всѣмъ атаманамъ, да городовымъ и сельскимъ собраніямъ, низкій поклонъ отдаю всѣмъ Православнымъ Христіанамъ и увѣдомляю, что я, Иванъ, Сѣчи Запорожской казакъ, призываю къ моему дѣлу охотниковъ. Того ради, Православные Христіане, ежели вы слышите о какихъ либо казакахъ и охотникахъ, въ какомъ ни есть городкѣ или селѣ, то они пусть готовятся, чтобъ съ нами за вѣру совокупитися, безъ всякой опасности, и пусть ожидаютъ до Вербнаго Воскресенія. А я какъ начну колоть и гдѣ о томъ услышится, то въ тѣ мѣста и вы пріѣзжайте на помощь; ибо я въ то время, конечно, начну преслѣдовать Поляковъ, Жидовъ и Уніатовъ, по примѣру Стефана Хмѣльницкаго. А по милости Всемогущаго Бога и Матери Его Святой, надѣюсь такое дѣло исполнить, и во всемъ томъ вамъ предводительствовать. Но какъ я, въ самой скорости, начинать стану, такъ равно и вы къ повелѣваемому сроку будьте въ готовности. А находится при мнѣ войска всего шестьсотъ человѣкъ Запорожцевъ. Ежели же вы станете ожидать другой надежды, то Поляки, Жиды и Уніаты имѣютъ васъ содержать въ крайней бѣдности. А кои Поляковъ придерживатися будутъ, то имъ тѣмъ заплачено будетъ, чѣмъ теперь Полякамъ, Жидамъ и Уніатамъ платится; ибо сіе дѣлается не за пожитки, ниже за сокровище, но единственно за вѣру Христіанскую, которую теперь притѣсняютъ и гонятъ. О чемъ въ семъ подписуяся, полагаю знаменіе креста святаго ✝.

Иванъ, казакъ Сѣчи Запорожской.

Переводилъ переводчикъ Павелъ Грамацкій.

18.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Непріятель, теперь гораздо въ бо́льшихъ силахъ, нежели въ старыя времена, устремился вдругъ въ разныхъ мѣстахъ на самыя открытыя наши границы; но нигдѣ не удалось ему выиграть, и ежелибъ господинъ Исаковъ все отъ меня повелѣнное соблюлъ, то ему сія попытка обошлась бы въ чувствительную цѣну.

По первому росписанію арміи, положенъ былъ въ мою часть изъ Финляндской дивизіи корпусъ егерей; но въ послѣднемъ, въ которомъ толикоежъ число полковъ мнѣ досталось, уже онъ отданъ въ часть Александра Михайловича. При моихъ операціяхъ я въ такихъ людяхъ считая много пользы, пишу къ графу Захару Григорьевичу, не можно ли мнѣ ихъ оставить, и вашего сіятельства прошу къ тому помощи.

Для отправленія у меня дѣлъ письменныхъ, не можно ли мнѣ сдѣлать милости, взыскать моего свойственника князь Сергѣя Васильевича Мещерскаго? Впрочемъ, какихъ вашему сіятельству угодно опредѣлить людей, знающихъ токмо языки тѣхъ народовъ, съ которыми у меня будетъ дѣло.

Изъ Глухова, 10 Февраля 1769 г.

19.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Присоединенными къ сему моими реляціями подношу я въ одной увѣдомленіе о возвращеніи полковъ въ квартиры изъ Елисаветградской провинціи; другою осмѣлился Ея Императорскому Величеству представить, что Ѳедоръ Матвѣевичъ изъ моей части требуетъ въ Кіевъ, для карауловъ и препровожденія транспортовъ, съ потребностями для первой арміи, военныхъ людей, которыхъ я удѣлить отнюдь не въ состояніи.

Ваше сіятельство, подавая мнѣ удостовѣрительные опыты, при всякомъ случаѣ своей откровенности и партикулярной ко мнѣ благосклонности, обязали наисильнѣйше меня быть признательнымъ предъ вами, съ полнымъ чистосердечіемъ во всѣхъ своихъ мысляхъ.

Въ чувствованіи сего объяснюсь я, милостивый государь, въ томъ, о чемъ еще я не говорилъ, и хотѣлъ бы всегда замолчать, ежелибъ могли мы твердо положиться, что предпріятія непріятельскія нашимъ первымъ воображеніямъ всегда будутъ согласны въ послѣдованіяхъ своихъ; но когда я изъ основаній, кажется непреложныхъ, представить смѣю, что и съ ихъ стороны не непристойно ожидать противъ обѣихъ нашихъ частей выведенныхъ силъ отъ Очакова и Хотина (которыя, ежели будутъ устроены въ образѣ наступательномъ, то, конечно, во всѣхъ частяхъ своихъ найдутся усилены къ операціямъ предпріемлемымъ всею сразмѣрностію, согласующею расположенію армій дѣйствующихъ): въ такомъ послѣдованіи ваше сіятельство, толь свойственнымъ вамъ проницаніемъ, обозрите, что мои уже мѣры восчувствовать тогда должны предъ собою виды, превосходящіе соотвѣтствованію. Поелику пѣхота, самое твердое основаніе въ воинствѣ, вся лучшая опредѣлена въ первую армію, а у меня ея столь мало, что теряетъ уже свою пропорцію противъ другихъ легкихъ войскъ, мнѣ назначенныхъ: посему я отъ вашего сіятельства смѣло могу надѣяться не только подкрѣпленія вашими представленіями моего о непринужденіи меня раздроблять малыя силы, но еще изъ свойственнаго вамъ и публикѣ извѣстнаго попеченія о благѣ Отечества, прибавленія впредъ надежныхъ силъ, примѣчая по оборотамъ противныхъ.

Не примите, милостивый государь мой, сихъ моихъ гаданій за безвременную себѣ докуку. Я ихъ вамъ представляю, отъ одной стороны, въ обыкновенной откровенности предъ моимъ милостивцемъ, желая, во взаимство сему, воспользоваться его на сей случай наставленіями; съ другой, чтобъ не быть мнѣ иногда обвиняемымъ, что я недовольно предусмотрителенъ по своему званію.

Глуховъ, 25 Февраля 1769 г.

20.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Пользуясь отправленіемъ здѣсь включеннаго именнаго къ вамъ рескрипта, не могу обойтиться, чтобъ здѣсь не представить въ дружескую конфиденцію вашему сіятельству мое искреннее примѣчаніе. Сей рескриптъ основанъ на томъ: въ совѣтѣ Ея Императорскаго Величества разсуждено, что генеральное преименованіе регулярной службы чинами всѣхъ казацкихъ начальниковъ произведетъ зависть во всѣхъ другихъ нерегулярныхъ войскахъ. А какъ я разумѣю, то намѣреніе вашего сіятельства только въ томъ сокращается, чтобъ вы имѣли власть давать персонально военные чины тѣмъ только, которые, по усмотрѣнію вашему, при дѣйствительныхъ военныхъ экспедиціяхъ чѣмъ либо себя отличатъ противъ непріятеля. По моему же мнѣнію, такое поощреніе не можетъ быть ничѣмъ предосудительнымъ, и для того покорно прошу подать ближайшее по сему ваше объясненіе.

24 Февраля 1769 г.

21.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Почтенное вашего сіятельства письмо, отъ 25-го Февраля, служитъ мнѣ новымъ и убѣдительнымъ опытомъ дружбы вашей, а въ семъ видѣ и пріемля его дѣйствительно съ чувствительнѣйшею благодарностію, чистосердечно признаюсь я, напротивъ, что откровенно сообщаемыя мнѣ ваши мнѣнія служатъ обыкновенно полезными правилами разсужденій моихъ въ совѣтѣ Ея Императорскаго Величества, гдѣ я, сколько возможности и силъ моихъ доставать будетъ, не упускаю имѣть всегдашнее попеченіе о способствованіи дѣлъ ввѣренной вашему сіятельству части.

Мы всѣ не нечувствуемъ сами здѣсь, что армія ваша отнюдь не въ такой силѣ, чтобъ вездѣ и свободно дѣйствовать могла; но паче знаемъ довольно и предовольно, что вся она составлена изъ того толь-

ко, что́ за расходомъ собрать было можно. Нѣтъ, конечно, по тому и предполаганія знатныхъ съ вашей стороны наступательныхъ дѣйствій. На первый случай ограничиваются всѣ желанія на одно только охраненіе собственныхъ границъ и нѣкоторое раздѣленіе атенціи непріятельской въ облегченіе наступательной чрезъ Польшу арміи. Того болѣе могъ я еще, по сущей истинѣ и съ удовольствіемъ, увѣрить ваше сіятельство, что сама Ея Императорское Величество отнюдь не изволитъ считать, чтобъ вами, яко искуснымъ полководцемъ и истиннымъ сыномъ Отечества, было когда и малѣйшее что упущено изъ того, въ чемъ только усердіе, прозорливость и недостатки физическіе награждать могутъ; а, напротивъ, не сомнѣвается она, что вами и съ умѣренными ресурсами, по крайней возможности, исполнено будетъ все то, что̀ только въ предѣлахъ возможности быть можетъ. Я открою далѣе вашему сіятельству, въ дружеской конфиденціи, что теперь дѣйствительныя уже пріемлются мѣры къ достаточному усиленію всѣхъ регулярныхъ войскъ, изъ котораго вы, конечно, получите себѣ достаточное прибавленіе; надобно только дать теченіе времени и согласовать расположенія свои, какъ по настоящимъ, такъ и по ожидаемымъ способамъ.

Требованіе Ѳедора Матвѣевича о войскахъ, для караула, можетъ имѣть основаніе свое въ томъ, что онъ заботится иногда о скоромъ вдругъ пріумноженіи въ Кіевѣ плѣнниковъ, кои теперь разнокалиберные и съ разныхъ сторонъ къ нему высылаются; но сей заботѣ сдѣланъ уже конецъ: ибо ему именнымъ Ея Императорскаго Величества рескриптомъ, съ коего здѣсь копія слѣдуетъ, предписано отправлять плѣнныхъ въ назначенныя имъ мѣста, при малыхъ только гарнизонныхъ командахъ, съ препровожденіемъ обывателей отъ селенія до селенія, чѣмъ войска удобно замѣняемы быть могутъ, съ довольною, однакожъ, безопасностію внутри собственныхъ своихъ земель.

Другое требованіе Ѳедора Матвѣевича о дачѣ войскъ команды вашей для препровожденія транспортовъ къ первой арміи, скажу я прямо вашему сіятельству (но по одной, однакожъ, къ вамъ дружеской и безпредѣльной откровенности), что оно мнѣ кажется и странно и непонятно. Правда, непристойно слѣпому судить о краскахъ, слѣдовательно же и мнѣ, не имѣя никакого въ томъ свѣдѣнія, о дѣлахъ, до военной службы и искусства принадлежащихъ; но одинъ разсудокъ убѣждаетъ меня, что армія, простирающаяся до восьмидесяти тысячъ человѣкъ, какова есть ввѣренная князю Александру Михайловичу, не вышедъ еще изъ границъ, не можетъ и не долженствуетъ имѣть недостатка въ войскахъ, нужныхъ къ прикрытію собственныхъ ея транспортовъ, да и то не въ лицѣ непріятеля, но въ землѣ, ею же занятой.

Сіе разсужденіе, которое сколь ни просто, но можетъ, однакожъ, иногда имѣть, съ другой стороны, противные себѣ резоны, коихъ я ни предусматривать ни угадывать не могу, полагаю я здѣсь собственно предъ вашимъ сіятельствомъ, какъ истиннымъ моимъ другомъ, которому я всею моею конфиденціею долженъ.

С.-Петербургъ, 12 Марта 1769 года.

22.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Всепочтеннѣйшее писаніе вашего сіятельства собственноручное, съ примѣчаніемъ на мой докладъ о чиновникахъ Малороссійскихъ, приноситъ мнѣ новое и отличное оказательство толь милостиво продолжаемой вашей ко мнѣ откровенности.

Не употреблю я тутъ извиненій, которыя предъ вашимъ сіятельствомъ были-бъ въ семъ излишни, что мой отвѣтъ къ вамъ не есть собственноручный, будучи увѣренъ, что ваше сіятельство о моемъ почеркѣ довольно извѣстны, коль онъ чоренъ и нечётокъ, такъ что написаннаго мною разобрать, безъ моего перевода, всякому трудно.

Въ полной мѣрѣ искренняго чистосердечія изъяснюсь я вашему сіятельству въ тѣхъ обязательствахъ, которыя вы въ семъ письмѣ, какъ другъ и милостивецъ, для меня предоставили.

Противополагаемая зависть въ другихъ нерегулярныхъ войскахъ отъ того, ежелибъ Малороссійскихъ нѣкоторыхъ старшинъ переименовать въ чины регулярные, по моему слабому мнѣнію, не только не причиняетъ осторожности, но еще и желательна. Сколько бы много открылось съ тѣмъ пользы, ежелибъ въ сихъ народахъ возбудилось похвальное честолюбіе и исканіе славы, источникъ всѣмъ труднымъ подвигамъ! Но повѣрьте, милостивый государь, нарочитому моему испытанію, что не сихъ склонностей суть самые здѣшніе обыватели, которые просвѣщеннѣйшими предъ другими числятся. Они свое состояніе послѣднее предпочтутъ всякому чину блистательному, и застарѣлое въ нихъ предразсужденіе, чтобъ жить такъ, какъ прадѣды ихъ живали, отвращаетъ отъ всего достойнаго. Здѣсь всякъ добивается себѣ чина, чтобъ, подкомандныхъ по оному имѣвъ себѣ почти данниками, устроить и распространить свое домовство. И для того не хотѣли-бъ они никогда разстаться съ симъ положеніемъ, нѣкоторымъ партикулярно выгоднымъ, а для общества и государства безплоднымъ.

Ваше сіятельство обратите примѣчаніе на Слободскую губернію. Въ ней живущимъ старшинамъ даны чины армейскіе; но многіе-жъ ли ихъ примѣру послѣдовали, и подобными имъ быть искали?

Я, дѣлая мой всеподданнѣйшій докладъ Ея Императорскому Величеству о переименованіи здѣшнихъ старшинъ, представлялъ себѣ примѣромъ постановленіе для Слободскихъ чиновъ и не въ другомъ мнѣніи, но совершенно въ томъ, которое ваше сіятельство отгадаете, просилъ себѣ на сіе довѣренности и свободы, чтобъ награждать отличившихся достоинствами въ нынѣшней войнѣ, къ ободренію и равнымъ подвигамъ и другихъ, что́ самое именно изображено и въ моемъ докладѣ. А коснулся я генерально ко всѣмъ чинамъ, по причинамъ слѣдующимъ.

Они теперь подчинены военному уставу; но какъ можно наклонить силу и строгость военнаго права на разнообразныя степени учрежденныя тамо, каковы Малороссійскіе старшины, неимѣющіе своимъ должностямъ точныхъ постановленій? И потому всегда станутъ отзываться при своихъ преступленіяхъ противъ военнаго устава, что они не знаютъ, къ какому званію изъ предписанныхъ въ семъ они принадлежатъ, извиняясь къ тому же своими обыкновеніями во всякомъ дѣлѣ, которыхъ изъясненія прямаго въ чемъ бы оныя состояли, нигдѣ не находится, и существуютъ только оныя по словеснымъ преданіямъ.

При теперешнихъ нарядахъ къ походу многіе, являясь у меня, представляютъ свою невозможность къ службѣ, поелику по своимъ чинамъ не имѣютъ никакого оклада, что̀ и справедливо; ибо здѣсь одни имѣютъ все, а другіе ничего, какъ я о томъ представлялъ и въ моемъ докладѣ.

Военные также чины отправляютъ здѣсь по землѣ совокупно и гражданскія должности, и въ нынѣшнемъ случаѣ, отзывая ихъ на службу военную, въ смѣшеніи таковомъ нельзя обойтиться безъ остановки.

Генералы, имѣющіе теперь въ командѣ казаковъ, повсечасно отзываются мнѣ, кромѣ всякаго уваженія, что они неисправны и вовсе ненадежны къ службѣ; какъ наибольше на ихъ слабостяхъ и господинъ Исаковъ свои основываетъ извиненія, а ихъ число весьма многое. Хотя и безъ жалованья, однакожъ провіантъ и фуражъ себѣ получаютъ казенные.

Сіи трудности и безпорядки я хотѣлъ, сколько мнѣ возможно, паче въ лучшее нынѣшнее время замѣнить въ семъ войскѣ мѣрами приличными, которыми бы со временемъ и возрастилъ до наибольшей степени всякую исправность нечувствительнымъ при томъ образомъ, переименованіемъ достойныхъ старшинъ въ регулярные чины, и отвѣтствовалъ бы всегда за то, что недостойный или же не соотвѣтствующій своею службою и способностями никогда-бы не возымѣлъ участія въ награжденіи, при позволеніи мнѣ онаго. Впрочемъ, всякаго на моемъ мѣстѣ будущаго одно бы уже то изъ свойственнаго сожалѣнія побуждало къ

ходатайству, что здѣсь обремененные премногою службою и лѣтами старшины, не имѣвши себѣ за то никакого воздаянія или уравненія съ чинами армейскими, остаются въ упослѣжденіяхъ; а примѣры видимые состоянія отцовъ производятъ уныніе къ службѣ и въ дѣтяхъ.

Сіи мои изъясненія примите, ваше сіятельство, какъ отъ чистосердечнаго и преданнѣйшаго себѣ человѣка, который и выразилъ оныя во взаимство вашему откровенію, которое отъ времени возвышается въ драгоцѣнности своей и лестности для меня. Я былъ уже на выѣздѣ къ арміи, но, по полученному рескрипту, отправлюсь теперь для положенія общаго мнѣнія съ Ѳедоромъ Матвѣевичемъ въ городъ Нѣжинъ, куда я его прошу вскорѣ пріѣхать. Съ симъ вмѣстѣ представлю мое также мнѣніе, требуемое о устроеніи Малороссійскаго войска.

6 Марта 1769 года, изъ Глухова.

23.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Присоединивъ къ сему двѣ мои реляціи, одну о занятіи уже генераломъ поручикомъ Вернесомъ Азова, и другую съ прошеніемъ о доставленіи мнѣ чрезъ Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе нужныхъ потребностей къ устроенію надежной переправы чрезъ рѣку Днѣпръ, въ разсужденіи послѣдней изъяснюсь я вашему сіятельству, что, хотя въ поднесенномъ мнѣніи нашемъ съ княземъ Александромъ Михайловичемъ положено было мѣсто для сея переправы въ Переволочной, но теперь, какъ князь Александръ Михаиловичъ отдалился съ своею арміею отъ границъ нашихъ, нужно мнѣ стало ближе уже подвинуться къ Новороссійской губерніи. Не повторяя самихъ тѣхъ резоновъ, которые изобразилъ я въ семъ представленіи, сколько мнѣ нужно обѣ стороны сея рѣки имѣть въ своей власти, учредивъ на всякое время надежный переходъ чрезъ оную, прошу я только ваше сіятельство о вспомоществованіи моей просьбѣ, что̀ касается до полученія мнѣ къ сей переправѣ понтоновъ, или въ недостаткѣ оныхъ байдаковъ, примѣрно какъ и въ прошедшую Турецкую войну таковы суда изъ Брянска сплавлены на низъ были, помѣстивъ при отпускѣ оныхъ изъ тѣхъ мѣстъ и всѣ потребные припасы для моста. И хотя мнѣ и самому, по довѣренности Высочайшей отъ Ея Императорскаго Величества, можно бы начать строеніе сей переправы, но неудобности довольныя предстоятъ, по неимѣнію въ здѣшнихъ мѣстахъ къ сему потребностей, и первыхъ паче судовъ. Необходимость сія, болѣ при наступленіи уже времени открывать кампанію, заставляетъ меня утруж-

дать ваше сіятельство, какъ раздѣляющаго своимъ попеченіемъ съ нами и военныя наши должности и показывающаго всегда всякое споспѣшествованіе онымъ своими стараніями.

Марта 20 дня 1769 года. Глуховъ.

24.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Къ наибольшему прискорбію, слыша отъ проѣзжающихъ о болѣзненномъ припадкѣ Всемилостивѣйшей нашей Государыни, къ рукамъ вашего сіятельства препровождаю одно мое всеподданнѣйшее Ея Императорскому Величеству представленіе. Оно содержитъ въ себѣ увѣдомленіе о моемъ отъѣздѣ завтрашній день къ Днѣпру, и что я собою намѣренъ осмотрѣть всю сторону даже до Бахмута, чтобъ, удобности очевидно познавши, назначить мѣста къ переправамъ, для рандеву, и гдѣ будетъ способнѣе взять военныя дѣйствія. Также прошу о изданіи Высочайшаго повелѣнія въ удержаніе насилій, терпимыхъ здѣшними жителями отъ проѣзжихъ разныхъ командъ, которыя, при тягостяхъ довольныхъ сей земли по нынѣшнему военному времени, прибавляютъ наибольше чувствительности, паче взиманіемъ подводъ, которое до того неумѣренно, что и курьерскихъ, по имянному Ея Императорскаго Величества указу, отобранныхъ насильно берутъ въ свои повозки, дѣлая такое вынужденіе часто съ боемъ самихъ старшинъ Малороссійскихъ, употребленныхъ для смотрѣнія на почтовые станы.

Еслибы сіе не нашло еще Ея Величество въ такомъ благосостояніи здравія, чтобъ возможно было мое представленіе поднесть, то я вашего сіятельства прошу избрать какое посредство по вашему усмотрѣнію, чтобъ запрещеніемъ строгимъ удержать наглости проѣзжихъ, несносныя для здѣшнихъ обывателей, которыя безъ того въ моемъ отсутствіи больше еще могутъ быть причиняемы.

За пріѣздомъ моимъ изъ Нѣжина и доднесь, удержали меня въ Полтаву отправиться случившаяся болѣзнь и разлитіе весеннее рѣкъ, на дорогѣ лежащихъ. А теперь, отправляясь къ арміи, наибольше приношу мою просьбу вашему сіятельству о продолженіи непремѣнномъ вашей драгоцѣнной ко мнѣ милости, которую пріобрѣтать одною изъ первыхъ должностей поставляю въ моей жизни, пріемля себѣ въ честь то всегда, чтобъ руководству благосклонному вашего сіятельства вездѣ неотступно слѣдовать въ моихъ дѣлахъ.

Ваше сіятельство при первомъ случаѣ одолжите меня обрадованіемъ ко всеобщему и вожделѣнному нашему удовольству о облегченіи дражайшаго здравія Всемилостивѣйшей Государыни.

Апрѣля 8 дня 1769 года. Глуховъ.

P. S. На мое письмо, отъ 4 Февраля, о взятомъ коммиссарѣ Уманскомъ, я еще отъ вашего сіятельства не получилъ увѣдомленія. А при отъѣздѣ моемъ теперь въ разсужденіи просьбы съ нимъ взятаго одного шляхтича Гиновскаго, такъ какъ и еще одиннадцати человѣкъ служителей, которые не по винѣ, но только для сокрытія ареста надъ Дембскимъ забраты, яко ѣхавшіе съ нимъ вмѣстѣ (о чемъ ко мнѣ тогда же писалъ князь Прозоровскій) отпустилъ теперь ихъ всѣхъ, удержавши одного только Дембскаго, въ Кіевъ къ Ѳедору Матвѣевичу, чтобъ онъ въ отпускѣ ихъ за границу поступилъ по своему разсмотрѣнію, выправившись о состояніи помянутаго Гиновскаго, котораго не только ни въ какомъ злоумышленіи участія не видно, но еще тѣмъ паче несомнительнымъ кажется онъ человѣкомъ, что и братъ его, какъ онъ показуетъ, въ Новороссійской губерніи находится въ пикинерныхъ полкахъ ротмистромъ. Я прошу вашего сіятельства, въ отсутствіи моемъ, такъ объ означенномъ Дембскомъ, яко и о гарнизонѣ забранномъ изъ Умани, по моей реляціи отъ 25 Марта, снабдить резолюціею въ Глуховъ господина генералъ-майора князя Мещерскаго.

25.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Дѣла наши внутреннія и внѣшнія не представляютъ мнѣ теперь ничего новаго къ сообщенію вашему сіятельству. Доходящія сюда Царьградскія извѣстія положительно подтверждаютъ разстройство и замѣшательство въ принимаемыхъ тамъ военныхъ мѣрахъ; а знаніе слуховъ, простирающееся и до самого правительства, увѣнчалось еще полученною вѣдомостію о неудачливой попыткѣ хана Крымскаго на ввѣренныя вашему сіятельству границы, отъ которой они столь знатнымъ успѣхомъ себя ласкали, что сія неудача въ первыхъ предпріятіяхъ Крымъ-Гирея произвела уже несогласіе и недовѣрку между имъ и султанскимъ совѣтомъ.

Въ С.-Петербургѣ, 14 Апрѣля 1769 года.

26.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Поспѣшая теперь отправить къ вашему сіятельству слѣдующій при семъ именной Ея Императорскаго Величества циркулярный ко всѣмъ пограничнымъ губернаторамъ, секретный рескриптъ, предоставляю я себѣ честь отвѣтствовать на послѣднее вашего сіятельства почтеннѣйшее письмо о подчиненіи лучшему порядку проѣзжихъ по доро-

гамъ вашей губерніи, при возвращеніи къ вамъ того же самаго курьера, который сюда привезъ вашего сіятельства о томъ представленіе.

Въ С.-Петербургѣ, 21 Апрѣля 1769 года.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Изъ слѣдующихъ здѣсь Константинопольскихъ вѣдомостей усмотрите ваше сіятельство, что напослѣдокъ и верховный визирь и капитанъ-паша вступили въ дѣйствительный походъ. Какъ сіи оба обстоятельства, и особливо отправленіе Турецкаго флота въ Черное Море, заслуживаютъ крайнее вниманіе для всего попеченію вашему ввѣреннаго края, то и не хотѣлъ я сообщеніемъ вамъ объ оныхъ нимало умедлить, дабы ваше сіятельство ко всѣмъ непріятельскимъ оборотамъ надежнѣе приготовиться могли.

Въ С.-Петербургѣ, 9 Мая 1769 года.

P. S. Сего числа имѣетъ, по новѣйшимъ извѣстіямъ, прибыть верховный визирь съ арміею къ Дунаю.

28.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Я не пользуюсь, ваше сіятельство, при семъ случаѣ никаковымъ новымъ изъясненіемъ, потому что отъ князя Александра Михайловича никакихъ же дальнѣйшихъ увѣдомленій не имѣю, послѣ отступленія его обратнаго за Днѣстръ, по одержанныхъ при Хотинѣ авантажахъ.

Мои движенія какъ зависимы отъ его успѣшныхъ дѣйствій, то сіе одно уже, кромѣ другихъ по недостаткамъ препятствій, дѣлаетъ мой шагъ медлительнымъ и небезостановочнымъ; я, однакожъ, при всемъ томъ свое положеніе, сколько можно, простираю ко всякому споспѣшествованію сильнымъ дѣйствіямъ другихъ, что̀ ваше сіятельство соизволите видѣть въ приложенной моей реляціи.

Вчерашній день присланъ ко мнѣ изъ Сѣчи Татаринъ, подхваченный Запорожскими казаками, близъ Очакова. Онъ подтверждаетъ, вѣроятнымъ образомъ, о смерти хана Крымъ-Гирея, и сказуетъ себя самовидцемъ тому, что тѣло его чрезъ Очаковъ въ Бахчисарай, для погребенія, провезено. На его мѣсто возведенъ Девлетъ-Гирей, сынъ Асланъ-Гирея-хана, и уже сей новый ханъ на пути находится изъ Царьграда, отъ котораго распоряженій они всѣхъ военныхъ предпріятій въ сей сторонѣ надѣются.

Я, ваше сіятельство, конечно, не предполагаю, чтобъ гдѣ быть мнѣ могъ случай къ славному дѣлу; одно счастіе мое, ежели я преодолѣю силами малыми и еще и въ малѣйшей части раздробляемыми, быстроту легкаго непріятеля, извѣстнаго въ многолюдствѣ, и постою съ успѣхомъ противъ его набѣговъ, во всемъ пространствѣ нашихъ границъ. Для сего я, при отдѣленномъ корпусѣ къ Бахмуту, оставилъ все и Калмыцкое войско, чтобъ надежнѣе утвердить защиту съ той стороны, безъ которой всѣ жители были бы жертвою непріятелю, при первомъ его покушеніи. А самъ, хотя въ маломъ числѣ, стану обращаться противъ всего мнѣ предстоящаго, уповая, что во всякой трудности найду себѣ облегченіе въ благоразумномъ совѣтѣ и помощи усердной моего милостивца.

14 Мая 1769 года. Изъ главной квартиры въ Круковомъ шанцѣ.

P. S. При печатаніи уже сего письма, я получилъ отъ князя Александра Михайловича новыя увѣдомленія, которыя внесены въ мою реляцію. Ваше сіятельство, изъ его предварительнаго моему доношенія, уже видѣть изволили, что положеніе оборонительное клонится на его сторону, а на мою идутъ дѣйствія наступленія, превосходящія мои силы. Я, не утруждая ваше сіятельство распространеніемъ обстоятельствъ, которыя натурально сами ваше сіятельство всѣ представите по своему проницанію, воспомяну токмо о моихъ мнѣніяхъ, сообщенныхъ вашему сіятельству изъ Кіева, отъ 27 Генваря, сколько послѣдованіе открывающееся ихъ оправдаетъ.

29.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Получа Высочайшій Ея Императорскаго Величества рескриптъ изъ Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи, съ повелѣніемъ, чтобъ бывшаго въ Крыму консуломъ и пожалованнаго потомъ надворнымъ совѣтникомъ Александра Никифорова, который теперь въ Кіевѣ находится, помѣстить мнѣ въ Малороссійской Коллегіи, или въ другое способное мѣсто, вашему сіятельству хотѣлъ я прежде на сіе донести, что ни въ Малороссійской Коллегіи, ниже гдѣ либо, по моему вѣдомству, способнаго мѣста я для него найти не могу. А какъ теперь въ Новороссійской губерніи военной службы люди, штабъ-офицеры и сами полковники, обязаны дѣлами, по которымъ и въ полки ихъ къ должностямъ отлучить неудобно, то помянутый г-нъ Никифоровъ здѣсь можетъ быть употребленъ съ двоякою пользою, какъ въ разсужденіи мѣста по способности его, такъ и что вступленіемъ своимъ освободитъ

онъ военнаго чиновника для теперешней службы. И сіе вашему сіятельству имѣю честь предать въ благоразсмотрѣніе, а самъ пользуюсь возобновить истинное увѣреніе о непремѣнной преданности и таковомъ же высокопочитаніи, съ которымъ есмь и пр.

5 Іюня 1769 года. Изъ главной квартиры въ Крюковомъ шанцѣ.

30.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Примѣчаемыя непріятельскія движенія, часъ отъ часу, открываютъ явственнѣе, что онъ перемѣнилъ положеніе, противъ котораго мы свои устроили мѣры. Собраніе его войскъ къ Бендерамъ и переправы уже многаго числа на сію сторону рѣки Днѣстра, столько, какъ и всѣ получаемыя извѣстія, увѣряютъ, что главными силами повесть онъ намѣренъ стремленіе на наши собственныя границы, отдѣливъ для Польши къ Хотину нѣкоторый токмо корпусъ. При сей перемѣнѣ, которая оправдаетъ мои мнѣнія, кои по поводу вашего взысканія осмѣлился я вашему сіятельству предсказать въ письмѣ моемъ изъ Кіева, Генваря отъ 27, вы, милостивый государь мой, сами довольно знаете, каковымъ я долженъ теперь объять быть усиленіемъ, и что совсѣмъ другія обстоятельства встрѣчаю, нежели каковы отъ вашего сіятельства предъ симъ мнѣ изъяснены. Сверхъ того, что поворотъ непріятеля одинъ уже предсказуетъ несоразмѣрность моихъ силъ, но я еще, по движеніямъ удаляющимся князь Александра Михайловича и несоотвѣтствующимъ настоящей непріятельской, какъ и моей позиціи, не меньше озабоченъ, не видѣвъ не токмо отъ его стороны себѣ подкрѣпленія, но, нѣкоторымъ образомъ, въ настоящемъ случаѣ, онъ еще ослабилъ мои силы, взявъ изъ моей части три шквадрона гусарскихъ и объявляя, что о удержаніи ихъ представилъ Ея Императорскому Величеству.

По той милости и дружбѣ, на которыя, по многодознаннымъ опытамъ, я всегда имѣю мое упованіе, прошу вашего сіятельства вспомоществовать мнѣ въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ своимъ наставленіемъ и поставить въ состояніе, чтобъ я ополчиться могъ съ успѣхомъ противъ многолюдства, превосходящаго нынѣшнія мои силы и угрожающаго онымъ, должно сказать, опасностію. Признаюсь вашему сіятельству, какъ своему милостивцу, и въ томъ чистосердечно, что я не усомнился бы постоять и перевѣдаться малою моею частицею съ превосходнымъ усиліемъ мнѣ угрожающимъ; но при прежнихъ случаяхъ, дознавши къ моей чувствительности отъ многихъ нареканія, якобы я

не жалѣю людей и, безъ пощады ихъ, ищу токмо всегда одного бою, то и опасаюсь того, чтобъ въ нынѣшнемъ случаѣ не возобновить о себѣ той же репутаціи.

14 Іюня 1769 года.
Изъ главной квартиры Самбура.

31.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Я признаюся вамъ чистосердечно, что меня весьма много радуетъ продолженіе дружеской вашей откровенности и отдаваемая искреннимъ моимъ къ вамъ мнѣніямъ полная и ласкательная справедливость. Увѣрьтесь, напротивъ, милостивый государь мой, что я, почитая дружбу вашу за великое себѣ пріобрѣтеніе, не только никогда не пренебрегу соотвѣтствовать оной съ моей стороны совершенною преданностію, но что паче, во всякое время и всѣми силами, стараться буду заслуживать неприкосновенное ея сохраненіе; ибо я единожды навсегда поставилъ себѣ за правило слыть и быть въ самомъ дѣлѣ истиннымъ и непремѣннымъ вашего сіятельства другомъ, качество, въ которомъ равномѣрно и васъ къ себѣ полагаю безъ малѣйшаго изъятія.

На семъ основаніи, кое разрѣшаетъ уже всякое между нами сомнѣніе, слѣдовало бы мнѣ войти здѣсь въ точное раздробленіе причинъ всего того, что̀ по сію пору на Днѣстрѣ непріятнаго случилось; но благоразумная осмотрительность воспрещаетъ ввѣряться много бумагѣ, въ чемъ еще и нужды тѣмъ менѣе, что ваше сіятельство сами, съ обыкновеннымъ вашимъ проницаніемъ, можете, конечно, сами собою сдѣлать заключенія.

Что́ отсюда къ поправленію служить могло, оное все уже исполнено единственно собственнымъ мудрымъ предусмотрѣніемъ и твердостію Ея Императорскаго Величества, какъ то ваше сіятельство изъ послѣднихъ отъ меня депешей подробно спознать могли. Теперь начинаемъ уже мы видѣть плоды Высочайшихъ Ея Величества повелѣній: ибо армія князя Александра Михайловича, прогнавъ изъ здѣшней стороны Днѣстра знатный корпусъ непріятельскихъ войскъ, стала дѣйствительно сама на тотъ берегъ переходить, въ намѣреніи установить себѣ наономъ твердую ногу и содержать непріятеля въ уздѣ всегдашнею опасностію тыла или флянговъ его.

Такая выгодная позиція арміи князя Александра Михайловича долженствовала уже, между тѣмъ, по гаданіямъ и исчисленіямъ нашимъ, облегчить заботливость положенія вашего, при обращеніи на васъ главныхъ Турецкихъ силъ и самого верховнаго визиря; ибо ей, кажется, не

неудобно было искусными, съ своей стороны, движеніями и оборотами поставить ихъ въ опасность двухъ огней, слѣдовательно же и остановить, а на послѣдній конецъ умѣрить стремительное на васъ наступленіе.

Мы находимся теперь дѣйствительно въ сей, нами желаемой, мысли, надѣясь потому услышать скоро, что верховный визирь, взаимными и въ одну цѣль управляемыми маневрами обѣихъ армій, приведенъ къ разстройкѣ своего плана и принужденъ нашелся обратить главнѣйшее свое вниманіе на собственную свою безопасность.

Совсѣмъ тѣмъ, на случай ошибки, въ томъ ласкательномъ, но не безосновательномъ, однакожъ, гаданіи нашемъ, которое основывается равно на невѣжествѣ, крайнемъ неустройствѣ и совершенной индисциплинѣ непріятеля, какъ и на большей, повидимому, со стороны Днѣстра удобности объять страхомъ тылъ и фланги его, позвольте мнѣ, милостивый государь мой, открыть вамъ здѣсь персональное мое дружеское мнѣніе о истинномъ предметѣ, къ которому ввѣренная вамъ армія, съ самаго начала опредѣленія военнаго плана нашего, Ея Императорскимъ Величествомъ назначена была и въ которомъ по сю пору никакой перемѣны не послѣдовало, ниже по существу обстоятельствъ послѣдовать еще могло.

Здѣсь предполагаемо было, что главныя непріятельскія силы обратятся къ Днѣстру и отъ Хотина въ Польшу операціи свои вести будутъ. Вслѣдствіе того къ сей сторонѣ собрано и нашихъ войскъ большая часть, какъ для сильной и надежной Туркамъ встрѣчи и привлеченія въ сію сторону театра войны, такъ и для содержанія въ страхѣ волнующейся Польши, которая бы инако генеральнымъ пламенемъ скоро противу насъ воспылала, еслибъ только непріятель съ возмутительскими гнѣздами и сонмищами безпосредственное сообщеніе получать могъ. Сіе расположеніе было еще и тѣмъ разсужденіемъ утверждаемо, что Турки, представляя себѣ отдаленность и прочія, отъ положенія мѣстъ происходящія, неудобства къ приходу до нашихъ границъ, сами себѣ поставятъ выгоднѣйшею операціею искать насъ по Польшѣ. Почему, съ другой стороны, предписанное вашему сіятельству, сверхъ особливо ввѣренной вамъ стражи собственныхъ границъ, движеніе къ Бугу, во время привлеченія главныхъ непріятельскихъ силъ къ операціямъ князя Александра Михаиловича, не могло заключать въ себѣ другаго вида, какъ только, чтобъ маскированіемъ Очакова содержать непріятеля въ недоумѣніи и сугубой тревогѣ. Но еслибы уже онъ, вопреки сему нашему на прямыхъ интересахъ утверждающему предположенію, и всякія другія мѣры принялъ и дѣйствительно пошелъ съ большими силами на границы наши: въ такомъ случаѣ, по моему мнѣ-

нію, конечно, главная атенція вашего сіятельства, натуральнымъ образомъ, обращаема быть должна къ оборонѣ оныхъ, а не къ преподанію, какъ выше сказано, непріятелю утѣсненій своими впередъ движеніями, для облегченія арміи князя Александра Михаиловича: ибо тутъ уже сей генералъ долженствуетъ самъ устремить всѣ свои операціи въ пользу вашей обороны, такъ какъ ваше сіятельство сами видѣли и данное ему на сей предметъ въ послѣднемъ рескриптѣ повелѣніе.

Такимъ образомъ, кажется мнѣ (извините ваше сіятельство, что я не въ свое ремесло вступаюсь и, не будучи человѣкъ военный, съ вами о военныхъ дѣлахъ говорю), что вамъ, оставляя побочное и къ постороннему предмету относимое, надобно только будетъ довольствоваться остановлять наступленіе непріятеля въ быстротѣ его искусными и поспѣшными оборотами и маневрами, которые бы извѣстную намъ внутреннюю робость верховнаго визиря и совершенное его незнаніе сугубо смущать, а князю Александру Михайловичу больше времени и свободы доставлять могли оттянуть на себя къ Днѣстру главныя Турецкія силы.

Я партикулярно столько увѣренъ въ прозорливости и искусствѣ вашего сіятельства, что отнюдь не могу возмнить, чтобъ они одни не превозмогли надъ непріятелемъ и чтобъ вы по перемѣнѣ тѣхъ обстоятельствъ, по которымъ первыя наши мѣры устроены были, сокращаясь до времени въ главномъ своемъ предметѣ охраненія границъ, не оказали въ полномъ его исполненіи Ея Императорскому Величеству и отечеству важной и навсегда знаменитой услуги. По крайней мѣрѣ, усердныя мои желанія будутъ вездѣ слѣдовать за вами съ вѣрною надеждою счастливаго и совершеннаго успѣха; а между тѣмъ, доколѣ совершаются они и я получу пріятный случай къ явному изъявленію радостнаго моего въ славѣ вашей участія, позвольте мнѣ, ваше сіятельство, подать вамъ здѣсь сіе не меньше ласкательное, сколь и вѣрное свидѣтельство, что Ея Императорское Величество всѣ ваши разсужденія, мѣры и распоряженія изволитъ принимать съ отличнымъ благоволеніемъ и такою милостивою апробаціею, какой командующій генералъ ни въ какое время болѣе себѣ желать не можетъ: ибо Ея Величество во всѣхъ вашихъ дѣлахъ и представленіяхъ находитъ ясные и ощутительные слѣды благоразумной осмотрительности, патріотическаго усердія и истинной ревности о славѣ ея.

Примите, милостивый государь мой, слово мое залогомъ въ вѣрности сего, вамъ по званію моему подаваемаго съ Высочайшей стороны, свидѣтельства. Вы знаете характеръ мой и что я, не взирая ни на что, честность всему на свѣтѣ предпочитать обыкъ. Увѣрьтесь же потому совершенно въ непремѣнной и отличной къ вамъ Монаршей

милости, которая свыше всѣхъ постороннихъ ухищреній и содержитъ конечно въ решпектѣ противу оныхъ всѣ ваши дѣла; почему еще менѣе извольте сомнѣваться, чтобъ тѣ ухищренія, по заочности, когда либо и сколько ни есть, подѣйствовать могли. Собственныя ваши достоинства и важность службы вашей могутъ вамъ въ сей истинѣ лучшими еще ручателями быть, ибо они отъ Ея Императорскаго Величества въ высшей степени благоволенія признаются и содержатся.

Въ Петергофѣ, 5 Іюля 1769 г.

32.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Я на сихъ дняхъ получилъ отъ князя Александра Михайловича извѣстіе о бомбардированіи на Хотинъ, а вскорѣ и о превращеніи онаго въ блокаду. Признаюсь, милостивый государь мой, что такое его предпріятіе, по моему мнѣнію, не безопаснымъ предвидится, въ разсужденіи позиціи визирской, который, по его-жъ увѣдомленію, на томъ-же мѣстѣ находится, то-есть между Хотиномъ и Бендерами. И хотя князь Александръ Михайловичъ надѣется, будто чрезъ отнятую коммуникацію у оной крѣпости съ водою и голодомъ принудитъ ее къ скорой сдачѣ; но я осмѣливаюсь о сéмъ предпріятіи сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что визирь, конечно, со всею своею толпою противъ его пойдетъ и понудить ретироваться, уже не за Днѣстръ, но въ верхъ онаго, и тѣмъ пресѣчь сообщеніе съ оставшими на сей сторонѣ Днѣстра войсками, магазинами и мною. Я желаю, чтобъ мои гаданія не сбылись; но заготовленный имъ магазинъ въ Станиславѣ утверждаетъ въ противномъ; да сколько мнѣ извѣстно о данныхъ ему Высочайшихъ повелѣніяхъ, то, конечно, оныя не согласуются съ учиненнымъ имъ поступкомъ. Я не скрываю опять и то отъ вашего сіятельства, что всѣ его намѣренія толь мнѣ неизвѣстны, что я не токмо ихъ не могу проникнуть, но приводятъ оныя еще совсѣмъ меня въ недоумѣніе, и хотя я многократно просилъ его сіятельство, чтобы меня удостоилъ откровеніемъ своихъ предпріятій, но всегда моя просьба въ тунѣ оставалась: хотя-жъ и сообщалъ мнѣ, но тогда, когда уже имъ произведены были оныя въ дѣйство. И такъ, сколько бы я ни желалъ ему вспомоществовать какими либо движеніями, токмо въ разсужденіи сокрытія отъ меня прямыхъ его намѣреній, ничего сдѣлать не могу.

Впрочемъ, все то, что̀ примѣчанія достойно, усмотрѣть изволите изъ всеподданнѣйшей моей къ Ея Императорскому Величеству реляціи.

12 Іюля 1769 года.
Изъ главной квартиры въ крѣпости Святыя Елисаветы.

33.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Присоединенная къ сему всеподданнѣйшая моя реляція содержитъ въ себѣ увѣдомленія, полученныя мною отъ г-на генералъ-поручика Берга, о первыхъ благоуспѣшныхъ дѣйствіяхъ корпуса, имъ предводительствуемаго, приступающаго уже къ самому Крыму.

Подноситель сего есть тотъ самый курьеръ, который ко мнѣ съ симъ извѣстіемъ присланъ отъ господина Берга, и я потому чрезъ него отправляю и мою реляцію, что онъ, какъ самовидецъ всѣмъ дѣйствіямъ, можетъ и словесно изъяснить объ оныхъ всякую подробность, а особливо сколь близко уже, при отъѣздѣ своемъ, оставилъ господина Берга со всѣми войсками отъ Перекопа, намѣревавшагося въ ту ночь напасть на непріятеля, и что и слышалъ уже онъ стрѣльбу пушечную.

Я не умедлю вслѣдъ за симъ донести, что̀ получу съ другимъ курьеромъ, котораго на всякій часъ ожидаю.

16 Іюля 1769 года.
Изъ крѣпости Святыя Елисаветы.

34.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Настоящее положеніе непріятеля, что онъ долго и нерѣшимо стоитъ у Бендеръ, подаетъ поводъ къ разнообразнымъ заключеніямъ. Могутъ оправдаться мысли объ немъ и князя Александра Михайловича, что онъ помышляетъ какъ бы убраться за Дунай, ежели въ силахъ своихъ оскудѣлъ, или же не такъ оныя велики, какъ были ожидаемы. Станется, что въ сей неподвижной позиціи дожидается онъ прибавочныхъ иногда войскъ изъ своихъ земель и, по собраніи въ мѣсто безвредно прогнатыхъ изъ-подъ Хотина, усилившись оными, сдѣлаетъ свое движеніе въ Польшу, имѣвши надежду на крѣпость Хотинскую, ежели снабжена довольнымъ гарнизономъ и запасами военными и съѣстными, что оная можетъ задержать нашу армію, паче по производству неусильному на нее теперешней осады. Не невѣроятно и то, что въ нерѣшимости таковой иногда удерживаютъ визиря и мои движенія, которыя какъ ни тихи, онъ, однакожъ, не можетъ проникнуть, куда я намѣреніе имѣю обратиться, между двоихъ городовъ Бендеръ и Очакова и, можетъ быть, ожидаетъ, видѣвъ мои дѣйствія, употребить туда свои силы, гдѣ для противостоянія больше въ нихъ нужды было бы по моему движенію. Изъ сихъ суппозицій я ни единой не утверждаю, поелику и тому и другому легко статься можно. А желать остается событія

первому, которое за точное уже полагаетъ князь Александръ Михайловичъ, по нанесенному отъ него страху непріятелю.

Приложенная у сего Ея Императорскому Величеству реляція содержитъ въ себѣ увѣдомленія объ экспедиціи господина Берга, отступившаго назадъ съ одною добычею скота, по невозможностямъ достигнуть Крыма. Я не повторяю тутъ сему подробностей, которыя ваше сіятельство въ другомъ мѣстѣ найтить изволите.

Между симъ, позвольте мнѣ, милостивый государь, наичувствительнѣйше благодарить васъ за ласки и благодѣянія, оказываемыя столь щедро моему сыну, который, чрезъ руководство ваше, не рѣдко бываетъ, какъ я слышу, участливляемъ милостями Его Императорскаго Высочества.

21 Іюля 1769 года.
Изъ крѣпости святыя Елисаветы.

35.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Когда я уже, за даннымъ рескриптомъ отъ 26-го Мая князю Александру Михайловичу, былъ обнадеженъ, что онъ, по достаточнымъ наставленіямъ, и особливо на случай движенія всѣхъ силъ противъ границъ или меня, не оставитъ противослѣдовать непріятелю; то однакожъ, онъ слѣдуя своему распоряженію, идетъ вверхъ Днѣстра и пускаетъ на меня визиря. Я осмѣливаюсь гадать, что сей первоначальствующій командиръ не сочтетъ свое упражненіе здѣсь сходственнымъ ни съ числомъ, ни съ званіемъ своими; но метя, можетъ быть, на Кіевъ, ворвется въ Польшу, овладѣетъ всѣми магазинами и отрѣжетъ все соединеніе. И когда противостоящій паша въ околичностяхъ Хотина найдетъ средство, получивъ авантажную позицію, амюзировать, а при обратномъ пути, покуситься въ тылъ: то каковъ бы ни искусный полководецъ князь Александръ Михайловичъ, найдется, конечно, въ большихъ трудностяхъ. А ежели подлинно визирь пойдетъ на меня, то только чтобы меня, по безсилію, видя другую армію удалившуюся, или разбить или же понудить удалиться отъ Польши, на которую сторону я все примѣчаніе мое беру теперь; и затѣмъ держусь въ моей настоящей позиціи, дабы мнѣ, отдаляясь къ Бугу и въ открытыхъ мѣстахъ, не быть отрѣзану отъ магазиновъ и окружену отвсюду.

26 Іюля 1769 года.
Изъ главной квартиры въ Маторинскомъ шанцѣ.

36.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Безъ сомнѣнія, ваше сіятельство до сего уже знаете, изъ увѣдомленій князя Александра Михайловича, что̀ происходитъ при Хотинѣ. Я только упомяну здѣсь, по откровенности моей предъ вашимъ сіятельствомъ, что я былъ всегда того мнѣнія, что предпріятая блокада городу была еще такъ сказать первороднымъ въ нашемъ ремеслѣ дѣломъ. Доказательствомъ тому общія правила, что осаждать городъ нельзя, не раздѣлавшись прежде съ непріятелемъ противустоящимъ. А блокада, извѣстно, употребляется тогда, когда нѣтъ опасности отъ противныхъ: городъ лишенъ всякаго вспомоществованіи, и выгоды всѣ предстоятъ безъ потерянія людей и военныхъ запасовъ утѣснить до конца осажденныхъ; но здѣсь все тому было противное. Непріятель, въ пространныхъ силахъ и ничѣмъ не утружденный, не только не преодолѣнъ былъ прежде, но ниже понужденъ къ отдаленію. Онъ смотрѣлъ на блокаду города, нарочито укрѣпленнаго, въ его виду чинимую, и легко ее сдѣлать могъ тщетною однимъ своимъ приступленіемъ. Исполнилось теперь, что непріятель сообщился съ Хотинымъ, что наша армія, не препятствуя тому, отступила назадъ и принуждена войтить въ свой лагерь, помышляя больше о цѣлости своей, нежели о покореніи города; что самъ князь Голицынъ предполагаетъ и ко мнѣ пишетъ, что должно ему будетъ перейтить за Днѣстръ назадъ, ежели непріятель кинется въ Польшу. Ясны слѣдствія предпріятій, взятыхъ не на прямой пунктъ. Но страннѣе всего, что при семъ случаѣ совѣтуетъ мнѣ князь Голицынъ идтить прямо къ Бендерамъ и противъ самаго визиря, стоящаго тамъ съ многочисленною арміею, въ то самое время, когда онъ самъ съ главною своею арміею уступаетъ частнымъ только отдѣленіямъ и одной конницѣ непріятельской, имѣвши въ своей арміи до четырехъ сотъ пушекъ. И когда я напамятовать долженъ о прежнемъ его отрицаніи во всякой мнѣ отъ своей стороны помощи, учиненномъ и въ ту пору, когда, по извѣстіямъ, навѣрно считалъ онъ визиря на меня идущаго! Ваше сіятельство сами соизволите вообразить обстоятельства, съ которыми симъ предложеніемъ связываетъ меня князь Александръ Михайловичъ, что онъ бремя, силамъ его предоставленное, возлагаетъ на немогущаго. Я не распространяюсь далѣе въ изъясненіяхъ, которыя найдете ваше сіятельство въ подносимой при семъ Ея Императорскому Величеству моей реляціи; впрочемъ, жалѣть только остается, что время и труды всей нынѣшней кампаніи тратятся тщетно по устремленію на одинъ объектъ, то есть Хотинъ, всѣхъ силъ, которыя, другимъ образомъ употребивши, можно бы произвести лучшіе успѣхи. Но

дай Богъ, чтобъ хотя немного оставшагося времени не въ подобной неудачѣ протекло, или же можетъ изъ примѣра настоящаго лучше воспользоваться будущею кампаніею.

Господинъ Потоцкій, воевода Кіевскій, на сихъ дняхъ прислалъ ко мнѣ своихъ шляхтичевъ съ обсылкою двумя анталами Венгерскаго вина. Онъ ко мнѣ и письмомъ, и на словахъ присланныхъ, отзывается въ знакомствѣ своемъ съ отцомъ моимъ, котораго и во мнѣ ищетъ, прося, чтобъ я всѣ его деревни, при границахъ лежащія, взялъ подъ защищеніе, далъ въ залогъ команды, которыя они на своемъ коштѣ содержать будутъ; словомъ, всѣ потребности для войскъ нашихъ охотно дадутъ, лишь бы только быть защищеннымъ отъ тѣхъ наглостей, которыя проходящія команды въ разореніе ихъ причиняютъ. А между тѣмъ проситъ у меня освобожденія содержащагося у насъ подъ арестомъ управителя Уманскаго Дембскаго, который въ прошломъ году взятъ по подозрѣнію, яко бы онъ былъ согласенъ партіямъ конфедератскимъ. Однакожъ тому онъ не винился, ниже доказательствъ явныхъ на него въ томъ не было; и я вашему сіятельству, отъ 4-го Февраля сего года, имѣлъ честь докладывать, что̀ съ нимъ далѣе чинить?

Такъ равномѣрно по поводу сей просьбы Потоцкаго, прошу не оставить меня увѣдомленіемъ; ибо мнѣ кажется, что способами ласковыми можно ихъ усердность пріобрѣтать, и я, смотря на соотвѣтствія тому помянутаго воеводы Потоцкаго, въ разсужденіи его у меня просьбы, поступать имѣю.

4 Августа 1769 г. Изъ главной квартиры въ крѣпости Св. Елисаветы.

37.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Изъ приложеннаго здѣсь рескрипта, за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, усмотрите вы, милостивый государь мой, что Ея Величество съ отличнымъ благоволеніемъ изволитъ принимать всѣ ваши благоразумныя распоряженія и предпріятія, а особливо послѣднюю на Крымъ экспедицію.

Я, искренно въ томъ участвуя, какъ теперь съ усердіемъ желаю, такъ и впредъ всегда не меньше желать буду, чтобъ всѣ ваши дѣла, служа къ пользѣ службы Ея Императорскаго Величества и Отечества, усугубляли въ тоже время и собственную вашу славу, которая мнѣ столь драгоцѣнна.

Между тѣмъ, сдѣлавъ привычку, для меня весьма пріятную, чистосердечно изъясняться съ вами, не воздержусь я и теперь объявить

вамъ партикулярныя мои мысли относительно къ настоящему положенію обѣихъ нашихъ армій.

Вашему сіятельству должно уже быть извѣстно, какой оборотъ взяли дѣла при Хотинѣ, и что визирь оттянулся съ своею арміею къ Яссамъ. Невѣжество и устрашеніе, кои, повидимому, одни донынѣ руководствовали робкими движеніями сего Турецкаго полководца, оставляютъ намъ до времени свободныя руки, почему и должно уже намъ, съ своей стороны, стараться употреблять ихъ, какъ можно въ бо̀льшую пользу.

Не можно ли вашему сіятельству, доколѣ князь Александръ Михайловичъ при Хотинѣ и въ той части Молдавіи вниманіе непріятеля занимать будетъ, сдѣлать, съ своей стороны, ближайшее къ Бугу движеніе и, тѣмъ возбуждая въ визирѣ опасеніе относительно къ Бендерамъ, усугубить его иррезолюцію и привести въ большую еще робость? Время становится къ тому удобнѣйшее, ибо Турки къ концу кампаніи приходятъ обыкновенно въ большее неустройство.

При семъ въ откровенномъ изъясненіи долженъ я повторить просьбу послѣдняго моего письма, чтобъ ваше сіятельство извинили меня въ томъ, что я не по своему званію въ разсужденія вхожу, и особливо съ вами, какъ съ генераломъ испытанной прозорливости и такимъ, который меньше всѣхъ другихъ въ чужомъ совѣтѣ нужды имѣетъ.

Въ причину извиненія сего представлю я вамъ то одно, что совѣты мои происходятъ единственно отъ избытка ревности къ успѣху дѣлъ вашихъ и отъ избытка персональной моей къ вамъ преданности; ибо инако не сталъ бы я, конечно, безпокоить васъ сообщеніемъ мыслей моихъ, еслибъ только открытіе ихъ не могло, по крайней мѣрѣ, служить къ ясному того засвидѣтельствованію, что̀ для меня и довольно.

Ламехъ нашъ, въ персонѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ переводчика Круты, спасся недавно чрезъ Яссы въ армію князя Александра Михайловича, прошедъ сквозь огнь и воду и понеся чрезъ полгода тысячу опасностей въ жизни своей; ибо онъ, по несчастію, отъ случившихся при Крымъ-Гиреѣ конфедератовъ узнанъ былъ. Со всѣмъ тѣмъ, ежелибъ не постигла сего хана скоропостижная смерть, можетъ быть, предуспѣлъ бы Крута въ коммиссіи своей.

Я сердечно сожалѣю, что необузданная вѣтренность Калмыкъ нашихъ остановила экспедицію господина генералъ-поручика Берга. Зная нравъ сего народа, который обыкновенно добычи только ищетъ и ею довольствуется, думаю я, что для переду надобно будетъ содержать ихъ во всегдашнемъ движеніи; а при всякой экспедиціи, гдѣ нѣкоторая добыча получена быть можетъ, заранѣе такое дѣлать распоряженіе, чтобъ тотчасъ по полученіи оной командировать изъ нихъ нѣкоторое число,

для препровожденія сдѣланной добычи восвояси, чѣмъ, можетъ быть, другіе при своемъ мѣстѣ удерживаны будутъ, зная, что добыча сохранно туда доведена будетъ.

С.-Петербургъ, 5 Августа 1769 г.

38.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Принесенное двоякое извѣстіе отъ пойманныхъ недавно Поляка и Жида, шедшихъ изъ Бендеръ, что визирю отрублена голова, и якобы онъ взятъ въ Царьградъ, по одногласію показующихъ, такъ какъ и по общей молвѣ о семъ въ непріятельской арміи, гдѣ они слышали сіе, призналъ я должнымъ донесть Ея Императорскому Величеству, присоединяемою къ сему моею всеподданнѣйшею реляціею.

А между прочимъ, они же показали, что отъ Бендеръ непріятельское войско принять движеніе имѣло вверхъ по Днѣстру въ Польшу, и провіантъ изъ Бендеръ перевозятъ къ Хотину, чему отъ посланныхъ моихъ въ ту сторону партій я дожидаюсь удостовѣренія.

12 Августа 1769 г. Изъ крѣпости Св. Елисаветы.

39.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Послѣдуя и собственному чистосердечію, и съ подражанія къ вашей откровенности, изъяснюсь я предъ вашимъ сіятельствомъ, что несовмѣстны въ дружескихъ примѣчаніяхъ подобныя извиненія, каковы ваше сіятельство повторяете мнѣ въ письмѣ своемъ отъ 5 Августа, якобы вы въ разсужденія не по своему званію входите. Нѣтъ, милостивый государь, ваши мнѣнія тоже имѣютъ достоинство, что̀ и правила славнѣйшихъ въ военномъ искусствѣ генераловъ. А для меня скажу еще и ту пріятность, что содержатъ совѣты, провождаемые усердіемъ къ общей и собственной моей пользѣ. Я бы онымъ, конечно, повиновался, еслибы обстоятельства, которыя ваше сіятельство предполагали, въ иной видъ вскорѣ не превратились.

Давая совѣтъ подвинуться мнѣ къ Бугу, представляли вы князь Александръ Михайловича подъ Хотинымъ, который, однакожъ, какъ вамъ извѣстно, возвратился уже назадъ въ Польшу. А что̀ касается до того, чтобъ моимъ движеніемъ къ Бендерамъ безпокоить непріятеля, то я сіе непрестанно продолжалъ отъ самаго Іюня мѣсяца даже до днесь, посылая мои партіи за Бугъ въ непріятельскія границы, которыя напослѣдокъ Дубосары и околичныя тамошнія селенія сожгли.

Однакожъ, противъ сего непріятель отъ Бендеръ никакого предпріятія не чинилъ, и визирь всегда у Рябой-Могилы оставался неподвижнымъ, что̀ меня заставляло на подобное медленіе и вкругъ себя осмотрительность. Такъ и теперь еще точнаго извѣстія не имѣю, чтобъ визирь принялъ движеніе, ибо только отъ 8 сего Августа князь Александръ Михайловичъ писалъ ко мнѣ по сказкамъ, якобы онъ тянется къ Днѣстру, но въ то же время и будто смѣненъ Молдаванжи-пашею.

Я признаться долженъ, что обстоятельства теперешнія приводятъ и меня къ тому, что кажется, якобы я не въ своемъ ремеслѣ упражняюсь.

Хотя дѣйствія князя Александра Михайловича на Хотинъ я представлялъ себѣ сначала не въ лучшемъ видѣ, какъ теперь открылись, ибо никто не покорялъ го́рода, не раздѣлавшись прежде съ силами, его защищающими, а онъ предпринялъ блокаду въ виду непріятеля и многочисленнаго, и нимало еще не утѣсненнаго: но, однакожъ, долговременныя его и безпрепятственныя операціи, и что я мнилъ его всегда приготовляющимся своими расположеніями искать дѣла съ непріятелемъ, на тотъ часъ отступившимъ, могу сказать, преклоняли меня, противъ многихъ резоновъ, и тому вѣрить, что ему удастся, отдаливъ отъ сообщенія съ городомъ непріятеля, сорвать оный нечаянно. Но напослѣдокъ ваше сіятельство видѣть изволите, что первыя мои мнѣнія основательнѣе были отъ послѣднихъ.

То, что̀ я упомянулъ о разности состоянія нынѣшнихъ дѣлъ противъ другихъ военныхъ, относится къ тому, что я, такъ сказать, теряю понятіе въ семъ случаѣ, что армія, составленная изъ войскъ, не только устроенныхъ и обращавшихся въ военномъ огнѣ, но и торжествовавшихъ многократно въ наши дни надъ самыми искуснѣйшими и славными въ войнѣ народами, уступаетъ толпѣ сволочи нынѣшняго нашего непріятеля, который въ разсужденіи регулярныхъ войскъ уподобленіе токмо имѣетъ шумному, но безвредному вѣтру, какъ одна легкая только конница, и больше изъ Татаръ состоящая, избавила Хотинъ отъ осады и принудила князя Александра Михайловича, безъ всякаго противодѣйствія оной, удалиться за Днѣстръ.

Равно же, страннымъ предпріятіемъ мнѣ кажется, когда, внесши оружіе въ непріятельскія земли, вести только дѣйствія свои оборонительно, а не предпринимать ничего образомъ наступательнымъ; ибо дѣло извѣстное, что, идучи на непріятеля, надобно готовымъ быть, гдѣ только онъ попадется, къ бою. А ежели только предположить дѣйствовать по образу защиты, то можно было къ тому избрать лучшія выгоды и не изнуряя себя въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ при самомъ Хотинѣ.

Всего чуднѣе, что и теперь князь Александръ Михайловичъ, повидимому, бережетъ только свой лагерь, поелику требуетъ отъ меня, дабы я защищалъ отъ непріятеля и Польшу, именно воеводство Брацлавское, которое и мѣстоположеніемъ къ нему ближе, и съ состояніемъ дѣлъ, ему предопредѣленныхъ, соединено: ибо онъ и перешелъ для того за Днѣстръ, чтобъ вдоль онаго воспрепятствовать ворваться непріятелю, который ему казался къ тому приготовляющимся.

Ваше сіятельство изъ сей, по дружбѣ и преданности моей къ вамъ, откровенности, сами довольно познаете, сколь мало я могъ и могу на счетъ первой арміи предпринять какое-либо скользкое движеніе, дознавши въ самое то время, когда извѣстія гласили, что визирь всѣми силами противъ меня идетъ, отъ князя Александра Михайловича отказъ ко всякой себѣ отъ его стороны помощи. А теперь, когда онъ оставилъ свободныя руки непріятелю выходомъ изъ его земли, слѣдственно и усугубилъ опасность, въ разсужденіи собственныхъ нашихъ границъ (коихъ охраненіе лежитъ на мнѣ) взыскуетъ еще, чтобъ я малыя мои силы распространилъ въ такой протяжности для защиты Польши, не смотря на то, что мнѣ, по его положенію, округъ себя ежечасно предостерегать осталось покушенія непріятельскія.

1769 г. Августа 21 дня. Изъ главной квартиры въ деревнѣ Висѣ.

P. S. Я особливое пріемлю участіе въ возвращеніи господина Круты. Ваше сіятельство считаете его прошедшимъ огнь и воду; но я, по извѣстіямъ, похожимъ на его участь, воображалъ уже его отправленнымъ въ тотъ путь, откуда нѣсть смертнымъ избавленія. Безъ сомнѣнія, успѣхъ коммисіи его превратъ дѣлъ опровергнулъ, а не недостатокъ его способностей.

40.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Вслѣдъ за первымъ курьеромъ съ рескриптомъ о Всемилостивѣйшемъ отъ Ея Императорскаго Величества препорученіи мнѣ команды надъ первою арміею, отправленнымъ чрезъ руки графа Захара Григорьевича, пріѣхавшій отъ вселюбезнаго братца вашего другой обрадовалъ меня много благосклоннымъ и въ откровенностяхъ дружескихъ написаннымъ вашего сіятельства письмомъ, которое и успокоило меня совершенно удостовѣреніемъ яснымъ, что мой милостивецъ всегда печется о мнѣ и отдаетъ справедливость моему нелицемѣрному къ нему исканію и преданности во всемъ пространствѣ.

Еслибъ вашему сіятельству меньше было извѣстно, нежели какъ

вы знаете, согласіе мыслей и возраставшую отъ младыхъ до позднихъ уже лѣтъ дружбу между мною со вселюбезнымъ братцемъ вашимъ, графомъ Петромъ Ивановичемъ, то я пространнѣе бы долженъ изъясняться, сколько я радуюсь совмѣстничеству его сіятельства во ввѣренныхъ намъ обоимъ, одни съ другими сопряженныхъ, дѣлахъ. Но поелику нашему дружескому обхожденію вы больше другихъ свидѣтель, то и довольствуюсь я только отозваться, что, посвятивши навсегда дружбу мою и непорочную къ нему преданность, я воспользуюсь настоящимъ случаемъ, какъ наиудобнѣйшимъ, къ утвержденію и вящше истиннаго союза нашихъ сердецъ. Не сомнѣваюсь, что для насъ обоихъ ваше сіятельство, на всякое время, свои наставленія и предосторожности, какъ лучшее руководство, преподавать не откажетесь. И потому ваше сіятельство воображайте меня всегда въ такомъ удовольствѣ, какое мы имѣемъ, завися въ своемъ званіи отъ единодушныхъ и нелицемѣрныхъ себѣ милостивцевъ и друзей.

Ваша мысль о военномъ министрѣ всегда неоспорима, что неудобно генералу по пальцамъ другаго ходить. Князь Александръ Михаиловичъ, отъ 18-го, пишетъ, что у Днѣстра стоитъ, не пропуская непріятеля къ переправѣ. Я имѣю причину заключать, что къ отступленію своему путь не самъ ли заградилъ онъ приготовленіями иногда каковыми либо въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ ему нельзя оставить. Ибо, пропустя многія удобности, когда непріятель могъ быть побѣжденъ, чрезъ частныя свои отдѣленія, теперь, при собраніи всѣхъ его силъ въ мѣсто, почти невозможно удержать перехода его на сію сторону; тѣмъ паче, что предъ Хотинымъ онъ переправу предпринимаетъ, изъ коего, взявши городовую артиллерію, можетъ онъ знатный вредъ нанесть. Меня воображеніе сіе весьма безпокоитъ, чтобъ послѣдняя не была горьше первыхъ, и сообщеніе бы не стало трудно, ежели и не вовсе пресѣчено.

Собственноручнаго писанія Ея Императорскаго Величества, о которомъ ваше сіятельство въ своемъ письмѣ упоминаете, я поднесь не получилъ, и потому нижайше прошу оправдать меня, что я съ первымъ курьеромъ не ускоряю въ донесеніи или исполненіи, что̀ иногда онымъ мнѣ повелѣвалось.

27 Августа 1769 г. Изъ деревни Виси.

41.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Ваше сіятельство изъ приложенной моей у сего всеподданнѣйшей реляціи узнать изволите, по какимъ обстоятельствамъ я въ моемъ пути

принужденъ часто останавливаться, получая одного за другимъ курьера, для отправленій, касающихся до возложенной нынѣ на меня должности въ распоряженіяхъ обѣихъ армій.

Я, сославшись на описаніе тому въ другомъ мѣстѣ пространное, вашего сіятельства симъ имѣю честь наипокорнѣе просить въ новой моей заботѣ сдѣлать мнѣ столько отъ долгу званія своего, какъ и изъ партикулярной ко мнѣ вашей милости изъясненія, каковымъ образомъ поступать я могу въ разсужденіи собранныхъ войскъ Польскихъ на границу, подъ видомъ усмиренія крестьянъ и искорененія гайдамаковъ, въ разсужденіи отъ нихъ крайняго утѣсненія вѣры благочестивой жителямъ, и въ разсужденіи отъ послѣднихъ приносимыхъ просьбъ о своей въ томъ защитѣ, о чемъ обстоятельнѣе я представляю въ сей реляціи.

Ваше сіятельство, достаточно знавши дѣйствія въ семъ случаѣ, связывающіяся съ политическими дѣлами, окажете снисхожденіе и благосклонность въ откровеніи мнѣ по тому своихъ мыслей и наставленій.

5 Сентября 1769 г. Изъ села Новой Гребли.

42.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

При отправленіи моего перваго курьера, я пользуюсь только вашему сіятельству донесть, что я вчерашній день пріѣхалъ къ своей командѣ. Я не могъ поспѣшнѣе сдѣлать мою дорогу, имѣвши непріятныя остановки и отъ дурной случившейся погоды, и для предосторожностей, которыя принужденъ былъ принимать противъ подаваемыхъ мнѣ извѣстій отъ князя Александра Михайловича и князя Василья Михайловича *), что непріятель, въ недальнемъ разстояніи отъ дороги, по коей я ѣхалъ, грабитъ Польшу.

Я нашелъ армію, что̀ касается до людей, весьма утружденныхъ отъ понесенныхъ безпокойствъ долговременно, а лошадей и вовсе въ изнуреніи. Потому и должно быть первое мнѣ упражненіе о ихъ отдохновеніи, къ которому я, осмотрѣвшись, приступлю.

Ваше сіятельство, безъ сомнѣнія, извѣстны о деташаментѣ, посланномъ къ Яссамъ. Я уже засталъ сіе предпріятіе произведеннымъ въ дѣйствіе; слѣдственно сказать только осталось, что мнѣ кажется преслѣдовать непріятеля было бъ полезнѣе, потому что, его истребивши, городъ сей былъ бы и безъ того въ нашихъ рукахъ. Но теперь,

---

*) Долгорукаго.

буде непріятель и отъ Бендеръ весь убрался за Дунай, то надѣюсь, что и изъ Яссъ жителей увелъ съ собою.

Вступая въ ту должность, въ препорученіи которой ваше сіятельство толь отлично мнѣ явили свое усердіе, дозвольте мнѣ, милостивый государь, удержать на все время и ту лестную надежду, что я буду и въ семъ періодѣ не меньше пользоваться вашими милостями и руководствомъ, какъ и до сего былъ я тѣмъ счастливъ.

18 Сентября 1769 года. Изъ главной квартиры въ мѣстечкѣ Черчѣ.

43.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Что̀ въ краткое время могъ я обозрѣть собственными глазами, о томъ вашему сіятельству на сей разъ имѣю честь принесть увѣдомленіе.

Гг. генераловъ въ арміи засталъ я при одныхъ только мушкетерахъ, а все прочее лучшее, конное и пѣхотное, войско отлучено для экспедиціи къ Яссамъ. Увидѣвши Хотинъ, еще больше удивило меня, что сей городъ, такъ какъ и перешедшія наши войска на ту сторону рѣки, остаются безъ сообщенія надежнаго съ здѣшнимъ берегомъ; ибо, кромѣ нѣсколькихъ маленькихъ паромцовъ, съ трудомъ и опасностью для перевозу тамъ употребляемыхъ, нѣтъ никакой чрезъ Днѣстръ переправы. А я хотя, при первомъ обозрѣніи, и приказалъ замѣнить сей недостатокъ отыскиваніемъ, со всѣхъ сторонъ, припасовъ, служащихъ на постройку моста, только не обнадеживаютъ меня, чтобы все къ тому нужное можно было въ околичностяхъ здѣшнихъ получить, когда понтоны, по переходѣ арміи въ послѣдній разъ обратно за Днѣстръ, не считая, повидимому, чтобъ оные уже были когда потребны для переправы, отосланы изъ арміи въ Полонное и говорятъ, что и оные не только починки многой требуютъ, но припасы самые нужные къ нимъ, какъ-то якори, утрачены. Въ сихъ обстоятельствахъ, когда деташированный корпусъ и самый городъ Хотинъ, кромѣ довольнаго разстоянія, еще рѣка раздѣляетъ съ арміею, отступившею уже отъ береговъ оной за сорокъ верстъ и не оставившею съ собою ни войскамъ, ни городу безпечнаго сообщенія, я въ самомъ началѣ довольно имѣю безпокойства, какъ въ разсужденіи устроенія коммуникаціи съ городомъ, такъ и что̀ принадлежитъ до посланныхъ войскъ къ Яссамъ. Разсуждая, ежели справедливо извѣстія гласятъ, что непріятель отовсюду бѣжитъ за Дунай: то онъ, конечно, или всѣхъ жителей оттуда уведетъ съ собою, или же оставитъ потребное число своихъ силъ на воспротивленіе нашимъ командамъ. Буде же онъ остановится, то корпусъ нашъ тогда

найдетъ себѣ и великія трудности. А въ томъ и другомъ случаѣ превзойдетъ всякую пользу неминуемое изнуреніе людямъ, а паче конницѣ, которая и безъ того не въ лучшемъ состояніи. Покуда сія экспедиція не возьметъ своего окончанія, то я на всякое время оставаться долженъ въ предосторожностяхъ къ сему предмету, дѣлая теперь расположенія арміи на винтеръ-квартиры.

22 Сентября 1769 г. Изъ главной квартиры въ мѣстечкѣ Черчѣ.

44.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Съ симъ курьеромъ всеподданнѣйшею моею реляціею доношу я, по рапорту генералъ-поручика Ельмпта, о завладѣніи Молдавскимъ столичнымъ городомъ Яссами и покореніи сей провинціи оружію Ея Императорскаго Величества, съ чѣмъ и прошу я вашего сіятельства представить онаго Всемилостивѣйшей Государынѣ.

Изъ мѣстечка Черча, 1 Октября 1769 г.

P. S. Содержавшагося подъ арестомъ въ Глуховѣ управителя Уманскаго Дембскаго, о которомъ я имѣлъ честь многократно упоминать въ прежнихъ моихъ письмахъ вашему сіятельству, что напослѣдокъ никакіе злые умыслы его не открылись, изъ подозрѣнія, противъ которыхъ онъ былъ взятъ, я теперь приказалъ освободить во удовольство объ немъ повторяемымъ ко мнѣ просьбамъ, какъ и въ разсужденіи того, что другіе шляхта, по подобнымъ подозрѣніямъ взятые, отпущены въ ихъ отечество.

45.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Въ проѣздъ мой чрезъ мѣстечко Полонное, имѣлъ я случай видѣть содержащагося тамъ подъ арестомъ г. Годчашаго короннаго Чапскаго, о которомъ князь Александръ Михайловичъ, какъ мнѣ г. Акчуринъ сказывалъ, хотя писалъ къ двору, но резолюціи никакой на то не получилъ. Ваше сіятельство какъ позволили мнѣ откровенно всегда представлять вамъ мои мысли, то въ семъ разсужденіи, не касаясь причинъ, кои настояли арестовать сего вельможу, доношу я только вамъ, что держаніе его въ семъ мѣстѣ наводитъ общую чувствительность, для особливаго къ нему почтенія, которое онъ имѣетъ въ публикѣ. И такъ, мнѣ кажется, полезнѣе было бы или его взять изъ нынѣшняго мѣста и удалить тѣмъ отъ очей многихъ объектъ печальный

или, если обстоятельства тому не воспрещаютъ, и освободить его изъ подъ караула, въ чемъ я и льщусь, что ваше сіятельство при случаѣ не оставите меня увѣдомить.

10 Октября 1769 г., изъ Тыльни.

46.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Препровождаемую съ симъ въ отвѣтъ на Всевысочайшій рескриптъ Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйшую мою реляцію о противустоящихъ повелѣнному на Бендеры предпріятію неудобствахъ, всенижайше вашего сіятельства прошу поднесть Ея Императорскому Величеству.

Вчерашняго дня получилъ я пріятнѣйшее отъ вселюбезнаго брата вашего письмо, коего выраженіями встрѣчаясь онъ съ мыслями моими, доказываетъ прямо искреннія наши вообще желанія не собственной своей, но всего Отечества пользы и ввѣреннаго намъ оружія Ея Императорскаго Величества существительной славы.

Подлинно, какъ можно приступить къ толь мало извѣданному и толикими трудностями сопряженному дѣлу? Представьте себѣ, мой милостивый графъ, обѣ предводительствуемыя нами арміи, изъ которыхъ первая упражнена будучи всегдашними противъ непріятеля подвигами, обезсилѣла людьми и потеряла ужасное множество лошадей, какъ изъ кавалеріи, такъ и изъ подъ тяжестей; а другая, состоящая большею частію изъ рекрутъ, принуждена будучи бродить по пустымъ и безводнымъ, или гнилою водою наполненнымъ мѣстамъ, частыми болѣзнями крайне изнурена. И присовокупя къ тому невѣрность плановъ сего мѣста, когда и бывшаго предъ симъ въ рукахъ нашихъ Хотина, по занятіи онаго, явилися несправедливы, не отдадите ли намъ справедливости, что мы чрезъ сію экспедицію, изнуривъ и совсѣмъ приведши въ несостояніе силы наши, меньше изъ оной получимъ пользы, какъ опасности—отдать всѣ преимущества въ руки хищнаго непріятеля.

Сіе, конечно, и произойти можетъ, если мы отважимся съ слабыми силами eскаладировать сію крѣпость. А если бы можно было сюрпризъ на оную сдѣлать, то посланный туда предварительно Высочайшему рескрипту отъ графа Петра Ивановича резервный корпусъ и легкія войска, конечно, не упустили бъ воспользоваться непріятельскимъ смятеніемъ, разумѣя естьли сіе справедливо. Но ежели слѣдовать моему мнѣнію, и ежели побѣгъ непріятеля есть менѣе дѣйство страха, какъ голода, который они претерпѣвать начинали, и холода, отъ коего нигдѣ укрыться не могли (потому что и нашъ гарнизонъ,

за раззореніемъ Хотина, еще и до нынѣ въ лагеряхъ стоитъ), то не должно ли опасаться, что непріятель, воюя оборонительно въ прошедшую кампанію, предприметъ, усиливъ себя, войну наступательную?

Посему ваше сіятельство, ясно видя, что̀ останется намъ съ истощенными нашими войсками въ семъ случаѣ дѣлать, конечно не отринете общей просьбы нашей, чтобъ употребить всевозможное представительство о приведеніи войска въ надежное состояніе. О чемъ всепокорнѣйше прося вашего сіятельства, смѣю обнадежить, что вообще стараться будемъ ничего того не упустить, что только къ пользѣ Ея Императорскаго Величества и къ славѣ ея оружія откроется.

14 Октября 1769 г., изъ села Тыльни.

47.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Слѣдующій съ симъ курьеромъ имянной Ея Императорскаго Величества рескриптъ удовольствуетъ, уповаю, достаточно, на первый случай, ваше сіятельство въ томъ, чего вы, милостивый другъ, отъ меня вѣдать желали, послѣднимъ вашимъ письмомъ. Вы, по вашему собственному проницанію, конечно, признаете, когда обозрѣть изволите всю связь дѣлъ Имперіи и начатыя потому отъ Ея Императорскаго Величества, въ разныхъ мѣстахъ, предпріятія, что всѣ въ ономъ рескриптѣ предложенные вамъ предметы должны необходимо составлять правила къ расположенію зимнихъ вашихъ квартиръ. Къ сему, по моей истинной къ вамъ преданности и безпредѣльной откровенности, присовокуплю тѣ разсужденія, кои я дѣлаю самъ въ себѣ. Противное прошлыхъ временъ нашей политической системы расположеніе производило намъ теорическое заключеніе, что знатной и собственный коренной вѣсъ имѣющей державѣ удобнѣе составлять свои собственныя конъюнктуры и по нимъ дѣйствовать, нежели всѣ свои интересы и дѣла оставлять въ зависимости отъ конъюнктуръ и удобности времени другихъ державъ, съ уступленіемъ имъ управленія генеральною всей Европы системою. Ея Императорское Величество сама, прежде всѣхъ, сію здравую политику признать и себѣ присвоить изволила. Слѣдствія дѣлъ ея самою практикою теперь подтверждаютъ ея истинность, и можно сказать, милостивый государь мой, что̀, конечно, видимымъ образомъ, полагается основать къ истребленію того мечтательнаго пугалища, которое, чрезъ столь многія лѣта и при столь многихъ случаяхъ, употребляемо было адскою политикою ненавистниковъ общей христіанской тишины и спокойствія въ Европѣ. Божескимъ промысломъ, поспѣшествующимъ всѣ дѣла Ея Императорскаго Величества, первою кампаніею, Азовъ и Та-

ганрогъ, несомнѣнно, за нами остаются. Храбрость и устройство нашихъ войскъ поразили страхомъ военныя силы раздразненнаго противу насъ пугалища. Кизлярскія и Астраханскія границы, яко болѣе всѣхъ другихъ обороною одолженныя, слѣдовательно и слабѣе, приведены въ надежную безопасность покорившимися намъ въ подданство обѣими Кабардами. Сему послѣдуя, теперь начинаютъ уже нѣкоторые и изъ самихъ Кубанскихъ мурзъ просить себѣ такого-же отъ насъ принятія, отлагаясь отъ подвластія Турецкаго и Крымскаго; въ какомъ же расположеніи духовъ можно разсудительно считать сихъ послѣднихъ, о томъ ваше сіятельство сами знаете. Обѣихъ Грузій владѣльцы, именитые Ираклій и Соломонъ, дѣйствительно вооружаются съ крайнимъ жаромъ и ревностію противъ нашего непріятеля, и мы сыскали средство и способъ доставить къ нимъ нѣкоторое, хотя въ разсужденіи насъ весьма невеликое, но имъ очень важное число войскъ нашихъ съ артиллеріею, подъ предводительствомъ графа Тотлебена. А сія съ той стороны гораздо въ знатномъ числѣ Грузинцовъ диверсія въ земли, войсками испражненныя, сдѣлана будетъ непріятелю гораздо прежде отверстія нашей кампаніи. Но вотъ что, милостивый мой другъ, уже больше всего другаго, обращаетъ верховное ваше примѣчаніе, купно со всею Европою: графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, будучи снабденъ всѣми нужными средствами и способами, привелъ въ движеніе всѣ Греческіе острова и провинціи. Сіи народы, стѣнящіе въ узахъ нечестія, ожидали токмо удобнаго момента къ подвигу оныя разрушить. Двѣ эскадры, для подкрѣпленія ихъ, первая подъ командою адмирала Спиридова, а другая контръ-адмирала Эльфинстона, одна послѣ другой, отсюда отправлены въ Архипелагскіе острова, съ нѣкоторымъ числомъ войска отборныхъ людей, для предводительства, и съ знатнымъ количествомъ нужныхъ тамъ всякихъ военныхъ снарядовъ. Безъ большаго увеличиванія можно сказать, что вся Европа едва-ли еще образумилась отъ такого нашего ей представляющагося великаго и смѣлаго предпріятія, хотя, въ существѣ, милостивый государь мой, нашего кореннаго положенія, по моему мнѣнію, мы относительно къ себѣ самимъ его ни тѣмъ, ни другимъ поставлять еще не должны: ибо оно однимъ только успѣхомъ своимъ несказанно возвысить можетъ Россійскую славу; неудача же, которую, однако, предполагать нѣтъ никакого непреоборимаго резона, другаго намъ принести не можетъ, какъ единый убытокъ, потому что и всего отправленнаго потеряніе отнюдь не можетъ потрясти цѣлости Имперіи нашей, ниже сдѣлать ее безъ обороны съ которой ни есть стороны. Тутъ вашему сіятельству можетъ, пожалуй, въ мысль представиться наше настоящее критическое положеніе съ Швеціею, яко съ сосѣдомъ наиважнѣйшихъ нашихъ границъ. Я въ

томъ васъ успокою, въ крайнюю конфиденцію, что Ея Императорское Величество такія твердыя и несомнѣнныя политическія мѣры принять изволила, что та держава, при всѣхъ ухищренныхъ проискахъ дюка Шоазеля, пошевелиться теперь не можетъ, не навлекши на себя отверстой войны, сухимъ путемъ и моремъ, съ Датской стороны, и диверсіи въ ея Померанію войсками короля Прусскаго.

Извольте же, милостивый другъ, какъ я выше сказалъ, теперь обозрѣвать своимъ собственнымъ проницаніемъ всю связь дѣлъ нашихъ и начатыя въ разныхъ мѣстахъ по тому предпріятія Ея Императорскаго Величества; а по тому заключайте сами, къ какимъ операціямъ, для будущей кампаніи, ваша прозорливость, искусство и слава васъ призываютъ. Погруженный въ невѣжествѣ и неустройствѣ, а можетъ быть уже теперь и въ самой своей столицѣ разрушенный въ союзѣ всего своего правительства, нашъ непріятель дѣйствительно угрожаемъ, даже до самаго сердца своихъ областей, нашею инфлюенціею, которая у него во всѣхъ мѣстахъ, съ будущею кампаніею, произведетъ новые пожары. О всякомъ другомъ народѣ можно думать, что тѣ коварные люди, кои его въ такое бѣдство погрузили, сыщутъ для его спасенія нѣкоторый ресурсъ въ своемъ хитромъ разумѣ; но, по доскональному испытанію Турокъ, въ ихъ пользу сего полагать невозможно. Ихъ раздражаютъ безъ разсужденія и предмета; слѣдовательно, и никакая хитрость, кромѣ собственной ихъ ярости и страсти, ими руководствовать не можетъ.

Честію моею васъ увѣряю, что я цѣны не ставлю моему искренному желанію, чтобы съ вами переговорить и опредѣлить вашимъ разсужденіемъ мои мнѣнія на будущую кампанію. Повѣрьте же притомъ, милостивый государь мой, что и польза собственной вашей славы требуетъ присутствія здѣсь вашего, при специальномъ распоряженіи операціоннаго плана. Господь Богъ, окончивъ такимъ полезнымъ для насъ образомъ настоящую кампанію, предоставилъ вашему искусству заградить въ будущую непріятелю переходъ чрезъ Дунай и, поспѣшествуя тѣмъ главнѣйше взятію Бендеръ и Очакова, сжать Татаръ въ одномъ Крыму, а потомъ, по усмотрѣнію обстоятельствъ, произвести дальнѣйшія дѣйствія. Но къ сему, милостивый государь мой, видится мнѣ необходимо нужнымъ вся умѣренность по Польскимъ дѣламъ, дабы сію, теперь Шоазелевскими и вдовствующей курфирстины Саксонской коварными напусками развращенную націю не соединить къ тылу нашему, чѣмъ, конечно, кромѣ существенныхъ помѣшательствъ вашимъ дѣйствіямъ, потрясется еще въ своемъ основаніи и главная система политическихъ дѣлъ Ея Императорскаго Величества, противу которой единственно и весь Шоазелевъ заговоръ сдѣланъ былъ.

Въ С.-Петербургѣ, 20 Октября 1769 г.

48.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

По начатому въ Польской Украйнѣ гоненію нашимъ единовѣрнымъ прежде всего считаю я за нужно представить вамъ въ истинномъ разумѣ, въ коемъ мы, какъ по сю пору взирали такъ и впредъ всегда взирать будемъ на участь и состояніе всѣхъ въ Польшѣ диссидентовъ вообще, слѣдовательно и нашихъ исповѣдниковъ. Для познанія истиннаго разума универсаловъ уніятскаго епископа Шептицкаго и региментаря Украинской части Стемпковскаго, кои по сю пору одни причинствуютъ всю заботу и опасеніе, прилагаю я здѣсь исправные въ нихъ переводы, кои, съ своей стороны, то, по крайней мѣрѣ, безпорно свидѣтельствуютъ, что ни епископъ, ни регментарь ничего точно и безпосредственно не приказываютъ въ утѣсненіе нашихъ единовѣрныхъ, а пекутся только о возвращеніи къ Уніи рожденныхъ въ ней, а послѣ отпавшихъ съ остервенѣніемъ противъ человѣчества поселянъ, и о возстановленіи между ими добраго порядка и законнаго властямъ повиновенія.

Какъ министръ и какъ персональный другъ вашего сіятельства, скажу я вамъ, въ обыкновенной моей безпредѣльной откровенности, что ни одно, ни другое изъ сихъ обоихъ намѣреній не противно пункту усмотрѣнія нашего; слѣдовательно же и всѣмъ нашимъ политическимъ правиламъ въ разсужденіи диссидентовъ. Съ одной стороны, слава, достоинство, обязательства и самые интересы Имперіи требовали, чтобъ мы вступились за нихъ и извели ихъ изъ того порабощенія и гражданскаго небытія, въ коихъ онѝ превосходною силою католиковъ погружены и содержаны были, дабы изъ раздробленія ихъ составить нѣчто цѣлое; а съ другой, воспрещаютъ тѣже самыя политическія уваженія и благоразумная предусмотрительность дозволять сему цѣлому столько свободы и способовъ, чтобы оно само собою усилиться и со временемъ одно само же по себѣ католикамъ равновѣсить могло. Для истинной Отечества пользы, нужна и выгодна намъ въ корпусѣ диссидентовъ сущая посредственность; ибо ею одною, по безсилію своему, будетъ онъ обязанъ искать и держаться всегда покровительства нашего, а въ цѣну онаго и употребляться всегда же въ дѣлахъ, по волѣ и намѣреніямъ нашимъ. Сего ради, при негоціаціи послѣдняго нашего съ республикою трактата, и не настояли мы на отрѣшеніи пенальныхъ законовъ, коими строжайше заказанъ переходъ изъ религіи католической во всякую другую: ибо инако число диссидентовъ могло бы, со временемъ, въ Польшѣ, безконечно, умножиться, а съ симъ умноженіемъ и родиться въ ней бо́льшее въ правленіи устройство, кое

для Россіи никогда полезно быть не можетъ. Наши единовѣрные, составляя съ диссидентами одинъ корпусъ, долженствуютъ потому, натурально, и подходить наравнѣ съ ними подъ сіе общее положеніе; а сверхъ того, представляетъ оно относительно къ нимъ и другое многозначущее уваженіе. Мы и нынѣ безпрестанно слышимъ многія жалобы отъ нашихъ близъ границы живущихъ помѣщиковъ о великихъ побѣгахъ ихъ крестьянъ за границу, при всемъ сущемъ тамъ бывшемъ притѣсненіи нашимъ единовѣрнымъ. Что же тогда будетъ, и не усугубятся ли раззорительные побѣги, когда, съ знатнымъ пріумноженіемъ отъ Уніатъ числа нашихъ единовѣрныхъ, сія свобода сдѣлается въ Польшѣ столь же публична и столь надежна, какова она и въ Россіи?

Открываясь предъ вашимъ сіятельствомъ въ сихъ политическихъ началахъ, не сомнѣваюсь я, что вы, по собственному вашему просвѣщенію и прозорливости, постигнете и всю политическую оныхъ связь и слѣдствія; почему и остается мнѣ увѣдомить васъ, для свѣдѣнія и учрежденія встрѣчающихся вашему сіятельству подобныхъ дѣлъ, что принесенныя вамъ жалобы, подъ именемъ утѣсненія нашего единовѣрія, на поступки и манифесты Уніатскаго епископа и региментаря Стемпковскаго, Ея Императорское Величество изволила принять въ пунктѣ такого усмотрѣнія, чтобы усыпившуюся ярость необузданной челяди безвременно опять не возбудить невмѣстными и, не по состоянію обстоятельствъ, употребляемыми средствами тѣхъ людей, въ каковомъ разумѣ даны и повелѣнія нашему послу князю Волконскому, о представленіи о томъ Варшавскому двору, и съ которыхъ здѣсь сообщаю вашему сіятельству копію.

Въ самомъ дѣлѣ, милостивый государь мой, описуемыя въ манифестѣ региментаря Стемпковскаго ужасныя дѣла для всѣхъ обществъ тѣмъ вѣроятнѣе, что оными ихъ производители безпосредственно ускоряются; а такое звѣрское остервенѣніе и разрушеніе всѣхъ узъ человѣчества между подлостію можетъ ли въ здравой политикѣ, да и по единому человѣчеству, сыскать себѣ заступленіе или покровительство? Я знаю, милостивый другъ мой, расположеніе вашихъ собственныхъ сентиментовъ, и увѣренъ, что вы со мною по симъ мыслямъ разнствовать не можете. Извольте же къ сему присовокупить, для распространенія вашего по тому разсужденія, нашъ политическій резонъ, какъ оный я вамъ выше здѣсь описалъ, въ разницѣ между защищенія правъ свободы и вольности настоящаго числа вообще всѣхъ диссидентовъ, гдѣ и наши единовѣрные, по праву и по собственной нашей чести предъ публикою, включаемы быть должны, и такія дѣйствія, которыя бы производили, или хотябъ только поспѣшествоввали безпредѣльному распространенію всѣхъ сихъ разныхъ законовъ, до

усиливанія ихъ со временемъ самими собою къ поверхности надъ католиками. Противность нашего интереса въ сей крайности сама собою представляется. А для того самаго, въ послѣднемъ нашемъ съ Польшею трактатѣ и ея на ономъ основанной конституціи, сіе предохранено утвержденіемъ выбора королей Польскихъ въ католицкомъ законѣ, яко въ господствующемъ, и оставленіемъ совсѣмъ въ молчаніи всѣхъ Уніатовъ; чѣмъ, — оставаясь нерѣшимымъ, слѣдовательно, подъ всегдашнимъ сумнѣніемъ въ твердости ихъ состоянія, — сдѣлались оные, на будущія времена, хуже состоянія тѣхъ нашихъ единовѣрцевъ, которые, претерпя всѣ католицкія притѣсненія, не поколебались въ своей древней вѣрѣ.

Хотя воевода Кіевскій графъ Потоцкій и мягко стелетъ, но по сіе время, однакоже, полагаться на него совсѣмъ нельзя. Можетъ быть, со временемъ, будетъ онъ для насъ надежнѣе; но въ существѣ долженъ онъ считаться такимъ человѣкомъ, который болѣе всѣхъ при Портѣ дѣла наши прямо самъ собою чернилъ и, Турковъ поджигая, зажегъ въ отечествѣ своемъ пламя фанатизма и нестроенія, отъ чего и вся война послѣдовала. Сіе, однакоже, не мѣшаетъ тому, что ваше сіятельство разумѣли за благо освободить Уманскаго его управителя, когда въ принятыхъ противъ него подозрѣніяхъ не можно было найти никакихъ вѣроятныхъ доказательствъ; да къ тому же теперь и посолъ, князь Волконскій, можетъ быть, уже началъ нѣкоторую негоціацію съ тѣмъ воеводою, для составленія нашей собственной въ Польшѣ конфедераціи, о чемъ отправлены къ нему Ея Императорскаго Величества повелѣнія.

20 Октября 1769 г.

Къ этому письму приложенъ переводъ съ слѣдующаго документа.

Іосифъ Гаврило Стемпковскій, полный коронный обозный, военнаго совѣта коммиссаръ, ордена святаго Станислава епископа кавалеръ и коронныхъ войскъ его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой Украинскаго и Подольскаго корпусовъ главный региментарь.

Богъ, Создатель неба и земли, по Своимъ неиспытаннымъ судьбамъ, всемогуществомъ Своимъ учредилъ порядокъ между разными человѣческими состояніями и, начиная отъ самыхъ владычествующихъ монарховъ, порядочно по степенямъ, въ послѣднѣйшемъ чинѣ и васъ, крестьянство, создалъ въ ономъ сопряженіи такъ, что не оставилъ вамъ никакого другаго равенства кромѣ одного того, которое между душами находится. А всякій христіанинъ, признавающій Божіе существо и въ Него вѣрующій, такое содѣйствіе и справедливое отъ десницы Господа Силъ распредѣленіе обязанъ принимать съ должною и благопристойною покорностію; такъ какъ и всѣ на-

родныя права, о коихъ, по непроницанію вашего ума, понимать вы не можете. Всѣ, однако, крестьянскія, въ городахъ, пригородахъ и въ разныхъ деревняхъ, собранія, будучи бѣглыми изъ Волыни, и въ Кіевскомъ, Подольскомъ, да Брацлавскомъ воеводствахъ находящіяся, вмѣсто того, что̀, по вашимъ должностямъ, надлежало вамъ исполнять, смотрите, какія беззаконія въ святилищахъ Божіихъ причинили, начавъ отъ самого Создателя Бога и отъ святыхъ Его! Вы, впрочемъ, родившіеся и воспитанные въ святой Римской Католицкой Греко-Уніатской вѣрѣ, дерзнули перемѣнять оную, которую, по принятіи и по обѣщаніи, при святомъ крещеніи, предъ самимъ Богомъ въ Святой Троицѣ, единою невредимо соблюдать и со оною вѣрою суду Его страшному предстать долженствовали. Конечно, весь законъ Божій и Священное Писаніе о томъ научаютъ, о чемъ ваши уніатскіе пастыри проповѣдывать и наставлять васъ должны. Надлежало бы и о семъ вѣдать, что за переходъ изъ одной вѣры въ другую, неточію прежніе, но и нынѣшніе законы повелѣваютъ строжайшимъ образомъ наказывать и самыхъ первѣйшихъ, буде бы такіе въ отечествѣ оказались, людей, иногда отнятіемъ и конфискованіемъ имѣнія ихъ и всѣхъ пожитковъ, иногда же изгнаніемъ изъ областей Рѣчи Посполитой, а иногда и лишеніемъ живота. И такъ, когда, съ исключеніемъ токмо душъ вашихъ, кои, по Божіему дарованію, вамъ пожалованы, все ваше имущество предано власти и силѣ вашихъ господствующихъ и владѣльцовъ, какого вы наказанія достойны теперь за такія ваши преступленія? Вовторыхъ же, есть ли какая вѣра, которая носила бы на себѣ имя христіанское, но была бы при томъ столь разрѣшительна, чтобъ такія въ храмахъ Божіихъ, въ костелахъ и въ церквахъ непочтенія чинить, каковыя вы столь во многихъ мѣстахъ и столь многократно, съ такимъ посрамительнымъ ругательствомъ, исполняли? Вы отдавали вящшее почтеніе питейнымъ и шинковнымъ домамъ, тако-жъ жилищамъ старшинъ вашихъ равно, какъ и вы, небогобоязливыхъ, чему самъ я былъ самовидецъ въ бытность мою въ Лысянкѣ съ войскомъ, ради поимки тѣхъ безчинниковъ, гдѣ, по приходѣ моемъ въ костелъ отцовъ Францисскановъ, не безъ труда было вообразить себѣ одно сіе, что то находился домъ Божій, когда не токмо ни единаго алтаря святыхъ Божіихъ, но почти и знака къ тому не оказывалось; тѣмъ меньше, что обрѣтались и видимы были однѣ раззоренія и изверженные на улицы святые образа, всѣ простреленные, ободранные и ногами попираемые, при чемъ вмѣстѣ и тотъ алтарь, гдѣ Самъ Богъ, пресвятѣйшими таинствами покрываемый, присутствовалъ; тотъ, говорю, самый алтарь оскверненъ ругательнымъ образомъ. Ибо изъ тѣлохранительницы таинства выброшены на землю и ногами тѣхъ, коимъ надлежало быть причастниками, попираемы; а въ тѣ чаши и сосуды разныя питья наливаемы, и изъ оныхъ за свое здоровье испиваемы были. На образа Распятія Христова одни, какъ въ мишень, изъ ружьевъ стрѣляли, и отъ тѣхъ пуль находятся въ грудяхъ и теперь

знаки; другими же помянутые образа вытаскиваемы на улицу, и тамо дубьемъ у нихъ ноги и руки отбиваемы были, изъ коихъ образовъ нѣкоторые и понынѣ у меня обрѣтаются. Но мало ли помянутыхъ токмо преступленіевъ, кои, однако, въ то время, какъ предъ страшный Божескій судъ представлены будутъ, тамо развѣ единственное Божіе милосердіе покроетъ; поелику всякій христіанинъ на оное полагаетъ все свое упованіе, хотя, впрочемъ, по артикулу вѣры надлежитъ и сему вѣрить, что Богъ сколь милосердъ, столь не меньше того и правосуденъ. Такова ли у васъ, крестьянскія собранія, христіанская вѣра, что вы законника великихъ отцовъ Францисскановъ, ксендза, вмѣстѣ съ Жидомъ и собакою въ костелѣ повѣсили на хорахъ, вездѣ подрубливали и разваливали изображенія святыя? Буде бы въ дикихъ народахъ приключилось ближнему мучительство, столь неупотребляемое, коего Богъ гнушается, да и человѣческое естество трепещетъ, то таковаго рода мученій разумъ и память человѣческая постигнуть не могутъ, каковыя, между прочими безчисленными, обрѣтаются сіи, а именно: что у беременныхъ женщинъ вырѣзываны младенцы и, по вынятіи изъ мѣстъ, на копьи повергаемы, а вмѣсто младенцевъ деревянные отсѣчки при грудяхъ полагаемы были, и тѣмъ различныя мучительства выдумываны, какъ надъ духовными, такъ и надъ свѣтскими людьми мужскаго и женскаго половъ. Надъ всѣми престарѣлыми, средовѣчными и сущими младенцами оказывали неслыханное и неупотребляемое тиранство, бѣшенымъ нѣкакимъ и подобящимся сумасшедшимъ образомъ. Напослѣдокъ, не размножая уже о всѣхъ другихъ мучительствахъ и особливо, по большей части, надъ самою шляхетскою кровію дѣйствованныхъ, о семъ токмо упомяну, что вы мертвыя уже тѣла, которыя заблаговременно, какъ еще живыми были, въ поврежденіе безвиннаго естества, молодыми отроками оскверняли, безъ всякаго присмотра оставляли, и оныя, по христіанскому обычаю, погребенію не предавали; но и по смерти еще, необыкновенное ругательство и мщеніе допускали; такъ что, при вашихъ безбожныхъ потѣхахъ, въ глазахъ вашихъ, птицы прилетали и безвинною кровію питались, а прибѣгающія собаки внутренности таскали, и оныя частями разносили, по улицамъ, къ соблазну и съ омерзѣніемъ самой натуры. При томъ же, такъ хорошо вы остервенились надъ измученными людьми, что и путешествующимъ, по причинѣ набѣговъ вашихъ, трудные проѣзды были. Но гдѣ уже законъ Божій „не убій“, и при томъ столь ругательнымъ образомъ? Сколько насильствъ, сколько принужденныхъ браковъ съ самими госпожами и съ боярышнями вашими, равно со многими другими шляхетскими персонами вы совершили? Сами теперь судите, чего вы достойны за толикая злая! Сочтите, сколько-то тысячъ отъ вашихъ негодныхъ рукъ лишилось жизни шляхетскихъ людей? Сколько управителей вашихъ, комисаровъ, экономовъ, писарей, помощниковъ и прочихъ другихъ чиновъ, по повелѣнію отъ команды имѣвшихъ до васъ дѣло, коимъ всѣмъ долженствовали вы повиноваться и

расплачиваться податьми и должностями вашими? Не поставляли ли вы сего во грѣхъ, что столь многихъ и мучительски тѣхъ Жидовъ убивали, кои содержали отъ господъ вашихъ откупы, и потому жили по деревнямъ, городамъ и пригородамъ, а тѣмъ самымъ разными средствами доставляли господамъ вашимъ прибытки? Касается неминуемо до всякаго ближняго сія заповѣдь Божія, „не убій“; ибо хотя онъ вѣрою заблуждаетъ и невѣрнымъ называется, однако о томъ не вамъ судить, но на страшномъ судѣ одному Богу подлежательно будетъ. Буде бы они и сдѣлали вамъ какія огорченія, либо обманы и другія случавшіяся отъ нихъ грабительства, то пока еще ихъ не выгнали, имѣли вы вездѣ присутственныя мѣста, гдѣ на Жидовъ жалобы приносить и доходить обыкновеннаго правосудія было возможно. А ежели бы и тамо въ присутственныхъ мѣстахъ какая неудобность, ради васъ, явилась къ сысканію правосудія, то оставались въ вашемъ изволеніи другіе способы, коими могли вы на оныхъ Жидовъ предъ главноначальствующими жаловаться. Сколько при томъ раззорено оборонительныхъ крѣпостцей и господскихъ домовъ, состроенныхъ знатными иждивеніями? Сколько городовъ и пригородовъ? Не упоминая уже о костелахъ и церквахъ, теперь все уничтожено, развалено, раззорено и въ пепелъ обращено; одинъ только знакъ мѣста оставленъ.

И такъ, при означенномъ страшномъ раззореніи, сами судите, какой причиненъ вами убытокъ въ господскихъ доходахъ? Всѣ уже поземельныя подати, откупы, почести, оброки и другіе обыкновенно съ здѣшней націи собираемые платежи, которые до сего времени въ доимкѣ оставались, а теперь и вовсе пресѣклись, единственно по причинѣ своевольничества вашего и такой продерзости, въ которыя вы низринулись столь далече, что, по разнымъ сборнымъ мѣстамъ и таможнямъ, коснулись и на казну его королевскаго величества Станислава Августа, благополучно надъ нами владѣющаго и Рѣчи Посполитой; а дерзновеннымъ образомъ дѣлая нападеніе, похищали и разграбляли оную съ такими, притомъ, нечестивыми восклицаніями, что будто вы не принадлежательны ко владѣніямъ его величества и Рѣчи Посполитой. Мы, въ равенствѣ родившіеся, теперь возносимъ наши руки къ Богу и Господу Силъ съ благодареніемъ за возвышеніе его величества и за возведеніе на престолъ, и при его державѣ жизнь наша наиприятнѣйшею пребудетъ. А вамъ нѣкто сумасшедшій человѣкъ столь развращенное мнѣніе въ голову вперилъ, что вы признаваете себя быть не того государя, ниже той же націи народомъ. Всякій разсудительный и честный человѣкъ не согласится съ вами не токмо такимъ образомъ на рѣчахъ произносить, но совершенно о томъ ниже когда либо мыслить. А такою слѣпотою наградилъ васъ одинъ токмо простой народъ, который паче васъ будто какъ умнѣйшимъ себя почитаетъ, и потому привелъ васъ столь въ поносное заблужденіе. Вы не думайте того, чтобы не токмо владѣтельные господа ваши и всякъ, принадлежащій къ командованію надъ вами, не могли чувствовать столь великой убыли, сколько васъ уже по

гибло; но и самъ милостивый нашъ государь и вся нація съ соболѣзнованіемъ и прискорбностію взираютъ, что въ областяхъ его величества и Рѣчи Посполитой толикое число, хотя, впрочемъ, продерзностныхъ и негодныхъ людей, жизни лишилось. Сіе всей націи вообще обидно, что великое число народа убыло, а единственно вашимъ достойно-поругательнымъ, изобрѣтеннымъ средствомъ. Смотрите, крестьяне, сколь памятливы и милостивы его королевское величество и Рѣчь Посполитая объ вашей пользѣ, что и на нынѣшнемъ сеймѣ закономъ строго запрещено, чтобъ какъ природнымъ господамъ, такъ и другимъ владѣльцамъ и управителямъ пресѣчена была та вольность, которая предъ симъ, по ихъ изволенію, во зло употреблялась въ отнятіи у крестьянина живота; но и заслужившаго лишенія жизни человѣка велѣно отдавать подъ судъ къ обыкновенному правительству. Такой королевской и Рѣчи Посполитой милости, конечно, вы лишены будете, когда не престанете быть продерзностными и пакостными людьми; ради возобновленія помянутаго закона надлежитъ исправить житіе и вѣрность. Вы уже долженствуете теперь и сами признаться, что протягивается на васъ къ наказанію вашему десница Вышняго, поелику толикое число разныхъ народовъ на васъ допустила. Наказываютъ васъ, впрочемъ, и тѣ уже, кои какъ до васъ, такъ неменьше того до націи ни по какому случаю дѣла не имѣютъ. Еще однако Богъ удержалъ мстительный Свой, хотя праведнѣйшій, гнѣвъ къ жесточайшему наказанію такъ, что изъ небесъ молнія не убиваетъ, а земля живыхъ не пожираетъ. И потому, я васъ же привожу въ осторожность: остерегитесь, разсвирѣпѣвшее и взволновавшееся крестьянство.

И, вопервыхъ, вы, которые рождены и воспитаны въ святой Римской Католицкой Греко-Уніатской вѣрѣ, въ той вѣрѣ примѣрно жить и умирать долженствуете; ибо въ противномъ случаѣ послѣдуетъ предъ Богомъ потеряніе души, а на земли потеряніе живота. Уніатскихъ обрядовъ духовную старшину вашу почитайте и слушайтеся. А ежели бы кто либо изъ нихъ, развращеннымъ путемъ, сталъ васъ научать, о такихъ въ консисторіяхъ, коимъ онъ будетъ по своему чину подчиненъ, или ко мнѣ доносите. Буде же какой приходскій священникъ, такъ какъ нынѣ случается, по своей ставленной грамотѣ отъ посторонней власти, не имѣющій ни силы, ни закона, вознамѣрится искать отъ васъ помощи, то таковаго неточію принимать и ему къ полученію мѣста способствовать, но, по меньшей мѣрѣ, и слушать его предложенія не дерзайте, а паче, безъ всякаго продолженія времени, о пришествіи таковаго объявляйте. Притомъ же и другихъ наставляйте, что вы составляете число народа не инаго какого государя и области, какъ единственно того, который теперь надъ нами владѣетъ, а по долголѣтственнѣйшемъ (даруй Господи!) его обладаніи, и преемниковъ его и Рѣчи Посполитой, природнымъ вашимъ господамъ и владѣльцамъ будите вѣрны и послушны. А подати, какъ доимочныя, такъ и настоящія выплачивайте, по обыкновенному узаконенію, имъ самимъ или владѣльцамъ вашимъ; равно и всѣмъ тѣмъ, кои, по правамъ или по дозво-

ленію отъ нихъ, имѣютъ надъ вами управленіе и дѣло. Не препятствуйте жительства Жидамъ, откупы содержащимъ, и другимъ поселившимся въ деревняхъ, городахъ и пригородахъ, изъ дозволенія отъ команды. А однимъ словомъ заключаю: оставьте всякія продерзости и пакости, кои только вами употребляемы были. Въ противномъ же случаѣ, буде въ чемъ нибудь изъ вышеписаннаго, хотя въ самомъ малѣйшемъ, какое упущеніе сдѣлается: то я, будучи присланъ, по именному указу его королевскаго величества, и по ордеру блистательной коммиссіи Рѣчи Посполитой коронпаго войска, и главную надъ состоящимъ здѣсь корпусомъ команду имѣющій, выискивать, ловить и разбивать такъ стану, какъ вы сами видѣли и слышали о происходившемъ въ Лысянкѣ, какъ я бился съ вами подъ Ольховцомъ и Хлыпневкою; и какъ понынѣ гайдамаки и разбойники, изъ котораго числа и вы состоите, самымъ опытомъ вкушаютъ въ лагерѣ иногда тѣлесныхъ наказаніевъ, а иногда и лишенія животовъ. При семъ же обѣщаю всѣмъ вашимъ собраніямъ и всему вашему вѣрному, послушному, постоянному и честному народу во всемъ сходственно тому, какъ и другимъ уже отъ меня учинено, сдѣлать всякій приступъ и помощь противъ тѣхъ, буде кои вознамѣрятся, за что нибудь, надъ вами подъискиваться и производить мщеніе. И о семъ моемъ объявленіи, дабы вездѣ, какъ наискорѣе свѣдомо было, всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, а особливо Греко-Уніатскимъ духовнымъ съ тѣмъ повелѣвается, чтобъ отъ одной приходской до другой приходской же церкви сообщаемо было. А буде гдѣ нибудь сіе мое объявленіе принято не будетъ, то немедленнаго сюда ко мнѣ въ лагерь увѣдомленія ожидаю. И ради лучшей вѣроятности, съ приложеніемъ обыкновенной печати, собственноручно подписую. Дано въ лагерѣ подъ Роднею, Августа 16-го дня, 1769 года. Іосифъ-Гаврило Стемпковскій, обозный польный коронный, главный регаментарь. (М. П.). Переводилъ переводчикъ Павелъ Грамацкій.

49.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Безъ дальняго отлагательства, хочу я теперь подать вашему сіятельству доказательство моихъ мыслей чистосердечнымъ изъясненіемъ всего того, чтó я персонально думаю, какъ о всей нынышней кампаніи вообще, такъ и о разныхъ ея, безъ ошибки можно сказать, чудныхъ и всякое ожиданіе превосходящихъ приключеніяхъ.

Искусство вѣка моего *) и твердость удостовѣренія въ вѣрѣ убѣждаютъ меня неоспоримо, что сила Всемогущаго свыше всѣхъ силъ человѣческихъ, и особливая Его къ Россіи благодать одни, безъ сла-

*) Понынѣшнему сказать: опытъ лѣтъ. П. Б.

баго содѣйствія смертныхъ, попрали враговъ святаго Его Креста и увѣнчали предпріятія наши толь великими успѣхами.

Вездѣ видны слѣды Всесильной Десницы и непостижимаго Ея предустроенія, ибо инако не усматриваю я нигдѣ той связи въ намѣреніяхъ, мѣрахъ, сопряженіяхъ и самомъ исполненіи каждаго особь предпріятія, произведеннаго въ арміи, нынѣ находящейся подъ вашими повелѣніями, которыя въ естественномъ теченіи дѣлъ предуготовляютъ и обезпечиваютъ надежность успѣховъ.

И такъ, если не признавать въ происшествіяхъ кампаніи Промысла Божія, Который недовѣдомыми путями все къ лучшему управляетъ, то какъ судить о несообразимости каждаго изъ нихъ и что́, въ существѣ, могутъ значить, одно по другомъ: первый за Днѣстръ къ Хотину переходъ, безъ предуготовленнаго пропитанія; скоропостижное, потомъ, отъ онаго возвращеніе съ столь дальнимъ отъ береговъ сей рѣки отступленіемъ во внутрь земли, въ такое еще время, когда почти и непріятеля не было; вторичное покушеніе на крѣпость, безъ намѣренія, или же безъ способовъ форсировать ее; добровольное оставленіе непріятелю полной свободы къ коммуникаціи съ городомъ, который уже до крайности приведенъ былъ, и поспѣшая опять на здѣшнюю сторону, ретирада безъ всякой за то непріятелямъ поставленной цѣны?

Не знаю я, исключать ли изъ сего числа и послѣдовавшія за тѣмъ разныя съ Турками стычки, а особливо толь счастливо обратившіяся ночныя, инако бы однимъ рѣзаніемъ и убивствомъ остававшіяся достопамятными атаки. Поверхность войскъ нашихъ предъ многочисленными Турецкими толпами долженствуетъ, натурально, состоять въ исправности военной дисциплины и точности строеваго порядка. А когда то такъ, то можно ли уже почитать свойственными оному такія предпріятія, въ коихъ между употребленными деташаментами не было взаимной связи чрезъ посредство общаго всѣмъ начальника, а одни только сигналы крикомъ, какіе у насъ въ старину употребительны были и назывались ясаки, и гдѣ, по необходимости, ручной бой и личная храбрость каждаго рядоваго долженствовали замѣнить всѣ выгоды и преимущества искуснаго предводительства? Мнѣ кажется, милостивый другъ, не въ томъ состоитъ дисциплина, слѣдовательно же и прямая польза регулярной службы, чтобъ рядовыхъ, каждаго порознь, приводить до величайшаго градуса персональной смѣлости. Не могутъ ли тогда отважнѣйшіе получить поводъ бросаться впередъ и рвать чрезъ то фронтъ? А, слѣдовательно, не надобно ли, напротивъ, для обнадеженія себѣ пользы, имѣть за первое правило, чтобъ фронтъ весь, если можно такъ изъясниться, былъ храбръ и неподвиженъ, а не солдаты или гренадеры частно отважны?

Можетъ быть, не всѣ мои разсужденія вѣрны; но сіе не удивитъ, конечно, ваше сіятельство отъ такого человѣка, который не о своемъ ремеслѣ говоритъ. Я самъ весьма удаленъ требовать, чтобъ вы ихъ инако признавали, какъ только слѣдствіемъ персональной моей къ вамъ дружбы и откровенности, кои предѣловъ не имѣютъ, по впечатлѣнію въ сердцѣ моемъ того удостовѣренія, что, говоря съ вами, говорю я самъ съ собою.

50.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Препровождаемая при семъ всеподданнѣйшая моя реляція содержитъ въ себѣ объясненія о взятомъ Французѣ Рюфейнѣ въ Яссахъ, который находился при ханѣ Крымскомъ. Письма, которыя у него найдены, а паче шифирный ключъ, я надѣюсь, не послужатъ ли къ каковому хотя прежнихъ дѣлъ объясненію, что̀ все ваше сіятельство увидѣть изволите въ семъ же приложеніи [1]).

21 Октября 1769 г. Тыльна.

51.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Господинъ генералъ-поручикъ баронъ Ельмптъ, какъ по должности генералъ-квартермистра на себѣ несъ военныя распоряженія во всю прошедшую кампанію въ Польшѣ, и напослѣдокъ, свершивъ экспедицію Молдавскую, получилъ и о той землѣ, не меньше какъ уже онъ имѣлъ о Польшѣ, нужныя свѣдѣнія: то я и счелъ за приличное его самого теперь отправить къ Ея Императорскому Величеству, для представленія соединенно и собственныхъ его и моихъ всеподданнѣйшихъ мыслей о прошедшей и будущей кампаніи, что онъ притомъ въ состояніи будетъ подать для матеріи сей въ чемъ либо потребныя изъясненія.

Я имѣю честь вашему сіятельству особливо принесть мои всепокорныя просьбы: первую о томъ, чтобъ мнѣ завременно дать знать о предполагаемомъ планѣ для будущихъ операцій, противъ чего бы и я здѣсь моими приготовленіями могъ, не теряя времени, соотвѣтствовать; вторую о показаніи вашего заступленія и милости подателю сего господину барону Ельмпту въ обстоятельствахъ, которыя самъ онъ изобразитъ. Въ чемъ полученное имъ удовольствіе присоединю я къ собственнымъ мнѣ одолженіямъ, которыми всегда отъ васъ я пользу-

---

[1]) Приложенія при подлинномъ письмѣ не нашлось.

юсь и кои купно ношу въ памяти съ тою искреннею моею преданностью и съ тѣмъ всесовершеннымъ почтеніемъ, съ коими имѣю честь и называться.

23 Октября 1769 г. Тыльна.

52.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Коронный подчашій Чапскій арестованъ въ самомъ начатіи диссидентскаго дѣла, по его фанатическому духу, который, по крайней мѣрѣ, тѣмъ меньше дуренъ, что основанъ на доброй вѣрѣ. Князь Николай Васильевичъ Репнинъ въ состояніи болѣе, нежели кто, изъяснить вашему сіятельству тѣ статскіе резоны, для которыхъ наложенный единожды арестъ оставался непремѣнно нуженъ. Теперь продолжаются тѣже резоны, и для того, сколько, впрочемъ, ни согласенъ я съ мнѣніемъ вашего сіятельства, нѣтъ, однакожъ, возможности перемѣнить до времени состояніе г. Чапскаго, то есть ни на волю его освободить, ниже взять въ границы наши. Первое можетъ имѣть весьма великія неудобства въ разсужденіи Польскаго, и безъ того уже изъ мѣры выходящаго, фанатизма, потому что его никакой минувшій страхъ не обуздалъ бы оный собою вновь повсюду распространять; а второе было бы напраснымъ отягощеніемъ судьбины арестанта въ такое время, когда онъ ничѣмъ болѣе не провинился. Сверхъ того, содержаніе его, имѣя единственную и безпосредственную свою связь съ теченіемъ негоціаціи посла нашего въ Варшавѣ, долженствуетъ по тому самому и оставаться въ рѣшимости князя Михаила Никитича Волконскаго. Онъ, конечно, не оставитъ самъ снестись съ вашимъ сіятельствомъ, когда обстоятельства дѣлъ у него больше изъяснятся; а теперь упражняется онъ въ однѣхъ еще распоряженіяхъ къ открытію новаго политическаго явленія. Но я надѣюсь, что то уже недолго замедлится и что, такимъ образомъ, скоро настанетъ то время, когда ему о жребіи г. Чапскаго точно рѣшиться можно будетъ, если ваше сіятельство пребываніе его въ Полонномъ и далѣе предосудительнымъ почитать причину имѣть будете.

Весьма радъ я, что собственныя вашего сіятельства мысли и распоряженія о зимнихъ квартирахъ повстрѣчались съ послѣднимъ къ вамъ Ея Императорскаго Величества отправленнымъ рескриптомъ; ибо вамъ, затѣмъ, не можетъ уже оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія. Но паче, получая свободныя руки, будете вы имѣть совершенную способность сдѣлать и расположить все по собственному вашему благоусмотрѣнію.

Между тѣмъ позвольте мнѣ, милостивый государь мой, въ качествѣ друга и человѣка вамъ неограниченною откровенностію обязавшагося, объявить здѣсь собственныя мои мысли по тому, какъ онѣ мнѣ въ умъ приходятъ. Не тѣсновата ли, какъ мнѣ мнится, признаюсь я вамъ съ полною на дружбу вашу довѣренность, длина, назначенная для зимнихъ квартиръ, и не могъ ли бы правый флангъ арміи далѣе въ длину свою распространенъ быть? Неудобства тому не воображаются мнѣ; ибо, конечно, голодъ, холодъ и дальность мѣстъ, а особливо впереди занятая крѣпость не допустятъ Туркамъ причинять намъ спереди, чрезъ зиму, какую либо тревогу; а, напротивъ того, выгодъ довольно много: ибо, вопервыхъ, занятіемъ большаго пространства земли, доставимъ мы себѣ и большее количество пропитанія, а, вовторыхъ, будемъ въ состояніи болѣе обуздывать Польскихъ мятежниковъ въ томъ краѣ, гдѣ теперь наибольшее ихъ гнѣздо,—пунктъ, который самъ по себѣ довольно важенъ и который, потому, и привлекъ уже собственное вашего сіятельства мудрое и прозорливое вниманіе.

Ваше сіятельство можете сами справедливо заключить, что сіе внутреннихъ моихъ мыслей обнаженіе предъ вами имѣетъ источникъ свой въ искренности и дружбѣ, кои я вамъ на вѣкъ посвятилъ, и кои однѣ обѣщаютъ мнѣ, слѣпому о краскахъ разсуждающему, найти у васъ благосклонное извиненіе, на которое я тѣмъ больше и полагаюсь, что собственное ваше проницаніе можетъ опредѣлить цѣну и достоинство откровенія моего въ пользѣ или неудобности онаго.

По истинѣ, могу я увѣрить ваше сіятельство, что данное вамъ повелѣніе о покушеніи на Бендеры не полагалось и здѣсь при самомъ его отправленіи такимъ образомъ, которое бы въ производствѣ своемъ легко и надежно быть могло. Мы предусматривали, конечно, часть настоящихъ вопреки тому затрудненій и препонъ, чего ради, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, и не пришло бы на мысль предписывать то, чтб самимъ намъ тогда показалось бы неудобьвозможно; но теперь, когда счастіе и самыя стихіи объявились въ пользу нашу, простительно стало людямъ, безпечно за краснымъ столомъ сидящимъ, помышлять и о томъ, чтб первый градусъ вѣроятности превосходитъ, слѣдуя тутъ единственно правилу равному съ Хотинымъ,—проба была бы. Вотъ вамъ, милостивый государь мой, рѣшеніе задачи нашей, и хотя ваше заключеніе и не соотвѣтствуетъ здѣшнему упованію или, свойственнѣе сказать, желанію: однакожъ то не уменьшаетъ нимало той полезной импрессіи, которую произвели у насъ первыя ваши распоряженія.

29 Октября 1769 г. С.-Петербургъ.

53.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Изъ подносимыхъ Ея Величеству моихъ реляцій ваше сіятельство довольно усмотрѣть изволите положеніе здѣшнихъ дѣлъ, сколь мало полезны бываютъ всѣ тѣ предпріятія, кои не по обстоятельствамъ дѣлъ, а только по своимъ особливымъ видамъ производятся: такова наша Молдавская экспедиція, которая изнуреніемъ людей и потеряніемъ великаго числа лошадей кончилась. И я принужденъ теперь туда вновь съ непреодолимымъ трудомъ и людей и артиллерію вводить.

Графъ Захаръ Григорьевичъ сообщаетъ мнѣ имянное Ея Величества повелѣніе объ отправленіи въ Петербургъ находящагося здѣсь подъ именемъ консула Француза Рюфейна. Я его отправлю, какъ скоро снабженъ будетъ всѣмъ нужнымъ, которое онъ при взятіи его въ скорости потерялъ.

Въ Тыльнѣ, 31 Октября 1769 г.

54.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Ваше сіятельство соизволите увидѣть изъ моей всеподданнѣйшей къ Ея Императорскому Величеству объ отпускѣ изъ арміи г. Акчюрина просьбы ради его собственной, по припадкамъ, которые явно разрушали его здоровье.

Въ такой нуждѣ, какову я здѣсь имѣю въ человѣкѣ, который бы зналъ восточные и происходящіе отъ оныхъ языки, на коихъ вседневно случаются переписки, ваше сіятельство извините мою смѣлость, что я, не доложась прежде васъ, потребовалъ къ себѣ изъ Кіева отъ тамошняго генералъ-губернатора коллежскаго совѣтника г. Веселицкаго, видавъ, что онъ въ сихъ языкахъ довольное знаніе имѣетъ, и сверхъ того употребляемъ былъ и прежде въ такову должность, къ которой и я его призываю. И могу я потому тѣмъ надежнѣе на его въ истолкованіи писемъ Турецкихъ, Татарскихъ и прочихъ положиться, чѣмъ на переводчика, здѣсь находящагося, который въ сихъ ли языкахъ, или въ нашемъ Русскомъ, много себѣ труднаго находитъ въ случающихся переводахъ, что часто дѣлаетъ мнѣ сомнѣніе и остановку.

По скольку мнѣ извѣстны домашнія обстоятельства г. Веселицкаго, то онъ человѣкъ очень недостаточный и имѣющій еще свою фамилію. Отдаленіе его отъ дому много бы ему было чувствительно, если бы, съ другой стороны, не награждало ничто сея перемѣны. И для того, я прошу въ моемъ представленіи объ опредѣленіи ему того

же жалованья, которое имѣлъ г. Акчюринъ, не сомнѣваясь, что и ваше сіятельство въ доставленіи ему того, по природному вамъ великодушію, окажете свое призрѣніе.

31 Октября 1769 г. Село Тыльна.

55.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Мнѣнія вашего сіятельства, о силѣ и содѣйствіи Божіемъ во бранѣхъ, тотъ развѣ бы не принялъ истинными, кто сомнѣвается и тому вѣрить, есть ли солнце на небѣ. Но не новое сіе дѣло, мой милостивый другъ, что происшествіе заглаждаетъ намѣреніе, каково бы то ни было. Римлянамъ древнимъ исторія и то ставитъ въ славу, что вождямъ войскъ ихъ не вредило худое воспослѣдованіе отъ лучшаго намѣренія, какъ и удачливое происшествіе предпріятію худому не лучшую цѣну имѣло. Сими мыслями воздаю я только плату подобной откровенности вашей, и не сомнѣваюсь, что ваше сіятельство въ такомъ разумѣ ихъ и примите.

Я обращаюсь къ тому предположенію, которое, мой милостивый графъ, вы мнѣ предначертали, въ существѣ и послѣдованіяхъ Ея Императорскаго Величества великихъ предпріятій. Не станетъ во мнѣ ни удивленія, ни радости тому сразмѣрныхъ, когда я представлю себѣ способы, извлеченные, такъ сказать, изъ небытія, до коихъ мысль наша не достигала прежде, и устремленія разнообразныя отъ всѣхъ концовъ къ одному, которыхъ провождающій успѣхъ видимымъ образомъ уже кажетъ потрясеніе той машины, которая однимъ пространствомъ своимъ грозна была до нашего вѣка.

Пристойнымъ тутъ нахожу въ дружеской конфиденціи вамъ открыть, что графъ Захаръ Григорьевичъ ко мнѣ объясняется, между прочимъ, счетомъ своихъ военныхъ упражненій, что онъ готовитъ также мѣры и противъ сосѣдней Швеціи.

Я самъ съ собою то разсуждалъ, сколь мало тамъ нужды будетъ въ помощи нашей, гдѣ средства прошли сильнѣйшія нашихъ рукъ.

О Польскихъ дѣлахъ правиломъ мнѣ служить будутъ и вновь наставленія вашего сіятельства, хотя я таковыхъ же сообщенныхъ еще мнѣ въ прошломъ годѣ уже и держался. И представленія послѣднія свои чинилъ единственно для войскъ, которыя мѣшались между нашими и нѣкоторую импрессію дѣлали для положенія настоящихъ дѣлъ.

Будьте увѣрены, ваше сіятельство, что когда я ищу зависѣть отъ наставленій и руководства вашего, то коль несказанно я того желать долженъ, чтобъ время и возстановляемый вновь порядокъ раз-

рушеннымъ здѣшнимъ дѣламъ позволили мнѣ отсюда отлучиться и имѣть честь утвердить всѣ мои мысли о предстоящей должности словесности и мудрыми поученіями вашего сіятельства. О семъ, какъ о наиполезнѣйшемъ себѣ удовольствѣ, всѣми мѣрами стараться буду, исполняяся, между тѣмъ, уже надеждою принесть вамъ, милостивый другъ, персонально мое почтеніе въ чувствіяхъ дружбы и въ чувствіяхъ покорности, посвященныхъ вамъ съ тою преданностію, съ коею имѣю честь назваться.

2 Ноября 1769 г. Тыльна.

P. S. Мой милостивый другъ, до какой степени разрушенія порядка здѣсь дошло! Я вижу въ печатной піесѣ, что г. баронъ Ельмптъ мимо меня изъ Молдавіи отправилъ ко двору своего курьера, о чемъ я въ одно время свѣдалъ, какъ и вся публика съ печатныхъ вѣдомостей. Ваше сіятельство сами представить изволите, сколь такой поступокъ щекотливъ есть не партикулярно мнѣ, но для начальства, которое, по волѣ Ея Императорскаго Величества, на себѣ ношу. Претензія моя не простирается дальше, когда уже сіе принято выше за благоугодно.

P. S. *Свойственника вашего сіятельства, князя Голицына, ко двойному ихъ удовольствію, опредѣлилъ въ баталіонъ съ офицерами графа Воронцова, и который маіоромъ до прибытія моего произведенъ.*

56.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Секретнѣйше.

Еще до полученія реляціи вашего сіятельства, отъ 4-го Ноября, въ которой доносите вы о учтивомъ поступкѣ новаго Крымскаго хана, изволила Ея Императорское Величество признать за нужно и полезно попытаться у него, нельзя ли намъ будетъ и вовсе привлечь его къ нашей сторонѣ. Сія мысль и взятая изъ оной надежда основываются на извѣстномъ нравѣ Крымъ-Гирея и на прежнихъ его обстоятельствахъ съ Портою. Мы вѣдаемъ, что онъ въ первый разъ неинако сдѣлался ханомъ, какъ противъ воли и желанія ея, чрезъ способствованіе Едисанскихъ Татаръ, которые, возмутясь и поступя на шалости даже до того, что Молдавію грабить начали и заперли еще всю изъ Дуная въ Константинополь, для запасенія сей столицы толь нужную, навигацію, не хотѣли усмириться и возвратиться въ порядокъ, безъ возведенія на ханство сего ихъ любимца. Симъ образомъ достигнувъ Крымъ-Гирей ханства, не могъ не знать, что оно не далѣе при немъ останется, какъ

до усмиренія Едисанскихъ и Едикульскихъ Татаръ; почему, упреждая то, и старался онъ, во все время прежняго своего владѣнія, содержать ихъ во всегдашнемъ вооруженіи и заводить въ сосѣдствѣ хлопоты, для предлога или и прямой оному причины. Но всѣ его труды и попеченія были тщетны; ибо Порта, какъ скоро усмотрѣла удобное время къ низверженію его, и не упустила воспользоваться онымъ. Теперь, хотя и возстановленъ онъ вновь, но, конечно, чувствуетъ, что сераль поступилъ на то недобровольно, а изъ одной только нужды въ его предводительствѣ, яко человѣка умнаго, предпріимчиваго. и въ Татарахъ кредитнаго. Сверхъ того, самые Едисанскіе Татары, при пущей своей привязанности къ Крымъ-Гирею, прежде нежели удалось имъ возвесть его въ ханы, присылали къ намъ, можетъ быть и по согласію его, нарочнаго человѣка съ просьбою о принятіи ихъ въ наше подданство, въ чемъ имъ тогда, по причинѣ Прусской войны, отказано было.

По всѣмъ симъ уваженіямъ можно, не безъ вѣроятности, полагать, что Крымъ-Гирей нынѣ несовсѣмъ удаленъ будетъ войти съ нами въ негоціацію, а по мѣрѣ усмотрѣнія въ оной для себя партикулярной пользы, и пристать совершенно къ нашей сторонѣ. Я отправилъ уже къ нему, по особливому Ея Императорскаго Величества повелѣнію, съ достаточными наставленіями, надежнаго человѣка (который его прямо чрезъ Донъ искать будетъ), со внушеніями, чтобъ онъ воспользовался настоящимъ удобнымъ случаемъ къ освобожденію себя и всего Крыма изъ подъ Турецкаго ига, и съ точнымъ обѣщаніемъ доставить Крыму совершенную независимость, а ему хану и роду его наслѣдственное въ ономъ владѣніе, если онъ взаимно согласится пристать къ намъ, соединить войска свои съ арміею Ея Императорскаго Величества и дѣйствовать съ ними обще. Сему посланному приказано отъ меня адресоваться, въ случаѣ нужды или надежды успѣха въ коммиссіи его, къ вашему сіятельству, а вслѣдствіе того и прошу я васъ тому, кто у васъ явится и скажетъ слово *Ламехъ*, дозволить къ себѣ свободный, наединѣ, доступъ и войти съ нимъ въ точныя изъясненія. Будущихъ обстоятельствъ нельзя предвидѣть, слѣдовательно же не могу и я теперь входить ни въ какія подробности къ опредѣленію даваемаго вами на запросы ханскіе отвѣта. Но Ея Императорское Величество, будучи совершенно удостовѣрена въ усердіи и благоразуміи вашего сіятельства, изволитъ совершенно полагаться на оныя и даетъ вамъ полную власть не только на словахъ, или на письмѣ подтвердить хану всѣ обѣщанія нашего посланнаго, но и заключить еще, по точной силѣ оныхъ, сколько до главныхъ пунктовъ касается, формальный съ нимъ договоръ, какъ скоро онъ того пожелаетъ, въ твердой надеждѣ, что сей вашъ поступокъ и

чинимыя отъ васъ обнадеживанія отсюда вскорѣ апробованы и ратификованы будутъ.

Важность услуги, которую ваше сіятельство въ семъ случаѣ Ея Императорскому Величеству и Отечеству показать можете, столь сама въ себѣ очевидна, что я, при всей моей къ вамъ дружбѣ, за излишно ставлю побуждать васъ къ оной мотивами славы и другими не меньше сего знатными; ибо, конечно, собственное ваше усердіе и прозорливость будутъ вамъ лучшими руководителями къ употребленію въ пользу всѣхъ средствъ и къ неупущенію удобнаго времени, за посредственными трудностями, когда мы въ важнѣйшихъ частяхъ, чрезъ посланнаго нашего, хотимъ обязаться (то есть сдѣлать Крымъ независимымъ княжествомъ, а хана наслѣдственнымъ въ ономъ владѣтелемъ) помогать имъ въ томъ и войсками, и деньгами, и не заключать съ Портою ни мира, ни перемирія прежде, нежели они въ новыхъ ихъ качествахъ ею признаны будутъ.

С.-Петербургъ, Ноября дня 1769 г.

57.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Зная образъ мыслей моихъ, можете вы, милостивый государь мой, совершенно увѣрены быть, что я съ охотою и радостію содѣйствовалъ бы желанію вашему въ опредѣленіи къ вамъ г. Веселицкаго и въ снабженіи его тѣмъ жалованьемъ, которое имѣлъ предмѣстникъ его г. Акчюринъ; но, къ сожалѣнію моему, долженъ я донести вашему сіятельству, что сіе опредѣленіе теперь, до времени, невозможно: ибо г. Веселицкому прежде уже, именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, повелѣно было явиться къ брату моему, для исправленія при немъ нѣкоторой важной коммиссіи, коей успѣхъ можетъ для насъ все время войны весьма важенъ и, такъ сказать, рѣшителенъ быть. Дѣло состоитъ въ попыткѣ у хана Крымскаго и всѣхъ Татарскихъ ордъ въ развязаніи ихъ съ Портою, способомъ представляемой имъ отъ насъ преспективы претворенія Крыма въ вольную и ни отъ кого независимую область. При такой негоціаціи можетъ весьма легко настать нужда въ вѣрныхъ и точныхъ изъясненіяхъ, на словахъ, съ присылаемыми отъ хана или мурзъ повѣренными, къ чему г. Веселицкій, по способности знаемыхъ имъ языковъ, и опредѣленъ; тѣмъ больше, что онъ и безъ того уже въ близости находился, да и знаетъ совершенно нравы и обряды людей, съ коими трактованіе случиться можетъ.

Вотъ та одна причина, которая, внезапно и прежде еще требованія вашего сіятельства случившись, препятствуетъ нынѣ исполненію онаго до тѣхъ поръ, пока порученная брату моему попытка, тѣмъ или другимъ образомъ, не кончится.

Чистосердечно вхожу я во всѣ заботы вашего сіятельства въ разсужденіи Молдавіи; ибо знаю, сколь многія затрудненія вы имѣть можете въ удержаніи ея за собою чрезъ зиму; но, съ другой стороны, благоразуміе и искусство ваше въ военномъ дѣлѣ даютъ намъ ласкательную надежду, что вы ихъ всѣ преодолѣете и оградите сію, единожды занятую, провинцію, дабы вамъ, по желанію Ея Императорскаго Величества, имѣть свободу возобновить весною операціи арміи вашей изъ-за Днѣстра, не теряя времени въ оспариваніи непріятелю сей рѣки и въ пріобрѣтеніи себѣ края, который намъ само Провидѣніе въ Хотинѣ толь чудесно даровало.

Когда отъ Всемилостивѣйшей Государыни повелѣно было въ Совѣтѣ [1]) взять сюда извѣстнаго г. Чапскаго, въ то самое время отправлялся къ вамъ курьеръ Военной Коллегіи, почему графъ Захаръ Григорьевичъ, для выигранія времени, и взялъ на себя увѣдомить ваше сіятельство о томъ Высочайшемъ соизволеніи. Къ пріѣзду гостя приготовлено уже у меня обиталище; а дабы его сюда непримѣтнымъ образомъ ввезти, отправленъ, на встрѣчу ему до Кіева, оберъ-офицеръ гвардіи, которому велѣно тамъ или на дорогѣ, гдѣ только съѣдется, взять везомаго въ свое смотрѣніе и попеченіе.

Между тѣмъ, если взятіе г. Чапскаго извѣстно въ арміи вашей въ истинномъ его видѣ и образѣ, какъ тому и нельзя почти не быть, то въ семъ случаѣ прошу приказать распустить у себя искусно напротивъ слухъ, что нашъ дворъ, какъ по разногласію въ первыхъ и послѣдующихъ его объявленіяхъ, такъ и по неимѣнію имъ при себѣ никакихъ увѣрительныхъ знаковъ, не признаетъ его за человѣка съ публичнымъ характеромъ, но за бродягу, который своевольно между Турками шатался, и что онъ потому въ семъ послѣднемъ качествѣ и отправленъ уже въ Кіевъ. А за тѣмъ и нужно необходимымъ слѣдствіемъ, дабы о найденныхъ у него бумагахъ совершенная и непроницаемая тайна сохранена была.

Въ С.-Петербургѣ, 19 Ноября 1769 г.

---

[1]) Въ изданіи: „Архивъ Государственнаго Совѣта“ (С.-Петербургъ, 1869 г.) не упоминается объ этомъ повелѣніи.

58.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Прочетши послѣднее письмо вашего сіятельства, отъ 29-го Октября, не ставлю я цѣны моему удовольству, съ которымъ собираю со всякой строки и пользу и наставленіе, провождаемыя не однимъ блистательнымъ благоразуміемъ, но что̀ всего лестнѣе для меня, дружескою и безприкладною довѣренностью вашею.

По двумъ содержаніямъ, принявъ въ успокоеніе себѣ примѣчанія ваши, которыми вы, милостивый государь, объяснили мнѣ дѣло г. Чапскаго, и на какомъ предположеніи основывались повелѣнія объ экспедиціи на Бендеры, на третье, слѣдующимъ имѣю честь донести вашему сіятельству, сколько я признателенъ къ той резонабельной предосторожности, какову, по отличной своей милости, преподаете вы мнѣ въ совѣтѣ распростерть зимними квартирами правое крыло арміи, далѣе въ длину свою. Правда, милостивый государь мой, важность и польза, до которыхъ проникнула прозорливость ваша въ семъ соображеніи самыми ощутительными доводами, влекутъ и мое совершенное согласіе въ повиновеніе мыслямъ вашимъ. Но при той справедливости, которою наивящшимъ образомъ я долженствую достоинствамъ вашихъ просвѣщенныхъ мнѣній, осмѣливаюсь я вашему сіятельству показать причины краткаго помѣщенія арміи, которыя превозмогли въ моемъ разсудкѣ надъ пространствомъ, по наружности всякому кажущимся выгоднѣйшимъ для войскъ. Пріобрѣтенная Молдавія, какъ сторона открытая и впереди лежащая, слѣдственно и требующая всемѣрно защищенія себѣ, уваженіемъ главнымъ мнѣ предстояла, когда я располагалъ настоящія зимнія квартиры. Правило, къ сему относящееся, не позволило мнѣ ни въ право, ни на лѣво большее обнять разстояніе, хотя въ послѣднемъ паче перваго я старался чѣмъ наближе коснуться квартирамъ арміи, предводительствуемой графомъ Петромъ Ивановичемъ, вселюбезнымъ братцомъ вашего сіятельства, чтобъ, такъ сказать, руками другъ друга могли мы держаться. Подкрѣпленіе введеннымъ въ Молдавію войскамъ во всякое время необходимымъ сдѣлаться можетъ, которое тѣмъ ненадежнѣе бы осталось, чѣмъ далѣе отступилъ бы я своими флангами во внутрь Польши, и удвоилъ бы чрезъ то разстояніе, которое и такъ длины великой, разумѣя концы провинціи Молдавской, кои заграждать надлежитъ. Съ сею осторожностью сопрягаются и другія, что, перенося оружіе въ землю непріятельскую, прилично устроить свое положеніе ближе къ той самой сторонѣ, куда свое предполагаемъ движеніе. Напослѣдокъ, самыя предпріятія, кои уже начали оказывать свои плоды въ очищеніи всего края, по сей сторонѣ Дуная, и въ завладѣніи способ-

ствующими тому мѣстечками, еще за Турками остающимися, обезпечиваніе закладываемыхъ въ той сторонѣ магазиновъ, привлекаютъ на себя толикое вниманіе, что сіе все неинаково основать возможно, какъ подъ прикрытіемъ, такъ сказать, самой арміи, для чего я отъ времени и стану прибавлять туда войска.

Приложу къ сему еще я, ваше сіятельство, одинъ пунктъ изъ входившихъ по сему случаю въ мое разсужденіе, то есть, число настоящее располагаемыхъ войскъ, что въ сей кажущейся тѣснотѣ, не достается, однакожъ, на каждую хату и по одному человѣку; то сколько бы рѣже еще видѣны были постояльцы, есть ли бы далѣе растянуться?

Не хочу я затруднять васъ, милостивый государь, разсужденіями, колико трудности приносятъ намъ дешево доставшіяся завоеванія. Разнствуетъ совсѣмъ одно отъ другаго, что занять оставленное, или отнять способы къ покушеніямъ вопреки, и удержать цѣлость и безопасность повсемѣстною защитою. По слѣдамъ счастія не можетъ ступать смѣло искусство.

Симъ заключеніемъ довольствуюсь на сей разъ сократить мое изъясненіе, видѣвши, сколько пространство онаго отнимаетъ у вашего сіятельства нужнаго вамъ времени и сказавши притомъ, что я, слѣдуя пользѣ совѣта вашего, не оставлю продлить мое правое крыло, какъ только стану получать въ комплектъ здѣшнимъ войскамъ надобныхъ людей.

Неописанное я имѣю утѣшеніе, получая столько довѣренности и откровенностей вашего сіятельства; а привыкши съ подобнымъ чистосердечіемъ представлять и мои вамъ желанія, осмѣливаюсь одно и частое притомъ изъясненіе въ письмахъ вашихъ назвать несходнымъ съ вашимъ ко мнѣ благоволеніемъ, когда ваше сіятельство извиняете всегда себя незнатокомъ въ такихъ дѣлахъ, о коихъ толь съ превосходнымъ благоразуміемъ судите и вразумляете точнѣе другихъ въ ихъ ремеслѣ.

1769 года Ноября 19-го. Изъ главной квартиры, мѣстечка Летичева.

59.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Имѣю честь доложить нелицемѣрно, что самому мнѣ лежитъ весьма на сердцѣ лестное хотѣніе быть къ вамъ и удовольствоваться, при свиданіи съ моимъ милостивцемъ, словесными его наставленіями; но я себя, ваше сіятельство, до сего времени не нахожу еще облегченнымъ, а всегда прирастаютъ упражненія въ предстоящихъ дѣлахъ, въ которыхъ, не льстя моему самолюбію, скажу, что въ отсутствіи моемъ

не могу я ручаться за лучшій успѣхъ. Естьлибъ между симъ временемъ оставался непріятель отъ насъ въ покоѣ, то бы можно было, нѣкоторымъ образомъ, отдыхать безпечно; но мы должны его тѣснить и истреблять остатки по сей сторонѣ Дуная, какъ теперь и продолжается, дабы очистить весь сей край; то вопреки сіи дѣйствія могутъ иногда паче лучшаго чаянія отважить его на предпріятія, которыя по опытамъ не считаемъ мы ни свойственными, ни удобными Туркамъ. Я, ваше сіятельство, вѣрныя мѣры долженъ принимать не токмо противъ обычайныхъ предпріятій, но и заграждаться противъ самыхъ покушеній, хотя небывалыхъ, но иногда быть могущихъ.

Вся зима проходить будетъ въ подобныхъ распоряженіяхъ; ибо я, какъ только запасусь снабдѣніемъ провіантскимъ, то и еще войскъ прибавлю въ Молдавію. Ежели бытность моя ко двору превозмогаетъ надъ сими необходимостями, то отъѣздъ мой зависитъ отъ увѣдомленія меня о томъ вашего сіятельства.

27-го Ноября 1769 г. Изъ Летичева.

60.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Вчерашній день имѣлъ я честь получить вашего сіятельства письмо, отъ 19-го Ноября. Объясненія употребленію г. Веселицкаго, по важности и пользѣ негоціаціи, убѣждаютъ меня всею справедливостію, сколько нужно его бытіе при такой коммиссіи. Почему я и не утруждаю уже больше ваше сіятельство, какъ только сею просьбою, что вся моя нужда теперь въ переводчикѣ исправномъ Итальянскаго, Греческаго, Волошскаго и Турецкаго языковъ, на которыхъ вседневно имѣю дѣла письменныя, и, не будучи самъ онымъ наученъ, худо, можетъ быть, разбираю ихъ съ посредствомъ людей, нѣчто только въ оныхъ знающихъ, или лучше сказать угадующихъ. Оріентальныхъ языковъ переводчиковъ тутъ находившійся Пастушковъ застѣнчивъ былъ на всякой строкѣ Турецкаго письма, а кромѣ того и отпускъ отъ меня себѣ получилъ, по недугу своему неисцѣлимому, который можно угадать безъ наименованія.

Вопрошенія свои, милостивый государь, въ разсужденіи писемъ и содержанія здѣсь г. Рюфейна, я считаю, что еще изволили въ письмѣ своемъ учинить прежде, нежели какъ онъ привезенъ. По словеснымъ съ нимъ вашимъ разговорамъ, я увѣренъ, коль мало потребны будутъ вашему сіятельству сіи мои изъясненіи, которыя однакожъ я, во исполненіе вашего требованія, представляю. Взятъ онъ въ Яссахъ солдатскимъ пріемомъ, какъ въ первомъ случаѣ инако и быть не могло,

когда между непріятелемъ такой человѣкъ замѣшался, внѣшнимъ видомъ отъ нихъ неразличествующій. О бумагахъ своихъ, что они въ нашихъ рукахъ, онъ не можетъ не знать; ибо самъ добровольно открылъ онъ на мой вопросъ человѣка и мѣсто, гдѣ ихъ было спряталъ, и откуда напослѣдокъ я сыскалъ оныя. Предосторожность, которую ваше сіятельство рекомендуете мнѣ въ разглашеніи объ немъ увѣрительнымъ образомъ, что онъ не аккредитованная особа, то я и сіе, мнѣ кажется, предварительно уже исполнилъ, трактовавши его здѣсь въ семъ точно видѣ, и инако никогда и ни предъ кѣмъ объ немъ не отзываясь. А напослѣдокъ и въ моей реляціи, отъ 21 Октября, подъ № 11, доносилъ, что я его имѣлъ отправить въ Кіевъ, не нашедши никакихъ знаковъ, чтобъ онъ былъ съ публичнымъ характеромъ, чѣмъ самымъ поступилъ я завременно въ сходство повстрѣчавшимся теперь мыслямъ вашего сіятельства.

Благодарю наипризнательше, милостивый государь, за увѣдомленія, написанныя собственною вашею рукою. Мнѣ оныя подтвердили ту надежду, которую питалъ я всегда о вашемъ попеченіи и о сильныхъ дѣйствіяхъ вашего искусства. Даруй Богъ, чтобъ не меньше достигнули мы безпечности и въ другомъ сосѣдствѣ, которое у себя оставляемъ за спиною, и чтобъ коварство ищущихъ намъ зла въ посрамленіе и на главу собственную имъ обратилось.

Послѣднія мои письма уже предварили ваше сіятельство въ томъ, что я принужденъ сказать противъ выраженій, толь мнѣ лестныхъ, на мой пріѣздъ къ вамъ. Сколь велико было бы мое удовольствіе словесно обнажиться предъ вашимъ сіятельствомъ; но судьба то паче отъ насъ и отдаляетъ, чего токмо усердно желаемъ. Не долго ласкала меня надежда отъѣзда; отъ дня въ день накопляются дѣла, привязывающія меня къ сему мѣсту. Расширеніе дѣйствій военныхъ и всенужныхъ къ Дунаю, которыя теченіе свое имѣть должны чрезъ зиму, и больше еще меня объемлютъ, какъ распоряженія въ сихъ предпріятіяхъ непосредственно ко мнѣ относятся. Я уже имѣлъ честь вашему сіятельству сіе представлять, прося себѣ разрѣшенія, что̀ я въ такихъ обстоятельствахъ предпочитать долженъ нужнѣйшимъ: бытіе ли мое здѣсь, или у васъ? То равно и теперь повторяю мою просьбу снабдить меня въ семъ пунктѣ резолюціею.

2 Декабря 1769 года, изъ Летичева.

61.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Счастливые успѣхи въ предпріятіяхъ любезнаго братца вашего, и прежде уже изъ собственнаго его о томъ мнѣ увѣдомленія, чувстви-

тельно меня обрадовали; но и въ вѣдомостяхъ, всей публики изданныхъ, я не меньше имѣлъ удовольства оныя читать. Я желаю отъ всего сердца, чтобъ слѣдующіе подвиги еще больше возвысили достойную ему славу.

На празднованіе новаго торжества произнесенное поученіе видѣть великое любопытство возбудили во мнѣ, ваше сіятельство, своею знаменитою оному хвалою. Не сомнѣваясь въ отличныхъ талантахъ отца Платона, могу я сказать, что пространство матеріи и существо ея могли сами набогатить мысли, имѣющаго при томъ даръ предлагать оныя пріятно.

Посылаемая съ симъ курьеромъ реляція поелику не минетъ рукъ вашихъ, то я не безпокою васъ повтореніемъ того, что̀ въ другомъ мѣстѣ прочесть изволите. Корреспонденція Потоцкаго такъ темна и смѣшана, что можно и безъ собственнаго его о томъ признанія видѣть смятеніе его духа. Словесныя объясненія, каковы еще подадутъ пойманные съ его письмами, можетъ быть, и больше обстоятельства его дѣлъ откроютъ, въ чемъ я и не упущу достойнаго вамъ сообщить.

6 Декабря 1769 г. Изъ мѣстечка Лятичева.

62.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Небезъизвѣстно вашему сіятельству, что находившійся здѣсь волонтеромъ баронъ Штейнъ былъ нѣсколько подозрѣваемъ въ преданности его Французскому двору. Но какъ сіе самое подозрѣніе не только послѣднимъ письмомъ къ нему отъ Французскаго министра истребляется, но и всѣ его здѣсь честныя поведенія, оказанная неустрашимая бытность при всѣхъ опаснѣйшихъ атакахъ, и при всѣхъ военныхъ экспедиціяхъ противъ непріятеля, служить могутъ ясными опытами оной ревности и всякаго усердія къ сторонѣ нашей, съ каковыми онъ, по засвидѣтельствованію всѣхъ здѣшнихъ, при всякихъ случаяхъ себя употреблялъ и отличалъ: то я за долгъ поставляю просить покорно ваше сіятельство принять объ немъ мысли такія, какихъ онъ достоинствами своими отъ вашего сіятельства заслуживаетъ, противность которыхъ, сколько примѣтить можно, ему весьма чувствительна, тѣмъ наиболѣе что онъ нималѣйшаго къ тому, съ своей стороны, повода не подалъ.

Въ мѣстечкѣ Летичевѣ. 7 Декабря 1769 г.

63.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Мнѣніе вашего сіятельства о будущей кампаніи принято отъ Ея Императорскаго Величества съ отличнымъ благоволеніемъ, и генераль-

ныя онаго расположенія совершенно апробованы, почему и будетъ неукоснительно, съ рѣшительною на все резолюціею, отправленъ къ вашему сіятельству рескриптъ, за собственноручнымъ подписаніемъ; теперь же предварительно могу я о томъ только васъ увѣдомить, что осада Бендеръ будетъ возложена на вторую армію.

По другому вашего сіятельства письму, сверхъ признательности моей за столь ясное и подробное въ немъ сообщеніе мыслей и побужденій вашихъ касательно занятыхъ винтеръ-квартиръ подъ правое крыло вашей арміи, не имѣю я инаго сказать, какъ въ полной мѣрѣ согласиться съ благоразуміемъ и основательностію оныхъ.

Ея Императорское Величество всевысочайше указать изволила, чтобъ господарь Молдавскій и секретарь его, взятые въ плѣнъ храбрымъ подполковникомъ Фабриціаномъ, присланы были сюда ко двору Ея Величества, чего ради покорно прошу ваше сіятельство приказать сихъ двухъ плѣнныхъ сюда отправить съ надлежащимъ снабдѣніемъ и вѣрнымъ присмотромъ.

Я имѣю честь здѣсь включить именный Ея Императорскаго Величества рескриптъ, съ пожалованными знаками ордена Св. Андрея Петру Ивановичу Олицу, покорно прося ваше сіятельство оный ему вручить.

Въ С.-Петербургѣ, 3 Декабря 1769 г.

64.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Вслѣдствіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, чтобъ и Волошскій господарь съ его фамиліею былъ ко двору привезенъ, долженъ я васъ, милостивый государь мой, покорно просить приказать его сюда отправить, подъ пристойнымъ и вѣрнымъ присмотромъ, подобно какъ я имѣлъ честь писать къ вашему сіятельству по случаю таковаго же сюда отправленія Молдавскаго господаря.

Въ С.-Петербургѣ, 10 Декабря 1769 г.

65.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Не преминулъ бы я, конечно, и со всею охотою удовольствовать ваше сіятельство въ требованіи вашемъ объ искусныхъ переводчикахъ, на оглавленныхъ въ письмѣ вашемъ языкахъ, еслибъ только я таковыхъ здѣсь имѣлъ; но совершенный въ нихъ недостатокъ заставляетъ меня единственнымъ средствомъ, въ замѣну онаго, вамъ представить отысканіе способныхъ къ употребленію на тѣхъ языкахъ лю-

дей въ собственныхъ вашихъ околичностяхъ, и если удастся таковыхъ найти, то ваше сіятельство не только сами можете ихъ къ себѣ принимать и опредѣлять имъ пристойное содержаніе, но и обнадеживать ихъ, что они въ дѣйствительную при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ службу включаемы, если только отъ васъ къ тому удобности будутъ.

Вижу, милостивый мой другъ, что нельзя уже мнѣ себя ласкать удовольствіемъ видѣть здѣсь ваше сіятельство сею зимою, сколько бы оное для меня собственно велико и для самой службы Ея Императорскаго Величества полезно ни было. Настоящій успѣхъ дѣйствій, ежечасно подтверждающій изящныя ваши качества великаго и остроумнаго полководца, ощутительно производя распространеніе надъ непріятелемъ нашимъ превосходства къ утвержденію, столь важенъ въ своихъ успѣхахъ и слѣдствіяхъ, что, по справедливости, всѣ другія уваженія долженствуютъ имъ уступать. На семъ основаніи не остается и мнѣ, въ качествѣ и сына Отечества, и истиннаго вашего сіятельства друга, какъ отъ всего сердца желать, чтобъ благоразумные ваши на мѣстѣ подвиги и распоряженія были достойно увѣнчаны полнымъ успѣхомъ, къ распространенію предъ всѣмъ свѣтомъ славы Россійскаго оружія и собственной вашего сіятельства.

На присланную отъ вашего сіятельства къ Ея Императорскому Величеству отъ Молдавскаго духовенства грамоту здѣсь имѣю честь препроводить Высочайшій и милостивый туда рескриптъ, съ котораго копію включаю, для извѣстія вашего, и доставленіе котораго пристойнымъ образомъ оставляю лучшему вашему собственному благоусмотрѣнію.

Въ С.-Петербургѣ, 17 Декабря 1769 г.

66.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Имѣлъ я удовольствіе получить письмо вашего сіятельства, отъ 10-го Декабря. На повелѣнія въ ономъ донесть честь имѣю, что на всякій день я жду къ себѣ господаря Волошскаго, который 7-го числа уже изъ Яссъ выѣхалъ; но для выгоды ему лучшей г. Штофельнъ отправилъ его не прямою дорогою, по которой въ лошадяхъ былъ бы недостатокъ, ибо въ одно время отправились оттуда и депутаты Молдавскіе, выбранные ко двору. Я не замедлю и онаго и сихъ посылкою къ вамъ, какъ только они ко мнѣ прибудутъ.

Во удовольство изъясненія вашего сіятельства г. маіоръ Левашовъ отъ меня отпущенъ будетъ въ Москву, за которымъ я послалъ нарочнаго въ Молдавію, гдѣ онъ до сего времени находился.

22 Декабря 1769 г., изъ Летичева.

67.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

По собственному Ея Императорскаго Величества повелѣнію, долженъ я просить ваше сіятельство, чтобъ взятаго въ Каменцѣ секретаря господаря Молдавскаго Нанія изволили сюда съ первымъ курьеромъ отправить, снабдя его на дорогу всѣмъ нужнымъ и увѣря напередъ, что онъ, если похочетъ, можетъ здѣсь и въ службу принятъ быть.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря дня 1769 г.

68.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

До сего я еще оставался должнымъ вашему сіятельству моимъ отвѣтомъ на вашъ своеручный постскриптъ, въ которомъ, по добродѣтели толь вамъ свойственной, побуждаете меня къ равному ходатайству въ дѣлѣ Нѣжинскаго общества, наказаннаго за ихъ противности. Даруемое имъ прощеніе свершитъ мое и прежде и теперь того имъ желаніе; ибо наказаніе, которое они понесли, не интересовало ни въ чемъ моей собственности. Григорій Николаевичъ *) будетъ вашему сіятельству прямой свидѣтель, сколько я крѣпился и самыми кроткими и умѣренными средствами привлекалъ заблуждающихъ на истинный путь, и не прежде рѣшился на представленіе, какъ уже протекло довольное время безъ пользы въ томъ, и возвышалось ихъ буйство до такой мѣры, что, по нѣжности дѣла, и самъ бы я инако подлежалъ отвѣту. Ея Императорское Величество, свято соблюдая власти установленныя въ особахъ, ея повѣренность носящихъ, признавать, конечно, соизволитъ, что сіе дѣло относится къ сему единственно пункту. И если къ помилованію повинныхъ одно мое нужно ходатайство, я оное готовъ и радъ учинить, какъ вашему сіятельству угодно будетъ.

Внемли, мой милостивый графъ, за что мнѣ партикулярно враждовать къ симъ людямъ, изъ которыхъ большей части я и въ глаза не знаю? Я собственной ни отъ нихъ не получилъ досады, ниже имъ показалъ обиду; но въ ихъ мысляхъ свой есть образъ. И что человѣкъ дѣлаетъ по обязательству своего званія, то сливаютъ они съ пристрастіемъ личнымъ.

---

*) Тепловъ.

Въ самое то время, какъ производился надъ ними судъ, я, видѣвши нѣкоторыхъ раскаяніе, просилъ помилованія для нихъ отъ Правительствующаго Сената; ибо самое существо ихъ дѣла на томъ лежало, что возмнившіе быть вѣдающими, надувшись подлымъ упорствомъ, повели вслѣдъ за собою слѣпыхъ, и всѣ впали въ яму. Отъ тѣхъ, кои находятся въ С.-Петербургѣ, получилъ я прошеніе, въ которомъ они увѣдомляютъ меня о поднесенной отъ нихъ челобитной Ея Императорскому Величеству, прося моего заступленія и извиняяся, что прежде того искать во мнѣ не могли, по отсутствію моему изъ арміи. Развѣ мало времени, что я послѣ ихъ осужденія жилъ въ Глуховѣ, или и чрезъ всю нынѣшнюю кампанію въ далекихъ предѣлахъ отъ Малой Россіи я обращался? Я сіе привожу въ доказательство нѣкоторыхъ упорства или напраснаго мнѣнія, яко бы я ненавистникъ ихъ благополучія, и что свое искательство и нынѣ они ведутъ на увЕрткахъ.

Впрочемъ, ваше сіятельство будьте увѣрены, что я послѣдовать всегда готовъ вашему благородному совѣту и, по чувствительности и собственнаго моего сердца, радъ дѣлать добро всегда для любящихъ и ненавидящихъ насъ.

22 Декабря 1769 г. Изъ Летичева.

P. S. Вложенное мое всеподданнѣйшее есть ходатайственное къ Ея Императорскому Величеству о прощеніи просителей, коего о поднесеніи прошу вашего сіятельства.

69.

Графъ Румянцовъ графу Панину.

Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, отъ 17 сего мѣсяца, я имѣлъ честь получить. Высочайшее повелѣніе Ея Императорскаго Величества объ отправленіи Италіянца Панія мною ему было объявлено, которое тѣмъ съ большимъ усердіемъ отъ него принято, что онъ и прежде желалъ удостоиться высочайшаго Ея Величества покровительства. Какъ скоро жена его и дѣти изъ Каменца, за которыми я уже послалъ, привезены будутъ, прислать его не умедлю.

28 Декабря 1769 г. Въ Летичевѣ.

70.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Отправленный отъ вашего сіятельства курьеромъ артиллерійскій офицеръ Вернезоберъ пріѣхалъ сюда, съ помѣшанною нѣсколько головою отъ безпокойствъ и безсонницы въ дорогѣ. Хотя и не получилъ я чрезъ него новаго отъ васъ дружескаго письма, но содержаніе при-

везенной имъ реляціи подаетъ мнѣ случай изъясниться о дѣлахъ вашего сіятельства, по обыкновенному въ оныхъ искреннему моему участію. Партизанская храбрость подполковника Фабриціана нашлась, повидимому, въ недостаткѣ той осторожности, которая требуется отъ искуснаго командира. Я съ полною довѣренностію ожидаю, что принятыя вашимъ сіятельствомъ мѣры касательно Браилова успѣхомъ своимъ исправятъ и наградятъ сдѣланную въ той сторонѣ сюрпризу.

Для извѣстія и усмотрѣнія вашего сіятельства, въ какомъ разстройствѣ находится нашъ непріятель, сообщаю я вамъ при семъ во всемъ пространствѣ полученныя на сихъ дняхъ Цареградскія извѣстія, чрезъ Англійскаго и Прусскаго министровъ, также и другія чрезъ Вѣну и Варшаву.

Въ С.-Петербургѣ. 24 Декабря 1769 г.

71.

Графъ Панинъ графу Румянцову.

Какъ ваше сіятельство имѣли по сю пору случай спознать персонально Волошскаго князя Гику и родственниковъ его, то, въ удостовѣреніи о дружбѣ вашей ко мнѣ, и прошу покорно увѣдомить меня какъ о состояніи и качествахъ ихъ всѣхъ, такъ особливо о званіи каждаго изъ послѣднихъ, дабы намъ потому распорядить имъ здѣсь пріемъ и содержаніе. Въ сихъ примѣчаніяхъ натурально долженъ имѣть первое мѣсто самъ господарь, о коемъ изъ прежнихъ дѣлъ знаемъ мы, что онъ къ интересамъ нашимъ доброжелателенъ былъ, находясь еще при Портѣ первымъ ея переводчикомъ. Съ того времени изволите вы сами знать, что онъ, оказывая къ службѣ Ея Императорскаго Величества особливое усердіе, требовалъ присылки къ себѣ нарочнаго отъ насъ человѣка, чего ради и былъ къ нему посланъ изъ Вѣны актуаріусъ. Дружескія вашего сіятельства изъясненія рѣшатъ мою недовѣдомость и приведутъ въ состояніе сдѣлать приличное распоряженіе.

Въ С.-Петербургѣ, 24 Декабря 1769 г

Допросные пункты секретарю Молдавскаго князя Нанію и его отвѣты.

Какъ по объявленію взятыхъ двухъ секретарей Молдавскаго князя находится, что г. Наній, бывъ у него употребленъ въ должность секретаря, потому и управлялъ наиважнѣйшими дѣлами: то просится, дабы онъ на слѣдующіе вопросы со всякимъ чистосердечіемъ и точностію отвѣтствовалъ.

— Съ искренностію и почтеніемъ, принадлежащимъ къ вышнимъ повелѣніямъ, отвѣтствую я на данные мнѣ вопросы, по повелѣнію его сіятельства графа Румянцова, какъ христіанинъ и честный человѣкъ, все, что́ я знаю, въ самой точности, какъ то слѣдуетъ по пунктамъ.

1-е. Откуда онъ родомъ?

На 1-е. Родился я въ Римѣ отъ непослѣдней мѣщанской фамиліи. Вос-

питанъ былъ отъ двѣнадцати лѣтъ въ томъ же городѣ, въ коллегіяхъ Фраскатской и Фучинской, подъ смотрѣніемъ іезуитскимъ. Въ оныхъ учился реторикѣ, философіи, теологіи и проч.

2-е. Съ котораго времени находился онъ въ службѣ Молдавскаго господаря и кѣмъ ему рекомендованъ?

На 2-е. Въ 1766 году былъ въ Варшавѣ Петръ де-Ларошъ, секретарь Молдавскаго господаря князя Гики. Въ тожъ самое время померли вдругъ два другіе секретаря у помянутаго князя, и потому велѣно было вышеозначенному Ларошу пріискать для князя одного секретаря, знающаго языки Латинскій и Италіанскій, и который бы могъ переводить съ Французскаго. И такъ оный, въ исполненіе данныхъ ему повелѣній, искалъ въ Варшавѣ достойнаго на то человѣка, и попалъ на одного изъ моихъ пріятелей, г. капитана де-Грандисъ, который ему былъ знакомъ и который, представивши, рекомендовалъ меня ему. Послѣ чего свершился договоръ между нами, 5-го Февраля, и послѣдовало отправленіе мое немедленно въ Яссы.

3-е. Какія наставленія отъ Порты даваемы были помянутому князю по нынѣшнимъ обстоятельствамъ?

На 3-е. О объявленіи войны въ Яссахъ получено извѣстіе 6-го Октября прошлаго года. Тогда же повелѣно было отъ Порты построить мостъ на Дунаѣ и заготовить провіантъ и фуражъ для арміи, на покупку чего и присланы были двѣсти мѣшковъ, за коими слѣдовали и другіе, даже до семисотъ пятидесяти, если я не ошибаюсь точно въ семъ числѣ.

Запрещенъ былъ выпускъ денегъ, вещей, провіанта и фуража въ Польшу. Въ тожъ самое время посланъ былъ курьеръ въ Варшаву, для отзыва оттоль г. де-Лароша и г. Саула, секретаря Волошскаго господаря. А какъ почта до Варшавы и всѣ переписки между Молдавіею и Польшею чрезъ Подолію отправлялись, то повелѣно было ее перевезти чрезъ Трансильванію; для чего и отправленъ былъ г. де-Ларошъ въ оную землю, гдѣ видѣлся съ генераломъ Одонелемъ, тамо главнокомандующимъ, который, въ согласіе повелѣній своего двора, сей новый путь открыть дозволилъ, что́ и продолжалось до прибытія въ Яссы Россійскаго войска.

4-е. Коликое число войскъ Турецкихъ было сначала и подъ конецъ сея кампаніи?

На 4-е. Съ 12 числа Августа стало проходить великое множество войскъ, кои сбирались къ Хотину. Тогожъ числа проѣхалъ чрезъ Яссы имбрұръ, или кавалеръ султанскій (что́ соотвѣтствуетъ съ чиномъ нашего оберъ-шталмейстера), съ четырестами человѣкъ, и слѣдовалъ въ Хотинъ, куда пашею назначенъ. Потомъ, многія роты пѣхоты, а за оными слѣдовалъ, съ десятью тысячами, Караманъ-паша. Въ Маѣ мѣсяцѣ прибылъ Румели-валеси, пожалованный сераскиръ-пашею, съ тридцатью тысячами человѣкъ, который двадцать шесть дней прожилъ въ Яссахъ. Камиса-паша и Абасъ-паша уже прежде

сего въ Хотинъ отправились, всякій изъ оныхъ съ четырьмя тысячами человѣкъ, такъ что считалось около Пасхи до тридцати тысячъ вооруженныхъ въ Хотинѣ. Сераскиръ же Румеливалеси остановился при Прутѣ съ тридцатью тысячами. А съ 12-го Іюня прибылъ визирь, со всею арміею, въ Хантепеси. Всѣ меня увѣряли, такъ какъ и самъ князь, при коемъ я находился, что какъ въ Хотинѣ, такъ и въ Бендерахъ, по тридцати тысячъ человѣкъ въ каждой изъ сихъ крѣпостей гарнизону въ то время было, кромѣ Татаръ, числившихся около оныхъ до шестидесяти тысячъ. Большая-жъ армія, какъ всѣ согласно увѣряли, болѣе четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ въ себѣ составляла и была подъ предводительствомъ самого верховнаго визиря. Но какъ довольно недоставало для толикаго числа людей провіанта и фуража, то болѣе ста тысячъ съ того лагеря назадъ въ домъ возвратилось. И какъ я былъ въ Турецкомъ лагерѣ подъ Бендерами, то публиковано было визиремъ, что всѣ тѣ, кои въ домы возвратиться желаютъ, могутъ то учинить безпомѣшательно. Въ туже мою тамъ бытность, слышалъ я отъ людей, вѣры достойныхъ, какъ то отъ драгомановъ Франціи и Цесаріи, Англіи и Венеціи, что сія Турецкая армія была вдвое больше той, которую Порта въ 1738 или 1739 году противъ Бѣлграда отправляла, и которая въ трехъ стахъ тысячахъ тогда состояла и что еще не помнится, чтобъ Порта когда-нибудь вооружила такое ужасное войско. Однакожъ, болѣе половины сего войска исчезло: частью дезертированіемъ, за недостаткомъ въ пищѣ, частью съ дозволеніемъ визирскимъ, частью самопроизвольнымъ уходомъ а наконецъ, бѣгствомъ отъ Хотина, по разорваніи ихъ моста. И такъ, по концѣ кампаніи, думается, что только въ двѣсти тысячъ онаго войска осталось, не считая въ томъ числѣ шестидесяти тысячъ Татаръ.

5-е. Какія повелѣнія были отъ Порты Молдавскому князю касательно до конфедератовъ?

На 5-е. Прежде еще объявленія войны, были наистрожайшія повелѣнія отъ Порты, чтобъ увѣдомлять ее еженедѣльно о всемъ, чтó въ Польшѣ происходило, и прислать также всѣ конституціи, дѣланныя тамъ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1768 года. Также прислать къ ней содержаніе Гризмультовскаго трактата, сдѣланнаго въ 1686 г. между Россіею и Польшею, и никогда на Польскихъ сеймахъ нератификованнаго, равномѣрно какъ и подробныя описанія Подоліи, Украйны, Новой Сербіи и земли, Запорожцамъ принадлежащей, съ точными ландкартами сихъ четырехъ провинцій.

Чтó принадлежитъ до конфедератовъ, то онымъ, прежде еще объявленія войны, прибѣгнувшимъ въ Молдавію, дана была отъ Цареградскаго двора протекція. Повелѣно было, однакожъ, пашѣ Хотинскому, дабы онъ ихъ уговорилъ къ спокойствію. Потомъ, присланъ былъ фирманъ, препровожденный при письмѣ князя Молдавскаго, и мною приказано было г. Ембо вручить оный графу Красинскому, которымъ фирманомъ Порта уговаривала упомянутаго

графа отступиться отъ своихъ претензій. И Порта совсѣмъ не намѣрена была зачать сію войну. Но двѣнадцать янычаръ изъ Хотина и столькожъ изъ Бендеръ, съ нѣкоторымъ числомъ Татаръ, будучи подкуплены Французскимъ дворомъ къ возмущенію покоя, отправясь въ Царьградъ и соединясь съ тамошними янычарами, зачали возмущать. За симъ слѣдовалъ призывъ г. Обрѣзкова, арестъ онаго и объявленіе войны. За нѣсколько предъ тѣмъ, произошли дѣла подъ Балтою и, по приказу Порты, писалъ тогда князь Молдавскій къ князю Репнину, въ Варшаву, что, по сему Балтскому происшествію, она приходитъ въ подозрѣніе о намѣреніяхъ двора Россійскаго, тѣмъ болѣе, что въ тожъ почти время нѣкоторое число Россійскихъ войскъ, подъ предводительствомъ полковника Вейсмана, коснулось границъ Молдавскихъ, а другая Россійская партія, въ мѣстечкѣ Сорокѣ, арестовала одного пограничнаго капитана, родомъ изъ Валахіи. Отвѣтствовалъ князь Репнинъ, что г. Вейсманъ, какъ за то, такъ и за прегрубое письмо, чтó онъ писалъ къ Молдавскому господарю, разжалованъ въ сатисфакцію Порты. Сіе грубое письмо г. Вейсмана я самъ видѣлъ. Оно писано было по латыни и диктовано г. Боскампомъ, совѣтникомъ посольства короля Польскаго, который также, для сатисфакціи князю, отозванъ былъ въ Варшаву. Съ той поры повелѣно было господарю обходиться съ конфедератами какъ съ пріятелями Порты и помогать имъ во всякомъ случаѣ. Для сего и назначили они резидента отъ себя въ Яссы, называемаго Байски, которому и повелѣли во всѣхъ дѣлахъ имѣть со мною сношеніе, и чрезъ меня дѣлать всѣ представленія къ князю. А всѣмъ извѣстна несносная Поляковъ надменность и странныя ихъ требованія, по которымъ не всегда можно было князю ихъ совершенно удовольствовать, а я и самъ, будучи часто огорченъ ихъ грубостью, наконецъ, принужденнымъ себя нашелъ совсѣмъ отъ дѣлъ ихъ отказаться, отчего какъ я, такъ и несчастный мой князь были обнародованы ими какъ преданные Русскимъ. Князь заплатилъ своею головою, а я чудеснымъ образомъ, помощію Всевышняго и покровительствомъ четырехъ иностранныхъ драгомановъ, въ живыхъ остался, претерпя одиннадцать дней темницы, гдѣ въ цѣпяхъ находился, и потеряніе всего того, чтó при мнѣ въ Турецкомъ лагерѣ было.

6-е. Не имѣлъ ли помянутый князь сношенія съ Французскимъ дворомъ, и не былъ ли кто отъ онаго при немъ акредитованъ?

На 6-е. Князь съ Французскимъ дворомъ не имѣлъ никакой переписки, и было ему отъ Порты повелѣніе пересылать въ Царьградъ къ послу Французскому всѣ письма на его имя, адресованныя изъ Варшавы отъ г. Жиро, тайнаго Французскаго тамъ коммисіонера; такъ какъ и пакеты, адресованные отъ Французскаго двора на имя барона Тота, генеральнаго консула тогожъ двора при ханѣ Крымскомъ.

7-е Не извѣстны ли были князю Турецкія предпріятія на будущую кампанію?

На 7-е. Не могу сказать, какой склонности нынѣшній господарь въ разсужденіи Турокъ и Русскихъ; ибо онъ только сорокъ девять дней въ Яссахъ пробылъ, въ кое время я отнюдь не хотѣлъ быть его секретаремъ, а былъ въ должности судьи дивана.

8-е. Въ какомъ состояніи находятся крѣпости Очаковъ и Бендеры и коликое число въ оныхъ гарнизона, также и запасены ли провіантомъ?

На 8-е. Чтó принадлежитъ до Очакова, то я ничего не знаю; а про Бендеры вѣдаю, что тамъ гораздо болѣе двадцати тысячъ гарнизона и великое довольствіе въ провіантѣ находилось.

9-е. Не было ли при Турецкой арміи, а особливо при артиллеріи, кромѣ конфедератовъ, и иныхъ иностранныхъ офицеровъ?

На 9-е. Въ двадцать шесть дней, чтó блокада Хотинская продолжалась, пятьсотъ Поляковъ, чтó съ Потоцкимъ, тамо находились, помогали и служили при Турецкой тамъ артиллеріи; при чемъ также былъ одинъ Англійскій ренегатъ, въ артиллерійской наукѣ искусный, который онымъ много вспомоществовалъ. Сіи обстоятельства я свѣдалъ отъ одного Польскаго шляхтича, именемъ Богдановича.

10-е. Не имѣется ли изъ Молдавцовъ кого въ Яссахъ, или другихъ мѣстахъ онаго княжества, кои бы были съ стороны Турецкой, и оную обо всемъ увѣдомляли, которыхъ непремѣнно надобно объявить?

На 10-е. Остерегаться очень должно двухъ человѣкъ, мнѣ извѣстныхъ, то есть, ратмана Костаки-Ризо и аги. Ага въ Яссахъ соотвѣтствуетъ нашему воеводѣ или начальнику въ городѣ, и креатура сераскиръ-паши, имени котораго теперь вспомнить не въ состояніи, но о которомъ освѣдомиться можно, ибо сераскиръ Румели-валеси въ сей чинъ его произвелъ. Сей ратманъ былъ причиною смерти одного бѣднаго казацкаго полковника, которому, еще прежде объявленія войны, въ Яссахъ голову отрубили. Почему г. Обрѣзковъ и приносилъ жалобы у Порты, какъ на господаря, такъ и на вышерѣченнаго ратмана. Его сіятельство, графъ Румянцовъ, можетъ о томъ во всей Молдавіи освѣдомиться. Храни меня Боже почитать ихъ за измѣнниковъ, однакожъ совѣтую отъ нихъ остерегаться. Прочіе члены правленія мнѣ недовольно извѣстны.

11-е. Которой сторонѣ былъ преданъ помянутый Молдавскій господарь, и какія причины побудили его уйти съ Турками?

На 11-е. Нынѣшній князь Французскаго имени терпѣть не можетъ, почитая ихъ причиною сей войны, и вотъ доказательство сей его ненависти къ вышереченной націи. Г. Рюфейнъ, имѣя разъ справедливую до него жалобу, въ разсужденіи лошадей, чтó у него отняты были, никогда не могъ истребовать отъ него должнаго себѣ удовольствія. Онъ человѣкъ старый, политичный или тонный, и Турки его почти недоброхотнымъ къ нимъ считаютъ. Мнѣ же онъ, за краткостью времени, чтó я его зналъ, недовольно извѣстенъ; тѣмъ

болѣе, что чистосердечнаго обхожденія я съ нимъ, какъ и съ предмѣстникомъ его, не имѣлъ. Онъ долженъ былъ, по нуждѣ, выѣхать изъ Яссъ; ибо были въ семъ городѣ два паши, кои за нимъ примѣчали, то есть, Абасъ-паша и Салоники-паша и за городомъ, не подалеку—сераскиръ-Румели-валеси. И такъ, по потерѣ Хотина и по отступленіи Турецкой арміи, всѣ вмѣстѣ изъ Яссъ уѣхали и дали знать г. Чесаковскому, маршалу Литовской конфедераціи, чтобъ онъ, по причинѣ приближающагося Россійскаго войска, изъ Яссъ со всѣми конфедератами выбрался.

12-е. Въ бытность его въ визирскомъ лагерѣ что́ происходило, и какія мѣры тогда Турки предпринимали?

На 12-е. По избавленіи моемъ изъ оковъ и темницы, жилъ я двадцать дней въ Турецкомъ лагерѣ на полѣ и въ обществѣ Французскаго драгомана и прочихъ трехъ драгомановъ, т. е. Цесарскаго, Англійскаго и Венеціанскаго. Часто имѣлъ разговоры съ бѣднымъ Николаемъ Суцо, драгоманомъ Порты, который потомъ вмѣстѣ съ моимъ княземъ преданъ былъ смерти. Отъ онаго былъ вопрошаемъ, не имѣю ли я точныхъ извѣстій о Каменецкой крѣпости. Отвѣтствовалъ я, что слышалъ, будто тамъ 5000 человѣкъ гарнизона и на 6 мѣсяцевъ для онаго провіанта находится. На что́ сказалъ онъ мнѣ, что точно въ такой же силѣ о сей крѣпости говорилъ ему графъ Потоцкій; и въ Турецкомъ совѣтѣ считали, что сего провіанта станетъ на 5 дней на 150 т. Турокъ, кои съ той стороны въ Польшу войдутъ и пока до Леополя не дойдутъ, куда они идти были намѣрены и гдѣ надѣялись найти довольное пропитаніе. Конфедераты казали визирю оригинальныя письма, писанныя къ нимъ изъ Каменца, которыми визиря увѣряли, что лишь только Турки покажутся предъ оною крѣпостью, то она сама, будучи наполнена конфедератами, имъ отдастся. Порта не хотѣла ужъ больше слышать о Карловицкомъ трактатѣ, какъ о нарушенномъ уже самою республикою, за апробацію, что́ она публично дала на прошломъ сеймѣ Гризмультовскому трактату между Россіей и Польшей, и за новыя, сдѣланныя въ прошломъ году, конституціи. Посему та республика, наруша трактатъ Карловицкій, подвигнула Порту возвратить себѣ всѣ права, что́ она имѣла прежде онаго, на воеводства Подольское и Украинское, уступленныя Турками Польшѣ, въ 1699 году, по вышереченномъ замиреніи. Намѣреніе Турокъ было идти прямо въ Варшаву, объявить вакансію престола и присутствовать при выборѣ новаго короля; потомъ раздѣлить армію на двѣ колонны: одною идти, чрезъ Кіевъ, въ Россійскія границы, другою въ оныяжъ, но, не помню, чрезъ Смоленскъ ли, или чрезъ другое какое мѣсто. Но въ самое то время оный же драгоманъ увѣрялъ меня, что онъ неоднократно (не знаю по повелѣнію ли, или самопроизвольно) уговаривалъ конфедератовъ отступить отъ ихъ надменныхъ требованій и, соединяясь съ королемъ и Сенатомъ, успокоить тѣмъ свое отечество; но за упрямствомъ въ томъ предуспѣть не могъ.

12-е, 13-е и 14-е Іюня по старому стилю, графъ Потоцкій находился въ Хантепесѣ, въ Турецкомъ лагерѣ. Тамъ дали ему 80 т. Турокъ, подъ командою сераскира Румели-валеси, дабы съ оными идти ему въ Хотинъ, что́ онъ и учинилъ; на что и надо ему было, для исправленія своихъ нуждъ, 50 мѣшковъ, потомъ другіе 50 въ Сентябрѣ; да прежде сего также ему даны были 50, что́ всего дѣлаетъ 150. Часто упомянутые четыре драгомана малую имѣли надежду о успѣхѣ Турецкаго войска. Англійскій драгоманъ, называемый Крута, и братъ тѣмъ двумъ Крутамъ, изъ коихъ одинъ при г. Обрѣзковѣ находится и съ нимъ въ арестѣ, а другой въ Россіи, въ великомъ (хотя тайномъ) подозрѣніи въ Турецкомъ лагерѣ находился.

13-е. Нѣтъ сомнѣнія, что происходила переписка по Польскимъ дѣламъ, то просится г. Нагій объявить именно, съ кѣмъ и о чемъ оная была?

На 13-е. Извѣстно всей Польшѣ, а особливо князю Репнину, что князь Молдавскій до войны имѣлъ своего въ Варшавѣ агента, называемаго г. де-Ларошъ, отъ коего еженедѣльно приходили извѣстія въ цифрахъ. Оная переписка, чрезъ мои руки переходила и состояла въ наиподробнѣйшихъ извѣстіяхъ о всемъ, что въ Польшѣ происходило. По разцыфрованіи сихъ писемъ, я дѣлалъ всегда экстракты, которые потомъ переведены были по турецки и посылаемы были къ рейсъ-ефенди, или великому канцлеру Порты. Оригиналы же оныхъ писемъ, такъ какъ и пятеро газетъ, т. е. Лейденскія, Утрехтскія, Колонскія, Нижняго Рейна и Варшавскія, посылались мною въ Царьградъ къ нашему тамъ капуки-кіясу, то есть, резиденту; тоже самое чинилось со всѣми прочими бумагами, что́ часто упоминаемый Ларошъ къ намъ присылалъ.

14-е. Всѣ его письма, бумаги и дѣла, происходившія подъ его смотрѣніемъ, гдѣ теперь нахоцятся?

На 14-е. И такъ, изъ сего примѣтить можно, что всѣ письма г. Лароша у меня никогда не оставались, и теперь, слѣдовательно, ихъ не имѣю. Другія письма и отъ другихъ персонъ, когда были важнаго содержанія, равномѣрно къ рейсъ-ефендію въ оригиналѣ отсылались, какъ то всѣ письма князя Репнина, письма г. Вейсмана и на оныя наши отвѣты. Имѣлъ я, правда, многіе трактаты, какъ то Карловицкій, Нарвскій, пакты-конвенты нынѣшняго короля Польскаго, журналы сеймовъ Польскихъ, письма и рѣчи печатныя нунція и Краковскаго епископа, Папы, пословъ и прочія, и какъ отъѣзжалъ я изъ Яссъ, никто оныхъ бумагъ у меня не требовалъ, то, не знавъ, что̀ дѣлать съ столь безпокойною кучею тетрадей, многія раздарилъ бѣднымъ людямъ на окошки, какъ сіе въ Молдавіи водится, что вмѣсто стекла бумагу въ окошкахъ употребляютъ. Чтожъ касается до переписки нынѣшняго господаря Константина Маврокордато съ г. де Ларошемъ, который, назнача почту въ Трансильваніи, поѣхалъ въ Венгрію и живетъ въ Пещинѣ, откуда продолжалъ свою переписку съ новымъ господаремъ: я оную переписку видѣлъ и читалъ въ рукахъ у княжескаго доктора, называемаго Никола, кото-

рый и теперь въ Яссахъ находиться долженъ и сохраняетъ помянутую переписку, въ которой, между прочимъ, было одно письмо весьма недостойное. Если сіи письма отысканы будутъ, то въ нихъ найдется довольно важнаго.

15-е. Наконецъ, объявить все, чтó до свѣдѣнія вышепомянутаго секретаря дошло, касающееся до интересовъ Россійскаго двора.

На 15-е. Его сіятельство графъ Румянцовъ, когда спознаетъ народъ Молдавскій и Волошскій, то самъ признается, что непостояннѣе, вѣроломнѣе, хитрѣе и безстыднѣе онаго въ свѣтѣ нѣтъ. Всѣ съ крайнимъ желаніемъ ожидали Русскихъ для освобожденія отъ Турецкой власти; но, вскорѣ спустя, перемѣнили мысли, и Богъ знаетъ, если они Турокъ опять къ себѣ не желаютъ. Турки нашли, испытавъ всѣ разныя средства, что, кромѣ крайней строгости, инымъ образомъ обходиться съ ними не можно; а затѣмъ держали ихъ въ порабощеніи и тѣмъ отъ нихъ были спокойны. Если Россія хочетъ сохранить себѣ сіи двѣ провинціи, то не должно ни въ какіе совѣты, тѣмъ болѣе въ секреты, употреблять кого нибудь изъ оныхъ двухъ націй. И если таже Имперія хочетъ быть отъ нихъ спокойна, то необходимо ей надлежитъ, подъ честными видами, забрать въ Россію всѣхъ дѣтей и сродственниковъ всѣхъ дворянскихъ фамилій обоихъ сихъ княжествъ, по крайней мѣрѣ изъ наизнатнѣйшихъ между боярами. Наружность ихъ весьма честная и чистосердечная, но внутренность ихъ преисполнена коварства. Чтó касается до доходовъ оныхъ княжествъ, то бояре оные беззазорно всегда расхищали; тѣмъ болѣе, что сребролюбіе толь издавна и толь сильно вкоренилось въ сердца оныхъ, что ограбить отца своего всякій безстыдно желаетъ, а бѣдные ихъ подданные совсѣмъ отъ нихъ тираннически раззорены. Я симъ нетолько отвѣтствую, но доношу и утверждаю, какъ христіанинъ и честный человѣкъ, въ чемъ и клянусь предъ Всевышнимъ. О правдѣ вышеозначеннаго ссылаюсь въ томъ, такъ какъ и о всегдашней моей къ Имперіи Россійской преданности, на Ясскаго митрополита, къ которому прошу о мнѣ и о моемъ поведеніи написать и требовать изъясненія, въ чемъ своеручно и подписываюсь.

Въ дополненіе къ симъ изъясненіямъ, по поводу предложеній мнѣ словесныхъ, показываю съ равною истиною, что о резидентѣ Обрѣзковѣ ничего инаго не вѣдаю, какъ то только, что онъ былъ въ Турецкомъ лагерѣ, подъ присмотромъ 400 янычаръ, и не имѣлъ ни въ чемъ нужды, будучи всѣмъ снабженъ отъ Порты, и что съ нимъ обходились Турки довольно ласково. Чтожъ съ нимъ случилось, по отступленіи и переходѣ за Дунай Турецкой арміи, я совсѣмъ не знаю.

Господинъ Шатофоръ посланъ былъ отъ Французскаго двора къ графу Потоцкому, дабы съ нимъ переговорить, а о чемъ не знаю; и затѣмъ ѣздилъ въ Копанку, неподалеку отъ Каушанъ (въ семъ первомъ мѣстѣ жилъ Потоцкій) но, не нашедъ тамъ онаго, остался при Красинскомъ. Сіе происходило въ исходѣ Мая. А для провожанія ёго отъ Трансильванской границы до Яссъ,

сераскиръ Румели-валеси послалъ ему 100 Турокъ навстрѣчу, кои его и конвоировали; при томъ выѣхали ему навстрѣчу до помянутой границы множество конфедератовъ, подъ предводительствомъ маршала Литовской конфедераціи Чайковскаго. Между другими знатными Поляками былъ же тутъ одинъ, называемый Ческовскій. Г. Шатофоръ, познавъ всѣхъ конфедератовъ, крайне ими былъ, наконецъ, недоволенъ и часто почти до шпаги съ ними доходилъ. Также чуть не арестованъ былъ разъ отъ хана Крымскаго за то, что онъ отрицался отъ имени посла, которымъ его называли конфедераты, чѣмъ подалъ было о себѣ хану подозрѣніе. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ возвратился въ Яссы, откуда писалъ часто и много къ Французскимъ посламъ, въ Царьградѣ и Вѣнѣ находящимся. Хотѣлъ возвратиться въ Тешинъ, гдѣ оставилъ свой экипажъ, у Каменецкаго епископа, который въ то время въ Тешинѣ находился; но, свѣдавъ, что Хотинъ освобожденъ отъ блокады, перемѣнилъ намѣреніе и поѣхалъ туда къ графу Потоцкому, при которомъ и остался. Онъ самъ, Шатофоръ, признался мнѣ, что онъ описывалъ двору своему конфедератовъ, какъ сущую каналію, и точно въ семъ выраженіи, и что они недостойны Французскаго покровительства.

Въ Яссы пріѣзжалъ въ исходѣ Апрѣля одинъ молодой графъ Сапѣга, родственникъ графа Потоцкаго, привезъ ему денегъ и обратно въ Литву возвратился. Былъ также въ то время одинъ Полякъ, называемый Хрептовичъ, который чрезъ Трансильванію въ Яссы прибылъ. Сей послѣдній славенъ тѣмъ, что, будучи въ Римѣ, сдѣлалъ публичный и напечатанный протестъ противъ всѣхъ новыхъ, сдѣланныхъ въ Польшѣ, конституцієвъ, за что награжденъ былъ отъ покойнаго Папы золотою цѣпью, четками изъ лаписной лазори, подаркомъ цѣлаго корпуса мощей, и сдѣланъ кавалеромъ Златой Шпоры.

Въ тоже время прибылъ въ Яссы камердинеръ Каменецкаго епископа, который привезъ извѣстіе, что Франція послала, не помню теперь заподлинно, 30 или 50 тысячъ червонныхъ для конфедератовъ, съ тѣмъ, однакожъ, повелѣніемъ, чтобъ оныя деньги имъ отдать тогда только, какъ Турки войдутъ въ Польшу.

*

Просимъ читателей не поскучать чтеніемъ вышенапечатанной переписки. И первый министръ, и будущій герой Задунайскій, увѣряя другъ друга въ откровенности и преданности, оба становятся на ходули и заволакиваютъ свои мысли несносно-витіеватою рѣчью, а между тѣмъ переписка эта полна историческимъ содержаніемъ. Турецкая война, начавшаяся осенью 1768 года и кончившаяся лѣтомъ 1774 года, была первымъ опытомъ новой государыни въ борьбѣ съ враждебными Русскому государству силами. Можно сказать, что успѣхи этой войны утвердили Екатерину на Русскомъ престолѣ. Война

была возбуждена происками Поляковъ и вліяніемъ Франціи въ Константинополѣ. Мы были къ ней не готовы едва успѣвъ отдохнуть отъ жертвъ, понесенныхъ въ войну Семилѣтнюю, второстепенные дѣятели которой выступили теперь на самостоятельное поприще. Военною Коллегіею управлялъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, и тутъ, какъ и всегда, письмоводство и мелочные распорядки служили помѣхою дѣлу. Противъ Турокъ мы могли выставить всего съ небольшимъ сто тысячъ войка, изъ котораго двѣ трети, или первая армія, назначены были къ наступленію, а вторая, малочисленная армія, должна была оборонять границы. Начальникомъ главной арміи Екатерина выбрала князя А. М. Голицына (1718—1783), издавна ей лично извѣстнаго и женатаго на ея пріятельницѣ княжнѣ Гагариной. Онъ началъ свое военное поприще, опредѣлившись къ славному принцу Евгенію Савойскому, потомъ служилъ при посольствѣ въ Константинополѣ. Его любили солдаты, и Екатерина считала, что онъ лично храбрѣе графа Румянцова. Но князь Голицынъ не оправдалъ этого выбора. Первый годъ войны былъ рядомъ неудачъ, и обстоятельства вынудили смѣнить князя Голицына графомъ Румянцовымъ, а на мѣсто сего послѣдняго назначить бывшаго Кенигсбергскаго генералъ-губернатора графа П. И. Панина. Настойчивостью главныхъ дѣйствующихъ лицъ и великою способностью Екатерины не смущаться невзгодами обезпечились успѣхи, одержанные въ слѣдующемъ году. *П. Б.*

ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА КЪ ГРАФУ ВЛАДИМІРУ ФЕДОРОВИЧУ ВАСИЛЬЕВУ.

1812—1814.

Письма эти печатаются съ подлинниковъ. Писанныя въ Петербургъ, съ похода, въ великое время нашихъ войнъ для спасенія Россіи и Европы, эти дружескія повѣренія служатъ важнымъ матеріаломъ для исторіи того времени и для біографіи писавшаго. Мы оставляемъ ихъ безъ перевода, коему многія мѣста совсѣмъ не поддаются. Непонятныя мѣста со временемъ разъяснятся, такъ какъ отвѣтныя письма вѣроятно сохранились. Въ исторической картинѣ новой Русской исторіи образъ великаго князя Константина Павловича слишкомъ ярокъ, чтобы оставить безъ изученія его бумаги. Напечатанныя нами въ Русскомъ Архивѣ 1870 года его письма къ маркизѣ де Кюбьеръ свидѣтельствуютъ, сколько добра, душевнаго благородства, наблюдательности и остроумія было въ этомъ странномъ существѣ.

П. Б.

№ 1.

Le 2 may 1812. Wydzy.

J'accuse à l'aimable balayeur des rues de Thèbes la réception de son dernier bulletin, ainsi que les antérieurs. Il est bien bon de nous comparer à la brillante jeunesse Thébaine, et il me semble que la comparaison serait plus juste si elle avait lieu avec la brillante jeunesse Israélite qui fut jadis confiée aux soins de Moïse. Les raisons en sont: 1°) que nous attendons du foin comme les Juifs attendaient la manne, et que si le foin ne nous tombe des nues, cela ne sera pas sûrement aux soins de la *Cancrine* que nous le devrons. 2°) Les Thébains de glorieuse mémoire ne faisaient qu'une seule famille, et nous autres, hélas! nous en faisons beaucoup. Choulguine s'est installé en maître de

police ici et a établi la *moucherie* ou bien *mouchade* *) de son mieux. Nous sommes à la piste de deux individus, l'un Français et l'autre Polonais. Quel beau champ de gloire pour vous! **Яковъ Ивановичъ** est au quartier-général, tranchant, à ce que l'on dit du Fouché, c'est à dire qu'il.... chez telle dame polonaise et en même tems il mouche beaucoup de chandelles, non romaines, mais détestables polonaises et avec lesquelles l'on est bien et trop bien. Voilà qui est assez. Hommage et remercîment vous sont et seront toujours de par l'écrivain de cette gazette.

№ 2.

Wydzy, le 16 (28) may 1812.

Remercîments très-humbles au compositeur des bulletins pour son dernier №, ainsi que pour toutes les incluses. Le compositeur est trop bon de mettre tant de prix aux nouvelles de son correspondant. La seule chose de juste qu'il a trouvée dans l'accusé de sa réponse c'est la comparaison avec Moïse, qui porte l'emblême de nous autres gens mariés, et dont, j'espère, le correspondant a des traces non-équivoques sur son front. Toutes les *mésaventures* du Chernychew sont déjà connues de tout le monde, et à mon avis font le plus grand honneur au jeune homme qui a su, durant 5 années, mener par le nez le plus rusé de tous les hommes, et Michel Michel par Michel Michel; le leur vaut bien notre *Espérance*, sinon mieux. Le 9-me № est, dit-on, arrivé à Warsovie le 6 (18) May. Boutenguel (?) doit en avoir apporté la nouvelle à Wilna. L'apparition du comte de Narbonne, qui n'a duré que 48 heures, au quartier-général, a dû être un champ vaste d'occupation pour l'esprit policier de *Я. И.* et de Sa... Le roi était au camp et Montauciel n'y était pas. Ceci vaut bien une *totebraine* (?). L'on dit Narbonne doux comme du miel de Narbonne. Le correspondant remercie infiniment l'éditeur des bulletins pour l'intérêt qu'il a voulu prendre à l'acquisition des gardes à cheval et l'assure en même tems qu'il ne doute nullement de la sincérité des sentiments que lui porte l'éditeur.

Réponse à l'acrostiche sur Я. И. Vieux proverbe, nommé par Basile de Figaro la Sagesse des Nations.

---

*) Т. е. шпіонство.

№ 3.

Le 23 may 1812, Wydzy.

Le correspondant remercie infiniment l'éditeur du bulletin pour son dernier №. Il est vrai que la lettre incluse à une de nos dames à Pétersbourg est d'une impertinence rare; il me semble même que l'on ne peut s'en disculper ni *par calembour*, ni *par bon-mot*, ni *par duel diplomatique* au pied du mont Vésuve. Comme l'éditeur se croyait probablement à un bal masqué en écrivant son dernier №, puisqu'il ne nommait pas les masques, il est, je crois, permis à son correspondant d'user de représailles, en tâchant de les reconnaître, en taisant leurs noms. Mais il ne faut pas être grand *grec*, ni grand *devin*, pas même Calchas de la tragédie, pour pouvoir deviner et expliquer ce mystère. Je demande seulement à mon cher éditeur si le mari en question, dont l'amant daigne s'occuper, a plus de *cerfure* sur la tête que de gale sur le visage.

Je renvoie à l'éditeur ci-joint les gazettes en question.

Notre position est toujours la même: la division des gardes à pied s'est mise en marche pour Wilna, où elle aura le bonheur de passer la revue de S. M. I. Les nouvelles de Warsovie disent que N. y est déjà, ainsi que les rois Jérôme et Joachim, et le vice-roi Eugène.

J'ose demander à l'éditeur bulletanique si son très-humble correspondant a deviné juste au sujet de la lettre, et de plus que, quoique un peu parente de l'éditeur, cette chère dame ne mériterait pas un подтверждение dans la *татебная*? Quel est le *logement joli* que lui assigne cette tendre amie à Pétersbourg?

Vos nouvelles sont de jour en jour plus intéressantes, et c'est à cette fin que le correspondant se flatte que malgré toutes les grandes et belles occupations du cher éditeur dans les татебная, il voudra bien continuer le sacrifice momentané de ses loisirs pour donner des nouvelles à son humble correspondant.

P. S. L'histoire impertinente arrivée au château avec Крыловъ, est digne de m-r Paulucci qui, quoiqu'il prétende avoir commandé des armées, serait déplacé partout et mériterait à mon avis un logement joli chez le plus grand aubergiste de Pétersbourg, nommé *Saphonof*, au-delà de la rivière. L'on dit cet aubergiste avoir des №-os charmants et des boudoirs où on a le tems de faire ses réflexions à son aise [1].

---

[1]) Повидимому намекъ на Петропавловскую крѣпость.

D'après les rapports de la Géorgie, grâce aux belles dispositions du sus-dit marquis, l'on a eu le talent de révolter une province entière, ce qui nous coûte dans deux régiments de dragons 4 majors, 15 officiers et 200 soldats tués et 500 chevaux. Voilà ce que nous en savons. Le correspondant désirerait que l'éditeur s'informe de tout cela et en donne connaissance.

№ 4.

Wydzy, le 2 juin 1812.

Le correspondant de l'aimable éditeur bulletanique a l'honneur de lui annoncer la réception de son dernier №, ainsi que l'exposé de ses craintes sur l'avenir. Le correspondant, moins défiant et peut-être à tort, va lui faire l'exposé suivant, qui sera trouvé, j'espère, assez juste par le craintif éditeur. Le *P. Lachaise* *) et le sieur *du Prêtre* seront toujours en opposition avec les décrets du gouvernement par une raison bien simple, qui est que, n'étant que secondaire lorsque l'on s'est presque trouvé en premier, il est inutile d'obéir aux ordres émanés des ci-devant inférieurs, et leur plus grand tort est et sera toujours que sous le dehors du vrai patriotisme et de la vérité, ils sèment la défiance parmi leurs auditeurs, qui croyent qu'un ministre du tems de Catherine ne peut avoir jamais tort. Il semble à votre correspondant que les circonstances présentes ne sont qu'une suite de la fin du règne de Catherine, qui, très-brillant en scèneries, n'a été rien autre chose, comme l'on dit vulgairement, que de la poudre aux yeux; vu que le partage de la Pologne a été l'exemple et le signal d'enfreindre tout ce qui a été sacré jusqu'alors dans le monde, comme *traité, serment, fidélité du peuple envers son souverain*, et sous le dehors de la justice appuyée par des bayonnettes et des canons, dans une époque où le jacobinisme rompit par la guillotine tous les sus-dits freins. Au reste je ne dis pas que l'imitation de Napoléon à cet égard soit légitimée par les faits exposés plus haut. Pour ce qui concerne la réunion des deux Finlandes, il me semble que c'est un fait de politique manquée. C'était, à ce qu'il me semble, un avis aux Polonais pour leur prouver que la réunion de leur pays pourrait se faire, s'il voulaient être de notre parti. J'espère pourtant que la vigilance des préposés de *la police* et du gouvernement de la capitale sauront *honnêtement*, par des menées sourdes, faire rentrer dans l'ordre ceux qui pourraient avoir envie de

*) Извѣстный Iезуитъ, исповѣдникъ Людовика XIV.

s'en écarter. Voilà le devoir le plus sacré et le plus beau que peut avoir la police de tout endroit et surtout de la capitale, qui est si bien conquise et qui est et doit être fidèle au meilleur des maitres. Les gardes à pied ont eu le bonheur de passer la revue et de manoeuvrer à Wilna devant Sa Majesté, qui en a été extrêmement contente et satisfait. Les gardes sont restées dans les environs de Wilna, et les plus éloignées en sont à 30 verstes. Ce mouvement concentrique a été motivé par l'établissement du quartier-général de m-r le duc d'Elchinguen (Ney) à Calvaria, à une distance de 80 verstes de Kowno. Le quartier du gr.-d. Constantin va passer à Swianciany, pour où le gr.-d. se met en marche demain 3 juin; toute la cavalerie de ce coprs sera de même concentrée. La grande armée peut être réunie dans 48 heures, et le prince Bagration a fait déjà sa jonction avec la grande armée.

Les nouvellistes du quartier-général sont extrêmement partagés dans leur avis. Les uns prétendent que sous 12 jours le canon se fera entendre; d'autres assurent que cela sera dans trois semaines; enfin d'autres croyent à une entrevue qui doit amener indubitablement un arrangement amical.

Bal., *) *Я. И.* sont, à ce qu'ils prétendent, très-mal ensemble; mais moi je n'en crois rien.

Durant le séjour des gardes il y a eu un incendie à Wilna, où *Bal.* et un certain *Weiss*, maître de police, se sont très-distingués.

L'ordre du jour de l'armée annonce que le commandement de l'armée du Danube est confié à l'amiral Cziczagow, et celui du gouvernement de Moscou au c-te Rostoptchine, avec le grade de général d'infanterie.

Voilà toutes les nouvelles que le correspondant a pu recueillir, en espérant que l'éditeur voudra bien continuer à faire parvenir ces nouvelles au plus désintéressé des correspondants.

№ 5.

Wydzy, le 10 juin 1812.

L'éditeur bulletanique est remercié par son correspondant pour son dernier № du 29 may, dont il lui accuse la réception par la présente.

Vous voyez, cher éditeur, qu'il n'y a pas de masques que nous ne reconnaissions dans notre petit séjour. J'en suis fâché pour la Grèce d'avoir une compagne tellement compatissante aux désirs des

---

*) Вѣроятно, Балашовъ. Подъ Я. И. надо разумѣть князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго.

humains. Au reste le proverbe est accompli, puisque *chaque vilain trouve sa vilaine.* Je suis comme Basile de Figaro, je parle par proverbes ou bien comme un second *Sancho* du tems présent. Je viens à mes nouvelles: les gardes à pied ont eu le bonheur de passer la revue de S. M. à Wilna, où elles devaient rester concentrées sur la distance de 30 verstes tout au plus de la ville. Voilà ce que le correspondant a eu le plaisir de notifier au cher éditeur par son dernier №. Mais comme les autres ordres se succèdent plus vite que la création des *rois* de ce siècle, tout le monde est resté en place, et les gardes à pied sont retournés à leur anciens cantonnemens. L'on dit que *Ph-l* *), *artiste militaire, inventeur* d'un nouveau système de guerre de sa façon, fait le beau tems au quartier-général, et je crains bien que la pluie *non de sa façon* ne succède à ce beau tems. Le correspondant avait plus que tout au monde une maladie assez commune et très-contagieuse, nommée en langue russe *ералашъ*, qui peut provenir de la trop grande sécheresse occasionnée par le beau tems.

Я. И. a failli se faire une histoire avec le grand Korff à l'occasion de l'arrivée d'un régiment de dragons à Wilna, destiné pour être d'escorte au quartier-général, et qu'il a plu à **Я. И.** de nommer mes *gens-d'armes,* à quoi Korff a répondu que c'étaient de braves gens, mes non des espions de police.

Rien du tout de nouveau. Les Français sont sur la frontière, à ce que l'on dit, et nous de même. Il faut espérer encore que la guerre n'aura pas lieu, si le Ciel veut protéger la Russie; mais si elle commence, faisons des voeux au Ciel qu'il veuille nous accorder des succès.

Le correspondant, tout en assurant de son estime son éditeur, lui réitère les expressions de son amitié.

№ 6.

Wydzy, le 13 juin 1812.

Le correspondant annonce au plus aimable des éditeurs la réception de son dernier №, et en même tems il lui envoie la ci-jointe épître sous l'adresse du *Ba-ff*, vu que le correspondant, par sa connexion avec l'éditeur, ne peut pas la faire parvenir à une adresse de cette haute volée sans avoir à ses trousses l'essaim *sanguin* de *Я. И.*, et d'un autre côté il me semble que l'éditeur, sans ordres du G-y **), peut par-

---

*) Фуль.
**) Горголи

faitement plus rendre de services à S. M. dans la capitale que dans Moscou, où il n'y aura jamais un esprit divisé comme dans notre bonne ville. Ce n'est pas pour flatter l'éditeur, ce n'est que la pure vérité; il m'est parvenu des notices sur *Gor-ly* *) qui disent comme quoi m-me son épouse était assez portée à incliner pour la France etc. Si l'éditeur en sait quelque chose, il est prié d'en informer son correspondant et ne pas ménager *sa modestie* ni *sa bile,* ni même *son amour-propre,* pour pouvoir exposer tous les faits.

Wydzy a failli, le soir du 11 juin, être la proie des flammes. A 10 heures le feu prit à la paille préparée comme litière pour les chevaux du 4-me peloton de l'escadron du corps des g. à cheval, au moment que les cuirassiers la prirent entre leurs mains. Grâce à l'intelligence des officiers et soldats, la chose en est restée là; mais d'après les recherches faites, l'on a trouvé sous la paille brûlée une composition de phosphore et de soufre inflammable à la moindre friction. La maison attenante, appartenant à un paysan pauvre qui ne s'est pas trouvé de la journée à la maison, comme personne des siens hormis un enfant, était toute enduite de phosphore et de soufre en dedans. D'après le dire du sus-dit enfant, il y a vu entrer l'après midi un paysan et un Juif inconnu, qui y sont restés pendant quelque tems, et en s'en allant ont passé auprès de la paille. Voilà tous les renseignements que l'on a; l'on est à la recherche. Le fait a été préparé par quelque malveillance, il n'y a a pas de doute. Si les suppôts de la police peuvent faire un détachement pareil à celui du 22 juillet de l'année dernière, quel champ vaste c'eût été pour les exploits polissonnaires ou bien policiers de leur chef rillant.

Rien du tout de nouveau du reste.

Le correspondant réitère à l'éditeur les assurances de son amitié.

Paulucci vient d'être nommé aide-de-camp général de S. M. pour récompense de son administration tant civile que militaire de la Géorgie.

№ 7.

Dans ce moment-ci un billet m'annonce l'arrivée d'un officier de la police de Twer nommé *Чапкинъ,* qui vient en courrier avec des dépêches à S. M. Comme c'est, à ce qui me semble, du ressort de *Балашовъ,* tâchez de savoir ce que c'est. Je pars ce soir pour la campagne pour revenir demain au soir, et s'il transpire quelque chose ou si vos

*) Супруга полицмейстера Горголи была дочь извѣстнаго Рибаса.

découvertes vous auront mis au fait des nouvelles, mandez-les moi par la voie ordinaire. Tout à vous de tout mon coeur.

A 8 heures du soir.

№ 8.

Abonder dans le sens de son correspondant est, à ce quime semble, la preuve la plus certaine et la moins équivoque que les nouvelles qu'il donne font plaisir et sont comprises, puisqu'elles sont envisagées du même point de vue. Qu'est-ce qui peut être plus malheureux que de ne pas s'entendre et se trouver dans le cas du Bridoison de la comédie, qui, après avoir tout vu, ne peut en rendre compte, et à la question que lui en fait le comte Almaviva, il donne pour réponse: *ma façon de penser sur tout ce que je vois, m-r le comte, c'est que je n'y entends rien, voilà ma façon de penser*. Nous qui ne sommes pas dans le même cas, cher correspondant, je vous envoie certain livre d'un prisonnier d'état, libelle de la façon d'un certain de l'Orme d'Hédouville *) qui fut au tems jadis avec Savary chez nous. Lisez-le, et vous trouverez des choses incroyables, et puis vous me le renverrez par la même voie par laquelle il vous parvient. Königsberg est occupé; l'on y a fait 8000 prisonniers. Les Prussiens sont avec nous, et Napoléon ne se cache pas de ses pertes à Paris même. Tout cela est tellement changé que l'on ne peut y rien dire. Je prétends que N. va changer de famille et va prendre celle de *Savary*, puisque sa fortune varie (cela varie). C'est digne du grêlé diplomate. Au reste, rien de nouveau chez nous, et dans trois à quatre jours nous entrons dans le duché de Warsovie, dans la direction de *Merich* sur *Ploçk*. Votre carte est avec moi et me servira de guide pour les opérations militaires, ainsi que votre aimable conversation me servait, il y a de cela trois mois et plus, de boussole sur bien des choses. Le quartier impérial et général sont précisément ce que dit le cardinal de Retz dans ses Mémoires, c'est à dire *comedia* in *comedia*.

Votre correspondant vous réitère toutes les expressions de son amitié.

Prscetoi, le 29 X-bre 1812.

---

*) Французскій посланникъ въ Петербургѣ. См. Арх. Кн. Воронцова, книга XX.

№ 9.

Rakowcie, en Vieille Prusse, auprès de Landberg, le 12 (24) janvier 1813.

Le correspondant remercie bien sincèrement le cher éditeur pour ses derniers bulletins, qu'il a reçus l'un par son courrier ordinaire et l'autre par son valet de chambre. Toutes les complaisances de l'éditeur pour son correspondant sont vivement senties par le dernier, et sa reconnaissance est gravée dans son coeur, qui ne sait et n'a jamais su dissimuler. Les avis salutaires donnés au capitaine par l'éditeur sont une nouvelle preuve de son attachement pour son correspondant, puisqu'il fait son possible pour que le choix fait par le dernier ne pût pas être compromis dans une cité comme la nôtre, et surtout dans le tems présent. Rien de nouveau à l'armée. La destination du correspondant est Ortelsbourg avec les cuirassiers, et celle du grand quartier général est Wittenberg. On dit que le séjour que l'on y fera ne sera pas de longue haleine et que la gloire va nous faire franchir la Vistule, qui l'a été déjà par le messager de Dieu (Chernychew) avec des cosaques. Le fameux Amlet travaille Schwarzenberg, et l'on attend des nouvelles sous peu de jours, après quoi l'on prendra des mesures ultérieures. Le messager de Dieu est à Conitz, et Danzig est bloqué. Le prince Grêlé est en diplomatie à Königsberg auprès de York. Le correspondant s'est permis de dire à S. M. que cette petite mission demi-diplomatique avait rendu un sujet qui sans cela était attaché à son maître et à son pays (témoin de cela le temple de Jupiter à Portici), l'être du monde le plus heureux, et qu'à un autre il fallait des cordons et des récompenses brillantes, et qu'à notre Grêlé la plus belle récompense est de lui laisser déchiffrer la plus bête dépêche où l'on se dit le beau jeu; à quoi la question me fut faite: est-ce qu'il aime donc plus la diplomatie que le militaire? Je me suis pris la liberté de répondre que la diplomatie est son élément. Eh bien, c'est bon, il y sera employé militairement, pourvu qu'il ne soit pas si étourdi. Vous voyez, cher éditeur, que je suis toujours l'ami de mes amis et que leur rendre service est pour moi le plus grand des bonheurs. Dites à Opoczinine qu'à la première occasion je lui écrirai; et vous, cher éditeur, en vous remerciant bien sincèrement pour votre souvenir, je vous prie de recevoir l'assurance de toute mon amitié.

Le général Kourouta m'a communiqué votre lettre. Je ne puis y répondre, ma modestie m'en empêche. Mais je vous dis que vous megâtez trop et que je n'en vaux pas la peine.

En vrai furet, faites une course à Strelna pour voir comment y sont établis les prisonniers et veillez à leur conduite.

Mes amitiés aux capitaines que je recommande spécialement.

№ 10.

Aimable éditeur! Votre dernier № en date du 12 janvier est trop aimable, trop galant et d'un style trop élevé pour que je m'avise jamais d'en approcher par ma réponse. Ainsi donc je vous dirai tout court: bien obligé, mon cher, pour votre lettre. Toutes les attentions que vous voulez bien témoigner à m-me Friderichs sont une marque d'amitié pour moi, et je vous en remercie bien sincèrement. Nous sommes à Ploçk sur la Vistule, que nous franchissons comme le Rubicon, de glorieuse mémoire, dans trois jours. Notre direction est Posen. De grâce pas d'épitaphe pour le pauvre diable de Mitucha. On dit qu'il a laissé des enfants bâtards; qui en est la mère, c'est une chose que j'ignorais et que je n'ai appris qu'après sa mort. Tout va bien chez nous. L'on me mande de chez moi que vous vous amusez avec mon petit officier. Vous et les capitaines, c'est encore des traits qui caractérisent votre amabilité.

Le fameux Barclay de Tolly est arrivé et a étonné tout le monde par son apparition: on le regardait *de travers*.

Avec l'officier collandais Van Cretcham est arrivé à Pétersbourg un officier nommé Sparre. Il fut recommandé par Winzingerode et Léon Narychkine au père du dernier, vu que Sparre a pris soin de ces m-rs lorsqu'ils furent prisonniers. Mais grâce à l'amabilité russe, le gr.-chambellan et m-me son épouse ont laissé dans la rue Sparre, par reconnaissance des soins qu'il a pris lors de la captivité du fils de la madame. S. M. m'a ordonné d'écrire à son sujet au gouverneur militaire pour en prendre soin, et de plus, puisqu'il est Suédois et recommandé par le prince royal, ayez soin de lui. Je vous le recommande. *Vive la cour*! Tout à vous de coeur et d'âme.

Gorlice, près de Ploçk, le 26 janvier 1813.

№ 11.

Cher éditeur! Bien obligé pour votre dernier bulletin. J'ai fait part des *Полицейскія Записки* à notre Grêlé, qui en a baîllé tout au long. Le Rubicon est franchi (la Vistule). Que Dieu nous assiste! J'ai fait à

m-me Friedrichs un long narré de ce qui nous arrive. Demandez-lui à voir la lettre que je lui écris et donnez-moi vos idées là-dessus. Je n'ai pas un instant de plus à moi et je finis mon épître en vous assurant de toute mon amitié.

D'après les ordres de S. M. et d'après la demande de ma mère sont arrivés aux frais de la couronne pour rester à Pétersbourg trois officiers prisonniers: *St. Marsan*, Français, *Hornstein*, Bavarois, et *Egloffstein* Saxe-Weimarien. J'en ai donné l'avis à Wiazmitinow; ils resteront dans la capitale aux frais du gouvernement. Veillez à leur bien-être. Ils ne sont pas de ma compétence, et je ne les connais pas.

Sparre a été recommandé par le prince royal de Suède, Bernadotte, à S. M. Il a été indigné de la conduite de m-r Narychkine, gr.-chambellan, au sujet de Sparre.

Duché de Warsowie, Gombin, de l'autre côté de la Vistule, le 1 (13) février 1813.

№ 12.

Votre correspondant vous recommande le général Guillaume de Vaudemont, prisonnier, et qui, par bonté spéciale de S. M. à mon intercession, va se rendre à Pétersbourg pour y rester. De plus, Sa Majesté a fait des avances pour faire venir son épouse et ses enfants d'Italie, où ils sont. *Il semble que le général est décidé à rester dans notre pays,* et que peut-être l'habit vert au collet rouge brodé pourrait être porté par lui. C'est une connaissance à moi de la campagne d'Italie: homme d'esprit, beaucoup de connaissances, beaucoup de talents, auteur militaire, officier d'artillerie, tête chaude et féconde, avec infiniment de vivacité, parlant bien et fort juste, extrêmement mécontent du vice-roi d'Italie, sous les ordres duquel il était étant au service du royaume d'Italie, encore plus mécontent de l'empereur des Français; en un mot, c'est une trouvaille. Sa famille va arriver avec son docteur, nommé de Lafondie, qui compte aussi entrer chez nous. Le général de plus a été beaucoup employé dans des missions de son gouvernement en Grèce, Turquie, Dalmatie, Italie, Espagne etc. Je vous le recommande, cher éditeur, c'est un protégé à moi; il relève de maladie grave. Veillez à ce qu'il soit bien logé et commodément. Il est recommandé par S. M. à Wiasmitinow très-expressément, et c'est moi qui ai communiqué au gouverneur militaire l'ordre de Sa M ; l'Empereur, vu sa maladie, ne le connut pas. Ainsi donc, cher éditeur, soignez-le à notre façon, recommandez-le aussi à Opoczinine, et avec le tems, si vous le

jugez commode, présentez-le chez moi. Mais avant de le faire, mandez-moi si vous l'en jugez digne. Je ne parle pas de lui à m-e F. et vous charge de le faire, en lui montrant cette lettre. Si je ne lui en ai pas parlé, j'ai craint que le titre de général ne l'embarrasse; au reste, si vous croyez qu'il est avec toutes ces qualités brillantes bon enfant, présentez-le. Il est très-curieux à entendre sur tout plein de choses. Le désir qu'a le général de rester chez nous et d'entrer à notre service n'est venu que de S. M., de Kourouta, de son docteur et de moi: ainsi donc motus, ne faites pas même semblant de le savoir, et s'il vous fait des ouvertures à ce sujet, faites l'étonné et mandez le-moi. J'attends votre avis sur son arrivée et sur votre conciliance avec lui avec la plus vive impatience. Bien obligé, cher éditeur, de la peine que vous vous êtes donnée d'aller voir mes établissements de mon tout petit chef-lieu. Rien de nouveau chez nous. L'on parle de quartiers de cantonnement. L'Empereur est à Kalisz, et nous dans les environs; cela pourrait amener à une entrevue entre S. M. et le roi de Prusse, qui est à Breslau, à 14 milles de Kalisz. Beaucoup de récompenses aux protégés et d'oubli pour ceux qui ne le sont pas ne fait pas louer infiniment la conduite du maréchal. Il est devenu courtisan et oublie sa gloire pour ne devenir que bas et insipide flatteur. Ainsi va le monde. Les cuirassiers, que je commande au nombre de 30 escadrons sont les seuls qui ont conservé la tenue de rigueur et sont présentables partout. Le reste de notre monde, quoique couvert de lauriers, ne l'est pas d'ordonnance, vu les trous et les guenilles dont ils sont habillés. Et avec tous les lauriers qui ceignent leurs têtes, il ne se trouve pas, hélas! de feuille qui puisse couvrir leur modestie, comme à des statues antiques, et puisque statue il y a, il y a bien des braves qui ne sont que *аки статуя*. Tout à vous, cher éditeur, de coeur et d'âme votre

Correspondant.

Pietno, le 12 (24) février 1813.

Lisez cette lettre à m-e F.

Notre tems est des plus beaux; le printemps est établi: plus de neige, le blé pousse et l'herbe de même; en un mot c'est notre commencement d'un beau mai.

№ 13.

Cher éditeur! Bien sincèrement obligé pour vos derniers N-os. Tout ce que vous voulez m'y dire d'aimable, je ne le prends que comme je

le dois, c'est à dire en compliment. Vous voulez mettre trop de prix à mes idées; elles n'en valent pas la peine. Moi, pauvre diable, relégué dans ma nullité, bafoué par la fortune, n'étant propre (que quand je suis loué) à rien, je reste au coin du feu, attendant d'après les principes de Crispin, du tener *) superi les événements, sans trop d'impatience. A demi-entendeur salût, dit la Sagesse des Nations.

Ainsi faites-en l'application à ma position actuelle, et vous serez à la hauteur des circonstances de ce qui m'arrive, sous les ordres de Tormassow (brave, digne et respectable homme) lorsqu'il était de tous tems sous les miens, en un mot comme en mille, d'humiliation en humiliation je reste au coin du feu, comme je l'ai dit plus haut. Vivent les cabrioles et les courbettes pour obtenir des places et récompenses! Mais tous ces voltigeurs ne sont pas imitables, c'est pour cela qu'il y a bien des braves gens qui mériteraient des trésors et qui restent enfouis dans la fourmilière des inconnus. Vous connaissez notre chef, homme septagénaire, ayant vécu toute sa carrière de la façon la plus courtisane; il serait trop prétendre qu'il change, mais aussi il serait à le désirer. La cour, la flatterie etc. Pourvu que je soye, bien peu m'importe le reste: voilà ses principes. Et vous sentez parfaitement qu'avec cela il reste bien du monde enfoui dans la foule, et ordinairement ceux qui ne devraient pas l'être. Chaque fois qu'il me voit, il a l'air de se moquer de moi, ce cher et bon homme, comme jadis la nation hébraïque l'a fait de notre Seigneur Jésus: tout en Le maltraitant, ils L'appelaient roi, et ce Judas de l'armée m'appelle toujours son maître lorsqu'il tâche de me faire quelque niche de sa façon. Voilà, cher éditeur, une lettre qui doit être autodafie, et je vous le demande en amitié.

Bien obligé, mon cher, pour toutes vos attentions pour les habitantes et habitants du Palais de Marbre. Soyez persuadé que ma reconnaissancée vous est vouée à jamais.

Lebzeltern est arrivé de Vienne, rien n'a encore transpiré à son sujet, et il faut en convenir que *le tems est bien froid depuis quelque tems.* Entre autres choses il m'a dit que la paix de Vienne a absolument anéanti les finances autrichiennes; que l'impératrice des Français était extrêmement heureuse de la conduite de son illustre époux envers elle et que son père, en bon bourgeois, était heureux du bonheur de sa fille. Dérivez de ceci tout ce que vous voudrez; pour moi, j'y vois de la mauvaise volonté ou bien de quelque chose qui arrive. Je joins, cher éditeur, une

---

*) Слово *tener* непонятно здѣсь или неразобрано. *Superi*—боги древняго Рима; и такъ смыслъ слѣдующій: „ожидаю событій отъ воли боговъ".

parodie très-plaisante que vous pouvez lâcher dans notre monde, faite par le chef de mon état-major le colonel Crossard, que vous devez avoir connu à la bataille de Poultousk; il était à cette époque officier autrichien. De plus ci-joint un aperçu assez intéressant. A revoir, cher éditeur; quand ce que le tems viendra où j'aurai le plaisir de vous voir chez moi à 7 heures du matin? Je vous prie des notions sur la conduite de mes prisonniers.

Warta, le 1 (13) mars 1813.

P. S. Le 3-me corps d'armée, c'est à dire la 1-re et la 2-me divisions de grenadiers sont réduits à 12 bataillons de la première, complétés deux fois à 1925 hommes, la 2-de recomplétée de même 18 bataillons à 2456 hommes, soldats recrues sous les armes. Somme, un total de 4381, au lieu d'être 20790 hommes. Notez que depuis Krasnoy en novembre, ce monde n'a pas fait un coup de feu. Dolgorouky appelle ces corps-là des drôles de corps. De plus, notez que ce corps est ménagé; il y en a d'autres réduits à 1200 hommes à la place d'être de 12000 la division.

Le régiment de Séménowsky est réduit à 582 hommes, n'ayant perdu que 130 hommes à Borodino, recomplété deux fois, étant parti de Pétersbourg il y a un an au plus fort du complet, cité pour modèle.

Les gardes à cheval, étant partis à 620 hommes, s'étant battus à Borodino et la réserve 7 fois à Polotsk, sans recomplètement, à présent sous les armes 436 soldats. D'après cette proportion le régiment de Séménowsky aurait dû être de 1200 hommes, et si le régiment des gardes à cheval avait dû suivre le bel exemple du régiment de Séménowsky, il serait réduit à 232 hommes. Voyez et comparez. Je suis comme Fabre de la gazette. Bien obligé pour les derniers numéros. L'article de la Suède est extrêmement intéressant.

Dolgorouky prétend qu'il se console d'avoir gardé son âme, vu que l'on lui a ôté son corps.

№ 14.

Warta, le 12 (24) mars 1813.

En remerciant le cher éditeur pour son dernier №, son correspondant lui annonce l'occupation de Hambourg par nos troupes. Comment la chose s'est passée, le correspondant n'en sait rien. Borozdine porte à Pétersbourg les clefs de la ville.

Depuis quand est-ce que la noblesse a pris la coutume dans notre capitale de se rendre justice à coups de fouet? Qui en a donné la mode? Il me semble qu'avant les *braves* de la sorte trouvaient le moyen de s'arranger à coups de poing ou de bâton, sans préjudice aux autorités, au lieu de prendre contre les contrevenants telle mesure de police correctionnelle qu'il appartiendra: incendie pour incendie, délation pour délation; en voilà une ci-jointe. Le style m'en paraît digne, et c'est pour cela que je dépose ce chef-d'oeuvre de ma composition au tribunal judicieux de celui qui a mis en vogue parmi les gentilshommes le *potwergeniem.* Ne pourait-on pas appliquer quelques coups égarés sur les fesses potelées de la dame Yerchoff, être *infelice*? Coquette fieffée et sotte fieffée, minaudière et ridicule. Rien de nouveau du reste, excepté que le correspondant finit son griffonnage par une vieillerie qui est l'amitié qu'il porte à son cher éditeur.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо къ Государю

Sire! Je m'empresse de porter à la connaissance de Votre Majesté la nouvelle de l'incendie qui a eu lieu cette nuit à Warta. Le feu a pris dans une hôtellerie appartenant à un habitant de la ville, où était établi un hôpital pour les prisonniers de guerre venant de Kalisz et qui devaient être transportés plus en arrière. Le feu a pris par la maladresse d'un prisonnier qui, ayant voulu en faire dans la cheminée de l'hôtellerie, s'est servi de paille pour l'allumer, et par mégarde la flamme s'est communiquée à celle qui leur servait de litière. 5 prisonniers, à l'appel que l'on en a fait ce matin, ne se trouvent plus, et il est à présumer qu'ils ont été les victimes malheureuses de l'incendie. Tout le dommage consiste en fait de bâtimens dans l'hôtellerie susdite, ainsi que dans 13 granges remplies de bled de toute espèce, appartenant aux habitants de la ville. Je ne puis assez louer, Sire, à cette occasion les dispositions de mon aide-de-camp Choulguine, auquel la police de la ville a été confiée. Il est certain, si ce n'eût été lui, que toute la ville eût été la proie des flammes. Ce sont ses sages dispositions, secondées par la société hébraïque, qui ont garanti la ville du malheur dont elle était menacée. Preuve de cela, que deux maisons et une grange, se trouvant à 2 toises des bâtiments brûlés, ont été conservées sans le moindre dommage. Le prisonnier qui a été la cause de l'incendie est aux arrêts, et j'attends les ordres de Votre Majesté à son sujet; il est Suisse et appartient au 3-me régiment de sa nation.

Je ne puis taire devant Votre Majesté le désordre qui règne dans le transport des prisonniers. Avant-hier, en venant de Kalisz, j'en ai

vu d'abandonnés sur la route au nombre de 8 que que j'ai fait ramasser et amener ici par des cavaliers des gardes à cheval. A l'arrivée de tout le transport, il en est mort de misère 5 le même jour sur 78 qu'ils étaient. Le détachement qui doit les conduire plus loin ne les a reçus qu'ici; il consiste dans un porte-enseigne du 7-me de chasseurs et en quelques soldats de différents régiments.

Témoin de l'incendie, il est de mon devoir, Sire, d'attester devant Votre Majesté le dévouement des Hébreux de l'endroit et les dispositions de mon aide-de-camp Choulguine, ne pouvant en dire autant des habitants polonais.

№ 15.

Le correspondant remercie infiniment son éditeur pour ses deux derniers N-os; il a été empêché d'y répondre par l'arrivée auguste du roi de Prusse. Tout ce que vous me dites, cher éditeur, sur les menées du Patient au sujet du pr. Guillaume ne m'étonne guère: c'est digne de lui. La suite du tems prouvera la validité des dénonciations. Pour vous, je vous charge de suivre sa conduite et vois bien que vous en serez content. Le roi de Prusse a été reçu ici par 24 bataillons, 31 escadrons de cuirassiers et 44 pièces de canons; salut d'artillerie, hourra etc. ont fait retentir les airs à cette occasion. La troupe avait l'air de sortir de garnison et non de rentrer d'une campagne comme celle que nous avons faite. Mon régiment a exercé devant leurs majestés et en présence d'un monde infini. Aussi a t-il pleinement justifié le choix que l'on en a fait pour se produire. Un bal superbe a couronné la fête, et Jean s'en alla comme il est venu. Le fort de Czenstochowo a été pris sur notre gauche. Lunebourg, près de Hanovre, l'est de même; le comte Morand, 2000 hommes, 2 drapeaux et 12 pièces de canons sont en notre pouvoir. Le prince royal de Suède est à Stralsund et vient avec nous. L'on dit que les Français se concentrent du côté d'Erfurt. Les avis sont partagés: les uns disent qu'une bonne bataille nous y attend, et d'autres disent que le Rhin va couvrir leur retraite. Notre direction est Dresde, où nous serons pour les fêtes de Pâques; nous sommes en marche depuis deux jours. Notre tems est des plus beaux, mon humeur de même, et de plus comblé d'éloges pour la cavalerie par notre Monarque et les spectateurs. Ne m'oubliez pas, cher éditeur, et conservez-moi votre souvenir. Je vous recommande notre colonie prisonnière. Tout à vous de coeur et d'âme.

Qu'est-ce que c'est que ces histoires qui roulent sur le compte de m-me Tatistchef, Millika et le g. Konopka?

Raczkow, le 28 mars (9 avril) 1813.

№ 16.

Cher éditeur! Bien obligé pour votre dernier bulletin. Tout va chez nous à souhait et à merveille. Je suis comblé depuis la revue de Kalisz des bontés du Maître, au point que je me donnerais encore plus de peine, si je pouvais, pour les mériter. Je suis content et heureux; peuêtre que dans peu nous aurons de la besogne. Nous sommes en marche sur Dresde, nous y serons le jour de Pâques à nous. On compte y séjourner quelque tems. Je n'ai plus un moment à moi; ainsi donc je finis par embrasser de tout mon coeur le cher éditeur en l'assurant de toute l'âmitié de son

Correspondant.

Le papier au sujet du mariage du sergent-major avec la dame Foss née Foss est une chose parfaite; si vous trouvez la chose faisable, arrangez cela au mieux; si c'est quelque aventurière, empêchez la chose. La déclaration de.... est restée chez moi; c'est un chef-d'oeuvre en son genre.

Lindengarten, en Silésie, le 5 (17) avril 1813.

№ 17.

Nichern, 6 (18) mai 1813.

Pas un moment à moi. Un mois la fièvre tierce dans le corps. Le premier moment de bon que j'ai aujourd'hui, et je monte à cheval pour aller entendre le coup de canon, pour passer mon après-midi. Vous savez déjà nos aventures. Je n'ai pas un moment à moi. Tout à vous de coeur et d'âme.

Je n'ai pas vu m-e F. Elle est sur les derrières. Pensez à la lettre que je lui ai écrite au passage de la Vistule, et vous verrez qui j'ai raison. Au risque d'avoir la fièvre demain, tout à vous votre dévoué

Correspondant.

Mes embrassements à mon petit. Dites-lui que je l'aime beaucoup, beaucoup.

№ 18.

Pour vous seul et Opotchinine.

Cher éditeur! Après le gain de la soi-disante bataille de Lutzen nous avons rétrogradé jusqu'en Silésie, et l'ennemi vient d'occuper Bres-

lau. Nous sommes auprès de Schweidniz. Avant la bataille de Bautzen N. envoya Caulincourt pour parlementer. D'après notre noble coutume, nous ne l'avons pas reçu. Le 7, 8 et 9 l'on se battit sous Bautzen; nous fûmes contraints de céder le champ de bataille. L'ennemi ne nous prit rien. Au lieu de quoi, dans la retraite sous Görlitz et sous Liegnitz, nous prîmes dans des affaires d'arrière-garde 13 canons. Malgré cela la sottise insigne que l'on a faite de passer l'Elbe avec une armée diminuée comme la nôtre, n'a eu d'autres suites que de rétrograder jusqu'à l'Oder. Le maréchal immortel n'a jamais voulu avancer et désirait attendre nos renforts, qui ne font que commencer à nous arriver, et, vu l'occupation de Breslau, ont dû être détournés sur Brieg. Le maréchal avant que de mourir a fait supplier l'Empereur de s'arrêter *), mais les conseils d'Anstedt et Nesselrode ont prévalu. Les réponses à Caulincourt ont été envoyées le lendemain de la bataille du 9; à la suite de quoi Schouvaloff et Caulincourt convinrent ensemble pour un armistice; nous en avons eu un de 48 heures: maintenant l'on parle d'un mois et six jours. L'armistice a été proposé par N. Fasse le Ciel que la paix en soit la suite! Tout le monde bien pensant le dira ici. Les Français ont une armée de 180.000 hommes, attendant tous les jours pour la faire monter à 280.000. Nous nous renforcerons tant bien que mal. Nous pouvons être dans quelque tems, avec les Prussiens, 150.000. Les Autrichiens ne bougent pas, mais sont à cette heure au nombre de 100.000. La paix, la paix, voilà ce qu'il faut. Barclay nous commande à la place du maréchal; avec tout son oubli, il s'est couvert de gloire à la bataille du 9. Witgenstein, Barclay, leurs états-majors etc. ne font qu'intriguer les uns contre les autres. Les Prussiens se battent comme des dieux, et c'est la plus belle armée que l'on puisse voir. Ma santé va mieux. Je commande la réserve tant russe que prussienne. En vous embrassant de tout mon coeur, mon cher éditeur, je vous prie de ne pas m'oublier et de penser à ma lettre du passage de la Vistule et de l'envoy de Lauriston et Caulincourt. Vous voyez que la politique de N. m'est connue et le choix de ses hommes. Duroc a été tué ainsi que le maréchal Bessières. Tout à vous de coeur et d'âme.

Près de Schweidnitz, le 22 mai (3 juin) 1813.

Je ne suis employé à rien et suis très-satisfait de ma position. Il y a tant d'intrigues, et nos généraux sont tous les uns contre les autres; cela est pitoyable. Tout à vous. La paix, la paix! Songeons à la Russie!

---

*) Таково же было мнѣніе графа С. Р. Воронцова и адмирала Чичагова.

№ 19.

Mon cher éditeur! Bien obligé pour votre dernière lettre et pour la lettre que vous m'avez fait tenir de mon fils. Vous saviez déjà que nous avons une suspension d'armes ou autrement dit un armistice. Nous sommes pourtant très guerroyeurs et nous nous préparons à recommencer des plus belles à l'échéance du terme. Fasse le Ciel que cela se passe à l'amiable, et que la paix suive et mette fin à cette guerre qui, à mon avis, n'a ni tête ni queue. Vous ne vous faites pas d'idée combien nous avons de mécontents à l'armée. Il est incroyable quelle injustice se fait de toute part dans les récompenses aux officiers. L'on ne se soucie pas de penser à eux, ce qui n'amuse pas ces messieurs, voyant récompenser des êtres qui n'ont rien fait et qui sont protégés. Balachow a demandé à s'en retourner en Russie; je ne sais quel est le résultat de sa demande; il m'en a parlé, et j'ai trouvé qu'il a raison et qu'il ne peut qu'être approuvé. Pour ce qui me regarde, je suis tenu **въ черномъ тѣлѣ**, ce qui est quelque chose. Il est singulier pourtant que ce soit le roi de Prusse qui daigne se soucier de moi et me récompenser de mes peines et de mes fatigues. Il a eu la bonté de me décorer de la Croix de Fer, ordre nouveau, institué pour cette campagne. Il a mis tant de galanterie et d'amabilité en me la donnant que j'aurais été un ingrat si je ne reconnaissais pleinement ce qu'il a fait pour moi. Cela m'est plus flatteur qu'autre chose, puisque c'est un étranger qui met du prix à mes peines. Si jamais je vous revois, mon cher éditeur, je vous conterai au long tous les agréments dont on se donne la peine de m'honorer dans notre quartier impérial. Par contre jusqu'à présent je ne puis que me louer des attentions du général Barclay; il est vrai que son chef d'état-major est Russe et homme d'honneur: c'est le général-lieutenant Sabanéiew. Vous m'avez demandé un pied à terre à Strelna, pour y venir quelquefois voir mon fils. Cela vous est accordé, mon cher, avec le plus grand plaisir possible. Adressez-vous à cet effet à Tomson et Engelmann en leur faisant lecture de cet article de ma lettre. Je suis à 7 milles du quartier impérial, au milieu de notre belle cavalerie, qui vient d'être renforcée par les réserves arrivées de Mecklembourg. L'infanterie l'est de même. Pour ce qui s'agit des soi-disant réserves du pr. Lobanoff, c'est pitoyable: j'en ai vu des bataillons dont les gens demandent bien du repos. Peut-être est-ce que le Ciel nous accordera à tems la paix et le bonheur de revenir à la maison. Mon amitié à tout notre monde et surtout à l'Anglaise de mon fils, et remerciez-la des soins qu'elle en prend. Mes compli-

ments aux princesses. Montrez-leur ma campagne dans son beau. M-e F. est partie avant la suspension de Breslau pour Grodno, où elle attend les événements ultérieurs. Sa Majesté va faire un voyage sur les frontières de Bohême pour y voir mes forces. L'on dit qu'il y a des troupes autrichiennes rassemblées pour son amusement. Je dois être de ce voyage-ci, ce qui m'a été dit, et j'attends les ordres supérieurs; mais comme le départ de S. M. est fixé au 4, qui est demain, et que je ne le sache que par la voix publique, peut-être m'a-t-on oublié. Je le voudrais en quelque sorte pour montrer au public incrédule la manière distinguée dont l'on me traite. A revoir, cher éditeur; n'oubliez pas votre correspondant qui vous embrasse de tout son coeur. Tout à vous.

Assig, près de Grotkau, en Silésie, le 3 (15) juin 1813.

P. S. Je suis en quartier avec les gardes à cheval dans les mêmes endroits où était le fameux général Seidlitz, ce qui ne laisse pas que de me flatter beaucoup, n'ayant d'autre ambition que de l'imiter et laisser après moi une réputation comme lui.

№ 20.

Mon cher éditeur! Bien obligé pour votre dernier № et pour toutes les nouvelles que vous me donnez. Ainsi donc, entre nous soit dit, grâce à Dieu et à Ses décrets, nous jouissons momentanément de la tranquillité tant désirée de tous ceux qui ne sont pas des énergumènes, ni des voyageurs de pays imaginaires. Nous avons fait une course en Bohême et nous y avons vu mes forces, et puis des troupes autrichiennes de toute beauté. S. M. en a été édifiée. A notre retour nous avons voulu montrer les gardes à quelques généraux et officiers autrichiens. Après avoir promis d'y venir, ils ne le sont pas, et nous avons été pour les frais de la parade devant des badauds. Je prétends que c'est un avis qu'ils nous donnent de ce qu'ils feront. Il y a beaucoup de cris contre l'Autriche, la France et nous. La paix, mon cher éditeur, la paix, voilà ce qu'il faut et rien davantage. Sans elle cela ne sera que sottise sur sottise. Les habitants de ces contrées disent tout ouvertement que: nous voulons la paix, peu importe à qui nous appartiendrons. Mais au quartier-général il y a tant de vagabonds qui ne crient que de guerre, que sans elle ils seront perdus et par conséquent l'on *est très-guerroyant*. Rien de plus ridicule: *attaquer, battre*, c'est ce que l'on entend; *bravoure, dévouement*, c'est ce que l'on veut persuader. Pour moi il me semble que la chose la plus difficile

c'est la *persuasion*, et *savoir enlever sa troupe*. L'on dit que l'on fait des propositions assez amies à la France; mais je crains qu'il n'en sera rien. Mes voeux uniques sont la paix et voir finir tout ce train qui m'ennuye et me désole de toutes les façons. Depuis le 8 juin me-F. est avec moi, et je suis très-heureux chez moi; il ne me manque que le garçon; que serais-je heureux d'avoir toute ma famille avec moi à Strelna et vous y recevoir, vous autres amis! A revoir, mon cher éditeur, ne m'oubliez pas et comptez sur l'amitié de votre fidèle correspondant.

Assig, le 23 juin (5 juillet) 1813.

№ 21.

Mon cher éditeur! Bien obligé pour votre dernier № et pour tous les renseignements que vous me donnez sur les propos etc. de notre bonne ville. Il est vrai que le proverbe dit *съ вранья пошлины не берутъ*, et il serait difficile de le faire. Voilà pourtant une spéculation de finance à faire que de la proposer. Pour ce qui se passe chez nous, je n'en sais absolument rien. L'on n'entend pas parler de prolongation d'armistice. S. M. est partie pour Trachenberg, où il y aura une entrevue entre lui et le pr. royal de Suède. Il n'aura pas beaucoup à faire de nous monter la tête; elle l'est déjà assez. Pauvre humanité! Que de gens se font du mal et Dieu sait pourquoi! Pour combler les mille et une bêtises qui émanent du quartier-général, l'on vient de décréter une nouvelle formation sous la dénomination (qui fait non-seulement honte à l'humanité, mais même au bon sens) de Légion de la Vengeance. Le chef respectable de ce corps est un certain *Figner*, fameux par sa partisanerie de l'année dernière. Car, entre autres faits qui lui font honneur, il s'amusait de sang froid à enterrer vifs des prisonniers qu'il faisait. Le corps est composé de déserteurs et prisonniers espagnols, portugais, italiens etc., et il me semble que le véritable nom de ce corps devrait être celui de canaille ou bien racaille. Que Dieu nous accorde la paix; tous les braves gens la désirent, et même le Barclay. Mais les énergumènes ne la veulent pas, flattant les flattables sur leur bravoure, conception, etc. etc., la parole étant notre fait. Nous aimons mieux nous occuper de gibernes, mon cher, de contremarches, revues etc. que de nous occuper de l'intérieur. *Шишковъ* n'a pas travaillé depuis le mois de X-bre, ainsi du reste.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достоянiе Твое. Voilà ce que l'on peut dire. La paix, mon cher éditeur, la paix. Voilà où est

le vrai de la chose, le reste n'est rien qu'affaire de partis et d'intrigues plus bêtes et plus sottes les unes que les autres. Je suis extrêmement sensible à votre amitié et pour tous les soins que vous prenez de mon petit имянинникъ; que le bon Dieu vous le rende. Faites part de ma lettre à Opotchinine en lui faisant mes compliments et amitiés. Mes amitiés de même à tout notre monde, et surtout à la bonne et excellente Anglaise. Mes compliments à la bande prisonnière; j'espère qu'elle se conduit bien.

En vous embrassant de tout mon coeur, tout à vous de coeur et d'âme le Correspondant.

Assig, le 29 juin 1813.

Le fameux Rambon (Pawlow) de la *Chasse* est entré comme commandant dans la Légion de la Vengeance, digne être de canaille pareille.

№ 22.

Mon cher éditeur! Bien obligé pour votre dernier №. L'ordre que vous avez établi parmi la bande prisonnière est parfait et mérite des remercîments. Tout ce que vous avez fait pour l'officier des apprentifs dragons peint bien votre bon et excellent coeur. Au reste, ce qui doit arriver avec lui ne sera que très mérité.

Nouvelles des armées:

L'on dit que l'armistice est prolongé jusqu'au 1 ou bien 10 août v. st. Cet on-dit doit être vrai, puisque jusqu'aujourd'hui il n'y a pas d'ordre de mouvement, pourtant l'armistice échoit après-demain.

A Prague doit se tenir un congrès composé du comte Metternich, d'Anstedt et du duc de Vicence; on attendait ce dernier d'heure en heure, au point que la garde était près devant la maison qui lui était destinée. Au départ de mes nouvelles, le congrès n'était pas encore débarqué. Malgré tous ces beaux pourparlers, toutes les troupes autrichiennes sont en marche et filent du côté d'Egra à cause d'un rassemblement des troupes françaises de ce côté-là, venant de France; on les fait monter à 70000 hommes. L'insurrection hongroise est décrétée: les Autrichiens seront forts de 300.000 hommes.

Malgré tous ces beaux arrangements, que Dieu nous accorde la paix, oui, la paix. Tous les *gens* d'ici sont enchantés du train de vie du quartier-général et tâchent de retenir S. M. ici, quand sa présence serait bien plus nécessaire en Russie. La paix seule peut cicatriser les playes de notre chère Russie.

Nouvelles intéressantes:

Sa Majesté, à son retour de Trachenberg et de l'entrevue avec le pr. royal de Suède, est partie inopinément, accompagnée de son valet de chambre et d'un feldjäger, Dieu sait pour où; tous les acolytes sont restés, tels que Tolstoy, Wolkonsky, Araktchéyew etc. Vous devez bien juger de ce qui se doit dire et penser. Les uns prétendent que c'est pour une entrevue avec l'empereur français, d'autres avec Caulincourt, et que c'est la cause du retard de son arrivée à Prague, et les troisièmes prétendent que c'est tout bonnement une course de galanterie. Nous verrons ce qui en sera. Le correspondant reste chez lui et ne va pas souvent au quartier-général, et pour *cause*. M-e F. vous fait ses compliments ainsi qu'à Opotchinine, auquel vous montrerez ma lettre. Je me porte bien, mon train de vie est toujours le même et mes sentimens aussi, et c'est avec eux que je finis par assurer de mon amitié l'éditeur et Opotchinine.

Assig, le 6 (18) juillet 1813.

№ 23.

Bien obligé, aimable correspondant, pour tout ce dernier bulletin et pour l'aimable cadeau que vous avez fait à notre petit officier des gardes à cheval. Votre lettre à sa soeur porte votre empreinte, et par conséquent elle est reçue par moi avec la reconnaissance la plus sentie. Notre ambassadeur de Naples est toujours le même, et maintenant, avec un grand hélas! il n'a plus la faculté de faire de la politique, vu qu'il est attaché au 8-me corps d'armée, qu'il commande. L'on loue infiniment son courage et sa présence d'esprit, mais à mon avis le ministre perce toujours. Vous dire ce qui se passe chez nous serait inutile, mais la seule chose remarquable pour le moment est que toute la vigilance d'Ertel, qui fait les fonctions de maître de police de la ville, ne peut débarrasser des cadavres humains qui traînent dans les rues, quoiqu'il s'en occupe depuis trois semaines; leur nombre, de la ville seule, que l'on a exporté, monte à 16.000 publiés; pour ce qui concerne les faubourgs, l'on ne s'en occupe pas encore. Les alentours en sont remplis, et nous y sommes tellement faits que rien ne nous étonne, ni nous dégoûte même. Le tas des prisonniers est énorme. Tous les jours il en augmente. Sa majesté a daigné me permettre d'en pren-

dre plusieurs sous ma protection et de les envoyer à Pétersbourg. Dans leur nombre se trouvent deux capitaines de la garde, qui viennent augmenter le nombre des locataires du palais de Marbre. Je vous les recommande particulièrement: ce sont de braves et excellents garçons qui auront l'honneur de vous plaire; c'est eux qui peuvent vous donner des renseignements sur leur position présente et sur ce qui se passe chez eux. Faites-les jaser pour en avoir une idée. En un mot, comme en mille, je vous recommande toute cette nouvelle colonie française, et *pour cause envers et contre tous*; distinguez les capitaines surtout; le reste sera établi à Strelna. Avertissez ces messieurs sur les moyens de police, que l'on ne les trouve pas en défaut.

Amitié et considération vous sont vouées pour jamais par votre correspondant.

Les noms des capitaines sont:

Simonier, housard de Beaurepaire, qui porte la présente, avec *Baudry*, capitaine adjudant-major, pour ce moment malade, et *Van-Cretchman,* sous-lieutenont au 9-me de lanciers, parent du g. *Van-Soukhtelen,* partiront incessamment; *celui-ci sort des pages, non de ma tête, mais de ceux de l'Empereur.* Outre cela une 20-e de sergents, caporaux, canonniers, tambours, cuirassiers et soldats.

Capitaine adjudant-major de la jeune garde, *Baudry.*

Capitaine *Simonier.*

Housard de Beaurepaire.

№ 24.

Mon cher éditeur! Bien obligé pour votre dernier № et pour tous les annexes. Il est vrai que tous les bruits de notre chère et bonne ville n'ont pas le sens commun, pourtant il faudrait y prendre garde: d'une étincelle quelquefois provient un incendie, qui avec tous les soins des *préfets de police* et malgré ce qu'en dira le *Fabre* et sa sagesse, ne pourra être éteint; peut-être est-ce un fait exprès pour prouver son zèle et pour prouver son intelligence à comprimer le monde. Grâce à Dieu, la cause de l'humanité triomphe encore jusqu'au 20 août, vu que l'armistice est prolongé. Malgré sa prolongation, l'on est très-guerroyant et l'on se prépare grande force à faire couler le sang des pauvres humains à l'expiration de ce dernier terme. Le paix, la paix, cher correspondant, il n'y a que cela. Ce qui est pourtant assez singulier, c'est que l'opposition anglaise, telle que *Wilson Stuart* la désirait en nous

assurant que le pr. royal de Suède n'est pas de bonne foi... Chez nous au contraire l'on est persuadé que c'est un Phénix vengeur qui domptera tout. Pour moi, pauvre diable, non à la demander comme auparavant, màis à la file de tous et le dernier qui apprend quoique ce soit, je vous dirai que je ne me fie pas trop à ce nouveau Suédois. Je veux des preuves de sa fidélité, et il semble que pour les donner il se hâte bien lentement. *Chi va piano va sano,* dit l'Italien, et d'après ce que dit Figaro, il prétend qu'il a toujours raison; voyons donc si pour cette fois cela sera le cas. Mercredi passé nous avons eu dans mes contrées une revue de ma cavalerie que leurs majestés ont daigné passer. Nous étions sur une seule ligne 71 escadrons et 2 batteries d'artillerie à cheval. Le tems, la beauté de la troupe, l'emplacement etc. ont contribué à rendre le spectacle des plus beaux. Leurs majestés ont paru en être contentes. Mais rien encore d'officiel ne l'a témoigné, et peut-être que cela n'en vaut pas la peine de présenter après 18 mois de guerre une ligne de cavalerie de 8600 hommes. Un *je vous remercie* sur la place devant la troupe est plus précieux que toutes les belles phrases récitées après et que la troupe n'entend pas. Nous n'avons pas le talent de reconnaître les peines, ni d'enlever les hommes par une parole.

Tout ce que vous me dites, mon cher éditeur, au sujet de mon petit garçon, me rend bien heureux. Grand Dieu! Quand est-ce que le tems heureux de la tranquillité reviendra, pour revenir dans nos foyers et mener une existence tranquille et heureuse? Je suis content, mon cher, de ce que vous avez profité de ma campagne; faites-en usage aussi souvent que vous le voudrez. Mes amitiés à Opotchinine, à tout notre monde et surtout à l'Anglaise de l'enfant. Tout à vous de coeur et d'âme.

Le Correspondant.

Assig, le 19 (31) juillet 1813.

Mes remercìmens au capitaine pour les lettres et mes compliments.

№ 25.

Mon cher éditeur! Bien obligé pour vos dernières communications, que j'ai reçues hier. Il faut avouer que vous êtes à la source des évènements les plus intéressants; je m'en vais vous en donner qui ne le sont pas moins. La cause de l'humanité, quoiqu'elle ait triomphé pendant deux mois, a fini son triomphe par la déclaration de guerre de

l'Autriche à la France. Nous sommes destinés à l'armée de Bohême et nous y marchons à grands pas. Pour comble de la singularité, je commande les gardes prussiennes; de plus, hier, pendant la marche, le général Moreau, arrivé d'Amérique, a dépassé notre colonne et l'a trouvée très-belle; il va rester auprès de S. M. l'Empereur. Sur les choses remarquables qu'il a dites, il faut faire attention à celle-ci: «J'ai appris que vous haïssiez l'armée française, messieurs; vous avez tort de le faire; il ne s'agit pas de la haïr, mais de la plaindre, puisqu'elle est conduite par un homme misérable; au reste Bernadotte d'un côté, et moi de l'autre, il fera quelques réflexions.» Voilà ce qu'a dit Moreau à plusieurs de nos officiers. Pour moi, je ne l'ai pas vu, étant resté en arrière, ayant repris la fièvre tierce pour m'être exposé un matin seulement à la rosée. Pourtant le jour qu'elle ne vient pas je suis parfaitement bien, comme aujourd'hui par exemple, mais demain je ne sais ce qui en sera. Que Dieu nous accorde la paix et la tranquillité, voilà ce qu'il faut, et rien de plus. Pourtant l'Autriche une fois avec nous, j'ai bon espoir que cela ira bien; qui l'eût dit il y a de cela un an? C'est aujourd'hui l'anniversaire des affaires de Smolensk. Toutes ces nations avec lesquelles nous sommes ensemble étaient contre nous, et moi commandant les Prussiens, que diront les mânes de Frederic II? Un Russe à la tête des Prussiens, et les mânes de Marie Thérèse, qui verront entrer en Bohême des Prussiens comme amis? C'est le cas de s'écrier, comme le baron de Montefiascone dans Cendrillon: «Mânes de mes ayeux!» Pourtant depuis Pierre-le-Grand, qui a commandé une flotte combinée de quatre nations et dont le signe est resté sur l'étendard de la marine au 4 bouts de l'aigle, aucun prince n'a commandé des étrangers. Vous voyez que je suis modeste, mais c'est égal, a beau mentir qui vient de loin.

Mes amitiés à tout notre monde et montrez cette lettre à Opotchinine, qui en rira.

Tout à vous de coeur et d'âme, votre dévoué Correspondant.

Niedelicia en Bohême, près de Königsgräz, le 4 (16) août 1813.

Sa Majesté s'est baignée à Laudeck avec tout plein de dames. On l'a vu chez la *pr. de Sagan-Troubetzkoy*, et l'on est allé à Prague, et comment voulez-vous que la guerre ne plaise pas? Anstedt, ayant passé sa vie dans le за моремъ, est du goût d'y rester, et il fait tout pour y retenir son Maître.

A bon entendeur salut!

№ 26.

Mon cher éditeur! Bien obligé pour votre dernière lettre et pour tout ce que vous m'y dites d'aimable sur nos succès. Sans nous flatter plus qu'il n'en faut, nous avons remporté une bonne et brillante affaire, sans quoi le bataclan aurait été au diable. Vous savez déjà que Sa Majesté a daigné me conférer le 2-d S-t George, que je n'ai pas accepté, puisque cela a été plus que je n'ai mérité; ainsi donc S. M. a daigné m'accorder ses chiffres aux épaulettes et l'épée en or avec l'inscription: *за храбрость при Теплицѣ* 17-го *и 18-го Августа 1813 года.* Vous ne vous faites pas d'idée de mon contentement, et ma conscience est nette. Si je vous vois, je vous conterai que j'ai remporté pour les épaulettes une double bataille, et celle des bras est plus que complète. *Une jolie femme et de l'argent, les coeurs vont te revenir, Figaro.* A demi-entendeur salut*! Toujours de l'esprit, m-r des Ramures. Eh, que voulez-vous? C'est mon faible.* Plaisanterie à part, je ne sais comment reconnaître les bontés que S. M. a pour moi, l'amitié qu'il me témoigne et la confiance qu'il m'accorde. Vous savez ce qu'un mot peut sur moi; jugez donc de ce que je deviens: *изъ кожи лѣзу.* Nous avons eu une ambassade anglaise le jour du couronnement, qui a apporté de la part du prince-régent l'ordre de la Jarretière à Sa Majesté; le même jour il y eut messe au camp, grande parade, grand dîner, donné par les officiers de la garde aux trois souverains, le tout comme à Pétersbourg; et l'ennemi à 30 verstes d'ici; coups de canon aux torches, la ville illuminée, grande promotion, une 12-e de lieutenants-généraux et 68 généraux-majors, Protassow, Andréewsky, Ikskul, Kabloukow, Patapow, Mezentzow et un tas d'autres. En un mot jamais S. M. n'a fait une si grande et généreuse gratification pour revenir au plan paisible. Je vous remercie de votre achat à Strelna et suis extrêmement sensible à cette nouvelle preuve d'amitié que vous me donnez. Vous me faites désirer l'approche de l'été prochain avec impatience, pour avoir le plaisir de posséder un bourgeois aussi aimable que vous, cher éditeur.

Demain l'infanterie quitte Toeplitz et se porte à gauche vers la Saxe. Beningsen nous remplace et il semble que nous allons nous remettre en mouvement. Ma cavalerie, que je rejoins demain, est en cantonnement depuis 15 jours sur les derrières.

Töplitz, le 13 (24) VII-bre 1813.

№ 27.

Mon cher éditeur! Que je regrette que mes finances me restreignent à envoyer souvent des courriers en Russie. Voilà la raison pour laquelle vous avez si rarement de mes nouvelles. Vous savez déjà tous nos succès. A la fin des fins nous avons battu le grand N. en bataille rangée; la déconfiture de la Confédération du Rhin, la dissolution totale de l'armée polonaise, en un mot comme en mille, l'abandon général de tout ce qui n'est pas Français de la cause napoléonienne, et le grand homme de l'autre côté du Rhin, sont les fruits de nos exploits. Caulincourt appelé au ministère, *Bassano* redevenu secrétaire d'état, tous ces changements pourraient nous faire entrevoir une lueur d'espérance pour la paix. Mais hélas! L'homme n'est pas tel. Humilié, vilipendé, amour-propre blessé, l'auréole peu ordinaire de la gloire éteinte, l'invincibilité n'existant plus, et le grand homme, redevenu *homme à bonnes fortunes*, ne voudra pas finir cette maudite guerre sans avoir encore tenté de la fortune. Nous voilà sur le Rhin, nous voilà aux portes de la France. L'on dit que nous enjamberons cette barrière naturelle pour aller chercher la gloire aux portes de Paris. Qu'elle ne nous devienne pas une seconde Moscou: voilà mes craintes. Au reste, elles sont bien peu grandes; mais vive la prudence! Je ne vois plus de fin à cette maudite et ennuyante guerre, malgré tous nos succès, qui étaient étonnants pour nous-mêmes. Mon cher éditeur, que de choses j'aurai à vous conter, si jamais je vous revois, sur bien des choses. Priez m-e F. de vous montrer l'article de ma lettre au sujet du pr. royal de Suède; j'espère que vous me donnerez raison. Quel homme et quel original! Il est vrai qui celui qui n'est pas né dans un état dans lequel il aurait dû être né se trouve toujours déplacé. Voilà un raisonnement que bien des gens n'entendent pas. La paix, mon cher éditeur, et la paix au plus tôt pour faire finir nos calamités à tous ensemble. Un autre à ma place désirerait entrer en France, et moi je désire me retirer dans nos foyers. Le grand talent de l'homme est de savoir s'arrêter à tems. Nous autres gens qui avons vu jour dans le monde, que d'exemples avons nous vus dans ce genre. Il semblerait que les *Swétchines* pourraient être consultés dans des cas pareils. Je n'ai pas encore eu le tems de lire le manuscrit du grand Guillaume, que vous m'avez envoyé; je vous le renverrai après la lecture. Pourtant il me semble qu'il serait non hors de saison de lui faire entendre qu'il vaudrait mieux ne

pas se faire imprimer tout vivant. Pour l'officier de police en question, c'était un bon sujet de mon tems, et je ne peux qu'en dire du bien. A revoir, cher éditeur. L'on dit que le 26 ou 28 de ce mois nous remarchons derechef, en nous dirigeant vers Bâle et la Suisse. Que Dieu nous assiste! Je ne suis pas pour cette opération. A mon avis, elle est absolument fausse. Au reste, peut-être je n'y entends rien. Vous savez déjà toutes nos prouesses de Leipsick; mais à mon retour je vous conterai le tout en détail, si Dieu veut m'accorder le retour. A revoir, cher éditeur; mes amitiés à tout notre monde, et vous, recevez les assurances de mon amitié. Tout à vous, le Correspondant.

Francfort sur le Main, le 22 IX-bre (4 X-bre) 1813.

Betmann, le fameux banquier, est général-major des pompiers de la ville. Sa femme est trouvée très jolie par Sa Majesté; mais à mon avis il faudrait du *подтвержденіе* au moins de n'être pas française.

Toute la Hollande est révoltée *proprio motu*, et l'on voit déjà des cocardes oranges parmi nous autres.

№ 28.

Mon cher éditeur! Bien obligé pour votre dernière communication. Je suis bien fâché de l'accident arrivé aux deux officiers des dragons apprentifs au sujet de la femme morte dans leur quartier. Il me semble que ces messieurs se sont occupés à la rendre мученица. Au reste le jugement équitable que l'on leur fait découvrira le réel. Pour ce qui me regarde, mon cher éditeur, j'ai tant et tant de choses à vous conter que je ne sais par quoi commencer. Ainsi donc je reprends de notre départ de Francfort. Nous marchâmes sur deux colonnes: la 1-ère composée de la cavalerie légère de la garde, de toutes les gardes à pied tant russes que prussiennes, se dirigea par Darmstadt, Durlach, Rastadt, sur Freybourg, fut aux ordres du comte Miloradowitch. Sa Majesté a pris la même route, et vous devez juger de ce que cela fut en la produisant à Darmstadt et Carlsrouhe devant la famille badoise, devant la reine détrônée de Suède, à laquelle l'on ne fait pas mal la cour, et devant la princesse Stéphanie Napoléone de Bade que l'on trouvait charmante à Erfourt et que l'on trouve très-maussade sur les *circonstances*. Nous autres nous fûmes de la 2-e colonne, composée des 2-me et 3-me divisions des cuirassiers aux ordres du prince Galitzyne, du corps des grenadiers à celui du prince Troubetzkoy et de la 1-re des

cuirassiers et des gardes à cheval prussiennes à mes ordres. Nous nous dirigeâmes par Heilbronn, Louisburg, Stuttgard, Tubingen et ne joignîmes la grande route et le quartier-général qu'à Freybourg. Notre destination ultérieure est par Bâle, la Suisse et puis une fois le dernier Rubicon passé, nous resterons tout modestement en France. Toutes les troupes autrichiennes sont déjà moitié en Suisse et moitié en France; tous les autres corps, comme ceux de Blucher, Winzingerode, Bulow etc. sont à faire leur mouvement sur le Bas-Rhin et les Pays-Bas. Je ne sais comment vous exprimer, mon cher éditeur, mon étonnement de l'ordre qui règne dans le Wurtemberg. Je vous assure que je n'en reviens pas. La beauté du pays, la beauté des troupes, surtout celle de la cavalerie, qui, sans flatterie, est le beau idéal du métier, celle des châteaux, palais, parcs, jardins, spectacles de la cour, de sa magnificence, du luxe, de l'étiquette, du décorum, en un mot, comme en mille, il semble que le gros roi ait songé à tout, et si jamais le roi fut roi quelque part, il faut convenir que celui de Wurtemberg l'est à tous égards. Il est craint et obéi, et l'on lui rend justice qu'il est avec toute cette sévérité d'une justice rare. Tout le monde est à sa place, et cela sans la moindre gêne. Pas un sol de dettes et pas de papier-monnaye. Il a su tenir tête à Napoléon en tout tems, et par conséquent nous la tient et ne se laisse pas commander, ce que le Metternich veut. Nous avons séjourné dans ses états pendant 15 jours et tout le monde est content de lui, comme lui l'est de nous. Que de gens de notre connaissance j'aurais envoyé à Stuttgard faire leur apprentissage dans tous les genres. Mais je suis sûr d'avance que cela ne leur plairait pas, parce que le gros roi tient tout le monde à sa place et ne plaisante pas. Nous sommes tous comblés de ses bontés. Quelle politesse, quelle coquetterie d'attention et de prévenance, en un mot, comme en mille, j'en raffole et suis enchanté de voir qu'il existe sur la terre encore un homme qui ait de l'ordre, comme feu mon père en avait. En général Louisbourg et Stuttgard ont l'air d'être bâtis et soignés dans le genre de mon père et de ma mère. Tout les y intéressait à tel point que je n'ai pas pu les voir sans en avoir mon coeur ému. Maintenant, mon cher ami, comme nous enjambons le dernier Rubicon (le Rhin) et que nous entrons en France, je ne puis pas m'empêcher de faire une réflexion cruelle, c'est celle que la guerre continuera encore quelque tems et, ce qui est bien pire, qu'une fois la chose finie avec la France, comment arrangerons nous les dédommagements que tout le monde voudra avoir? Voilà une seconde guerre intestine entre les souverains, et nous autres exécuteurs des hautes-oeuvres, c'est nous qui en payerons les pots cassés en nous faisant tuer pour la cause d'autrui. Comment

est-ce que les souverains ne sont pas las de la guerre et ses calamités? Encore une réflexion qui me vient et qui ne sort pas de ma tête, c'est celle que tous nos alliés d'aujourd'hui furent ceux de Napoléon, et qu'au moindre revers de fortune ils l'ont abandonné pour se mettre du côté du plus fort. Peut-on compter sur leur fidélité si au premier malheur dont nous punira le Ciel ils tournent cosaques, ce qu'à mon avis ils doivent faire de meilleure grâce que d'être venus avec nous, puisque par leur position géographique ils restent toujours à la queue du loup? De plus, quel exemple frappant devant nos yeux de la catastrophe de Napoléon et de son armée en Russie pour n'avoir pas su s'arrêter à tems! Qu'il soit resté sur le Dniépr et la Dvina, Smolensk en avant-garde: que faisions-nous? Mais, engoué de ses succès momentanés, n'écoutant que sa gloriole, la marche sur Moscou a détruit dans deux mois une armée superbe, 20 ans de gloire et une réputation qu'il ne regagnera jamais. *Temps* est galant homme, dit l'ami Figaro, et il a, ma foi, raison. L'on se moquait chez nous de la prise des capitales, et il me semble que nous y vîmes bien. Que le Ciel nous en préserve de malheur pareil; c'est Lui seul qui peut nous guider. Au reste vous ne pouvez pas vous imaginer, cher éditeur, du ton que l'on a pris: *point de contrariété, point de remontrances*, en un mot un despotisme parfait. Il semble que l'appétit vient en mangeant. L'on me traite bien, et je suis content. Mon bonheur est de rester le plus que je puis chez moi, toujours à ma troupe, qui est, j'ose le dire, superbe; demandez-en des nouvelles à Opotchinine quand il sera de retour. Toutes nos avant-gardes sont parfaitement bien reçues en France, et si nous nous conduisons bien et avec mesure, nous n'aurons pas le malheur de faire une guerre nationale. Il serait drôle pourtant, mon cher éditeur, que je vous écrive de Paris, ce que je n'ambitionne pas, voulant plutôt vous revoir et converser avec vous de vive voix chez nous dans notre bonne ville. Ce passage de ma lettre ne ressemble pas à cette lettre que vous m'avez envoyée à Widzy, où l'amant de la princesse Dolgorouky lui demandait un quartier et voulait lui souhaiter le bonjour par la fenêtre; l'autre était un fol, et moi je ne suis rien moins que présomptueux. La paix la paix et se retirer dans ses foyers! Balachow est de retour d'Angleterre; il a failli se noyer en y allant, et il est revenu par la Haye. Je ne l'ai entrevu qu'un moment et n'ai pas eu le tems de le faire jaser. Depuis l'entrée à Francfort, Sa Majesté ne s'est pas donné la peine de travailler à aucune affaire courante, et c'est pour cela que tout est dans la plus grande stagnation. Malgré cela l'on a le tems de faire la cour à toutes les jupes, et m-me Betmann de Francfort a été très-caressée. Beaucoup de toilettes en souliers pour les bals. Que

Gulliver a raison de dire que rien de plus. despote qu'un souverain populaire! Brûlez ma lettre tout de suite après la lecture. J'attends ceci de votre amitié pour moi. Votre histoire du prisonnier français politique est bien drôle, ainsi que votre lettre. A revoir, mon cher éditeur. Recevez en attendant par écrit les expressions de mon amitié qui vous est vouée à jamais. Tout à vous le Correspondant.

Elsach, le 21 X-bre 1813 (2 janvier 1814).

Mes amitiés chez nous à tout notre monde. Le roi Murat a très-gracieusement passé de notre côté avec 30.000 hommes et fait la guerre pour nous contre le vice-roi, qui chancelle à faire de même. Que dira le duc de Serra-Capriola quand il apprendra que Naples lui est garanti? Faites part de cette nouvelle à notre collection française.

№ 29.

Sommevoir, département de la Haute Marne en France, ce 2 (14) mars 1814.

Mon cher éditeur!

Malgré que j'ai écrit hier à m-e F. que je n'avais pas eu le tems de vous écrire, j'en ai trouvé aujourd'hui et m'empresse de mettre la plume à la main pour vous remercier, aimable éditeur, pour votre dernière communication. Que d'événements se sont passés depuis ma lettre d'Elsach, que de gloire, que de marches, que de sottises, que de contremarches, que de commérages, que d'ambition, que de sang répandu inatilement, que de politique mal enmanchée! Mais grâce à Dieu et à la Providence qu'Il daigne nous accorder, depuis le 1 (13) mars nous commençons à avancer derechef. Vous saurez par la lettre que j'écris à m-e F. en date d'hier les succès partiels que nous avons remportés et les revers que nous avons eus. Les pertes que nous avons faites dans ces actions y sont aussi marquées. Ainsi donc je vous envoye à m-e F. pour vous en informer. Mais une chose que je n'y ai pas marquée et que je n'ai sue que ce matin avec l'ordre du jour, c'est l'avantage éminent que le g. Blucher a remporté sur Marmont et la déconfiture de son corps avec la prise de 50 canons. Dieu nous protège, sans cela Dieu sait ce qui en serait arrivé. У семерыхъ нянекъ дитя безъ глазу, dit la Sagesse des Nations; et, ma foi, il semble que cette sagesse a raison, vu le tas de gens qui nous commandent. Malgré cela les négociations de paix à Châtillon continuent toujours. Lorsque nous avancions en janvier et commencement

de février, nous faisions des prétentions, ma foi, ridicules et extravagantes. Lorsque nous avons eu la fortune contre nous, le grand Napoléon a fait de même, et je vous demande un peu les moyens de s'entendre, les choses étant menées de la sorte. Je crains bien que pour le moment nous ne recommencions de faire de même. Pourtant à l'ultimatum que l'on attendait pour le 10 mars n. st., le Napoléon s'est rabattu de ses prétentions. Notre seul but est de parader à Paris, celui de la Prusse c'est de se prêter à tout ce que nous voulons, et son sot briquet *) à l'avenir est le штабсъ-капитанъ de la chose. L'Autriche, voyant que la Russie deviendra extrêmement grande à la paix par l'acquisition du duché de Warsovie, craint pour elle et désire la conservation de Napoléon. Nous, au contraire, nous voulons sa perte, et un beau mouvement des Français pour s'élire un roi. Quel exemple que nous donnons contre nous-mêmes en permettant à un peuple de s'élire un souverain! Il me semble que c'est la chose la plus impolitique que l'on puise faire. Détrôner Napoléon est dans l'ordre des choses de ce monde, mille sots l'ont fait; pourquoi voulez-vous que je ne le fasse pas? Un plus habile serait resté en l'air, dit Figaro. Mais détrôner Napoléon et faire élire à la nation un souverain, c'est un jacobinisme des plus entendus pour prouver que le souverain est à la merci du peuple et que, s'il lui déplait, il faut en élire un autre: c'est le jacobinisme de *Staël*, *Laharpe* etc., de tous ces gens qui ont tout à gagner et rien à perdre. Cela est goûté, puisque nous aimons les constitutions. Mais détrôner Napoléon et donner un souverain à la France serait vraiment la besogne d'un grand souverain à volonté prononcée et qui remettrait toute cette engeance des jacobins à la raison, puisque l'on lui prouvera que l'on peut faire ce que l'on veut avec le peuple sans le consulter. Voilà ma politique, cher et bien cher éditeur. J'en appelle à la politique de Richelieu, de Mazarin et compagnie si je n'ai pas raison Je ne donne pas, comme vous le voyez, dans les nouveaux systèmes et me tiens à l'ancien ordre des choses. NN disait: le roi n'est pas un sujet, et par conséquent le roi est au-dessus de la loi, c'est l'intermédiaire entre la Divinité et les loix; c'est lui qui les fait et les défait à sa guise et volonté, et comment ne voient-ils pas que de permettre au peuple ou à des corps législatifs de faire des élections, c'est de se mettre sous leur volonté, eux qui ne devraient qu'exécuter celle des souverains. Les sujets doivent être égaux aux yeux de la loi, et personne d'autre. Le culte monarchique demande la plus entière ré-

*) T. e. sobriquet, кличка.

signation au monarque, et lui, comme le représentant de la Providence, il doit être au-dessus de tout. Voilà la profession de foi du chétif et inutile *Correspondant*. Pour en revenir à nos succès, j'y ajoute, chose qui n'est pas dans aucune lettre, que malgré cette bonhomie et candeur que nous affectons, nous sommes de jour en jour plus ambitieux, et l'entrée à Paris est une vengeance qui nous tient à coeur. Nous nous mettons en marche tout de suite, et par conséquent je finis. Montrez ma lettre à m-e F. et à Opotchinine pour qu'ils sachent à quoi s'en tenir. L'on parle chez nous qu'à la paix le duché de Warsovie sera conservé intact et que l'on y ajoutera la Lithuanie, Wolhynie etc. et que par conséquent la Russie ne les aura pas. Cette réunion met en évidence la rénovation de la Pologne, la Galicie seule appartenant à l'Autriche n'y revient pas; cela donne à cette dernière cour de l'ombrage, et pour cause. Кажется, по законамъ нашимъ кореннымъ, родоваго имѣнія отдавать нельзя. L'on veut des loix, et l'on commence par empiéter sur celles qui existent. Le duché de Warsovie doit exister comme il est sans augmentations, et doit être gouverné par un Russe à la russe, mais faire corps séparé. J'en ferai bien mon affaire. Mais le mieux serait de la partager d'après l'ancien partage. Préserve le Ciel de faire des démembrements de la Russie sous aucun prétexte. Malheureusement nous en avons fait un en Finlande qui n'est pas des moins ridicules. Quelle gloire pour nous que ce que l'ennemi n'a pas pu faire, nous le ferons nous-mêmes, c'est l'histoire du *Pélican* à rebours. Aussi l'on voit que quelquefois les parodies plaisent davantage que les originaux. Après la lecture de cette incendiaire, cher éditeur, brûlez cette lettre, ce pamphlet ou bien ce grifonnage. Mais ressouvenez-vous et Opotchinine de ce que je couche noir sur blanc. M-e F. doit aussi participer à cette lecture. Tout à vous, en vous embrassant de tout mon coeur. Recevez les assurances de mon estime et amitié.

Le Correspondant.

№ 30.

Je vous attends, monsieur le comte, demain matin à 5 heures précises chez moi, et j'espère que vous voudrez bien vous y rendre.

Эта послѣдняя записочка относится ко времени много позже прежнихъ писемъ; она есть вызовъ на поединокъ, который былъ тотчасъ устраненъ. П. Б.

ѲЕДОРЪ ЕРМОЛАЕВИЧЪ СЕКРЕТАРЕВЪ.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ Москвѣ проживалъ, давно уже въ ней поселившійся, чуть ли не съ первыхъ годовъ царствованія Александра, одинъ изъ многихъ опальныхъ отца его императора Павла, человѣкъ небольшаго чина, но замѣчательный по тому положенію, какое онъ когда-то занималъ при Потемкинѣ и Екатеринѣ. Это былъ коллежскій ассессоръ Ѳедоръ Ермолаевичъ Секретаревъ, владѣлецъ большаго дома на Солянкѣ (нынѣ Расторгуева), гдѣ онъ и скончался, оставивъ по себѣ добрую и честную память. Еще въ дѣтствѣ онъ сталъ извѣстенъ Потемкину, былъ взятъ имъ на попеченіе, обученъ, записанъ въ службу и затѣмъ нѣсколько лѣтъ находился при немъ камердинеромъ. По смерти князя Потемкина въ туже должность взяла его императрица Екатерина, какъ человѣка ей уже извѣстнаго.

Когда Секретаревъ состарѣлся, разсказать ему было о чемъ. И дѣйствительно, Москвичи его времени, съ любопытствомъ слушали интересные разсказы его, запоминали, по памяти передавали другимъ, а нѣкоторыми и записывались. Отецъ мой, постоянно жившій въ Москвѣ, также зналъ Секретарева и также кое-что отъ него слышалъ (немного впрочемъ) и передавалъ мнѣ, а я по привычкѣ записывалъ. Въ «Русской Старинѣ» (1874 г. Сент., стр. 153) былъ помѣщенъ, какъ тамъ сказано, со словъ Секретарева, весьма любопытный разсказъ «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ и камердинеръ Секретаревъ», при чемъ, кромѣ анекдота, сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія и о самомъ разсказчикѣ. Наконецъ, въ Русскомъ Архивѣ имѣется также весьма интересный разсказъ о Секретаревѣ, записанный со словъ покойной дочери его В. Ѳ. Барышниковой племянникомъ ея супруга Н. И. Барышниковымъ. Но странное дѣло: во всѣхъ этихъ свѣдѣніяхъ, первоначальнымъ источникомъ которыхъ выдаются разсказы самаго Секретарева, встрѣчаются такія противорѣчія, которымъ при послѣднемъ

условіи, казалось бы не должно быть мѣста. Въ Р. Старинѣ напримѣръ, говорится, что Секретаревъ, по смерти Потемкина, умѣлъ скрыть и представить Екатеринѣ шкатулку съ ея письмами и другими секретными бумагами, важными для Императрицы. Въ разсказѣ же В. Ѳ. Барышниковой оказывается совершенно противное, т. е., что сама Императрица передала Секретареву шкатулку съ бумагами, прося его бережно хранить ихъ до востребованія и никому о нихъ не сказывать. Тамъ же, въ Р. Старинѣ говорится, что Секретаревъ, по смерти Екатерины, былъ сосланъ Павломъ въ Сибирь; такъ и я слышалъ отъ отца, между тѣмъ какъ положительно извѣстно, что Секретаревъ былъ сосланъ въ Оренбургъ. Не называлъ ли самъ старикъ Оренбургскій край по его отдаленности Сибирью? О томъ, какъ попалъ Секретаревъ къ Потемкину—тоже разнорѣчія. Отецъ мой разсказывалъ мнѣ объ этомъ, разумѣется со словъ Секретарева, такъ.

Потемкинъ, проѣзжая по Бѣлоруссіи, остановился у какой-то шляхтянки. Когда гость расположился въ приготовленной для него комнатѣ, въ нее вбѣжалъ мальчикъ, сынъ хозяйки, а вслѣдъ за нимъ и мать, которая, ухвативъ ребенка за волосы, выволокла за двери. Разумѣется, поднялся плачъ. Потемкинъ позвалъ мать и ребенка, сталъ выговаривать ей за неразумную строгость и, чтобы утѣшить мальчика, приласкалъ его. Затѣмъ онъ сталъ распрашивать хозяйку о ея положеніи и о мужѣ и узналъ, что она шляхтянка, что мужъ ея ведетъ безпорядочную жизнь, часто отлучается изъ дому и проводитъ время, Богъ знаетъ, съ кѣмъ и гдѣ. Жаль стало Потемкину ребенка, который ему понравился. «Отдай мнѣ своего сына», сказалъ онъ матери; та, зная кто былъ ея гость, съ радостію согласилась, и мальчикъ былъ отданъ Потемкину. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ поручилъ его Попову и приказалъ обучить всему, что̀ нужно для дворянина. Прошло нѣсколько времени; молодой шляхтичъ получилъ нѣкоторое образованіе и былъ представленъ Потемкину. Князь велѣлъ записать его въ придворный штатъ; но тутъ встрѣтилось затрудненіе—не знали будто бы ни имени его отца, ни фамиліи, знали только, что молодаго человѣка звали Ѳедоромъ. Потемкинъ велѣлъ назвать его по отцу Ермолаевымъ, а фамилію дать—Секретаревъ. Такъ началась служба его при Потемкинѣ.

Иначе передаетъ объ этомъ В. Ѳ. Барышникова.

«Покойный мой батюшка, говорила она своему племяннику, очень любилъ разсказывать о прежнихъ временахъ, но я въ то время молода была и мало придавала значенія его разсказамъ; при томъ же, какъ всѣ старики, онъ нерѣдко разсказывалъ объ одномъ и томъ же по нѣскольку разъ, такъ что я, бывало, прерываю его и говорю: знаю

па̀па—вы ужъ не разъ говорили объ этомъ. Что̀ дѣлать, молода была, вѣтеръ въ головѣ ходилъ... Что̀ вспомню, пожалуй передамъ тебѣ насколько могу, но только не спрашивай о годахъ—что̀ когда было: это я совсѣмъ забыла; да къ тому же, повторяю, молода была, не о томъ тогда думала и недовольно внимательно слушала, чтобы запомнить всѣ подробности».

Затѣмъ В. Ѳ. Барышникова разсказала слѣдующее:

«Батюшка, кажется, говорилъ мнѣ, что онъ уроженецъ Бѣлоруссіи и что въ мѣстѣ его родины у князя было какое-то имѣніе. Въ этомъ имѣніи былъ дворецъ съ большимъ садомъ, въ которомъ было много аллей, цвѣтовъ, бесѣдокъ, статуй—все это содержалось въ большомъ порядкѣ. Когда князь пріѣзжалъ въ имѣніе, то постороннимъ лицамъ хотя и дозволяли бывать въ саду, но рвать цвѣты запрещалось. Само собою разумѣется, что пріѣзды князя возбуждали общее любопытство и вызывали общую суматоху и разговоры; всѣмъ, конечно, хотѣлось видѣть такое важное лице, какъ Потемкинъ. Мой батюшка и братъ его, а мой дядя, Герасимъ Ермолаевичъ, были въ то время еще дѣтьми и жили съ своими родителями недалеко отъ княжескаго сада. Вотъ однажды, когда князь былъ въ имѣніи, они забрались въ садъ и, не смотря на запрещеніе, вздумали нарвать цвѣтовъ—нарвали и пустились бѣжать домой. Вдругъ изъ одной бесѣдки раздался строгій голосъ: «Кто позволилъ вамъ здѣсь цвѣты рвать?» Братъ мой, разсказывалъ батюшка, былъ прытче меня и убѣжалъ, а я такъ оторопѣлъ, что какъ будто приросъ къ мѣсту. Сидѣвшій въ бесѣдкѣ махнулъ мнѣ рукой, приказывая къ себѣ подойти; я подошелъ и тотчасъ же догадался, что это былъ самъ Потемкинъ. «Кто позволилъ вамъ рвать цвѣты?» повторилъ онъ строго. «Развѣ вы не знаете, что это запрещено?»—«Я для васъ нарвалъ», сорвалось у меня съ языка. Князь усмѣхнулся и, погладивъ меня по щекѣ, сказалъ: «А вѣдь ты не глупъ! Хочешь быть у меня—тебѣ будетъ не дурно». Не помню, но кажется, я сказалъ: хочу. Спросивъ согласія моихъ родителей, князь велѣлъ мнѣ придти во дворецъ, гдѣ, показавъ меня Императрицѣ, передалъ ей мой отвѣтъ о нарванныхъ цвѣтахъ и старался обратить ея вниманіе на мою находчивость. Онъ сказалъ Государынѣ, что намѣренъ взять меня къ себѣ и я, буквально, черезъ нѣсколько часовъ, съ головы до ногъ былъ одѣтъ въ шелкъ и бархатъ, и тѣмъ началось мое постоянное пребываніе при особѣ князя».

«Батюшка разсказывалъ хорошо, прибавила В. Ѳ., увлекательно, а главное—послѣдовательно о всемъ, что̀ съ нимъ было послѣ поступленія къ князю; у него была связь между происшествіями, а въ моихъ разсказахъ нѣтъ такой послѣдовательности, потому что его разсказы

я помню только отрывками, а года и мѣста, гдѣ что́ случилось—позабыла».

Какъ видитъ читатель, въ приведенныхъ двухъ разсказахъ, общаго только одно, что въ Бѣлоруссіи Потемкинъ взялъ къ себѣ мальчика и этотъ мальчикъ былъ Секретаревъ. Затѣмъ подробности факта настолько разнорѣчивы, что я не берусь рѣшить, который изъ разсказовъ вѣрнѣе, а также и того—дѣйствительно ли Секретаревъ былъ изъ «вольноотпущенныхъ», какъ это сказано въ Русской Старинѣ.

Далѣе изъ разсказа В. Ѳ. Барышниковой узнаёмъ, что отецъ ея, по пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ взятъ во дворецъ и находился на половинѣ князя Потемкина, но что его также можно было видѣть и у Государыни. Императрица и князь любили маленькаго *Ѳедю*, часто шутили съ нимъ и вообще баловали его, «а чрезъ ихъ милости», разсказывалъ Секретаревъ, «и всѣ другіе придворные были со мной ласковы. Всѣ меня знали; бывало, какъ войдешь въ пріемную до выхода князя, такъ только и слышалось со всѣхъ сторонъ: «здравствуй, Ѳедя!»

«Батюшка разсказывалъ, что по пріѣздѣ въ Петербургъ, князь приказалъ учить его какому-то іезуиту, чему—не знаю, и что этотъ іезуитъ страшно надоѣдалъ ему своими уроками. Часто, сидя за занятіемъ, учитель досаждалъ ему распросами о князѣ: веселъ ли онъ, здоровъ ли, въ хорошемъ ли духѣ? Онъ удовлетворялъ любопытство своего учителя и при этомъ замѣтилъ, что сообразно сообщенному имъ извѣстію о хорошемъ или дурномъ расположеніи князя, или тотчасъ же являлись во дворецъ іезуиты съ какой-нибудь просьбой, или же проходилъ день, что ихъ вовсе не было видно въ пріемной князя... «Такъ понемножку шли мои занятія съ отцемъ-іезуитомъ; ну и надоѣдалъ же онъ мнѣ... Конечно, молодъ былъ—все бѣгалъ бы да игралъ... Разъ какъ-то іезуитъ мой ужъ очень раздосадовалъ меня, и очень я сердитъ былъ на него. Ну постой же, думаю, сдѣлаю я съ тобой штуку. Въ одно утро князь былъ чѣмъ-то недоволенъ: капризничалъ, сердился—съ нимъ это бывало, тутъ ужъ къ нему и не приступайся. Вотъ іезуитъ и спрашиваетъ меня, какъ обыкновенно: каковъ князь, веселъ ли? и проч. А я ему и говорю: очень веселъ, все шутилъ и смѣялся. Смотрю, мой учитель вскочилъ со стула и исчезъ. Не прошло и получасу, какъ во дворецъ къ князю является какой-то другой іезуитъ. Доложили о немъ князю и чрезъ нѣсколько времени ввели къ нему. Ну, и задалъ же ему князь... Въ чемъ было дѣло, я, какъ ребенокъ, конечно не зналъ, да меня это и не занимало; но помню только, что изъ кабинета князя раздался гнѣвный окрикъ его «вонъ!», и на моихъ же глазахъ этотъ несчастный патеръ вылетѣлъ изъ кня-

жескихъ покоевъ въ переднюю. Послѣ этого іезуиты долго не показывались во дворцѣ».

«По словамъ батюшки у князя съ Государыней нерѣдко бывали размолвки. Мнѣ случалось видѣть, говорилъ онъ, какъ князь кричалъ въ гнѣвѣ на горько плакавшую Императрицу, вскакивалъ съ мѣста и скорыми, порывистыми шагами направлялся къ двери, съ сердцемъ отворялъ ее и такъ ею хлопалъ, что даже стекла дребежжали и тряслась мебель. Они меня не стѣснялись, потому что мнѣ нерѣдко приходилось видѣть такія сцены; на меня они смотрѣли, какъ на ребенка, который ничего не понимаетъ».

«Однажды князь, разсердившись и хлопнувъ по своему обыкновенію дверью, ушелъ, а Императрица вся въ слезахъ осталась глазъ на глазъ со мной въ своей комнатѣ. Я притаился и не смѣлъ промолвить слова. Очень мнѣ жаль ея было: она горько плакала, рыдала даже, видѣть ее плачущую для меня было невыносимо; я стоялъ, боясь пошевельнуться. Кажется, она прочла на лицѣ моемъ участіе къ ней. Взглянувъ на меня своимъ добрымъ, почти заискивающимъ взоромъ, она сказала мнѣ: «Сходи, Ѳедя, къ нему, посмотри, что́ онъ дѣлаетъ; но не говори, что я тебя прислала». Я вышелъ и, войдя въ кабинетъ князя, гдѣ онъ сидѣлъ задумавшись, началъ что-то убирать на столѣ. Увидя меня, онъ спросилъ: «это она тебя прислала?» Сказавъ, что я пришелъ самъ по себѣ, я опять началъ что-то перекладывать на столѣ съ мѣста на мѣсто. «Она плачетъ?»—«Горько плачетъ», отвѣчалъ я. «Развѣ вамъ не жаль ея? Вѣдь она будетъ нездорова». На лицѣ князя показалась досада. «Пусть реветъ, она капризничаетъ», проговорилъ онъ отрывисто.—«Сходите къ ней, помиритесь», упрашивалъ я смѣло, нисколько не опасаясь его гнѣва, и не знаю—задушевность ли моего дѣтскаго голоса и искренность моего къ нимъ обоимъ сочувствія, или сама собой прошла его горячка, но только онъ всталъ, велѣлъ мнѣ остаться, а самъ пошелъ на половину къ Государынѣ. Кажется, что согласіе возстановилось, потому что во весь день лица князя и Государыни были ясны, спокойны и веселы, и о размолвкѣ не было помину».

«Батюшка всюду сопровождалъ князя; онъ былъ съ нимъ и въ Молдавіи и коротко зналъ всѣхъ лицъ его окружавшихъ. Онъ разсказывалъ, что былъ свидѣтелемъ ошибки князя при выходѣ изъ церкви, когда вмѣсто своего экипажа онъ сѣлъ на похоронныя дроги, ожидавшія гробъ принца Виртембергскаго; по разсѣянности ли, или почему другому, необъяснимому, князь положительно сѣлъ на нихъ и лишь черезъ нѣкоторое время замѣтилъ свою ошибку. Вскорѣ послѣ этого, князь занемогъ и скончался на дорогѣ куда-то. Батюшка присутствовалъ при его кончинѣ и, разсказывая о ней, всегда плакалъ».

«Когда умеръ князь, то надъ всѣми лицами, при немъ состоявшими, а въ томъ числѣ и надъ батюшкой, было назначено какое-то слѣдствіе по какимъ-то отчетамъ, но Государыня оправдала его. Она взяла его къ себѣ во дворецъ, гдѣ онъ и состоялъ при такъ называемой «брилліантовой комнатѣ». Императрица по прежнему любила его и въ знакъ своей милости пожаловала ему миніатюрные портреты свой и князя, которые потомъ перешли къ моему брату. Батюшка глубоко былъ преданъ Государынѣ и безъ слезъ не могъ говорить о ней».

«По кончинѣ Императрицы, онъ, уже женатый, былъ сосланъ въ Оренбургъ, а Зотовъ посаженъ въ крѣпость. Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра судьба ихъ измѣнилась: Зотову дарована свобода, а батюшка возвращенъ изъ Оренбурга. Съ этого времени онъ уже болѣе, кажется и не служилъ; но, имѣя за женой *), моей матерью, порядочное состояніе, поселился въ Москвѣ и сталъ заниматься откупами».

«Еще передамъ тебѣ одинъ случай, случай любопытный; о немъ батюшка при мнѣ разсказывалъ. Это было еще при жизни князя. Разъ какъ-то Государыня осталась наединѣ съ батюшкой и говоритъ ему:

«Ѳедя! дай мнѣ слово сохранить у себя то, что̀ я передамъ тебѣ и возвратить мнѣ въ цѣлости, когда сама у тебя спрошу. Конечно, ты долженъ сохранить это втайнѣ и никому о нашемъ разговорѣ не разсказывать. Разумѣется, батюшка поспѣшилъ дать это слово, и тогда Императрица передала ему небольшой, не запертый ящикъ, въ которомъ находились какія-то бумаги. Дорожа высокимъ довѣріемъ обожаемой имъ Государыни, онъ хранилъ этотъ ящикъ, какъ драгоцѣнность и святыню. За сколько времени это было до кончины Императрицы—сказать не могу; но дѣло въ томъ, что послѣ смерти Государыни, ящикъ съ бумагами остался у него и переѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Петербурга въ Оренбургъ и потомъ изъ Оренбурга въ Москву. Не знаю, читалъ ли онъ эти бумаги; но положительно вѣрно, что до 1818 года они находились у него».

«Въ 1818 году вся царская фамилія была въ Москвѣ, и вотъ что случилось. Оберъ-полицмейстеромъ въ Москвѣ былъ въ то время Шульгинъ, короткій знакомый батюшкѣ. Человѣкъ онъ былъ хорошій, но

*) Секретаревъ былъ женатъ на Струговщиковой и имѣлъ отъ этого брака сына и двухъ дочерей. Сынъ Петръ Ѳедоровичъ, родившійся въ Оренбургѣ, служилъ въ Москвѣ, дослужился до статскаго совѣтника и извѣстенъ по заведенному имъ частному театру, называвшемуся „Секретаревскимъ“. Старшая дочь Екатерина Ѳедоровна была замужемъ за Николаемъ Ѳотіевичемъ Митьковымъ (братомъ декабриста), а младшая Варвара Ѳедоровна за генералъ-майоромъ Василіемъ Петровичемъ Барышниковымъ, управлявшимъ канцеляріею Московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына. Н. Б,

по вечерамъ часто засиживался въ веселой компаніи своихъ знакомыхъ, любилъ плотно поужинать и выпить, а отъ этого случалось, что онъ нерѣдко проговаривался о томъ, что̀ надобно было ему держать въ секретѣ. Вотъ, разъ-то, сидя за ужиномъ въ Англійскомъ клубѣ, подъ веселую руку, онъ и проболтался, что на другой день, по утру, долженъ ѣхать въ домъ Секретареву для розыска и отобранія находящихся у него бумагъ императрицы Екатерины, о которыхъ стало извѣстно, что онѣ у него. Въ это же время въ клубѣ было нѣсколько человѣкъ близкихъ знакомыхъ батюшки. Одинъ изъ нихъ, Петръ Петровичъ Куѳовниковъ [1]), услыхавъ объ этомъ, въ туже ночь пріѣхалъ къ батюшкѣ, разбудилъ его и разсказалъ ему, что̀ слышалъ отъ Шульгина. Батюшка, проводивъ Кусовникова, тотчасъ же сжегъ у себя въ каминѣ бумаги, и когда на другой день по утру къ нему дѣйствительно явился Шульгинъ съ полицейскими и увидѣлъ въ комнатѣ бумажный пепелъ, то, ударивъ себя по лбу, съ досадой сказалъ: «Я ожидалъ этого! Вчера я былъ пьянъ и проболтался».... Обыска послѣ этого онъ уже не дѣлалъ, но позавтракавъ у батюшки, уѣхалъ ни съ чѣмъ. Отъ себя онъ далъ отзывъ, что по произведенному обыску въ домѣ Секретарева ничего не отыскано и что Секретаревъ, на предложенные ему вопросы, объяснилъ, что никогда и ни отъ кого никакихъ бумагъ и никакихъ писемъ на храненіе онъ не получалъ, а тѣмъ болѣе отъ покойной императрицы Екатерины. Тѣмъ дѣло и кончилось.

«Ужъ не знаю, право, не схитрилъ ли батюшка? Тѣ ли бумаги-то онъ сжегъ? Недаромъ, разсказывая объ этомъ происшествіи, онъ както лукаво улыбался»....

А. Корсаковъ.

*

Шульгинъ былъ близокъ къ великому князю Константину Павловичу, и по его желанію хотѣлъ добыть отъ Секретарева бумагъ Екатерины. Покойный М. П. Погодинъ передавалъ намъ, что бумаги эти состояли изъ Памятныхъ Записокъ Государыни на Русскомъ языкѣ, писанныхъ небольшими тетрадками. Гдѣ они? *П. Б.*

---

[1]) Генералъ-маіоръ Кусовниковъ командовалъ однимъ изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, а въ послѣдствіи, оставивъ службу, проживалъ въ Москвѣ, гдѣ недавно и скончался въ собственномъ домѣ на Мясницкой, противъ Почтамта. Онъ отличался множествомъ странностей и въ особенности оригинальнымъ покроемъ какъ военнаго, такъ и статскаго своего платья. Командуя гвардейскимъ полкомъ и состоя на счету отличныхъ фронтовыхъ офицеровъ, онъ постоянно вызывалъ улыбку товарищей своими мундирами, что̀ и великому князю Михаилу Павловичу давало поводъ обращаться къ нему съ постоянно однимъ и тѣмъ же вопросомъ: „Кусовниковъ, кто тебѣ шьетъ платье?“ Съ невозмутимо-серіознымъ лицемъ Кусовниковъ, тоже въ свою очередь, отвѣчалъ всегда одно и тоже: „Портной, Ваше Высочество“. — „А я думалъ, сапожникъ“. Н. Б.

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ПОѢЗДКИ САВВЫ ТЕКЕЛИ ВЪ РОССІЮ.

(1811—1816).

Читатели «Русскаго Архива» уже знакомы съ путешествіемъ, которое совершилъ въ 1787—1788 гг. по Россіи извѣстный между Австрійскими Сербами своею патріотическою и національною дѣятельностію племянникъ генерала-аншефа Русской службы П. А. Текели, получившаго историческую извѣстность разрушеніемъ Запорожской Сѣчи *). Это первое путешествіе Саввы Текели по Россіи любопытно по своей обширности, продолжительности, а также по живымъ разсказамъ Саввы о своихъ похожденіяхъ въ Малороссіи, Москвѣ, Петербургѣ и на Кавказѣ и по различнымъ подробностямъ, которыя онъ записалъ въ своей автобіографіи обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Вторая и третья поѣздки его въ южную Россію, когда Саввѣ шелъ уже шестой десятокъ лѣтъ, конечно не могли быть интересны въ такой же степени, какъ первая, и по своей кратковременности, и по своей односторонней цѣли устроить экономическія дѣла и выяснить права свои на часть наслѣдства послѣ дяди, выпадавшую на его долю. Но не смотря на всю краткость описанія этихъ двухъ поѣздокъ въ автобіографіи Саввы, и въ немъ при внимательномъ чтеніи можно найти нѣсколько любопытныхъ для Русскаго человѣка извѣстій, къ которымъ можно присоединить также три-четыре мѣста изъ другихъ частей автобіографіи, прямо или косвенно относящихся къ Россіи. Это обстоятельство и заставило насъ сдѣлать доступною для читателей «Русскаго Архива» и вторую половину автобіографіи Саввы,

*) См. ст. „Савва Текели въ Россіи" въ „Русскомъ Архивѣ" 1878 г. кн. 3, стр. 483—506, основанную на автобіографіи Саввы, начало которой было напечатано въ 119 книгѣ „Лѣтописи Сербской Матицы" (стр. 1—81). Въ недавно полученной нами 120 книгѣ „Лѣтописи" мы нашли окончаніе автобіографіи (стр. 1—96), изъ коего и извлекаемъ наиболѣе любопытныя для Русскаго читателя свѣдѣнія.

безъ которой изложенное нами прежде представлялось бы незаконченнымъ отрывкомъ.

По возвращеніи изъ перваго путешествія по Россіи въ Венгрію, Текели съ увлеченіемъ принялъ участіе въ народныхъ и церковныхъ дѣлахъ Австро-Венгерскихъ Сербовъ и даже вступилъ въ правительственную службу, а также бывалъ депутатомъ на Венгерскихъ сеймахъ отъ Чанадскаго комитата; но и среди этой дѣятельности онъ съ одной стороны любилъ припоминать о Россіи, а съ другой, думалъ о томъ, какъ бы освободить отъ Турокъ Задунайскихъ Сербовъ. Еще прежде чѣмъ поднялось возстаніе, которымъ руководилъ потомъ Кара-Георгій, Саввѣ Текели случалось не разъ въ разговорахъ съ тѣми изъ Венгерскихъ Сербовъ, которые участвовали въ прежнихъ движеніяхъ своихъ Задунайскихъ собратій, обсуждать мѣры и средства, при помощи которыхъ можно было бы не только поднять населеніе Шумадіи противъ Турокъ, но и окончить такое предпріятіе съ успѣхомъ. Такъ въ 1802 году онъ бесѣдовалъ съ капитаномъ Новаковичемъ, участникомъ въ войнахъ Австріи противъ Турокъ, который увѣрялъ его, что Дунайскіе Сербы готовы къ возстанію и нуждаются въ предводителѣ. Савва Текели признался ему, что онъ уже договорился о томъ съ Досиѳеемъ Обрадовичемъ, который отправился въ Сербію, чтобы указать тамъ на готовность Саввы поддержать возстаніе зависящими отъ него средствами, но что не мѣшало бы послать туда еще кого-либо изъ ученыхъ людей. На другой же день Новаковичъ привелъ къ Саввѣ Филиповича, съ которымъ Текели также уговорился о средствахъ поднять Задунайскихъ Сербовъ, послѣ чего Филиповичъ и отправился въ Сербію. Вскорѣ послѣ того разнеслись слухи о народномъ движеніи въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ. Текели въ своей автобіографіи предполагаетъ, что и Обрадовичъ, и Филиповичъ, и Новаковичъ (Чардаклія тожъ) говорили о немъ Задунайскимъ Сербамъ, какъ о вождѣ движенія. Этимъ обстоятельствомъ онъ объясняетъ посѣщеніе его протоіереемъ Матвеемъ Ненадовичемъ въ Дебречинѣ, на возвратномъ пути изъ Петербурга, куда Ненадовичъ ѣздилъ ходатайствовать о помощи возставшимъ. Текели говоритъ, что онъ былъ боленъ, когда посѣтилъ его Ненадовичъ, чтобы узнать его мнѣніе о возстаніи, но что при этомъ его не звали въ Сербію. Ненадовичъ же въ своихъ «Запискахъ», какъ извѣстно, жаловался на сухой пріемъ со стороны Текели. Между тѣмъ Текели былъ убѣжденъ, что только вскорѣ послѣдовавшая за тѣмъ смерть Филиповича, Чардакліи и Обрадовича была причиною того, что его не вызвали въ Сербію. Его участіе къ возставшимъ выразилось лишь тѣмъ, что онъ самъ составилъ и издалъ карту Сербскихъ земель, которой нѣсколько сотъ экземпляровъ были переправлены имъ за Дунай. Рас-

крашиваніе карты, уже дозволенной цензурою, производили артиллеристы, жившіе въ сосѣдней казармѣ. Полиція замѣтила эти сношенія Текели съ артиллеристами и даже учинила ему допросъ, для какой цѣли онъ изготовилъ карту? Текели увѣрилъ, что для продажи, и полиція успокоилась. Изданіе это обошлось автору въ двѣ тысячи флориновъ.

Кромѣ этой попытки помочь возставшимъ противъ Турокъ Сербамъ, Текели разсказываетъ о своихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ передъ тѣмъ, какъ Французы заняли Далмацію, Крайну и часть Хорваціи. Зная, что Славянское населеніе этихъ земель дробилось на отдѣльныя племена, Текели написалъ на Французскомъ языкѣ проектъ возстановленія Иллирійскаго королевства; ибо подъ такимъ общимъ названіемъ разноплеменное населеніе могло быть соединено безъ ущерба своимъ разнороднымъ историческимъ преданіямъ. Подписавшись подъ проектомъ именемъ Ивановича (отецъ Саввы назывался Иваномъ), онъ отнесъ его къ Французскому посланнику въ Вѣнѣ Шампаньи. И дѣйствительно, въ 1805 году Наполеонъ образовалъ Иллирійское королевство изъ южно-славянскихъ областей, отнятыхъ у Австріи. Текели радовался этому, въ надеждѣ, что изъ новаго королевства можетъ быть подана явная или тайная помощь возставшимъ Сербамъ, и былъ недоволенъ, когда сіи послѣдніе не приняли къ себѣ Французскаго консула (ибо противъ того были Русскіе агенты Родофиникинъ и Недоба). Въ тоже время онъ подавалъ проектъ и императору Францу I, въ коемъ доказывалъ выгодность для Австріи постояннаго союза съ Россіей и указывалъ также на необходимость помочь Сербамъ. Хотя послѣ представленія этого проекта и разрѣшено было изъ Вѣны Петроварадинскому коменданту поддерживать въ тайнѣ Сербовъ, но вслѣдствіе жалобы на то со стороны султана, учрежденъ полицейскій надзоръ за Австро-Венгерскими Сербами, имѣвшими сношенія съ Бѣлградомъ, въ томъ числѣ и за Саввою Текели. Уже позднѣе, на одномъ публичномъ обѣдѣ, Савва узналъ отъ вице-жупана Мошонскаго комитата Неметсеги, что когда Французы были подъ Пресбургомъ, то маршалъ Даву распрашивалъ его по порученію Наполеона, не осталось ли въ Венгріи потомковъ Текели и Ракоци. Неметсеги прибавилъ при этомъ, обращаясь къ Саввѣ: «Я и забылъ тогда, что вы носите туже фамилію.» Но авторъ проекта объ Иллирійскомъ королевствѣ счелъ болѣе благоразумнымъ смолчать при этомъ намекѣ, только въ автобіографіи проговорился о своихъ сношеніяхъ съ Шампаньи.

Политическіе планы Текели потонули въ водоворотѣ Наполеоновскихъ войнъ, охватившемъ въ своемъ быстромъ движеніи и Россію. У Саввы оставалась связь съ сею послѣднею по смерти генералъ-аншефа

Петра Авраамовича, въ лицѣ другаго дяди Лазаря, котораго Петръ увезъ съ собою въ Россію четырнадцати лѣтъ отъ роду, и который пріѣзжалъ потомъ въ Венгрію въ 1773 году въ чинѣ маіора Русской службы, а позднѣе дослужился до чина полковника. Такъ какъ общія владѣнія фамиліи Текели въ Венгріи не были раздѣлены, и дядя Лазарь имѣлъ въ нихъ свою долю: то, при отсутствіи сношеній съ Россіей, у племянниковъ накопилось къ 1811 году доходовъ на его часть до 160,000 флориновъ серебромъ. Для переговоровъ о томъ, не уступить ли дядя Лазарь свою долю племянникамъ, остававшимся въ Венгріи, Савва вмѣстѣ съ сыномъ своего брата отправился 10 Октября 1811 года въ Россію, накупивъ подарковъ женѣ и дѣтямъ дяди. Чрезъ Трансильванію и Буковину доѣхалъ онъ до Яссъ, гдѣ нашелъ княжескій дворецъ, обращенный въ оружейный и хлѣбный магазины, при коихъ стояла Русская стража, такъ какъ въ это время еще продолжалась война Россіи съ Турціей. Оттуда, чрезъ Дубоссары и Кременчугъ, Савва Текели прибылъ въ Миргородъ, гдѣ нашелъ въ страшномъ запущеніи ту обширную усадьбу дяди Петра, въ которой такъ весело и богато жилось за четверть вѣка предъ тѣмъ. Эта усадьба уже была продана правительству; въ ней нѣсколько лѣтъ помѣщались духовная семинарія и епархіальный епископъ; но, послѣ перевода ихъ въ Херсонъ, все было заброшено, обвалилось, сгнило или было раскрадено. Жившій въ селѣ Михайловкѣ опекунъ надъ побочными дѣтьми дяди Петра, маіоръ И. М. Станковичъ былъ напуганъ появленіемъ Саввы Текели, пріѣхавшаго отчасти и за наслѣдствомъ, и хотя изъ всѣхъ своихъ богатствъ покойный завѣщалъ своимъ Венгерскимъ родственникамъ вмѣстѣ съ тамошними церквами и монастырями, только 20,000 рублей, но Станковичъ не могъ ихъ выплатить. Савва отправился въ Елисаветградъ, чтобъ тамъ хлопотать о взысканіи денегъ съ Станковича. Онъ былъ гостепріимно принятъ Елисаветградскимъ городничимъ Стратимировичемъ и узналъ о смерти двоюроднаго брата своего Ѳеодора (сына дяди Лазаря), который погибъ, участвуя въ набѣгѣ на Трапезунтъ подъ начальствомъ Ермолова: съ его смертію прекращался родъ Текели въ Россіи въ мужской линіи *). Изъ Елисаветграда Савва ѣздилъ къ потерявшему сына Лазарю Текели, который за четырнадцать лѣтъ предъ тѣмъ лишился зрѣнія вслѣдствіе ранъ, полученныхъ на войнѣ. Этотъ Текели, съ женою и дочерьми, жилъ довольно богато: одной дворни въ его домѣ считалось свыше ста человѣкъ, между коими было 16 музы-

*) О соединеніи фамиліи Текели съ фамиліею Куракиныхъ въ 1825 г. см. „Русскій Архивъ“ за 1880 годъ, кн. 2, стр. 233.

кантовъ и много разнаго рода ремесленниковъ. Савва, говоря съ отвращеніемъ о крѣпостномъ правѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ хвалитъ обычай Русскихъ помѣщиковъ обучать своихъ крѣпостныхъ различнымъ ремесламъ. Вернувшись въ Елисаветградъ, Савва ѣздилъ къ зятю Лазаря Текели, Василью Куракину (Савва называетъ его княземъ Ураковымъ), который имѣлъ хорошую усадьбу за Днѣпромъ въ Кременчугскомъ уѣздѣ. И къ дядѣ Лазарю и къ зятю его пріѣзжали сосѣдніе помѣщики, когда гостилъ у нихъ Савва съ своимъ Венгерскимъ племянникомъ. Образъ жизни всѣхъ этихъ людей въ зимнее время, по словамъ Саввы, былъ таковъ: «Когда человѣкъ встанетъ ото сна, ему принесутъ чаю со сливками или безъ нихъ, какъ онъ хочетъ; когда же одѣнутся совсѣмъ, то пьютъ кофе или шоколадъ, и затѣмъ, приблизительно въ десять или одинадцать часовъ, появляются закуски, то есть пьютъ разныя водки, ликеры, а закусываютъ икрой, балыкомъ, колбасами и всякаго рода печеньями, и такъ тянется до двѣнадцати часовъ и далѣе; а въ промежуткахъ, и прежде кофе, и послѣ него, сидятъ за картами; потомъ наступитъ обѣдъ, кончающійся кофеемъ, и опять за карты; въ четыре часа снова кофей, чай, а за ними карты до ужина».

Между поѣздками въ гости Савва знакомился съ Елисаветградомъ и нашелъ его городомъ приличнымъ, и купцовъ въ немъ довольно богатыхъ, а въ числѣ церквей одна раскольничья безпоповцевъ. По праздникамъ онъ видалъ кулачные бои между молодежью. Но сильно жаловался Текели на то, что въ своихъ поѣздкахъ по окрестностямъ не встрѣчалъ постоялыхъ дворовъ; только разъ среди поля онъ встрѣтилъ корчму, которую содержалъ Сербъ Іова изъ Венгерскаго городка Сентъ-Андре; да въ одномъ селѣ, гдѣ путешественники мѣняли лошадей, пригласилъ ихъ къ себѣ мѣстный священникъ, напоилъ и накормилъ, чѣмъ могъ, но потомъ попросилъ на церковь,—пришлось заплатить пять рублей.

Благодаря проѣзду чрезъ Елисаветградъ военнаго губернатора Новороссіи и градоначальника Одессы герцога Ришельё, которому Савва представлялся ночью, взысканіе денегъ съ маіора Станковича совершилось безъ промедленія. При разсчетѣ Савва узналъ, что серебряный рубль ходилъ тогда 3 р. 70 коп. на банковые билеты. Что̀ касается доли доходовъ съ Венгерскихъ имѣній, слѣдовавшей дядѣ Лазарю, то сей послѣдній уступилъ половину ея своимъ племянникамъ.

Въ Февралѣ 1812 г. Савва Текели отправился въ Одессу. Зима стояла холодная, снѣга большіе; почтовые дворы если и попадались, то были въ открытомъ полѣ и не представляли для путешественниковъ ни малѣйшихъ удобствъ, даже ѣсть было нечего; два раза пришлось ночевать въ саняхъ, потому что въ избахъ нельзя было уснуть отъ

смрада и насѣкомыхъ; прислуга спала на снѣгу подлѣ саней. На пути встрѣтился городъ Николаевъ надъ Ингуломъ, еще мало обстроенный. Всѣ лучшія зданія принадлежали морскому вѣдомству и служили для кораблестроенія. Въ пристани стояло нѣсколько судовъ, въ томъ числѣ только что отстроенный фрегатъ о 36-ти пушкахъ. Пристань въ Одессѣ замерзла, и сама Одесса представлялась въ то время раздѣленною на двѣ части, между коими находилась небольшая долина, постепенно обстраиваемая и готовая превратиться въ площадь. Еще существовали окружавшія эту будущую площадь лавки, которыя были построены при заложеніи Одессы. Онѣ поставлены были на высокихъ столбахъ, такъ что прохожіе могли ходить подъ ихъ галлереями какъ подъ крышею. На одномъ концѣ площади стояла женская школа. Но нельзя было найти ни квартиръ въ частныхъ домахъ, ни гостинницъ. Отыскалась только въ биржевомъ домѣ нежилая комната съ испорченною печью, выбитыми стеклами въ окнахъ и разломанною дверью, гдѣ и пришлось пріютиться послѣ нѣкоторыхъ починокъ. Между тѣмъ въ томъ же домѣ была прекрасная кофейня, а зала для танцевъ выложена мраморомъ, съ колоннами и вызолоченными украшеніями. Карантинное зданіе, окруженное высокимъ зоборомъ, было велико и красиво. Въ пристани суда стояли обмерзшія льдомъ, который безпрестанно обрубали. И въ кофейнѣ, и по улицамъ чаще всего слышанъ былъ Сербскій языкъ, да и головою Одесскимъ въ то время былъ Сербъ изъ Новаго-Сада Петровичъ; послѣ Сербскаго языка чаще всего слышались Итальянскій и Греческій, затѣмъ Русскій и наконецъ Турецкій и Еврейскій. Одесса полна была Евреекъ, почти открыто кидавшихся на шею незнакомымъ мущинамъ. Въ разговорѣ съ однимъ изъ мѣстныхъ Евреевъ Савва Текели выразилъ удивленіе, зачѣмъ дозволяется такая вольность; Еврей отвѣчалъ, что они уже не разъ жаловались герцогу Ришельё, но тотъ всегда отвѣчалъ, что блудъ дѣло совѣсти и не подлежитъ гражданскому запрещенію.

Чрезъ секретаря Австрійскаго консульства Савва вмѣстѣ съ племянникомъ получили аудіенцію у Ришельё. Сперва они были у него утромъ и въ пріемной комнатѣ нашли много офицеровъ и генерала Исаковича; но адъютантъ герцога сказалъ имъ, что губернаторъ занятъ дѣлами и приглашаетъ ихъ на обѣдъ къ себѣ. Но они не спросили о времени обѣда и пропустили его, оставшись такимъ образомъ въ тотъ день безъ обѣда. Они явились уже къ вечеру и подали прошеніе Ришельё о пересмотрѣ вопроса по наслѣдованію имѣніями Петра Текели. Въ остальные дни Савва обѣдалъ у Австрійскаго консула; въ воскресенье былъ на балу у герцога, гдѣ изъ дамъ обращала на себя общее вниманіе боярыня Филипеску изъ Валахіи. Получивъ отъ своего

консула вексель на Вѣну въ замѣнъ имѣвшихся денегъ, Савва и его племянникъ отправились изъ Одессы чрезъ Бендеры въ Яссы. На пути они видѣли нѣсколько Нѣмецкихъ колоній, въ которыхъ однакожъ не замѣтили никакихъ улучшеній сравнительно съ Русскими селеніями. Въ Бендерахъ Савва осматривалъ крѣпость и удивлялся, какъ могъ Панинъ потерять такъ много людей при взятіи столь неважнаго укрѣпленія. Показывали Саввѣ также мѣсто, гдѣ былъ лагерь Карла XII, и мѣсто, гдѣ умеръ Потемкинъ. Въ Яссахъ онъ нашелъ много Русскихъ обывателей. Отъ Яссъ путешественники уже ѣхали на колесахъ, а перейдя Седмиградскую границу нашли тамъ полную весну.

Лѣтомъ 1812 года Савва Текели былъ на водахъ въ Мехадіи, оттуда заѣхалъ въ Оршову и встрѣтилъ тамъ Реджепъ-пашу. Тотъ освѣдомлялся, съ какимъ успѣхомъ ведетъ войну Наполеонъ въ Россіи. Савва отвѣчалъ, что Французы побѣждаютъ, и Русскіе все отступаютъ передъ ними. Турокъ на это сказалъ: «Не вѣрьте вы этому; хитеръ Русскій, обманулъ насъ, обманетъ и Французовъ. Когда Русскіе были подъ Шумлой и увидали, что не могутъ ее взять, то стали отступать, а нашъ визирь за ними, но догнать не можетъ. Приходитъ къ Рущуку, нѣтъ Русскихъ. Наши двинулись черезъ Дунай къ Букарешту, а Русскіе-то назадъ; у визиря было 40,000 человѣкъ за Дунаемъ, а лагерь подъ Рущукомъ остался съ малымъ числомъ войска; вдругъ откуда ни взялись Русскіе со стороны Болгаріи, ударили на Рущукскій лагерь, разогнали нашихъ и отрѣзали визиря съ его войскомъ. Наши умирали съ голоду; Русскіе принудили ихъ къ миру и накормили. Такъ будетъ и съ Французами: нельзя вѣрить Русскимъ». Текели замѣтилъ потомъ, что предсказаніе Реджепъ-паши сбылось.

Изъ слѣдовавшихъ затѣмъ событій Савва записалъ извѣстія о заключеніи Прусскимъ генераломъ Іоркомъ перваго договора съ Русскими властями по изгнаніи Наполеона изъ Россіи, о пребываніи весною 1813 года въ Чехіи великой княгини Екатерины Павловны, склонившей Франца I къ союзу съ Александромъ I, о битвахъ въ окрестностяхъ Дрездена и Лейпцига, о вступленіи Русскихъ въ Парижъ и торжественномъ совершеніи православной литургіи на Марсовомъ полѣ, «на удивленіе всѣхъ народовъ».

*

Упомянувъ вскользъ о паденіи Сербіи въ 1812 году, о Вѣнскомъ конгрессѣ, о судьбѣ Наполеона и подробно сказавъ о своей неудачной женитьбѣ и семейныхъ дѣлахъ, Савва Текели въ своей автобіографіи сообщаетъ разсказъ о своей послѣдней поѣздкѣ въ Россію въ 1816 году,

опять по вопросу о раздѣлѣ наслѣдства, остававшагося въ Венгріи послѣ дядей, умершихъ въ Русской службѣ.

Чрезъ Буковинскіе города Сучаву и Черновцы (гдѣ православнымъ епископомъ тогда былъ Сербъ), Савва прибылъ въ Каменецъ-Подольскъ, который онъ называетъ мѣстомъ довольно укрѣпленнымъ. Здѣсь онъ долженъ былъ представить свои паспорты въ Губернскомъ Правленіи. У него былъ Австрійскій видъ и кромѣ того дозволеніе изъ Петербурга на въѣздъ въ Россію. Когда онъ предъявилъ ихъ вице-губернатору, тотъ сказалъ ему: «Этотъ Россійскій паспортъ не показывайте, а то надо будетъ опять просить изъ Петербурга о разрѣшеніи на выѣздъ; а я пропущу васъ и съ вашимъ паспортомъ». Изъ Каменца чрезъ Балту, Ольвіополь и Елисаветградъ, съ обычными ожиданіями на почтовыхъ станціяхъ лошадей, прибылъ Савва въ имѣніе дяди Лазаря, Александровку. Вдова Лазаря Мароа Текели была у замужней дочери въ Малороссіи. Навѣстивъ гробницу дяди, Савва посѣтилъ своего пріятеля Петра Чорбу въ Глинскомъ, а оттуда поѣхалъ въ Кременчугъ на ярмарку, гдѣ и встрѣтился со вдовою Лазаря, которая обошлась съ нимъ холодно. Хотя Савва и зналъ, что дядя Лазарь оставилъ завѣщаніе, но онъ не гнался за деньгами, а только успѣлъ выхлопотать отъ тетки согласіе на передачу Венгерскихъ имѣній ему съ братомъ, какъ наслѣдникамъ по мужской линіи. Съ своей стороны Савва подарилъ теткѣ, ея двумъ дочерямъ и двумъ дочерямъ Чорбы дорогія гранаты (по 100 и по 50 дукатовъ), которыми славится Богемія. Для себя Савва купилъ на Кременчугской ярмаркѣ сочиненія Державина въ 4-хъ частяхъ, заплативъ за нихъ 40 рублей. При этомъ купецъ не хотѣлъ у него брать золотыхъ дукатовъ; пришлось вымѣнять ихъ у Еврея на Русскія ассигнаціи и часть на серебро. Савва жалуется въ своей автобіографіи на безпрестанно встрѣчавшуюся надобность мѣнять, то ассигнаціи на серебро, то на оборотъ, платя по двадцати и двадцати пяти процентовъ, въ первомъ случаѣ, или по пяти или по десяти въ послѣднемъ: при четырехъ или пяти промѣнахъ серебра на бумажки и на оборотъ можно было потерять весь размѣниваемый капиталъ. Мароа Текели подарила Саввѣ на прощенье десять дукатовъ, и онъ едва удержался, чтобы не возвратить ихъ ей, ибо имѣлъ при себѣ 10,000 рублей въ ассигнаціяхъ и 800 дукатовъ. Но кромѣ того она подарила ему еще крѣпостную дѣвушку свою, отъ которой тотъ не отказался, хотя и не любилъ крѣпостнаго права.

Вернувшись черезъ шесть недѣль въ Каменецъ-Подольскъ, Савва явился къ вице-губернатору за пропускомъ черезъ границу и просилъ его записать въ этотъ пропускъ и подаренную вдовою Лазаря дѣвушку; на что вице-губернаторъ сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать, но

прибавилъ: «довезите дѣвушку до границы, а потомъ отдайте ее какому нибудь Жиду, который навѣрно перевезетъ ее за границу». Еврей довезъ дѣвушку за границу, но кое-кому разболталъ о томъ, и только что Текели успѣлъ нанять у границы экипажъ до первой Австрійской станціи, какъ появились Русскій офицеръ и капралъ въ поискахъ за дѣвушкой; но найти ее не могли, потому что Текели поспѣшилъ спрятать ее въ кузовѣ экипажа подъ кожанымъ фартукомъ и такимъ образомъ уѣхалъ, каясь, что захватилъ съ собою этотъ живой подарокъ тетки.

Далѣе въ своей автобіографіи Савва упоминаетъ не разъ о Россіи и совершавшихся въ ней событіяхъ. Такъ онъ говоритъ о конгрессѣ въ Люблянѣ (Лайбахѣ), при чемъ замѣчаетъ, что Александръ І-й сильно перемѣнился: бывъ прежде чувствительнымъ поклонникомъ женщинъ, онъ сталъ богобоязливымъ. Такъ, во время Вѣнскаго конгресса, между жителями Австрійской столицы ходилъ разсказъ, что однажды позднимъ вечеромъ Александръ встрѣтилъ на Высокомъ мосту дѣвушку, которая ему понравилась и къ которой онъ зашелъ, но выйдя отъ нея онъ не умѣлъ найти дороги ко дворцу и только въ сопровожденіи полицейскаго отыскалъ ее. Объ этомъ доложили Францу I, который за обѣдомъ и сказалъ: «Herr Bruder! Heute Nachts ist ein Kayser durch die Polizeywache geführt; wer ist von uns zwey gewesen?» Александръ отвѣчалъ, что то былъ онъ. А на возвратномъ пути съ Лайбахскаго конгресса, Александру пришлось проѣзжать въ день своего рожденія чрезъ одно село въ Моравіи, и онъ зашелъ въ тамошнюю католическую церковь, чтобы получитъ благословеніе отъ патера.

Далѣе Савва упоминаетъ о войнахъ Россіи съ Персіей и Турціей въ 1828—1829 г., о Польскомъ возстаніи и о холерѣ 1830 года, о возсоединеніи Русскихъ уніатовъ съ православною церкокью въ 1839 году, о вмѣшательствѣ Россіи въ Египетскія и Сербскія дѣла и о своемъ знакомствѣ съ священникомъ Русскаго посольства въ Вѣнѣ Іосифомъ Меглицкимъ, который былъ первымъ законоучителемъ покойной нынѣ императрицы Маріи Александровны передъ отъѣздомъ ея въ Россію. Но всѣ эти замѣтки чрезвычайно кратки, и Савва на послѣднихъ страницахъ автобіографіи всего болѣе говоритъ о семейныхъ дѣлахъ и о своихъ крупныхъ пожертвованіяхъ на разныя патріотическія предпріятія и учрежденія, возникавшія тогда у Австрійскихъ Сербовъ и Хорватовъ.

Нилъ Поповъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

14 Декабря 1825 года много было, какъ извѣстно, арестованныхъ и заключенныхъ въ крѣпость. Помѣщеніе было убійственное и содержаніе крайне-плохое. Между заключенными былъ ропотъ. Государь Николай Павловичъ, какъ только узналъ объ этомъ, прислалъ флигель-адъютанта разслѣдовать, и за тѣмъ приказалъ отвести хорошее помѣщеніе, хорошо кормить и допустить родныхъ для свиданія [1])

*

Когда Мадонна Альба (Рафаэля) была доставлена въ Петербургъ и, реставрированная покойнымъ Бруни, поставлена въ Императорскомъ Эрмитажѣ, государь Николай Павловичъ съ государынею Александрою Ѳедоровною изволили придти туда. Мадонна очень понравилась Императрицѣ, и она высказала желаніе имѣть ее въ своемъ кабинетѣ. «Жирно будетъ», замѣтилъ въ шутку Императоръ. «Вотъ онъ для тебя сниметъ копію», прибавилъ онъ, указывая на Бруни, «не уступитъ подлиннику; а ея мѣсто здѣсь», т.-е. чтобъ она была доступна обществу.

Бруни списалъ для Императрицы копію [2]).

*

Императоръ Николай Павловичъ дорожилъ вдохновеніемъ художника. Разъ зашелъ онъ въ студію Брюлова и, узнавъ, что тотъ, затворившись, пишетъ, не приказалъ отрывать отъ дѣла: «а я зайду въ другой разъ», сказалъ онъ [3]).

*

---

[1]) Отъ Александра Михайловича Исленьева.

[2]) Отъ тайн. сов. Бруни.

[3]) Отъ художника Н. И. Дмитріева.

Въ Комитетѣ Министровъ однажды, вмѣсто доклада, регистраторъ по ошибкѣ въ пакетъ Государю положилъ листъ бумаги, на которомъ пробовались перья. Когда ошибка обнаружилась, доложили статсъ-секретарю Суковкину; тотъ поѣхалъ справиться. Пакетъ нашли на столѣ у Государя. Государь Николай Павловичъ возвратилъ пакетъ и, улыбнувшись, замѣтилъ: «Тотъ только не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ» [4]).

*

Императоръ Николай Павловичъ, производя смотръ понтоннымъ паркамъ въ Варшавѣ, приказалъ отъ каждаго парка выѣхать по двѣ фуры (каждая въ шесть лошадей). Обративъ вниманіе на прекрасно содержанныхъ лошадей, онъ замѣтилъ: «Видно, что командиры сами ѣздятъ на лошадяхъ» [5]).

*

Въ той же Варшавѣ послѣ смотра, оставшись отмѣнно доволенъ состояніемъ войскъ, Государь обратился къ окружавшимъ его офицерамъ и сказалъ: «Господа генералы и штабъ-офицеры, прошу ко мнѣ обѣдать». Возвратясь въ Лазенковскій дворецъ, Государь усомнился, принялъ ли это его приглашеніе фельдмаршалъ князь Паскевичъ, такъ какъ особо къ нему оно не было обращено. Государь приказалъ позвать къ себѣ конвойнаго. Явился Кавказецъ. «Поѣзжай сейчасъ къ Ивану Ѳедоровичу», сказалъ ему Государь, «проси его ко мнѣ обѣдать: да скажи, что я безъ него не сяду за столъ». Конвойный поскакалъ, но дорогою пришелъ въ раздумье: кто такой Иванъ Ѳедоровичъ? Для разъясненія недоразумѣнія онъ обратился къ первому попавшемуся городовому или будочнику, какъ они назывались тогда. «Гдѣ живетъ Иванъ Ѳедоровичъ?» спросилъ онъ его. «А вотъ въ этомъ переулкѣ», объяснилъ тотъ, указывая на переулокъ, «въ трехоконномъ домѣ, подъ зеленою крышею» и т. д. Будочникъ не виталъ далеко: весь міръ для него представляла его будка съ ближайшими домами, а самымъ великимъ человѣкомъ былъ квартальный надзиратель, Иванъ Ѳедоровичъ, къ которому онъ и направилъ незнакомца. Конвойный позвонилъ. Вышла кухарка. «Здѣсь живетъ Иванъ Ѳедоровичъ?»—«Здѣсь»—«Скажи ему, что Государь прислалъ просить его обѣдать»—«Да они ужъ покушали», наивно отвѣчала кухарка, «и спать легли».—«Мнѣ до этого дѣла нѣтъ, я долженъ исполнить повелѣніе Государя». Ивана Ѳедоровича разбу-

---

[4]) Отъ д. с. сов. Н. В. Компанейщикова.

[5]) Отъ генералъ лейтенанта А. В. Листовскаго.

дили. Конвойный передалъ ему приглашеніе. Старикъ квартальный сталъ выражать сомнѣніе, и конвойный почелъ долгомъ присовокупить: «Мало того, что Государь приглашаетъ васъ кушать, но приказалъ вамъ сказать, что безъ васъ и за столъ не сядетъ». Мѣшкать, значитъ, было нечего. Старикъ, записавъ фамилію посланнаго и, наскоро одѣвшись, отправился во дворецъ. Паскевичъ же прибылъ къ обѣду по приглашенію Государя, обращенному вообще къ генераламъ.

Во время обѣда Государь, замѣтивъ между обѣдающими невоеннаго старика, обратился къ графу Бенкендорфу съ вопросомъ: «кто это тамъ сидитъ безъ эполетъ?»—«Сей часъ узнаю, Ваше Величество.»—«Нѣтъ, нѣтъ», замѣтилъ Государь, «не конфузь, пусть пообѣдаетъ, послѣ».

По окончаніи обѣда Государь снова предварилъ Бенкендорфа, чтобъ разузналъ «поделикатнѣе.» «Кто вы?» спросилъ графъ Бенкендорфъ счастливаго теску фельдмаршала. «Квартальный надзиратель такой-то», отвѣчалъ старикъ. «Какъ вы сюда попали?»—«По приглашенію Государя, переданному мнѣ такимъ-то поручикомъ конвоя Его Величества».—«Какимъ образомъ?»—«Да этого мало, замѣтилъ старикъ»,—«Государь Императоръ изволилъ сказать, что безъ меня и за столъ не сядетъ». Графъ Бенкендорфъ расхохотался и доложилъ Государю, котораго это не менѣе позабавило.

Получилъ ли тутъ Государь свѣдѣніе объ этомъ квартальномъ, или наружность его вселила къ нему довѣріе, но Государь подозвалъ его къ себѣ, пожаловалъ часы, милостиво сказавъ: «Ты хорошій служака, вотъ тебѣ отъ меня». Такимъ образомъ въ одинъ день пало столько благополучія на квартальнаго: получилъ изъ рукъ Государя подарокъ, обѣдалъ за царскимъ столомъ и обѣдалъ въ одинъ день два раза, чѣмъ какъ извѣстно, полицейскіе желудки того времени не брезгали [6]).

*

Въ старое время полиція однако далеко не пользовалась довѣріемъ общества. Оклады были малые, и нужно было какъ нибудь промышлять «ребятишкамъ на молочишко». Дѣла о кражѣ, напримѣръ рѣдко доходили до суда: возметъ полиція съ вора контрибуцію и отпуститъ, пригрозивъ, чтобъ впредъ не попадался, а втайнѣ желая этого всею душою.

Одинъ исправникъ И. въ Уфѣ говорилъ, что разъ извѣстнаго воришку Татарина онъ видитъ на козлахъ ямщикомъ. «Что́ Абдулка», спрашиваетъ онъ, «развѣ пересталъ красть?»—«Бросилъ, бачка; подумалъ: что напрасно на чужой человѣкъ работать?». И такъ въ итогѣ

[6]) Отъ адмирала И. В. Плоскочина.

у вора выходило, что въ выигрышѣ оставалась полиція, на которую онъ и работалъ «напрасно».

Смѣлость полиціи доходила до того, что украденное у губернатора могло переходить къ полиціймеcтеру. Управлялъ губерніею въ Уфѣ (тогда Оренбургскою) нѣкто Македонскій. У него въ гостинной, въ простѣнкахъ подъ зеркалами, стояли серебрянные подсвѣчники, съ вензелями хозяйки. Домъ былъ низенькій. Разъ лѣтомъ, вечеромъ, воръ, подойдя къ отворенному среднему окну гостинной и протянувъ руки на право и на лѣво, взялъ отъ каждаго зеркала по подсвѣчнику. На другой день объ этомъ было сообщено полиціймейстеру В., который успокоилъ его превосходительство, что будутъ приняты всѣ мѣры къ отысканію. Но однако прошло болѣе полугода, а о подсвѣчникахъ нѣтъ и помину. Зимою полиціймеcтеръ даетъ балъ. На карточномъ столѣ въ одной изъ комнатъ губернаторша, случайно проходя, замѣтила знакомые подсвѣчники; подойдя ближе, она увидѣла и свой вензель, В. М. По деликатности она не сказала объ этомъ даже мужу.

Поборы полиціи послужили предметомъ для остроты В—му архіерею. Частный приставъ взялъ 25 р. съ монастыря, чтобъ не неволить монаховъ расчищать и свозить снѣгъ. Объ этомъ расходѣ было доложено преосвященному. Случился въ приходской церкви храмовой праздникъ. Послѣ обѣдни преосвященный зашелъ къ священнику на чай, куда собрались почетные прихожане и частный приставъ, взявшій четвертную съ монастыря. Дѣло было во время Севастопольской войны, и другаго разговора почти не слышно было въ обществѣ какъ о войнѣ. Преосвященный, неоднократно упоминая о Непирѣ, называетъ его постоянно «лордъ Напиръ»—«Вы неправильно изволите произносить, владыка», замѣчаетъ собесѣдникъ, «Непиръ».—«Да вѣдь пишется *а*».—«Да, но произносится какъ *е*».—«Странный языкъ: одна буква ставится, а другая произносится. У насъ такъ каждая буква за себя отвѣчаетъ, напримѣръ: частный приставъ», замѣтилъ преосвященный, указывая на сидящаго въ углу частнаго, «ужъ никто не скажетъ честный приставъ.

Зато полиція изощрялась въ находчивости. Вотъ, какъ образчикъ, оригинальный способъ взысканія платежей съ Татаръ (въ тридцатыхъ годахъ). «Ну что, я думаю, платежи плохо платите?» спрашиваетъ Татарина-ямщика проѣзжающій по Оренбургской губерніи чиновникъ. «Какъ плохо!? Нельзя, бачка: исправникъ свиной каманда ставитъ».—«Какъ свиную команду?», спрашиваетъ въ недоумѣніи чиновникъ. «Такъ бачка; тащитъ свинья избамъ, кладитъ нарамъ (нары замѣняютъ у Татаръ диваны и кровати), велитъ ева кармитъ. Ну какъ можна свинья избамъ держать, да кормить? Платимъ повинность. Тогда онъ свинья другой дворъ тащитъ и тамъ платитъ. Такъ всѣ платитъ».

Вотъ время, когда экзекуція могла быть выполнена командою, изъ одной свиньи состоящею! [7]).

Наивный народъ Татары и Башкиры. Въ двадцатыхъ годахъ былъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса князь Волконскій, человѣкъ пристарѣлый. Когда онъ былъ отозванъ, то сдѣлалъ смотръ Башкиро-Мещерякскому войску, къ которому обратился приблизительно со слѣдующими словами: «Прощайте, ребята! Я послужилъ съ вами довольно, теперь меня Царь къ себѣ требуетъ».—«Ну, прощай бачка, ваше сіятельство!» добродушно отвѣчаютъ Башкирцы. «Ну что же, пора! пора! Стара стала, глупа стала, умъ кончалъ» [8]).

Преемникомъ князя Волконскаго былъ графъ Сухтеленъ, человѣкъ ума государственнаго. Съ живымъ усердіемъ отнесся онъ къ своимъ обязанностямъ и въ короткое свое управленія увѣковѣчилъ о себѣ память въ краѣ. Когда умеръ онъ, и въ одной изъ Петербургскихъ гостинныхъ шелъ разговоръ о томъ, кѣмъ замѣнятъ Сухтелена, графъ Толь сказалъ: «Замѣстить его можно, а замѣнить нельзя» [9]).

Заботою Оренбургскаго военнаго губернатора Обручева было водвореніе между кочующими племенами осѣдлости. Проѣзжая степью, онъ самъ, въ присутствіи Киргизъ, подмазывалъ телѣги и заставлялъ ихъ при себѣ повторять эту операцію [10]).

Башкирцы лѣтомъ откочевывали отъ зимняго поселенія верстъ за 20—40. На тучныхъ лугахъ, обилующихъ ковылемъ, клеверомъ и другими кормовыми злаками, паслись табуны ихъ лошадей, отличавшихся быстротою и выносливостію. Башкирецъ не запасалъ зимняго корма для своихъ лошадей; по мѣрѣ того, какъ на кочевкѣ вытравливалась трава, Башкирцы переносили свои коши ближе и ближе къ зимнему поселенію, возлѣ котораго до зимы трава оставалась нетронутою и поѣдалась зимою лошадьми, которымъ приходилось усердно работать копытомъ, чтобъ добывать кормъ изъ подъ глубокаго снѣга. Генералъ Обручевъ, желая положить конецъ дикой жизни Башкирцевъ, ввелъ обязательную запашку.

Но тяжело было Башкирцу разстаться съ своимъ обычаемъ проводить лѣто на кочевкѣ. Какъ только наступитъ весна, его тянетъ «лежать»: такъ называютъ они лѣтнее препровожденіе времени. И дѣйствительно, Башкирецъ все лѣто лежитъ. Печетъ его солнце, потъ гра-

---

[7]) Отъ с. сов. Н. И. Ціолковскаго.

[8]) Отъ Г. Г. Благушиной, мужъ которой служилъ въ Оренбургѣ въ то время.

[9]) Отъ полковника Е. Е. Аѳанасьева.

[10]) Отъ д. с. сов. П. И. Маслова.

домъ льетъ съ него, а онъ пьетъ кумысъ и лежитъ или сидитъ, поджавъ ноги.

Морозъ начинаетъ уже щемить землю, Башкирецъ продаетъ лошадь и покупаетъ сѣмена: «пора говоритъ сыпить зерна». И дѣйствительно, онъ ихъ «сыпитъ»: кое-какъ его деревянная сошка поцарапаетъ землю, посыпитъ Башкирецъ на нея зерно, поклюетъ это зерно птица, а остальное промерзаетъ—не взойдетъ; и на будущій годъ хлѣба нѣтъ, лошадью одною меньше, и опять забота «сыпить зерна» по приказанію начальства.

Полудикій Башкирецъ, правда, не умѣлъ «зерна сыпить», но его лихія лошади изумляли быстротою бѣга и выносливостію: бывало, станція 20—22 версты дѣлается въ одинъ часъ. Когда одинъ мой знакомый, Н. А. Галкинъ, купивъ подъ Уфою имѣніе, въ первый разъ ѣхалъ туда, его поразила эта быстрая ѣзда. «Тише!» кричитъ онъ ямщику. «Какъ тише?» отвѣчаетъ удивленный Башкирецъ, «за чѣмъ лошадь портить?»

Когда было учреждено генералъ-губернаторство Оренбургское и образована Самарская губернія, генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, губернаторомъ Самарскимъ Волховской, а епархіальнымъ архіереемъ Самарскимъ епископъ Евсевій (нынѣ архіепископъ Могилевскій). По пріѣздѣ Перовскаго въ Самару, преосвященный, жившій въ одномъ домѣ съ губернаторомъ, просилъ узнать, когда графъ можетъ его принять. «Передайте преосвященному», сказалъ графъ Перовскій, «чтобъ не безпокоился: я самъ къ нему зайду». Во время бесѣды преосвященный два раза сдѣлалъ возваженіе графу Перовскому, и оба раза Перовскій съ нимъ согласился. Прійдя къ губернатору, Перовскій сказалъ ему: «Мнѣ очень понравился вашъ архіерей; онъ откровенно и прямо говоритъ чтó не такъ. А мнѣ, повѣрите ли, такъ приторно это поддакиванье каждой мысли, каждому слову! Неужели же я, какъ человѣкъ, не могу ошибаться? Мнѣ очень пріятно было выслушать возраженія преосвященнаго».

Отношенія графа съ преосвященнымъ сдѣлались близкими съ перваго знакомства и укрѣпились впослѣдствіи перепискою, не прекращавшеюся до самой кончины графа Перовскаго.

Узнавъ о назначеніи преосвященнаго Евсевія въ Иркутскъ, графъ Василій Алексѣевичъ просилъ его принять маршрутъ на Оренбургъ и посѣтить его. Преосвященный исполнилъ желаніе графа съ полнымъ удовольствіемъ.

Въ Оренбургѣ преосвященный пробылъ около сутокъ. У заставы его встрѣтилъ полицейскій офицеръ и препроводилъ въ приготовленное помѣщеніе. Вскорѣ посѣтилъ его графъ Перовскій, и за тѣмъ преосвя-

щенный былъ у него. При дальнѣйшемъ слѣдованіи его по Оренбургскому краю, на разстояніи 1500 верстъ, передъ нимъ ѣхалъ офицеръ, заготовляя лошадей и расплачиваясь за прогоны. Преосвященный просилъ его не производить такого расхода, объясняя, что ему отпущены прогоны. Офицеръ извинялся, что требованіе дисциплины не дозволяетъ ему нарушить даннаго приказанія.

Графъ В. А. Перовскій, какъ сказано выше, не прерывалъ своей переписки съ преосвященнымъ Евсевіемъ до самой кончины и изъ Алупки (имѣнія князя Воронцова въ Крыму), куда онъ, удрученный болѣзнію, переѣхалъ и гдѣ скончался, между прочимъ, сообщилъ владыкѣ, что «Богъ послалъ ему утѣшеніе въ молодомъ духовникѣ» [1]).

Живя въ Алупкѣ, графъ Василій Алексѣевичъ постоянно участвовалъ въ церковной молитвѣ. Становился онъ въ алтарѣ. Обыкновенно стоялъ на колѣняхъ, опершись на стулъ. Ежедневно духовникъ читалъ ему Евангеліе и Апостолъ дня и толкованіе. Графъ слушалъ съ умиленіемъ. Онъ часто принималъ Св. Дары, какъ только замѣчалъ малѣйшее ухудшеніе въ болѣзненномъ своемъ состояніи.

Графъ Перовскій имѣлъ воспитанника, который принесъ ему много огорченій (онъ былъ разжалованъ въ рядовые). Духовникъ графа въ бесѣдѣ съ нимъ старался воскресить въ немъ прежнюю нѣжную любовь къ юношѣ. «Я прощаю ему», говорилъ графъ В. А. «Этого мало» настаивалъ духовникъ: «вы обратите къ нему ту любовь, какую дали бы сыну, отъ котораго кромѣ радости и утѣшенія не получали бы ничего».—«Я этого не могу; это выше моихъ силъ: какъ хотите вы, чтобъ я могъ забыть то тяжкое горе, которымъ поразилъ онъ меня?» Но духовникъ, объясняя притчу Христову, не переставалъ отъ времени до времени развивать эту мысль и убѣждать графа. 7-го Декабря 1858 года вечеромъ, гр. Перовскій просилъ отслужить на другой день обѣдню ранѣе и пріобщить его Св. Таинъ. «Боюсь отойти безъ напутствія», сказалъ онъ. Разумѣется, желаніе его было исполнено: въ шестомъ часу 8-го Декабря служили обѣдню и его пріобщили. Послѣ обѣдни духовникъ и всѣ близкіе къ графу пришли къ нему. «Придвиньте меня къ окну и отворите ставни; я хочу въ послѣдній разъ взглянуть на свѣтъ», сказалъ онъ окружающимъ. Его придвинули на креслѣ къ окну и открыли ставни. Едва занималась заря. Онъ молча указалъ на крестъ съ животворящимъ древомъ, присланный ему великою княгинею Маріею Николаевною. Ему его подали. Поцѣловавъ и прижавъ этотъ крестъ къ груди, онъ выразительно произнесъ: «Я прощаю Алешу!» Голова

---

[1]) Отъ преосвященнаго архіепископа Евсевія.

его откинулась, духовникъ поспѣшилъ поддержать. Оказалось, слово прощенія было послѣднее слово, а съ нимъ и послѣдній вздохъ графа [12]).

*

Служившій при Перовскомъ еще въ первое его управленіе Оренбургскимъ краемъ, любимецъ его Середа былъ губернаторомъ въ Вяткѣ. Не смотря на чрезвычайную вспыльчивость, Середа оставилъ тамъ хорошую о себѣ память. Разъ посѣтилъ онъ городъ Орловъ. Обыватели Орловскіе, при своей хорошей матеріальной обстановкѣ, отличались крайнею неразвитостію. Городской голова, пригласивъ губернатора къ себѣ на чай, освѣдомился у его камердинера, чтò особенно любитъ его превосходительство. Повѣса молодой камердинеръ и скажи, на смѣхъ, что-де очень любитъ съ сальныхъ свѣчей снимать. Голова вполнѣ довѣрилъ этой шуткѣ и, къ удовольствію губернатора, поставилъ въ гостинной на столѣ передъ диваномъ, въ четырехъ серебрянныхъ шандалахъ, сальныя свѣчи и тутъ же, на серебрянномъ лоточкѣ, такіе же щипцы (съёмы). Почетный гость былъ усаженъ на диванѣ, по обѣ стороны коего на креслахъ помѣстились хозяинъ и хозяйка. Подавали чай, десертъ, вина, губернаторъ бесѣдовалъ и отъ времени-до-времени, какъ нагорало на свѣчахъ, совершалъ операцію сниманія со свѣчей. Каждый разъ при этомъ хозяинъ переглядывался съ хозяйкою, мысленно одобряя себя за предусмотрительность. Наконецъ, Середѣ наскучила бесѣда и сниманіе со свѣчей; онъ распрощался съ хозяевами и уходитъ. Хозяйка съ поклонами провожаетъ его въ прихожую, между тѣмъ какъ хозяинъ, поставивъ всѣ шандалы съ щипцами на серебрянный подносъ, бѣжитъ вслѣдъ съ предложеніемъ: «Ваше превосходительство! На дорожку!» Съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него Середа. «Вы съ ума чтò ли сошли!», обратился онъ къ изумленному въ свою очередь Орловскому гражданину [13]).

*

Въ тридцатыхъ годахъ въ Уфѣ былъ губернаторомъ Авксентій Павловичъ Гевличъ. Это былъ человѣкъ высокой честности, умный, ученый, но человѣкъ кабинетный, тихій. Разъ, проходя по базару, онъ встрѣтилъ отставнаго солдата, кѣмъ-то крайне обиженнаго. «Служивый!» спрашиваетъ его Гевличъ, «чтò съ тобою? Кто тебя обидѣлъ?» Служивый разсказалъ обиду. «Чтò же ты не пожалуешься?»—«Да кому жало-

[12]) Отъ протоіерея К. И. Коченовскаго.

[13]) Отъ ст. сов. Н. И. Ціолковскаго, служившаго при Середѣ.

ваться-то?»—«Да ты бы пожаловался губернатору?»—«Эхъ, губернатору! Да губернаторъ-то, говорятъ, у насъ «баба!» не безъ досады замѣтилъ солдатъ. Разсказывая объ этомъ случаѣ моему отцу, Гевличъ прибавилъ смѣясь: «Вотъ какую я нажилъ себѣ репутацію!»

*

Когда Скобелевъ (бывшій комендантъ Петербургской крѣпости) служилъ фельдфебелемъ въ Уфимскомъ линейномъ батальонѣ, командиромъ батальона былъ полковникъ Василій Даниловичъ Лазаревъ, человѣкъ строгій. Скобелевъ любилъ покутить, а потому ему частенько доставалось отъ полковника; но молодая полковница защищала его отъ гнѣва командира. Старикъ Скобелевъ былъ всегда ей признателенъ. Бывъ уже комендантомъ, онъ говаривалъ ей: «Помнишь, мать командирша, какъ ты меня отъ полковничьяго гнѣва спасала?» [14])

*

Извѣстенъ случай при императорѣ Николаѣ о запятой, измѣнившей волю Государя. Иногда, какъ въ упоминаемомъ ниже случаѣ, отсутствіе запятой даетъ забавный смыслъ рѣчи. Въ сороковыхъ годахъ былъ въ Уфѣ помощникомъ окружнаго начальника государственныхъ имуществъ Р. Знаки препинаній не давались ему, а потому онъ ихъ вовсе оставилъ въ своихъ бумагахъ. Ему поручено было содѣйствовать къ прекращенію падежа. По исполненіи порученія, онъ донесъ палатѣ, что «падежъ прекратился, и осталась одна больная скотина помощникъ окружнаго Р.»

Разумѣется, сердобольные Россіяне послѣ этого случая, при встрѣчахъ съ нимъ, всегда спрашивали его о здоровьи.

*

Въ началѣ этого столѣтія въ Уфѣ былъ епархіальнымъ архіереемъ Амвросій. Говорилъ онъ проповѣдь безъ тетради, но, какъ оказалось, приготовившись. Разъ измѣнила ему память. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ молча, переминаясь съ ноги на ногу и припоминая забытое; наконецъ съ досадою плюнулъ и, вынувъ изъ кармана тетрадку, окончилъ по ней свое поученіе [15]).

*

Во время Крымской войны въ Кіевѣ была встрѣча Курскаго ополченія. Генералъ-губернаторъ кн. * поручилъ профессору Шульгину

---

[14]) Отъ самой А. И. Лазаревой.

[15]) Отъ Уфимскаго старожила И. Т. Сидорова.

составить рѣчь. Встрѣча была устроена у крещальни св. Владиміра. Генералъ-губернаторъ долженъ былъ сказать: «Наши предки на семъ св. мѣстѣ приняли вѣру, которую идете вы защищать» и т. д. Князь *, имѣлъ поговорку «стало быть». Понадѣясь на память, онъ не далъ себѣ, должно быть, труда хорошо усвоить рѣчь и, встрѣтивъ ополченцевъ, началъ говорить такъ: «ваши предки...» Спохватившись, онъ какъ бы включаетъ здѣсь себя, поправился: «стало быть, наши предки... стало быть... стало быть...» Тутъ окончательно онъ смѣшался и, повторивъ нѣсколько разъ свою поговорку, махнулъ рукою и крикнулъ, къ досадѣ стоявшаго тутъ автора, «а впрочемъ, здравствуйте ребята!»

*

Въ губернскомъ дворянскомъ собраніи С. уѣздъ хотѣлъ сдѣлать заявленіе. При разговорѣ о томъ генералъ О. постоянно одобрялъ: «совершенно вѣрно, совершенно справедливо, я совершенно съ вами согласенъ». Когда поставленъ былъ вопросъ, кому говорить въ собраніи, нѣкоторые, для шутки, указали на генерала, увѣряя, что слово его, какъ старшаго годами и заслугами, будетъ имѣть болѣе вѣса. Генералъ откровенно объяснялъ, что̀ онъ не знаетъ ка́къ и что̀ говорить. «Вы начните только», уговаривали шутники, продиктовавъ ему 3—4 слова, «а мы будемъ вамъ подсказывать». Генералъ согласился. Пришли въ залъ, генералъ проситъ сло́ва. Водворяется молчаніе. Генералъ съ важностію произноситъ заученныя имъ слова и останавливается, прислушиваясь къ суфлерамъ. Не видя помощи, онъ посмотрѣлъ на право и налѣво, нѣтъ суфлеровъ. «Что̀ же дальше?» спрашиваетъ онъ. «Да куда же они дѣвались?» Но суфлеры сыграли злую шутку съ генераломъ: они спрятались въ толпѣ, и рѣчь генерала окончилась общимъ смѣхомъ.

Интересно, что этотъ генералъ былъ начальникомъ штаба Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса при командирѣ его Обручевѣ.

*

Въ томъ же собраніи предсѣдатель предоставилъ одному дворянину слово. Ораторъ всталъ, оперся на стулъ, окинулъ взглядомъ все собраніе и произнесъ: «Господинъ министръ межеванія». Его дергаютъ за полу и поправляютъ «управляющій межевою частію». «Да управляющій межевою частію», повторилъ ораторъ и умолкъ, продолжая осматривать собраніе. Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Дворяне, пожалуй, начинали думать, не свершилось ли съ нимъ чудо, подобное библейскому чуду съ Захаріею. Предсѣдатель, вѣроятно, чтобъ разрѣшить подобное недоумѣніе, спросилъ оратора: «Вы кончили?» —«Кончилъ-съ»,

отвѣчалъ тотъ, спокойно и не безъ достоинства усѣвшись на свой стулъ.

Подобные курьезы зачастую случаются и въ земскихъ собраніяхъ. Но здѣсь не диво, если принять во вниманіе, что въ нихъ участвуютъ всѣ сословія и многіе вовсе не приготовлявшіеся къ трибунѣ.

*

С—кое земство пригласило къ себѣ врача по фамиліи Волкогона. Сосѣднее М—кое земство рѣшилось тоже пригласить врача. Нѣкто С. предложилъ свои услуги М—кому земству. Предсѣдатель собранія докладываетъ о необходимости имѣть земству врача, а когда вопросъ этотъ прошелъ въ утвердительномъ смыслѣ, заявилъ собранію о предложеніи лекаря С. «Нѣтъ», простодушно замѣтили гласные отъ поселянъ, «не треба его, а надо такого лекаря какъ въ С—ѣ: чтобъ и лечилъ, и звѣрье выгонялъ».

М—цы оказались очень смѣтливыми по части экономіи; а звѣрье какъ видно, одолѣвало ихъ не на шутку.

*

Извѣстно, что въ прежнее время въ Сенатѣ, при рѣшеніи дѣлъ, бывало единомысліе, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. мыслилъ одинъ оберъ-секретарь, а сенаторы подписывали. Вотъ сложившійся анекдотъ о царевичѣ Грузинскомъ, присутствовавшемъ въ Сенатѣ, указывающій на давніе порядки.

Извѣстное царевичу лицо обратилось къ нему съ просьбою помочь ему въ его сенатскомъ дѣлѣ. Царевичъ далъ слово. Послѣ однако оказалось, что просителю отказали, и царевичъ, вмѣстѣ съ другими сенаторами, подписалъ опредѣленіе. Проситель является къ нему. «Ваша свѣтлость!» говоритъ онъ, «вы обѣщали мнѣ поддержать меня въ моемъ дѣлѣ».—«Обѣщалъ, братецъ».—«Какъ же, ваша свѣтлость, вы подписали опредѣленіе противъ меня?»—«Не читалъ, братецъ не читалъ».—«Какъ же, ваша свѣтлость, вы подписываете не читавши?»—«Пробовалъ, братецъ: хуже» [16]).

*

Генеологія царей Грузинскихъ самая древнѣйшая: они ведутъ свой родъ отъ Давида, царя Израильскаго. Но тѣмъ неменѣе Департаментъ Герольдіи, разбирая дворянскія родословныя книги, въ сороковыхъ годахъ, потребовалъ отъ князя Грузинскаго доказательствъ на дворян-

---

[16]) Отъ П. В. Псіола.

ство. Князь Грузинскій представилъ родословную и документы, удостовѣряющіе, что онъ сынъ царевича Грузинскаго, отецъ котораго, владѣтельный царь Грузіи такой-то, его отецъ владѣтельный царь Грузіи такой-то, и такъ далѣе, доводя свою родословную до Давида, царя Израильскаго, «а тамъ», добавилъ онъ, «смотри Евангеліе отъ Матѳея, глава первая, до Адама».

Отказать Адаму въ правахъ дворянства Сенатъ никакъ не рѣшился, такъ какъ извѣстно всякому, что Адамъ былъ первымъ землевладѣльцемъ на нашей планетѣ [17]).

*

Извѣстно что въ давнее время должность оберъ-прокурора считалась доходною и кто получалъ эту должность, тотъ имѣлъ всегда въ виду поправить свои средства. Вотъ экспромтъ по этому случаю, сказанный Пушкинымъ и слышанный мною въ дѣтствѣ. Сидитъ Пушкинъ у супруги оберъ-прокурора. Огромный котъ лежитъ возлѣ него на кушеткѣ. Пушкинъ его гладитъ, котъ выражаетъ удовольствіе мурлыканьемъ, а хозяйка пристаетъ съ просьбою сказать экспромтъ. Шаловливый молодой поэтъ, какъ бы не слушая хозяйки, обратился къ коту:

Котъ-Васька плутъ, Котъ-Васька воръ,
Ну словно оберъ-прокуроръ».

Однажды Пушкинъ вошелъ, кажется въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, гдѣ между молодежью имѣлъ много знакомыхъ. Молодежъ занималась дѣломъ: ловила мышь. Но расторопная мышь улизнула отъ нихъ уже предъ глазами вошедшаго Пушкина, который при этомъ воскикнулъ:

«Побѣдили, побѣдили!
Такъ воскликнемъ же «ура!»
Если мышь мы не убили,
То убили мы бобра! [18])

*

Былъ въ Петербургѣ корпусный командиръ Влодекъ. Жена его Александра Дмитріевна, урожденная графиня Толстая, была красавица. Карамзинъ, придя разъ къ нимъ и не заставъ хозяйки, на обрывкѣ б маги написалъ, вмѣсто визитной карточки, слѣдующія строки:

---

[17]) Отъ д. с. сов. А. Е. Заварицкаго.

[18]) Отъ генерала маіора П. А. Казадаева.

«Люблю тебя, мой другъ, любить;
Люблю тебя любить всѣхъ болѣ.
Любилъ бы я съ тобою жить
Въ счастливой, въ тяжкой, въ бѣдной долѣ» [19]).

*

И у Номадовъ есть нѣчто поэтическое. Поетъ Башкирецъ обо всемъ, что̀ представляется его глазамъ: и сребристый ковыль, и быстролетная птица, и ясное небо, все состовляетъ предметъ его импровизированной пѣсни. И скудная природа Азіатскихъ степей, ея просторъ и безмолвіе не могутъ лишить человѣка этой склонности.

Разъ въ Оренбургъ привели Киркиза, пойманнаго въ степи и показавшаго себя непомнящимъ родства. «Кто твои родные?» спрашиваютъ его.—«Мои родные?» задумчиво повторяетъ Киргизъ, «мои родные орелъ да кречетъ».

*

Въ Русской Старинѣ помѣщались разсказы объ Иркутскомъ архіепископѣ Иринеѣ. Вотъ еще два, слышанные мною разсказа о немъ.

При служеніи, во время кажденія, Ириней читалъ псаломъ *«помилуй мя Боже»* довольно громко. Когда же кадилъ генералъ-губернатору и коменданту, то возвышалъ еще болѣе голосъ, непремѣнно подгоняя такъ, что, кадя генералъ-губернатору, произносилъ стихъ: *«Научу беззаконныя путемъ Твоимъ»*, а коменданту: *«и нечестивіи къ Тебѣ обратятся“* [20]).

Одна вдова-священника пошла къ нему просить пособія. Нужно написать просьбу, она неграмотна, а знакомыхъ нѣтъ. Встрѣтился ей семинаристъ. Вдова проситъ его написать и даетъ двугривенный. Семинаристъ написалъ и вручилъ ей слѣдующую челобитную:

Идетъ баба
Къ архирею,
Къ архирею
Иринею.
Несетъ баба
Архирею
Иринею
Ахинею:
Архирей
Ириней,
Давай денегъ,
Не жалѣй.

---

[19]) Отъ камергера Д. П. Голубцова.
[20]) Отъ ротмистра В. И. Ѳокина.

Ириней пришелъ въ негодованіе и слезъ бѣдной вдовицы не осушилъ [21]).

*

Въ противуположность разсказу объ Иринеѣ, не безъинтересенъ слѣдующій случай. Покойный архіепископъ Черниговскій Филаретъ Гумилевскій лишилъ благочинія одного священника Борзенскагоуѣзда, по доносамъ. Впослѣдствіи оказалось, что священникъ, понесшій наказаніе, былъ оклеветанъ. Преосвященный Филаретъ, при объѣздѣ епархіи, въ селѣ Бѣльмачовкѣ, выйдя изъ экипажа, замѣтилъ въ числѣ встрѣчающаго его духовенства этого священника І. Я-го, котораго лишилъ благочинія. Сдѣлавъ ему до земли поклонъ, владыко со смиреніемъ произнесъ: «Прости меня, отецъ; я невинно тебя осудилъ».

*

Могилевскій архіепископъ Варлаамъ Шишацкій былъ, какъ извѣстно, лишенъ сана за присягу Наполеону въ 1812 году. Чинъ снятія сана по сему случаю былъ составленъ Синодомъ [22]), а самая церемонія совершалась въ Черниговскомъ каѳедральномъ соборѣ архіепископомъ Михаиломъ, впослѣдствіи митрополитомъ С.-Петербургскимъ [23]).

Варлаамъ былъ человѣкъ ученый, имѣлъ большую и цѣнную библіотеку, которая и погубила его. Когда изъ Могилева всѣ выбирались, спрашивали Варлаама, почему онъ не спѣшитъ отъѣздомъ. Онъ, приведя вопрошающихъ въ свою сокровищницу и указывая на книги, спросилъ: «Это куда я дѣну? Да будетъ воля Божья!» Когда Французы заняли Могилевъ, Варлаамъ смалодушествовалъ и присягнулъ Наполеону [24]).

Обрядъ снятія сана былъ выполненъ въ день будній, утромъ, вѣроятно съ цѣлію, дабы присутствіемъ многочисленной публики еще болѣе не смутить несчастнаго архіерея. Михаилъ облачался въ алтарѣ, тогда какъ Варлаама облачали по чину, среди церкви. По облаченіи Михаилъ вышелъ, протодіаконъ прочиталъ указъ, и съ Варлаама стали снимать облаченіе. Варлаамъ плакалъ, плакалъ Михаилъ съ духовенствомъ, плакалъ народъ, котораго было немного. По снятіи облаченія возложили на Варлаама рясу и отправили въ Новгородсѣверскій монастырь на жительство. Тамъ онъ прожилъ пять лѣтъ и провелъ

---

[21]) Отъ него же.

[22]) Отъ протоіерея В. Казимовскаго.

[23]) Отъ священника И. Д. Бакуревича.

[24]) Отъ к. сов. А. И. Ханенка.

эти годы въ слезахъ, отъ чего вѣроятно и ослѣпъ, года черезъ три. Говорятъ, будто бы Александръ Благословенный предлагалъ ему возвратить санъ, но Варлаамъ, считая себя недостойнымъ, отказался [25]).

Имущества и капитала не осталось послѣ Варлаама; библіотеку завѣщалъ онъ монастырю, свидѣтелю скорбныхъ дней его [26]).

*

Чувствуя приближеніе кончины, Михаилъ Десницкій, митрополитъ С.Петербургскій, сдѣлалъ всѣ распоряженія, бесѣдовалъ съ ректоромъ и экономомъ, прощался со всѣми. Вечеромъ того дня онъ велѣлъ позвать пѣвчихъ и приказалъ имъ, когда онъ дастъ знакъ, пѣть: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко». Онъ былъ уже очень слабъ и едва могъ сдѣлать движеніе рукою. Окружающіе не поняли, и только за повтореніемъ этого движенія пѣвчіе запѣли канонъ на исходъ души, во время котораго архипастырь преставился [27]).

*

Архіепископъ Черниговскій Варлаамъ (Денисовъ), страдая водяною, удалился на покой въ Новгородсѣверскій монастырь. Страданія свои переносилъ онъ съ величайшимъ терпѣніемъ; но «смущаетъ меня то, говорилъ онъ, что умру отъ такой болѣзни, послѣ которой тѣло быстро разлагается, и всѣ при отпѣваніи будутъ спѣшить предать землѣ смердящаго; а я никогда не позволялъ себѣ сокращать церковное служеніе и желалъ бы, чтобъ чинъ отпѣванія надо мною былъ выполненъ неупустительно» [28]).

Цѣлый мѣсяцъ онъ питался ржанымъ кофе, по чашкѣ въ день, и въ скоромные дни по чашкѣ молока. Сидѣлъ на досчатомъ диванѣ. День кончины былъ указанъ святителемъ; онъ совпалъ съ днемъ кончины его отца, предсказавшаго во снѣ кончину сыну за шесть недѣль. Поздно ночью болящій, отпустивъ своего келейника отдохнуть, приказалъ придти, когда будутъ благовѣстить къ утренѣ. Келейникъ нашелъ его почившимъ, въ сидячемъ положеніи какъ оставилъ, опершимся на локотникъ дивана. Когда тѣло полагали во гробъ, приготовленный самимъ святителемъ, неосторожно приподняли одинъ бокъ, причемъ вода обильно хлынула изъ гортани [29]).

Отпѣваніе совершалъ преосвященный Серапіонъ, прибывшій на шестой день по кончинѣ. Но не только ничто не напоминало о тлѣніи,

---

[25]) Отъ священника И. Д. Бакуревича.
[26]) Отъ протоіерея В. Казимовскаго.
[27]) Отъ священника И. Д. Бакуревича.
[28]) Отъ А. И. Ханенка.
[29]) Отъ него же.

но чѣмъ-то благодатнымъ вѣяло при гробѣ. Служеніе на другой день продолжалось пять часовъ, и желаніе усопшаго было выполнено [30]).

Черниговскій архіепископъ Филаретъ (Гумилевскій) въ послѣдній разъ объѣзжалъ по епархіи, когда сильная холера въ губерніи повергла въ уныніе народонаселеніе. Его отговаривали отъ задуманной поѣздки, но въ виду именно тяжелаго общаго унынія, онъ считалъ объѣздъ свой *благовременнымъ и благопотребнымъ.* Предположено было имъ обозрѣть почти половину губерніи, и такимъ образомъ онъ долженъ былъ возвратиться неранѣе какъ къ 26 Августа. При прощаніи, на вопросъ соборнаго протоіерея: когда его ожидать? онъ отвѣчалъ: «19-го буду»—«Владыко! вы не успѣете»—«Нѣтъ, я не замѣшкаюсь».

Филаретъ служилъ благоговѣйно и всегда при освященіи даровъ плакалъ. 7-го Августа въ селѣ Фастовцахъ онъ служилъ въ послѣдній разъ и рыданіемъ своимъ при освященіи даровъ навелъ трепетъ на предстоящихъ. 8-го онъ заболѣлъ холерою, и въ 4-мъ часу утра 9-го, послѣ елеосвященія, по желанію его совершеннаго, скончался, а 19 благочестивые Черниговцы на своихъ раменахъ ввезли въ городъ печальную колесницу съ прахомъ своего знаменитаго архипастыря [31]).

*

Черниговскій соборъ есть знаменитый историческій памятникъ: его заложилъ Мстиславъ, сынъ Равноапостальнаго Владимира; онъ оконченъ въ 1031 г., въ память побѣды надъ Ляхами. Такимъ образомъ онъ пятью годами старше Кіевскаго Софійскаго собора. При архіепископѣ Лазарѣ Барановичѣ онъ былъ покрытъ соломою, такъ какъ первоначальная, вѣроятно черепичная, а потомъ свинцовая, крыша пропала. Преосвященный Лазарь неоднократно дѣлалъ энергичныя представленія Св. Синоду объ отпускѣ суммы на устройство желѣзной крыши, указывая, что сквозь своды протекаетъ дождь, и собору грозитъ разрушеніе [32]). Не добившись отъ Синода просимой суммы, онъ устроилъ на средства Барковскаго деревянную, гонтовую крышу, и только въ царствованіе императрицы Екатерины и послѣ посѣщенія ею Чернигова, соборъ покрытъ желѣзомъ, устроенъ новый иконостасъ [33]), и для семметріи поставлена вторая башня. Это курьезно.

А вотъ курьезъ современный. Въ 1864 году Французской Имперіи, въ департаментѣ Сены, въ столичномъ городѣ Парижѣ освященъ

---

[30]) Отъ преосвященнаго епископа Серапіона.
[31]) Отъ протоіерея В. Казимовскаго.
[32]) Дѣло въ Черниговской Консисторіи.
[33]) Отъ протоіерея В. Казимовскаго.

первый Русскій православный храмъ. Въ 1866 году, Россійской Имперіи Черниговской губерніи, въ городѣ Новозыбковѣ освященъ *первый* православный храмъ, и то выстроенный стараніемъ частнаго лица. До того же времени въ табельные дни Новозыбковскіе чиновники отправлялись въ церковь ближайшаго села Людкова для принесенія молитвъ.

*

Какъ прежде вообще безконтрольно велись дѣла̀, можетъ указать слѣдующій, разсказъ.

Въ Ч—мъ казначействѣ былъ бухгалтеромъ старикъ В., чуть ли не родившійся въ казначействѣ; по крайней мѣрѣ всю жизнь свою провелъ онъ тамъ. Графъ X., внося поземельный сборъ, шутя говоритъ В.: «Ну, что бы вамъ съ меня платежей перечислить на З—го: онъ человѣкъ богатый, одинокій».—«О! давнѣй это можно было, а нынѣ порядки не тѣ», съ тономъ сожалѣнія о погибшемъ золотомъ времени, замѣтилъ бухгалтеръ.

*

Какое понятіе имѣютъ о религіи Чуваши, даетъ указаніе слѣдующій *богословскій* разговоръ. «Чья вѣра лучше?» спрашивалъ я, бывъ ребенкомъ, у Чувашенина. «Наша лучше», безъ запинки отвѣчалъ Чувашенинъ. «Почему ты думаешь, что ваша лучше?»—«Наша вѣра грѣхъ нѣтъ, ваша вѣра грѣхъ есть».

Нельзя сказать, чтобъ и нашъ православный людъ имѣлъ надлежащее понятіе о религіи. Говорилъ мнѣ одинъ священникъ, что когда въ М. прибылъ энергичный архіерей, то, объѣзжая епархію, онъ спросилъ въ одномъ селѣ у крестьянина, указывая на икону Пресвятой Богородицы: «Кто это?»—«Пречистая», отвѣчалъ тотъ. Такой отвѣтъ нѣсколько удовлетворилъ преосвященнаго. «Ну, а кто у нея на рукахъ?» спросилъ онъ. «Кажись, дѣвчонка», отвѣчалъ пасомый. Можно представить скорбь архипастыря! [34]).

Впрочемъ и въ большомъ свѣтѣ нашемъ не менѣе смутныя имѣютъ понятія о религіи. Вотъ два разсказа А. Н. Муравьева.

Къ графу М. Н. Муравьеву въ деревню, въ числѣ гостей, пріѣхалъ его родственникъ сенаторъ М., человѣкъ весьма умный, но въ богословіи профанъ совершенный. Хозяйка просила Андрея Николаевича занять духовенство. «Да смотри», говоритъ, «пожалуста, чтобъ М. не выкинулъ штуки».

---

[34]) Отъ священника К. Савинича.

Сидитъ Андрей Николаевичъ съ священникомъ, подходитъ М., Муравьевъ ихъ знакомитъ. М. спрашиваетъ его: «Скажи, братъ; сего дня вѣдь Михаила Архангела?»—«Да»—«А кѣмъ онъ прежде былъ?»—«Какъ кѣмъ?»—«Ну, да на землѣ?»—«Какъ на землѣ?!»—«Да вѣдь, понимаешь, есть же тамъ у нихъ производство!»—«Помилуй, что ты говоришь?!» «Ты вѣчно такъ; къ тебѣ съ серьезнымъ вопросомъ, а ты отвѣчаешь глупостью», произнесъ съ досадою М. и ушелъ. «Вы, батюшка, не обращайте вниманія на такія странности: онъ немножко того»... пояснилъ Муравьевъ священнику, показывая на лобъ. «Ахъ, какъ жаль», замѣтилъ священникъ; «а какой, кажется, хорошій человѣкъ».

И такъ, чтобъ поддержать репутацію большаго свѣта, пришлось умнаго человѣка выдать за помѣшаннаго.

Историческій писатель Михайловскій-Данилевскій спрашивалъ Андрея Николаевича по возвращеніи его съ Востока, видѣлъ ли онъ въ Іерусалимѣ мощи Іисуса Христа? Онъ же, во время литургіи, подошелъ пріобщаться на большомъ выходѣ послѣ херувимской пѣсни [35]).

Здѣсь еще болѣе можно поскорбѣть и призадуматься.

*

Покойный генералъ Константинъ Степановичъ Безносиковъ женился очень молодымъ, лѣтъ восемнадцати. Девятилѣтнимъ мальчикомъ онъ ѣздилъ въ пансіонъ съ двѣнадцатилѣтнею дѣвочкой въ одной каретѣ. Эта чета въ каретѣ поклялась въ вѣчной любви, давъ слово принадлежать другъ другу. И такъ женитьба Безносикова если не была зрѣло обдуманною, то по крайней мѣрѣ не наскоро рѣшенною: ему предстояло еще девять лѣтъ впереди до установленнаго закономъ возраста вступать въ бракъ. На слѣдующій годъ онъ отданъ былъ въ 1-й кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ на восемнадцатомъ году. Молодой офицеръ объявилъ сейчасъ же роднымъ о непреклонномъ своемъ намѣреніи возложить на себя узы Гименея. Какъ ни похвально въ молодомъ человѣкѣ влеченіе къ семейной жизни, тѣмъ не менѣе родные и отецъ обратились къ графу Чернышову (военному министру) съ просьбою убрать подальше влюбленнаго. Его отправили на Китайскую границу.

Зимою онъ безъ отпуска прибылъ въ Петербургъ и явился къ графу Чернышову. На вопросъ Чернышова: «какъ онъ смѣлъ явиться сюда?» Безносиковъ отвѣчалъ, что зимою работы нѣтъ, и онъ свободенъ. «Да понимаете ли вы», строго замѣтилъ Чернышовъ, «что вы за самовольное оставленіе вашего поста будете разжалованы?»—«Я на все

---

[35]) Отъ А. Н. Муравьева.

готовъ», отвѣчалъ Безносиковъ, «но долженъ сдержать слово, данное дѣвушкѣ: долженъ жениться».

Чернышовъ доложилъ Государю Николаю Павловичу. Государь сказалъ: «по уваженію къ молодости лѣтъ и заслугамъ отца (наказнаго атамана Сибирскаго казачьяго войска) простить».

Безносиковъ женился и отправился къ своему посту [36]).

*

Когда Дюма-отецъ путешествовалъ по Россіи, въ Казани онъ явился въ Русскихъ сапогахъ и чамаркѣ, объясняя, что свой Европейскій костюмъ оставилъ въ послѣднемъ Европейскомъ городѣ Петербургѣ. Однако на Русскихъ сапогахъ онъ сталъ приносить грязь и песокъ въ гостинныя, почему Казанскія домы стали ему отказывать въ пріемѣ.

*

Въ числѣ остротъ покойнаго князя Меншикова разсказываютъ слѣдующую.

Первымъ министромъ государственныхъ имуществъ былъ графъ П. Д. Киселевъ. До учрежденія этого министерства государственные крестьяне были въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ; по образованіи же министерства ближайшими начальниками крестьянъ стали такъ называемые окружные. Внося дань въ палату, они облагали ею волостныхъ головъ, тѣ крестьянъ. Порядки эти были извѣстны всѣмъ; но зло уничтожить было трудно. На Кавказѣ какъ-то долго не могли взять одного аула. Меншиковъ по этому поводу сказалъ: «Эхъ, старъ уже сталъ князь Михаилъ Семеновичъ (Воронцовъ): не можетъ аула разорить. Нѣтъ, послать бы нашего графа Павла Дмитріевича; ему это ни по чемъ: онъ не одну деревню государственныхъ крестьянъ разорилъ». Разумѣется, это было сказано для краснаго словца, такъ какъ графъ Киселевъ, при высокой честности своей, весьма былъ внимателенъ къ положенію крестьянъ и, зная о существованіи злоупотребленій, не былъ къ тому равнодушенъ. Что же касается государственнаго ума его, то о немъ графъ Толь, говорятъ, сказалъ: «Если мнѣ нужно четверть часа для размышленій, чтобъ рѣшить вопросъ, Киселевъ рѣшитъ въ одну минуту».

*

Нельзя упрекнуть Русскую женщину къ недостаткѣ отваги и предпріимчивости. Какъ видно, вѣковая замкнутость не истребила этого свой-

---

[36]) Отъ самаго Безносикова.

ства Русской женщины, по крайней мѣрѣ Тамбовскихъ мѣщанокъ, о коихъ идетъ ниже рѣчь.

А. Н. Муравьевъ, пріѣхавъ въ Неаполь, остановился у своего пріятеля, нашего посланника при Неаполитанскомъ дворѣ. «Знаешь ли», говоритъ хозяинъ, «какая у меня гостья?» И онъ повелъ его въ конюшню, гдѣ Муравьевъ увидѣлъ Русскаго крестьянскаго полубитюжка, а въ сараѣ Русскую телѣгу. Его это удивило. Посланникъ объяснилъ, что экипажъ этотъ принадлежитъ Тамбовской мѣщанкѣ, которая съ дочерью на дняхъ пожаловала къ нему изъ Тамбовской губерніи. Во время тяжкой болѣзни она дала обѣтъ поклониться мощамъ Николая Чудотворца. И вотъ выздоровѣвъ, запрягла лошадку, сѣла съ дочерью въ телѣгу и отправилась въ путь. Изъ Неаполя до Баръ и обратно, посланникъ взялъ ей съ дочерью мѣста въ дилижансѣ.

Удивленный ея пріѣздомъ, посланникъ спрашивалъ ее, какъ она добралась до Неаполя, не зная ни одного языка кромѣ Русскаго? «Хорошо, батюшка: вездѣ есть добрые люди. Покажешь на лошадку, накормятъ и напоятъ; покажешь, что сама есть хочешъ, дадутъ поѣсть. Дамъ деньги, даютъ сдачи и лишняго нигдѣ не брали» [37]).

*

Вотъ характерная рѣчь Малоросса-помѣщика, ст. сов. Н. Г. Е., извѣстнаго въ околоткѣ подъ именемъ «статскаго генерала». Здѣсь нелишнее представить легкій абрисъ его наружности: мущина лѣтъ 60-ти, высокаго роста, очень полный, смуглый, говорилъ басомъ. Вотъ его разсказъ.

«Братья первой жены, послѣ ея смерти, захватили имущество ея, я тогда бацъ! въ Уѣздный Судъ; Уѣздный Судъ отказалъ. Я бухъ! въ Палату; Палата отказала. Я т-р-р-рахъ! въ Сенатъ. Сенатъ какъ шлепъ Палату! Тогда я цапъ и т. д.»

*

Государь Николай Павловичъ любилъ игры кадетовъ. По его приказанію препровождали человѣкъ 50 достойнѣйшихъ къ нему въ Александрію, гдѣ имѣлъ Императоръ свое лѣтнее пребываніе. Офицеры сопровождали ихъ только до рѣшетки сада и удалялись. Въ саду была устроена мачта, отъ нея веревки, а вокругъ распростерта сѣтка для предохраненія отъ ушиба. Кадеты лазили на мачту по веревкамъ, прыгали на сѣткѣ. Разъ Государь самъ вспрыгнулъ на сѣтку и крикнулъ кадетамъ: «Повали меня!» Кадеты исполнили, а быть можетъ и самъ

---

37) Отъ А. Н. Муравьева.

Государь, для шутки, поддался; но за тѣмъ, когда онъ крикнулъ, шутя: «Какъ вы смѣли Императора повалить!» кадеты бросились въ разсыпную. Онъ разхохотался [38]).

Однажды во время этихъ игръ одинъ кадетъ, спускаясь по веревкѣ быстро, обжогъ руки и упалъ грудью на край сѣтки. Изъ горла хлынула кровь. Императоръ бросился къ нему, самъ растегнулъ ему мундиръ и поручилъ врачамъ. Его перенесли въ госпиталь. Императрица Марія Θеодоровна, проходя мимо, замѣтила своему царственному сыну: «Я говорила, Николай, что эта забава не доведетъ до добра». Императоръ, блѣдный и разстроенный, удалился во дворецъ и, до окончательнаго выздоровленія кадета, посѣщалъ его въ госпиталѣ ежедневно.

Часы этихъ забавъ для тѣхъ кадетовъ, нынѣ старыхъ ветерановъ арміи, составляютъ самое дорогое воспоминаніе [39]).

Когда воспитанники 1-го кадетскаго корпуса по производствѣ ихъ въ офицеры въ 1834 году представлялись Государю Николаю во дворцѣ, онъ напутствовалъ ихъ слѣдующими словами: «Прощайте, служите честно, почитайте вашихъ родителей и не заставьте меня краснѣть передъ ними за ваше воспитаніе».

*

Великій князь Михаилъ Павловичъ кадетовъ, назначавшихся къ нему на ординарцы, заставлялъ маршировать въ залѣ и сажалъ съ собою за обѣденный столъ. По крайней мѣрѣ бывшій кадетъ 1-го кадетскаго корпуса Листовскій всегда удостоивался этой чести. Листовскій былъ маленькаго роста. Великій князь, зная его какъ благонравнаго мальчика, былъ къ нему милостивъ. Разъ, сидя въ кабинетѣ, онъ ему крикнулъ: «скачи на столъ!» Листовскій вспрыгнулъ на его рабочій столъ. «Учебнымъ шагомъ, маршъ!» скомандовалъ великій князь, къ удовольствію котораго Листовскій выполнилъ это безъ всякихъ затрудненій.

Разъ, когда Листовскій былъ назначенъ на ординарцы къ великому князю, Демидовъ (начальникъ военно-учебныхъ заведеній, жившій въ зданіи 1-го кадетскаго корпуса) прислалъ сказать Листовскому, что довезетъ его до дворца. Сидя съ нимъ въ каретѣ, онъ его спрашиваетъ: «а какъ ты думаешь, сколько у меня дѣтей?» Крошка-собесѣдникъ затруднился дать отвѣтъ. «А развѣ вы не дѣти мои?» спросилъ Демидовъ. «Дѣти, дѣти, вы всѣ мнѣ дѣти», прибавилъ онъ. Проѣзжая мимо церкви, онъ замѣтилъ Листовскому: «Развѣ ты не христіанинъ? Опусти стекло, перекрестись: видишь, Божій храмъ».

*

---

[38]) Отъ генералъ-лейтенанта А. В. Листовскаго.

[39]) Отъ него же.

Одинъ губернаторъ былъ охотникъ устраивать любительскіе спектакли съ благотворительною цѣлію. Репетиціи были всегда у него на дому, и онъ самъ суфлировалъ. Генеральная же репетиція назначалась въ театрѣ, за полъ цѣны и получасомъ ранѣе, чѣмъ спектакль, дабы дать возможность посмотрѣть дѣтямъ съ ихъ боннами и гувернантками. Прійдя въ театръ, губернаторъ объявилъ, что будетъ самъ суфлировать. Ему говорятъ, что суфлеръ есть; но онъ находитъ, что при новомъ суфлерѣ дѣло не пойдетъ какъ слѣдуетъ. Приказываютъ тогда для него поставить стулъ между кулисами; но губернаторъ предложеніе это отклонилъ, находя въ этомъ нарушеніе установленнаго театральнаго правила и даже, не обративъ вниманія на предостереженіе, что выпачкается, полѣзъ на четвереняхъ въ будку. Взвилась занавѣсъ и репетиція началась. На сценѣ двое влюбленныхъ, а за кулисами частный приставъ въ попыхахъ спрашиваетъ «гдѣ губернаторъ?—»«А вонъ онъ въ будкѣ», указываютъ ему. Частный приставъ въ мигъ на сценѣ и рапортуетъ передъ будкой: «Имѣю честь донести вашему п—ву: въ городѣ пожаръ; Л—ва домъ горитъ».—«А! хорошо.» отвѣчаютъ ему изъ будки. Частный приставъ исчезаетъ въ кулисахъ, почтительно пятясь. Изъ будки продолжаютъ суфлировать влюбленному: «я весь въ огнѣ». Частный приставъ, полагая, что это ему задается вопросъ, дѣлаетъ три шага впередъ и докладываетъ передъ будкою: «Точно такъ, ваше п—во, весь въ огнѣ».—«А! хорошо», снова раздается одобрительный голосъ изъ будки.

И все это за полцѣны театральной таксы!

*

Бывшій въ Уфѣ губернаторомъ Талызинъ сдѣлалъ извѣстнымъ безграмотное донесеніе частнаго пристава Тарасова, помѣстивъ это произведеніе въ «Памятникахъ Русской словесности». Въ донесеніи этомъ между прочимъ Тарасовъ писалъ: «Такой-то *противу-законно* застрѣлился, отчего ему, *отъ неизвѣстныхъ причинъ*, и смерть приключилась. При освидѣтельствованіи оказалось: потолокъ на второй *половицѣ* былъ прострѣленъ *дирою*», «*прочія челюсти* были найдены въ *отверстіи* лба», «выстрѣлъ имѣлъ направленіе на Западъ, *потому что комната при постройкѣ расположена* на Востокъ» и т. д. Но это было въ сороковомъ году, а вотъ донесеніе С—го становаго пристава въ 1876 году: «Найдено тѣло неизвѣстнаго человѣка; по вскрытіи оказалось: холостъ, вѣры православной, подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ». Вотъ сколько мудрости набралась полиція за тридцать шесть лѣтъ!

Сообщено Иваномъ Степановичемъ Листовскимъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ ВЪ ВѢНѢ ВЪ 1835 ГОДУ.

(Переведено съ неизданной Французской рукописи).

Послѣднее путешествіе императора Николая въ Вѣну—одно изъ событій, которыя никогда не изгладятся въ памяти добродушныхъ жителей этой огромной столицы. Если пріемъ, оказанный Его Императорскому Величеству императоромъ Фердинандомъ Австрійскимъ, былъ пріемомъ искренняго друга и вѣрнаго союзника, то императоръ Николай отплатилъ своему августѣйшему хозяину съ отмѣнною вѣжливостью за тѣ заботы и предупредительность, которыми онъ былъ окруженъ во все свое пребываніе въ государствѣ Фердинанда. Столь неожиданное и столь радостное для всѣхъ появленіе императора Николая въ Вѣнѣ было богато происшествіями всякаго рода; для того, чтобы разсказать ихъ всѣ, нужно было бы посвятить цѣлую брошюру; мы ограничимся только разсказомъ о томъ, что́ произошло у императора съ однимъ Вѣнскимъ купцомъ. Мы воздержимся отъ всякаго обсужденія. Говорятъ, что инкогнито для благодушныхъ государей настоящая находка. Они знакомятся съ тѣмъ, что̀ не подсказывается ни лестью, ни низостью; они узнаютъ, что́ рѣдко доходитъ до слуха государей—*истину*. Но если это приключеніе въ продолженіе часа забавило могущественнѣйшаго Государя въ свѣтѣ, то оно по крайней мѣрѣ въ сердцахъ всѣхъ Австрійцевъ оставило такое же впечатлѣніе, какъ и въ сердцѣ добродушнаго и довѣрчиваго Вѣнскаго торговца. Вотъ какъ было.

По пріѣздѣ въ Вѣну, Императоръ тотчасъ поспѣшилъ отправиться въ Шёнбруннъ, гдѣ находилась вдовствующая императрица, засвидѣтельствовать ей свое сочувствіе и уваженіе. По возвращеніи въ городъ, Императоръ надѣлъ простой сюртукъ, сѣлъ въ первый попавшійся фіакръ и одинъ объѣхалъ сперва по главнымъ частямъ Вѣны, а потомъ на Грабенѣ остановился предъ однимъ изъ лучшихъ магазиновъ, чтобы сдѣлать нѣсколько покупокъ. Войдя въ лавку, Императоръ

столкнулся съ хозяиномъ, который надѣвалъ шляпу и собирался куда-то уйти. У Императора съ купцомъ завязался слѣдующій разговоръ по нѣмецки:

«Я хочу сдѣлать нѣсколько покупокъ, позвольте мнѣ посмотрѣть ваши товары; они пользуются хорошею извѣстностью въ Вѣнѣ».

— Господинъ, отвѣчалъ купецъ, вѣжливо снимая шляпу, я васъ прошу извинить меня: въ настоящую минуту я не могу удовлетворить вашему желанію... Я долженъ уйти....

«Но развѣ вы такъ торопитесь? Я у васъ прошу не болѣе, какъ полчаса».

— Если бы даже и пяти минутъ. Покорнѣйше прошу васъ извинить меня. (Купецъ смотрѣлъ на дверь, какъ бы указывая Императору, что онъ умоляетъ его выйти вмѣстѣ съ нимъ).

«Не смѣю васъ задерживать. Вы хозяинъ у себя. сказалъ Императоръ; но по крайней мѣрѣ извините мое любопытство: мнѣ хотѣлось-бы знать, что̀ вынуждаетъ васъ отказаться отъ вашей собственной выгоды и оставить магазинъ, когда вы можете получить нѣсколько тысячъ гульденовъ?»

— Нѣсколько тысячъ гульденовъ не обогатятъ меня. Я не богатъ, это правда; но у меня, слава Богу, есть чѣмъ жить мнѣ и моему семейству, а такой случай конечно никогда не представится... Я уже не молодъ, а въ мои лѣта не должно опаздывать.

«То что̀ вы мнѣ говорите еще больше возбуждаетъ мое любопытство, сказалъ Императоръ; я готовъ уйти; но еще разъ спрашиваю, что̀ васъ заставляетъ торопиться?»

— Что̀ меня заставляетъ? Вотъ, что забавно! Да откуда вы, позвольте васъ спросить? Но развѣ вы не знаете, что Россійскій императоръ сейчасъ пріѣхалъ въ Вѣну? Я бѣгу посмотрѣть на него!

«Ба! да и вы тоже вѣрите этой баснѣ? Но я пріѣхалъ нѣсколько часовъ тому назадъ изъ Теплица съ депешами для Русскаго посольства. Я тамъ видѣлъ императора Николая за нѣсколько времени до отъѣзда, и не было никакого разговора о какомъ либо путешествіи. Я ѣхалъ очень быстро, и единственный экипажъ, обогнавшій меня, была коляска князя Лихтенштейна, который ѣхалъ съ нарочнымъ курьеромъ, какъ я узналъ на слѣдующей станціи.»

При этихъ словахъ купецъ захлопалъ въ ладоши и вскричалъ: «Ну, вотъ! Императоръ Николай, чтобы лучше обмануть всѣхъ, отправился одинъ съ княземъ Лихтенштейномъ, выдавая себя за его адъютанта. Вотъ, что мнѣ, завѣрное разсказалъ мой пріятель, служащій въ почтовомъ управленіи... О! теперь я уже не сомнѣваюсь: Императоръ въ Вѣнѣ!» (купецъ снова хочетъ уйти).

«Нисколько не думая уличать во лжи вашего почтамтскаго друга, отвѣчалъ Императоръ, я васъ прошу повѣрить также и моимъ словамъ: я вамъ говорю, что во Вторникъ, въ 10 часовъ вечера, Императоръ былъ въ Теплицѣ, а отсюда до Праги? (подумавъ) Позвольте...»

— Прекрасный резонъ, прерывая слова Императора, сказалъ купецъ; но тоже самое было также съ покойнымъ императоромъ Александромъ. Думали, что онъ въ Вѣнѣ, вечеромъ его видѣли въ театрѣ, и потомъ... пафъ! на другой день онъ былъ въ Пресбургѣ или въ Прагѣ. Не даромъ у нихъ въ гербѣ орелъ: они путешествуютъ, не какъ принцы; они летаютъ, какъ птицы.

«Но по крайней мѣрѣ, усмѣхнувшись сказалъ Императоръ, не можете-ли поручить меня кому-либо изъ вашихъ?»

— Моимъ? Нѣтъ ни одной кошки во всемъ домѣ. Если бы захотѣли насъ обокрасть, это было-бы въ самую пору. Жена, дѣти, пасынки, прикащики, мальчики, даже до послѣдняго кухоннаго мужика, всѣ бѣжали. Это будетъ однако смѣшно, что всѣ увидятъ императора Николая, а я одинъ остаюсь здѣсь дома, какъ индюкъ!

«Почемъ вы знаете? возразилъ Императоръ, можетъ случиться, что они будутъ индюками, а вы, не трогаясь изъ своего магазина, можетъ быть увидѣте Императора и даже будете говорить съ нимъ.»

Купецъ громко захохоталъ и сказалъ: «Но, можетъ быть, вы себѣ вообразили, что императоръ Россійскій не будетъ имѣть ничего больше спѣшнаго, какъ отдать мнѣ визитъ?»

«Я не говорю этого, со смѣхомъ отвѣчалъ Императоръ, потому что вопервыхъ, я очень положительно знаю, что его нѣтъ въ Вѣнѣ, и потомъ...»

— И потомъ, прибавляетъ купецъ, какъ бы продолжая фразу Императора, чтобы Николаю Романову, подобно блаженной памяти его брату, пріѣхать какъ разъ къ Петру Бидерману, нужно чтобы Его Императорское Величество его зналъ.

«Какъ, развѣ вы знали императора Александра?» спрашиваетъ Императоръ съ живостью.

— Кто, я? отвѣчалъ купецъ, бросая шляпу наземь и кладя руки на перила. Я? Зналъ ли я императора Александра? Ахъ, Боже мой! Но вѣдь я видалъ этого обожаемаго государя не одинъ... но сто разъ во время Вѣнскаго конгресса... Онъ приходилъ въ мою лавку не одинъ... но десять разъ (складывая руки и устремивъ глаза съ уваженіемъ на скамейку, бывшую передъ нимъ); мнѣ кажется, что я его вижу еще сидящимъ... на этой скамьѣ, играющимъ одной изъ своихъ перчатокъ... говорящимъ мнѣ съ этой ангельской добротой, разлитой на всемъ его лицѣ (принимая важный видъ). Знаете ли вы, какъ онъ

называлъ меня? *Mein guter Freund!* (Мой добрый другъ). Сколько разъ приглашалъ онъ меня переселиться въ Петербургъ, обѣщая взять меня подъ свое сильное покровительство! Ахъ, добрый, чудесный государь! Вся Вѣна обожала его. Скажите, похожъ ли этотъ на него?

Императоръ былъ тронутъ этой наивностью и свободою обращенія добродушнаго жителя Вѣны и польщенъ тѣмъ, что онъ почти забылъ о своей поспѣшности. Онъ, чтобы продолжать разговоръ, отвѣчалъ:

«Мы всѣ любимъ нашего теперешняго Императора; впрочемъ, онъ всѣми, зависящими отъ его власти, средствами старается продолжать царствованіе своего брата.»

— Похожъ ли онъ на него лицомъ? Таковъ ли онъ ростомъ, какъ Александръ?

Но постойте, отвѣчалъ Императоръ, я часто имѣлъ счастіе находиться вблизи императора Николая; онъ совершенно моего роста, ни на волосъ нѣтъ разницы.»

— Такъ это очень красивый мущина, и у него такіе же маленькіе глаза, какъ у Александра?

«Напротивъ, у него большіе глаза, какъ у меня... Носъ, говорятъ, бабушки его Екатерины, т. е. почти такой, какъ у меня. Онъ немного лысъ.»

— Лысъ? Покойный Императоръ Александръ былъ также немного лысъ, сказалъ купецъ. Ну, я васъ увѣряю, это къ нему шло очень хорошо. А улыбка? Такая ли у него ангельская улыбка, какъ у его брата, эта привѣтливость, подчинявшая всѣхъ, кто имѣлъ счастіе къ нему приблизиться?

Императоръ, чтобы покончить о предметѣ, начинавшемъ его трогать, отвѣчалъ: «Послушайте! Мнѣ будетъ трудно сдѣлать вамъ похожій портретъ нашего Императора; впрочемъ, это безполезно, потому что если правда, что онъ въ Вѣнѣ, вотъ моя рука, я вамъ даю слово, что я вамъ доставлю не только легкое средство его видѣть, но можетъ быть, даже средство говорить съ нимъ. Позвольте мнѣ дѣйствовать, а затѣмъ вы можете сами наблюдать черты Его Императорскаго Величества, сколько вамъ угодно.»

— Возможно ли? вскричалъ очарованный купецъ. Вы были бы превосходный человѣкъ; но кто вы такой, если смѣю спросить?

«Я Русскій дворянинъ, отвѣчалъ Императоръ, только что назначенъ состоять при посольствѣ г. Татищева.»

— Ist nicht an dem! (только не при немъ!) возразилъ купецъ, покачавъ головою. Вы хотите поставить меня въ затруднительное положеніе, впутать меня въ дурное дѣло. Кто знаетъ? Вы, можетъ быть, графъ Бенкендорфъ?

«Я... Бенкендорфъ? А почему вы это думаете?»

— Вы слишкомъ хорошо говорите по-нѣмецки.

«Это не должно васъ удивлять, когда вы узнаете, что моя мать Нѣмка.

— Нѣмка? И откуда?

«Изъ Виртемберга».

— Изъ Виртемберга? Я самъ также изъ Виртембергской стороны. Мы поселились здѣсь еще во время Маріи Терезіи, и милосердый Богъ благословилъ нашу небольшую торговлю... Ну, такъ вы долго проживете въ Германіи?

«Совсѣмъ нѣтъ! Нужчо вамъ еще знать, что я женился очень рано и что жена моя Прусачка».

— Прусачка? Это странно! Теперь я понимаю, отчего вы такъ хорошо говорите по-нѣмецки. Вы—полу-нѣмецъ. Скажите мнѣ, пожалуйста... И такъ Императоръ пріѣхалъ сюда—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но, вѣроятно, онъ пробудетъ недолго, потому что онъ не привезъ съ собою своей жены.... Говорятъ, что онъ такъ ее любитъ, и впрочемъ....»

«О! за это, возразилъ Императоръ, прерывая купца съ живостію, за это я вамъ отвѣчаю: онъ очень нѣжно любитъ свою жену и своихъ дѣтей. Сначала я повторю вамъ мою собственную пѣсню: не вѣрю я, что императоръ Русскій здѣсь въ Вѣнѣ, это мнѣ кажется невозможнымъ; какая причина могла привести его сюда?»

— Ахъ! Такъ вы этого не знаете? Я тотчасъ вамъ объясню. Знайте, что вашъ Императоръ повергъ всѣхъ въ недоумѣніе, даже нашего великаго Меттерниха. Онъ отправился какъ вихрь, и знаете, для чего онъ ѣдетъ въ Вѣну? Не для чего инаго, какъ поцѣловать руку нашей императрицы-матери и поклониться праху друга и вѣрнаго союзника его покойнаго брата, праху нашего обожаемаго Франца (купецъ отёръ слезы).

«Такъ вы очень любите вашего покойнаго Франца?» спросилъ Императоръ.

— Какъ же мы не любили его? Это былъ нашъ другъ, нашъ отецъ болѣе, нежели государь. Ахъ, онъ царствовалъ въ очень трудныя времена, въ то время, когда нужно было бороться съ этимъ дьяволомъ Бонапартомъ; нашъ добрый Францъ часто не имѣлъ другой помощи и утѣшенія, кромѣ своего необыкновеннаго благочестія. Онъ спасъ Австрійскую монархію мудростію и терпѣніемъ. Мы были даже счастливы въ то время, не смотря на угнетавшія насъ военныя издержки, не смотря на ужасныя контрибуціи, вытребованныя у насъ Французами. Александръ и Фридрихъ соединились первые, потому что

мы были у жерла пушки. Но какъ только нашъ Францъ нашелъ возможнымъ, онъ присоединился къ Россіи и Пруссіи, и Европа была спасена. Скажите мнѣ, mein braver Herr (мой бравый господинъ), будетъ ли у насъ война, что̀ вы думаете объ этомъ?

«Война? А противъ кого же?»

— Противъ кого, если не противъ этихъ проклятыхъ Французовъ, которые не хотятъ мира ни у себя, ни у другихъ?

«Ну полно-те! Будьте покойны: войны не будетъ. Фридрихъ все еще тамъ (живъ). Что̀ до Фердинанда, то онъ думаетъ какъ умершій императоръ Францъ, а Николай какъ его покойный братъ Александръ, и зачѣмъ, они всѣ собрались теперь, если не для того, чтобы постараться удержать же общее спокойствіе? Они не хотятъ мѣшать Французамъ дѣлать у себя, что̀ имъ заблагоразсудится, но они не позволятъ нарушить миръ у другихъ».

Купецъ обнимаетъ Императора и говоритъ ему весело: «Да вознаградитъ васъ милосердый Богъ за удовольствіе, доставленное мнѣ вами! Этимъ вы сообщаете мнѣ превосходную новость. Мы устали отъ войны. Богъ сотворилъ людей не для того, чтобы они душили другъ друга; напротивъ, онъ сказалъ: люби ближняго твоего! На войнѣ убиваютъ одного человѣка, и вотъ двое, трое, пять, десять и двадцать человѣкъ носятъ по немъ трауръ и оплакиваютъ его.»

Императоръ казался очень доволенъ разговоромъ, исполненнымъ простоты и вмѣстѣ здраваго смысла этого честнаго человѣка; между тѣмъ онъ разсматривалъ различныя вещи, находившіяся въ магазинѣ и откладывалъ въ сторону какія болѣе нравились ему. Купецъ, казалось, совсѣмъ забылъ объ императорѣ Николаѣ, какъ вдругъ напомнилъ ему Императора шумъ, происшедшій предъ магазиномъ. Императоръ спросилъ у него, что̀ значитъ этотъ шумъ.

— Ей, ей! Я ничего не знаю, отвѣчалъ купецъ. Вы не хотите, чтобы императоръ Николай былъ теперь въ Вѣнѣ и, можетъ быть, эта толпа народу, которую мы видимъ предъ моимъ магазиномъ, собралась посмотрѣть, какъ проѣдетъ Его Императорское Величество: вы должны знать, что эта часть города самая людная. Подождите минуту; я посмотрю, что̀ тамъ такое.

Чрезъ пять минутъ купецъ вошелъ, громко смѣясь.

«Ну? спросилъ Императоръ, посмотримъ, что̀ заставляетъ васъ такъ громко смѣяться?»

Купецъ держался за бока и съ трудомъ говорилъ.—«Вы не знаете?» сказалъ онъ наконецъ.

«Ну, что̀ такое?»

— О! это вещь самая забавная въ мірѣ: они всѣ воображаютъ, что Вы—императоръ Россійскій! ха! ха! ха!

«Нѣтъ! вы шутите! ахъ! это ужъ слишкомъ, ха! ха! ха!» Императоръ сталъ въ свою очередь также смѣяться и спрашивать, почему они такъ думаютъ?

— Вы видите, отвѣчалъ купецъ: кучеръ, стоящій подлѣ моей двери, увидя мимо проходившаго своего пріятеля, заговорилъ съ нимъ тоже о предметѣ, интересующемъ весь городъ: о пріѣздѣ императора Россійскаго. Вашъ кучеръ разсказывалъ, что онъ привезъ сюда важное лицо, потому что, когда это лицо садилось въ карету, его провожалъ генералъ съ золотыми аксельбантами и подсаживалъ его съ большимъ почетомъ. Одно обстоятельство его смущало, прибавляетъ кучеръ, что важное лицо говоритъ очень хорошо по-нѣмецки, потому что во время дороги оно задавало ему много вопросовъ.... И на этомъ они всѣ порѣшили, что это не кто иной, какъ императоръ Николай. Проходящіе начали останавливаться, а толпа рости съ каждой секундой. Я услышалъ, что одинъ изъ этихъ горожанъ сказалъ: «Я знаю Императора Николая; подождемъ, какъ онъ выйдетъ изъ магазина; если это онъ, я его тотчасъ узнаю».

«Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, замѣтилъ императоръ, я вамъ сказалъ, что я совершенно одинаковаго роста и однихъ лѣтъ съ императоромъ Николаемъ; дѣйствительно, я нанялъ извощика предъ домомъ Русскаго посольства; генералъ съ аксельбантами, сопровождавшій меня никто иной, какъ фельдъегерь—товарищъ мой въ пути, а фельдъ-егеря у насъ всѣ носятъ золотые аксельбанты на мундирахъ. Вотъ весь секретъ этого пустаго шума.»

Однако Императоръ торопился кончить выборъ своихъ покупокъ.

— Но вы хотите закупить у меня весь магазинъ! сказалъ купецъ.

«То что̀ видите, возразилъ Императоръ, я хочу послать въ подарокъ женѣ и дѣтямъ, и потомъ у меня есть порученія моихъ друзей, давшихъ мнѣ впередъ деньги. Мнѣ кажется, что вы честный человѣкъ и чтобы не терять понапрасну времени, переходя изъ одного магазина въ другой, я желаю лучше все закупить у васъ, и, впрочемъ, я увѣренъ, что вы будете довольны умѣреннымъ барышомъ.»

Въ то время, какъ Императоръ выбиралъ вещи и купецъ записывалъ на бумагѣ обозначеніе цѣнъ, толпа на улицѣ увеличивалась все болѣе и болѣе. Человѣкъ, хвалившійся, что онъ знаетъ въ лицо Императора, отъ нетерпѣнія, что не видитъ его выходящимъ изъ магазина, рѣшился пріотворить дверь, просунулъ туда свою голову и, узнавъ Императора, закричалъ: er ist es! (это онъ!) Тотчасъ воздухъ огласился крикомъ: *да здравствуетъ императоръ Николай! да здравствуетъ нашъ добрый союзникъ! да здравствуетъ другъ Австріи! братъ Александра!*

Петръ Бидерманъ былъ совершенно озадаченъ и не зналъ уже, что́ ему думать. Императоръ съ своей стороны видѣлъ, что его инкогнито кончилось. Не желая, чтобы другой отнялъ у него удовольствіе объявить купцу, кто у него въ магазинѣ и насладиться его замѣшательствомъ безъ свидѣтелей, онъ сказалъ ему: «Я вамъ обѣщалъ, добрый человѣкъ, показать императора Николая, я васъ даже обнадежилъ, что вы будете съ нимъ говорить; ну вотъ я сдержалъ свое слово: Императоръ Россійскій передъ вами!»

Первымъ движеніемъ Бидермана было броситься къ ногамъ Его Императорскаго Величества; но Императоръ, поднявъ его, съ добротою сказалъ ему:

«Нѣтъ, добрѣйшій! Тотъ, котораго мой покойный братъ называлъ «*mein guter Freund*», долженъ обнять меня, а не бросаться къ ногамъ моимъ.» Императоръ обнялъ его съ чувствомъ. Честный купецъ плакалъ отъ радости, онъ не могъ ни опомниться отъ своего удивленія, ни говорить.

«Ну, сказалъ Императоръ, не тотъ ли я, съ которымъ вы только что говорили такъ дружески и свободно? Успокойтесь! Я надѣюсь, любезный Бидерманъ, что вы не сердитесь на меня. Не правда ли, что вы ничего не потеряли, оставшись дома? Но впредъ вы не спорьте больше. Впрочемъ, каждый изъ насъ былъ правъ по своему. Смотрите на меня, какъ вамъ хочется. Неправда ли, что императоръ Николай таковъ, какимъ я вамъ его описалъ? Обѣщайте мнѣ хорошенько посмѣяться надъ вашей женой, вашими дѣтьми и надъ всѣми побѣжавшими за мною, между тѣмъ какъ мы преспокойно разговаривали въ вашемъ магазинѣ. Я васъ обязываю отдать мнѣ визитъ; доставьте мнѣ сами черезъ часъ вещи, которыя я у васъ купилъ. Я буду очень радъ еще разъ увидать человѣка, котораго императоръ Александръ называлъ своимъ другомъ. Скажите вашей женѣ и всѣмъ вашимъ, что мнѣ жаль, что не увидалъ ихъ съ вами. Прощайте, добрѣйшій!»

Императоръ съ трудомъ прошелъ сквозь толпу, чтобы добраться до своего скромнаго экипажа. Его Императорское Величество сопровождали продолжительные крики: ура! да здравствуетъ императоръ Россійскій! Купецъ, какъ можно себѣ представить, явился въ назначенное время. Немедленно его ввели къ Императору, который велѣлъ заплатить приходившуюся Бидерману по счету сумму и сверхъ того далъ алмазный фермуаръ, который Его Императорское Величество поручилъ ему передать отъ него женѣ. Купецъ вернулся домой, какъ сумасшедшій отъ радости. Онъ перемѣнилъ вывѣску на своемъ магазинѣ и означилъ золотыми буквами надъ входомъ: «Истинному и доброму Императору Николаю» (Zum wahren und guten Kaiser Nicolaus).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ДАМЫ.

1845 годъ.

26 Февраля 1845. Наслѣдница родила сына Александра.

Тютчевъ сказалъ, что ему говорили вѣрные люди, что Государь, говоря о Прусскомъ королѣ и конституціи, сказалъ: *Братецъ мой шалитъ.*

28 Февраля. Графиня Нессельродъ (я ей говорила о мемуарѣ Уварова *) по католическимъ дѣламъ, въ которомъ онъ уговариваетъ Государя не ссориться съ папой) сказала мнѣ, что Государь, прочтя его, замѣтилъ, что Уваровъ мѣшается не въ свое дѣло. Уваровъ въ мемуарѣ говоритъ, что западныя государства болѣе готовы, нежели мы думаемъ, подняться за папу. Мнѣ кажется, что мы уже не можемъ отступить отъ своей системы; и если въ Римѣ такъ благосклонно подписались на всѣ наши требованія, то зачѣмъ намъ церемониться? Одна депеша графа Николая Гурьева, напечатанная въ Римѣ, меня поразила тономъ своимъ; едва ли можно сказать сильнѣе et plus péremptoire. Замѣчательна въ этомъ собраніи депеша Фурмана, который умеръ въ Римѣ. Selon moi s'était un chef-d'oeuvre d'habileté, de bon goût, et en même temps d'exigences fermes.

Русскіе не дипломаты въ своемъ слогѣ; они лучше топоромъ рубятъ.

Я получила письмо очень грустное отъ Гоголя, и другое отъ живописца Иванова изъ Рима, того, который пишетъ Іоанна Крестителя для Наслѣдника. Оно замѣчательно тѣмъ, что въ первый разъ Русскій художникъ говоритъ о православной живописи и о различіи между нашими и западными образами.

---

*) Графъ Уваровъ былъ воспитанъ аббатомъ Мангеномъ, началъ службу при князѣ Адамѣ Чарторижскомъ и первоначальныя связи свои завелъ въ гостинной прекрасной Польки, М. А. Нарышкиной.

Графъ Воронцовъ Михаилъ Семеновичъ обѣдалъ очень часто у Государя. Теперь обѣдаетъ часто фельдмаршалъ, Орловъ два раза въ недѣлю, г. Киселевъ Пав. Д., Петръ М. Волконскій; рѣже Клейнмихель, Уваровъ; очень рѣдко Блудовъ, Перовскій. Вообще сидятъ они вчетверомъ: Царь, Царица, Ольга Николаевна и Константинъ Николаевичъ. Въ 9-мъ часу послѣ гулянья онъ пьетъ кофе, потомъ въ 10-ть сходитъ къ Императрицѣ, потомъ занимается, въ часъ или 1½ опять навѣщаетъ ее, всѣхъ дѣтей большихъ и малыхъ, и гуляетъ. Въ 4 часа садится кушать, въ 6-ть гуляетъ, въ 7 пьетъ чай со всей семьей, опять занимается, съ десятаго половины ѣдетъ въ собраніе, ужинаетъ, гуляетъ въ 11-ть; около двѣнадцати ложится почивать.

1 Марта. Была у Императрицы. Они говѣютъ, будутъ пріобщаться въ Воскресенье. По случаю родовъ Маріи Николаевны не говѣютъ, какъ обыкновенно, въ послѣднюю недѣлю.

У Софьи Павловны Кутузовой говорили за достовѣрное, что Е. М. умерла отъ падучей болѣзни, и что мужъ ея хотѣлъ даже, въ случаѣ счастливыхъ ея родовъ, привезти ее въ Россію. Е. П. скрыла это даже отъ М. П. Мнѣ кажется это невѣроятнымъ.

2 Марта. Флигель-адъютантъ Орловъ-Денисовъ посыланъ былъ на Донъ, чтобы переселить 300 семействъ съ Дону на Кавказскую линію и съ предложеніемъ мало-по-малу образовать тамъ кордонъ; это произвело тамъ большой ропотъ и отчаяніе. Графъ Воронцовъ упросилъ Государя отмѣнить это, такъ что Орловъ получилъ скоро приказаніе вернуться, не окончивъ дѣла. Мнѣ говорили, что тамъ на Югѣ поселили 50 тысячъ духоборцевъ; они тамъ живутъ хорошо, потому что ихъ не безпокоятъ въ отношеніи ихъ обрядовъ. Вечеромъ у меня были гости: Тютчевъ съ женой, Карамзины, Михаилъ Александровичъ Голицынъ съ женой—прелестной красавицей, Соболевскій, Самаринъ, гр. Ростопчина, Волковъ С. А. съ дочерью. Ничего новаго и необыкновеннаго не было говорено.

3 Марта. Я проводила вечеръ у Вяземскаго съ графиней Нессельродъ и Тютчевымъ. Говорятъ, что нашли бумаги и письма, ясно доказывающія отравленіе царевича Алексѣя Петровича и раскаяніе Петра; онъ посылалъ деньщика за ядомъ. Тютчевъ говоритъ, что смерть эта была une terrible nécessité. Князь Павелъ Гагаринъ очень справедливо замѣтилъ, что такое преступленіе ничѣмъ не оправдывается, и что кромѣ преступленія Петръ сдѣлалъ фальшивый расчетъ. Царевичъ былъ шефомъ оппозиціи нововведеніямъ; онъ бы могъ послѣ смерти отца только пріостановить ходъ преобразованій, что можетъ быть и не повредило бы; но первое движеніе, данное геніальнымъ Петромъ, было уже такъ сильно, что непремѣнно его партія позже восторжествовала

бы, не смотря на всѣ старанія царевича. Многосторонній умъ, или высокій разумъ Петра обращалъ вниманіе на все. Предположеніе строить укрѣпленіе на Каспійскомъ морѣ выдавали за новость, но открыли въ Астрахани письменныя доказательства, что онъ уже тогда намѣревался оградить Россію съ этой стороны. Говорили о Талейранѣ, Гизо, княгинѣ Ливенъ, о всѣхъ фальшивыхъ интересахъ нашего высшаго круга, который забрался въ западню съ своимъ Французскимъ языкомъ, и не знаетъ, чѣмъ забавить свои лѣнивые досуги, не знаетъ, какъ выйти оттуда.

4 Марта. Обѣдали семейно, по старому, у Карамзиныхъ. Вѣчный споръ о католикахъ и нашемъ духовенствѣ. В.-умный человѣкъ, но у него нѣтъ двухъ связныхъ мыслей въ головѣ. Александръ К. разрѣзалъ узелъ: еслибы эти же попы да говорили по-французски, условными фразами и обветшалымъ языкомъ іезуитовъ, то все дѣло пошло бы на ладъ. В. говорилъ, что еслибы рѣчи, или лучше, слова духовныя Иннокентія перевести на Французскій языкъ, то такую дрянь никто не сталъ бы читать; а онъ восхищается рѣчами Лакордера въ Univers Catholique. Просто пустая декламація, —вотъ что ихъ прельщаетъ!

5 Марта. Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ у меня два раза и наконецъ засталъ меня въ первый разъ послѣ смерти дочери. Онъ очень еще грустить, разсказывалъ ея смерть. Герцогъ Насаускій пишетъ ему часто, горюетъ по женѣ; все это опровергаетъ слухи, которые распускаютъ по городу. Онъ пріѣхалъ изъ Совѣта (Понедѣльникъ), гдѣ толкуютъ объ отдачѣ земель Башкирцамъ и казакамъ. Левъ Алексѣевичъ Перовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ, говорилъ за нихъ очень горячо, хотя очень дурно; но Киселевъ отстаиваетъ эти земли для себя. Эти земли даже вымѣрены, и ему для прирѣзки жалованною землею пригодились бы. Рѣшеніе дѣла отложено на три года, не смотря, что оба великіе князя были за Башкиръ и казаковъ. Да въ самомъ дѣлѣ, отчегоже бы имъ и не подождать? Ужъ вѣдь они до сихъ поръ ждали. Великій князь говорилъ о пребываніи Государя Александра въ Москвѣ въ 1818 году, въ первый разъ послѣ пожара; о первой Польской діетѣ, гдѣ онъ, Михаилъ Павловичъ, былъ какъ сенаторъ и одинъ въ Русскомъ мундирѣ. Константинъ Павловичъ былъ избранъ тогда депутатомъ Праги и съ нимъ ходилъ звать Государя на діету. Тогда произнесъ онъ знаменитую рѣчь, гдѣ обѣщаетъ, что конституціонныя права изъ Польши перейдутъ далѣе, смотря по обстоятельствамъ и когда народъ приготовленъ будетъ къ этому. Варшава была тогда блистательна, весела и приняла Государя съ восторгомъ. Діета 1822 года была уже очень въ дурномъ духѣ. Отъ чего? Онъ говоритъ, что отъ того, что произошла въ этомъ промежуткѣ *революція*

въ Молдавіи, т.-е. движеніе Ипсиланти, о которомъ Александръ Павловичъ все зналъ. Грѣшно поступили съ Греками, грѣшно и неполитически. Я читала l'Hétérie въ 1826 году и плакала de rage; позже, когда Аѳанасія посадили въ Аѳины, я уже молчала. Утратилось тогда молодое и вѣрное чувство, насъ не обманывающее.

Вечеромъ я была у Императрицы. Собраніе было большое, очень большое для нынѣшняго двора. Баронесса Фридериксъ, Лобановъ, Раухъ, Суворовъ, Шуваловъ, принцъ Александръ, Ольга Николаевна играли въ лото. Императрица говорила, что ей нельзя, хотя и очень нужно, ѣхать на зиму въ Италію: Государь безъ нея слишкомъ грустить и одинокъ; запирается одинъ, по цѣлымъ часамъ; это все имѣетъ вліяніе на другихъ. Государь сказалъ мнѣ: «Вотъ скоро двадцать лѣтъ какъ я сижу на этомъ прекрасномъ мѣстечкѣ; часто удаются такіе дни, что̀ я, смотря на небо, говорю: зачѣмъ я не тамъ? Я такъ усталъ!» Я хотѣла продолжать разговоръ, но онъ повернулъ на старыя шутки. Пусть не мое перо ихъ передаетъ; я его слишкомъ люблю. Разговору не было ни въ чемъ замѣчательнаго.

6 Марта. Былъ у меня maréchal Lubomirsky; онъ пріѣхалъ продавать Дубно въ Волынской губерніи (Коніаръ также продалъ свой городъ). «Намъ слишкомъ дорого сто̀итъ полиція Русская, и своя притомъ должна быть», сказалъ онъ мнѣ. Понятно, что имъ капиталы нужны. Романъ Сангушко, который былъ сосланъ въ Сибирь, на Кавказѣ выслужился, вернулся теперь въ Волынскую губернію. Какъ же Полякамъ не горевать и насъ любить? Польскимъ Soeurs-Grises [1]) предлагали удвоить жалованье, если онѣ согласятся не относиться къ папѣ; онѣ не согласились. Дѣло это еще не кончено. Ввечеру былъ Суворовъ; говорилъ, что онъ получилъ отъ Хвостова пропасть писемъ своего дѣда къ Хвостову, также много писемъ къ неизвѣстнымъ ему лицамъ. Повидимому, фельдмаршалъ боялся почты; во многихъ только намеки, родъ argot [2]). Аннибалъ, дѣдъ Пушкина, рѣшилъ судьбу Суворова. Отецъ его, генералъ-аншефъ, очень умный и просвѣщенный человѣкъ по тогдашнему времени, прочилъ его въ штатскую службу, потому что онъ былъ слабаго сложенія. На это Суворовъ не соглашался и все читалъ военныя книги. Аннибалъ однажды былъ подосланъ къ нему, чтобы уговорить его войти въ службу, нашелъ его лежащимъ на картахъ на полу и такъ углубленнаго, что онъ и не замѣтилъ вошедшаго Арапа. Наконецъ, тотъ прервалъ его размышленія, говорилъ съ нимъ долго,

---

[1]) Сѣрымъ Сестрамъ—монашескій орденъ.

[2]) Условный языкъ.

вернулся къ отцу его и сказалъ: «Оставь его, братецъ; пусть онъ дѣлаетъ какъ хочетъ; онъ будетъ умнѣе и тебя и меня».

10 Марта. Я обѣдала у гр. Ростопчиной съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Послѣ обѣда вспоминали прошлое, первую нашу встрѣчу. Это было въ 1838 году; я вернулась изъ Парижа послѣ почти трехъ-лѣтняго путешествія. Не знаю, почему я съ неизъяснимымъ сожалѣніемъ слушала: такъ много прошло времени, столько утратилось надеждъ, столько трепетало сердце, безъ отголоска, въ эти лучшіе годы жизни! А теперь, теперь всему конецъ; всему земному, всякой земной привязанности: вижу я смерть, если не въ моей душѣ, то вокругъ себя. Изъ моей памяти изгладилось совершенно это событіе тогдашней жизни. Гр. Ростопчина была тогда для меня загадочное существо; я желала съ ней познакомиться, но ожидала, чтобы она сдѣлала первый шагъ. Какая-то странная природная гордость, которая развилась во мнѣ при вступленіи въ общество, совершенно мнѣ чуждое и потому неблагосклонное, мѣшала мнѣ всегда при первыхъ встрѣчахъ. Я выжидала вниманія и никогда не старалась и не умѣла его возбудить. Отъ того такъ немногіе знали, что едва-ли кто нибудь простосердечнѣе меня въ этомъ обществѣ. Графиня Ростопчина замѣтила въ уголкѣ маленькую женщину, въ красномъ тюрбанѣ, весьма медленно двигающуюся, лѣниво облокотившуюся на кресло, спросила, кто это новое лицо, и была мнѣ представлена графиней Борхъ. Ей не понравился мой тюрбанъ; онъ однакожъ вышелъ изъ рукъ знаменитой Бодранъ, былъ ею придуманъ въ Парижѣ для меня, и какъ я теперь помню, нашелъ полное одобреніе Государя и многихъ модныхъ барынь. Hélène Chreptovitch даже брала его на фасонъ. Эта зима была одна изъ самыхъ блистательныхъ. Государыня была еще хороша; прекрасныя ея плечи и руки были еще пышны и полны, и при свѣчахъ, на балѣ, танцуя, она еще затмѣвала первыхъ красавицъ. Въ Аничковскомъ дворцѣ танцовали всякую недѣлю, въ бѣлой гостинной; не приглашалось болѣе ста персонъ. N. занимался въ особенности баронессою ***, но кокетничалъ, какъ молоденькая бабенка, со всѣми, и радовался соперничествомъ Бутурлиной и К. Я была свободна какъ птица и смотрѣла на всѣ эти продѣлки, какъ на театральное представленіе, не подозрѣвая, что тутъ развивалось драматическое чувство зависти, ненависти, неудовлетворенной страсти, которая не переступала изъ границъ, единственно отъ того, что было сознаніе въ неискренности N. Онъ такъ любилъ свою жену, что пересказывалъ ей всѣ разговоры съ дамами, которыхъ обнадеживалъ и словами, и взглядами не всегда прилично краснорѣчивыми. Однажды, въ концѣ бала, когда пара за парой быстро и весело скользили въ мазуркѣ, усталыя, мы присѣли въ уголкѣ

за каминомъ съ бар. **. Она была въ бѣломъ платьѣ, зеленые листья обвивали ея бѣлокурые локоны. Она была блистательно хороша, но не весела. Наискось въ дверяхъ стоялъ N. съ Е. М. Бутурлиной, которая безпечной своей веселостью, болѣе чѣмъ красотой, всѣхъ привлекала и, казалось, съ ней живо говорилъ; она отворачивалась, играла вѣеромъ, смѣялась иногда и показывала рядъ прекрасныхъ бѣлыхъ своихъ жемчуговъ; потомъ, по своей привычкѣ, складывала, протягивая руки; словомъ, была въ весьма большомъ mal á son aise. Обыкновенно въ уголкѣ, въ длинной залѣ, гдѣ гора, ставили столъ на четыре прибора; Орловъ и А. садились съ ними; послѣ покойный Бенкендорфъ заступилъ мѣсто А., а потомъ и мѣсто N. при ***. N. нынѣшнюю зиму мнѣ сказалъ: «Я уступилъ послѣ свое мѣсто другому», и говорилъ объ ней съ неудовольствіемъ, жаловался на ея неблагодарность и ненавистное чувство къ Россіи. Она точно скверная Нѣмка; у нея, какъ говорилъ мнѣ разъ человѣкъ мой Григорій, жадность къ деньгамъ непомѣрная.

Мнѣ разсказывали вчера, что Киселевскіе мужики, жалуясь на его управленіе, говорили: «развѣ лѣнивый насъ не грабитъ».

11 Марта. ** штукарь; онъ прежде старался удерживать при себѣ Григорія Волконскаго, черезъ него пробивался къ князю Петру Михайловичу, министру двора, отцу князя Григорія; видя, что результатовъ нѣтъ, что графство ему не достается и чувствуя, въ кураторѣ онъ имѣетъ строгаго и независимаго судью, онъ старался всячески его избавиться. Grégoire ему сказалъ однажды: «жена моя больна; не знаю что дѣлать, придется ли мнѣ ѣхать въ Одессу?» На другой день при докладѣ министръ воспользовался случаемъ и сказалъ Государю, что Волконскій просится въ Одессу. Сказано было доложить объ этомъ при слѣдующемъ докладѣ. Случилось весьма некстати для **, что кн. Петръ Михайловичъ тутъ случился при докладѣ. «Сынъ твой просится въ Одессу», сказалъ Государь.—Какъ такъ, да я ни слова объ этомъ не слыхалъ!—«Да», отвѣчалъ немного сконфуженный **. Бумага была подписана уже. Григорій Волконскій отправился къ министру, который отвѣчалъ ему, что il faut saisir les occasions, qu'il a cru bien faire et rendre un service de suite, qu'il travaille rarement avec l'Empereur.

Волконскій хотѣлъ письменно все изъяснить Государю и, кажется, съ огорченіемъ на **; но отецъ нашелъ письмо неприличнымъ и не велѣлъ его подавать. ** торжествуетъ.

Вечеромъ я была у Императрицы. Чужихъ было только двое: Віельгорскій Матвѣй и Лобановъ. Говорили о портретахъ императорской фамиліи, собранныхъ по приказанію Государя. Ихъ всѣхъ помѣстятъ въ какомъ нибудь дворцѣ, по порядку родовому; нашелся даже портретъ Натальи Алексѣевны, дочери царевича. Хвалили портретъ

Елисаветы Алексѣевны, писанный m-me Lebrun, еще въ фижмахъ, слѣдовательно въ первой ея молодости, когда она была точно еще хороша. Императрица говорила, что довольно странно случилось, что Елисавета Алексѣевна сдѣлалась къ ней ласковѣе, когда родился Наслѣдникъ. Ce devait être un moment affreux pour elle, et cependant depuis ce moment elle est devenue plus affectueuse pour moi. Quand mon fils est né, après les premiers moments de bonheur, j'ai pensé au sort qui l'attendait; il était destiné à régner. Quand à nous, nous n'en avions aucune idée pour nous. Что̀ значатъ эти послѣднія слова; думали-ли они, что Александръ Павловичъ проживетъ долго, или она хотѣла сказать, что они не знали условія, сдѣланнаго съ Прусскимъ королемъ? Впрочемъ, Константинъ тогда не былъ еще женатъ на Ловичевой, а Михаилъ Павловичъ мнѣ говорилъ, что онъ отказался отъ престола рѣшительно, при полученіи позволенія на ней жениться. O ma chère, en venant en Russie, j'admirais beaucoup la bienfaisance de maman; mais c'était la mode de se moquer d'elle et de sa conversation qui roulait sur les établissements d'éducation et les hôpitaux. Un jour à Moscou, maman faisait les honneurs de ses maisons à mon père. L'Emper. Alexandre me donnait le bras et me répétait: de l'indulgence, de l'indulgence!—„Mais je n'en ai pas besoin, lui dis-je, j'admire, je trouve cela superbe, cela me plait et me touche". Il me regardait d'un air étonné. C'était l'impératrice Élisabeth qui donnait le ton à cette moquerie; au fond elle était aigre. Послѣ говорили о письмахъ императрицы Екатерины къ барону Черкасову, который посыланъ былъ на встрѣчу къ тремъ Дармштадскимъ принцессамъ. Онѣ ѣхали съ матерью ко двору на выборъ Павлу Петровичу. Письма эти найдены были между бумагами покойнаго Александра Николаевича Голицына. Черкасовъ о всякой бездѣлицѣ относился къ Екатеринѣ: прикажите выслать зелени свѣжей и цыплятъ; она отвѣчала—приказано мною выслать вамъ зелени и проч. Прикажите-ли дамамъ, при представленіи въ городахъ, подходить къ рукѣ принцессы-матушки?—Нѣтъ, былъ отвѣтъ: Русскія дамы только подходятъ къ своимъ царственнымъ особамъ. Государь перебилъ разговоръ. Я ему напомнила о Гоголѣ; онъ былъ благосклоненъ. «У него есть много таланту драматическаго, но я не прощаю ему выраженія и обороты слишкомъ грубые и низкіе». «Читали вы Мертвыя Души?» спросила я. «Да развѣ онѣ его? Я думалъ, что это Сологуба». Я совѣтывала ихъ прочесть и замѣтить тѣ страницы, гдѣ выражается глубокое чувство народности и патріотизма. Онъ читалъ Le Juif Errant. В. К. К. помѣшанъ на Константинополѣ, пишетъ по-турецки, рисуетъ виды Константинополя, только и разговору что про путешествія, которыя совершатся лѣтомъ. Онъ точно уменъ, и умъ его живой, дѣятельный; но бѣда, если эту

дѣятельность обратятъ на мелкіе интересы. Если онъ изъ этой атмосферы не выйдетъ—плохо будетъ. Государь ѣздилъ смотрѣть группы въ трико въ дѣтскомъ театрѣ съ Наслѣдникомъ и герцогомъ Лейхтенбергскимъ и запретилъ продолжать эти представленія. По утру вся царская фамилія ѣздила въ крѣпость служить панихиду по Павлѣ Петровичѣ. Оттуда поѣхала я къ Михаилу Павловичу съ Максомъ и Сашей; то-то мы тамъ врали.

12 Марта. У Софьи Сергѣевны Бибиковой былъ большой вечеръ и картины. Довольно странно, что графиня В. взялась за роль Virginie. Paul былъ столько хорошъ чистотою своего спокойнаго лица, сколько она неумѣстна. Это замѣчаніе нисколько не исключаетъ ея живой и безусловной прелести. Она очень мила, когда танцуетъ и весела; дуться она тоже умѣетъ; но едва-ли когда-либо горевала и страдала душевно, и потому elle boudait dans son tableau. Наша Тютчева была прелесть хороша, весела и мила въ Греческомъ костюмѣ.

Счастливый случай доставилъ мнѣ возможность сидѣть возлѣ фельдмаршала. Онъ изстари ко мнѣ благоволилъ, когда я была привычнымъ предметомъ во дворцѣ, гдѣ онъ бывалъ ежедневно и ежечасно, передъ выѣздомъ въ Варшаву. Онъ выговаривалъ мнѣ, что, при отъѣздѣ моемъ за границу, я не проѣзжала черезъ Варшаву. «Я жду вашей желѣзной дороги до Вѣны».

— «Чрезъ два года она будетъ готова; Пруссаки идутъ къ намъ на встрѣчу, Австрійцы тоже подвигаютъ эту линію; въ два года это откроется».

— «Ну, смотрите, князь, чтобы Прусскіе бродяги къ вамъ не подъѣхали по этой дорогѣ».

— «Ничего, я не боюсь».

— «Да вѣдь у васъ теперь все смирно».

— «Какъ, совсѣмъ нѣтъ! Вотъ еще недавно 50 человѣкъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ (1844 года) захватили; 30 выпущено, а 20 пойдутъ кто въ Сибирь, кто на Кавказъ. Разумѣется, тутъ единодушнаго ничего нѣтъ; а какъ бы вы думали, что̀ они затѣвали? Шли подорвать бастіонъ, или меня убить и зарѣзать. Все это больше шляхта, да и выше шляхты; и изъ высшаго сословія есть, да такъ мастерски, что никогда себя не выдадутъ, а поджигаютъ только шляхту».

«А что дѣлаютъ у васъ Лубинскіе?»

— «Да вѣдь одинъ отставленъ, тотъ который былъ при Банкѣ; а Ѳома живетъ себѣ.»

«Я можетъ быть ошибаюсь, но онъ мнѣ казался немного подлымъ».

— «Вѣдь ихъ географія такая, что они или подличаютъ, или бунтуютъ; Лубинскіе очень бѣдны».

— «Вѣдь раздаете же маіоратства, дайте и имъ способы существовать».

—«Никакъ, я роздалъ на полтора миліона дохода земель, но все Русскимъ Греческаго исповѣданія. Это я первый сдѣлалъ это условіе; тамъ нужно поболѣе Русскихъ; а если я даю Нѣмцамъ, то пожизненно протестантамъ, или въ случаѣ что́ дѣти православнаго исповѣданія, то наслѣдственно. (Гейнкаръ и его жена Нѣмцы, а дѣтей крестили въ Греческую религію). Я въ Польшѣ не новъ, и я исторію хорошо знаю, такъ какъ я и въ Персіи и Турецкой Азіи былъ не новъ, зналъ ея географію, топографію и исторію. Всегда много читалъ исторію; не думайте, чтобы успѣхъ такъ даромъ давался». Я спросила его о Позенскихъ движеніяхъ, о Богеміи. «Вы вѣрите этимъ Славянскимъ движеніямъ? Это все возмутители, бунтовщики; я этимъ всѣмъ воли не даю; у меня въ Варшавѣ не смѣютъ объ этомъ говорить; всѣхъ ихъ подальше».

— «Какъ и Богемцы у васъ не въ милости?»

«Бунтуютъ противъ Австріи, все это непокорность!»

Я вздохнула. Вотъ какъ на это смотритъ наше правительство, можетъ быть въ угодность Австріи, по наущенію застѣнчивой и трусливой душеньки Нессельрода. И фельдмаршалъ, Русскій сердцемъ и душой, и конечно не только баловень судьбы, но и человѣкъ съ большими дарованіями и читавшій много исторію, также раздѣляетъ это мнѣніе! Но онъ принадлежитъ своему времени.

По случаю Богеміи заговорилъ онъ пофранцузски: «Vous avez lu, comment cela? Roudolstad — oui, oui!» Вотъ они гдѣ исторіи учится: въ романахъ. «Скажите пожалуйста; впрочемъ я теперь самъ читаю мало романовъ, времени нѣтъ, я это такъ пересматриваю. Consuelo, comme c'est charmant, n'est ce pas?»

Слава Богу, фельдмаршалъ не блистаетъ краснорѣчіемъ на Французскомъ языкѣ, да и порусски онъ не краснорѣчивъ. Il aime beaucoup les femmes et s'en occupe jusqu' à présent. Онъ также мнѣ сказалъ, что его любятъ въ Польшѣ, несмотря на то, что онъ строгъ. «Я справедливъ и не спѣшу». Мнѣ это подтвердили Поляки, именно Любомирскій.

13 Марта. Былъ у меня милый и добрый Тютчевъ; говорили о дворѣ, о прошломъ, о Царѣ; онъ упрекалъ меня, что я не пишу записки. Il m'a fait part d'une histoire qu'on conte sur l' empereur Alexandre. L'année 1814 il doit avoir consulté m-e Lenormand; au moyen d'un miroir elle doit lui avoir montré l'avenir. D'abord il vit sa propre figure qui fut remplacée par un image presque fugitive de son frère Constantin; celle-ci fit place à la grande et belle figure de l' Empereur Nicolas qui resta longtems ferme. Après lui il vit quelque chose de confus... des ruines, des cadavres sanglants... Reste à savoir si ce n'est

pas l'imagination bienveillante des amis d'outre-mer qui se consolent de ses craintes par de funestes pressentimens de la Russie.

14. Марта. Ахматовъ просилъ не забыть подписку для западныхъ единовѣрцевъ, которыхъ Австрія не балуетъ на этотъ счетъ. Извѣстно, что Государь посылалъ въ Венгрію церковныя книги. Le comte de B. a été à Vienne à cette époque et m'a dit que ce fut de très-mauvais effet; invité à un grand dîner chez un fonctionnaire, il a entendu s'exprimer la haute aristocratie allemande là-dessus.

Муравьевъ Андр. Николаевичъ во Флоренціи и негодуетъ на формы богослуженія католическаго.

15. Во дворѣ былъ концертъ, первое большое собраніе послѣ траура по в. к. Александрѣ Николаевнѣ. Рубини, Тамбурини, Віардо и Ниссенъ пѣли Стабатъ Россини, хоры придворные пѣвчіе, Ромбергъ дирижировалъ. Играли также les Hébrides Мендельсона. Мнѣ показалось все очень великолѣпно и торжественно во дворцѣ, послѣ двухлѣтняго моего отсутствія за границею. Тамъ всѣ дворы просто смѣшны важностію и заботливостію Нѣмцевъ, когда подумаешь, что они уже ничего не значатъ; да притомъ только плюнь, такъ ужъ и за границей. А Луи-Филиппа дворъ еще смѣшнѣе. Мнѣ жаль было смотрѣть на Гизо, когда онъ въ бѣломъ галстучкѣ, въ башмачкахъ et Légion d'honneur, разсказывалъ про крестины Филипова внука съ весьма самодовольнымъ видомъ. Концертъ былъ очень важенъ; въ ротондѣ, къ церковной двери были уставлены музыканты. Императрица сидѣла почти напротивъ, dans le fond; отъ нея рядкомъ разсѣлись статсъ-дамы: графиня Нессельродъ, Левашова, княг. Васильчикова, гр. Орлова, Баранова, К. М. Рибопьеръ. Подалѣе: фельдмаршалъ, Государь, Орловъ, Нессельродъ, Рибопьеръ, Киселевъ; изъ министровъ не было Панина и Блудова. За ужиномъ Государь пожаловалъ за нашъ столъ, между мной и Захаржевской; по ту сторону Захаржевской сидѣла Варинька Нелидова, которую Царь всегда зоветъ просто Аркадьевна; возлѣ нея Ал—й Ѳедоровичъ Орловъ. Государь жаловался на Орлова. «Алексѣй Ѳедоровичъ въ дорогѣ какъ заснетъ, такъ на меня навалится, что мнѣ хоть изъ коляски выходить».—«Государь, что же дѣлать?» сказалъ Орловъ: «во снѣ равенство, море по колѣно». А я думаю, на яву у самаго душа въ пятки уходитъ, когда разгнѣвается Царь и возглаголетъ яростью своею. Орловъ говорилъ мнѣ, что Императоръ желалъ помѣстить брата моего къ нему, говорилъ и нелюбезно, и даже сурово. Мое дѣло просить, и не стыдно просить для другихъ; для себя, слава Богу, ничего не прошу. Государь приказалъ ему заняться и Гоголемъ. Онъ также говорилъ: «Вѣдь онъ еще молодъ и ничего такого не сдѣ-

лалъ». Прошу покорно господъ министровъ сказать, что̀ такое надобно сдѣлать въ литературѣ, чтобы получить патентъ на достоинство литератора въ ихъ смыслѣ. Имъ сядь, и выведи *Ода*, потомъ въ одинъ присѣсть такого дня и *года*. Право, они смѣшны. Еще еслибы читали порусски!

Послѣ такого великолѣпія я вернулась домой и долго размышляла о дворѣ и царедворцахъ, хотя ихъ давно знаю.

15. Баронеса Фридериксъ сказывала, что Прусскій король писалъ Государю объ открытіи діетъ провинціальныхъ, излагая свои мысли совсѣмъ несходныя съ желаніями конституціонной партіи. Государь пѣняетъ братцу въ словоохотливости. Разговорились о Французскихъ романахъ. Во дворцѣ читали съ жадностью Mystères de Paris, и Государь со слезами épisode de la Louve и другіе.

Братья Мюллеры давали концертъ въ залѣ Віельгорскихъ. Квартета лучше этого я никогда не слыхала; ихъ упрекаютъ въ недостаткѣ élan. Львовъ говоритъ, что у нихъ не души, а душонки, что только четыре Нѣмца такъ могутъ играть ладно. M-me Viardot me disait aussi que des Allemends seuls pouvaient jouer avec le calme. Въ Парижѣ славился квартетами Baillot въ 1837 году. Берлинскую публику восхищалъ нѣсколько лѣтъ слѣпой Мозеръ; Мюлеровъ сперва не хотѣли слушать, потомъ заслушались. Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ у меня вечеромъ и не засталъ дома.

16. Поутру была у меня А. В. Сепявина и говорила, что мужъ ея, надѣливъ всѣ уѣзды Псковской губерніи хлѣбомъ и деньгами, возвращается домой. Ей писали изъ Москвы, что Шевырева зашикали на одной лекціи. Грановскій тотъ, который прошлый годъ читалъ съ блистательнымъ успѣхомъ исторію среднихъ вѣковъ, защищалъ диссертацію на магистерскую степень. Рѣдкинъ его защищалъ противъ Шевырева, публика заступилась за любимца-красавца и зашикала, когда Шевыревъ немного кольнулъ Грановскаго. Я писала по оказіи Жуковскому на счетъ Гоголя и просила его написать нѣсколько строкъ къ Орлову.

17. Были крестины во дворцѣ Великаго Князя Александра Александровича и обыкновенный большой обѣдъ. Графа Нессельрода сдѣлали канцлеромъ. Волконскому 400.000 серебромъ, т.-е. прощенъ долгъ на имѣніи Tante Militaire *). Говорятъ, что онъ былъ въ большомъ гнѣвѣ; еслибъ не канцлерство Нессельроду, то эти деньги ему были бы очень понутру, а теперь не въ попадъ, потому что Нессельродъ сталъ выше

---

*) Tante Militaire, воинственная тетка. Такъ звали тетку князя П. М. Волконскаго, урожд. Мельгунову, которая отдала ему свое имѣніе.

его. Васильчикову Л. В. мажоратство въ 20 тысячъ серебромъ, кажется Таурогенъ.

Вечеромъ была у княгини Чернышовой, которая принимаетъ по Субботамъ. Князь страхъ какъ не краснорѣчиво говоритъ; онъ хотѣлъ насъ позабавить разсказомъ о Шведскомъ королѣ (Bernadotte) и очень скучно разсказывалъ препустой случай. Очень важно въ кружокъ сидѣли Левашовъ, Киселевъ, aigre-doux, Граббе, Бергъ и Бл., выжидавшій съ нетерпѣніемъ, чтобы захватить разговоръ въ свое владѣніе. Вошелъ адъютантъ графъ Гурьевъ; очень некстати сказалъ ему министръ: asseyez-vous, и повторилъ еще разъ довольно холодно: asseyez-vous. Вѣдь этого нигдѣ не услышишь и не увидишь. Ce n'est pas européen.

Покойная Наталья Кирилловна Загряжская не любила князя Чернышова, не любила также слово européen. «Ma chère, que c'est que ce mot d'européen qu'on a inventé à présent; sans être européen, on valait mieux de notre tems», говорила она, пригрызывая себѣ ногти. Она сказала бы объ Чернышовѣ, что онъ неучъ. Но неучъ не то значитъ, что manque d'europeïsme ou de civilisation.

Я узнала что у Суворова живетъ одинъ изъ братьевъ Варгиныхъ. Варгинъ *) былъ fourniseur de l'armée до вступленія въ министерство Чернышова, который съ нимъ довольно дурно поступилъ. Онъ обанкрутился, имѣвъ до 20 милліоновъ прежде въ оборотѣ.

18. Вечеромъ я была у в. к. Ольги Николаевны, играли въ лото за большимъ столомъ, и Государь также, а великая княжна съ фрейлинами и молодыми дамами, флигель-адъютантами въ другой комнатѣ. Послѣ Огаревъ вздумалъ позабавить насъ представленіемъ: нарядился въ тюрбанъ, стоялъ въ дверяхъ, натянулъ юбченку, чулки и башмаки и танцовалъ на столѣ; а К. Н. голыми руками дѣлалъ за него жесты. Оно точно было смѣшно, но довольно странно: не такъ забавлялись при Екатеринѣ. Государь уже видѣлъ прежде у графа Клейнмихеля подобныя представленія. Я спросила Рибопьера, который вѣкъ свой прожилъ при дворѣ, какова была Наталья Алексѣевна, первая жена Павла Петровича. «Она была веселаго десятка. Великій князь тогда былъ въ короткой связи съ Андреемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ. Его послали въ Неаполь, гдѣ царствовала и распутствовала Каролина, та самая, которую я видѣла въ Одессѣ въ 1813 году; ее Актонъ оттуда выжилъ. У графа Нессельрода была тьма народу, всѣ поздравляли съ канцлерствомъ.

*) Намъ обѣщаны Записки этого достопамятнаго человѣка. П. Б.

19. Вся царская фамилія была въ концертѣ инвалидовъ, день вшествія въ Парижъ; оттуда пріѣхалъ ко мнѣ Нелидовъ, говорили о подлости М.—Д. и какъ онъ подслуживается князю Чернышову. Фельдмаршалъ Сакенъ писалъ свой дневникъ; послѣ смерти всѣ его бумаги взяты были въ штабъ; ихъ пересматривалъ Чернышовъ. Нашли слѣдующія слова въ дневникѣ: если кто хочетъ имѣть самое невѣрное понятіе о кампаніи 1812 года, тотъ пусть читаетъ Записки М.-Д. Говорятъ будто бы М.-Д. тутъ былъ въ комнатѣ, и читалось это вслухъ будто бы Вревскимъ.

20. У графа Кушелева былъ большой музыкальный вечеръ. Мнѣ смерть надоѣли Итальянцы, l'air de Balfe и Маринари. Я сидѣла въ другой комнатѣ; подошелъ ко мнѣ князь Меншиковъ. Я всегда жду отъ него un mot à la Talleyrand; il paraît que ses mots sont rares comme les beaux jours. А по городу ихъ столько шатается, что спасенья нѣтъ; хорошо онъ сказалъ про Рубини: J'ai la vue trop basse pour l'entendre.

21. Полетика на меня сердился, что я его не навѣщала во время болѣзни; онъ же никуда почти не ѣздилъ, да и не прислалъ сказать, что боленъ. Петръ Ивановичъ напрасно не писалъ своихъ Записокъ. Онъ вступилъ въ службу еще при Безбородкѣ, всегда жилъ въ высшемъ кругѣ и былъ во многихъ домахъ на хорошей ногѣ, какъ напр. у графа Семена Воронцова въ Англіи, бывалъ въ посольствахъ, много видѣлъ. Мы разговорились объ статьѣ, написанной Тьеромъ въ Histoire du Consulat о смерти Павла Петровича. Редакторы журналовъ нарочно помѣстили ее на 11 Марта, такъ что Государь прочелъ эту статью 12 числа нашего штиля. Я удивилась, откуда Тьеръ могъ имѣть такія вѣрныя и подробныя извѣстія, совершенно изустныя до сихъ поръ у насъ. Петръ Ивановичъ говорилъ мнѣ, что первый, который это разгласилъ въ Берлинѣ, былъ Жеребцовъ; онъ посланъ былъ тогда съ извѣстіемъ о смерти, зналъ все и хвасталъ даже, что онъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. C'était la mode alors de s'en vanter. Bolhovskoy s'en est vanté aussi et s'en est mal trouvé après. Le comte Langeron a aussi contribué à divulguer ces détails; il a écrit des mémoires à cette epoque, et un manuscript doit être en France. Петръ Ивановичъ Полетика былъ у графа Палена въ его имѣніи въ Курляндіи. Его жена была очень замѣчательная женщина и въ то время въ весьма тѣсной дружбѣ съ в. к. Елисаветой Алексѣевной. Она говорила ему, что, еще въ самомъ началѣ, Е. А. не любила мужа: elle etait très-dedaigneuse avec lui et repoussait toutes ses caresses.

Мое дѣло пошло въ ладъ: Государь приказалъ Уварову узнать,

чтó нужно Гоголю. Уваровъ тутъ поступилъ благородно; сказалъ, что Гоголь заслуживаетъ всякую помощь.

Надобно подробно узнать дѣло des Soeurs-Grises, которое надѣлало много шуму и очень не понравилось Римскому правительству. Въ послѣдній разъ, когда я была вечеромъ у Государыни, она хотѣла заставить читать депеши изъ Пруссіи на счетъ движенія въ южныхъ провинціяхъ. Кажется, большая партія хочетъ отойти отъ папской зависимости. Чтò такое католицизмъ безъ папы? Въ тотъ-же день она читала депешы Бутенева изъ Рима, который по видимому улаживаетъ съ Ламбрускини. Дѣло о Soeurs-Grises началось еще въ бытность мою въ Римѣ въ 1842 году, при Потемкинѣ. Говорятъ, что Потемкинъ былъ нѣкогда умный человѣкъ, но безъ характера. Отъ пренебреженья, или отъ того что дѣла дѣлалъ Пав. Ив. Кривцовъ мимо его, но Ламбрускини первый говорилъ ему о многихъ предметахъ, о которыхъ ему ни слова не писали. Кривцовъ умеръ въ прошломъ году; онъ былъ ума пріятнаго и обхожденія facile. Онъ не имѣлъ впрочемъ de la partie dans ces vues, а такъ только имѣлъ умъ про случай.

К. Н. ѣдетъ въ Константинополь. Къ нему ходитъ по вечерамъ Фонтонъ; онъ фанаріотъ и былъ, кажется, 11-ть лѣтъ при нашемъ посольствѣ въ Турціи; говорятъ, что онъ весьма свѣдущъ въ восточныхъ дѣлахъ, да и личности ему знакомы. К. Н. спрашивалъ меня, чтò мнѣ оттуда привезти. Я сказала: «возьмите городъ».

Нелидовъ вечеромъ былъ у меня. Послѣ послѣдняго указа о рекрутскомъ наборѣ по 7 съ тысячи, Государь собралъ всѣхъ флигель-адъютантовъ и говорилъ имъ предлинную рѣчь. Вотъ ея содержаніе въ нѣсколькихъ словахъ: «Господа, я знаю, что на меня ропщутъ; еслибы я былъ помѣщикъ, я бы самъ возталъ. Кавказъ только предлогъ; въ скоромъ времени вы узнаете настоящія причины сего набора; онѣ самыя важныя. Мнѣ больно во всеобщемъ ропотѣ то, что въ двадцать лѣтъ моего царствованія меня не узнали еще, и не поняли, что безъ особенной причины я никогда не бралъ рекрутовъ». Онъ говорилъ прекрасно, какъ всегда. Но у каждаго былъ отвѣтъ въ карманѣ: а безсрочно отпускные зачѣмъ у васъ? Флигель-адъютантъ Опочининъ посланъ былъ въ Польскія губерніи кормить ихъ; ихъ тамъ гуляетъ, и какъ кажется не смирно, до 10.000. Опочининъ, встрѣтивъ меня на Салтыковской лѣстницѣ, мнѣ это самъ говорилъ.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ВИКТОРА ИЛЛАРІОНОВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА КЪ ПЕТЕРБУРГСКОМУ ПРІЯТЕЛЮ.

Село Трубетчино, 22 Іюня.

Живучи въ деревнѣ у себя дома, не могъ я не начертать вамъ, любезный Константинъ Ивановичъ, сего хвалебнаго посланія. Передъ окнами моими стелется роскошное свекловичное поле, обѣщающее много сладости въ будущности (жаль, что сахароваръ шельма и воръ); за нимъ колышется богатѣйшее ржаное море, а въ лѣвой рукѣ виднѣется тяжеловѣсная озимая пшеница (жаль, что цѣнъ не будетъ никакихъ); горизонтъ мой опоясанъ темнозеленой дубовой дебрей (жаль, что пропасть воровскихъ порубокъ); внизу подъ самымъ домомъ пасется стадо славнаго скота по берегамъ ручья (жаль только, что онъ худъ и скверно содержанъ).

Здѣсь какъ-то иначе человѣкъ дышетъ, иначе думаетъ, больше живетъ, и еслибъ все наслажденіе сельской жизни не было помрачено ежедневными непріятностями происходящими отъ долговременнаго моего безпечія и отсутствія хозяйскаго глаза, я былъ бы счастливѣйшій изъ смертныхъ; ибо село мое есть рай земной и неисчерпаемое дно богатства для трудящагося помѣщика. За то ужъ мужичекъ мой! Господи! Самое упрямое и лѣнивое животное на свѣтѣ. Распустите слухъ по Петергофу, что вы получили отъ меня письмо, что я совершенно при смерти болѣнъ и безъ памяти лежу третій день. Авось исключатъ изъ списковъ, а я останусь здѣсь наслаждаться жизнію и служить настоящую службу. Извините, что безпокою напраснымъ посланіемъ, я хотѣлъ только сказать вамъ, что вы совершенно правы: мѣсто ваше здѣсь, а не въ Красномъ Селѣ.

Искренно преданный

Князь В. Васильчиковъ.

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ

А. С. ПУШКИНА.

„Египетскія Ночи“ принадлежать къ числу произведеній, которыя великій поэтъ не успѣлъ докончить, и онѣ въ первый разъ напечатаны его друзьями уже по кончинѣ его, въ Современникѣ 1837 года (кн. 4-я). Гораздо позднѣе, въ „Матеріалахъ“ Анненкова появились относящіеся къ „Египетскимъ Ночамъ“ наброски, нынѣ вошедшіе въ полное собраніе сочиненій Пушкина (изданіе 1880 года, томъ IV-й). Ниже напечатанный отрывокъ, доселѣ неизданный, найденъ нами въ рукописяхъ Пушкина въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ.

Египетскія Ночи первоначально начинались такъ:

«Андрей Алексѣевичъ Бураевскій былъ одинъ изъ коренныхъ жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лѣтъ. Дядя его, Саратовскій откупщикъ, оставилъ ему хорошее имѣніе».

Послѣ словъ: «у насъ поэты не ходятъ пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія», Пушкинъ приписалъ сбоку и зачеркнулъ слѣдующія слова: «И отъ своихъ меценатовъ (чортъ ихъ побери!) требуютъ одного: чтобъ они не входили на нихъ съ тайными доносами, и того не могутъ добиться».

*

Сказаніе о Клеопатрѣ и объ ея дикомъ сладострастіи Пушкинъ дѣлаетъ предметомъ домашней бесѣды въ одномъ Петербургскомъ кружкѣ.

*

— Ахъ, разскажите, разскажите!

— Ахъ нѣтъ, не разсказывайте, прервала Лидина, вдова по разводу, опустивъ чопорно огненные свои глаза.

— Полноте, вскричала хозяйка съ нетерпѣніемъ. Нашли чѣмъ насъ пугать! Неблагопристойностью! Вчера въ театрѣ мы всѣ смотрѣли Антони, а вонъ тамъ на каминѣ валяется la Physiologie du Mariage.

Алексѣй Ивановичъ, перестаньте насъ морочить: разскажите намъ про Клеопатру. Однако постарайтесь быть благопристойны.

—Ей Богу, сказалъ молодой человѣкъ; я робѣю. Я сталъ благовоспитанъ какъ журналистъ и стыдливъ какъ цензура... Ну такъ и быть. Извольте видѣть: въ числѣ Латинскихъ историковъ есть нѣкто Аврелій Викторъ, о которомъ вѣроятно вы никогда не слыхивали.

Аврелій Викторъ? прервалъ Вершневъ [1]), одинъ изъ тѣхъ людей одаренныхъ убійственною памятью, которые все знаютъ и все читали и которыхъ стоитъ только тронуть пальцемъ, чтобъ изъ нихъ полилась ихъ всемірная ученость [2]).. Знаю! Секвъ Аврелій Викторъ, писатель IV столѣтія; сочиненія его приписываются Корнелію Непоту и даже Светонію. Онъ написалъ, помнится, книгу de viris illustribus, о знаменитыхъ мужахъ Рима, книгу довольно сухую... Знаю.

—Такъ точно, продолжалъ Алексѣй Ивановичъ,—книжонка его довольно суха и ничтожна. Не помню, какимъ образомъ она мнѣ попалась. Но въ ней находится сказаніе о Клеопатрѣ, которое такъ меня поразило, и что́ замѣчательно, въ этомъ мѣстѣ Аврелій Викторъ, сухой и скучный, силою выраженія равняется Тациту. Haec tantae libidinis..

—Прекрасно! воскликнулъ Вершневъ. Это напоминаетъ мнѣ фразу Саллюстія: tantae contumeliae.

—А что́ значитъ порусски ваша латынь? спросила хозяйка.

—Дѣло въ томъ, что Клеопатра торговала своей красотою и что многіе изъ ея любовниковъ добровольно купили ночь ея цѣною своей жизни.

—Какой ужасъ! сказали дамы.

—И только-то? И вы совѣстились намъ разсказать эту историческую черту? спросила хозяйка. Но это ничего не значитъ въ сравненіи съ новыми романами. Но что же вы тутъ находите восхитительнаго?

—Какъ что? Кажется, одной Клеопатрѣ вошло въ голову оцѣнить себя такою цѣною...

Молодая графиня К. (взяла на себя un petit air de dignité) постаралась придать важное выраженіе своему носу, похожему на луковицу, воткнутую въ рѣпу, и сказала:

—Есть и нынче женщины, которыя цѣнятъ себя подороже.

Мужъ ея Польскій графъ, женившійся по разсчету (говорятъ ошибочному), покраснѣлъ, потупилъ глаза и выпилъ свою чашку чаю.

---

[1]) Было написано: *Титовъ*.

[2]) Было написано: „одинъ изъ тѣхъ юношей, которые воспитывались въ Московскомъ университетѣ, служатъ въ Московскомъ Архивѣ и толкуютъ о Гегелѣ“.

— Что́ вы подъ этимъ разумѣете, графиня? спросилъ молодой человѣкъ, съ трудомъ удерживая улыбку.

— Я разумѣю, отвѣчала графиня К.,—что женщина, которая уважаетъ себя, которая уважаетъ... Тутъ она запуталась...

Вершневъ подоспѣлъ ей на помощь:

— Вы думаете, что женщина, которая себя уважаетъ, не захочетъ сдѣлать подобнаго условія...

— Какая же тутъ главная идея? Не помните ли?

— Если вамъ угодно, я разскажу.

Онъ начинаетъ описаніемъ пиршества въ садахъ царицы Египетской. На берегу четвероугольнаго озера, выложеннаго Мемфискимъ мраморомъ, Клеопатра угощаетъ своихъ друзей. Порфирные львы съ огромными головами изливаютъ воду изъ позолоченныхъ зѣвовъ. Гремитъ музыка. Евнухи разносятъ вина. Народъ тѣснится на порфирныхъ ступеняхъ. Широкія опахала навѣваютъ прохладу. Струится ѳиміамъ въ кадильницахъ. Пиръ утихъ. Гости въ недоумѣніи.

И вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась...

Зачѣмъ печаль ее гнететъ?
Чего еще недостаетъ
Египта древняго царицѣ?
Въ своей блистательной столицѣ
Спокойно властвуетъ она,
И часто предъ ея глазами
Пиры смѣняются пирами,
И величавыя искусства
Ей тѣшатъ дремлющія чувства.
Горитъ ли Африканскій день,
Свѣжѣетъ ли ночная тѣнь,
Покорны ей земные боги,
Полны чудесъ ея чертоги.
Въ златыхѣ кадилахъ вѣчно тамъ
Сирійскій дышетъ ѳиміамъ,
Звучатъ тимпаны...
Весь міръ царицѣ угождаетъ,
Сидонъ ей пурпуръ высылаетъ....
Вдоль Нила....
.... вѣтрила.
Она въ триремѣ золотой
Плыветъ...

Она пошла
Въ покои тайные дворца,
Гдѣ ключъ угрюмаго скопца
Хранитъ невольниковъ прекрасныхъ
И юношей стыдливо-страстныхъ.

—Этотъ предметъ должно бы доставить маркизѣ Жоржъ - Зандъ, такой же безстыдницѣ какъ ваша Клеопатра. Она вашъ Египетскій анекдотъ передѣлала бы на нынѣшніе нравы.

— Невозможно! Не было бы никакого правдоподобія. Этотъ анекдотъ совершенно древній. Таковой торгъ нынче не сбыточенъ, какъ сооруженіе пирамидъ, какъ Римскія зрѣлища, игры гладіаторовъ и звѣрей.

— Отчего же несбыточенъ? Неужто между нынѣшними женщинами не найдется ни одной, которая на самомъ дѣлѣ захотѣла бы испытать то что̀ твердятъ ей поминутно любовники: что любовь ея была бы дороже имъ жизни.

— Положимъ, это и любопытно было бы узнать; но какимъ образомъ можно сдѣлать это ученое испытаніе? Клеопатра имѣла всевозможные способы заставить должниковъ своихъ расплатиться. А мы? Вѣдь нельзя же такія условія написать на гербовой бумагѣ и засвидѣтельствовать въ Гражданской Палатѣ.

— Можно въ такомъ случаѣ положиться на *честное слово.*

— Какъ это?

— Женщина можетъ взять съ любовника честное слово, что на другой день онъ застрѣлится.

— Онъ на другой день уѣдетъ въ чужіе края, и она останется въ дурахъ.

— Если онъ согласится остаться на вѣкъ безчестнымъ въ глазахъ той, которую любитъ. Да и самое условіе неужели такъ тяжело? Развѣ жизнь уже такое сокровище, что ея цѣною жаль и счастье купить? Посудите сами: первый шалунъ, котораго я презираю, скажетъ обо мнѣ слово, которое не можетъ мнѣ повредить никакимъ образомъ, и я подставляю лобъ подъ его пулю. Я не имѣю права отказать въ этомъ удовольствіи первому забіякѣ, которому вздумается испытать мое хладнокровіе. И я стану трусить, когда дѣло идетъ о моемъ блаженствѣ! Что̀ жизнь! Она отравлена унынiемъ, пустыми желаніями, и что̀ въ ней, когда наслажденія ея истощены?

— Неужели вы въ состояніи заключить такое условіе?

Въ эту минуту Лидина, которая во все время сидѣла молча, опустивъ глаза, быстро устремила ихъ на (*Алексѣя Ивановича*).

(Я про себя не говорю; но человѣкъ влюбленный конечно не усумнится.) Еслибъ я былъ истинно влюбленъ, то конечно не усумнился бы ни на одну минуту.

— Какъ! Даже для такой женщины, которая бы васъ не любила? А та, которая согласилась бы на ваше предложеніе, ужъ вѣрно бы васъ не любила. Одна мысль о такомъ звѣрствѣ должна уничтожить самую безумную страсть....

— Нѣтъ! Я въ ея согласіи я видѣлъ бы одну только пылкость воображенія. А что касается до взаимной любви, то я ея не требую. Я люблю тебя: какое тебѣ до того дѣло?...

— Перестаньте! Богъ знаетъ, чтó вы говорите. Такъ вотъ чего вы не хотѣли разсказать.

Конечно, всякій въ правѣ оцѣнить себя въ какую вздумаетъ цѣну; однако ваша Клеопатра не кстати такъ дорожилась.

Разговоръ перемѣнился. А. И. сѣлъ подлѣ Лидиной, наклонился,будто разсматривая ея работу, и сказалъ ей въ полголоса:

— Чтó вы думаете объ условіи Клеопатры?

Лидія молчала. А. И. повторилъ свой вопросъ.

— Чтó вамъ сказать? Иная женщина дорого цѣнитъ себя; но мужчины XIX столѣтія слишкомъ хладнокровны, благоразумны, чтобы заключать такія условія.

— Вы думаете! сказалъ А. И. голосомъ вдругъ измѣнившимся. Вы думаете, что въ наше время, въ Петербургѣ здѣсь, найдется женщина, которая будетъ имѣть довольно гордости, довольно силы душевной, чтобъ предписать любовнику условія Клеопатры?..

— Думаю; даже увѣрена...

— Подумайте. Это было бы слишкомъ жестоко; болѣе жестоко, нежели самое условіе...

— Вы не обманываете меня? Скажите...

Лидина взглянула на него огненными, пронзительными глазами и произнесла твердымъ голосомъ: *нѣтъ!*

А. И. всталъ и тотчасъ исчезъ.

*

Когда Чарскій посѣтилъ импровизатора въ его бѣдномъ помѣщеніи, онъ ему далъ тему для стиховъ: *Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ.* „Глаза Итальянца засверкали. Онъ взялъ нѣсколько акордовъ, гордо поднялъ голову, и пылкіе стихи, выраженія мгновеннаго чувства, стройно излетѣли изъ устъ его... Вотъ они вольно переданные однимъ изъ нашихъ пріятелей со словъ, сохранившихся въ памяти Чарскаго“.

Въ изданіяхъ сочиненій Пушкина обыкновенно означается, что стиховъ этихъ не нашлось въ рукописи. Намъ посчастливилось отыскать ихъ, въ слѣдующемъ не вполнѣ конченномъ видѣ:

Поэтъ идетъ. Открыты вѣжды,
Но онъ не видитъ никого,
А между тѣмъ за край одежды
Тихонько дергаютъ его.
Глупцы твердятъ: „Онъ вѣрно дремлетъ.
Куда, куда? дорога здѣсь!“
Напрасный трудъ! Поэтъ не внемлетъ,
Идетъ, куда его влекутъ...
(Мечты свободныя)

*

Таковъ поэтъ! Какъ Аквилонъ,
Что̀ хочетъ, то уноситъ онъ:
Увядшій листъ, иль прахъ площадный,
Иль куполъ...
И не спросясь ни у кого,
Какъ Дездемона избираетъ
Кумиръ для сердца своего.

Къ „Египетскимъ Ночамъ“, къ бѣдному импровизатору, можетъ быть, должно отнести еще три стиха, читающіеся въ Пушкинской рукописи:

„О бѣдность! Затвердилъ я наконецъ
Урокъ твой горькій. Чѣмъ я заслужилъ
Твое гоненье?“

Напомнимъ читателю, что „Египетскія Ночи“, большая половина которыхъ написана Пушкинымъ въ послѣдніе годы, его жизни, занимали его еще въ 1825 году, въ Михайловскомъ, гдѣ сочинены извѣстные стихи: „Чертогъ сіялъ...“ *П. Б.*

СОДЕРЖАНІЕ

РУССКАГО АРХИВА 1881 ГОДА *)

(три книги*).

*) Римская цифра означаетъ книгу, Арабская—страницу книгу.

Къ Русскому Архиву 1882 года приложены:

1) Современная картинка, изображающая Екатерину Великую съ ея семействомъ и приближенными лицами.
2) Двѣ книжки „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, 1825 и 1826 годовъ.
3) Снимокъ съ стихотворенія Пушкина: „Памятникъ“.
4) Большая гравюра, съ портретомъ Екатерины Великой.

Портретъ Екатерины Великой, составляющій приложеніе къ Русскому Архиву 1881 году, не могъ быть разосланъ всѣмъ подписчикамъ иначе, какъ въ сложеномъ видѣ. Московскіе же подписчики получили его изъ Конторы Русскаго Архива, а Петербургскіе изъ книжнаго магазина «Новаго Времени».

Цѣна Русскому Архиву со всѣми приложеніями 8 рублей, съ пересылкою 9 рублей.

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.
Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**
Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **Н. В. Баталина.** доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины Второй,** императора **Александра Павловича,** князя **Суворова** и проч.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго.** по его письмамъ.
Бумаги **С. П. Шевырева.**
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. П. Шипова.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ В. А. Черкаскомъ
Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.
Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796.
Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **П. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**
Бумаги **графа П. И. Панина.**
Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**
Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ.
Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.
КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.
Исторія Яицкаго войска.
Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.
КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.
КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.
КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина.—Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго. - Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.—Новая глава „Капитанской Дочки“.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАЕТСЯ

въ 1882 году

ШЕСТЬЮ КНИЖКАМИ, ВЫХОДЯЩИМИ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

девять рублей

съ пересылкою.

АДРЕСЪ: **Москва**, Ермолаевская Садовая, домъ 606-й.
Въ Петербургѣ: книжные магазины „Новаго Времени" и И. И. Глазунова

Цѣна каждой книжкѣ 1882 года въ отдѣльной продажѣ **2** рубля.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1881 года, въ шести книгахъ съ приложеніемъ двухъ книгъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ", со снимками и большою гравюрою продается по 8 рублей (съ пересылкою по 9 рублей). Приложенная гравюра раздается Петербургскимъ подписчикамъ Русскаго Архива въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени", на Невскомъ Проспектѣ.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ШЕСТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.
(Москва, Садовая, 157).

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

1882

2.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ Н. М. СМИРНОВА.

Николай Михайловичъ Смирновъ, бывшій Калужскій, а потомъ Петербургскій губернаторъ, происходилъ по матери отъ перваго преображенца Леонтія Бухвостова, которому Петръ Великій пожаловалъ обширныя помѣстья въ Псковской, Московской и другихъ губерніяхъ. Роднымъ дѣдомъ его, тоже съ материнской стороны, былъ нѣкто Чарторижскій, адъютантъ Петра III-го, оставившій по себѣ записки, доселѣ неизданныя. Н. М. Смирновъ былъ человѣкъ благороднѣйшихъ правилъ, отмѣнно-горячаго, любящаго сердца, съ дѣятельнымъ участіемъ относившійся къ чужому горю и чужой бѣдѣ, многихъ на своемъ вѣку выручавшій, многимъ памятный своими пособіями и благодѣяніями. Я имѣлъ случай близко знать его въ послѣдніе годы его жизни, проводя нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ въ бывшемъ его помѣстьѣ, въ селѣ Спасскомъ, Бронницкаго уѣзда, на высокомъ берегу Москвы-рѣки. Мнѣ понятно, почему такъ цѣнилъ его А. С. Пушкинъ, тоже отличавшійся неистощимою любовію къ людямъ. Въ 1831 году Пушкинъ былъ шаферомъ на свадьбѣ Н. М. Смирнова, въ Зимнемъ дворцѣ.

Тетрадь, изъ которой извлечены нижеслѣдующія выдержки, передана была мнѣ въ 1872 году сыномъ Смирнова, Михаиломъ Николаевичемъ.

П. Бартеневъ.

1842-й годъ.

Новый годъ.

Новый годъ открылся печально. Императрица была не очень здорова, и Государь, не желая въ сей день принимать поздравленія безъ нея, отмѣнилъ выходъ. Публика, не знавшая того, въ первую минуту не преминула искать тайную причину и отнесла сіе отмѣненіе къ тому, что дворъ не хотѣлъ принять въ сей день дипломатическій корпусъ,

чтобъ не видѣть Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ г. Перье; но скоро всѣ узнали причину и вмѣстѣ также, что Великая Княгиня Наслѣдница не очень здорова по случаю беременности, — обстоятельство до сего дня неизвѣстное публикѣ.

Замѣчательныхъ милостей въ сей день не было; нѣсколько чиновъ, лентъ, мелкой монеты, разбросанной по министерствамъ. Ожидали также рѣшенія на просьбу князя Александра Николаевича Голицына, просящаго снять съ него управленіе надъ почтовымъ вѣдомствомъ, потому что онъ почти лишился зрѣнія. По сему случаю въ публикѣ носились три слуха, что почта перейдетъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, что князя Голицына замѣститъ графъ Клейнмихель, а по другимъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, членъ Государственнаго Совѣта; но всѣ ошиблись: новый годъ не принесъ развязки.

8 Генваря.

Поздравленія новаго года были отложены до Крещенія, а 7-го былъ балъ въ концертной залѣ, на который былъ приглашенъ корпусъ дипломатическій; среди его явился и Перье съ супругою своею, не взирая на то, что получено извѣстіе изъ Парижа̀, что нашъ повѣренный въ дѣлахъ Киселевъ, со всѣмъ посольствомъ, не ѣздилъ поздравлять короля въ новый годъ, что̀ было очень замѣчено въ Парижѣ и внушило журналу Де-Деба сильную статью противъ неприличія дворамъ во время мира дѣлать другъ другу мелочныя непріятности. Сія статья полу-оффиціальнаго журнала Французскаго министерства выхваляетъ г-на Гизо за то, что онъ не переноситъ нашихъ оскорбленій; но оканчивается мирными словами: nous voulons la paix, la paix à tout prix! Нумеръ газеты, гдѣ сія статья, не былъ пропущенъ цензурою; но государь приказалъ пропустить его.

Возмутительныя письма.

Наканунѣ Рождества случилось странное происшествіе. Нѣкоторые полки, Московскій, Измайловскій, Семеновскій и Егерскій получили черезъ городскую почту возмутительныя письма, адресованныя на имя фельдфебелей. Сіи письма выражаются почти слѣдующими словами: «Завтра всѣ честные люди будутъ разгавливаться, а вы ребята чѣмъ разговѣетесь, хлѣбомъ и водою? Отъ чего? Потому что у Государя денегъ нѣтъ: его разорилъ Канкринъ, который умѣетъ только набивать свои карманы, и за это слѣдуетъ убить его» и пр. и пр. Командиры полковъ, узнавъ о томъ вечеромъ 24-го числа, тотчасъ донесли Великому князю Михаилу Павловичу. Всю ночь были изысканія, не полу-

чены ли въ другихъ полкахъ подобныя письма, но оныхъ не оказалось, и тѣмъ кончилась сія исторія, о которой офицерамъ было запрещено говорить. Кто виновникъ сихъ писемъ, кажется, не было найдено; но такъ какъ въ Егерскій полкъ одно таковое письмо было отдано черезъ солдата того полка, которому его вручилъ на Невѣ встрѣтившійся съ нимъ чиновникъ въ трехугольной шляпѣ, съ серебряными пуговицами на мундирѣ, то полагаютъ, что сіи письма были написаны чиновникомъ Военнаго Министерства изъ числа тѣхъ, которые были увольнены за уменьшеніемъ штатовъ изъ экономическихъ видовъ. Непостижимо, съ какою цѣлью были написаны эти письма; ибо невозможно предполагать, чтобъ нашелся столь глупый человѣкъ, который могъ бы надѣяться таковымъ письмомъ произвести волненіе въ нашемъ войскѣ. Сочинитель сего циркуляра долженъ былъ знать духъ нашихъ солдатъ и знать, что фельдфебеля, такъ какъ оно случилось, немедленно представятъ сіи письма своимъ ротнымъ командирамъ.

Пушкинъ.

Полный еще вчерашнимъ разговоромъ о нѣкоторомъ сходствѣ въ судьбѣ нашихъ лучшихъ поэтовъ въ семъ столѣтіи, Пушкина и Лермонтова(ибо поэзія обоихъ стала болѣе извѣстною въ началѣ ихъ жизни черезъ гоненія, которыя она заслужила, и оба пали отъ пули на поединкахъ), я хочу въ сихъ запискахъ помѣстить нѣкоторыя воспоминанія объ нихъ и какія причины ихъ привели къ кровавой развязкѣ.

Не взирая на нѣкоторое сходство Лермонтова съ Пушкинымъ, сей послѣдній былъ неизмѣримо выше его не только талантомъ, но умомъ, познаніями и душою, и серьезно нельзя дѣлать между ними никакого сравненія. Пушкинъ (перваго выпуска Царскосельскаго Лицея), хотя въ юности учился небрежно и посему въ выпускѣ не попалъ въ число первыхъ учениковъ, но умѣлъ пріобрѣсти въ послѣдствіи обширныя познанія въ литературѣ и исторіи. Онъ читалъ очень много и, одаренный необыкновенною памятью, сохранялъ всѣ сокровища, собранныя имъ въ книгахъ; особенно хорошо изучилъ онъ Россійскую Исторію и изъ оной всю эпоху съ начала царствованія Петра Великаго до нашихъ временъ. Его голова была наполнена характеристическими анекдотами всѣхъ знаменитыхъ лицъ послѣдняго столѣтія, и онъ любилъ ихъ разсказывать. Государь ему поручилъ написать Исторію Петра Великаго, который былъ идоломъ Пушкина. Онъ этимъ дѣломъ занялся съ любовію, но не хотѣлъ начать писать прежде чѣмъ соберетъ всѣ нужные матеріалы и для достиженія сего читалъ все что̀ было напечатано о семъ государѣ и рылся во всѣхъ архивахъ. Многіе сомнѣвались, чтобъ

онъ былъ въ состояніи написать столь серьёзное сочиненіе, чтобъ у него достало на то терпѣнія. Зная коротко Пушкина (и мое мнѣніе раздѣлено Жуковскимъ, Вяземскимъ, Плетневымъ), я увѣренъ, что онъ вполнѣ удовлетворилъ бы строгимъ ожиданіямъ публики; ибо подъ личиною иногда вѣтренности и всегда свѣтскаго человѣка, онъ имѣлъ высокій, проницательный умъ, чистый взглядъ, необыкновенную смѣтливость, память, не теряющую изъ виду малѣйшихъ обстоятельствъ въ самыхъ дальнихъ предметахъ, высоко-благородную душу, большія познанія въ Исторіи, словомъ всѣ качества нужныя для исторіографа, къ которымъ онъ присоединялъ еще свой блистательный талантъ какъ писатель. Нельзя также сомнѣваться, чтобъ у него недостало терпѣнья для окончанія столь важнаго сочиненія; ибо онъ имѣлъ въ важныхъ случаяхъ твердую волю, и благоговѣніе, которое онъ имѣлъ къ Петру I, вооружало его нужнымъ терпѣніемъ. Онъ сіе доказалъ трудами своими въ собираніи справокъ, долгимъ изученіемъ своего предмета, и въ глазахъ знающихъ коротко Пушкина медленность его въ начатіи писать исторію великаго государя служила доказательствомъ его твердаго намѣренія посвятить ей всѣ силы своего ума, всю жизнь свою. Другіе судили иначе, ибо его не знали. Хотя онъ былъ извѣстнѣйшимъ лицомъ въ Россіи, хотя знаменитость его дошла до самыхъ глухихъ и дальнихъ мѣстъ Россіи, но весьма немногіе его знали коротко и могли вполнѣ оцѣнить высокія качества его ума, его сердца и души. Любя свѣтъ, любя игру, любя пріятельскія бесѣды, Пушкинъ часто являлся человѣкомъ легкомысленнымъ, вѣтреннымъ и давалъ поводъ судить о немъ ложно. Бывъ самаго снисходительнаго нрава, онъ легко вступалъ со всѣми на пріятельскую ногу, и эта свѣтская дружба, соединенная съ откровеннымъ обращеніемъ, позволяла многимъ думать, что они съ Пушкинымъ друзья и что они коротко знаютъ его мысли, чувства, мнѣнія и способности. Эти-то мнимые друзья и распространили многія ложныя мысли о немъ и представили его легкомысленнымъ и неспособнымъ для трудовъ, требующихъ большаго постоянства. Какъ мало знали они Пушкина, какое бѣдное понятіе имѣли о немъ, не взирая на то что оцѣняли весь геній его какъ поэта! Кто былъ ближе къ нему, кто пользовался его совершеннымъ довѣріемъ, кому доступны были тайныя струны его души, тѣ уважали въ Пушкинѣ человѣка столько же какъ и поэта, тѣ открывали въ немъ ежедневно сокровища неистощимыя и недоступныя пониманію толпы такъ называемыхъ его пріятелей.

Трудно описать блестящія качества, которыя соединялись въ Пушкинѣ и сдѣлали изъ него столь замѣчательное лицо. Его геній извѣстенъ; но что́ можетъ быть неизвѣстно будетъ потомству, это то, что Пушкинъ съ самой юности до гроба находился вѣчно въ непріятномъ или стѣ-

сненномъ положеніи, которое убило бы всѣ мысли въ человѣкѣ съ менѣе твердымъ характеромъ. Сосланный въ Псковскую деревню за сатирическіе стихи, онъ имѣлъ тамъ развлеченіемъ старую няню, коня и бильярдъ, на которомъ игралъ одинъ тупымъ кіемъ. Его дни тянулись однообразно и безцвѣтно. Вставъ поутру, погружался онъ въ холодную ванну и бралъ книгу или перо; потомъ садился на коня и скакалъ нѣсколько верстъ, слѣзая уставшій ложился въ постель и бралъ снова книги и перо; въ минуты грусти перекатывалъ шары на бильярдѣ или призывалъ старую няню разсказывать ему про старину, про Ганибаловъ, потомковъ Арапа Петра Великаго, изъ фамиліи которыхъ происходила его мать. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ юности Пушкина, и въ эти дни скуки и душевной тоски онъ написалъ столько свѣтлыхъ восторженныхъ пѣсенъ, въ которыхъ ни одно слово не высказало измѣнчиво его унынія. Вдругъ однажды ночью его будитъ испуганная няня и объявляетъ ему, что вновь воцарившійся Государь, находившійся въ то время для коронаціи въ Москвѣ, прислалъ за нимъ фельдъегеря. Пушкинъ изумился; онъ не принадлежалъ къ заговору, уничтоженному на Сенатской площади 14-го Декабря, его совѣсть была чиста, и онъ чувствовалъ, что можетъ предстать передъ лицомъ Государя безъ страха; но съ другой стороны онъ боялся, что, по его дружбѣ и перепискѣ со многими участниками заговора, напр. съ Лунинымъ, Кюхельбекеромъ, Муравьевымъ, могло случиться, что слова какого-нибудь письма, найденнаго по окончаніи уже суда надъ виновными, были истолкованы не въ пользу его или что новое донесеніе на него вело его къ новому суду. Скоро однакоже успокоилъ его фельдъегерь вниманіемъ, котораго обыкновенно не дарятъ тѣмъ, которыхъ отвозятъ подъ плаху правосудія. По пріѣздѣ въ Москву Пушкинъ введенъ прямо въ кабинетъ Государя; дверь замкнулась и когда снова отворилась, Пушкинъ вышелъ со слезами на глазахъ, бодрымъ, веселымъ, счастливымъ. Государь его принялъ какъ отецъ сына, все ему простилъ, все забылъ, обѣщалъ покровительство свое и быть единственнымъ цензоромъ всѣхъ его сочиненій *).

Съ 1825 до 1831 года была самая счастливая эпоха въ жизни Пушкина. Онъ жилъ въ Петербургѣ, ласкаемый Царемъ; три четверти общества носили его на рукахъ. Говорю три четверти, ибо одна часть высшаго круга никогда не прощала Пушкину его вольныхъ стиховъ,

---

*) Съ тѣхъ поръ Пушкинъ посылалъ Государю черезъ Бенкендорфа всѣ свои сочиненія въ рукописяхъ и по возвратѣ оныхъ отдавалъ ихъ прямо въ печать. Государь означалъ карандашомъ мѣста, которыя не пропускалъ. Государь былъ самый снисходительный цензоръ и пропустилъ многія мѣста, которыя обыкновенная цензура, къ которой Пушкинъ обращался за отсутствіемъ Государя, не пропускала.

его сатиръ и, не взирая на милости Царя, на увѣренія его друзей, не переставала его считать человѣкомъ злымъ, опаснымъ и вольнодумцемъ. Но Пушкинъ былъ утѣшенъ въ несправедливой ненависти немногихъ фанатическою дружбою многочисленныхъ друзей своихъ и любовью всей Россіи. Никто не имѣлъ столько друзей сколько Пушкинъ и, бывъ съ нимъ очень близокъ, я знаю, что онъ вполнѣ оцѣнялъ сіе счастіе. Осенью онъ обыкновенно удалялся на два и три мѣсяца въ деревню, чтобъ писать и не быть развлекаемымъ. Въ деревнѣ онъ велъ всегда одинаковую жизнь, весь день проводилъ въ постелѣ съ карандашомъ въ рукахъ, занимался иногда по 12 часовъ въ день, поутру освѣжался холодною ванною; передъ обѣдомъ, не смотря даже на непогоду, скакалъ нѣсколько верстъ верхомъ, и когда уставшая подъ вечеръ голова требовала отдыха, онъ игралъ одинъ на бильярдѣ или призывалъ съ разсказами свою старую няню. Однажды онъ взялъ съ собою любовницу. «Никогда болѣе не возьму никого съ собою», говорилъ онъ мнѣ послѣ, «бѣдная Лизанька едва не умерла со скуки: я съ нею почти тамъ не видѣлся». Ибо, какъ скоро пріѣзжалъ онъ въ деревню и брался за перо, лихорадка переливалась въ его жилы, и онъ писалъ, не зная ни дня, ни ночи. Такъ писалъ онъ, не покидая почти пера, каждую главу Онѣгина; такъ написалъ онъ почти безъ остановки Графа Нулина и Мѣднаго Всадника. Онъ писалъ всегда быстро, однимъ вдохновеніемъ, но иногда недовольный нѣкоторыми стихами, потомъ съ гнѣвомъ ихъ маралъ, переправлялъ: ибо въ его глазахъ рѣдко какой-нибудь стихъ выражалъ вполнѣ его мысль.

Въ 1831 году онъ женился на Гончаровой. Всѣ думали, что онъ влюбленъ въ Ушакову *); но онъ ѣздилъ, какъ послѣ самъ говорилъ, всякій день къ сей послѣдней, чтобъ два раза въ день проѣзжать мимо оконъ первой. Женитьба была его несчастіе, и всѣ близкіе друзья его сожалѣли, что онъ женился. Семейныя обязанности должны были неминуемо отвлечь его много отъ занятій, тѣмъ болѣе, что, не имѣя еще собственнаго имѣнія, живя произведеніями своего пера и женясь на дѣвушкѣ не принесшей ему никакого состоянія **), онъ приготовлялъ себѣ въ будущемъ грустныя заботы о необходимомъ для существованія. Такъ

---

*) Елисавету Николаевну, впослѣдствіи супругу Сергѣя Дмитріевича Киселева. Она жила на Средней Прѣснѣ, а Гончаровы на углу Скарятинскаго переулка и Большой Никитской. П. Б.

**) Отецъ позволилъ Пушкину заложить для свадьбы Нижегородское имѣніе. Получено было до 40 тысячъ. Изъ нихъ Пушкинъ далъ тещѣ на изготовленіе приданаго, и женившись въ Февралѣ, для переѣзда въ Петербургъ, весною этого же года, долженъ былъ подъ жидовскіе проценты заложить нѣкоему Всеру женины бриліанты, которыхъ такъ и не выкупилъ. (Слышано отъ П. В. Нащокина). П. Б.

и случилось. Съ перваго года Пушкинъ узналъ нужду, и хотя никто изъ самыхъ близкихъ не слыхалъ отъ него ни единой жалобы, безпокойство о существованіи омрачало часто его лицо. Я помню только однажды, что, недовольный нянькою дѣтей своихъ, онъ грустно изъявилъ сожалѣніе, что не въ состояніи взять Англичанку. Домашнія нужды имѣли большое вліяніе на нравъ его; съ большею грустью вспоминаю, какъ онъ, придя къ намъ, ходилъ печально по комнатѣ, надувъ губы и опустивъ руки въ карманы широкихъ панталонъ и уныло повторялъ: «грустно! тоска!» Шутка, острое слово, оживляли его электрическою искрою: онъ громко захохочетъ и обнаружитъ рядъ бѣлыхъ, прекрасныхъ зубовъ, которые съ толстыми губами были въ немъ остатками полуарабскаго происхожденія. И вдругъ снова, ставъ къ камину, шевеля что нибудь въ своихъ широкихъ карманахъ, запоетъ протяжно: «грустно! тоска!» Я увѣренъ, что безпокойствія о будущей судьбѣ семейства, долги и вѣчныя заботы о существованіи были главною причиною той раздражительности, которую онъ показалъ въ происшествіяхъ, бывшихъ причиною его смерти.

Приступаю теперь къ разсказу кровавой драмы, лишившей Россію ея любимаго поэта; но прежде долженъ сказать нѣсколько словъ объ его женѣ, которая казалась виновницею смерти своего мужа. Красавицѣ, которая съ перваго шага на свѣтскомъ поприщѣ была окружена толпою обожателей, при очаровательной красотѣ, принятой въ Петербургѣ съ восторгомъ, не остереженной мужемъ, который боялся казаться ревнивымъ, и подстрекаемой въ самолюбіи старою теткою, фрейлиною Загряжскою, ей было извинительнѣе чѣмъ всякой другой женщинѣ быть неосторожною. Къ несчастью ея, Пушкина и Россіи, нашелся человѣкъ, который неосторожностью, или непреодолимымъ чувствомъ своимъ компрометировалъ ее въ глазахъ мужа. Баронъ Дантесъ, (да будетъ трижды проклято его имя), молодой человѣкъ лѣтъ 25, пріѣхалъ эмигрантомъ въ Петербургъ послѣ Французской революціи 1830 года, и по неизвѣстнымъ мнѣ протекціямъ былъ прямо принятъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Красивой наружности, ловкій, веселый и забавный, болтливый какъ всѣ Французы, онъ былъ вездѣ принятъ дружески, понравился даже Пушкину, далъ ему прозваніе Pacha à trois queues, когда однажды тотъ пріѣхалъ на балъ съ женою и ея двумя сестрами. Скоро онъ страстно влюбился въ г-жу Пушкину. Бѣдная Наталья Николаевна, быть можетъ немного тронутая симъ новымъ обожаніемъ, не взирая на то, что искренно любила своего мужа, до такой степени, что даже была очень ревнива (что́ иногда случается въ никѣмъ еще неразгаданныхъ сердцахъ свѣтскихъ женщинъ), или изъ неосторожнаго кокетства, казалось, принимала волокитство Дантеса съ

удовольствіемъ. Мужъ это замѣтилъ, были домашнія объясненія; но дамы легко забываютъ на балахъ данныя обѣщанія супругамъ,. и Наталья Николаевна снова принимала приглашенія Дантеса на долгіе танцы, что̀ заставляло мужа ея хмурить брови. Вдругъ Пушкинъ получаетъ письмо на Французскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія. NN, канцлеръ ордена Рогоносцевъ, убѣдясь, что Пушкинъ пріобрѣлъ несомнительныя права на этотъ орденъ, жалуетъ его командоромъ онаго. Легко представить дѣйствіе сего гнуснаго письма на Пушкина, терзаемаго уже сомнѣніями, весьма щекотливаго во всемъ что̀ касается до чести и имѣющаго столь пламенныя чувства, душу и воображеніе *). Его ревность усилилась, и увѣренность, что публика знаетъ про стыдъ его, усиливала его негодованіе; но онъ не зналъ на кого излить оное, кто безчестилъ его сими письмами. Подозрѣнія его и многихъ его пріятелей падали на барона Гекерна; но прежде чѣмъ сказать почему, я долженъ разсказать важное обстоятельство въ жизни Дантеса, мною пропущенное.

Баронъ Гекеренъ, Нидерландскій посланникъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, усыновилъ Дантеса, передалъ ему фамилію свою и назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Какія причины побудили его къ оному, осталось неизвѣстнымъ; иные утверждали, что онъ его считалъ сыномъ своимъ, бывъ въ связи съ его матерью; другіе, что онъ изъ ненависти къ своему семейству давно желалъ кого-нибудь усыновить и что выбралъ Дантеса потому, что полюбилъ его. Любовь Дантеса къ Пушкиной ему не нравилась. Гекеренъ имѣлъ честолюбивые виды и хотѣлъ женить своего пріемыша на богатой невѣстѣ. Онъ былъ человѣкъ злой, эгоистъ, которому всѣ средства казались позволительными для достиженія своей цѣли, извѣстный всему Петербургу злымъ языкомъ, перессорившій уже многихъ, презираемый тѣми, которые его проникли. Весьма правдоподобно, что онъ былъ виновникомъ сихъ писемъ съ цѣлью поссорить Дантеса съ Пушкинымъ и, отвлекши его отъ продолженія знакомства съ Натальей Николаевной, исцѣлить его отъ любви и женить на другой. Сколь ни гнусенъ былъ сей разсчетъ, Гекеренъ былъ способенъ составить его. Подозрѣніе падало также на двухъ молодыхъ людей кн. Петра Долгорукаго и кн. Г—на; особенно на послѣдняго. Оба князя были дружны съ Гекереномъ и слѣдовали его примѣру, распуская сплетни. Подозрѣніе подтверждалось адресомъ на письмѣ, полученномъ

---

*) Въ тоже время Карамзины, Вяземскій, Хитрова, Росетъ и Сологубъ получили черезъ городскую почту тѣже пакеты, въ которыхъ находились письма на имя Пушкина; нѣкоторые, какъ будто изъ предчувствія, раскрыли пакеты и, найдя пасквиль, удержали ихъ, другіе же переслали Пушкину.

К. О. Россетомъ; на немъ подробно описанъ былъ не только домъ его жительства, куда повернуть взойдя на дворъ, по какой идти лѣстницѣ и какая дверь его квартиры. Сіи подробности, неизвѣстныя Гекерену, могли только знать эти два молодые человѣка, часто посѣщавшіе Россета, и подозрѣніе, что кн. Г. былъ помощникомъ въ семъ дѣлѣ, подкрѣпилось еще тѣмъ, что онъ былъ очень мало знакомъ съ Пушкинымъ и казался очень убитымъ тайною грустью послѣ смерти Пушкина. Впрочемъ участіе, имъ принятое въ пасквилѣ, не было доказано, и только одно не подлежитъ сомнѣнію, это то, что Гекеренъ былъ ихъ сочинитель. Послѣдствія доказали, что Государь въ этомъ не сомнѣвался, и говорятъ, что полиція имѣла на то неоспоримыя доказательства.

По полученіи писемъ всѣ друзья Пушкина не сомнѣвались болѣе что гроза, кипѣвшая въ груди Пушкина, должна скоро разразиться; но онъ сдержалъ ее и какъ будто ждалъ случая и предлога требовать крови Дантеса. Быть можетъ также онъ хотѣлъ дождаться, чтобъ слухи о сихъ письмахъ сперва упали. Дантесъ же не перемѣнялъ поведенія и явно волочился за его женою, такъ что скоро вынудилъ Пушкина послать ему вызовъ черезъ графа Сологуба (Владим. Александр.). Чтó происходило по полученіи вызова въ вертепѣ у Гекерена и Дантеса, неизвѣстно; но въ тотъ же день Пушкинъ, сидя за обѣдомъ, получаетъ письмо, въ которомъ Дантесъ проситъ руки старшей Гончаровой, сестры Натальи Николаевны. Удивленіе Пушкина было невыразимое; казалось, что всѣ сомнѣнія должны были упасть передъ такимъ доказательствомъ, что Дантесъ не думаетъ объ его женѣ. Но Пушкинъ не повѣрилъ сей новой неожиданной любви; а такъ какъ не было причины отказать въ рукѣ свояченицы, тридцатилѣтней дѣвушки, которой Дантесъ нравился, то и было изъявлено согласіе. Помолвка Дантеса удивила всѣхъ и всѣхъ обманула. Друзья Пушкина, видя, что ревность его продолжается, напали на него, упрекая въ безразсудствѣ; онъ же оставался неуспокоеннымъ и не вѣрилъ, что свадьба состоится. Она состоялась *) и не успокоила Пушкина. Онъ не поѣхалъ на свадьбу и не принялъ молодыхъ къ себѣ. Чтò понудило Дантеса вступить въ бракъ съ дѣвушкою, которой онъ не могъ любить, трудно опредѣлить; хотѣлъ ли онъ, жертвуя собою, успокоить сомнѣнія Пушкина

---

*) Бракъ съ иновѣрцемъ требовалъ особливыхъ обрядностей; намъ случилось видѣть бумагу съ разрѣшеніемъ этого брака, подписанную 7 Января 1837 года тогдашнимъ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій, знаменитымъ Ф. Ф. Вигелемъ. Екатерина Николаевна поселилась съ мужемъ на Невскомъ, въ помѣщеніи Голандскаго посланника, своего свекра, и стала играть роль хозяйки въ посольствѣ. Говоритъ, что впослѣдствіи она была довольно счастлива въ супружеской жизни. П. Б.

и спасти женщину, которую любилъ, отъ нареканій свѣта; или надѣялся онъ, обманувъ этимъ ревность мужа, имѣть, какъ братъ, свободный доступъ къ Натальѣ Николаевнѣ; испугался ли онъ дуэли—это неизвѣстно.

Но какія бы ни были тайныя причины сей рѣшимости, Дантесъ поступилъ подло; ибо обманывалъ или Пушкина, или будущую жену свою. Поведеніе же его послѣ свадьбы дало всѣмъ право думать, что онъ точно искалъ въ бракѣ не только возможности приблизиться къ Пушкиной, но также предохранить себя отъ гнѣва ея мужа узами родства. Онъ не переставалъ волочиться за своею невѣсткою; онъ откинулъ даже всякую осторожность и казалось иногда, что насмѣхается надъ ревностью непримирившагося съ нимъ мужа. На балахъ онъ танцовалъ и любезничалъ съ Натальею Николаевною, за ужиномъ пилъ за ея здоровье; словомъ, довелъ до того, что всѣ снова стали говорить про его любовь. Баронъ же Гекеренъ сталъ явно помогать ему, какъ говорятъ, желая отмстить Пушкину за непріятный ему бракъ Дантеса. Пушкинъ все видѣлъ, все замѣчалъ и рѣшился положить этому конецъ. На балѣ у Салтыкова *) онъ хотѣлъ сдѣлать публичное оскорбленіе Дантесу, который, былъ предувѣдомленъ и не пріѣхалъ на балъ, что̀ понудило Пушкина на другой день послать ему письменный вызовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ письмо къ Гекерену, въ которомъ Пушкинъ ему объявляетъ, что знаетъ его гнусное поведеніе. Письма эти были столь сильны, что одна кровь могла смыть находившіяся въ нихъ оскорбленія. 27 Января, въ 4 часа пополудни, они дрались на Черной рѣчкѣ, за дачею Ланской. Баронъ Даршьякъ, находившійся при Французскомъ посольствѣ, былъ секундантомъ Дантеса; подполковникъ Данзасъ, съ которымъ Пушкинъ былъ друженъ и въ то утро встрѣтилъ его на улицѣ, былъ его секундантомъ. Дантесъ выстрѣлилъ первый. Пушкинъ упалъ; но, вставъ на одно колѣно и опираясь на землю, другою дрожащею отъ гнѣва рукою онъ прицѣлился, выстрѣлилъ, и Дантесъ также упалъ. Пушкинъ вскрикнулъ съ радостью: браво! Но раны двухъ соперниковъ были различныя. Надежда, слава, радость, сокровище Россіи былъ смертельно раненъ въ животъ, а презрѣнный Французъ легко раненъ въ руку и только сшибенъ съ ногъ силою удара.

Выносъ тѣла въ Александро-Невскую лавру назначенъ былъ 30 Января, но полиція неожиданно приказала вынести 29 числа вечеромъ въ Конюшенную церковь: боялись волненія въ народѣ, какого нибудь

---

*) Гдѣ нынѣ гостинница Грандъ-Отель, на Малой Морской. См. Воспоминанія Лифляндца (Ленца) въ Р. Архивѣ 1878 года. П. Б.

народнаго изъявленія ненависти къ Гекерену и Дантесу, жившимъ на Невскомъ, въ домѣ к-ни Вяземской (нынѣ Завадовскаго), мимо котораго церемонія должна бы проходить, еслибъ отпѣваніе было въ Невскомъ монастырѣ. На отпѣваніе пріѣхалъ весь дипломатическій корпусъ и вся знать, даже тѣ, которые не стыдились кричать противъ Пушкина. Общее мнѣніе ихъ вынудило отдать сей долгъ любимцу Россіи.

3-го Февраля, въ 10 часовъ вечера, отпѣли панихиду, отправили тѣло въ Святогорскій Успенскій монастырь (Псковской губ. Опочковскаго уѣзда), гдѣ погребены предки Пушкина.

Несчастная вдова вскорѣ уѣхала къ своему брату Гончарову въ его имѣніе Полотняные Заводы въ Калужской губерніи; тамъ прожила она все время траура, два года, ей назначенные мужемъ вѣроятно въ томъ предположеніи, что Петербургское общество не забудетъ прежде сего времени клевету, носившуюся на счетъ ея. Но если клевета могла бы еще существовать, то была бы совершенно разрушена глубокою, неизгладимою горестью жены о потерѣ мужа и ея примѣрнымъ поведеніемъ. Юная, прелестная собою, она отказалась отъ свѣта и, переѣхавъ въ Петербургъ, по желанію ея тетки, посѣщаетъ однихъ родственниковъ и близкихъ друзей, не взирая на приглашенія всего общества и самого двора.

Дантесъ былъ преданъ военному суду и разжалованъ въ солдаты. На его плеча накинули солдатскую шинель, и фельдъегерь отвезъ его за границу какъ подданнаго не-Русскаго. Баронъ Гекеренъ, Голандскій посланникъ, долженъ былъ оставить свое мѣсто. Государь отказалъ ему въ обыкновенной послѣдней аудіенціи, и семь осьмыхъ общества прервали съ нимъ тотчасъ знакомство. Сія неожиданная развязка убила въ немъ его обыкновенное нахальство, но не могла истребить всѣ его подлыя страсти, его барышничество: передъ отъѣздомъ онъ публиковалъ о продажѣ всей своей движимости, и его домъ превратился въ магазинъ, среди котораго онъ сидѣлъ, продавая самъ вещи и записывая продажу. Многіе воспользовались симъ случаемъ, чтобъ сдѣлать ему оскорбленія. Напримѣръ, онъ сидѣлъ на стулѣ, на которомъ выставлена была цѣна; одинъ офицеръ, подойдя къ нему, заплатилъ ему за стулъ и взялъ его изъ подъ него. Небо наказало Гекерена и Дантеса. Первый, выгнанный изъ Россіи, гдѣ свыкся, лишенный мѣста, важнаго для него по жалованью, презираемый даже въ своемъ отечествѣ, нашелся принужденнымъ скитаться по свѣту. Дантесъ, лишенный карьеры, обманутый въ честолюбіи, съ женою старѣе его, принужденъ былъ поселиться во Франціи въ своей провинціи, гдѣ не можетъ быть ни любимъ, ни уважаемъ по случаю своего эмигрантства. Сего не довольно: небо наказало даже его преступ-

ную руку. Однажды на охотѣ онъ протянулъ ее, показывая что-то своему товарищу, какъ вдругъ выстрѣлъ, и пуля попала прямо въ руку.

Познакомясь съ Пушкинымъ въ 1828 году и живя въ одномъ кругу, я съ нимъ очень сблизился и коротко его узналъ; по сему я изъ числа тѣхъ людей, которые могутъ дать вѣрныя о немъ свѣдѣнія. Я не встрѣчалъ людей которые были бы вообще такъ любимы какъ Пушкинъ; всѣ пріятели его дѣлались скоро его друзьями. Онъ знакомился скоро и, когда ему кто нравился, онъ дружился искренно. Въ большомъ кругу онъ былъ довольно молчаливъ, серьезенъ, и толстыя губы давали ему видъ человѣка надувшагося, сердитаго; онъ стоялъ въ углу, у окна, какъ будто не принимая участія въ общемъ веселіи. Но въ кругу пріятелей онъ былъ совершенно другой человѣкъ; лицо его прояснялось, онъ былъ удивительной живости, разговорчивъ, разсказывалъ много, всегда ясно, сильно, съ рѣзкими выраженіями, но какъ будто запинаясь и часто съ нервическими движеніями, какъ будто ему неловко было сидѣть на стулѣ. Онъ любилъ также слушать, принималъ участіе въ разсказахъ и громко, увлекательно смѣялся, показывая свои прекрасные бѣлые зубы. Когда онъ былъ грустенъ, что̀ часто случалось въ послѣдніе годы его жизни, ему не сидѣлось на мѣстѣ: онъ отрывисто ходилъ по комнатѣ, опустивъ руки въ карманы широкихъ панталонъ и протяжно напѣвалъ: «грустно! тоска!» Но веселый анекдотъ, остроумное слово, развеселяли его мгновенно: онъ вскрикивалъ съ удовольствіемъ «славно!» и громко хохоталъ. Онъ былъ самаго снисходительнаго, добраго нрава; обыкновенно онъ выказывалъ мало колкости, въ своихъ сужденіяхъ не былъ очень рѣзокъ; своихъ друзей онъ защищалъ съ необыкновеннымъ жаромъ; за то нѣсколькими словами уничтожалъ тѣхъ, которыхъ презиралъ и людей его оскорбившихъ. Но самый гнѣвъ его былъ непродолжителенъ и когда сердце проходило, онъ дѣлался только хладнокровнымъ къ своимъ врагамъ. Нѣкоторая безпечность нрава позволяла часто имъ овладѣть; такъ напримѣръ *, женщина умная, но странная (ибо на 50 году не переставала оголять свои плечи и любоваться ихъ бѣлизною и полнотою) возымѣла страсть къ генію Пушкина и преслѣдовала его нѣсколько лѣтъ своею страстью [1]). Она надоѣдала ему несказанно, но онъ никогда не могъ рѣшиться огорчить ее, оттолкнувъ отъ себя, хотя смѣясь бросалъ въ огонь не читая ея ежедневныя записки; но чтобъ не обидѣть ея самолюбія, онъ не переставалъ часто навѣщать ее въ пріемные часы ея передъ обѣдомъ.

---

[1]) Пушкинъ звалъ ее Пентефрихой.

Пушкина сдѣлали камеръ-юнкеромъ; это его взбѣсило, ибо сіе званіе точно было неприлично для человѣка 34 лѣтъ, и оно тѣмъ болѣе его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтобъ имѣть поводъ приглашать ко двору его жену. Притомъ на сей случай вышелъ мерзкій пасквиль, въ которомъ говорили о перемѣнѣ чувствъ Пушкина, будто онъ сдѣлался искателенъ, малодушенъ, и онъ, дорожившій своею славою, боялся, чтобъ сіе мнѣніе не было принято публикою и не лишило его народности. Словомъ, онъ былъ огорченъ и взбѣшенъ и рѣшился не воспользоваться своимъ мундиромъ, чтобъ ѣздить ко двору, не шить даже мундира. Въ этихъ чувствахъ онъ пришелъ къ намъ однажды. Жена моя, которую онъ очень любилъ и очень уважалъ, и я стали опровергать его рѣшеніе, представляя ему, что пожалованіе въ сіе званіе не можетъ лишить его народности; ибо всѣ знаютъ, что онъ не искалъ его, что его нельзя было сдѣлать камергеромъ по причинѣ чина его; что натурально дворъ желалъ имѣть возможность приглашать его и жену его къ себѣ и что Государь пожалованіемъ его въ сіе званіе имѣлъ въ виду только имѣть право приглашать его на свои вечера, не измѣняя старому церемоніалу, установленному при дворѣ. Долго спорили, убѣждали мы Пушкина; наконецъ полу-убѣдили. Онъ отнѣкивался только неимѣніемъ мундира, и что онъ слишкомъ дорого стоитъ, чтобъ заказать его. На другой день, узнавъ отъ портнаго о продажѣ новаго мундира князя Витгенштейна, перешедшаго въ военную службу и что онъ совершенно будетъ въ пору Пушкину, я ему послалъ его, написавъ, что мундиръ мною купленъ для него, но что предоставляется его волѣ взять его или ввергнуть меня въ убытокъ, оставивъ его на моихъ рукахъ. Пушкинъ взялъ мундиръ и поѣхалъ ко двору. Вотъ всѣ объясненія его производства въ камеръ-юнкеры, по поводу котораго недоброжелатели Булгаринъ, Сенковскій, литературные его враги, искали помрачить характеръ Пушкина. Сіи подробности показываютъ также, сколько онъ былъ внимателенъ къ голосу истинной дружбы, и сколько добрый нравъ его позволялъ иногда друзьямъ имъ владѣть.

Лермонтовъ.

Перехожу теперь къ Лермонтову. Его въ первый разъ узнали по стихамъ, которые онъ написалъ о Пушкинѣ. Въ нихъ нападаетъ онъ на аристократію за малое участіе ею принятое въ смерти незабвеннаго нашего поэта. За эти стихи онъ былъ переведенъ въ армію изъ л.-гв. гусарскаго полка; но черезъ два года возвращенъ. По прі-

ѣздѣ въ Петербургъ онъ сталъ ѣздить въ большой кругъ и, получивъ извѣстность, былъ вездѣ принятъ очень хорошо. Черезъ нѣсколько времени онъ влюбился во вдову княгиню Щербатову, урожденную Штеричъ, за которою волочился сынъ Французскаго посла барона Баранта. Соперничество въ любви и сплетни поссорили Лермонтова съ Барантомъ. Они дрались; послѣдній выстрѣлилъ и не попалъ, а другой выстрѣлилъ на воздухъ. Сія исторія осталась долго скрытою отъ начальства; но болтовня самаго Лермонтова разгласила ее, и онъ былъ посаженъ подъ арестъ. Впрочемъ не было бы никакихъ другихъ дурныхъ послѣдствій для нашего поэта, ибо всѣ его оправдывали, еслибъ онъ не потребовалъ новой сатисфакціи отъ Баранта по случаю новыхъ сплетней. Узнавъ объ этомъ, военное начальство сослало его въ армію на Кавказъ, откуда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ только однажды и гдѣ онъ нашелъ смерть отъ пули не въ сраженьи, а на новомъ поединкѣ. На теплыхъ водахъ Пятигорска онъ встрѣтилъ стараго товарища юнкерской школы, бывшаго въ кавалергардахъ, Мартынова. По старой школьной привычкѣ онъ сталъ надъ нимъ трунить и прозвалъ его le chevalier du poignard, потому что Мартыновъ носилъ черкескую одежду съ огромнымъ кинжаломъ. Однажды вечеромъ у г-жи Верзилиной шутки надоѣли Мартынову, и по выходѣ изъ общества онъ просилъ Лермонтова ихъ прекратить. Сія просьба была принята дурно, и на другой день въ 6 часовъ вечера они дрались за горою Бештау. Князь Васильчиковъ былъ секундантомъ Лермонтова, а Глѣбовъ Мартынова. Сей послѣдній выстрѣлилъ, и противникъ его упалъ мертвымъ.

Такъ не стало нашего юнаго поэта, замѣнившаго Пушкина. Объ его талантѣ нечего говорить: его творенія всегда останутся живыми. Другими же качествами онъ былъ несравненно ниже Пушкина; онъ не имѣлъ начитанности Пушкина, ни рѣзкаго проницательнаго его ума, ни его глубокаго взгляда, ни чувствительной, всеобъемлющей души его. Его характеръ не былъ еще совершенно сформированъ и, безпрестанно увлеченный обществомъ молодыхъ людей, онъ характеромъ былъ моложе, чѣмъ слѣдовало по лѣтамъ. Онъ еще любилъ шумную, разгульную жизнь, волочиться за дамами, подраться на сабляхъ, заставить объ себѣ говорить, подтрунить, пошутить и жаждалъ болѣе славы свѣтской, остряка, чѣмъ славы поэта. Эта молодость убила его. Всѣ пріятели Лермонтова ожидали сего печальнаго конца, ибо знали его страсть насмѣхаться и его готовность отвѣчать за свои насмѣшки. Не взирая на то, его смерть поразила всѣхъ какъ неожиданная новость. И въ какую минуту онъ былъ похищенъ! Въ то время, когда его талантъ начиналъ созрѣвать. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ онъ про-

жилъ еще нѣсколько лѣтъ и еслибъ могъ оставить службу и удалиться (какъ онъ хотѣлъ) въ деревню, онъ близко бы достигъ высоты Пушкина.

Желѣзная дорога.

Въ теченіе лѣта и осени 1841 года продолжались пренія о возможности и о пользѣ устроить желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Москву. Сіе дѣло было поручено особому комитету. Всѣ важнѣйшія лица противились основанію сей дороги, представляя, что полезнѣе употребить огромный капиталъ, требуемый оною дорогою, на другія заведенія и дороги болѣе полезныя. Графъ Канкринъ наиболѣе противился; но Государь рѣшилъ, чтобъ она была, и споры прекратились. Она будетъ строиться не на счетъ Лейпцигскаго дома, который предлагалъ построить дорогу на свой, пользоваться оною сто лѣтъ и чтобъ казна отвѣчала ему 4% доходу съ 40-милліоновъ серебромъ, но будетъ создана на счетъ казны. Наслѣдникъ, герцогъ Лейхтенбергскій, Чевкинъ, графъ Бобринскій, Клейнмихель, Бенкендорфъ и еще человѣка три посажены въ строительный комитетъ дороги. При этомъ случаѣ князь Менщиковъ не преминулъ сказать, что Чевкинъ настоящій Эзопъ, ибо взялся за басни.

*

Нынче я слышалъ печальную исторію, показывающую, сколько иногда, безъ видимой причины, несчастія нисходятъ на иныя семейства и гнетутъ ихъ незаслуженнымъ бременемъ. Одинъ офицеръ г-нъ Павскій отправился на охоту съ другимъ офицеромъ г-мъ Порошинымъ, братомъ его жены. Стрѣляя на одного звѣря, онъ попалъ въ своего шурина и убилъ его. Сіе несчастіе тѣмъ поразительнѣе, что жена Павскаго нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ сама убила другаго брата своего, играя съ ружьемъ, котораго не считала заряженнымъ. Послѣ перваго несчастія бѣдная женщина сходила съ ума, и нынче къ ней приносятъ втораго брата, сдѣлавшагося также жертвою неосторожности близкаго къ ея сердцу человѣка.

*

Чтобъ разсѣять грустное впечатлѣніе сей исторіи, разскажу другой анекдотъ. Государь, гуляя по улицамъ, замѣтилъ маленькаго нищаго, который, не узнавъ его, вертѣлся передъ нимъ и просилъ милостины, чтó запрещено полиціею. Вдругъ нищій, увидя, что всѣ снимаютъ

шапки тому кто за нимъ идетъ, еще разъ взглянулъ на Царя и съ испугомъ пустился бѣжать изо всей мочи. Государь закричалъ извощикамъ: поймайте его! И стая саней помчалась за нищимъ. Его скоро поймали и привели къ Государю, который и приказалъ отвести его во дворецъ, а оттуда препроводилъ по принадлежности.

*

Съ Государемъ въ его прогулкахъ случаются иногда странные анекдоты. Однажды онъ поймалъ самъ бѣглаго солдата. Гуляя въ Петергофѣ въ колясочкѣ, около моря, онъ встрѣтилъ солдата, идущаго босикомъ въ шинели. Онъ подозвалъ его къ себѣ, чтобъ спросить, почему онъ снялъ сапоги и замѣтилъ въ отвѣтахъ и въ движеніяхъ большое замѣшательство. Это дало ему сомнѣніе и, узнавъ отъ него, что онъ служащій при телеграфѣ, онъ посадилъ его у ногъ своихъ и повезъ туда; но тамъ начальство не признало его, и Государь повезъ его въ другое мѣсто, означенное, солдатомъ. Въ новомъ мѣстѣ также не признали его; подозрѣніе Государя оправдалось: солдатъ упалъ на землю и признался, что онъ бѣглый. Раскаяніе этого несчастнаго казалось столь чистосердечнымъ, и страхъ, который имъ овладѣлъ, въ то время какъ Государь возилъ его, столь сильно выражался на его лицѣ, что Государь сжалился и всемилостивѣйше простилъ его.

*

Всего забавнѣе анекдотъ его съ Нѣмцемъ. Прогуливаясь верхомъ въ аллеяхъ Павловска, онъ встрѣтилъ Нѣмца, идущаго подъ руку съ супругою и столь странной фигуры, что Государь, ѣхавъ шагомъ, началъ съ нимъ разговоръ. Онъ узналъ отъ него, что онъ сапожникъ, что пріѣхалъ въ Павловскъ собрать долги съ офицеровъ, но что офицеры любятъ щеголять въ его сапогахъ, а не платить за нихъ; что, не получивъ денегъ, ему нечего болѣе дѣлать какъ гулять съ своею Луизхою, и что впредъ будетъ умнѣе, не станетъ даже вѣрить Государю. Тогда Царь спросилъ его: да знаетъ онъ ли Царя? Тотъ отвѣчалъ ему, что и знать его не хочетъ, потому что не любитъ его. А почему такъ? «А потому, что онъ однажды, ѣхавъ въ кабріолетѣ, едва не опрокинулъ меня и проѣхалъ мимо, не извинившись даже». Напрасно Государь увѣрялъ его (не помня подобнаго обстоятельства), что онъ вѣрно принялъ тогда другаго за Царя: Нѣмецъ упрямился и горячился. «Я въ этомъ увѣренъ, прибавилъ Государь, и чтобъ васъ увѣрить, покажу вамъ Царя: онъ сейчасъ поѣдетъ къ вамъ на встрѣчу». При этомъ словѣ Нѣмецъ сталъ охорашиваться, а Государь, ударивъ шпорами,

проскакалъ впередъ и сталъ возвращаться шагомъ назадъ. «Гдѣ же Государь? Я его не вижу», закричалъ Нѣмецъ, присматриваясь вдаль, не ѣдетъ ли кто нибудь. «Я Царь», сказалъ Государь. Нѣмецъ расхохотался, шутка г-на офицера ему очень понравилась! Но вдругъ изъ боковой аллеи выѣзжаютъ офицеры и дѣлаютъ фрунтъ Государю. Тутъ Нѣмецъ обомлѣлъ и съ своею Луизхою палъ на колѣни, простирая руки. Государь засмѣялся и сказалъ имъ: «Я вамъ говорилъ, что я васъ никогда не опрокидывалъ кабріолетомъ и что вы приняли другаго за меня. Теперь, сапожникъ, вы можете въ томъ удостовѣриться собственными глазами». Долго послѣ Государь разсказывалъ сей анекдотъ съ громкимъ хохотомъ.

*

Зима 1841—42 была южною даже въ самомъ Петербургѣ; снѣгу мало и теплая погода; въ саняхъ ѣздили не болѣе 6 недѣль, морозы не превосходили градусовъ 10; но народъ жаловался громко на эту не-русскую зиму. Пути не было, подвозы затруднялись, жизненные припасы дорожали и легко портились. Въ высшемъ кругу баловъ было немного, при дворѣ бала три не болѣе; нѣсколько баловъ у гр. Левашева, у гр. Браницкаго, у гр. Лаваль, у Мятлева, у к-ни Бѣлосельской, и лучшій балъ-маскарадъ у великой княгини Елены Павловны. Болѣе ста человѣкъ, по ея приглашенію, приняли участіе въ слѣдующихъ кадриляхъ: 1) Пастушекъ и Маркизовъ, 2) Гречанокъ, 3) Черкеских народовъ, 4) De la folie, 5) Арлекинады, 6) Валтеръ-Скота изъ романа: Иваноѐ. Костюмы были прекрасные, праздникъ великолѣпный, и процессія всѣхъ кадрилей по парадной лѣстницѣ имѣла въ головѣ музыку одѣтую Китайцами. Было истинно-прекрасное зрѣлище.

Волненія въ Лифляндской губерніи.

Въ Лифляндской губерніи въ концѣ 1841 года и въ началѣ 1842 были волненія среди крестьянъ. Про это мало говорили, ибо о подобныхъ предметахъ боятся говорить; но слышно было, что крестьяне вообразили себѣ, со словъ какихъ-то отставныхъ солдатъ, что Государь всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, которые перейдутъ въ Россійскія губерніи дастъ земли и деньги, и въ слѣдствіе того толпы оставляли свои имѣнія, чтобъ идти въ Россію; ихъ должно было даже останавливать войсками. Еще носился слухъ, что они недовольны помѣщиками, которые скупо помогаютъ имъ въ неурожайныя времена; Нѣмцы же приписали волненія сіи проискамъ архіерея Иринарха, склонявшаго ихъ перейти въ право-

славную вѣру и защищавшаго даже ослушниковъ, которые изъявятъ готовность принять Русскую вѣру. Сіе послѣднее несправедливо: Иринархъ не только одинъ изъ ученѣйшихъ, но также изъ святѣйшихъ пастырей нашей церкви. Зная его 15 лѣтъ, еще священникомъ при нашей посольской церкви во Флоренціи, я увѣренъ, что онъ неспособенъ вмѣшиваться въ происки и тому подобныя дѣла. Онъ слабаго здоровья и ученый во всей силѣ слова; для него ничего нѣтъ въ мірѣ, кромѣ алтаря у котораго служитъ, и любезныхъ книгъ, съ которыми онъ живетъ.

Графъ Бенкендорфъ былъ посыланъ въ Ригу, волненія успокоились, а Иринархъ самъ отпросился въ другую епархію, не взирая на то, что Государь приказалъ Рижскому генералъ-губернатору барону Палену съѣздить къ нему и просить извиненія, вѣроятно, въ своихъ несправедливыхъ сомнѣніяхъ *).

*) Это послѣднее обстоятельство, объ извиненіи барона Палена, мало кому извѣстно. П. Б.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ А. О. РОССЕТА ПРО ПУШКИНА *).

Лѣтомъ 1831 г. въ Царскомъ Селѣ, многіе ходили нарочно смотрѣть на Пушкина, какъ онъ гулялъ подъ руку съ женою, обыкновенно около озера. Она бывала въ бѣломъ платьѣ, въ круглой шляпѣ, и на плечахъ свитая по тогдашнему красная шаль.

*

Гдѣ-то на вечерѣ, гдѣ были Жуковскій, Вяземскій и другіе, зашла рѣчь о Греческомъ возстаніи и объ Ипсиланти, котораго Пушкинъ защищалъ. Спорили, шумѣли, и Пушкинъ говорилъ до того умно, что Жуковскій ему сказалъ: «Ну, Пушкинъ, ты такъ уменъ, что съ тобою говорить невозможно; чувствуешь, что ты неправъ, и однако съ тобой соглашаешься». Эти слова были неловкостью относительно другихъ собесѣдниковъ. Всѣ они это про себя почувствовали, но Пушкинъ тотчасъ же изгладилъ это впечатлѣніе, отвѣчая на слова Жуковскаго самымъ громкимъ и самымъ чистосердечнымъ хохотомъ.

*

Когда появился *Полководецъ*, Пушкинъ спрашивалъ молодаго Россета (учившагося въ Пажескомъ корпусѣ), какъ находятъ эти стихи въ его кругу, между военною молодежью, и прибавилъ, что онъ не дорожитъ мнѣніемъ знатнаго, свѣтскаго общества.

*

---

*) П. М. Смирновъ, замѣтки котораго выше напечатаны, женатъ былъ на А. О. Россетъ, изъ братьевъ которой Аркадій и Клементій Осиповичи Россеты были пріятелями Пушкина. Близко зная (скончавшагося прошлымъ лѣтомъ) А. О. Россета, я записывалъ нѣкоторые изъ его разсказовъ, и онъ перечитывалъ то что здѣсь печатается. П. Б.

Въ Петербургѣ былъ нѣкто *Крюковской* (хромой, служившій по кредитной части). Онъ путешествовалъ, былъ у Шафарика и привезъ отъ него какую-то книгу для Пушкина, съ порученіемъ просить у него «Современника». Черезъ посредство Россета Крюковской явился къ Пушкину, провелъ у него два часа и получилъ въ отвѣтъ, что Шафарику совѣстно посылать «Современникъ», а если удастся издать что-нибудь поважнѣе, тогда пошлетъ. Пушкинъ очаровалъ Крюковскаго.

*

Въ Петербургѣ жила нѣкая княгиня Наталья Степановна *, и собирала у себя la fine fleur de la société; но Пушкина не приглашала, находя его не совсѣмъ приличнымъ. Пушкинъ объ ней говорилъ: «Вѣдь она только такъ прикидывается, въ сущности она Русская *труперда* и *толпёга*; но такъ какъ она все дѣлаетъ по-французски, то мы будемъ ее звать: La princesse-*tolpege*».

*

Княгиню Е. К. Воронцову Пушкинъ звалъ *la princesse belvetrille*. Это оттого, что однажды въ Одессѣ она, глядя на море, твердила извѣстные стихи:

Не бѣлѣютъ ли вѣтрила,
Не плывутъ ли корабли?

О подробностяхъ своего Одесскаго житья Пушкинъ не любилъ вспоминать, но говорилъ иногда съ сочувствіемъ объ Одессѣ, называя ее «лѣтомъ песочница, зимой чернильница», и повторяя какіе-то стихи.

*

Въ Іюнѣ 1836 г., когда Н. М. Смирновъ уѣзжалъ за границу, Пушкинъ говаривалъ, что ему тоже очень бы хотѣлось, да денегъ нѣтъ. Смирновъ его убѣждалъ засѣсть въ деревню, наработать побольше и пріѣзжать къ нимъ. Смирновъ увѣренъ былъ, что Государь пустилъ бы его. Тогда уже, лѣтомъ 1836 г., шли толки, что у Пушкина въ семьѣ что-то не ладно: двѣ сестры, сплетни, и уже замѣчали волокитство Дантеса.

Гекернъ—низенькой старикъ, всегда улыбающійся, отпускающій шуточки, во все мѣшающійся.

*

Брюловъ говорилъ про Пушкина: «Какой Пушкинъ счастливецъ! Такъ смѣется, что словно кишки видны!»

Пушкинъ былъ на балу съ женой-красавицею и, въ ея присутствіи вздумалъ за кѣмъ-то ухаживать. Это замѣтили, замѣтила и жена. Она уѣхала съ бала домой одна. Пушкинъ хватился жены и тотчасъ поспѣшилъ домой. Застаетъ ее въ раздѣваньи. Она стоитъ передъ зеркаломъ и снимаетъ съ себя уборы. «Что̀ съ тобою? Отчего ты уѣхала?» Вмѣсто отвѣта Наталья Николаевна дала мужу полновѣсную пощечину. Тотъ какъ стоялъ, такъ и покатился со смѣху.

Онъ забавлялся и радовался тому, что жена его ревнуетъ, и самъ съ своимъ прекраснымъ хохотомъ передавалъ эту сцену пріятелямъ.

*

Въ Воскресенье (передъ поединкомъ Пушкина) Россетъ пошелъ въ гости къ князю Петру Ивановичу Мещерскому (зятю Карамзиной, они жили въ д. Вельегорскихъ), и изъ гостиной прошелъ въ кабинетъ, гдѣ Пушкинъ игралъ въ шахматы съ хозяиномъ. «Ну что, обратился онъ къ Россету—вы были въ гостиной; онъ ужъ тамъ, возлѣ моей жены?» Даже не назвалъ Дантеса по имени. Этотъ вопросъ смутилъ Россета, и онъ отвѣчалъ заминаясь, что Дантеса видѣлъ.—Пушкинъ былъ большой наблюдатель физіономій; онъ сталъ глядѣть на Россета, наблюдалъ линіи его лица и что̀-то сказалъ ему лестное. Тотъ весь покраснѣлъ, и Пушкинъ сталъ громко хохотать надъ смущеніемъ 23 лѣтняго офицера.

*

Осенью 1836 г. Пушкинъ пришелъ къ Клементію Осиповичу Россету и, сказавъ, что вызвалъ на дуель Дантеса, просилъ его быть секундантомъ. Тотъ отказывался, говоря, что дѣло секундантовъ, въ началѣ, стараться о примиреніи противниковъ, а онъ этого не можетъ сдѣлать, потому что не терпитъ Дантеса, и будетъ радъ, если Пушкинъ избавитъ отъ него Петербургское общество; потомъ, онъ недостаточно хорошо пишетъ по-французски, чтобы вести переписку, которая въ этомъ случаѣ должна быть ведена крайне осмотрительно; но быть секундантомъ, на самомъ мѣстѣ поединка, когда уже все будетъ условлено, Россетъ былъ готовъ. Послѣ этого разговора Пушкинъ повелъ его прямо къ себѣ обѣдать. За столомъ подали Пушкину письмо. Прочитавъ его, онъ обратился къ старшей своей свояченицѣ Екатеринѣ Николаевнѣ: «Поздравляю, вы невѣста; Дантесъ проситъ вашей руки». Та бросила салфетку и побѣжала къ себѣ. Наталья Николаевна за нею. *Каковъ*! сказалъ Пушкинъ Россету про Дантеса.

*

Разсказываютъ, что Пушкинъ звалъ къ себѣ въ секунданты секретаря Англійскаго посольства Мегенеса; онъ часто бывалъ у графини Фикельмонъ—долгоносый Англичанинъ (потомъ былъ посолъ въ Португаліи), котораго звали perroquet malade, очень порядочный человѣкъ, котораго Пушкинъ уважалъ за честный нравъ.

*

Пушкинъ говаривалъ Смирнову, что уже теперь нравственность въ Петербургѣ плоха, а посмотрите, что скоро будетъ *un débacle complet.*

*

Когда появились анонимныя письма, посылать ихъ было очень удобно: въ это время только что учреждена была городская почта. Князья Г. и Д. посѣщали иногда братьевъ Россетъ, жившихъ вмѣстѣ съ Скалономъ на Михайловской площади въ домѣ Занфтлебена. К. О. Россетъ получилъ анонимное письмо и по почерку сталъ догадываться, что это отъ нихъ. Онъ, по совѣту Скалона, не передалъ Пушкину ни письма̀, ни своего подозрѣнія; графъ Соллогубъ поѣхалъ къ Пушкину для передачи письма, но онъ тотчасъ изорвалъ его, сказавъ: C'est une infamie, j'en ai reçu déjà aujourd'hui.

Вяземскіе жили тутъ же подлѣ Мещерскихъ, т. е. близъ дома Вельегорскихъ, на углу большой Итальянской и Михайловской площади (нынѣ Кочкурова).

А. О. Россетъ перекладывалъ тѣло Пушкина съ дивана въ гробъ. «Я держалъ его за икры, и мнѣ припоминалось, какого крѣпкаго, мускулистаго былъ онъ сложенія, какъ развивалъ онъ свои силы ходьбою.

*

Графъ Фикельмонъ явился на похороны въ звѣздахъ; были Барантъ и другіе. Но изъ нашихъ ни О., ни Киселевъ, не показались. Знать стала навѣщать умиравшаго поэта, только прослышавъ объ участливомъ вниманіи Царя. Стѣну въ квартирѣ Пушкина выломали для посѣтителей.

*

Въ Вѣнѣ старика Гекерна сухо приняли за эту исторію, и Русскій посолъ Медемъ не хотѣлъ быть на дипломатическомъ обѣдѣ у Меттерниха, куда приглашенъ былъ Гекернъ.

*

Вас. Львовичъ Давыдовъ въ Сибири, услыхавъ отъ А. О. Россета подробности о смерти Пушкина, плакалъ, и потомъ разсказывалъ, что онъ говаривалъ Пушкину: «Мы тебя не примемъ въ свое общество, но ты будешь намъ пѣть.»

А я, таинственный пѣвецъ,
Пловцамъ я пѣлъ.....

ПИСЬМА КНЯЗЯ М. А. ОБОЛЕНСКАГО КЪ В. А. ПОЛѢНОВУ.

(1839—1851).

Съ примѣчаніями Н. П. Барсукова и барона Ѳ. А. Бюлера.

Письма директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ князя Михаила Андреевича Оболенскаго къ его начальнику Василію Алексѣевичу Полѣнову сообщены намъ зятемъ Д. В. Полѣнова, Иваномъ Петровичемъ Хрущовымъ. Получивъ эти письма, мы обратились къ нынѣшнему директору этого архива барону Ѳ. А. Бюлеру съ просьбою просмотрѣть ихъ и снабдить, гдѣ нужно, примѣчаніями. Просьба наша была любезно исполнена. Всѣ примѣчанія барона Ѳ. А. Бюлера означены слѣдующими начальными буквами: Б. Ѳ. Б.

Помянемъ хоть нѣсколькими словами какъ писавшаго эти письма, такъ и того къ кому они писаны.

Желающіе познакомиться съ жизнью и трудами князя М. А. Оболенскаго вспомнятъ статью Н. И. Костомарова, напечатанную въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года. Мы ограничимся только слѣдующимъ: „Ни военная служба, ни успѣхи по службѣ государственной не удовлетворяли князя Оболенскаго“. Его душа жаждала сферы ученой. „Получивъ воспитаніе въ Пажескомъ Корпусѣ, пишетъ онъ, бывъ камеръ-пажемъ, а потомъ поступивъ въ военную службу, я не имѣлъ особенной надобности изучать основательно древніе языки; но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ присматриваться къ историческимъ памятникамъ, я началъ учиться Латинскому, Греческому, а нынѣ отчасти и Еврейскому языкамъ. В. М. Ундольскій училъ меня Греческому и Латинскому языкамъ. Но не одинъ онъ былъ моимъ учителемъ въ этихъ языкахъ: учили меня имъ же И. В. Поспѣловъ, А. Н. Аѳанасьевъ и, въ особенности, обязанъ я за нѣкоторые успѣхи въ этихъ языкахъ родственнику моему В. А. Панову. Приношу здѣсь мою душевную благодарность всѣмъ тѣмъ, которые меня учили, учатъ и будутъ учить этимъ древнимъ языкамъ, нужнымъ мнѣ при настоя-

щихъ моихъ занятіяхъ. Хотя я уже и приближаюсь къ старости, но не считаю для себя излишнимъ учиться. „Мы есмы Русь“, сказалъ любимичъ мой Григорій, епископъ Болгарскій; повторю и я за нимъ: мы есмы Русь, а Русская пословица говоритъ: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“. (Изслѣдованія и Замѣтки по Русскимъ и Славянскимъ древностямъ“. Спб. 1875, стр. 168—169).

И князь Оболенскій до послѣднихъ дней жизни съ горячею любовію занимался судьбами отечественной исторіи. Принадлежа къ одной изъ древнѣйшихъ нашихъ княжескихъ фамилій, ведущей свое начало отъ благословеннаго корени святаго страстотерпца князя Михаила Черниговскаго и владѣя значительнымъ состояніемъ, князь Оболенскій велъ жизнь уединенную; но въ удаленіи отъ свѣтскаго общества, онъ любилъ бесѣду съ учеными. Страдая предсмертною болѣзнью, въ началѣ 1873 года, князь Оболенскій рѣшился отправиться для излѣченія заграницу и проѣздомъ черезъ Петербургъ остановился у стараго своего пріятеля А. Ил. Тимоѳеева въ Археографической Коммиссіи, гдѣ и скончался 12 Января 1873 года, на 68 году отъ рожденія.

„Смерть (замѣчаетъ Н. И. Костомаровъ) постигла его среди старыхъ бумагъ и историческихъ матеріаловъ, съ которыми прожилъ онъ большую часть жизни и которые такъ горячо любилъ во всю свою жизнь“. Тѣло князя М. А. Оболенскаго покоится въ родовомъ его селѣ Глуховѣ, Дмитровскаго уѣзда, въ 60 верстахъ отъ Москвы. Село это уже около трехъ столѣтій состоитъ въ родѣ князей Оболенскихъ.

По всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, Василій Алексѣевичъ Полѣновъ долженъ быть отнесенъ къ тому прекрасному типу людей стараго времени, о которыхъ писалъ покойный В. В. Григорьевъ, что эти люди умѣли соединять „страстную преданность къ наукѣ съ образцовымъ исполненіемъ гражданскихъ обязанностей, какъ бы онѣ скучны и тягостны ни были“. Эти люди проводили ночи, роясь въ лѣтописяхъ или актахъ, а дни съ тѣмъ же усердіемъ, безропотно, убивали за канцелярскою работою. „Кто имѣлъ счастіе“, пишетъ далѣе В. В. Григорьевъ, „знать ближе этихъ людей, для того они даютъ совершенно другое понятіе объ этомъ старомъ времени, въ которомъ любятъ видѣть теперь одни его недостатки“.

Фамилія Полѣновыхъ происходитъ изъ дворянъ Костромской губерніи. Отецъ В. А. Полѣнова былъ замѣчательный законовѣдъ, писатель и переводчикъ Академіи Наукъ. Сынъ его Василій родился 1 Января 1776 года, въ 35 верстахъ отъ Валдая, въ деревнѣ Подберезьѣ.

Всѣ заботы отца были направлены къ тому, чтобы дать сыну классическое образованіе. Въ 1783 году, семилѣтній Полѣновъ былъ опредѣленъ въ гимназію Академіи Наукъ. Это было замѣчательное время въ ученыхъ нашихъ лѣтописяхъ: послѣдній годъ жизни знаменитаго Эйлера, первый годъ Россійской Академіи и второй годъ директорства въ Академіи Наукъ княгини Дашковой. Всѣ академики, тогда прославившіеся учеными путешествіями своими

по Россіи, отъ Палласа до Лепехина, еще были въ живыхъ. Сама гимназія, въ которой учился Полѣновъ, состояла подъ начальствомъ Лепехина. По обычаю того времени, Полѣновъ еще ребенкомъ былъ записанъ въ Преображенскій полкъ фурьеромъ. Въ 1790 году, онъ былъ выпущенъ изъ полка въ чинѣ капитана, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Тогда-то поступилъ онъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ оставался почти всю жизнь, изучая дѣла своего призванія на каждой ступени службы, которой посвящены имъ шестьдесятъ лѣтъ. Съ образованіемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Полѣновъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, опредѣленъ директоромъ департамента внутреннихъ сношеній и управляющимъ Государственнымъ Архивомъ.

„Удивительнѣе всего", пишетъ П. А. Плетневъ, „что человѣкъ, употребившій столько лѣтъ и трудовъ на многосложныя, безпрерывныя занятія по службѣ, умѣлъ найти время: 1) на переводы съ иностранныхъ языковъ, 2) на опыты стихотворства, 3) на библіографическія записки, 4) на филологическія изслѣдованія и 5) на біографіи замѣчательныхъ соотечественниковъ. Еслибы эти памятники жизни писателя остались одни для опредѣленія степени ученой дѣятельности его, никто не усумнился бы, что В. А. Полѣновъ всѣ дни посвящалъ только Музамъ. Еще непонятнѣе, какими путями, отъ всѣхъ независимо, дошелъ онъ до изумительнаго безстрастія къ авторскому славолюбію". („О жизни и трудахъ академика тайнаго совѣтника В. А. Полѣнова", Спб. 1852).

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о семейномъ бытѣ В. А. Полѣнова. По свидѣтельству И. П. Хрущова, „семейство Василія Алексѣевича было многочисленно. Сверхъ того дальніе родственники и свойственники, равно какъ и родственныя дѣти, помѣщенныя жившими въ деревняхъ родителями въ С.-Петербургскія учебныя заведенія, сходились во всякой воскресный день и праздникъ за гостепріимной трапезой въ домѣ Василія Алексѣевича. Кругъ Полѣновыхъ походилъ на многолюдный родовой союзъ; Василій Алексѣевичъ и жена его были патріархами, а домъ ихъ очагомъ этого союза".

Самъ В. А. Полѣновъ, не смотря на то, что состоялъ въ высокой должности, былъ большимъ домосѣдомъ, почти не ѣздилъ въ свѣтъ, и изъ постороннихъ у него еженедѣльно по субботамъ собирались только его товарищи по Академіи. Домосѣдомъ и семьяниномъ провелъ свою жизнь и сынъ его Дмитрій Васильевичъ" (Хрущовъ, „Очеркъ жизни и дѣятельности Д. В. Полѣнова". Спб. 1879, стр. 3).

В. А. Полѣновъ скончался 21 Іюля 1851 года, окруженный всѣмъ своимъ семействомъ и давши каждому въ немъ послѣднее благословеніе. По свидѣтельству П. А. Плетнева, онъ скончался „въ полной памяти, безъ страданій, тихо, точно такъ, какъ провелъ самую жизнь свою, прекрасную и назидательную".

Николай Барсуковъ.

6 Января 1882 г., С.-Петербургъ.

I.

Москва, 23 Февраля 1839.

Находясь въ 1831 году на службѣ въ Варшавѣ, во временномъ правленіи Царства Польскаго для особыхъ порученій при генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Варшавскомъ 1), я собралъ множество драгоцѣнныхъ актовъ весьма важныхъ для Русской Исторіи.

Нынѣ, издавъ часть оныхъ, я поставляю за особенную для себя честь препроводить къ вашему превосходительству книгу мною напечатанную 2), твердо надѣясь, что эта посылка удостоится благосклоннаго принятія отъ почтеннаго сочлена по Императорскому Обществу Исторіи и Древностей Русскихъ.

1) Изъ находящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ формулярнаго списка гофмейстера князя М. А. Оболенскаго видно, что въ 1830 году онъ участвовалъ въ усмиреніи Польскихъ мятежниковъ, а въ 1832 году переименованъ изъ капитановъ л.-гв. Финляндскаго полка въ коллежскіе ассесоры, причемъ ему ввѣрено завѣдываніе секретною частью канцеляріи Намѣстника Царства Польскаго. Тогда же ему пожалованъ *вторично* орденъ св. Владиміра 4-й ст., а 12-го Августа того же 1832 г. онъ перемѣщенъ въ вѣдомство Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ причисленіемъ его къ Московскому Главному Архиву, гдѣ вскорѣ занялъ должность старшаго переводчика, а вслѣдъ затѣмъ главнаго смотрителя въ состоящей при Архивѣ Коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ. Въ то время, когда кн. Оболенскій писалъ это письмо, онъ былъ членомъ Археографической Коммиссіи и имѣлъ уже чинъ коллежскаго совѣтника. Б. Ѳ. Б.

Одновременно съ княземъ Оболенскимъ, въ Варшавѣ подвизался по собиранію историческихъ памятниковъ и покойный предсѣдатель Археографической Коммиссіи П. А. Мухановъ, который былъ тогда гвардіи полковникъ и тоже состоялъ при князѣ Варшавскомъ. Н. Б.

2) Изъ напечатаннаго въ Москвѣ, въ 1856 году, Указателя изданіямъ Коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ и *книгамъ, изданнымъ управляющимъ Моск. Гл. Архивомъ кн. М. А. Оболенскимъ*, видно, что въ 1838 году имъ было издано 10-ть выпусковъ *Сборника князя Оболенскаго.* Для В. А. Полѣнова они могли быть переплетены въ одну книгу. Почти всѣ они заключаютъ документы Польскіе и Литовскіе. Чтоже касается до XI выпуска, то изъ того же Указателя видно, что онъ вышелъ въ 1840 году; а XII-й отпечатанъ уже послѣ самого Указателя, лишь въ 1859 году. Б. Ѳ. Б.

II.

11 Мая 1839.

Ваше превосходительство изволили порадовать меня увѣдомленіемъ отъ 18 Апрѣля сего года о благосклонномъ вниманіи вашемъ къ посильнымъ трудамъ моимъ при изданіи историческихъ актовъ, вошед-

шихъ въ мой *Сборникъ* и обратившихъ ваше лестное для меня внимание. Ваше превосходительство еще болѣе порадовали меня присылкою экземпляра изданнаго вами истинно драгоцѣннаго сочиненія: *Объ отправленіи Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія* 3).

Принося сугубую и чувствительнѣйшую мою благодарность, я осмѣливаюсь снова утруждать ваше превосходительство посылкою экземпляра изданной мною *Легенды о жизни и смерти Лжедимитрія.* Брошюра эта была напечатана въ Амстердамѣ въ 1606 году и сдѣлалась впослѣдствіи величайшею библіографическою рѣдкостію. Знаменитый исторіографъ нашъ Н. М. Карамзинъ пользовался этимъ любопытнымъ современнымъ извѣстіемъ о Лжедимитріи и ссылается на *Легенду* во многихъ мѣстахъ Исторіи Россійскаго Государства 4).

3) Эта статья появилась въ первый разъ въ печати въ 1837 году, и была помѣщена въ 1-й части „Трудовъ Россійской Академіи“. Авторъ статьи, заставшій послѣдніе годы царствованія Екатерины въ молодыхъ своихъ лѣтахъ и бывшій свидѣтелемъ послѣдовавшаго за ней правленія, находился въ числѣ самыхъ усердныхъ ея почитателей.

Небольшое число отдѣльныхъ оттисковъ этой статьи было роздано имъ нѣкоторымъ изъ его близкихъ знакомыхъ. Между ними былъ князь П. Б. Козловскій, который перевелъ статью Полѣнова на Французскій языкъ и отдалъ свой переводъ извѣстному тогда путешественнику маркизу Кюстину, посѣтившему наше отечество въ 1839 году. Кюстинъ помѣстилъ эту статью въ приложеніи къ IV тому своей книги „La Russie en 1839“ и при этомъ сдѣлалъ слѣдующее забавное предисловіе: „Чтобы оцѣнить настоящимъ образомъ лицемѣріе Царицы въ дѣйствіяхъ ея съ своими узниками, не надо забывать, что настоящій разсказъ написанъ былъ для самой Императрицы, и что, поэтому, всякое событіе представлено со стороны самой приличной. На эту статью должно смотрѣть какъ на трудъ канцелярскій и офиціальный, а не какъ на безпристрастный и правдивый разсказъ. Онъ заключаетъ въ себѣ эпизодъ изъ исторіи царствованія Екатерины II-й, составленный по высшему приказанію, съ цѣлію доказать человѣколюбіе Сѣверной Семирамиды“. Въ 1874 году статья В. А. Полѣнова была перепечатана въ „Русской Старинѣ“ съ предисловіемъ сына автора, Д. В. Полѣнова (IX, 645—666). Н. Б.

4) La Légende de la vie et de la mort de Démetrius, dernier grand-duc de Moscovie перепечатана была въ Москвѣ именно въ 1839 году и значится въ вышеприведенномъ Указателѣ № 1-й. „La Légende“ есть брошюра in quarto, XVI — 16. Къ ней приложены гравированные снимки печатей Лжедмитрія и fac-simile его и Марины Мнишекъ. Это изданіе становится библіографическою рѣдкостью. Подобно другимъ книгамъ, напечатаннымъ *на счетъ* князя М. А. Оболенскаго, она есть собственность его дочери, княгини А. М. Хилковой и должна бы продаваться любителямъ старины вмѣстѣ съ изданіями Коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, при Моск. Гл. Архивѣ М. И. Д. Но тамъ всѣ экземпляры разошлись и, за нахожденіемъ княгини въ чужихъ краяхъ, неизвѣстно, имѣются ли у нея еще таковые. Б. Ѳ. Б.

III.

Москва, 21 Декабря 1839.

Честь имѣю представить вашему превосходительству изданную мною на дняхъ брошюру: *Очеркъ жизни святыхъ князя Михаила и боярина его Ѳеодора Черниговскихъ,* и *Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи* 5).

Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ я имѣлъ честь докладывать вашему превосходительству о сдѣланной мною чрезвычайно любопытной находкѣ: о портретѣ Димитрія Самозванца, гравированномъ въ 1606 году въ Аугсбургѣ, извѣстнымъ ему современнымъ граверомъ Лукою Киліаномъ. По пріѣздѣ моемъ въ Москву, я поручилъ знаменитому академику нашему Егору Осиповичу Скотникову выгравировать этотъ портретъ черта въ черту; онъ исполнилъ мое желаніе съ удивительнымъ искусствомъ: смѣло можно сказать, что копія ни въ чемъ не уступаетъ оригиналу и что въ ней не пропущено ни одной черты. Теперь я занимаюсь составленіемъ текста къ портрету Самозванца, съ которымъ вмѣстѣ и выйдетъ въ свѣтъ гравюра. Въ текстѣ я вмѣщу политипажные портреты Димитрія Самозванца и Марины Мнишекъ, находящіеся въ изданной въ 1611 году книгѣ: *Kronica Sarmacyi Europeiskey.* Марина Мнишекъ, изображенная внизу посылаемой къ вамъ гравюры, не находится въ оригиналѣ, а изображена здѣсь для того, чтобы охотники до гравюръ могли имѣть первые оттиски съ этимъ изображеніемъ вмѣсто аванъ ла летръ; по отпечатаніи 12-ти экземпляровъ это изображеніе уничтожится.

Портретъ Самозванца есть важный историческій фактъ: кто только на него взглянетъ, тотъ сейчасъ убѣдится, что Лже-Димитрій былъ не Русскій; черты лица его явно говорятъ, что онъ былъ Литвинъ. Вотъ ясное возраженіе тѣмъ изъ иностранцевъ, которые, въ ослѣпленіи своемъ, безъ важныхъ историческихъ доказательствъ, настойчиво хотятъ признавать его за истиннаго царевича Димитрія; и возраженіе тѣмъ Русскимъ писателямъ, которые смѣшиваютъ это таинственное лицо съ монахомъ-разстригою Гришкою Отрепьевымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Лже-Димитрій былъ тайною пружиною іезуитской политики, желавшей поработить Россію папской власти. Еще, можетъ быть, въ царствованіе Іоанна Грознаго, іезуиты пріискали ничтожнаго, но смѣлаго мальчика - сироту Греко - россійскаго исповѣданія и, при воспитаніи онаго безпрестанно ему твердили, что онъ царевичъ Димитрій, законный наслѣдникъ Русскаго престола, но что онъ тщательно долженъ скрывать это отъ людей, чтобъ не подвергнуть жизнь свою опасности.

Можетъ быть, это было и не такъ; но по крайней мѣрѣ вся жизнь, всѣ необдуманные поступки Лже-Димитрія, всѣ дерзости его противъ Поляковъ доказываютъ, что онъ былъ въ душѣ увѣренъ, что онъ истинный царевичъ и явно указываютъ на мысль, что онъ былъ воспитанъ въ этомъ вѣрованіи.

На портретѣ Лже-Димитрія находятся слѣдующія надписи:

1) Латинская, кругомъ портрета: Demetrius Ioannis dei gratia Czar et Magnus Dux totius Russiae ac monarchiae Moscoviticae Dominus et Rex.

2) Греческая, внизу портрета, взятая изъ премудрости Соломона, изъ главы 10-й, стихъ 14-й. Выписываю изъ Библіи, изданной въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны въ 1756 году, переводъ этого стиха: «И въ узахъ не остави его, дондеже принесе ему скипетръ царствія и власть на мучащихъ его, лживыхъ же показа порокъ сотворшихъ нань и даде ему славу вѣчную».

3) На Ватинскомъ языкѣ: „Admiratione virtutis quam Deus in luce populorum posuit, sculpsit Lucas Kilianus, Augusta Vindelicorum, 1606 т. е. Изъ удивленія къ доблести, которую Богъ проявилъ предъ народами, выгравировалъ Лука Киліянъ въ Аугсбургѣ, 1606.

Александръ Петровичъ Сумароковъ въ 1771 году приложилъ къ напечатанной имъ трагедіи: *Димитрій Самозванецъ,* рисунокъ съ вышеозначеннаго портрета и въ предисловіи говоритъ объ оригиналѣ какъ о величайшей рѣдкости 6).

5) № 3-й того же Указателя: „Михаилъ Вел. князь Черниговскій и бояринъ его Ѳеодоръ", соч. Николая Иванчина-Писарева, изд. кн. М. А. Оболенскаго, М. 1839 г. in quarto *съ рисунками.* Въ Архивѣ для продажи не имѣется. Рисунокъ есть копія съ образа надъ мощами въ Архангельскомъ соборѣ. Б. Ѳ. Б.

Въ посвященіи Иванчинъ-Писаревъ между прочимъ пишетъ: „Мы сошлись не такъ, любезнѣйшій князь, какъ пріятели свѣтскіе; мы сошлись въ храмѣ Русскихъ Музъ, какъ сомысленники, любя отечество, его преданія и розыски его древностей.—Я не ошибаюсь, ибо памятливъ: первое свиданіе наше было въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ кровомъ Московскаго Университета".

Новгородская и Кіевская сокращенныя лѣтописи изданы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи. М. въ Синодальной типографіи 1836 г." Послѣ заглавнаго листа, на слѣдующемъ надпись: „Въ благословенное царствованіе Императора и Самодержца Николая I, при министрѣ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровѣ, иждивеніемъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ предсѣдательство А. Ѳ. Малиновскаго, трудами и попеченіемъ князя М. А. Оболенскаго, главнаго смотрителя Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ". Названіе Супрасльской рукописи дано ей потому, что она, по нѣкоторымъ признакамъ, принадлежала нѣкогда библіотекѣ Супрасльской

обители, находящейся въ двухъ миляхъ отъ Бѣлостока.—Нынѣ эта рукопись хранится въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Н. Б.

6) Этотъ портретъ, по свидѣтельству Д. А. Ровинскаго, „принадлежитъ къ немногимъ достовѣрнымъ Русскимъ портретамъ за первую половину XVII вѣка“ („Словарь Русск. грав. портр.“, стр. 8, 42). А. П. Сумароковъ въ примѣчаніи къ своей трагедіи „Димитрій Самозванецъ“ пишетъ: „Димитрій Самозванецъ невступно только годъ царствовалъ. Сіе вида его изображеніе (которое приложено къ первому изданію трагедіи), снято съ естампа, сдѣланнаго въ тотъ самый годъ, когда онъ былъ на Россійскомъ престолѣ, и вырѣзано въ Аугсбургѣ, не яко Самозванца, но яко государя Московскаго, котораго будто Всевышній возвелъ на тронъ ради просвѣщенія Россійскаго народа; ибо онъ обѣщался папѣ Клименту VIII ввести въ Россію исповѣданіе Римской церкви. Слѣдовательно сіе изображеніе по всѣмъ обстоятельствамъ вѣрное. Я его получилъ отъ госпожи Маріи Анны Коллотъ, академики Спб. Императорской Академіи Художествъ... А въ Россіи его и не бывало и нынѣ нѣтъ ни у кого. Скорость времени, а отъ того и ошибка въ семъ портретѣ учинена; ибо портретъ сей не на ту сторону вырѣзанъ; такъ должно знати, что бородавки на лицѣ Самозванца на выворотъ изображены; у него они были на правой сторонѣ носа, и на лѣвой лба. А въ нихъ нужда; ибо по нимъ и по большимъ ушамъ, такъ же и по долгой рукѣ, особливо сообразенъ былъ онъ прямому Димитрію“ („Полн. Собр. всѣхъ сочиненій...“ изд. 2, М. 1787, IV, 59—60). Н. Б.

Послѣ кончины князя М. А. Оболенскаго, въ домѣ его, къ сожалѣнію, не нашлось ни мѣдной доски Скотникова и ни однаго экземпляра его гравюры. Въ Архивѣ одинъ только экземпляръ avant la lettre, съ изображеніемъ подъ нимъ эскиза портрета Марины Мнишекъ. Б. Ѳ. Б.

IV.

Москва, 28 Ноября 1840.

Я берусь за перо, чтобы извѣстить ваше превосходительство о постигшемъ Главный Московскій Архивъ несчастіи: начальникъ нашъ, почтеннѣйшій А. Ѳ. Малиновскій, скончался во вторникъ, въ 10-ть часовъ вечера. Кончина его была спокойная, онъ до послѣднихъ минутъ своей жизни сохранялъ память и перешелъ изъ здѣшней жизни въ вѣчную безъ страданій, тихо, — онъ умеръ какъ погасаетъ догорѣвшая лампада 7).

Не задолго до кончины, Алексѣй Ѳедоровичъ поручилъ мнѣ писать къ вашему превосходительству: благодарить васъ за многолѣтнюю къ нему дружбу и за то благорасположеніе, которое вы постоянно оказывали Московскому Архиву, и увѣдомить ваше превосходительство, что онъ надѣется, въ скоромъ времени, возстановиться въ силахъ и намѣренъ самъ писать къ вамъ и просить о многомъ и въ особенно-

сти о назначеніи ему преемника и о штатахъ для Архива. Надежда его не сбылась: онъ не могъ къ вамъ писать, и мнѣ осталось исполнить его волю.

Трудно теперь сказать утвердительно, кого желалъ Алексѣй Ѳедоровичъ себѣ въ преемники; но если его сіятельству, господину вице-канцлеру, по предстательству вашему, угодно будетъ поручить мнѣ завѣдываніе Московскимъ Архивомъ, смѣло могу утверждать, что дѣломъ и неизмѣнностію чувствъ моихъ къ особѣ вашей я вполнѣ оправдаю милостивое его сіятельства ко мнѣ вниманіе и благосклонность. Занимаясь съ давняго времени Русскою Исторіею, я руководствовался завсегда единственною любовію къ наукѣ и если теперь утруждаю ваше превосходительство просьбою содѣйствовать къ полученію мѣста, упраздненнаго смертію почтеннаго старѣйшины нашихъ археологовъ,—это въ надеждѣ принести несомнѣнную пользу отечественной исторіи: предметъ многолѣтнихъ занятій становится для насъ святымъ и драгоцѣннымъ.

Ваше превосходительство, какъ истинный чтитель памяти Миллера, Шлецера, Карамзина, Малиновскаго и просвѣщенный любитель Русской Исторіи, конечно не откажетесь подать руку помощи человѣку, который, кромѣ неутомимаго усердія по службѣ, удостоился, за печатные труды свои, нѣкоторой благодарности соотечественниковъ. Вице-канцлера, можетъ быть, расположитъ въ мою пользу и то обстоятельство, что я родной племянникъ графа Аркадія Ивановича Моркова, бывшаго вашего и графа Карла Васильевича достойнаго сослуживца 8).

Изливая здѣсь чувства моей души, мысленно ободряемый благосклоннымъ вниманіемъ вашего превосходительства, я не могу умолчать еще объ одной просьбѣ: мнѣ хотѣлось бы, въ случаѣ малѣйшаго луча надежды къ исполненію моего желанія, получить дозволеніе прибыть въ С.-Петербургъ для личнаго объясненія съ вице-канцлеромъ.

7) Преданіе гласитъ, что А. Ѳ. Малиновскій жилъ на Мясницкой, въ собственномъ домѣ, гдѣ впослѣдствіи была контора Бутенопа, а нынѣ Липгарта, пока не выдалъ свою единственную дочь за князя Ростислава Алексѣевича Долгорукова. (См. Росс. род. книги, ч. 1-я, Спб. 1854 г. № 456, стр. 89). Тогда онъ, вмѣстѣ съ женою своею, переселился въ тотъ каменный флигель при Архивѣ (на Хохловкѣ, близъ Ивановскаго монастыря, въ Колпашномъ переулкѣ), гдѣ жили и умерли его предмѣстники исторіографы Миллеръ и Н. И. Бантышъ-Каменскій. Тѣло Малиновскаго похоронено въ Воскресенскомъ монастырѣ (Новый Іерусалимъ). Заслуги его велики: онъ издалъ 3 фоліанта грамотъ и договоровъ, былъ предсѣдателемъ Общества Исторіи Древностей Россійскихъ, почетнымъ членомъ Московскаго Университета, членомъ Оружейной Палаты, по просьбѣ графа Н. П. Шереметева написалъ уставъ Шереметевскаго Страннопріимнаго Дома и былъ его главнымъ смотрителемъ. Другое преданіе говоритъ, что, по полученіи извѣстія о кончинѣ Малиновскаго, В. А.

Полѣновъ сталъ ходатайствовать о назначеніи на его мѣсто коллежскаго совѣтника кн. Оболенскаго, но что на первый докладъ о семъ графа Несельроде, Императоръ Николай Павловичъ отозвался: „Слишкомъ молодъ", а на второй: „Пусть будетъ пока *подъ руководствомъ* Полѣнова". Назначеніе князя *исправляющимъ должность* состоялось 21-го Декабря 1840 года. Б. Ө. Б.

Сынъ Полѣнова, Дмитрій Васильевичъ, передавалъ намъ со словъ своего отца, что государь Николай Павловичъ далъ это мѣсто князю Оболенскому (не смотря на то, что онъ уже 8 лѣтъ готовился къ тому) лишь послѣ многократныхъ ходатайствъ и представленій князя Паскевича и графа Несельроде и что, подписывая бумагу объ этомъ назначеніи, Государь перекрестился: такъ сознавалъ онъ важность храненія историческихъ бумагъ.
П. Б.

8) См. примѣчаніе 63-е.

V.

Москва, 11 Февраля 1841.

Въ понедѣльникъ, простившись съ вашимъ превосходительствомъ, я отправился домой и сталъ укладываться. Во вторникъ въ 10 часовъ утра я выѣхалъ изъ С.-Петербурга, былъ въ дорогѣ ровно трое сутокъ, и пріѣхалъ въ Москву, по прекраснѣйшей дорогѣ, въ пятницу въ 8 часовъ утра.

Я желалъ бы сообщить вамъ то, что̀ чувствовалъ, какъ бѣдное мое сердце билось отъ радости, очутившись, послѣ двухъ-мѣсячнаго отсутствія, въ кругу маленькаго моего семейства, какъ встрѣтили меня жена, дочь, сынъ; но, признаюсь, не умѣю передать на бумагѣ ни чувствъ, ни ощущеній этихъ, хотя говорить объ оныхъ чрезвычайно пріятно тѣмъ, кто дорожитъ семейнымъ счастіемъ 9).

На другой день, въ субботу, я былъ не менѣе взволнованъ изъявленіемъ искренней привязанности прежнихъ товарищей—новыхъ моихъ подчиненныхъ, которые посѣтили меня въ 11 часовъ утра.

14-го числа, въ будущую пятницу, мнѣ назначено принять присягу въ общемъ присутствіи Сената. По принятіи присяги я немедленно отправлюсь въ Архивъ, вступлю въ исправленіе должности управляющаго и тотчасъ же донесу о томъ графу Карлу Васильевичу и вашему превосходительству.

9) Единственнаго сына своего Алексѣя князь Оболенскій имѣлъ несчастіе лишиться на 22 году отъ его рожденія. Онъ былъ причисленъ къ Моск. Архиву и когда онъ въ 1856 г., въ первый разъ привезъ его туда, по случаю посѣщенія Архива государственнымъ канцлеромъ и представилъ его князю А. М. Горчакову въ числѣ прочихъ чиновниковъ Архива, то его свѣтлость сказалъ ему: „Надѣюсь, что онъ всѣхъ болѣе работаетъ!" Жилъ князь въ собственномъ домѣ, на Арбатѣ, въ приходѣ Николы Явленнаго. Б. Ө. Б.

VI.

Москва, 15 Марта 1841.

Въ первыя двѣ недѣли по моемъ пріѣздѣ въ Москву я занимался обозрѣніемъ хозяйственной части Главнаго Московскаго Архива во всей подробности и введеніемъ порядка по текущему дѣлопроизводству. Въ столѣ исполнительномъ 1-го отдѣленія нынѣ дѣла производятся уже совершено однообразно съ порядкомъ существующимъ въ департаментахъ нашего министерства. Въ столѣ же хозяйственномъ донынѣ еще соблюдаются коллегіальныя формы; а потому на будущей почтѣ я буду просить ваше превосходительство офиціально снабдить насъ предписаніемъ, какими формами должны мы будемъ впредъ руководствоваться.

Теперь утвердительно могу сказать вашему превосходительству, что Архивъ достоинъ будетъ милостиваго и одобрительнаго вниманія вашего: по особенному счастію, всѣ чиновники Архива, за исключеніемъ двухъ, оказываютъ ревностное усердіе къ службѣ. Мы работаемъ ежедневно съ 10-ти часовъ до 3-хъ. Дѣла царствованія императрицы Екатерины II-й располагаются въ Московскомъ Архивѣ сообразно съ порядкомъ въ расположеніи дѣлъ, который уже существуетъ въ С.-Петербургскомъ Архивѣ. Не скрою отъ васъ, что хотя эта работа чисто машинальная, но притомъ весьма трудная и продолжительная: раздѣленія, подраздѣленія, разряды, роды, которымъ нѣтъ числа, приводятъ въ отчаяніе самыхъ отважнѣйшихъ изъ моихъ архивскихъ тружениковъ. Царствованіе императрицы Екатерины возметъ у насъ много времени; а сколько его надобно для другихъ царствованій? Но мы готовы сказать подобно Александру: «остановись солнце, дай еще нѣсколько поратоборствовать», готовы работать до 4-хъ часовъ каждодневно, чтобы заслужить милостивое вниманіе вашего превосходительства.

Покойный А. Ѳ. Малиновскій, какъ вамъ извѣстно, по духовному завѣщанію, назначилъ въ даръ Московскому Архиву много книгъ и портфелей съ историческими актами 10). Анна Петровна Малиновская пожелала представить при письмѣ своемъ г. вице-канцлеру подробныя описи всему даримому. По просьбѣ ея, я откомандировалъ трехъ чиновниковъ, которые занимаются составленіемъ означенныхъ описей.

10) Въ свое время князь Оболенскій сдѣлалъ болѣе. Согласно волѣ его, вдова князя, княгиня А. А. Оболенская и дочь ихъ, княгиня А. М. Хилкова принесли въ даръ Архиву въ 1874 году *всю* его библіотеку съ рѣдкими рукописями и документами, всего 1250 книгъ, 30 старопечатныхъ изданій, 275 рукописей и 120 историческихъ портретовъ, писанныхъ масляными красками. См. еще примѣчаніе 55-е. Б. Ѳ. Б.

VII.

Москвѣ, 26 Марта 1841.

Христосъ Воскресе! Вы, какъ добрый отецъ, въ кругу любимаго вами семейства, тѣмъ усладительнѣе ощутите духовную радость, что она вполнѣ будетъ раздѣлена близкими вашему сердцу.

Не знаю, какъ у васъ въ Петербургѣ; а въ Москвѣ мы, кажется, лишены будемъ удовольствія видѣть наше народное гулянье подъ качелями въ полномъ разгулѣ: третьяго дня выпалъ большой снѣгъ, такъ что многіе ѣздили на саняхъ; погода стоитъ пасмурная.

Для любопытства вашего прилагаю при семъ письмѣ три оттиска, изображающіе находящіеся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ: Георгія Побѣдоносца, патріаршее мѣсто, царскіе свадебные вѣнцы и шапочку царевича Димитрія,—гравюры эти приложатся къ живописному описанію Москвы, которое составляется, по порученію здѣшняго главнокомандующаго князя Д. В. Голицына, ученымъ профессоромъ Снегиревымъ и будетъ издано роскошно; кромѣ гравюръ, къ этому изданію приложатся древнѣйшіе планы Москвы, въ хронологическомъ порядкѣ, какъ гравированные, такъ и литографированные 11).

11) Въ 1838 году, просвѣщенный и любимый начальникъ Москвы свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ былъ озабоченъ мыслію составить описаніе Москвы и съ этою цѣлію просилъ М. П. Погодина познакомить его съ П. М. Строевымъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая записка Погодина къ Строеву (Апр. 1838): „Князь Дмитрій Владимировичъ желаетъ познакомиться съ вами, милостивый государь Павелъ Михаиловичъ, и просилъ меня сдѣлать для него это удовольствіе. Самое удобное для него время—обѣдъ, къ которому онъ и приглашаетъ васъ во вторникъ или въ среду, вмѣстѣ со мною... Онъ хочетъ потолковать что-то о Москвѣ“. Но Строевъ, будучи обремененъ другими трудами, принужденъ былъ отказаться отъ этого предложенія, и описаніе Москвы поручено было И. М. Снигереву. (См. нашу книгу „Жизнь и Труды П. М. Строева“. Спб. 1878, стр. 326 — 327). Въ дневникѣ Снегирева, подъ 1 Октября 1838 года, мы уже находимъ слѣдующую отмѣтку: „Описаніе древностей Московскихъ читалъ я въ Обществѣ Исторіи Древностей Россійскихъ въ присутствіи князя Д. В. Голицына. Князь просилъ, чтобы изданіе напечатано было съ типографскою роскошью, съ рисунками, и взялъ изданіе 1-го тома на свой счетъ“. (Ивановскій, „Ив. Мих. Снегиревъ“ Спб. 1871, стр. 164—165). Въ 1842—1845 г. были изданы Снегиревымъ „Памятники Московской древности, съ присовокупленіемъ очерка монументальной исторіи Москвы и древнихъ видовъ и плановъ древней столицы“. (См. нашъ Библіографическій Указатель къ рѣчи М. П. Погодина: „Труды перваго Арх. съѣзда“ I, 52). Памятный Москвѣ, а особенно ея міру „купующему и продающему, съ похотью очесъ и гордостью житейскою“, Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ всегда сознавалъ, что „не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ“, а потому посвящалъ свои досуги наукѣ и литературѣ. Въ „Мос-

ковскомъ Сборникѣ“ 1847 г., онъ напечаталъ разборъ вышеупомянутой книги Снегирева и въ этомъ разборѣ высказалъ живой, жизненный взглядъ на археологію: „На что Русскій историкъ ни взглянетъ, что̀ ни возьметъ изъ *коренной* Москвы, все раскажетъ ему что-либо изъ древняго быта Русскаго; и часто то, что́ повторялось уже въ жизни общественной, и если сохранялось, то развѣ въ быту простонародномъ, часто мы найдемъ ясно разсказаннымъ остатками Московской древности. Итакъ эти памятники никакъ не суть для насъ предметы простаго любопытства, но историческіе источники самые вѣрные; „ибо памятникъ“, справедливо говоритъ митрополитъ Филаретъ, „есть безмолвный проповѣдникъ, который въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть превосходнѣе говорящаго, потому что не прекращаетъ порученной ему проповѣди, и такимъ образомъ она доходитъ до цѣлаго народа и до многихъ послѣдовательныхъ родовъ“. Но это одно ихъ значеніе; а когда мы вспомнимъ, что Москва „спасла въ нѣдрахъ своихъ отечество и вѣру среди кровавыхъ и огненныхъ испытаній, соединила въ себѣ все, чѣмъ памятно для насъ прошедшее, свято настоящее, утѣшительно будущее, по справедливости заслужила названіе *матери и сердца Россіи, царелюбиваго и богоспасаемаго града:* тогда каждый памятникъ изъ простой лѣтописи дѣлается поэтическою пѣснію“ (стр. 114—115). Н. Б.

VIII.

Москва, 28 Апрѣля 1814.

Вы не можете себѣ представить, какъ меня ежедневно мучаютъ и терзаютъ архивскіе мои юноши и старцы; я бываю по нѣскольку разъ въ день проколотъ насквозь несноснымъ выраженіемъ: «такъ было при Алексѣѣ Θеодоровичѣ».

Мои сослуживцы до сихъ поръ не могутъ понять, что какъ скоро бумага пишется отъ Архива, то долженъ подписывать управляющій; если же бумагу подписываетъ начальникъ отдѣленія, то она должна писаться отъ 1-го или 2-го отдѣленія Архива.—Коллегіальныя формы такъ укоренились въ умѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ сослуживцевъ, что они всякую бумагу, какого бы она рода ни была, не иначе начинаютъ какъ: «По указу Его Императорскаго Величества въ Главномъ Московскомъ Архивѣ слушано и опредѣлено».

По отношенію вашего превосходительства, при которомъ приложена любопытная копія съ портрета царя Іоанна Васильевича Грознаго, я отнесся къ предсѣдателю Историческаго Общества графу Строганову и къ членамъ: профессору Снегиреву и профессору Даниловичу, и какъ скоро получу письменныя ихъ сообщенія по сему предмету, не замедлю въ оригиналѣ представить ихъ при моемъ донесеніи вашему превосходительству. Графъ Сергій Григорьевичъ говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ у г. Смирнова кромѣ портрета царя Іоанна Васильевича еще два дру-

гія: дьяка Микулина и князя Прозоровскаго Графъ твердо убѣжденъ какъ въ подлинности, такъ и въ современности этихъ портретовъ и цѣнитъ ихъ стоющими болѣе десяти тысячъ рублей. 12).

12) Единственный сынъ весьма извѣстнаго, въ свое время, протоіерея нашего посольства въ Лондонѣ, Смирнова, былъ Русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Генуѣ. Портреты двухъ бывшихъ посланниковъ въ Англіи, Микулина и Прозоровскаго, были несомнѣнно написаны въ самую бытность ихъ въ Лондонѣ и, судя по ихъ изяществу, находившимися тамъ Итальянскими живописцами. Портретъ Микулина былъ купленъ Смирновымъ въ Лондонѣ, и въ 1843 г. онъ поднесъ портретъ этотъ графу К. В. Несельроде, который подарилъ его Московскому Главному Архиву. Портретъ же князя Прозоровскаго былъ купленъ кн. Василіемъ Викторовичемъ Кочубеемъ и принадлежитъ теперь его вдовѣ. Снимки съ обоихъ портретовъ приложены къ историческимъ изслѣдованіямъ Н. В. Чарыкова о Микулинѣ, М. 1878 г. и А. И. Ладыженскаго, о князѣ Прозоровскомъ. Б. Ѳ. Б.

IX.

Москва, 12 Сентября 1841.

Занимаясь просмотромъ рукописей Московскаго Архива, я случайно нашелъ неизвѣстные никому изъ нашихъ ученыхъ уголовные законы царя и великаго князя Іоанна IV Васильевича.

Зная по собственному опыту, съ какою благосклонностію ваше превосходительство ободряете посильные труды занимающихся объясненіемъ всякаго рода памятниковъ нашей Русской старины, спѣшу представить вашему превосходительству только что полученные мною изъ типографіи сіи любопытные законы 13).

13) № 5-й по вышеупомянутому Указателю: „Уголовные Законы царя и великаго князя Іоанна IV Васильевича“, М. 1841 г. Это изданіе при Архивѣ распродано. Б. Ѳ. Б.

X.

Москва, 16 Октября 1841.

Титулярный совѣтникъ *Шульцъ* очень хорошій чиновникъ, я имъ очень доволенъ, онъ имѣетъ счастливыя способности; но я до сихъ поръ не могъ его пріучить чаще являться въ Архивъ и убѣдить заниматься разборкою дипломатическихъ дѣлъ царствованія императрицы Екатерины II, отъ каковой работы онъ имѣетъ неодолимое отвращеніе. Это будетъ конечно чудо, если по указанію вашего превосходительства онъ займется разборкою этихъ дѣлъ,—чего весьма желательно 14).

14) Изъ дѣла о службѣ въ Архивѣ надворнаго совѣтника Роберта Христіановича *Шульца* видно лишь, что онъ происходилъ изъ дворянъ и по окончаніи курса въ Московскомъ Университетѣ, со степенью кандидата, поступилъ въ Московскій Главный Архивъ М. И. Д. первымъ переводчикомъ въ 1836 году и уволенъ, согласно прошенію, въ 1849-мъ, уже имѣя 40 лѣтъ отъ роду. Б. Ѳ. Б.

XI.

Москва, 15 Декабря 1841.

Съ особенною неизъяснимою радостію узналъ я пріятную для всѣхъ насъ новость, что ваше превосходительство, въ награду долговременной и отлично ревностной службы и исполненія особливо возложеннаго на васъ Государемъ Императоромъ порученія, удостоились получить отъ монаршихъ щедротъ брилліянтами осыпанную золотую табатерку съ портретомъ Его Величества. Портретъ царскій есть наилучшая, по моему мнѣнію, награда; ибо она передаваясь изъ рода въ родъ, остается навсегда драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ для потомства.

XII.

Москва, 20 Декабря 1841.

По милости Божіей, я уже привелъ въ порядокъ исполнительное отдѣленіе, какъ въ канцелярскомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи; остается только экзекуторская часть. Трудно убѣдить дѣлать то, чего не дѣлалось при Алексѣѣ Ѳеодоровичѣ.

На дняхъ я получилъ депутацію отъ дамъ - любительницъ отечественныхъ древностей:—здѣшней губернаторши Синявиной 15), княгини Долгорукой (дочери Булгакова) 16), Апраксиной (дочери графа Петра Александровича Толстаго) 17), съ просьбою дозволить имъ пріѣхать въ Архивъ осмотрѣть памятники древней письменности, хранящіеся въ Архивѣ. Признаюсь, хотя мнѣ это и очень непріятно, ибо я боюсь сплетень; но, не находя уважительныхъ причинъ для сдѣланія имъ въ томъ отказа, я выбралъ Воскресенье, 21 Декабря, какъ день неприсутственный, чтобъ показать имъ нашу старину, не отвлекая чиновниковъ отъ полезныхъ занятій.

15) Александра Васильевна, супруга бывшаго Московскаго гражданскаго губернатора Ивана Григорьевича Сенявина, впослѣдствіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Ихъ дочь была въ замужествѣ за недавно скончавшимся княземъ А. И. Васильчиковымъ. Г-жа Сенявина въ свое время славилась красотою, умомъ и образованіемъ. Тоже можно сказать и объ ея сестрѣ, которая

была въ замужествѣ за барономъ Александромъ Казимировичемъ Мейендорфомъ. (Росс. родосл. книга, ч. 3-я, Спб. 1856 г., стр. 340 и 372, № 17). Обѣ родились отъ брака Голландскаго посланника въ С.-Петербургѣ барона Огэра (Hauggùères) съ фрейлиною Полянскою, мать которой была извѣстная графиня Елисавета Романовна Воронцова, въ замужествѣ за сенаторомъ Полянскимъ. Б. Ѳ. Б.

16) Княгиня Ольга Александровна Долгорукова, дочь бывшаго Московскаго почтъ-директора А. Я. Булгакова, была за гофмейстеромъ княземъ Александромъ Сергѣевичемъ Долгоруковымъ (см. Росс. родосл. книга, ч. 1, Спб. 1854 г., № 213, стр. 102). Б. Ѳ. Б.

17) Софія Петровна (см. Росс. родосл. книга, ч. 2, Спб. 1855 г., № 68, стр. 118). Въ старой Архивской посѣтительской книгѣ, подъ 21 Декабря расписалась одна только г-жа Сенявина. Б. Ѳ. Б.

XIII.

Москва, 17 Января 1842.

На ловца бѣжитъ звѣрь, какъ говоритъ Русская пословица; такъ случилось и съ нами. Начавъ разбирать бумаги государыни императрицы Екатерины II, мы невольно пристрастились къ знаменитому ея царствованію: каждая бумага обозначаетъ или счастливую, современную мысль, или мудрое распоряженіе, такъ что мы жалѣли и жалѣемъ о всякой недостающей бумагѣ; признаюсь, грустно подумать, что она затеряна. Въ это время нашего раздумья, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ доставилъ въ Московскій Архивъ *13-ть сундуковъ* съ бумагами, доставшимися ему послѣ дядей его вице-канцлера князя А. М. и бывшаго въ Вѣнѣ посломъ князя Д. М. Голицыныхъ 18). — При поверхностномъ обзорѣ одного изъ сундуковъ, къ великой нашей радости, оказалось множество любопытныхъ бумагъ, относящихся къ дипломатическимъ дѣламъ царствованія императрицы Екатерины, множество шифрованныхъ депешей и донесеній въ особенности относящихся къ первымъ годамъ ея царствованія 19).

Первый томъ собственноручныхъ записокъ императрицы Екатерины II и одинъ томъ переписки Государыни съ владѣтельными особами будутъ отправлены въ С.-Петербургъ во вторникъ по тяжелой почтѣ.

18) О томъ, что одинъ только изъ сундуковъ былъ разобранъ при князѣ Оболенскомъ, что всѣ они простояли въ архивскихъ подвалахъ на Солянкѣ до 1874 года и лишь тогда были вскрыты, послѣ перевозки въ новое архивское зданіе на Воздвиженку и что вслѣдъ затѣмъ многія Голицынскія бумаги были напечатаны,—см. „Очеркъ дѣятельности Коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ“, М. 1877 г., стр. 87, 88, 91, 102, 143—145; „Сборникъ Историческаго Общества“, т. XV, статьи: *Неизданныя письма Вольтера*

и *Пять писемъ кн. Д. А. Голицына;* Февральская книжка „Русскаго Вѣстника", 1876 г., статья: *Мысль объ освобожденіи Русскихъ крестьянъ въ XVIII столѣтіи;* февральская книжка „Русской Старины", 1875 г.: *Письма генералисимуса кн. Суворова къ вице-канцлеру кн. Голицыну;* майская книжка „Русскаго Вѣстника", 1876 г. статья: *Русскіе цѣнители Гельвеція* и вып. 2-й „Сборника Московскаго Главнаго Архива", М. 1881 г. Б. Ѳ. Б.

19) А. И. Тургеневъ, занимаясь въ 1840 году въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, писалъ К. С. Сербиновичу: „Я опять роюсь въ здѣшнемъ Архивѣ и живу съ Екатериной II, Фридрихомъ II, Іосифомъ II, Генрихомъ Прусскимъ, Потемкинымъ, Безбородко, а еще какія сокровища! Какая свѣжая и блистательная исторія! Безъ сего Архива невозможно писать исторіи Екатерины, Россіи, Европы. Сколько въ немъ истинныхъ, сколько искреннихъ причинъ и зародышей великихъ и важныхъ происшествій XVIII столѣтія. Какая честь для дѣльцовъ того времени, и сколько апологій можно бы составить для важнѣйшихъ дипломатическихъ историческихъ вопросовъ! Напримѣръ о Польшѣ, о Французской революціи. Я не знаю какъ могли съ этими матеріалами разстаться Петербургскіе дѣльцы, кои должны часто руководствоваться указаніями прошедшаго? На многое, если не на все, можно найти совѣтъ и вразумленіе въ дебатахъ Екатерины съ Европейскими державами, въ совѣщаніяхъ ея съ Безбородко, Потемкинымъ, Румянцовымъ... И какой урокъ въ ея запискахъ для дѣлопроизводителей и для государственныхъ расходчиковъ! Какъ она дорожила казною, не смотря на свои слабости, между коими я не смѣю ставить славолюбіе, ибо привыкаю въ немъ видѣть пользу Россіи. Хорошо бы прислать сюда депутатовъ отъ каждаго министерства, выписать все, что̀ по каждому полезнаго находится въ сей народной сокровищницѣ" („А. И. Тургеневъ въ его письмахъ", съ нашими примѣчаніями. „Русская Старина" 1881, Октябрь, стр. 341). Н. Б.

XIV.

Москва, 14 Апрѣля 1842.

Хотя въ Бѣлокаменной и давно не праздновали цари Русскіе святой Пасхи, этимъ счастіемъ суждено наслаждаться только жителямъ Петровой столицы; хотя самая погода повидимому не благопріятствуетъ веселью праздника;—но тѣмъ не менѣе всякій Москвичъ предъ наступленіемъ Пасхи невольно чувствуетъ что-то особенное. Можно заранѣе быть увѣреннымъ, что если будетъ вьюга и проливной дождь до самаго воскресенья, если отъ бури не слышно будетъ нашего величественнаго звону, то и въ Кремлевскихъ соборахъ и въ приходскихъ церквахъ усерднаго и благоговѣйнаго Русскаго народу будетъ нисколько не меньше, и послѣ теплой молитвы за родину и царя радушное христосованье съ пожеланіями всего лучшаго пойдетъ по прежнему какъ въ былыя древнія времена.

Поздравляю ваше превосходительство, себя, всѣхъ археологовъ и всѣхъ Русскихъ съ одобрительнымъ соизволеніемъ Государя Императора

на изданіе драгоцѣнной рукописи, содержащей описаніе избранія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича 20).

На нынѣшней тяжелой почтѣ, я отправилъ къ вамъ на предварительное разсмотрѣніе пять оттисковъ только что оконченной гравюры академикомъ Скотниковымъ, изображающей совѣщаніе духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ въ Патріаршихъ палатахъ.

20) Весь ходъ изданія „Книги въ лицахъ объ избраніи царя Михаила Ѳедоровича", оконченнаго лишь въ 1856 г. во время коронаціи императора Александра II-го, подробно описанъ на стр. 36—41 архивскаго изданія: *Очеркъ дѣятельности Коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ,* Москва, 1877 г. Б. Ѳ. Б.

Еще въ 1840 году, А. И. Тургеневъ писалъ изъ Москвы къ К. С. Сербиновичу: „Какъ еще соберусь съ силами, напишу къ вамъ или къ князю А. Н. Голицыну о рукописи, съ рисунками, объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича. Надобно непремѣнно издать оную прежде нежели червь и время пожрутъ ее. Кремль нигдѣ такъ вѣрно не представленъ, какъ въ сихъ 21 рисункахъ: костюмы, церковь и внутренность оныхъ. Государь и Наслѣдникъ видѣли и оцѣнили сію рукопись въ 1837 году. Это сокровище публикѣ неизвѣстно. Я напишу о немъ подробно, и надѣюсь, что не откажутъ шести или семи тысячъ на напечатаніе и на гравированіе, за которое берется знаменитый Скотниковъ („Русс. Стар." 1881, Окт., стр. 344—345). Н. Б.

XV.

Москва, 3 Сентября 1842.

Получивши ваше письмо, тотчасъ же принялся собирать всѣ извѣстія, касающіяся жизни Христіана Гольдбаха. Немалаго стоило труда отыскать бумаги Гольдбаха и его сочиненія, потому что все это хранится въ разныхъ мѣстахъ, первыя въ портфеляхъ Миллера—этомъ магазинѣ разнородныхъ свѣдѣній; а послѣднія кое-гдѣ между рукописями библіотеки. Теперь все это пересмотрѣвши, прочитавши и сообразивъ, я составилъ біографическія свѣдѣнія о Христіанѣ Гольдбахѣ, по всѣмъ нашимъ архивскимъ документамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя болѣе нужныя и важныя препровождаются сего же числа къ вашему превосходительству при отношеніи вмѣстѣ съ составленной мною біографіей Гольдбаха. За точность сихъ свѣдѣній ручаются прилагаемые документы, а неполноту оныхъ извинитъ недостатокъ бо́льшихъ источниковъ 21). При отыскиваніи бумагъ Гольдбаха случайно нашелся *послужной списокъ тайнаго совѣтника Собакина* 22), копію съ котораго я препроводилъ вмѣстѣ съ бумагами Гольдбаха къ вашему превосходительству. Вы крайне меня обяжете, передавъ эту копію К. М. Бороздину 23).

21) Христіанъ Гольдбахъ, академикъ по каѳедрѣ высшей математики, конференцъ-секретарь и совѣтникъ Академіи Наукъ, сынъ пастора, родился въ Кенигсбергѣ 8 Марта 1690 г. Въ 1725 году Гольдбахъ отправился въ Россію и, прибывъ въ Ригу, написалъ письмо къ Блюментросту, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Рѣшимость гг. Германа и Бильфингера поселиться въ Петербургѣ такъ понравилось мнѣ, что и я вознамѣрился присоединиться, если возможно, къ этимъ ученымъ, и смѣю думать, что они сами не сочтутъ меня безполезнымъ для Академіи Наукъ". Въ 1727 году, Гольдбахъ былъ опредѣленъ для надзора за воспитаніемъ великаго князя Петра Алексѣевича съ званіемъ юстицъ-рата. По этому поводу Мюллеръ писалъ: „Не слѣдуетъ вѣрить народному слуху, будто Петръ Великій не радѣлъ о воспитаніи своего внука, или будто въ царствованіе Екатерины молодому принцу было отказываемо въ образованіи".—Въ 1760 году Гольдбахъ представилъ свое мнѣніе о воспитаніи великаго князя Павла Петровича. Умеръ 10 Ноября 1764 (Пекарскій, ‹Исторія Императорской Академіи Наукъ, I, 155—172). Н. Б. Гольдбахъ былъ у насъ перлюстраторомъ. П. Б.

22) Сенаторъ Собакинъ, Михаилъ Григорьевичъ, членъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, слылъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и даже придумывалъ темы для проповѣдей архіепископа Амвросія (См. письма главнокомандующаго графа Салтыкова въ статьѣ: „Два эпизода царствованія Екатерины II, „Русс. Вѣтн." 1870 г. Февр. стр. 566). Онъ завѣдывалъ Московскимъ Архивомъ съ 1760 по 1772 г. Въ Декабрѣ 1770 г. Собакинъ давалъ у себя обѣдъ принцу Генриху Прусскому (брату Фридриха Великаго), и по этому случаю къ нему привезены были, на показъ принцу, замѣчательнѣйшіе документы Архива, изъ тогдашняго, весьма плохаго его помѣщенія на Ростовскомъ подворьѣ. (Оно находится на углу Варварки и Рыбьяго переулка и, съ тѣхъ поръ, вошло въ составъ рядовъ Гостиннаго двора). Еще въ 1768 году, Собакину былъ данъ въ помощники исторіографъ Ф. Г. Миллеръ. Собакину поручено было Екатериною II-й, во время чумы 1771 года, содѣйствовать Еропкину; но онъ заперся въ своемъ домѣ со страха заразы и этимъ много потерялъ по службѣ. + 1773 г. Портретъ Собакина, писанный масляными красками, находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, біографія его помѣщена въ 5-й ч. Словаря Б. Каменскаго, М. 1836 г. Б. Ѳ. Б.

23) Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ, сенаторъ, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа въ 1830 годахъ, до назначенія на его мѣсто князя Александра Михаиловича Дондукова-Корсакова. Супруга В. А. Полѣнова была сестра Бороздина. Онъ женатъ былъ на Львовой, родственницѣ Державина. Неутомимо собиралъ генеалогическіе и біографическіе матеріалы, о которыхъ я слыхалъ, что они впослѣдствіи доставлены князю В. П. Долгорукову, автору 4-хъ томовъ „Росс. родосл. книги". Помню К. М. Бороздина посѣщавшимъ 2-ю гимназію, гдѣ я воспитывался. Впослѣдствіи же я былъ у него, когда онъ жилъ въ бывшемъ домѣ Державина, у Египетскаго моста, что нынѣ Римская Духовная Коллегія. Б. Ѳ. Б.

К. М. Бороздинъ родился въ С.-Петербургѣ 13 Мая 1781 и скончался 10 Мая 1848. Біографическія свѣдѣнія о немъ находятся также въ письмѣ Д. В. Полѣнова къ М. П. Погодину („Труды перваго Археологическаго съѣзда" т. I, 71—74). Н. Б.

XVI.

Москва, 24-го Декабря 1842.

Никогда, кажется, жизнь умственная такъ сильно не дѣйствуетъ, какъ съ наступленіемъ зимы. И въ литературѣ, и въ ученомъ мірѣ замѣчательныя произведенія всего чаще появляются въ зимніе мѣсяцы. Ничего съ такимъ нетерпѣніемъ мы, жители старушки-Москвы, не ожидаемъ отъ Петербурга, какъ первыхъ двухъ томовъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей и Дополненій къ Историческимъ Актамъ 24).

Но Москва не только живетъ дѣятельностію Петербурга, но и сама трудится. Въ Ноябрѣ вышли 4 и 5 томы Русскаго Историческаго Сборника. Первая наполнена весьма любопытными статьями гг. членовъ Историческаго Общества, а въ послѣдней дѣла по мѣстничеству съ 1501 по 1631 годъ. Въ Декабрѣ вышли 3 и 4 тетради Памятниковъ Московскихъ Древностей Снегирева, весьма любопытныя и по тексту, и по картинамъ. На дняхъ появилось Историческое Описаніе Свято-Троицкой Сергіевой Лавры; хотя краткое, но тѣмъ не менѣе важное и любопытное 25). Вотъ почти всѣ ученые плоды нашей столицы бѣлокаменной, которыя мы теперь читаемъ и перечитываемъ съ равнымъ наслажденіемъ.

Не менѣе наслажденій и чисто-духовныхъ готовитъ намъ предстоящій праздникъ. Давно, очень давно, Первопрестольная не видѣла въ это время въ стѣнахъ своихъ архипастыря. Но теперь она вмѣстѣ съ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ будетъ возсылать свои теплыя молитвы и внимать его глубоконазидательнымъ поученіямъ и бесѣдамъ. Даже болѣе: она увидитъ, какъ этотъ маститый первосвятитель рукоположитъ своего помощника въ дѣлахъ наставленія и управленія своей любимой паствы. И этотъ помощникъ избранъ изъ нашей же Москвы—Заиконоспасскаго монастыря архимандритъ, Духовной Семинаріи ректоръ и богословскихъ наукъ наставникъ Іосифъ 26).

24) 1-й томъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей вышелъ въ свѣтъ въ 1846 году, а 2-й томъ въ 1843. По обнародываніи, въ 1841—42 годахъ, пяти томовъ собранія памятниковъ древняго законодательства управленія и дѣловодства, подъ заглавіемъ „Актовъ Историческихъ“, Археографическая Коммиссія приступила къ печатанію „Дополненій къ Актамъ Историческимъ“. Это монументальное изданіе, заключающее въ себѣ двѣнадцать томовъ, закончилось только въ 1872 г. Надъ этимъ изданіемъ не мало потрудились: П. М. Строевъ, Я. И. Бередниковъ, М. А. Коркуновъ, Н. В. Калачовъ и А. И. Тимоѳеевъ; послѣдній и завершилъ изданіе двѣнадцатымъ томомъ. 1-й томъ этихъ Дополненій вышелъ въ свѣтъ въ 1846 году. П. Б.

25) Въ 1842 году, А. В. Горскій, впослѣдствіи протоіерей, издалъ въ Москвѣ: „Историческое Описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры". Н. Б.

26) По свидѣтельству А. Н. Муравьева, весною 1842 года произошло важное событіе въ Святѣйшемъ Синодѣ. Написаны были три безъимянныхъ письма тремъ митрополитамъ Новгородскому, Кіевскому и Московскому, что въ Троицкой Академіи студенты пользуются литографическимъ переводомъ Пророчествъ, сдѣланнымъ въ неправославномъ духѣ. Всѣ три письма представлены были оберъ-прокурору. Владыка Московскій предчувствовалъ, что непріятныя будутъ отъ сего послѣдствія, тѣмъ болѣе, что литографія производилась въ Духовной Академіи Петербургской, которую оберъ-прокуроръ только что принялъ подъ свое вѣдѣніе отъ бывшей коммисіи духовныхъ училищъ. По его внушенію Кіевскій митрополитъ Филаретъ предложилъ, чтобы назначено было строжайшее изслѣдованіе по сему дѣлу въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ; а владыка Новгородскій Серафимъ, уже совершенно одряхлѣвшій, просилъ письменно графа Протасова вступиться за Православіе (какъ будто ему угрожала опасность). Вскорѣ послѣдовало новое предложеніе оберъ-прокурора: будто въ Московской Академіи найдено было еще 5 т. экземпляровъ, уже не литографированныхъ, а печатныхъ, съ другаго перевода Библіи еще худшаго, и о томъ было также донесено Государю, хотя митрополитъ Филаретъ умолялъ, чтобы дано было ему двѣ недѣли времени для обличенія этого доноса, который дѣйствительно оказался ложнымъ. Когда же въ началѣ весны оба митрополита, Кіевскій и Московскій, стали по обычаю проситься въ свои епархіи, ихъ отпустили уже безъ возврата. Митрополитъ Московскій, давно желавшій водвориться въ Москвѣ, безъ столь затруднительныхъ для его немощи поѣздокъ въ сѣверную столицу, не могъ однако не скорбѣть духомъ. А. Н. Муравьевъ присутствовалъ при его отъѣздѣ 15 Мая и видѣлъ, какъ онъ плакалъ, прощаясь съ братіею въ церкви Троицкаго подворья, на Фонтанкѣ. Ему уже не суждено было болѣе возвратиться въ Петербургъ, хотя вскорѣ почувствовали его отсутствіе изъ Синода. „Въ селѣ Завидовѣ, писалъ митрополитъ, 30 Мая 1842 года, первомъ отъ границы Московской епархіи, въ тѣснотѣ между крестьянами и дѣтьми ихъ, я почувствовалъ себя дома" („Письма М. м. Филарета къ А. Н. М." Кіевъ 1869, стр. 109—111).

Архимандритъ Іосифъ 27 Декабря 1842 хиротонисанъ во епископа Дмитровскаго. Съ 1864 года, въ санѣ архіепископа, пребываетъ на покоѣ въ Воронежскомъ Митрофаніевомъ монастырѣ (Толстой, „Списки Архіереевъ", стр. 40). Н. Б.

XVII.

Москва, 4 Марта 1843.

На дняхъ Московскій Главный Архивъ получилъ отъ господина вице-канцлера портретъ дьяка Микулина 27). Эта драгоцѣнная присылка всего болѣе прилична нашему Архиву, находящемуся въ Москвѣ, откуда Микулинъ отправлялся въ посольство и куда возвращался послѣ блистательнаго исполненія всѣхъ препорученій. Кромѣ того этотъ портретъ, какъ древнее произведеніе мастерской кисти, и долженъ украшать хранилище древностей; но теперь, когда при нашемъ Архивѣ

устроилась портретная галлерея канцлеровъ и вице-канцлеровъ 28), онъ будетъ служить однимъ изъ лучшихъ ея украшеній, къ восхищенію Московскихъ художниковъ и чрезвычайной радости аматеровъ, гдѣ ни въ публичныхъ, ни въ частныхъ мѣстахъ нѣтъ ни одной подобной коллекціи.

Спѣшу подѣлиться съ вашимъ превосходительствомъ недавно сдѣланнымъ мною открытіемъ. Приводя въ порядокъ бумаги Метрики королевства Польскаго, я нашелъ любопытное письмо къ Польскому королю, копію съ котораго при семъ къ вамъ препровождаю.

Изъ письма сего открывается: 1) что сочинитель изданной Археографическою Коммиссіею книги «О Россіи» прозывался *Кошихинымъ*, а не Котошихинымъ, какъ это видно изъ явственной его подписи. 2) Изъ почерка письма видно, что рукопись Упсальскаго университета, съ которой издано сочиненіе Котошихина, есть не списокъ, а подлинникъ. 3) Содержаніемъ письма какъ нельзя лучше обрисовывается предательскій его характеръ, его ловкость и смѣтливость, а вмѣстѣ опредѣляется степень довѣрія къ Кошихину въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, какъ измѣнникъ, поноситъ Россію 29).

27) См. Примѣчаніе 12. Б. Ѳ. Б.

28) Сколько намъ извѣстно, многіе изъ этихъ портретовъ уже были въ Архивѣ при Н. Н. Бантышъ-Каменскомъ и А. Ѳ. Малиновскомъ. Б. Ѳ. Б.

29) Письмо это напечатано въ изданіи Археографической коммисіи, рукописи Кошихина (Спб. 1859). Б. Ѳ. Б.

О сочиненіи Кошихина, какъ историческомъ источникѣ, П. М. Строевъ отозвался: „Чтеніе сочиненія Кошихина доставило мнѣ несказанное услажденіе. Будучи коротко знакомъ съ этимъ періодомъ, по оставшимся дѣламъ тогдашнихъ приказовъ, особенно Посольскаго, могу сказать, не обинуясь, что эта книга сколько *любопытна*, столько же и *вѣрна*, и даже очень *вѣрна*, въ томъ, что̀ касается до государственнаго управленія; есть мѣста истинно классическія. Кошихинъ былъ человѣкъ, какъ видно, умный и притомъ *добросовѣстный* писатель; лжи умышленной я не замѣтилъ нигдѣ. Археографическая Коммиссія сдѣлала великую услугу нашей исторіи, издавъ это произведеніе, и притомъ очень вѣрно́.... Теперь остается будущимъ историкамъ воспользоваться этою книгою какъ *должно*; но напередъ необходимо запастись обширными свѣдѣніями изъ дѣлъ архивскихъ всякаго рода... Не могу не повторить, что трудъ Кошихина *очень добросовѣстенъ и вѣренъ*; я прочиталъ его два раза и черезъ годъ еще прочитаю". (См. нашу книгу: „Жизнь и Труды П. М. Строева", стр. 360). Н. Б.

XVIII.

Москва, 7-го Апрѣля 1843.

При наступленіи праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія, спѣшу поздравить ваше превосходительство съ симъ сколько торжественнымъ, столько же и радостнымъ праздникомъ.

Торжеству настоящаго праздника почти всегда соотвѣтствуетъ торжество всей природы, послѣ долгой зимы—живаго изображенія омертвѣнія—воскресающей къ новой жизни.

Радостнымъ гимнамъ церкви вторитъ щебетанье залетныхъ нашихъ сѣверныхъ гостей, то одиноко чиликающихъ надъ приготовляемымъ на лѣто гнѣздомъ, то дружнымъ хоромъ радостно привѣтствующихъ наступленіе мимолетной весны. Даже самое солнце рѣдко позволяетъ закрывать себя сѣрымъ облакомъ, чтобы вполнѣ составить свѣтлый праздникъ. Не знаю, какъ у васъ; а у насъ въ Москвѣ съ приближеніемъ Пасхи погода все становится лучше и лучше, какъ бы не изурочить — солнце свѣтитъ все ярче и даже ощутительно грѣетъ, отчего и на дворѣ становится замѣтно суше 30).

Петербургъ теперь будетъ праздновать первую Пасху съ своимъ новымъ архипастыремъ—это новый залогъ и свѣтлости торжества, и духовной радости. И Москва встрѣтитъ Свѣтлый день такъ, какъ очень рѣдко удавалось ей встрѣчать, потому что архипастырь ея всегда бывалъ въ это время у васъ въ С. Петербургѣ. Но теперь онъ здѣсь, нашъ маститый Филаретъ. И кто изъ жителей Москвы не порадуется этому? Кто не захочетъ пролить свои теплыя молитвы тамъ, гдѣ будетъ онъ предстоять предъ престоломъ Всевышняго? И кому не лестно выслушать хоть нѣсколько словъ изъ его назидательной бесѣды? Все это заранѣе составляетъ предметъ самыхъ пламенныхъ нашихъ ожиданій 31).

30) 10 Апр. 1843 г. князь Оболенскій произведенъ за отличіе въ статскіе совѣтники. Б. Ѳ. Б.

31) 17 Января 1843 года скончался престарѣлый митрополитъ Новгородскій и С. Петербургскій Серафимъ. Преемникомъ ему былъ назначенъ архіепископъ Варшавскій Антоній (Толстой, „Списки Архіереевъ", стр. 24, 36). По поводу этого событія Московскій митрополитъ писалъ къ А. Н. Муравьеву: „Кончина владыки Серафима, хотя жизнь его предъ тѣмъ не представлялась уже довольно жизненною, произвела во мнѣ чувство сиротства.... Утѣшаюсь входомъ преосвященнѣйшаго митрополита Антонія, подающимъ благія надежды церкви. *Дома ради Бога моего, взыскахъ благая тебѣ.* Меня спросили здѣсь, напишетъ ли онъ ко мнѣ? Я отвѣчалъ, по древнимъ правиламъ общенія церковнаго написалъ бы; но вѣроятно, я напишу къ нему прежде. И дѣйствительно я писалъ къ нему по полученіи извѣстія о прибытіи его въ Петербургъ". („Письма", Кіевъ 1869, стр. 120, 123). Н. Б.

XIX.

Москва, 19 Ноября 1843.

Послѣ смерти Скотникова, я постоянно заботился о пріисканіи художника, который бы въ состояніи былъ докончить такъ успѣшно имъ

начатое гравированіе картинъ о избраніи на престолъ царя Михаила Θеодоровича. Важность предпріятія, знаменитость покойнаго академика *Скотникова*, трудность исполненія по недоконченности многихъ фигуръ и контуровъ и, наконецъ, почти рѣшительное отсутствіе здѣсь, въ Москвѣ, граверовъ на мѣди,—все это отнимало всякую надежду на отысканіе хорошаго художника въ этомъ родѣ. Но къ счастію, не даромъ пропали мои хлопоты, не втунѣ остались мои поиски. Случайно встрѣтился мнѣ одинъ молодой человѣкъ, ученикъ здѣшняго художественнаго класса Петръ Ивановичъ *Моисеевъ*. По сдѣланномъ ему предварительномъ испытаніи оказался способнымъ докончить трудъ начатый покойнымъ Скотниковымъ. Я заставилъ его выгравировать одну картину, успѣхъ превзошелъ мои ожиданія.—Какъ Скотниковъ былъ отличнымъ рисовальщикомъ, снисходилъ до иконнаго стиля картинъ нашей рукописи, такъ Моисеевъ возвышается до ближайшаго сходства съ гравюрами Скотникова. Въ посланной къ вашему превосходительству при отношеніи Архива картинѣ вы усмотрѣть изволите удивительное сходство, одну и туже манеру, какъ будто духъ покойнаго Скотникова водилъ рѣзцомъ Моисеева.—Такимъ образомъ, при всемъ сожалѣніи объ утратѣ Скотникова, нѣсколько можно утѣшиться тѣмъ, что изданіе книги о восшествіи на престолъ царя Михаила Θеодоровича пойдетъ по прежнему и, если Богу угодно, придетъ къ желанному концу.

Вашему превосходительству извѣстно, что въ Московскомъ Главномъ Архивѣ хранился подлинникъ журнала *Гордона*, вытребованный графомъ Чернышовымъ для перевода на Русскій языкъ и изданія въ свѣтъ. Конечно, извѣстно и то, что профессоръ Погодинъ объявилъ въ Москвитянинѣ объ изданіи сего журнала, тоже на Русскомъ языкѣ. Въ прошломъ году мнѣ подарили (въ автографѣ) часть сего журнала, переведенную на Нѣмецкій языкъ *Штриттеромъ*. Зная и прежде, какъ много въ немъ находится важныхъ матеріаловъ для исторіи, я рѣшился его *напечатать* и по отпечатаніи *оригиналъ* принести въ даръ Московскому Главному Архиву 32).

Прошу извиненія у вашего превосходительства въ томъ, что такъ долго не писалъ къ вамъ. Причиною была тяжкая болѣзнь матери моей жены, болѣзнь страшная—ракъ въ груди—отнимавшая у нея и у меня спокойствіе и время и, наконецъ, послѣ долгихъ и жестокихъ мученій сведшая покойную тещу въ могилу.

32) Въ Указателѣ изданій кн. Оболенскаго, № 9-й: Дневника Гордона т. 1-й съ предисловіемъ Поссельта, съ дополненіями и двумя портретами Гордона и его жены, М. 1849. 2-й и 3-й томы были изданы въ С.-Петербургѣ тѣмъ же Поссельтомъ. Подлинный журналъ Гордона въ 6-ти частяхъ вытребованъ былъ въ 1835 г. изъ Московскаго Главнаго Архива по Высочайшему

повелѣнію въ Военное Министерство и доставленъ туда, вмѣстѣ съ 279-ю столбцами, относящимися до исторіи учрежденія въ Россіи регулярныхъ войскъ. Съ тѣхъ поръ ничего не было возвращено въ Москву. Журналъ Гордона можно видѣть въ витринѣ, въ той круглой залѣ или ротондѣ, гдѣ помѣщается библіотека Генеральнаго Штаба. Б. Ѳ. Б.

XX.

Москва, 22 Декабря 1843.

Обыкновенно при поздравленіи съ новымъ годомъ сообщаютъ новости; позвольте и мнѣ сообщить вашему превосходительству нѣчто новаго по Москвѣ и Архиву.

Собственно въ Москвѣ нѣтъ ничего новаго, исключая небывалой въ это время погоды. Послѣ Николина дня, когда должно быть трескучимъ морозамъ, у насъ шли почти постоянные дожди. Снѣгъ пропалъ, на улицахъ не осталось ничего кромѣ грязи; поэтому мы теперь должны ѣздить въ лѣтнихъ экипажахъ. Легко представить, что́ теперь сталось съ нашей торговлей. Подвозы остановились, да и привезенное все перемочено или перепортилось.

Въ Архивѣ большихъ новостей тоже нѣтъ, да и какъ отъ хранилища древностей ожидать свѣжихъ новостей?

Постоянно обращая вниманіе на внѣшнее устройство Архива, я вмѣстѣ съ тѣмъ считаю необходимымъ пріучить самихъ чиновниковъ къ истинной архивской службѣ, чтобы они не ограничивались внѣшностію актовъ, а проникали въ самый духъ ихъ и такимъ образомъ знакомились съ исторіею, изучая памятники древняго Русскаго быта. Чтобы возбудить въ чиновникахъ благородное соревнованіе, сдѣлать имена ихъ извѣстными въ ученомъ мірѣ, а равнымъ образомъ имѣя въ виду познакомить публику съ прежними учеными трудами служившихъ въ нашемъ Архивѣ, я рѣшаюсь издавать, *на свой счетъ* 33) и отъ своего имени, при литературномъ содѣйствіи моихъ сослуживцевъ, Сборникъ въ родѣ Древней Россійской Вивліоѳики, подъ заглавіемъ: *Архивъ разнородныхъ и преимущественно историческихъ свѣдѣній*. Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о матеріалахъ и статьяхъ, приготовленныхъ для первой книги Архива. Въ первой связкѣ помѣстится мое изслѣдованіе объ *ярлыкахъ* и самые ярлыки 34); затѣмъ акты, собранные *А. Ѳ. Малиновскимъ*. Во второй статейный списокъ пребыванія въ Россіи *Флетчера* 35). Въ третьей—разряды конца XV и начала XVI вѣка, по архивскимъ спискамъ въ сличеніи съ другими, находящимися въ частныхъ рукахъ. Въ четвертой статейный списокъ *дьяка Микулина* 36) о пребываніи его въ Англіи. Въ пятой—описаніе Россіи *Флет-*

чера на Англійскомъ языкѣ съ Русскимъ переводомъ 37). Въ шестой—сношенія Россіи съ Бухаріею, соч. Мальцова 38). Въ седьмой—описаніе рукописей Московской Синодальной библіотеки, составленное К. Ѳ. Калайдовичемъ 39). Затѣмъ будетъ помѣщено описаніе рукописей библіотеки профессора Баузе, погибшей въ 1812 году, составленное В. *Каразинымъ* 40), а послѣ этого приступимъ къ печатанію дѣятельно изготовляемаго *каталога рукописей* нашей архивской библіотеки 41). Для осьмой связки приготовлено довольно любопытныхъ матеріаловъ; укажу на нѣкоторые: о Славянскомъ переводѣ географіи Помпонія Мелы, по списку XVI вѣка 42), Владимирскій Успенскій соборъ, въ XVII вѣкѣ, Тутанскій монастырь 43); о Славяно-русской криптографіи; неизвѣстная Словенская грамматика Ивана Иконника; антиминсъ лже-патріарха Игнатія 44); *о библіотекѣ Посольскаго Приказа*; о составленіи чернилъ; о древней ариѳметикѣ; автобіографія Игнатія Іевлевича 45), и проч.

Надѣюсь, что ваше превосходительство, по всегдашней благосклонности ко мнѣ и моимъ предначинаніямъ, одобрите и это, по моему мнѣнію, истинно-полезное предпріятіе, которое принесетъ существенную пользу самому Архиву, замѣняя ветхія и нерѣдко полуистлѣвшія хартіи вѣрными печатными копіями, и сниметъ съ чиновниковъ Архива, быть можетъ заслуженное, нареканіе въ недѣятельности. Какъ я буду счастливъ, если при вашемъ покровительствѣ онъ обратитъ на себя благосклонное вниманіе просвѣщеннаго и любознательнаго начальника нашего, господина вице-канцлера.

33) Князь М. А. Оболенскій, въ продолженіе 33-хъ-лѣтняго своего управленія Архивомъ, издалъ „на свой счетъ“ 14 сочиненій. Б. Ѳ. Б.

34) Эта статья составила особую книжку, которую издалъ князь М. А. Оболенскій въ Казани въ 1850 году: „Ярлыкъ Тохтамыша къ Польскому королю Ягайлу 1392 года“. Б. Ѳ. Б.

Изданный ярлыкъ былъ найденъ княземъ Оболенскимъ еще въ 1834 году въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ числѣ бумагъ, находившихся нѣкогда въ Краковскомъ Коронномъ Архивѣ и бывшихъ въ рукахъ Польскаго историка Нарушевича. Первое изслѣдованіе объ ярлыкахъ принадлежитъ, на дняхъ скончавшемуся, В. В. Григорьеву: „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды Русскому духовенству“. М. 1842. Труду В. В. Григорьева мы обязаны, что наши ученые обратили вниманіе на этотъ важный источникъ нашей исторіи. Н. Б.

35) Статейный списокъ пріѣзда и пребыванія въ Россіи Англійскаго посла Елизара Флетчера напечатанъ во „Временникѣ“ 1850, матеріалы, стр. 1—96. Н. Б.

36) Микулинъ провелъ въ Англіи зиму 1600—1601. Въ его статейномъ спискѣ находится интересное описаніе Англійской жизни при королевѣ Елисаветѣ, сдѣланное съ точки зрѣнія Русскаго дворянина временъ Бориса Году-

нова. Этимъ источникомъ воспользовался Н. В. Чарыковъ въ своемъ сочиненіи „Посольство въ Англію дворянина Григорія Микулина“ М. 1878 года.

Н. Б.

37) Переводъ записокъ Флетчера „О государствѣ Русскомъ или образъ правленія Русскаго Царя“ (обыкновенно называемаго царемъ Московскимъ) съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ жителей этой страны. Лондонъ 1591 г., съ предисловіемъ, подписаннымъ княземъ М. А. Оболенскимъ, былъ напечатанъ, съ разрѣшенія графа С. Г. Строганова, только въ 1848 году, въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“. Случившійся въ Москвѣ во время выхода этой книги „Чтеній“, министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ, находя въ сочиненіи Флетчера неодобрительные отзывы о Русскомъ правительствѣ и духовенствѣ, распорядился остановить выпускъ книжки и вырѣзать изъ нея переводъ записокъ Флетчера и вырѣзанные экземпляры приказалъ запечатать и хранить въ Московскомъ Университетѣ. Графъ Строгановъ объясняя причину дозволенія имъ напечатать этотъ переводъ, излагалъ: „Сочиненіе Флетчера, писанное въ 1588 году, казалось мнѣ такого содержанія, что ни одна въ немъ строка не могла примѣниться къ Россіи нашего времени и что любопытная сатира эта содержитъ много важнаго, но только для древней Руси. Самъ Карамзинъ неоднократно изъявлялъ желаніе видѣть напечатаннымъ этотъ документъ: такъ онъ цѣнилъ его для эпохи въ немъ изображенной. Я полагалъ, что въ настоящее время, когда вся Европа съ завистью смотритъ на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицамъ духовнымъ не могли казаться соблазнительными нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ въ сочиненіи, писанномъ за 300 лѣтъ и напечатанномъ въ „ученомъ сборникѣ“. Въ этомъ дѣлѣ болѣе всѣхъ пострадалъ О. М. Бодянскій; онъ долженъ былъ оставить секретарство въ Обществѣ, даже службу при Университетѣ. Переводъ Записокъ Флетчера былъ сдѣланъ Н. В. Калачовымъ (См. наши „Русскіе Палеологи“ Спб. 1880, стр. 68—69). Н. Б.

38) Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ служилъ въ молодости своей въ Московскомъ Главномъ Архивѣ. Скончался въ 1880 году, въ Ниццѣ, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Тѣло его погребено въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Рукопись его о Бухарѣ хранится въ Архивѣ.

Б. Ѳ. Б.

39) По ходатайству государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцова, 18 Октября 1824 года, К. Ѳ. Калайдовичъ былъ допущенъ къ описанію Московской Синодальной библіотеки. Въ письмѣ государственнаго канцлера къ Калайдовичу, отъ 7 Апрѣля 1825 года, мы уже читаемъ: „Я съ душевнымъ порадованіемъ получилъ отъ васъ свѣдѣнія, доказывающія, что вы уже приступили къ нѣкоторому разбору манускриптовъ Патріаршей библіотеки. Конечно, первая встрѣча отмѣннаго не представляетъ; но я въ полной надеждѣ пребываю, что со временемъ внезапно нападете на такой древній манускриптъ, который станетъ оспаривать старшинство у Остромирова Евангелія... Предъ вами путь открытъ къ достиженію имени знаменитаго; не теряйте сей цѣли изъ виду!“ Прерванное описаніе синодальныхъ рукописей, по смерти Калайдовича, изъ бумагъ его, вошло въ предполагаемое изданіе князя М. А. Оболенскаго: „Архивъ разнородныхъ и преимущественно историческихъ свѣдѣній“ и котораго, какъ мы уже знаемъ, отпечатано лишь нѣсколько листовъ (Без-

соновъ, „Константинъ Өедоровичъ Калайдовичъ“, стр. 80—82). Н. Б.

10) Өедоръ Григорьевичъ Баузе былъ профессоромъ въ Московскомъ Университетѣ Римскаго права, ученой исторіи и педагогіи. Родился въ 1752 году въ Саксонскомъ городкѣ Триптисѣ. Скончался въ Москвѣ, 25 Мая 1812 года. „Благодарю тебя, Боже“, писалъ онъ, „за то, что Ты далъ мнѣ не только душу, жаждущую истины, справедливости, добра, но и родителей, наставниковъ, покровителей и друзей, которые могли и желали удовлетворить этой жаждѣ“. Въ 1773 году, Баузе пріѣхалъ въ Россію и служилъ въ Петровскомъ училищѣ, при церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ. Въ 1782 году Баузе переѣхалъ въ Москву и поступилъ въ Московскій Университетъ. Во вступительной рѣчи предъ занятіемъ каөедры законовѣдѣнія, Баузе изложилъ свой взглядъ на юриспруденцію: „Подъ именемъ юриспруденціи не разумѣю я сухаго и тщедушнаго знанія тѣхъ законниковъ, которые считаютъ себя и достаточно учеными и достаточно опытными, если держатъ въ памяти слова законовъ, не понимая смысла и значенія ихъ, если въ судѣ могутъ на нихъ *сослаться*. Пусть эти господа наслаждаются своими познаніями—Богъ съ ними... Подъ именемъ юриспруденціи я не разумѣю также того увертливаго, непостояннаго, коварнаго и обманчиваго искусства крючкотворцевъ, которые стараются только склонять законы то въ ту, то въ другую сторону, смотря по желанію, которые пышными словами и другими уловками стараются проводить и глумиться надъ судьями и самымъ правосудіемъ. Пусть и эти люди довольствуются своимъ *честнымъ* искусствомъ, пусть величаютъ себя непобѣдимыми защитниками правды—оставимъ ихъ,—есть вѣдь воры и разбойники, которые состязаются другъ съ другомъ въ коварствѣ, хитрости и ими величаются. Но пусть они не называютъ себя защитою и опорою справедливости, безопасности и общественнаго благосостоянія“. ...Что же признаю я достойнымъ имени юриспруденціи?—То, что́ древніе Римляне, создатели всякаго права и законовъ, называли познаніемъ вещей божественныхъ и человѣческихъ, справедливаго и несправедливаго, честнаго и безчестнаго...“

Поселившись въ Москвѣ, Баузе пристрастился къ Русскимъ древностямъ. Онъ началъ ревностно собирать рукописи, старопечатныя книги монеты и съ этою цѣлію «шатался по толкучему рынку». Послѣ 30-ти, лѣтнихъ стараній, дополнивъ свои сокровища покупкою старинныхъ книгъ и рукописей у извѣстнаго собирателя древностей Игнатія Өерапонтова, успѣлъ составить такое собраніе Русскихъ древностей, которое, по отзыву К. Ө. Калайдовича, было едва ли не единственнымъ въ своемъ родѣ. Къ сожалѣнію, собраніе это погибло при нашествіи на Москву французовъ. (Тихонравовъ, „Біограф. Слов. Московскаго Университета, II, 68—89). Въ Чертковской библіотекѣ хранится „Каталогъ рукописей, собранныхъ проф. Ө. Г. Баузе; составленъ въ 1812 году“. Каталогъ этотъ подписанъ по листамъ, душеприкащикомъ Баузе коллежскимъ совѣтникомъ Ростомъ. („Всеобщая Библіотека Россіи“ М. 1845, стр. 442—444). Н. Б.

11) Для составленія Каталога рукописей Архивской библіотеки, князь М. А. Оболенскій привлекъ на службу въ Архивъ В. М. Ундольскаго. Сохранилось письмо къ Ундольскому библіотекаря Троицкой Сергіевой Лавры о. Иларія (отъ 22 Іюня 1841 г.), въ которомъ разсказывается о первомъ знакомствѣ князя Оболенскаго съ Ундольскимъ: „Послѣ вашего отъѣзда 11 Іюня,

15 Іюня пріѣхалъ въ Лавру его сіятельство князь М. А. Оболенскій, который, какъ отцу намѣстнику (архимандриту Антонію) хорошо знакомъ, то остановился у него. Вотъ, въ тотъ же день, въ субботу на воскресенье, въ повечерню, прибѣгаетъ на крылосъ Петръ келейникъ, приказываетъ мнѣ чрезъ отца-намѣстника, чтобъ я поскорѣе шелъ въ библіотеку и тутъ хотя намѣстникъ только что довелъ да ушелъ, а князь до самого во вся звону до всенощни сидѣлъ и занимался... На другой день, въ 5 часовъ утра, до самаго отзвона ко обѣднѣ, сидѣлъ и разспрашивалъ, такъ какъ увидалъ на многихъ книгахъ помѣтки и приписки карандашомъ, и ваши, кто занимались въ библіотекѣ, и чѣмъ, какими кто рукописями. Я показалъ реэстры забираемыхъ книгъ, каждаго ректора, Горскаго и вашъ. Онъ чрезвычайно удивился, увидя вашъ заборъ (рукописей) и захотѣлъ полюбопытствовать, что было для васъ занимательнаго (да вѣдь вамъ что долго писать, всего не упишешь). Пересмотря ваши отмѣтки, сказалъ: „да кто онъ"? Я говорю: „студентъ кончалый академіи кандидатомъ, но безъ мѣста; ибо нѣтъ праздныхъ". Онъ говоритъ: „жалко, что такіе люди съ талантами и трудолюбіемъ не въ глазахъ. А что имѣетъ ли онъ наклонность къ духовному сану?" Я говорю: „Не знаю, только что говаривалъ, что я бы, кажется, если случай былъ, занимался при Императорской Публичной Библіотекѣ". Онъ тотчасъ спрашиваетъ имя, отечество, фамилію. Я ему сказалъ. Онъ сейчасъ вынимаетъ какъ бы бумажникъ, изъ него памятную книжку и тутъ же серебряную палочку съ большимъ какъ въ гороховину, или болѣе, яхонтомъ, тронулъ и высунулъ какъ ниточка карандашъ. Записалъ ваше имя, отечество и фамилію; и мнѣ выпялъ еще синюю ассигнацію (ибо по вечеру далъ еще синюю). Я вижу, хоть онъ и въ соломенной шляпѣ, и просто, безъ орденовъ, но знать человѣкъ большой. Осмѣлился спросить: кто онъ такой и гдѣ служитъ? Онъ сейчасъ беретъ бумаги и чернилицу и пишетъ: начальникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и членъ Археографической коммиссіи князь М. Оболенскій. Потомъ говоритъ: „Если ему что будетъ угодно, то увѣдомьте его, что я его съ удовольствіемъ приму; ибо это отъ меня зависитъ. Я очень люблю умныхъ, тѣхъ, которые занимаются". Я опять съ проста сказалъ: „Такъ вы господину прокурору Протасову по этой части незнакомы ли?". Онъ говоритъ: „да это одна коммиссія *), въ которой и я членомъ". Я говорю: „Такъ вотъ у насъ изъ библіотеки взяты въ разное время нѣкоторыя рукописи туда. Вотъ и указы. Могутъ ли возвратиться?" Тутъ зазвонили во вся ко обѣднѣ, и онъ только сказалъ: „возвратятся, возвратятся", и пошелъ къ обѣднѣ. А послѣ обѣда у меня въ кельѣ былъ. Увидалъ вашъ историческій словарь; и какъ я ему объяснился, что это тотъ студентъ, въ память далъ, онъ говоритъ: „да умнаго человѣка умныя и книги и аккуратность". Ихъ посмотрѣлъ, увидалъ антикварія, засмѣялся и ничего не сказалъ, только говоритъ: „прошу васъ, пожалуйста, пріѣзжайте ко мнѣ въ Москву, и я буду ждать, какъ и поручаю вамъ сіи вещи выписать, и его зовите; для его вѣрно будетъ недурно. Вотъ я вамъ покажу свою библіотеку-ту и рѣдкости"... Я его еще спросилъ: „если и трафится быть въ Москвѣ, такъ какъ ваше сіятельство можно отыскать?" Онъ мнѣ сейчасъ пишетъ записку, причемъ и сообщаю, только возвратите.

*) Археографическая Коммиссія.

Человѣкъ онъ премилый, словоохотливый, тихій въ сужденіяхъ и преумный, кажись, еще не болѣе 45 лѣтъ. Такъ вотъ, другъ любезный, думай — какъ лучше; ибо онъ говоритъ, что чрезъ него можно и при Императорской Библіотекѣ быть...“ (См. мои „Русскіе Палеологи“, стр. 7—9). В. М. Ундольскимъ составлено подробное описаніе Славянскихъ и иностранныхъ рукописей Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. „Судя по нѣкоторымъ бумагамъ Ундольскаго“, пишетъ А. Е. Викторовъ, „составленное имъ подробное описаніе архивскихъ рукописей было предположено печатать... Нельзя не пожелать, чтобы это описаніе когда-нибудь увидѣло свѣтъ“ („Славяно-Русскія рукописи В. Ундольскаго“ М. 1870, прилож., стр. 61). Н. Б.

42) Помпоній Мела, Римскій географъ, процвѣталъ въ царствованія Тиверія и Клавдія. Около 43 года написалъ географическій трактатъ въ трехъ книгахъ: „De situ Orbis“. Лучшее изданіе этого сочиненія принадлежитъ Гронавіямъ (1696—1727 г.). Н. Б.

43) Тутанскій монастырь, на рѣкѣ Тмѣ, находится въ Тверской епархіи. Построенъ Андреемъ Дмитріевичемъ и старицею Анастасіею Заборовскими и отданъ ими въ 1571 году Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Тогда былъ игуменъ Сергій (Строевъ, „Списки Іерарховъ“, стр. 477). Н. Б.

44) Архіепископъ Кипрскій Игнатій былъ изгнанъ изъ отечества Турками, жилъ нѣсколько времени въ Римѣ, пріѣхалъ къ намъ въ царствованіе Ѳеодора и съ 1603 года правилъ Рязанскою епархіею. Снискалъ милость Самозванца, встрѣтивъ его въ Тулѣ. Въ „Степенной книгѣ“ Латухина сказано: „Разстрига избравъ его и посла къ преждебывшему патріарху Іову въ градъ Старицу, чтобы того Игнатія благословилъ на патріаршество. Іовъ же, вѣдая въ немъ Римскія вѣры мудрованіе, и не попусти сему въ патріархахъ быти. Паки же Растрига къ патріарху того посылая, и муками страхъ налагая... Святитель же Божій, Іовъ, вся сія ни во что вмѣнивъ... съ поношеніемъ къ Растригѣ говорилъ, яко по ватагѣ и атаманъ, а по овцамъ и пастырь“. Въ Никоновой лѣтописи читаемъ: „По воцареніи же своемъ царь Василій злокозненнаго собесѣдника разстригина, патріарха Игнатія съ престола сведе, и положи на него черное платье, и отосла его въ Чюдовъ монастырь подъ начало“. Въ 1611 году, по низверженіи патріарха Гермогена, Игнатія вывели изъ Чудова монастыря и снова назвали патріархомъ (Карамзинъ, XI, 219, пр. 378; XII, 12, 292, пр. 28). Въ 1612 году Игнатій бѣжалъ въ Польшу. Въ 1616 году шелъ съ королевичемъ. Умеръ около 1640, въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ (Строевъ, „Списки Іерарховъ“, стр. 6). Н. Б.

45) Игнатій Іевлевичъ, Полоцкій архимандритъ; въ „Вивліоѳикѣ“ (т. III) напечатаны его отзывъ о дѣлѣ патріарха Никона 1660 и рѣчи царю. По словамъ митрополита Евгенія, Игнатій былъ „мужъ ученый и въ свое время отлично уважавшійся отъ государя и отъ всѣхъ“ („Слов. Истор.“, I, 194). Отзывъ его былъ въ пользу патріарха Никона. Н. Б.

XXI.

Москва, 22 Апрѣля 1844.

Весьма было пріятно для меня познакомиться съ сыномъ вашего превосходительства Матвѣемъ Васильевичемъ 46); жаль только того,

что онъ посѣтилъ нашу Москву на такое короткое время. При всемъ томъ онъ успѣлъ побывать въ Московскомъ Главномъ Архивѣ и, по своей любознательности, осмотрѣть все болѣе достопримѣчательное, а вмѣстѣ и передать на храненіе въ Архивское книгохранилище драгоцѣнный подарокъ отъ своего начальника г. Цеймерна—разрядную книгу, особаго состава, а именно какого у насъ не доставало 47).

Считаю себя очень счастливымъ, что мое намѣреніе издавать *Сборникъ* заслужило ваше вниманіе и одобреніе.

Съ самаго вступленія моего въ *исправленіе должности* управляющаго Московскимъ Главнымъ Архивомъ, я имѣлъ намѣреніе доставить приличныя занятія учрежденной покойнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ Коммиссіи Печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, *уже давно ничего не печатающей.* Съ этой цѣлію испрошено дозволеніе на изданіе *книги объ избраніи* на престолъ царя Михаила Θеодоровича. Покуда приготовляются картины гравированіемъ и раскраскою, нѣтъ и не было большой надобности въ особенномъ усердіи главнаго смотрителя. Но когда приступимъ къ печатанію самаго текста сей книги, гдѣ нужно будетъ дѣлать разныя ученыя справки для провѣрки и дополненія текста въ примѣчаніяхъ, держать исправно корректуру, и вообще добросовѣстно работать, тогда нуженъ будетъ человѣкъ дѣятельный и трудолюбивый; нынѣшній же главный смотритель, который вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ должность старшаго переводчика, тяготится первою своею должностію. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы на это мѣсто былъ опредѣленъ Матвѣй Васильевичъ. Мѣсто главнаго смотрителя видное, ученое и, если будетъ имъ занято, то я увѣренъ, что съ его образованіемъ, способностями и трудолюбіемъ, доставитъ ему возможность обратить на себя особенное вниманіе начальства и ученаго міра.

46) Третій сынъ В. А. Полѣнова, нынѣ сенаторъ, окончилъ съ отличнымъ успѣхомъ въ 1841 г. курсъ наукъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія и тогда же поступилъ на службу въ канцелярію Пр. Сената. По тогдашнему уставу Училища, онъ *обязанъ былъ* прослужить въ Министерствѣ Юстиціи отъ 4 до 6 л. и потому въ 1844 г. ни въ какомъ случаѣ не могъ бы перейти въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Б. Θ. Б.

47) Питомецъ Моск. Универс. маститый Макс. Карл. Цеймернъ, нынѣ дѣствит. тайн. совѣтн. и сенаторъ. Тогда былъ оберъ-прокуроромъ. Б. Θ. Б.

XXII.

Москва, 22 Декабря 1844.

Позвольте представить вашему превосходительству, какъ сочлену, экземпляръ изданной мною по порученію Императорскаго Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійск. Книги Посольской Метрики В. К. Литовскаго 48).

Надѣюсь, ваше превосходительство, какъ достойный членъ Историческаго Общества, простите если я войду объ этомъ въ нѣкоторыя подробности. Изданіе метрикъ предпринято было по усмотрѣнію прежняго предсѣдателя Общества, моего предмѣстника по Архиву, покойнаго А. Ѳ. Малиновскаго, представившаго рукописи Метрикъ, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, Историческому Обществу для напечатанія. Цѣлію Общества, равно какъ и прежняго предсѣдателя онаго, было обнародовать и тѣмъ сдѣлать доступными нѣкоторые, болѣе важные, акты Литовскаго Архива, для большаго подтвержденія, что въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ искони не только языкъ народный и обычаи, но и самые законы и офиціальное дѣлопроизводство были Русскіе, которыми конечно остались бы и доселѣ, еслибы съ одной стороны не насильственное введеніе католицизма, съ другой притѣсненія со стороны Поляковъ не заглушили и, такъ сказать, не затмили кровнаго родства Великаго Княжества Литовскаго съ Россіею. Это изданіе Общества служитъ неопровержимымъ сему доказательствомъ. А я, какъ архивистъ, кромѣ цѣли Общества, имѣлъ намѣреніе изложить исторію составленія и сохраненія метрикъ или государственныхъ архивовъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго, исторію, не только у насъ, но даже и въ самой Польшѣ совершенно неизвѣстную, указать на тѣ мѣста гдѣ въ настоящее время и что̀ именно изъ сихъ метрикъ сохраняется и описать болѣе или менѣе подробно, смотря по важности и интересу содержанія книгъ сихъ метрикъ, съ 1828 года хранящихся въ Московскомъ Государственномъ Архивѣ. Все это, при посильныхъ трудахъ и подручныхъ средствахъ, исполнено мною въ предисловіи и 11-ти приложеніяхъ къ 1-му тому Метрики. Еслибы не болѣзнь и смерть Даниловича 49), принимавшаго участіе въ изданіи не болѣе пяти первыхъ листовъ, предисловіе и приложенія, можетъ быть, были бы полнѣе и интереснѣе; но что же дѣлать? Всему своя судьба.

Другія ученыя новости состоятъ въ слѣдующемъ: Общество перепечатало статью А. Д. Черткова о переводѣ Манасіиной Лѣтописи, Словарь мѣстъ и урочищъ Ходаковскаго и сдѣлано новое изданіе Слова о Полку Игоревѣ съ разными замѣчаніями г. Дубенскаго, составляющее 3 часть Русскихъ Достопамятностей. Съ новаго года нашъ единственный Московскій журналъ Москвитянинъ обновится при новой редакціи г. Кирѣевскаго, человѣка весьма замѣчательнаго, а г. Погодинъ останется только отвѣтственнымъ редакторомъ 50).

48) Оба тома „Книги Посольской Метрики Великаго Княжества Литовскаго“ значатся подъ № 6-мъ въ указателѣ изданій кн. Оболенскаго и принадлежатъ къ числу тѣхъ изъ нихъ, которыхъ для продажи въ Архивѣ нѣтъ.

Есть только одинъ экземпляръ въ Архивской библіотекѣ. Судьба метрикъ (Польскихъ архивовъ) весьма любопытна. Бывъ привезены въ Петербургъ генералиссимусомъ Суворовымъ, въ видѣ трофеевъ, онѣ распались на большее число частей, чѣмъ сама Польша. Изъ нихъ досталась Моск. Гл. Архиву метрика Коронная и Литовская, только собственно *политическая*. См. подробно о метрикахъ вообще *Голосъ*, 21 Ноября 1875 г., №№ 322, 22 и 27 Октября 1878 г., №№ 292 и 297 и *Московскія Вѣдомости*, 22 Марта 1875 № 74. Б. Ѳ. Б.

49) Игнатій Николаевичъ Даниловичъ, профессоръ права сначала въ Виленскомъ, потомъ въ Харьковскомъ, Кіевскомъ и наконецъ въ Московскомъ университетѣ. Родился въ 1789 году. Умеръ 30 Іюня 1843 года. Н. Б.

50) Въ 1844 году, друзья Ивана Васильевича Кирѣевскаго, зная, что, по характеру его, срочная работа всего болѣе могла побуждать его къ дѣятельности, желали снова подвигнуть его на поприще журналистики. М. П. Погодинъ, подвергнувшійся въ то время разнымъ несчастіямъ, предложилъ передать Кирѣевскому „Москвитянинъ". Въ обновленномъ „Москвитянинѣ" приняли участіе Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, А. И. Тургеневъ, А. С. Хомяковъ, Н. М. Языковъ; а также П. В. Кирѣевскій, К. С. Аксаковъ, Д. А. Валуевъ, В. А. Пановъ, М. А. Стаховичъ, Я. А. Линовскій, и др.. И. В. Кирѣевскимъ были изданы три первыя книги Москвитянина на 1845 годъ и переданы многіе матеріалы для 4-го №. Невозможность издавать журналъ, не будучи его полнымъ хозяиномъ, и отчасти разстроенное здоровье, заставили Кирѣевскаго отказаться отъ редакторства. („П. Собр. Сочин. Ив. Вас. Кирѣевскаго" М. 1861, I, стр. 92—96). По этому поводу Хомяковъ писалъ къ Ю. Ѳ. Самарину: „Кирѣевскій взялъ Москвитянинъ. Важная новость. Если будетъ издавать, мы на васъ надѣемся, и вы насъ конечно не посрамите". („Руск. Арх." 1879, № 11, стр. 312). Н. Б.

XXIII.

Москва, 17 Апрѣля 1845.

Къ наступившему празднику въ нашей Москвѣ нѣтъ почти никакихъ новостей. Также по прежнему любопытный и частію праздный народъ толпится около береговъ нашей небольшой рѣчки Москвы и смотритъ на веселый разливъ ея. По прежнему храмы, и преимущественно Кремлевскіе, наполнены благоговѣйными богомольцами. Въ Синодальномъ домѣ, нынѣшній годъ, совершилось мѵроватеніе 51).

Вотъ, кажется одна пріятная новость къ празднику для всѣхъ Москвичей: это новое изданіе назидательныхъ словъ и рѣчей нашего архипастыря, преосвященнѣйшаго митрополита Филарета, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ и большею частію выходившихъ отдѣльными книжками. Кто изъ насъ не слыхалъ его проповѣди и кто не увлекался его назидательными бесѣдами! Нѣтъ сомнѣнія, что и самая словесность сдѣлала въ нихъ значительное пріобрѣтеніе 52).

51). Въ Великій Четвертокъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и въ Кіево-Печерской Лаврѣ совершается, въ извѣстные годы, *освященіе мура*. Въ другихъ же городахъ Россіи приготовленіе и освященіе мура воспрещено Московскимъ соборомъ 1675 года; впрочемъ не по иной какой либо причинѣ, а только потому, что не каждый архіерей въ состояніи пріобрѣтать вещества, потребныя къ составленію мура, по причинѣ рѣдкости и значительной цѣнности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ соборномъ опредѣленіи сказано: „изъ епархіальныхъ же архіереевъ никоему же мура святаго дерзати составляти за неудобовозможное, еже собирати довольно пристоящія вещи на таковое составленіе, кромѣ благочестивѣйшаго царя апоѳеки“ (Савва, „Указат. Патр. Ризн.“, стр. 81). Въ „Выходахъ Царей“, подъ 7 Апрѣля 1653 г. отмѣчено: „Въ Великій Четвертогъ былъ государь (Алексѣй Михайловичъ) въ соборной церкви Успенія Пречистыя Богородицы у освященія масла“ (стр. 280). Н. Б.

52). „Слова и Рѣчи Синодальнаго члена Филарета митрополита Московскаго“. Москва. Ч. I 1844. Ч. II и III 1845.

С. П. Шевыревъ въ своемъ критическомъ разборѣ этихъ „Словъ“, спрашиваетъ: „Отъ чего-жъ это изсякаетъ наше изящное свѣтское слово, и въ тоже время такъ сильно, такъ непрерывно льется слово духовное?“ „Отъ того“, отвѣчаетъ критикъ, что „первое отторгло себя отъ источниковъ народныхъ, а другихъ не сыскало, второе же имѣетъ свой невидимый истокъ въ нашей древней жизни, которая была искони сосудомъ вѣры. Отсюда его неистощимыя силы, отсюда бьетъ оно ключемъ неизсякаемымъ. Духовенство наше, среди суеты прельщеній новой жизни, сохранило у себя то древнее и всегда свѣжее сокровище, откуда слово духовное истекаетъ. Вотъ почему оно неумолкаемо раздается для тѣхъ, которые хотятъ внимать ему“ („Москвитянинъ“ 1846, I, 181—182). Н. Б.

XXIV.

Москва, 27 Апрѣля 1845.

Приношу вашему превосходительству мою чувствительнѣйшую благодарность за извѣстіе о всемилостивѣйшемъ пожалованіи меня камергеромъ.

Состоя на службѣ съ давняго времени при Московскомъ Главномъ Архивѣ, я вполнѣ чувствую, что самая первая обязанность архивиста есть сохраненіе актовъ. Поэтому къ ключамъ архивскимъ пріятно мнѣ присоединить и ключь камергерскій 53).

53). Пожалованіе это состоялось 15 Апрѣля, два года послѣ производства кн. Оболенскаго въ статскіе совѣтники. Въ 1848 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники *съ утвержденіемъ* управляющимъ Архивомъ, послѣ чего уже рѣже пишетъ къ В. А. Полнѣову. Переписка его съ нимъ обнимаетъ 11 лѣтъ, съ 1839 г. по 1851 г. включительно. Два года по утвержденіи, въ 1850 г. кн. Оболенскій получилъ, не имѣя ни ордена Св. Анны, ни ордена Св. Владимира на шеѣ, ленту Св. Станислава, а

въ 1852 г. и Анненскую, въ 1856 г. корону на Анну 1 ст. и табакерку съ блилліантами и съ императорскимъ вензелемъ; въ 1859 г. произведенъ въ гофмейстеры; въ 1862 г. пожалованъ орденомъ Св. Владимира 2 ст., а въ 1870 г. орденомъ Бѣлаго Орла. Б. Ѳ. Б.

XXV.

Москва, 14 Января 1846.

На дняхъ я имѣлъ честь препроводить къ вашему превосходительству по три *раскрашенныхъ* экземпляра двухъ картинъ изъ книги объ избраніи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича. На первой картинѣ изображено событіе, когда нововѣнчаннаго царя, въ присутствіи обрадованнаго народа у Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, бояринъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій по древнему обычаю осыпалъ деньгами изъ золотой мисы, которую держалъ казначей Никифоръ Васильевичъ Траханіотовъ. На второй представлено рукоположеніе отца государева митрополита Филарета Никитича на патріаршій Всероссійскій престолъ святѣйшимъ Ѳеофаномъ патріархомъ Іерусалимскимъ 24 Іюня 7127 года. Событіе не менѣе торжественное и важное не только въ церковной іерархіи, но и въ гражданской исторіи. Этотъ рисунокъ особенно важенъ для Русской археологіи тѣмъ, что на немъ изображены *огненники* (въ красныхъ одеждахъ и остроконечныхъ шапкахъ съ булавами въ рукахъ), доселѣ разнообразно и всего чаще невѣрно объясняемые нашими археологами. Гравюра сихъ картинъ руки того же художника, которымъ сдѣланы были прежнія картины послѣ покойнаго академика Скотникова; но *въ раскраскѣ* рисунковъ ваше превосходительство замѣтите ощутительную разность къ лучшему. Таже точность и пунктуальная сходственность съ подлинникомъ, при всемъ томъ въ каждой детали видна художническая кисть, облагороживающая древность, безъ измѣненія въ содержаніи. Колера смягчены, сдѣлано приличное освѣщеніе, и брошены тѣни, отъ чего при большомъ вкусѣ художника и въ самыхъ картинахъ болѣе эффекта 54). Не говорю вашему превосходительству о томъ, какого труда стоило пріучить этого художника понимать и ресторировать древность. Всѣ они, даже первостатейные, исключая развѣ одного Солнцова, плохіе знатоки въ Русскихъ древностяхъ отъ того, что ихъ всего болѣе занимаетъ Итальянское, а всего менѣе Русское.

54) Мнѣ извѣстно, что при князѣ Оболенскомъ раскрашено было только два экземпляра альбома къ книгѣ избранія, т.-е. по 20-ти эскизовъ; оба поднесены были въ 1856 году, одинъ — въ Бозѣ почившему Императору Александру II; другой—тогдашнему наслѣднику престола Великому Князю Николаю Александровичу. Вѣроятно рисунокъ № 21 былъ раскрашенъ для пробы; но его въ Архивѣ, послѣ князя Оболенскаго, не оказалось. Б. Ѳ. Б.

XXVI.

Москва, 2 Апрѣля 1846 г.

... Думаю, уже получили вы посланные мною на дняхъ три *иллюминованные* портрета царей Алексѣя Михайловича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, заимствованные, первый изъ Родословія Хурелина, а послѣдніе два изъ чина вѣнчанія сихъ царей. Обѣ рукописи хранятся въ трактатныхъ палатахъ Московскаго Главнаго Архива М. И. Д. Эти портреты назначены собственно для васъ,—для меня драгоцѣнно было бы знать ваше объ нихъ мнѣніе. Думаю, что ваше превосходительство, какъ просвѣщенный цѣнитель отечественныхъ древностей, согласны будете со мною въ несомнѣнной важности сихъ современныхъ портретовъ, заимствованныхъ изъ государственныхъ книгъ, поднесенныхъ симъ самимъ государямъ. Нельзя не порадоваться и тому, что сіи всѣ три портрета сохранили доселѣ всю свѣжесть красокъ и вообще почти ничего не потерпѣли отъ времени. *Граверъ и рисовальщикъ* выполнили свое дѣло мастерски и сходно и довольно изящно. Я *намѣренъ издать* ихъ точно въ такомъ видѣ, какъ они находятся въ рукописяхъ. 56). При нихъ будетъ приложено возможно полное извѣстіе *о всѣхъ* портретахъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и сохранившихся до нашего времени въ церквахъ, архіерейскихъ келліяхъ и палатахъ государевыхъ, также находящихся при книгахъ рукописныхъ и печатныхъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, и на древнихъ вооруженіяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ не будутъ опущены изъ виду и гравированные портреты нашихъ царей, находящіеся въ книгахъ и отдѣльно въ разныхъ мѣстахъ.... На дняхъ получили мы изъ Петербурга пріятнѣйшія новинки—Лѣтопись Нестора и нѣсколько томовъ актовъ, изданія Археографической Коммиссіи, исполненныя со всевозможною тщательностію, аккуратностію и глубокимъ знаніемъ дѣла. Одно только мнѣ, какъ человѣку издавна занимающемуся рукописями, не нравится, что описи лѣтописей и лѣтописныхъ сборниковъ описаны не подробно, не совсѣмъ точно, однимъ словомъ не библіографически, такъ что по этимъ описаніямъ едва ли мы можемъ и теперь узнать свои рукописи. Что же сказать, если пройдетъ лѣтъ тридцать? 56).

55) Послѣ князя Оболенскаго также въ Архивѣ не оказалось копіи съ портретовъ царей Ѳедора, Іоанна и Петра Алексѣевичей. Подлинные находятся въ рукописныхъ описаніяхъ вѣнчанія ихъ на царство и принадлежатъ Государственному Древлехранилищу въ царскихъ теремахъ, которымъ я завѣдываю, по званію директора Московскаго Главнаго Архива. Въ описи письменныхъ памятниковъ Древлехранилища, составленной въ 1873 году А. Е. Викторовымъ, обѣ рукописи значатся въ отдѣлѣ 4, рубр. I, подъ №№ 17 и 18.

Обѣ имѣютъ форматъ большаго листа, въ малиновомъ бархатномъ переплетѣ; заставки и государственный гербъ раскрашены. Первая—на 46 листахъ; вторая—на 42-хъ. Послѣдняя напечатана въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, ч. 7-я, стр. 405—477. Б. Ѳ. Б.

56) Въ 1846 году Археографическая Коммиссія выпустила въ свѣтъ первый томъ Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей. Редакторъ этого тома Я. И. Бередниковъ писалъ П. М. Строеву: „Знаю, что лѣтописи могутъ быть изданы лучше; но это первый опытъ въ полномъ видѣ, при томъ начальство меня торопитъ. Позволяю себѣ утѣшаться надеждою, что я исполняю свою обязанность добросовѣстно, безъ новѣйшаго шарлатанства и вліянія школы, отличающейся юношескою заносчивостью и невѣжествомъ.. Предисловіе я хотѣлъ бы написать подробнѣе, но меня торопили; я не имѣлъ времени обработать его“. Къ этому изданію весьма враждебно отнесся М. П. Погодинъ. Онъ писалъ: „Вмѣсто безполезнаго велерѣчія о *священной книгѣ народа* и пр. (стр. 19), мы желали бы лучше найти ученое, критическое описаніе списковъ Несторовой лѣтописи, вмѣсто котораго нашли самое поверхностное, недостаточное для науки, въ настоящемъ ея состояніи“ (См. нашу книгу „Жизнь и Труды П. М. Строева“, стр. 446). Н. Б.

XXVII.

Москва, 30 Декабря 1846 года.

....Для насъ Москвичей 1847 годъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что 5 Апрѣля исполнится 700-лѣтіе историческаго существованія Москвы. Наши хронологи давно старались опредѣлить время этого событія, даже одинъ изъ нихъ написалъ цѣлую книгу на этотъ случай; но оттого, что не согласились во времени начала историческаго существованія нашей столицы, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ праздновать наступленіе осмаго столѣтія Москвы 1 Генваря наступающаго года. Въ Успенскомъ соборѣ будетъ совершена божественная литургія; вѣроятно при этомъ случаѣ нашъ маститый архипастырь скажетъ назидательное слово. Это такой фактъ, надъ которымъ задумается и глубокомысленный политикъ, и проницательный дипломатъ, и внимательный археологъ, и любознательный историкъ. Семь столѣтій существованія города, основаннаго въ безлюдной странѣ, въ суровомъ климатѣ, опустошаемаго не одинъ детятокъ разъ, то варварами, то родичами, безпрестанно воевавшими между собою за удѣлы, за родовую месть и за все, за что ни пришлось, — возникновеніе такого города, какъ Москва, и процвѣтаніе его послѣ такихъ несчастій, каковъ, на нашей почти памяти, былъ 1812 годъ, — дѣло не случая и не усилій человѣческихъ, а прямо силы Божіей, постоянно охранявшей нашу столицу, а вмѣстѣ съ нею и всю Россію. Исторія Москвы какъ города, съ ея завѣтною святынею, есть исторія Россіи церковная и гражданская 57).

Немногіе думаютъ о дѣлахъ давно минувшихъ лѣтъ, не многіе изучаютъ и занимаются преданіями старины. Большинство занято дѣлами текучими, житейскими. Эти побужденія гораздо сильнѣе для девяти десятыхъ общей массы, чтобы не сказать болѣе. Суета непомѣрная,—и объ чемъ хлопочутъ? О томъ, что черезъ недѣлю позабудутъ сами же. Мнѣ же къ празднику посчастливилось открыть въ здѣшней Синодальной библіотекѣ истинную драгоцѣнность, — пергаменный XII вѣка кодексъ Георгія Амартола, того Греческаго хрониста, которымъ пользовался нашъ преподобный Несторъ при составленіи своей лѣтописи. Покойный канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ при своихъ обширныхъ связяхъ, не смотря на постоянное желаніе издать Амартола, не нашелъ въ Россіи ни одной его рукописной хроники на Греческомъ. Этотъ кодексъ разсматривалъ и Маттей и назвалъ его въ своемъ каталогѣ хроникою Симеона Логофета. Теперь несомнѣнно доказано мною въ статьѣ объ Амартолѣ, напечатанной въ Чтеніяхъ нашего Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, что эта хроника была и дѣйствительно есть не Симеона Логофета, а Георгія мниха Амартола, сличеніемъ мѣстъ Греческаго кодекса съ Сербскимъ переводомъ, буквально сходныхъ между собою. Главное состоитъ въ томъ, что и продолжателей Амартола, въ Сербской редакціи монаха Георгія, а въ Болгарской Өеофанова продолжателя доселѣ не знали ученые. И надобно же было случиться этому открытію именно въ то самое время, когда по настоянію С.-Петербургской Академіи Наукъ Газе приступилъ къ изданію Амартола по рукописямъ Парижскихъ библіотекъ 58).

57) *Москва* упоминается въ первый разъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1147 годомъ: „Въ лѣто 6665 (1147) и приславъ Гюрги (в. кн. Георгій Владиміровичъ Долгорукій) и рече (кн. Святославу Олеговичу): приди ко мнѣ, брате, въ *Москов*. Святославъ же ѣха къ нему съ дѣтятемъ своимъ Ольгомъ, въ малѣ дружинѣ, пойма съ собою Володимира Святославича; Олегъ же ѣха напередъ къ Гюргеви, и да ему пардусъ. И пріѣха по немъ отецъ его Святославъ, и тако любезно цѣловастася, въ день пятокъ, на Похвалу Святѣй Богородици, и тако быша весели. Наутріи же день повелѣ Гюрги устроити обѣдъ силенъ, и створи честь велику имъ, и да Святославу дары многы, съ любовію, и сынови его Олгови и Володимиру, и мужѣ Святославлѣ учреди, и тако отпусти и“ (II, 29).

Митрополитъ Филаретъ въ день „седмисотлѣтія царствующаго града Москвы“, произнесъ въ Успенскомъ Соборѣ, написанную имъ по этому поводу молитву, въ которой между прочимъ читаемъ: „Славимъ Твое благодатное избраніе яко малую нѣкогда весь во градъ велій возрастилъ еси; и, прежде сбытія, еже славну быти граду сему во всѣхъ градѣхъ Россійскихъ, и взыти рукамъ его на плещи врагъ его, и прославитися Тебѣ въ немъ, угодникомъ Твоимъ Святителемъ Петромъ предвозвѣстилъ еси; таже и преносимый престолъ Православія здѣ утвердилъ еси, и корень Единодержавія Всероссійскаго

здѣ посадилъ еси, и престолъ Царства возвысилъ еси, и угасшему свѣтильнику царскаго рода отселѣ съ вящшею свѣтлостію возсіяти даровалъ еси, и Святымъ Твоимъ здѣ пожити и во благоуханіи святыни почити благоволилъ еси, ихже молитвами овогда убо, аки адамантовою стѣною, отъ напастей ограждалъ еси градъ сей, овогда же и бѣдствующій вскорѣ избавлялъ еси, и во дни наши, мнѣвшійся погибнути, отъ пепела и разрушенія еси возставилъ, и новымъ благолѣпіемъ украсилъ, и обиліемъ исполнилъ“ („Слова и Рѣчи“ М. 1848. I, III—IV).

Хронологъ Хавскій издалъ къ эту дню замѣчательную книгу: „Семисотлѣтіе Москвы 1147—1847 или указатель источниковъ ея топографіи и исторіи за семь вѣковъ“ М. 1847. Н. Б.

58) Шлецеръ, занимаясь изслѣдованіемъ Временника Нестора, нашелъ, что нѣкоторыя извѣстія, въ немъ встрѣчающіяся, навѣрно выписаны изъ Византійскихъ хроникъ; но сколько ни старался, не могъ разрѣшить вопроса: кто именно изъ Византійцевъ служилъ руководствомъ и источникомъ Русскому лѣтописцу? Сперва онъ предположилъ трехъ: Синкела, безъименнаго автора Пасхальной Хроники и Кедрина; потомъ ограничился послѣднимъ. Между тѣмъ въ самомъ Несторѣ ясно указывается Византійскій источникъ, коимъ онъ пользовался. Такъ, описаніе нравовъ древнихъ народовъ начинается словами: „Глаголетъ бо Георгій въ Лѣтописаніи“. П. М. Строевъ, въ 1819 году, занимаясь описаніемъ библіотеки графа Ѳ. А. Толстаго, встрѣтился съ древнимъ Славянскимъ переводомъ одного лѣтописца, подъ заглавіемъ: „Временникъ въ простѣ отъ различныхъ хронографовъ и сказатель, собранъ же и сложенъ Георгіемъ грѣшнымъ мнихомъ“. При тщательномъ осмотрѣ, сей грѣшный Георгій (Ἁμαρτωλός) оказался тотъ самый, изъ коего почерпалъ свои свѣдѣнія нашъ Несторъ. П. М. Строевъ имѣлъ намѣреніе тогда же оповѣстить ученыхъ объ этой находкѣ; но судьбѣ угодно было осудить Георгія Грѣшнаго еще на нѣкоторый періодъ забвенія. Выбравъ изъ Временника Георгія мѣста, заимствованныя изъ него Несторомъ, П. М. Строевъ напечаталъ ихъ въ видѣ прибавленія къ первой части Временника Софійскаго; но введенный въ заблужденіе Шлецеромъ, П. М. Строевъ почиталъ тогда Георгія Грѣшнаго (Ἁμαρτωλός) лѣтописью Кедрина, который, какъ извѣстно, тоже назывался Георгіемъ. Въ слѣдствіе сего П. М. Строевъ, по приказанію графа Н. П. Румянцова) долженъ былъ уничтожить драгоцѣнныя прибавленія къ 1 части Софійскаго Временника. Во всякомъ случаѣ слава открытія Византійскаго источника Нестора, знаменитаго Георгія Гамартола, остается за П. М. Строевымъ. (См. нашу книгу „Жизнь и Труды П. М. Строева“, стр. 49—52). Рѣдчайшій экземпляръ *Софійскаго Временника*, съ невырѣзаннымъ прибавленіемъ, П. М. Строевъ подарилъ въ 1873 году П. Й. Саввантову. Въ 1847 году князь М. А. Оболенскій издалъ свое сочиненіе: „О Греческомъ кодексѣ Георгія Амартола, хранящемся въ Московской Синодальной библіотекѣ, и о Сербскомъ и Болгарскомъ переводахъ его хроники“. Сербскій переводъ Георгія Амартола, писанный на Аѳонской горѣ въ 1386 г., былъ привезенъ въ Россію Арсеніемъ Сухановымъ въ 1655 году и хранится въ Московской Синодальной Библіотекѣ. Въ настоящее время этотъ драгоцѣнный манускриптъ изданъ Обществомъ Любителей Древней Письменности. Н. Б.

XXVIII.

Москва, 20-го Марта 1847.

Нынѣшній годъ у насъ Пасха самая ранняя; для многихъ, въ особенности для любителей обновъ, развлеченій, визитовъ и прогулокъ, это не совсѣмъ нравится; но для меня такая Пасха совершенное наслажденіе. Перемѣнчивость погоды поневолѣ заставитъ присѣсть дома лишняго посѣтителя, значитъ дастъ время насладиться отдыхомъ послѣ служебныхъ и домашнихъ занятій, выбрать время посѣтить мѣста нашей святыни и ознаменованныя достопримѣчательностями историческими, а иногда и заняться такими дѣлами, которые освѣжаютъ душу лучше всякаго отдыха.

Не грѣхъ будетъ и отдохнуть послѣ продолжительной и довольно трудной раскладки приказныхъ дѣлъ въ новые картоны....

Любопытно бы знать о вашихъ настоящихъ занятіяхъ по Академіи Наукъ. У насъ слышно, что давно ожидаемый Академическій Словарь, въ которомъ заключено будетъ все богатство нашего Славяно-русскаго слова, оканчивается и скоро выйдетъ въ свѣтъ; нельзя не порадоваться такому извѣстію. Зная всю трудность подобнаго рода предпріятій, что-то не вѣрится, чтобы этотъ словарь могъ скоро выдти. Это будетъ прочный и величественный памятникъ нашей Академіи, не скоро, но за то основательно воздвигаемый первенствующимъ ученымъ Русскимъ сословіемъ. И тѣ немногіе листы, которые мнѣ удалось видѣть изъ этого Словаря, въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, заставили меня дивиться ученому труду редакторовъ и сотрудниковъ этого колоссальнаго дѣла 59).

59) Рѣчь идетъ о „Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, составленномъ вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ“, который вышелъ въ свѣтъ въ 1848 году. Въ этомъ колоссальномъ трудѣ В. А. Полѣновъ участвовалъ въ качествѣ редактора 1-го тома. Независимо отъ трудовъ по редакціи В. А. Полѣновъ, для пополненія словаря, изучалъ Церковно-Славянскій языкъ въ Тріодяхъ, Минеи Мѣсячной и Прологѣ и, собравъ множество словъ, пропущенныхъ въ прежнихъ словаряхъ, объяснилъ ихъ опредѣленіями и примѣрами. Н. Б.

XXIX.

Москва, 5 Января 1848 г.

....Вѣрно, въ Петербургѣ къ новому году явилось много новыхъ литературныхъ произведеній. Въ сѣверной столицѣ къ этому времени никогда не бываетъ недостатка въ новостяхъ; не то, что̀ въ нашей патріархальной матушкѣ-Москвѣ. Вѣрно, никогда такъ бойко не скри-

пятъ перья писателей и писакъ, никогда не работаютъ такъ усердно типографіи, литографіи, металографіи.

У насъ также не безъ новостей: единственный журналъ нашъ Москвитянинъ къ новому году явился въ возобновленномъ не новомъ видѣ 60), и даже вышла совершенно новая для нашей древней столицы Полицейская Газета 61). Помози Боже нашимъ и вашимъ, и ужъ вѣрно ваши перещеголяютъ нашихъ. Что дѣлать: медлительность неотъемлемое качество всего Московскаго, хоть, правду сказать, и въ поспѣшности мало толку.

Вашему превосходительству извѣстно, что родной внукъ дѣда моего графа Аркадія Ивановича Маркова, князь Аркадій Голицынъ, служившій въ нашемъ министерствѣ и находившійся въ дипломатической канцеляріи намѣстника Кавказскаго, скончался смертію достойною сожалѣнія — застрѣлился. Теперь все имѣніе графа Маркова достается братьямъ моимъ и мнѣ 62).

60) Въ 3-й части „Москвитянина" 1847 года, М. П. Погодинъ напечаталъ заявленіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Возобновленный Москвитянинъ на 1848 годъ". „Многіе Московскіе и другіе литераторы желали непремѣнно, чтобы былъ возобновленъ въ прежнемъ объемѣ этотъ журналъ, единственный въ Москвѣ, имѣющій главнымъ предметомъ—сообщать свѣдѣнія объ отечествѣ, Россіи, столь мало намъ еще извѣстной, не опуская изъ виду важнѣйшихъ Европейскихъ явленій, особенно тѣхъ, кои могутъ имѣть на насъ вліяніе. Издатель, преданный занятіямъ совсѣмъ другаго рода, оставляющимъ ему весьма мало досуга, не могъ согласиться на исполненіе ихъ желанія иначе, какъ съ условіемъ, чтобы большая часть бремени изданія была съ него снята. Съ сею цѣлію приглашено нѣсколько лицъ, взявшихъ въ свое вѣдѣніе разныя отдѣленія, и комитетъ редакціи образовался такъ: М. П. Погодина—по части исторіи, С. П. Шевыревъ—литературы, Петровъ—литературы духовной, И. Я. Горловъ—политической экономіи, П. Л. Страховъ—экономическихъ и комерческихъ отдѣленій, И. М. Снегиревъ—достопримѣчательностей Москвы, И. Д. Бѣляевъ—историческихъ матеріаловъ, А. И. Григорьевъ—Европейскаго обозрѣнія, П. В. Левитскій и Н. П. Пятериковъ—смѣси... Духъ и направленіе Москвитянина неизмѣнны. Своенародность—вотъ его характеръ. Познай самого себя—его цѣль. Уваженіе къ исторіи, къ преданію, вмѣстѣ съ желаніемъ успѣха, поступательнаго движенія впередъ,—его правила. Петербургскіе журналы больше смотрятъ на Европу, Москвитянинъ на Россію, сочувствуя впрочемъ Европѣ" (стр. 129—132). Н. Б.

61) „Вѣдомости Московской Городской Полиціи" стали выходить съ 2 Января 1848 года. Н. Б.

62) Князь Аркадій Сергѣевичъ Голицынъ былъ сынъ усыновленной воспитанницы графа Аркадія Ивановича Маркова, Варвары Аркадьевны, которая получила по наслѣдству обширныя имѣнія въ Подольской губерніи, отданныя ею въ пожизненное владѣніе ея мужу князю Сергѣю Яковлевичу, въ силу Литовскаго Статута, дозволявшаго это въ Югозападномъ краѣ (князь Н. Н. Голицынъ, „Матеріалы для полной родосл. росписи князей Голицыныхъ" Варш.

1880, стр. 50, 93). Мать князя М. А. Оболенскаго была урожденная графиня Прасковья Николаевна, дочь Николая Ивановича Моркова. Н. Б.

XXX.

Москва, 14 Апрѣля 1848 г.

....Вотъ прошла и Страстная недѣля — время отдыха и покаянія; мелькнула и Святая съ визитами, гуляньями и разнаго рода забавами. Такой хорошей погоды давно не бывало въ нашей бѣлокаменной. То-то погуляетъ разгульная Русь, то-то потѣшатся добрые Москвичи! И вашъ Петербургъ конечно не отстанетъ въ разгулѣ отъ старушки-Москвы. Въ благословенномъ отечествѣ нашемъ вездѣ одна и таже живая, общительная, простодушная Русь, вездѣ одни и тѣже забавы; только не вездѣ въ одинакомъ видѣ....

XXXI.

Москва, 25 Октября 1850 г.

Ваше превосходительство съ благосклоннымъ участіемъ приняли извѣстіе объ открытіи мною и о предпринятомъ изданіи «Соборной грамоты духовенства православной восточной церкви, которою утверждается санъ Царя за великимъ княземъ Іоанномъ IV Васильевичемъ 1561 года».

Приступая къ его печатанію, съ Высочайшаго соизволенія, я не могъ не желать, чтобъ изданіе грамоты соотвѣтствовало важности ея содержанія. Памятникъ, которымъ православная церковь торжественно благословила Русское Царство и утвердила его будущее величіе и славу, драгоцѣненъ для всякаго Русскаго; выдать его въ свѣтъ роскошно напечатаннымъ—представлялось мнѣ, какъ непремѣнная обязанность.... Теперь изданіе окончено, и смѣю думать—удовлетворительно 63),

63) По свидѣтельству лѣтописцевъ, Іоаннъ, достигнувъ 17-лѣтнаго возраста, пожелалъ вѣнчаться на царство. Для этого онъ совѣщался съ митрополитомъ Макаріемъ, который и одобрилъ его намѣреніе. Торжественное вѣнчаніе происходило въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ 16 Января 1547 года. Лѣтописецъ говоритъ при этомъ, что Іоаннъ былъ вѣнчанъ на царство „преосвященнымъ Макаріемъ митрополитомъ всея Русіи и архіепископы и епископы и архимандриты и всѣмъ освященнымъ соборомъ Русскія митрополіи, прародителя его вѣнчаніемъ царя и великаго князя Владимира Мономаха, животворящимъ крестомъ и царскимъ вѣнцомъ и діадимою, еже древле тѣмъ животворящимъ крестомъ и царскимъ вѣнцомъ и діадимою вѣнчанъ бысть на царство Русское прародитель его князь великій Влодимеръ, нареченъ въ царской порфирѣ Мономахъ, отъ святѣйшаго митрополита Ефесскаго киръ Нео-

ѳита по благословенію патріарха Цареградскаго и по моленію Греческаго царя Константина Мономаха". По совершеніи обряда вѣнчанія, митрополитъ Макарій здравствовалъ царя: „Божіею милостію, радуйся и здравствуй, царю Иване, всея Русіи самодержецъ, на многа лѣта. И поклонися царю митрополитъ, и потомъ архіепископы и епископы, и весь соборъ поклонишася, и здравствоваша Великаго Царя; и боляре здравствоваша Великаго Самодержца".

Принявъ торжественное благословеніе на царство отъ освященнаго собора Русской церкви, Царь Іоаннъ вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣлъ и предъ вселенскимъ Константинопольскимъ престоломъ; а потому онъ отправилъ посольство къ Константинопольскому патріарху Іосифу, испрашивая благословеніе на свое царское достоинство. Патріархъ созвалъ духовный соборъ, чтобы предложить ему о желаніи Русскаго государя. Архіереи Восточной церкви единогласно положили благословить Русскаго великаго князя Іоанна Васильевича на царство, утвердивъ его особенною грамотою Царемъ „законно и церковно", по свидѣтельству самого собора. Грамота эта, за подписью всѣхъ святителей, присутствовавшихъ на соборѣ, изготовлена въ 1561 году. Побудительною причиною, по которой соборъ и патріархъ благословляютъ Іоанна на царство, въ грамотѣ приведены не только доблести его и заботы о церкви, но также его *царское* происхожденіе. Въ грамотѣ сказано: „Понеже убо наше смиреніе вѣрно увѣдохомъ и исполнихомъ, не точію преданіемъ многихъ достовѣрныхъ мужей, но еще и писаніемъ и сказаніемъ лѣтописца, яко нынѣшній наставшій Царь Московскій, и Ноугороцкій, Астраханскій, Казанскій, Нагайскій и всея великія Россіи господинъ Іоаннъ отъ роду своего и крови царскіе ведется, и уже отъ тоя приснопамятныя царицы и владычицы госпожи Анны, сестры самодержца и царя Багрянороднаго Мономаха; въ шестыхъ же отъ благочестиваго царя Константина. И съ тогдашнимъ патріархомъ и со священными архіереи собора Константина града послаша тогда преосвященнаго митрополита Ефесскаго и Антіохійскаго изряднопачальнѣйшаго епарха и вѣнчаша благочестиваго великаго князя Владимира на царство и дароваша его тогда царскимъ вѣнцемъ на главу его и діадимою украшенною бисеромъ и инымъ царскимъ знаменіемъ и дары. Такожъ и преосвященный митрополитъ Московскій и всея Великія Росіи господинъ Макарій уразумѣхъ подобно и вѣнчалъ благочестиваго князя на царство закономъ". („Соборная грамота", стр. 1—4, 23). Въ этомъ изданіи князя М. А. Оболенскаго помѣщены: подлинная соборная грамота, писанная на Греческомъ языкѣ (стр. 9—14); переводъ соборной грамоты, сдѣланный въ XVII вѣкѣ (стр. 15—20); современный переводъ соборной грамоты (стр. 21—26); примѣчанія (стр. 27—50).

Н. Б.

Въ 1852 году, князь Оболенскій обращался къ управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ сенатору Сенявину, вызываясь, за оскудѣніемъ въ то время доходовъ коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, не только издавать ихъ *на свой счетъ*, но даже обратить ихъ въ собственность коммиссіи, лишь бы ему дозволено было, подобно графу Н. П. Румянцову, помѣщать на заглавныхъ листахъ свой гербъ. Отвѣта никакого не послѣдовало (см. Архивское изданіе „Очеркъ дѣятельности коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ" М. 1877, стр. 29—30; „Голосъ" 12 Декабря 1877 № 313, и предисловіе ко 2-му выпуску „Сборника Московскаго Главнаго Архива" М. 1881).

Б. Ѳ. Б.

XXXII.

Москва, 18 Декабря 1850 г.

...Зная, что все родное, Русское находитъ въ вашемъ превосходительствѣ живое сочувствіе, я позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ о моихъ послѣднихъ историческихъ открытіяхъ. Теперь я приготовляю къ печатанію статью о недавно найденномъ мною въ Архивской библіотекѣ древне-Славянскомъ переводѣ хроники Іоанна Малалы, которою, какъ источникомъ, пользовался нашъ первый лѣтописатель. Такимъ образомъ, вотъ еще новый источникъ Несторова Временника 64). Кромѣ того, въ настоящее время печатается мною «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, составленный въ началѣ XIII вѣка, между 1214—1219 годовъ».... Памятникъ этотъ очень важенъ по своимъ любопытнымъ дополненіямъ и варіантамъ къ тексту Несторовой лѣтописи... 65).

64) Іоаннъ Антіохійскій Малала жилъ въ V вѣкѣ при императорѣ Юстиніанѣ, царствованіемъ котораго онъ заканчиваетъ свою лѣтопись, описывая послѣднія событія съ живымъ чувствомъ очевидца. Хронографъ Малалы въ XVIII книгахъ содержитъ въ себѣ всемірную исторію отъ Адама до 36 года царствованія Юстиніанова или до 563 года нашей эры. Какъ Антіохіянинъ, любящій свою родину, Малала съ особенною охотою и подробностію разсказываетъ о событіяхъ, совершившихся въ его отечественномъ городѣ. Малала любитъ рисовать портреты историческихъ дѣятелей, обозначая вмѣстѣ физическія и правственныя черты, которыми отличалась извѣстная личность. Вотъ напримѣръ портретъ императора Юстиніана 1-го: „Юстиніанъ былъ съ виду приземистъ, съ крѣпкою грудью, съ красивымъ носомъ, бѣлъ, кудрявъ, кругдолицъ, благообразенъ, лысоватъ, свѣжъ лицомъ, съ просѣдью на головѣ и бородѣ, великодушенъ, преданъ Христіанству“. Это послужило причиною важнаго значенія Малалы для иконографіи какъ Греческой, такъ и Русской (Терновскій, „Изученіе Византійской Исторіи“. Кіевъ, 1875, I, 4—5). Извѣстна только одна Греческая рукопись хронографа, составленнаго Іоанномъ Малалою; она хранится въ библіотекѣ Оксфордскаго университета, между Бароцціанскими манускриптами. Къ сожалѣнію, и эта единственная рукопись безъ начала и конца. Эта рукопись напечатана въ 1691 году, въ Оксфордѣ, Гумфридомъ Годіемъ. Въ 1831 году Оксфордское изданіе было перепечатано въ Боннѣ и, снабженное предисловіемъ Людовика Диндорфа, вошло въ составъ „Corpus scriptorum Historiae Byzantinae“. Утраченное начало въ Греческой рукописи сохранилось въ Славянскомъ переводѣ хронографа Малалы. Сборникъ, въ которомъ заключается этотъ переводъ, былъ пожалованъ Императрицею Екатериною канцлеру князю А. А. Безбородко, по смерти же канцлера сборникъ этотъ отданъ въ С.-Петербургскій Архивъ, а 6 Сентября 1821 года, вмѣстѣ съ другими рукописями, поступилъ для храненія въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Сборникъ писанъ мелкимъ полууставомъ переходящимъ въ скоропись, во второй половинѣ XV вѣка.

Статью свою о Малалѣ князь Оболенскій помѣстилъ въ своемъ предисловіи къ „Лѣтописцу Переяславля Суздальскаго“. Н. Б.

Между кабинетными бумагами князя Михаила Андреевича Оболенскаго, принадлежащими Библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Ин. Дѣлъ (Отдѣлъ VI, Картонъ 21, Св. 32), находится дѣло о хроникѣ Іоанна Антіохійскаго Малалы, содержащее въ себѣ 19 тетрадей, состоящ. 357 рукописн. листовъ и LVIII+12 печ. страницъ. Въ этой коллекціи заключаются: копіи съ архивскаго экземпляра хронографа І. Малалы, отрывки изъ Славянскаго перевода того же древнеписьменнаго памятника, восполняющіе, по списку Сѵнодальн. библіотеки, пропуски Архивскаго списка; разныя историко-библіографическія замѣтки объ этомъ памятникѣ, состав. извѣстнымъ библіографомъ В. М. Ундольскимъ, Аѳанасьевымъ и др. Предисловіе къ хроникѣ І. Малалы состав. І. Годіемъ на Латинск. языкѣ, таковое же Л. Диндорфа къ Боннскому изданію; указатель именъ писателей, встрѣчающихся въ хронографѣ, ссылки и выписки на различныя сочиненія объ этомъ хронографѣ. Многія изъ числа сихъ рукописей были сообщены въ 1878 году директоромъ Архива Императорской Академіи Наукъ. Библіотекарь Архива Ив. Токмаковъ.

65) „Лѣтописецъ“ этотъ былъ изданъ княземъ М. А. Оболенскимъ въ Москвѣ въ 1851 году. Заглавный листокъ украшенъ гербомъ князей Оболенскихъ. П. М. Строевъ, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ Тверской лѣтописи, писалъ въ 1851 году, къ А. С. Норову: „Соблазненный примѣромъ князя М. А. Оболенскаго, который издалъ лѣтопись Переяславль Залѣсскую, *любопытную* и очень замѣчательную во многихъ отношеніяхъ, я намѣренъ находящуюся у меня рукопись напечатать, если не встрѣтится споспѣшествователь богатый, на свой счетъ, какъ памятникъ для исторіи нашей драгоцѣнный“. (См. нашу книгу „Жизнь и Труды П. М. Строева“, стр. 486—487). Н. Б.

XXXIII.

Москва, 22 Декабря 1850 г.

Зная вниманіе, оказываемое вашимъ превосходительствомъ къ движенію Русскаго просвѣщенія, я не могу не передать вамъ нѣсколькихъ новостей изъ Московскаго литературнаго міра. Болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе нашъ университетъ, въ которомъ, какъ говорятъ, нынѣшнею зимою будутъ читаны публичныя лекціи по разнымъ отраслямъ свѣдѣній, въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Недавно профессоръ Кудрявцевъ защищалъ свою прекрасную диссертацію, предметомъ которой онъ избралъ исторію Италіи 66); а профессоръ Соловьевъ приготовляетъ къ печати первый томъ своей «Русской Исторіи».

Но самый живой интересъ общественныхъ разговоровъ до сихъ поръ составляютъ воспоминанія о посѣщеніи нашей древней столицы Государемъ Наслѣдникомъ. Посѣщеніе это навсегда останется въ нашей памяти. Вниманіе, выраженное Его Высочествомъ къ Московскому, первому Русскому, Университету, вызвало во всѣхъ сердцахъ благого-

вѣйныя чувства глубочайшей благодарности и самаго живаго сочувствія 67).

66) Профессоръ Московскаго университета Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ былъ ученикомъ и другомъ Т. Н. Грановскаго. Когда, въ 1847 году, Кудрявцевъ вернулся изъ чужихъ краевъ и вступилъ на каѳедру Всеобщей Исторіи, то Грановскій писалъ Фролову: „Я крѣпко готовлюсь къ лекціямъ, боюсь соперничества съ Кудрявцевымъ, который дѣйствительно будетъ замѣчательнымъ профессоромъ. Такое соперничество хорошо дѣйствуетъ на душу“ (Станкевичъ, „Т. Н. Грановскій“. М. 1869, стр. 165). Первый трудъ, съ которымъ Кудрявцевъ выступилъ на ученое поприще, совершенно оправдалъ упованіе Грановскаго: „Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ, обозрѣніе Остгото-Лонгобардскаго періода Италіянской исторіи. Соч. П. Кудрявцева. М. 1850“. Н. Б.

67) 11 Ноября 1850 года, въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II, тогда Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, посѣтилъ Московскій университетъ, изволилъ разспрашивать многихъ членовъ университета о ихъ занятіяхъ, обратилъ вниманіе на рѣдкія рукописи и книги библіотеки, гдѣ благоволилъ вписать свое имя; осматривалъ институты Медицинскій и Педагогическій, и въ заключеніе такими словами выразилъ свое удовольствіе начальству университета: „Благодарю и остаюсь совершенно доволенъ, сколько могу судить по наружному виду, увѣренъ, что ему соотвѣтствуетъ и внутреннее достоинство: ученіе и нравственность, какъ основа ученію“ (Шевыревъ, „Ист. М. Унив.“, стр. 506—567) Н. Б.

Покойный Великій Князь Наслѣдникъ Николай Александровичъ, въ одно изъ своихъ посѣщеній Москвы, былъ въ Гл. Архивѣ М. И. Д. Его сопровождалъ графъ С. Г. Строгановъ и все объяснялъ, вмѣсто князя Оболенскаго, который былъ въ то время въ своей подмосковной и которому никто не далъ знать о пріѣздѣ Цесаревича. Чиновники растерялись, и никто не осмѣлился заикнуться о заведенной въ Архивѣ еще Миллеромъ посѣтительной книгѣ, въ которой посѣщенія сего учрежденія каждымъ августѣйшимъ или инымъ значительнымъ лицомъ, съ 1780, т.-е. со времени бытности въ Москвѣ императора Іосифа II, оставляло дорогія для потомства слѣды. Такъ случилось, что покойный Цесаревичъ не расписался въ этой книгѣ. Это до того огорчило князя Оболенскаго, что онъ, съ тѣхъ поръ уже никому не давалъ въ ней расписываться. Такимъ образомъ, послѣднею подписью въ ней остались подписи Прусскаго посланника въ С.-Петербургѣ *Бисмарка фонъ-Шенгаузена*, который посѣтилъ М. Гл. Архивъ 27 Мая 1859 г. Въ такомъ, заколдованномъ Бисмаркомъ, положеніи нашелъ я эту злосчастную книгу. При мнѣ, въ ней расписалися В. П. Титовъ, А. И. Левшинъ, кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, деканъ Вестминстерскаго аббатства Станлей, извѣстный приверженецъ патріарха Никона Пальмеръ, Ю. В. Толстой, профессоръ Мартенсъ и Нёрингъ (изъ Бреславля) Б. Ѳ. Б.

XXXIV.

Москва, 4 Апрѣля 1851 г.

....Недавно у насъ закончились публичныя лекціи въ здѣшнемъ университетѣ. Болѣе обратили на себя вниманіе публики прекрасныя лекціи профессоровъ Грановскаго и Шевырева; первый сообщилъ че-

тыре интересныя біографіи знаменитыхъ мужей исторіи, а послѣдній представилъ любопытный очеркъ о состояніи живописи при Рафаэлѣ 68).

68) Въ Мартѣ 1851 года, Московское общество въ послѣдній разъ слышало публичныя чтенія Т. Н. Грановскаго. Онъ прочелъ четыре историческія характеристики: Тамерлана, Александра Македонскаго, Людовика IX и канцлера Бекона („Сочиненія Т. Н. Грановскаго" М. 1866. I, 331—392). Черезъ четыре года, а именно 7 Октября 1855 года, Москва провожала его въ „путь всея земли". „На древнихъ саркофагахъ встрѣчаемъ изображенія погребальныхъ процессій, изъ которыхъ можно узнать о значеніи покойника: если бы на надгробномъ памятникѣ Грановскаго можно было живописать его погребеніе, можно было изобразить вполнѣ скорбь, слезы многочисленной семьи чужихъ людей, то этотъ памятникъ далъ бы понятіе о значеніи человѣка, подъ нимъ сокрытаго". Такими словами вспоминалъ С. М. Соловьевъ это погребеніе, на университетскомъ актѣ 1856 года (Станкевичъ, стр. 300). Нѣкто отъ юныхъ недавно вопросилъ И. С. Аксакова, „какъ живаго свидѣтеля временъ минувшихъ": „Неужели молчали бы въ настоящую минуту Грановскій, Погодинъ?" —„Безъ сомнѣнія нѣтъ" отвѣчалъ Аксаковъ: „какъ ни разнился Грановскій отъ Погодина своими политическими убѣжденіями, но конечно поставилъ бы предъ юношами требованіе нравственной правды во всей рѣзкости и прямотѣ...." („Русь", 25 Апр. 1881, № 24). Если Грановскій, по свидѣтельству его современниковъ, производилъ благое дѣйствіе на своихъ слушателей своимъ „краснорѣчіемъ, исполненнымъ души и вкуса, яркими мыслями, живыми описаніями, говорящими картинами и увлекательнымъ сердечнымъ сочувствіемъ ко всему, что являлось или таилось прекраснаго, благороднаго и великодушнаго въ прошедшей жизни Западной Европы": то не менѣе заслуживаетъ признательности потомства и С. П. Шевыревъ, который одинъ изъ первыхъ возбудилъ вниманіе и сочувствіе въ обществѣ къ святымъ трудамъ Кирилла и Меѳодія, Нестора, Ѳеодосія, Кирилла Туровскаго и къ другимъ нашимъ древнимъ святымъ сподвижникамъ. Его „Исторія Русской Словесности преимущественно древней" есть плодъ работы ученой, честной, можно сказать, религіозной. Эта книга есть, по справедливому выраженію И. В. Кирѣевскаго, „оживленіе забытаго, возсозданіе разрушеннаго, есть, можно сказать, открытіе новаго міра нашей старой словесности... Изъ подъ лавы вѣковыхъ предубѣжденій открываетъ онъ новое зданіе, богатое царство нашего древняго слова". Не даромъ же возвышенный Языковъ вдохновенно воспѣлъ подвигъ его:

Въ твоихъ бесѣдахъ ожила
Святая Русь—и величава,
И православна, какъ была.
Въ нихъ самобытная, родная
Заговорила старина,
Насъ къ новой жизни подымая
Отъ униженія и сна.

Ты добросовѣстно и смѣло,
И чистой пламенной душой
Созналъ свое святое дѣло—
И, возбужденная тобой,

Краснорѣчиво рукоплещетъ
Тебѣ великая Москва!
Такъ пусть же на тебя клевещетъ
Мірская, глупая молва!

Твои враги.... они чужбинѣ
Отцами проданы съ пеленъ:
Русь не угодна ихъ гордынѣ,
Имъ чуждъ и дикъ родной законъ;
Родной языкъ имъ непонятенъ,
Имъ безотвѣтна и смѣшна
Своя земля, ихъ умъ развратенъ,
И совѣсть ихъ прокажена.

Такъ ихъ не слушай—будь спокоенъ
И не смущайся ихъ молвой,
Науки жрецъ и правды воинъ!
Благословится подвигъ твой.
Уже онъ много думъ свободныхъ,
И много чувствъ, и много силъ
Святыхъ, родныхъ, своенародныхъ
Возстановилъ и укрѣпилъ.

*

Тѣло князя М. А. Оболенскаго было перевезено изъ С.-Петербурга, по Николаевской желѣзной дорогѣ, въ находящееся близъ ст. Подсолнечное, родовое имѣніе его, с. Глухово, Богородицкое тожъ, Дмитровскаго уѣзда и погребено тамъ въ церкви Тихвинской Божіей Матери. Я слышалъ отъ дочери князя, княгини А. М. Хилковой, что въ этомъ селѣ, отецъ митрополита Платона (Левшина) состоялъ причетникомъ; что тамъ издавна находится сельское училище, гдѣ учился высокопреосвященный Платонъ и что теперь это училище называется Платоново-Алексѣевскимъ, одновременно въ память митрополита и единственнаго сына князя Оболенскаго. Б. Ѳ. Б.

ПЕРЕПИСКА М. П. ЛАЗАРЕВА СЪ КНЯЗЕМЪ А. С. МЕНШИКОВЫМЪ *).

1840 годъ.

I.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 18-го Марта 1840.

Нынѣшній годъ начался несовсѣмъ счастливо для Восточнаго берега. Послѣ взятаго Черкесами укрѣпленія при Псезуапе, они овладѣли 4-го числа сего мѣсяца и Вельяминовскимъ укрѣпленіемъ при Туапсе. А потому, желая скорѣе сообщить вашей свѣтлости непріятное это извѣстіе я рѣшился, не дожидаясь отвѣта отъ Раевскаго, отправить обратно къ вамъ курьера, тѣмъ болѣе, что сдѣланныя распоряженія относительно назначенія эскадры едва ли подвергнутся какому либо измѣненію; въ послѣдствіи же я могу увѣдомить вашу свѣтлость чрезъ эстафету или почту, смотря по важности событія. Удачное овладѣніе двумя укрѣпленіями должно придать Черкесамъ еще болѣе смѣлости на подобныя предпріятія; а потому, мнѣ кажется, необходимо нужно сдѣлать строгій примѣръ наказанія и тѣмъ положить конецъ подобнымъ дерзостямъ на будущее время. Сильныя рекогносцировки внутрь съ двухъ или трехъ прибрежныхъ пунктовъ, уже занятыхъ, кажется, необходимы для сего. Впрочемъ ваша свѣтлость знаете эти дѣла лучше меня. Раевскій увидитъ однакожъ большую разность между прежними опытными солдатами въ этомъ дѣлѣ и двумя полками 5-го пѣхотнаго корпуса, съ которыми онъ нынѣ будетъ имѣть дѣло. Подробностей о уничтоженіи двухъ укрѣпленій, заслуживающихъ какого либо вѣроятія, я никакихъ не имѣю; слышалъ только то, что 7-го

*) См. Русскій Архивъ 1881, выпуски 4 и 6-й.

числа ночью, Черкесы въ весьма значительномъ числѣ подкрались къ укрѣпленію Псезуапе на самое близкое разстояніе и въ то время, когда при разсвѣтѣ дня начали бить зорю, они бросились въ укрѣпленіе такъ, что наши не успѣли сдѣлать ни одного выстрѣла и хотя, схватясь за ружья, бросились на шкыки, но были смяты превосходнѣйшимъ числомъ Черкесовъ, которыхъ, какъ полагаютъ, ворвалось до двухъ тысячъ человѣкъ. Вскорѣ послѣ того они зажгли всѣ строенія, и опасаются, что вмѣстѣ съ госпиталью сгорѣли и всѣ больные, которыхъ было до 40 человѣкъ. Впрочемъ все это не есть извѣстіе совершенно вѣрное; а равно неизвѣстно, что̀ Черкесы сдѣлали и съ орудіями, нѣкоторыя изъ коихъ были безъ станковъ; вѣроятно однакожъ, что увезли съ собою, какъ равно снаряды и порохъ.

2.

Лазаревъ къ князю Меншикову.

Николаевъ, 27 Марта 1840.

Послѣ письма моего къ вашей свѣтлости отъ 18-го Марта офиціальныхъ извѣстій съ Абхазскаго берега я не имѣю. Изъ частныхъ же свѣдѣній, до меня дошедшихъ, слышалъ я слѣдующее. При овладѣніи Черкесами форта Вельяминовскаго, Навагинская гренадерская рота, за нѣсколько дней предъ тѣмъ высаженная для подкрѣпленія гарнизона, защищалась до послѣдней крайности и вся легла на мѣстѣ (выключая только 15 человѣкъ). При этомъ дѣлѣ сборище Черкесъ было, какъ говорятъ, до 7000 человѣкъ, которые, не смотря на то, что до 700 изъ нихъ было убито и очень много раненыхъ, взяли наконецъ верхъ и укрѣпленіемъ овладѣли. Шкиперъ одного изъ нашихъ купеческихъ судо̀въ, отвозившій провіантъ на Адлеръ и возвратившійся недавно въ Севастополь, сказывалъ, что, проходя Сочу, ему показалось, что въ самомъ укрѣпленіи было много Черкесъ, и заключаетъ, что едва ли оно ими не занято.

Отъ возвратившагося за повреждeніями въ Севастополь парохода «Боецъ» сдѣлалось извѣстнымъ, что будто бы 20-го сего Марта дано было чрезъ лазутчиковъ знать контръ-адмиралу Серебрякову, что горцы, въ числѣ до 15,000, собираются около Новороссійска и что, раздѣлясь на двѣ части, намѣрены напередъ напасть на укрѣпленія Никольское и Абинское, а потомъ соединиться и сдѣлать уже рѣшительное нападеніе на Новороссійскъ. До какой степени извѣстія эти заслуживаютъ вѣроятія, ручаться нельзя, и нѣтъ сомнѣнія, что генералъ Раевскій доноситъ обо всемъ въ Петербургъ съ бо̀льшою точностію и

подробностію. Но замѣтно однакожъ изъ всѣхъ этихъ происшествій, что укрѣпленія наши ва Восточномъ берегу и гарнизоны, въ оныхъ находящіеся, недостаточны для удержанія ихъ противу Черкесъ, и что не лишнее бы было около каждаго укрѣпленія прибавить по двѣ башни въ родѣ *Мортелло*, самыя же укрѣпленія привести въ лучшее и болѣе правильное оборонительное положеніе. Теперь для защиты Новороссійска и Геленджика въ первомъ стоитъ фрегатъ «Браиловъ», а во второмъ—корветъ «Пендераклія».

3.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 3 Апрѣля 1840.

Извѣстіе, доставленное шкиперомъ купеческаго судна о занятіи Черкесами форта Навагинскаго при Сочѣ не подтверждается, а напротивъ того оказывается ложнымъ: ибо послѣ того фортъ этотъ получилъ въ людяхъ подкрѣпленіе и по послѣднимъ извѣстіямъ все въ немъ было благополучно. Но спѣшу извѣстить вашу свѣтлость о несчастномъ происшествіи, случившемся въ Михайловскомъ укрѣпленіи, которое взято на сихъ дняхъ Черкесами. Извѣстіе это получилъ я сегодня чрезъ курьера отъ вице-адмирала Авинова въ частномъ письмѣ, который хотя офиціальнаго ничего о происшествіи семъ не имѣетъ, но слышалъ лично отъ генерала Раевскаго и капитанъ-лейтенанта Панфилова, которымъ передавали двое бѣжавшихъ казаковъ изъ числа семи, взятыхъ въ плѣнъ въ блокгаузѣ, при томъ же укрѣпленіи бывшемъ. Они сказываютъ, что нападеніе было сдѣлано въ числѣ около 7000 Черкесъ; гарнизонъ же въ укрѣпленіи состоялъ изъ 480; что дѣйствіе изъ укрѣпленія орудіями продолжалось $1\frac{1}{2}$ часа; что комендантъ крѣпости заранѣе расположилъ взорвать пороховой погребъ въ случаѣ, что гарнизонъ не выдержитъ нападенія, и когда всѣ наши были почти уничтожены и Черкесъ набралось въ укрѣпленіи очень много, то взрывъ послѣдовалъ, и говорятъ, что при этомъ до 2000 Черкесъ погибло. Мука же и всѣ запасы были зажжены благовременно, такъ что отъ этого укрѣпленія ничего имъ не досталось кромѣ множества мертвыхъ тѣлъ, какъ своихъ, такъ и до 450 нашихъ! Генералъ Раевскій приходилъ самъ на пароходѣ «Могучій» въ Севастополь 31-го Марта и, посадивъ на оный въ полномъ составѣ сформированную роту для Черноморскаго линейнаго баталіона, взялъ кромѣ того на буксиръ шкуну «Смѣлую», на коей помѣстилъ артиллерійскихъ чиновъ и на другой

день отправился въ Геленджикъ, на который, по извѣстіямъ отъ лазутчиковъ, Черкесы намѣрены тоже сдѣлать нападеніе.

Вотъ непріятныя извѣстія, ваша свѣтлость, полученныя отъ бѣжавшихъ изъ плѣна двухъ казаковъ, которыя, можетъ быть, и преувеличены; но не менѣе того вѣрно то, что Михайловское укрѣпленіе взято. Долго ли это продолжится?! Флотъ нашъ давно готовъ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ только войскъ.

4.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 6 Апрѣля 1840.

Курьеръ Балашовъ доставилъ мнѣ письмо ваше, любезный Михаилъ Петровичъ, равно какъ и оффиціальное донесеніе о потерѣ форта Вельяминовскаго или Туапсе. Извѣстіе это было уже получено наканунѣ военнымъ министромъ съ эстафетою отъ Раевскаго.

Здѣсь носится слухъ, что и Новотроицкое укрѣпленіе Пшады также взято горцами, но правительство никакого о семъ свѣдѣнія не имѣетъ. Редуты сіи въ совокупности, по разсказамъ очевидцевъ, въ самомъ беззащитномъ положеніи, и потому я нисколько не удивляюсь успѣхамъ горцевъ; видѣвъ же войска 5-го корпуса, опасаюсь и вящихъ успѣховъ во время поиска въ горы. Опасаюсь также, чтобы при десантахъ сухопутные генералы не пожертвовали матросами. Весьма желательно, чтобы при высадкахъ наши люди ограничились морскимъ дѣломъ, не составляя изъ судовыхъ экипажей сводныхъ батальоновъ для береговаго пѣхотнаго дѣйствія.

Головинъ выѣзжаетъ завтра и полагаетъ съ вами видѣться въ Николаевѣ или Севастополѣ. Условьтесь съ нимъ и съ Раевскимъ, что̀, какъ и когда привести въ исполненіе и меня увѣдомьте.

Египетскій вопросъ не разрѣшается по отводамъ Франціи въ пользу Мехмедъ-Али, а Англійское слабое министерство не смѣетъ рѣшительно дѣйствовать, опасаясь — чего?—award сквернаго Французскаго флота! До какого униженія дошли Виги! Ежели Ибрагиму вздумается идти къ Босфору съ открытіемъ весны, никто ему не въ состояніи будетъ воспрепятствовать овладѣть престоломъ султана.

5.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 8 Мая 1840.

О взятіи Черкесами Новотроицкаго укрѣпленія ничего еще здѣсь неизвѣстно, и полагать должно, что слухи эти несправедливы. Вѣроятно смѣшали его въ Николаевскомъ.

Редуты, выстроенные на Восточномъ берегу, конечно похожи болѣе на овчарни нежели на укрѣпленія, и при томъ изъ такихъ матеріаловъ, которые требуютъ безпрестаннаго исправленія, что̀ для гарнизона, состоящаго изъ одной или (много что) изъ двухъ неполныхъ ротъ, крайне отяготительно въ зимнее время. Войска 5-го корпуса незавидны; но есть надежда, что исправятся, потому что, какъ офицеры, такъ и солдаты, идутъ съ охотою. Прибылъ я сюда 1-го Мая съ тѣмъ, чтобы принять остальныя войска и сдѣлать репетицію высадки, оказавшуюся на первый разъ весьма неудачною отъ неловкости солдатъ, которые, при выскакиваніи изъ судовъ, перемочили всѣ ружья и сумы. Необходимо было сдѣлать репетицію въ другой разъ; но съ того времени погода стояла чрезвычайно бурная, такъ что ни репетиціи по причинѣ сильнаго буруна сдѣлать было нельзя, ни отправляться эскадрѣ по назначенію: потому что пришлось бы напрасно держаться подъ парусами до перемѣны вѣтра, въ продолженіи чего укачивало бы солдатъ и ослабило бы ихъ силы. Сегодня съ утра погода перемѣнилась, и высадка войскъ сдѣлалась гораздо удачнѣе; теперь они маневрируютъ на берегу (10 ч. утра), и коль скоро возвратятся и вѣтръ позволитъ, то немедленно снимусь и отправлюсь согласно сдѣланному распоряженію къ занятію взятаго Черкесами укрѣпленія при рѣчкѣ Туапсе. Послѣ десанта всѣ войска будутъ употреблены для обнесенія лагеря засѣками и для заготовленія запаса дровъ, что̀ можетъ продолжиться около 4-хъ дней. По окончаніи заготовленія дровъ, въ Туапсе останется одинъ полкъ 15-й пѣхотной дивизіи и Черноморскій казачій; а остальные три полка и артиллерія Кавказскаго корпуса посажены будутъ обратно на эскадру и высадятся противъ устья рѣки Псезуапе. По окончаніи же заготовки дровъ въ семъ пунктѣ, войска разровняются, сообразно тому, въ которомъ изъ двухъ мѣстъ признается болѣе удобнымъ выстроить бо̀льшее укрѣпленіе для одного баталіона и въ которомъ меньше для двухъ ротъ. Послѣ чего, выгрузивъ все, что̀ принадлежитъ войскамъ, на берегъ, эскадра отправится въ Севастополь.

Назначеніе въ дасантъ морскаго баталіона я отклонялъ, сколько могъ; но, получивъ офиціальное о томъ требованіе генерала Головина, копія съ котораго препровождена отъ меня при донесеніи вашей свѣтлости, я не считалъ себя въ правѣ отказать ему, тѣмъ болѣе, что онъ полагаетъ имѣть его въ резервѣ. Назначеніе это, не смотря на ничтожное число матросовъ, сдѣлало полезное вліяніе на солдатъ, которые ни разу еще непріятеля не видали. Вездѣ начались радостные толки, и солдаты примѣтно сдѣлались веселѣе. Какъ прикажетъ ваша свѣтлость на будущее время? Давать ли морской баталіонъ или отказывать, не смотря ни на какія предложенія или требованія? Но во

всякомъ случаѣ, я полагаю, невозможно будетъ отказать имъ въ тѣхъ людяхъ, которые назначаются для высадки артиллеріи, постановленія оной на лафеты и таски съ одного мѣста на другое, смотря по надобности. Матросы на это способнѣе.

Относительно вооруженія кораблей 36 фунтовою артиллеріею я не вижу до сихъ поръ никакого затрудненія, и нѣтъ сомнѣнія, что въ весьма скоромъ времени Англичане начнутъ вооружать корабли свои 42 фунтовыми орудіями, что̀ поровняетъ съ нашими 36-ми. 36-ти фунтовая пушка-карронада, по мнѣнію моему, не есть тяжелое орудіе для оберъ-дека 3-хъ дечнаго корабля, гдѣ прежде ставили 18-ти фунтовыя длинныя пушки, имѣвшія еще болѣе вѣсу. Ядро изъ 36-ти фунтовой пушки-карронады беретъ далѣе, нежели изъ короткой того же калибра пушки; зарядъ требуется половинный, орудіе занимаетъ менѣе мѣста, и откатъ самый умѣренный. Опыты, сдѣланные въ Николаевѣ, показали, что пушки-карронады во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣе короткихъ пушекъ; горизонтальный выстрѣлъ также далекъ, какъ и изъ длинной пушки того же калибра. Послѣ втораго возвышенія, ядро изъ длиннаго орудія начинаетъ брать далѣе; но это не можетъ имѣть никакого вліянія, когда пушка-карронада поставлена на такой возвышенности, какъ напримѣръ оберъ-декъ 3-хъ или 2-хъ дечнаго корабля. Для шканецъ и бака 36-ти фунтовыя пушки-карронады тяжелы; но удобнѣе, полагаю, замѣнить ихъ 24-хъ фунтовыми карронадами; разность калибровъ ядеръ не сдѣлаетъ никакого затрудненія, когда не находятъ онаго въ разности картузовъ.

6.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 21-го Іюня 1840.

Представляю вашей свѣтлости отпечатанный здѣсь штатъ, какъ настоящаго вооруженія, такъ и по запасу для военныхъ судовъ. Несправедливо бы было и непростительно съ моей стороны, еслибъ я не указалъ на главныхъ виновниковъ сего полезнаго и постояннаго труда, безъ участія коихъ едва ли бы штаты эти издались въ столь безошибочномъ, пространномъ и изящномъ видѣ, въ которомъ ваша свѣтлость ихъ усмотрите. Говорить о пользѣ этого изданія было бы излишне, потому что она сама собою докажется при первомъ взглядѣ на оное и подтвердится многими предбудущими годами; но мнѣ пріятно вспомнить, что первая мысль о необходимости исправленія изданнаго штата въ 1806 году принадлежитъ вашей свѣтлости и что мнѣ предоставлено было быть нѣкоторымъ образомъ исполнителемъ оной.

Говоря о выполненіи этого порученія, я невольнымъ образомъ опять обращаюсь къ тѣмъ лицамъ, которыя, можно сказать, постоянно и неутомимо онымъ занимались въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ; безъ усерднаго содѣйствія ихъ такого успѣха не могло бы быть, потому что самъ я, по многимъ отвлеченнымъ занятіямъ моимъ по службѣ, никогда бы не могъ удѣлить на то столько времени сколько требовалось, и потому труды ихъ я съ особенною къ нимъ признательностію имѣю честь при семъ офиціально представить на благоуваженіе вашей свѣтлости въ лестной надеждѣ, что вы обратите на нихъ начальническое ваше вниманіе и удостоите ихъ тѣхъ наградъ, которыхъ они заслуживаютъ.

Полезный трудъ этотъ наиболѣе принадлежитъ капитану 2-го ранга Корнилову. Постоянныя его занятія при одномъ помощникѣ (мичманѣ Львовѣ), котораго онъ самъ избралъ, значительно даже ослабили его здоровье; ибо заботъ дѣйствительно было очень много. Соображаясь со всѣми извѣстными иностранными штатами и разными изданіями о вооруженіи судовъ, онъ нашелъ возможнымъ подвести штатъ подъ нѣкоторыя правила, приложилъ новыя таблицы, имъ же изъ многихъ опытовъ составленныя, составилъ оригинальные чертежи, по которымъ 66 т. листовъ налитографированы и приложены къ штату; пополнилъ оный многими полезными правилами, относящимися до мачтоваго, паруснаго, флажнаго и блоковаго мастерства, которыхъ прежде не было. Словомъ сказать, неусыпными трудами и постоянною заботливостію капитана 2-го ранга Корнилова, штатъ этотъ, подробно мною разсмотрѣнный и одобренный, и представляется вашей свѣтлости въ такомъ видѣ, въ какомъ ни одна изъ морскихъ державъ никогда онаго не имѣла.

Мичманъ Львовъ содѣйствовалъ ему, какъ при вычисленіи и повѣркѣ таблицъ, такъ и строгимъ наблюденіемъ за отпечатаніемъ листовъ, которые по нѣскольку разъ въ день обращались изъ типографіи къ Корнилову и обратно: ибо въ подобнаго рода изданіяхъ ошибокъ или опечатокъ допускать не должно. Мичмана Львова я рѣшился отправить съ этими штатами, потому что въ случаѣ еслибы вашей свѣтлости угодно было сдѣлать какіе-либо вопросы при разсмотрѣніи оныхъ, то онъ можетъ дать удовлетворительное поясненіе, такъ какъ онъ ежеднево былъ употребляемъ при изданіи оныхъ. Кромѣ того, по измѣнившемуся назначенію Путятина, Львову поручено нѣсколько разъ побывать на Ижорскихъ заводахъ для понужденія въ выдѣлкѣ мѣднаго крѣпленія и обшивочныхъ листовъ и отправленія оныхъ въ возможной скорости, дабы не остановить кораблестроенія.

Наконецъ, нельзя не отдать справедливости и полковнику Кумани, который распорядительностію своею по типографіи и литографіи сдѣ-

далъ все, что только отъ подобнаго небольшаго заведенія, каково Николаевское депо, ожидать было можно. Въ офиціальномъ моемъ представленіи я не опредѣляю награды Корнилову и Кумани, опасаясь показаться неумѣреннымъ; но знаю, что хорошее денежное вспомоществованіе по семейнымъ ихъ обстоятельствамъ или увеличенное на будущее время содержаніе было бы всего другаго существеннѣе, особенно для перваго, который, будучи командиромъ экипажа и корабля, рѣдко когда въ состояніи пригласить къ столу кого-либо изъ своихъ офицеровъ; а это, признаться надобно, есть немалое изъ многихъ удовольствій лишеніе.

Вмѣстѣ съ симъ я рѣшился сдѣлать нѣкоторыя представленія и о другихъ офицерахъ къ вашей свѣтлости, не только потому что они участвовали въ занятіи мѣстъ, какъ по отличной службѣ ихъ и оказывающихся способностяхъ служить въ чинахъ высшихъ. Контръ-адмиралъ Станюковичъ, сколько я теперь узналъ его, есть одинъ изъ тѣхъ флагмановъ, которому болѣе нежели многимъ можно съ увѣренностію сдѣлать всякое морское порученіе. Высадка имъ войскъ въ глубокую осень прошедшаго году въ Анапѣ, при бывшихъ тогда обстоятельствахъ, было дѣло мастерское, и вообще онъ весьма распорядителенъ и дѣятеленъ по службѣ. Въ лейтенантѣ Гуляевѣ я въ продолженіи 3-хъ лѣтъ видѣлъ самаго исполнительнаго, дѣятельнаго и до тонкости знающаго дѣло капитанъ-лейтенанта на кораблѣ, должность коего онъ и исполнялъ въ продолженіе всего этого времени на «Силистріи», какъ лучше желать нельзя; въ чинѣ лейтенанта онъ уже 9-й годъ. Лейтенанта Истомина 3-го ваша свѣтлость непремѣнно произвели бы сами, еслибъ увидѣли возвратившуюся шкуну «Ласточку». Всеобщіе отзывы о ней Англичанъ и Французовъ, командовавшихъ военными судами въ Архипелагѣ и въ особенности капитана Лайонса (нынѣ Англійскаго посланника въ Аѳинахъ) возвышаютъ честь Россійскаго флага за границею. Глазенапъ былъ на шкунѣ «Ласточкѣ» и можетъ подтвердить мое мнѣніе, что въ лучшемъ порядкѣ военнаго судна видѣть невозможно. Истоминъ 8-й годъ какъ служитъ лейтенантомъ и 13 лѣтъ офицеромъ. Я намѣренъ представить вашей свѣтлости о назначеніи его командиромъ на имѣющій заложиться на дняхъ корветъ по чертежу «Дидоны», и въ такомъ случаѣ чинъ капитанъ-лейтенанта очень бы соотвѣтствовалъ таковому командованію. Познанія его и заботливость доставятъ флоту отличнѣйшій корветъ.

Капитанъ-лейтенантъ Хитрово въ полной мѣрѣ заслуживаетъ производства за необыкновенное усердіе и стараніе въ приведеніи 2-го учебнаго экипажа къ желаемому Государемъ совершенству. Успѣхъ

доказываетъ, что болѣе способнаго офицера къ образованію этого экипажа избрать было невозможно. Онъ неутомимъ въ своихъ занятіяхъ.

Желалъ бы сказать что-либо подобное объ инженерахъ строительной части, но рѣшительно невозможно. Составляемыя ими смѣты до такой степени огромны и несообразны съ обыкновенными понятіями, что останавливаютъ всякій ходъ. Производимыя же ими работы наводятъ одно уныніе: такъ они дѣлаютъ все мѣшкотно и безтолково. На дняхъ представлена на утвержденіе смѣта за подписомъ Богданова въ 12.806 рублей серебромъ на исправленіе занимаемаго мною дома. Но я соглашусь скорѣе жить въ конурѣ, нежели допустить подобное грабительство *). Начальника инженерной команды необходимо перемѣнить другимъ, понимающимъ свое дѣло и имѣющимъ болѣе понятія о чести.

Съ симъ же посланнымъ представляется вашей свѣтлости и финансовая смѣта на будущій годъ, согласно предписанію вашему, чтобы она изготовлена была къ 1-му Іюля. Я въ особенности прошу вашу свѣтлость исходатайствовать ассигнованіе потребной суммы на сухіе доки и новое адмиралтейство, какъ надобность совершенно неизбѣжную. Провіантскіе магазины, Мортоновъ элингъ и набережная для мачтоваго крана требуютъ скорѣйшаго окончанія по извѣстнымъ уже вашей свѣтлости причинамъ. Прошу продолженія покровительства вашей свѣтлости Севастопольскому порту: безъ него я ничего сдѣлать не въ состояніи.

7.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Петергофъ, 23-го Іюля 1840.

Между Россіею, Англіею, Пруссіею и Турціею заключена въ Лондонѣ конвенція по дѣламъ Египетскимъ. Постановлено предложить Мегметъ-Али наслѣдственное въ его родѣ владѣніе Египта и пожизненное владѣніе Сиріи до Бейрута безъ Дамаскаго и Алепскаго пашалыковъ, остальныя же мѣста, имъ завоеванныя, возвратить Портѣ. Въ случаѣ упорства со стороны паши, учреждается блокада; а между тѣмъ положено Англійскому флоту прекратить водяное сообщеніе Египта съ Сиріею, не ожидая отвѣта на предложеніе. Россія призывается къ защитѣ Константинополя въ случаѣ нападенія. Франція объявила себя неутральною.

Изъ сего вы усмотрите необходимость быть въ полной готовности отправиться въ Босфоръ по первому востребованію.

---

*) Золотыя слова. П. Б.

Какія предназначатся къ сей экспедиціи войска, не знаю; но полагаю, что 14-я дивизія имѣется въ виду, когда прибудетъ; въ крайнемъ же случаѣ три полка 13-й дивизіи, находящіеся въ Севастополѣ.

Но на Черноморскомъ флотѣ лежитъ еще другая обязанность: перевозка войскъ съ Абхазскаго берега, и обѣ перевозки случиться могутъ въ одно время.

По сему нужно будетъ вамъ, любезный Михайло Петровичъ, сообразить, какъ то и другое исполнить, во сколько рейсовъ перевести войска съ Абхазскихъ береговъ, сколько затѣмъ поднять можно десанта для высадки въ Босфоръ, на какое время имѣется продовольствіе для флота и десанта, какія нужно еще ассигновать суммы въ Россіи или кредитовать въ Константинополѣ?

О всѣхъ сихъ предметахъ буду ожидать отъ васъ подробнаго увѣдомленія.

Офиціальное извѣщеніе я отправлю къ вамъ съ Васильевымъ, лишь чрезъ нѣсколько дней послѣ совѣщанія, которое предполагается здѣсь по предмету вышеупомянутой конвенціи.

Письмо ваше со Львовымъ я получилъ и чрезъ него же отвѣчаю.

Я не только не сомнѣваюсь, но и совершенно убѣжденъ, что наши инженеры-строители, какъ и всѣ инженеры въ Россіи, сущіе мошенники и воры; но кѣмъ и какъ замѣнить ихъ?

Представленія ваши къ наградамъ за составленіе и напечатаніе судовыхъ штатовъ утверждены, за исключеніемъ производства не выслужившаго срока унтеръ-офицера типографіи въ 14-й классъ.

Представленіе о наградѣ трехъ офицеровъ за зимнее крейсерство орденами также утверждено; но о Станюковичѣ и прочихъ лицахъ, въ томъ же спискѣ помѣщенныхъ, Государь приказалъ повременить до окончанія кампаніи съ тѣмъ, чтобы вы вошли тогда съ новымъ представленіемъ.

Лейтенанты Гуляевъ и Истоминъ произведены; производствомъ же Хитрово не на ваканцію велѣно повременить до перваго выпуска унтеръ-офицеровъ изъ экипажа.

Государь уѣзжаетъ отсюда 27-го Іюля въ ночь на смотръ гренадерскаго корпуса въ Новогородской губерніи; оттуда поѣдетъ въ Гомель, на смотръ также Ридигерова корпуса; изъ Гомеля въ Кіевъ, куда прибудетъ 11-го Августа и съ 18-го Августа находиться будетъ въ Варшавѣ; въ С.-Петербургъ же возвратится съ Императрицею и невѣстою Наслѣдника, въ первыхъ числахъ Сентября.

Послѣ отъѣзда Государя я поѣду на воды въ Старую Русу, гдѣ пробуду до Сентября.

8.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Петербургъ, 29 Іюля 1840.

Я писалъ къ вамъ предварительно и партикулярно по настоящимъ обстоятельствамъ съ мичманомъ Львовымъ.

Къ офиціальному извѣщенію имѣю дополнить:

1) Что экспедиція вѣроятно не состоится собственно для защиты Константинополя противу Египтянъ; ибо, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, Мегметъ-Али, въ случаѣ разрыва, не къ Босфору намѣренъ идти, но занять Орфу и Діарбекиръ и округлиться въ Малой Азіи.

2) Что экспедиція можетъ состояться и что военныя дѣйствія могутъ быть противу Французовъ, ежели они войдутъ въ Дарданеллы.

3) Что (по единственному лишь моему личному убѣжденію) Англичане не поддержать насъ оружіемъ противу Французовъ: на таковой подвигъ министерство не довольно сильно.

4) Что сухопутный отрядъ поручится вѣроятно генералъ-лейтенанту Герштенцвейгу, а первыя войска отплывающія — генералу Даненбергу, который нынѣ начальникомъ штаба 5-го корпуса.

5) Корсакову военнымъ министромъ поручится наблюденіе за фрахтованіемъ судовъ Воронцовымъ или Ѳедоровымъ.

6) Безсрочно отпускные вѣроятно призовутся на службу.

9.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Секретно.

Милостивый государь Михайлъ Петровичъ!

Отправляя къ вашему превосходительству адъютанта моего, капитана 2-го ранга Васильева, съ секретными моими къ вамъ, милостивый государь, отношеніями за № 158 и 159, я считаю нужнымъ предупредить ваше превосходительство, что для единства распоряженій войсками морскими и сухопутными, буде они отправиться должны въ Босфоръ, высочайше предназначается генералъ-адъютантъ графъ Орловъ съ тою же властію и правами, кои ему присвоены были во время экспедиціи въ Константинополь въ 1833 году.

Ожидая капитана 2-го ранга Васильева обратно съ вашимъ отзывомъ на сіе отношеніе, обязываюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство, если вы сіе признаете нужнымъ, сообщить ему изустно и другія подробности, кои могли бы по сему дѣлу потребоваться, и ко-

торыя ваше превосходительство сочтете неудобнымъ изложить на бумагѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего превосходительства покорный слуга

К. Меншиковъ.

Въ С.-Петербургѣ, 29-го Іюля 1840.

10.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 3-го Іюля 1840.

Старикъ Юферовъ сокрушается объ отказѣ ему знака отличія безпорочной службы по случаю отысканной въ архивѣ отмѣтки въ кондуитномъ его спискѣ знаменитымъ Гамильтономъ еще въ 1797 году, что онъ преданъ игрѣ. Странный, а болѣе смѣшной этотъ случай заслуживаетъ быть извѣстнымъ.

Капитанъ-лейтенантъ Гамильтонъ (нынѣ вице-адмиралъ) въ 1797 году командовалъ брантвахтеннымъ бригомъ у Очакова, на которомъ Юферовъ служилъ мичманомъ. Отъ нечего дѣлать (какъ говорятъ) капитанъ съ офицерами своими, для препровожденія времени, ежедневно игралъ въ карты. Покуда капитанъ оставался въ выигрышѣ, дѣла шли очень мирно; но надобно же было, къ несчастію, къ концу кампаніи, колесу повернуться въ противную сторону, и офицеры обыграли капитана, за что оный въ досадѣ и отмѣтилъ всѣхъ ихъ преданными карточной игрѣ. Бѣдный Юферовъ, выйдя въ отставку въ 1805 году и получивъ аттестатъ отъ Адмиралтействъ-Коллегіи, который я самъ видѣлъ и въ которомъ сказано, что въ продолженіе службы его онъ всегда атестовался достойнымъ, совершенно забылъ о случившемся происшествіи въ 1797 году, какъ вдругъ, при представленіи о наградѣ его знакомъ отличія, неожиданно отысканная отмѣтка Гамильтона поставила ему въ томъ преграду.

Ежели ваша свѣтлость полагаете возможнымъ освободить Юферова отъ неодобрительной атестаціи Гамильтона, положенной за 43 года тому назадъ, которой впрочемъ бывшій капитанъ самъ болѣе другихъ заслуживалъ, то снисхожденіемъ вашимъ вы совершенно его осчастливите. Подлинный атестатъ, подписанный членами Адмиралтействъ-Коллегіи, Юферовъ вмѣстѣ съ симъ представляетъ въ Инспекторскій Департаментъ.

11.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 15-го Августа 1840.

На письма вашей свѣтлости отъ 23-го и 29-го чиселъ, полученныя мною, первое съ Львовымъ, а послѣднее съ адъютантомъ Васильевымъ, имѣю честь отвѣтствовать. Бывъ на дняхъ въ Севастополѣ, я нашелъ корабль «Чесму» къ плаванію совершенно неблагонадежнымъ и для перевозки войскъ весьма опаснымъ; слѣдовательно однимъ кораблемъ будетъ менѣе.

Генералъ Раевскій проситъ прислать суда за войсками въ разныя мѣста Восточнаго берега къ 27-му числу Августа, предваряя однакоже, что онъ писалъ къ военному министру и просилъ отсрочки до 15-го Сентября, по тому убѣжденію, что къ 1-му Сентября укрѣпленія не будутъ окончены и на зимнее время останутся въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ были въ прошедшую зиму. Не получая никакого объ отсрочкѣ увѣдомленія, кораблямъ «Марія», «Анапа» и «Златоустъ», фрегатамъ «Эносъ», «Штандартъ» и «Тенедосъ» подъ начальствомъ контръ-адмирала Захарьина, предписано отправиться изъ Севастополя по назначенію 22-го сего мѣсяца и перевезти войска въ два рейса. Затѣмъ для перевозки десанта въ Босфоръ остается 8 кораблей и 3 фрегата, изъ коихъ корабль «Силистрія» находится въ Цемесской бухтѣ для положенія мертвыхъ якорей; но для возвращенія онаго, въ случаѣ надобности, не смотря на неоконченное имъ дѣло, имѣется въ виду одно изъ легкихъ судовъ нарочно для того въ Севастополѣ. Коль скоро якоря будутъ положены, то кораблю и безъ того предписано немедленно возвратиться въ Севастополь.

Ежели требованіе повѣреннаго въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ о присылкѣ флота и десанта послѣдуетъ прежде возвращенія Виленскаго полка, то войскъ 13-й дивизіи кромѣ артиллеріи и казаковъ наберется въ Севастополѣ не съ большимъ 7000 человѣкъ, что̀ будетъ крайне недостаточно. Жаль очень, что не 14-я дивизія, какъ ваша свѣтлость предполагали, а 15-я назначена въ десантъ; потому что послѣдняя людьми очень слаба, и съ того времени, какъ она находится на Восточномъ берегу, много уже больныхъ изъ оной перевезены въ Ѳеодосію, и теперь находится еще тамъ для перевоза въ Севастополь и Одессу 1100 человѣкъ. Отъ нея много пользы ожидать нельзя.

Изъ офиціальнаго моего донесенія ваша свѣтлость усмотрите, сколько войскъ можно будетъ поднять оставшимися судами, а равно и тогда, когда возвратятся отправляющіеся корабли къ Черкесскимъ бе-

регамъ, буде ранѣе сего не потребуются, за исключеніемъ однакожъ корабля «Маріи», съ котораго по слабости снимается половина артиллеріи и котораго послать въ Босфоръ ненадежно. Кромѣ сего имѣется въ виду отдѣлывающійся при Николаевскомъ портѣ корабль «Гавріилъ», который хотя и тронется отсюда къ Очакову въ половинѣ Сентября, но окончательно изготовится въ Севастополѣ не ранѣе какъ къ исходу Октября. Затѣмъ останутся изъ числа эскарды контръ-адмирала Захарьина три фрегата: «Тенедосъ», «Эносъ» и «Штандартъ»; первый изъ нихъ требуетъ исправленія, а остальные предполагается оставить въ Севастополѣ на предварительный случай.

Изъ представляемой же вѣдомости о провизіи ваша свѣтлость изволите замѣтить, что оной съ излишествомъ достаточно, исключая сухарей и масла. При безпрестанномъ, можно сказать, плаваніи эскардъ и перевозкѣ войскъ не было возможности поддержать количество сухарей въ соразмѣрности съ остальною провизіею по причинѣ разрушеннаго и безпрестанно приходящаго въ худшее состояніе сухарнаго завода, не взирая на то, что и нынѣ продолжается выпекаться оныхъ ежемѣсячно до 10 т. пудовъ. Хотя и можно бы было увеличить количество оныхъ, отдавъ на выпечку въ партикулярные дома за плату; но хранить ихъ рѣшительно не имѣется мѣста; нынѣ же, по встрѣтившейся въ нихъ экстренной надобности, приказано употребить вышесказанныя средства и по мѣрѣ выпечки отдавать для храненія на корабли, на которыхъ кромѣ количества, показаннаго въ вѣдомости, имѣется еще на одинъ мѣсяцъ. Изъ этого обстоятельства ваша свѣтлость легко можете убѣдиться, до какой степени скорѣйшее построеніе провіантскихъ магазиновъ въ Севастополѣ необходимо. Въ маслѣ же недостатка не предвидится, ибо въ скоромъ времени ожидается значительное количество онаго отъ поставщиковъ и ежели понадобится, то можетъ быть доставлено въ Босфоръ въ свое время.

Исправленіе должности главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ я полагалъ бы удобнѣе на время отсутствія моего поручить начальнику штаба, не отвлекая отъ весьма важныхъ занятій командира Севастопольскаго порта, какъ старшаго по мнѣ лица, что̀ и представляется на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости; если же таковое предположеніе признается неудобнымъ, то я буду ожидать дальнѣйшихъ предписаній, какъ поступить въ такомъ случаѣ.

Объ остальныхъ предметахъ я доношу вашей свѣтлости офиціально же со всѣми подробностями и заключаю мое письмо тѣмъ, что флотъ будетъ готовъ по первому востребованію, лишь бы только не было остановки со стороны войскъ.

12.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 16-го Октября 1840.

Представляя при семъ для любопытства вашей свѣтлости извлеченія изъ рапортовъ о дѣйствіяхъ союзныхъ силъ на берегахъ Сиріи, имѣю честь увѣдомить, что повѣренный нашъ въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ Титовъ извѣщаетъ меня въ партикулярномъ письмѣ, что Французская эскадра располагаетъ зимовать въ Наваринѣ и что, по мнѣнію его, при быстромъ успѣхѣ дѣйствія Турецкихъ и союзныхъ войскъ противъ Египетскаго въ Сиріи управленія, едва ли можно ожидать, чтобы Франція рѣшилась принять вооруженною рукою какое-либо неблагопріятное для Порты участіе въ политическихъ событіяхъ Леванта. Послѣ всѣхъ этихъ извѣстій я начинаю думать, что едва ли экспедиція наша понадобится столь экстренно, какъ она предполагалась и какъ чрезъ отправленіе флотскихъ нижнихъ чиновъ изъ Николаева въ Севастополь работы здѣсь по адмиралтейству почти прекратились; а транспорты, долженствующіе снабдить до закрытія водяной коммуникаціи Севастопольскій портъ, остаются тамъ въ напрасномъ ожиданіи безъ всякаго дѣйствія: то я рѣшился возвратить изъ Севастополя необходимое число людей нынѣ же для безостановочнаго продолженія здѣсь работъ по кораблестроенію, тѣмъ болѣе, что зимовать имъ тамъ рѣшительно не имѣется мѣста. Въ случаѣ же востребованія эскадры до прекращенія коммуникаціи я удержу здѣсь столько транспортовъ, что можно будетъ отправить людей на нихъ по первой въ нихъ надобности; а если таковая признается нужною въ теченіе зимы, то люди могутъ прибыть въ Севастополь берегомъ и поспѣть къ тому времени, что соберутся наши войска, расквартированныя по новому распоряженію военнаго министра въ Днѣпровскомъ уѣздѣ. Чрезвычайно непріятно напрасно ожидать, упускать дорогое время и ничего не дѣлать. Корабль «Гавріилъ» находится у Очакова, и погода стоитъ столь неблагопріятная и дождливая, при крѣпкихъ вѣтрахъ, что совершенно мѣшаетъ всякой работѣ въ пріуготовленіи корабля къ отплытію въ Севастополь, такъ что я не думаю, чтобы онъ успѣлъ уйти прежде исхода сего мѣсяца; но коль скоро онъ придетъ въ Севастополь, то немедленно поставитъ свои орудія и будетъ готовъ чрезъ недѣлю. Я думаю однакожъ дать ему попрактиковать команду недѣли двѣ въ морѣ съ тѣмъ, чтобы каждый день показывался на видъ Севастополя и можно бы было сигналомъ призвать его въ портъ, когда понадобится.

Къ 1-му Ноября полагаю спустить корабль «Уріилъ» и фрегатъ «Месемврію»; но «Двѣнадцать Апостоловъ» долженъ будетъ остаться до весны, потому что несвоевременная доставка болтовой мѣди невольнымъ образомъ сдѣлала большую остановку въ изготовленіи его.

Капитанъ 2-го ранга Васильевъ давно уже какъ писалъ мнѣ, что ваша свѣтлость приказали собрать всѣ свѣдѣнія и чертежи относительно канонирскихъ лодокъ; но до сего времени ничего еще не прислано, и я нахожусь въ нетерпѣливомъ ожиданіи начать построеніе оныхъ. Сдѣлайте одолженіе, ваша свѣтлость, прикажите поторопиться высылкою ихъ и если можно, то утвердить чертежъ, по которому вы признаете за лучшее строить ихъ или разрѣшить избрать по усмотрѣнію моему изъ нихъ лучшій.

Штаты наши еще не утверждены, но портовые крайне необходимы для приведенія адмиралтействъ нашихъ въ тотъ порядокъ, въ которомъ видѣть ихъ хочется. Позвольте просить вашу свѣтлость утвердить хотя послѣдніе: они никакого особаго ассигнованія не потребуютъ, ибо увеличеніе окладовъ и прибавка чиновъ принимается на счетъ нормальной смѣты.

Генералъ-лейтенантъ Брокеръ безпрестанно требуетъ перевозки разныхъ орудій, плацъ-формъ подъ орудія, лафетовъ, снарядовъ и патроновъ. Огромное количество всего этого на судахъ нашихъ уже перевезено въ разныя береговыя укрѣпленія; а теперь онъ проситъ перевезти еще нѣсколько милліоновъ патроновъ для Эривани, Ахалъ-цыха и Александрополя въ Редутъ-Кале, и даже съ нѣкоторою угрозою, что ежели въ теченіе этого мѣсяца они не доставятся, то онъ послѣдствія на свою отвѣтственность не приметъ. Я ему однакоже отказалъ по неимѣнію средствъ и тѣмъ болѣе, что собственно для надобностей Черноморскаго вѣдомства мы сами зафрахтовываемъ суда по недостатку транспортовъ. Писалъ однакоже я къ генералу Раевскому и просилъ его, не пришлетъ ли онъ за тѣми патронами одинъ изъ Кавказскихъ транспортовъ, такъ какъ это прямая ихъ забота; но и онъ отказалъ, отзываясь, что ни одного удѣлить не можетъ. Я предувѣдомляю вашу свѣтлость на случай, что артиллерійское начальство вздумаетъ жаловаться. Они имѣютъ свои суммы и точно также могли бы нанимать суда, какъ и мы иногда дѣлаемъ.

Позвольте просить вашу свѣтлость о переводѣ въ Черноморскій флотъ мичмана 8-го экипажа Унковскаго 1-го, и ежели соизволеніе ваше на то послѣдуетъ, то о назначеніи его въ 41-й экипажъ.

13.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 15 Ноября 1840.

Въ Англійскихъ журналахъ 1839 года напечатанъ былъ договоръ, къ коему вынудилъ Афганскій шахъ одного изъ покоренныхъ имъ хановъ и между прочими условіями обязывалъ его имѣть сады и изъ сихъ садовъ посылать къ шахскому столу арбузы.

Похожую на сей договоръ конвенцію получите съ симъ вмѣстѣ отъ меня офиціально.

Въ актѣ семъ полномочные уронили достоинство Россіи, допустивъ Австрійское вмѣшательство въ наше приморское управленіе и контроль на наши берега, и что́ же выговорили въ замѣнъ? *Плаваніе Русскихъ судовъ по Дунаю въ предѣлахъ Австрійскихъ*, тогда какъ плаваніе сіе физически невозможно: ибо у границъ Венгріи съ Валахіею Дунай пересѣкается порогами и водоворотами, не допускающими никакого плаванія ни вверхъ, ни по теченію. Пороги сіи объѣзжаются на телѣгахъ, какъ пасажирами, такъ и товарами и не могутъ даже быть обойдены каналомъ, потому что прокопать бы его должно было въ Турецкихъ владѣніяхъ.

Сіе изложеніе вамъ объяснитъ то, что̀ показалось бы вамъ или неяснымъ или страннымъ въ офиціальной перепискѣ моей съ г. Нессельродомъ о конвенціи 13 (25) Іюля сего года. Преданный вамъ

Князь Меншиковъ.

1.

1841 годъ.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 16-го Генваря 1841.

Письмо вашей свѣтлости отъ 24-го Декабря съ адъютантомъ вашимъ штабсъ-капитаномъ Баумгартеномъ, какъ равно и вслѣдъ затѣмъ по почтѣ записку съ приложеніемъ копіи указа о увеличеніи и продолженіи мнѣ аренды, я имѣлъ честь получить. Не нахожу словъ благодарить вашу свѣтлость за столь существенную для меня награду, тѣмъ болѣе, что я не ожидалъ ея и долженъ приписать ничему другому, какъ благосклонному вашему расположенію ко мнѣ. Не причтите къ неблагодарности ваша свѣтлость, что не отвѣчалъ немедленно по полученіи извѣстія этого: я все ожидалъ возвращенія изъ Севастополя Баумгартена, чтобы писать съ нимъ; но, повидимому, составленіе от-

четнаго плана работамъ по сухимъ докамъ задержало его тамъ долѣе нежели какъ ожидалъ онъ; ибо вотъ уже 11 дней, какъ онъ отсюда отправился, а о возвращеніи его я по сіе время ничего еще не слышу.

Нескорое выполненіе предписаній вашей свѣтлости терзаетъ меня и сердитъ болѣе, нежели какъ вы вообразить себѣ можете, и я самъ не понимаю въ чемъ комитетъ сухихъ доковъ затрудняется при составленіи таковаго плана. Намѣреніе мое при самомъ началѣ было отлитографировать его, коль скоро будетъ доставленъ; шесть разъ было повторяемо о томъ же, и всякій разъ я получалъ въ отвѣтъ, что дѣломъ этимъ занимаются. Я просилъ Баумгартена, чтобы онъ указалъ имъ составить таковой планъ и, не получивъ его, не оставлялъ бы Севастополя. Впрочемъ, не смотря на недостатокъ въ отчетномъ планѣ (который приписать должно ни къ чему другому, какъ къ нѣкоторому недоразумѣнію въ составленіи онаго), я могу увѣрить вашу свѣтлость, что работы по докамъ и новому адмиралтейству продолжаются (по мѣрѣ средствъ) съ тѣмъ же тщаніемъ и дѣятельностію, какъ и прежде. Увѣренъ также и въ томъ, что подтвердятъ эти слова мои какъ Корсаковъ, который осматривалъ работы предъ отправленіемъ отсюда, такъ и Баумгартенъ, когда возвратится въ Петербургъ.

Фл.-адъютантъ Барат.-й, сказавъ, что, при положеніи мертвыхъ якорей въ Цемесѣ, *скованные въ адмиралтействѣ болты* лопнули, донесъ Государю несправедливо; потому что никакихъ болтовъ въ адмиралтействѣ здѣсь не ковали и никакіе болты не лопались; а у двухъ бриделей болты изъ скобъ, соединяющихъ бридели съ грунтовыми цѣпями, выпали; но они такъ присланы были изъ Англіи, и ваша свѣтлость усмотрите изъ прилагаемаго рисунка, что это случилось отъ того, что концы ихъ обрѣзаны были подъ лицо съ скобою и заклеплены желѣзными клиньями, которые вѣроятно отъ движенія цѣпей во время волненія выпали, а вмѣстѣ съ ними выпали и самые болты. Этого никто предвидѣть не могъ, потому что цѣпи чрезъ генеральнаго консула нашего выписывались того самаго устройства, котораго кладутся оныя въ Англійскихъ портахъ. Они были доставлены и положены какъ должно съ полною увѣренностію, что все исправно; но вышло иначе. Всѣ возможныя предосторожности, при положеніи мертвыхъ якорей, были приняты. Въ бытность корабельнаго инженера Дмитріева въ Англіи выписаны были чрезъ него чертежъ и самая модель плашкоута, обыкновенно при положеніи мертвыхъ якорей употребляемыхъ, и таковыхъ плашкоутовъ подъ надзоромъ его же Дмитріева (по возвращеніи его) построено здѣсь два со всѣми принадлежностями и отведены въ Цемесъ. Когда все было готово, тогда отправленъ былъ туда корабль «Силистрія», и для положенія тѣхъ якорей капитану Нахимову даны были

подробнѣйшія наставленія, при чемъ отправленъ былъ и самъ Дмитріевъ, который имѣлъ всѣ нужныя для того свѣдѣнія: ибо, по данной ему инструкціи, онъ, будучи въ Англіи, нѣсколько разъ лично находился при положеніи мертвыхъ якорей съ тѣмъ, чтобы онъ могъ руководствовать работою при положеніи таковыхъ въ Цемесѣ. Онъ и теперь говоритъ, что у всѣхъ цѣпей, которыя онъ въ Англіи видѣлъ, болты сдѣланы точно также, какъ и у присланныхъ; Нахимова же я назначилъ потому, что никто другой лучше бы его не распорядился.

Не смотря на эту неудачу, я беру на себя смѣлость увѣрить вашу свѣтлость, что мертвые якоря въ Цемесѣ положены будутъ какъ слѣдуетъ. Теперь куются здѣсь при адмиралтействѣ другіе болты съ чеками на самыя скобы, на случай что и онѣ выпали изъ звѣньевъ, когда болтовъ уже не было. Прилагаемый чертежъ объяснитъ вашей свѣтлости, какъ было сдѣлано въ Англіи и какъ изготовляется теперь. Съ наступленіемъ весны Нахимовъ вновь отправится съ Дмитріевымъ и бывшими при этой работѣ такелажъ-мейстерами въ Цемесъ, поднимутъ всѣ мертвые якоря, которыхъ 12, перемѣнятъ всѣ болты (т. е. и тѣ, которые хотя и не выпали, но могутъ выпасть впослѣдствіи) другими съ чеками и снова положатъ.

Несправедливое донесеніе флигель-адъютанта Б-аго налагаетъ на меня обязанность утруждать и просить вашу свѣтлость доложить Государю Императору о мертвыхъ якоряхъ такъ, какъ оно дѣйствительно было, а не такъ, какъ выдумалъ Б-кій, навлекшій чрезъ то неудовольствіе Его Величества, которое, къ величайшему сожалѣнію моему, я не могу не принять на мой счетъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ я убѣдительнѣйше прошу вашу свѣтлость не лишать Нахимова награды, къ которой онъ представлялся 19-го Іюня прошедшаго года не за положеніе якорей, но вмѣстѣ съ другими при занятіи Туапсе и Псезуапе, гдѣ онъ при высадкѣ десанта всѣмъ распоряжался и игралъ (такъ сказать) главную роль. Для него прискорбно будетъ ничего не получить за такое дѣло, за которое получили вмѣстѣ съ нимъ бывшіе младшіе его: Вукотичъ, Истоминъ и Коронаки.

2.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 14 Февраля 1841.

Съ сею почтою я имѣлъ честь представить на благоуваженіе вашей свѣтлости объ у.-офицерѣ Богдановѣ, выключенномъ изъ Морскаго Корпуса. Генералъ-лейтенантъ Раевскій, имѣвъ его на глазахъ въ про-

долженіе почти 3-хъ лѣтъ, находитъ его довольно уже наказаннымъ за шалости, учиненныя имъ въ дѣтствѣ и, принимая въ немъ участіе, проситъ о переводѣ его во флотъ и производствѣ въ мичмана. Онъ сынъ вице-директора Коммисаріатскаго Департамента и выключенъ за составленную имъ статистику Морскаго Корпуса, въ которой онъ между многими сродными лѣтамъ его остротами написалъ, что господствующая въ корпусѣ вѣра есть Лютеранская и разныя другія глупости, относящіяся до управленія Ив. Ѳедоровича Крузенштерна. Онъ прослужилъ въ нижнихъ чинахъ на Кавказѣ болѣе 4-хъ лѣтъ. Я видѣлъ его тамъ два раза и видѣлъ, сколь много онъ раскаевается въ необдуманныхъ шалостяхъ своихъ, содѣланныхъ имъ въ самой молодости. Сколько могъ я замѣтить, то въ немъ осталась еще искра надежды на прощеніе и рано или поздно возвратиться въ кругъ своихъ товарищей, и въ этой-то надеждѣ онъ продолжаетъ заниматься науками до морскаго офицера относящимися. Не соизволите ли, ваша свѣтлость, бросить милостивый взглядъ на несчастнаго этого юношу—простить его и тѣмъ осчастливить отца, который въ немъ одномъ ожидаетъ еще найти утѣшеніе? Онъ еще не потерялся и показался мнѣ мальчикомъ умнымъ, но видимо потерпѣвшимъ въ здоровьи отъ душевныхъ страданій. Дурныхъ или, такъ сказать, черныхъ поступковъ я за нимъ не слыхалъ; а напротивъ всѣ офицеры, которые знали его, относились съ особенною похвалою.

Отзывъ генеральнаго нашего консула въ Лондонѣ Бенкгаузена относительно заказа двухъ пароходовъ я имѣлъ честь представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости въ оригиналѣ. Позвольте просить согласія вашей свѣтлости на выписку двухъ пароходовъ въ 180 силъ каждый, какъ онъ предлагаетъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такіе пароходы будутъ полезнѣе для насъ нежели въ 140 силъ. Въ пароходахъ мы вообще здѣсь крайне нуждаемся, не говоря уже о большихъ въ 300 или 400 силъ, которыхъ, Богъ знаетъ, будемъ ли когда нибудь имѣть. Впрочемъ такіе огромные пароходы не такъ еще и нужны намъ, какъ посредственной величины, т. е. въ 180 силъ или около того; они сжигаютъ непомѣрное количество угля, и содержаніе ихъ стоитъ очень дорого. Два парохода, какіе предлагаетъ Бенкгаузенъ, обезпечать совершенно сообщеніе наше не только по Черному морю, но куда бы то ни понадобилось; а цѣна, кажется, весьма умѣренная, ибо построить ихъ здѣсь стоило бы гораздо дороже. Ежели послѣдуетъ разрѣшеніе на заказъ двухъ пароходовъ въ Англіи, то позвольте просить вашу свѣтлость, чтобы это было не иначе какъ съ мѣдными котлами; ибо доказано уже, что желѣзные котлы не составляютъ для насъ ни малѣйшей экономіи. «Колхида» можетъ служить тому яснымъ примѣромъ: желѣзные

на ней котлы, по прошествіи трехъ лѣтъ и послѣ нѣсколькихъ уже исправленій, оказались совершенно негодными; теперь дѣлаются вмѣсто ихъ мѣдные, но на устроеніе ихъ потребуется (при всѣхъ средствахъ нашихъ) не менѣе какъ 8 мѣсяцевъ времени. Мѣдные же котлы могутъ съ увѣренностію прослужить 8 лѣтъ, по прошествіи каковаго времени, ежели перемѣнить дно, то прослужатъ еще по крайней мѣрѣ 4 года, и за всѣмъ тѣмъ останется металлъ, имѣющій значительную стоимость, тогда какъ желѣзный послѣ 3-хъ лѣтъ надобно будетъ бросить безъ всякой пользы.

3.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Секретно.

Предполагается экспедиція противъ Убыховъ, и кромѣ сихъ войскъ *вѣроятно* перевезутся 3 или 4 батальона изъ Тамани.

25 Апрѣля 1841.

4.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 6 Мая 1841.

Записочку вашу, приложенную при секретномъ повелѣніи о предполагаемой экспедиціи противъ Убыховъ, я имѣлъ честь получить и спѣшу увѣдомить вашу свѣтлость, что флотъ будетъ готовъ перевезти войска, откуда бы они назначены не были. Убыховъ давно бы слѣдовало попугать порядкомъ: они одни, которые возмущаютъ всѣхъ прочихъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становятся дерзки.

Позвольте просить вашу свѣтлость и напомнить о исходатайствованіи хотя одного парохода въ 180 силъ для Черноморскаго флота, о которомъ я имѣлъ честь представлять въ недавнемъ времени. Одна крайность вынуждаетъ къ этому, а иначе я не безпокоилъ бы. «Силачъ», находящійся теперь въ Константинополѣ, играетъ весьма жалкую роль среди множества прекрасныхъ пароходовъ иностранныхъ державъ. Кавказскіе же пароходы, кромѣ однихъ хлопотъ и обремененія адмиралтейства безпрестанными работами, ни малѣйшей пользы собственно для флота не приносятъ. Недавно вытаскивали на берегъ «Колхиду» для исправленія подводной части: надобно было разобрать машину и вынимать котлы; а теперь опять собираемъ оную и дѣлаемъ новые котлы. «Могучій» исправлялся въ теченіе всей зимы, а нынѣ исправляемъ «Бойца».

Позвольте также просить вашу свѣтлость не оставить исходатайствованіемъ просимой суммы на достройку Петро-Павловской церкви въ Севастополѣ. Время наступило теперь самое удобное для продолженія работъ, которыя въ нынѣшнемъ лѣтѣ и окончились бы, еслибы имѣли къ тому средства. Но до сихъ поръ полувозведенное это зданіе остается такъ, и ничего не дѣлается по неимѣнію денегъ. Вопросъ оберъ-прокурора Синода о томъ, что поручится ли Черноморское управленіе въ выплатѣ требуемой суммы въ теченіи пяти лѣтъ, весьма страненъ, и тѣмъ болѣе, что Петро-Павловская церковь принадлежитъ епархіальному, а не Черноморскому вѣдомству. Кромѣ того онъ можетъ быть твердо увѣренъ, что чѣмъ скорѣе она будетъ окончена, тѣмъ скорѣе начнется церковный отъ нея доходъ; а въ противномъ случаѣ издержанныя на нее деньги можно считать пропавшими безъ всякой пользы.

Покорнѣйше прошу также вашу свѣтлость о разрѣшеніи гравировать виды береговъ Чернаго моря въ Лондонѣ; они сдѣланы будутъ въ $2\frac{1}{2}$ раза дешевле и въ половину времени, нежели въ Петербургѣ.

5.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 26 Августа 1841.

Имѣю честь увѣдомить вашу свѣтлость, что г. сарваеръ или, такъ сказать, главный кораблестроитель Англійскихъ адмиралтействъ, sir Willlam Simonds на дняхъ былъ здѣсь и просилъ дозволенія осмотрѣть наше кораблестроеніе и свойство лѣсовъ, изъ коихъ военныя суда здѣсь строятся, въ чемъ и не было ему отказано. Онъ по обязанности своей былъ въ Мальтѣ для закладки тамъ сухаго дока и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлъ дозволеніе отъ своего правительства пробыть еще шесть недѣль для посѣщенія Аѳинъ, Константинополя и портовъ нашихъ въ Черномъ морѣ. Изъ Константинополя онъ сопутствовалъ Англійскому посланнику (назначенному въ Персію) въ Требизондъ на пароходъ «Полифемъ», который, высадивъ посланника, завезъ Саймондса въ Одессу и въ тотъ же день отправился обратно въ Босфоръ. Въ Одесскомъ карантинѣ Саймондсъ пробылъ 14 дней и на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда» прибылъ въ Николаевъ, гдѣ осматривалъ кораблестроеніе и посѣщалъ корабль «Двѣнадцать Апостоловъ», фрегатъ «Месемврію» и нѣкоторыя мелкія суда; на другой день я самъ отправился съ нимъ въ Севастополь и показывалъ ему все, что́ болѣе заслуживаетъ по его части вниманія, и кажется мнѣ, что онъ нашелъ все въ гораздо

бо̀льшемъ размѣрѣ и лучшемъ видѣ, нежели онъ ожидалъ. Около Очакова онъ осматривалъ вышедшій изъ Николаева корабль «Селафаилъ», бывшій уже совершенно отдѣланный, а въ Севастополѣ—корабли «Три Святителя», «Гавріилъ» и фрегатъ «Флору». Въ Севастополѣ онъ также пробылъ одни только сутки и отправился на пароходѣ въ Одессу для слѣдованія чрезъ Вѣну въ Англію и, казалось, очень торопился по случаю неожиданной имъ перемѣны министерства.

Прошу извиненія у вашей свѣтлости, что не увѣдомилъ васъ немедленно по возвращеніи моемъ изъ Севастополя; причиною тому была 6-ти-дневная болѣзнь, происшедшая отъ необыкновенныхъ жаровъ, какихъ здѣсь не запомнять (ибо неоднократно имѣли 31° въ тѣни) и съ тѣмъ вмѣстѣ простуды, причинившей мнѣ подобную же боль въ боку, какую испыталъ я по возвращеніи изъ Средиземнаго моря на «Азовѣ» въ 1830 году.

1842 годъ.

1.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 27 Марта 1842.

Соизволеніе Государя Императора на заказъ въ Англіи парохода не менѣе 240 силъ или близъ того такъ меня обрадовало, что я не могъ рѣшиться пропустить ни одной почты, чтобъ не сообщить о томъ Бенкгаузену, къ которому пишу сегодня же. Нетерпѣніе это отнесите, ваша свѣтлость, болѣе къ тому, что какъ пароходъ этотъ будетъ составлять собственную принадлежность Черноморскаго флота, то, чрезъ благовременный заказъ, наборъ его будетъ имѣть время три или четыре лучшихъ лѣтнихъ мѣсяца посохнуть подъ крышею, и чрезъ то срокъ служенія его будетъ продолжительнѣе. Причина же, по которой пароходъ заказанъ точно такой же величены и машины, на томъ же заводѣ, я имѣлъ честь объяснить въ офиціальномъ моемъ сегодня донесеніи къ вашей свѣтлости. Четыре парохода, заказанные для сообщенія между Одессою, Крымомъ и Константинополемъ въ теченіе мирнаго времени (которое можетъ продолжаться и долго) будутъ для флота совершенно безполезны; а къ тому времени, какъ понадобятся, то я опасаюсь, что ихъ такъ отдѣлають, что потребуютъ весьма важныхъ исправленій. Я очень благодаренъ вашей свѣтлости за участіе, которое вы изволили принять въ исходатайствованіи намъ этого парохода, который мы постараемся беречь какъ нельзя болѣе; я увѣренъ, что онъ прослужитъ долго, лишь бы не приказано было давать Кавказ-

скому корпусу, очередуясь съ ихъ пароходами, которые, находясь тамъ по 6-ти мѣсяцевъ сряду и въ особенности зимою, терпятъ чрезвычайно много. Я надѣюсь, что ваша свѣтлость не дозволите имъ пользоваться нашимъ пароходомъ, кромѣ какъ въ какихъ экстренныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при высадкѣ войскъ съ эскадрою и тому подобныхъ.

По Южному округу безпорядокъ все продолжается, и я рѣшительно не доумѣваю, какія принять мѣры, чтобы эти инженеры болѣе занимались своимъ дѣломъ. Полковникъ Б. давно уже какъ боленъ послѣ полученной имъ простуды, и отъ этого дѣла идутъ еще хуже; а Б.— человѣкъ безсловесный и на молодыхъ инженеровъ никакого вліянія не имѣетъ. Дамбу, построенную въ Измаилѣ для предохраненія мола, размыло отъ совершеннаго невѣжества въ построеніи оной; а на дняхъ, бывъ въ Севастополѣ, я лично удостовѣрился, что предположенной стѣны, вокругъ пороховаго погреба, представленной и получившей высочайшее утвержденіе, построить невозможно, ибо берегъ отъ самаго погреба возвышается въ гору до 6-ти саженъ. Я теперь спрашиваю: кто виновенъ въ неосмотрительномъ этомъ представленіи; но они медлятъ отвѣтомъ, потому что трудно изыскать причины къ оправданію въ столь непростительной безпечности; а между тѣмъ, контрактъ на постройку оной съ подрядчикомъ заключенъ. Теперь ничего другаго не останется, какъ согласить подрядчика построить другой пороховой погребъ со стѣною или хотя одну стѣну въ слѣдующей балкѣ къ Востоку, и оно будетъ тѣмъ удобнѣе, что огромное количество пороха не будетъ въ одномъ мѣстѣ, а раздѣлится пополамъ. Коль скоро я получу объясненіе по этому отъ Комитета, то буду имѣть честь донести и испрашивать разрѣшенія вашей свѣтлости офиціально.

2.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 31 Апрѣля 1842.

Давно къ вамъ не писалъ, любезный Михайло Петровичъ, и давно не имѣю и отъ васъ писемъ.

Мы готовимся къ большимъ движеніямъ, особенно пароходнымъ, по случаю ожидаемыхъ гостей, кои суть: король Прусскій, принцъ Вильгельмъ Прусскій и принцъ Фридрихъ Нидерландскій съ женою; сверхъ того великая княгиня Елена Павловна собирается также моремъ прямо въ Голландію.

О «Камчаткѣ» ничего вамъ не сообщаю, полагая, что Путятинъ вамъ описалъ пароходъ сей подробно, равно какъ и двѣ весьма спорыя и удобныя ручныя машины для долбленія гнѣздъ и выдѣлки шиповъ въ деревѣ и чеканенія подболтныхъ металлическихъ планокъ.

Ежели не имѣете сочиненія подъ заглавіемъ: Papers on subjects connected with the duties of the corps of royal engeners. London by John Weale 59. High Holborne, то совѣтую пріобрѣсть оное. Въ сей книгѣ весьма много полезнаго, и въ IV части хорошая статья, примѣняющаяся къ Севастопольскимъ работамъ, а именно: Memorandum by mag. general sir J. T. Burgogne.

Военный министръ отправляется чрезъ два дня и будетъ въ Севастополѣ. Увѣдомьте меня въ послѣдствіи о его тамъ занятіяхъ.

Податель сего, переведенный въ Черноморскій флотъ, мичманъ Петерсонъ—братъ того же имени лейтенанта, у васъ служащаго.

3.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 28-го Апрѣля 1842.

Письмо вашей свѣтлости отъ 31-го Марта я имѣлъ честь получить только вчерашняго числа съ прибывшимъ сюда мичманомъ Петерсономъ. О пребываніи военнаго министра въ Севастополѣ я имѣлъ честь увѣдомлять вашу свѣтлость въ письмѣ отъ 24-го сего мѣсяца, какъ равно писалъ отъ 27-го Марта о сдѣланномъ распоряженіи относительно заказа парохода въ Англіи въ 260 силъ; но, не получая утвержденія на оное и наименованія того парохода, остаюсь въ недоумѣніи, остались ли вы довольны моею поспѣшностію? Причины, по которымъ я такъ скоро рѣшился на заказъ парохода, я имѣлъ честь объяснить тогда же, и онѣ состояли въ томъ, чтобы не упустить лучшаго лѣтняго времени на просушку набора и чтобы онъ успѣлъ выстроиться подъ надзоромъ находящагося тамъ Истомина. Ежели ваша свѣтлость дозволите мнѣ побывать въ Петербургѣ, то я буду имѣть честь объяснить вамъ о многихъ нуждахъ нашихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ относительно и улучшенія пароходовъ нашихъ, которые въ сравненіи даже съ мелочными Европейскими державами рѣшительно никуда не годятся.

О «Камчаткѣ» Путятинъ ничего не писалъ, какъ равно и о ручныхъ для долбленія въ деревѣ гнѣздъ и выдѣлыванія шиповъ и чеканенія подболтныхъ металлическихъ планокъ; а слышалъ, что П. Ив. Сущовъ былъ на «Камчаткѣ» и плѣнился ея наружностію. Я этому

очень вѣрю, потому что Американцы имѣютъ даръ строить красивѣйшія суда въ свѣтѣ. Петерсонъ сказывалъ, что «Камчатка» сидитъ будто бы въ грузу 19 футъ. Этому я удивляюсь, да и не совсѣмъ вѣрю.

Сочиненія подъ заглавіемъ: Papers on subjects connected with the duties of the corps of royal engeners, мы имѣемъ здѣсь только 3-ю часть; остальныя выпишу непремѣнно; но какъ теперь срытіе мыса производиться будетъ подрядомъ, и пять человѣкъ желающихъ уже явились, выпрашивающіе цѣны дешевле нежели какъ обходилась работа эта казнѣ, то упоминаемая Memorandum въ 4-й части того сочиненія не принесетъ уже той пользы, какой бы ожидать можно было: ибо подрядчики по упрямству и невѣжеству своему захотятъ дѣлать по своему. Мысъ непремѣнно сроется посредствомъ подряда въ пять лѣтъ, ежели только будетъ отпускаться ежегодная сумма, и тогда будетъ несомнѣнная надежда, что адмиралтейство будетъ устроено по утвержденному плану.

1843 годъ.

1.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 28 Февраля 1843 года.

Притупленное зрѣніе принуждаетъ меня, любезный Михайло Петровичъ, употребить въ настоящемъ письмѣ чужую руку.

Капитанъ Подушкинъ доставилъ мнѣ какъ письмо ваше отъ 31-го Генваря, такъ и сопровожденный при немъ календарь и термометръ, за присылку коихъ премного вамъ благодаренъ.

Государь утвердилъ предположеніе ваше поставить фасадъ дома Общаго Собранія въ Севастополѣ косвенно къ Екатерининской улицѣ, но прямо противъ Графской пристани; вы получите съ симъ вмѣстѣ офиціальное объ ономъ увѣдомленіе. Получите также вновь утвержденный фасадъ, къ которому архитекторъ Брюловъ счелъ нужнымъ присовокупить, какъ разрѣзы зданія, такъ и шаблоны наружныхъ архитектоническихъ украшеній. При личномъ съ нимъ свиданіи, онъ мнѣ изъяснилъ: 1) что измѣненіе въ скатахъ крыши сдѣлано имъ изъ опасенія течи отъ застоя воды въ частяхъ, прилегающихъ къ фронтону. 2) Что по старому проекту было бы недостаточно свѣту, онъ увеличилъ окна. 3) На поперечномъ профилѣ показанъ необходимый въ подобныхъ дѣлахъ винтелаторъ; онъ сдѣланъ не прямой, дабы въ случаѣ ежели бы въ него попала дождевая вода, то она могла бы быть спускаема въ сосудъ *a*, подставляемый подъ первымъ колѣномъ. 4) Вмѣ-

сто хоръ, которыхъ употребленіе нынче выводится, сдѣланъ для музыки возвышенный помостъ, отчего выигрывается большее пространство для воздуха и сокращаются строительныя издержки. Отъ васъ зависитъ принять или откинуть сіи подробности при возведеніи зданія.

5-й корпусъ соберется въ Вознесенскѣ для смотра Государя; слѣдовательно для занятія карауловъ въ Севастополѣ войскъ сухопутныхъ будетъ недостаточно, и есть уже въ виду высочайшее повелѣніе употребить на это флотскіе экипажи. Такъ какъ сего вполнѣ избѣгнуть нельзя, то мои старанія клонятся къ тому, чтобы хотя нѣсколько резервныхъ баталіоновъ намъ дали въ помощь. Когда объ окончаніи этого дѣла вы получите официальное отъ меня извѣщеніе, не оставьте меня увѣдомить, какое число судовъ можетъ быть представлено на смотръ, ежели бы Государю угодно было посѣтить Севастополь.

Хотя нѣтъ еще въ виду предположенія о высочайшемъ путешествіи въ Николаевъ и далѣе, но не менѣе того нужно все приготовить, какъ къ помѣщенію Его Величества, такъ и къ высочайшему переѣзду на пароходѣ въ Крымскіе порты.

Совершенно вамъ преданный

Князь Меншиковъ.

P. S. Султанъ упрямится и не хочетъ относительно Сербіи исполнить наши требованія, на трактатѣ основанныя; а такъ какъ и намъ правъ своихъ уступить невозможно, то должно готовымъ быть къ принятію понудительныхъ мѣръ противу Порты, напередъ вооруженною демонстраціею, а потомъ въ случаѣ упорства занятіемъ или какой либо провинціи въ Европѣ или Азіи сухопутно или моремъ одного изъ портовъ. Какой же именно? Обдумайте и сообщите. Сообщите также, какія имѣете средства для дѣйствія въ случаѣ разрыва и какихъ недостаетъ.

2.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 23-го Марта 1843.

Новый фасадъ дому Общаго Собранія въ Севастополѣ полученъ; теперь составляется вновь смѣта, и вскорѣ будутъ сдѣланы вызовы желающихъ. Только въ наружныхъ украшеніяхъ есть нѣкоторое несогласіе, которое архитекторъ Брюловъ выпустилъ, кажется, изъ виду; напримѣръ, подъ фронтономъ, въ рельефахъ изображены четыре танцующія вакханки, а подъ ними двуглавый орелъ. Казалось бы, что это

не совсѣмъ прилично. Впрочемъ ваша свѣтлость вѣроятно удостоите посѣщеніемъ Севастополь до прибытія Государя и, можетъ быть, прикажете измѣнить эти несообразности.

Какъ уже рѣшено занять караулы флотскими экипажами въ Севастополѣ на двѣ смѣны по 1,200 человѣкъ въ каждой, а въ Николаевѣ на одну по 120, то прежнюю программу плаванія флота невольнымъ образомъ пришлось измѣнить, и я полагаю болѣе удобнымъ къ прибытію Государя представить на смотръ эскадру изъ восьми кораблей, трехъ фрегатовъ и прочихъ мелкихъ судовъ, какія будутъ на лицо, что̀ и представляю съ симъ вмѣстѣ чрезъ дежурнаго генерала на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости; болѣе же этого, безъ совершенной остановки работъ по новому адмиралтейству и порту, по недостатку нижнихъ чиновъ, вывести невозможно.

На случай переѣзда Его Величества изъ Николаева въ Крымъ изготовленъ будетъ пароходъ «Сѣверная Звѣзда»; но я надѣюсь, что къ тому времени прибудетъ изъ Англіи и «Громоносецъ», котораго (ежели что либо не воспрепятствуетъ) я ожидаю въ началѣ Іюля.

Относительно же имѣющихся въ виду распрей съ Оттоманскою Портою у насъ по всѣмъ частямъ все готово и, на случай занятія одного изъ портовъ моремъ, я полагалъ бы избрать для сего Сизополь, какъ по близости его къ Босфору, такъ и по безопасности самаго порта, который, по высадкѣ войскъ, можно весьма удобно снабдить всѣмъ, что̀ только для нихъ нужно.

3.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 26-го Апрѣля 1843.

Весьма благодаренъ вамъ, любезный Михаилъ Петровичъ, за доставленіе брошюры Мозлея о машинахъ съ растяженіемъ паровъ, и тѣмъ болѣе, что въ настоящее время у насъ о семъ разсуждается.

Сербскія дѣла приходятъ къ окончанію. Порта, ни Англіею, ни Австріею въ своемъ упорствѣ не поддержанная, покоряется необходимости и нашимъ требованіямъ, почему и не предвидится надобности въ военныхъ демонстраціяхъ.

Податель сего мичманъ князь Барятинской; назначеніемъ его на суда, идущія въ Средиземное море, вы меня весьма обяжете.

Государь изволилъ мнѣ отозваться, что флота смотрѣть не будетъ; но Вознесенскъ такъ близокъ, что намѣренія его въ семъ отношеніи легко измѣниться могутъ.

4.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Секретно.

Милостивый государь Михаилъ Петровичъ.

Вмѣстѣ съ симъ ваше превосходительство изволите получить секретное отношеніе мое о снаряженіи для отправленія въ Средиземное море *одного* корвета и *одного* транспорта Черноморскаго флота.

Нужнымъ считаю сообщить вамъ, милостивый государь, но только лично вамъ и дабы сообщеніе это оставалось въ совершенной тайнѣ, что оба упомянутыя судна назначаются въ дальнее плаваніе, именно: въ Тихій Океанъ и Китайское море. Начальникомъ секретной экспедиціи сей будетъ контръ-адмиралъ Путятинъ, который для сего отправится въ Севастополь и лично объяснитъ вашему превосходительству всѣ подробности плаванія. Онъ пойдетъ на корветѣ *пассажиромъ*, и уже въ пути, гдѣ признано будетъ нужнымъ, откроетъ командирамъ обоихъ судовъ о дальнѣйшемъ ихъ направленіи за предѣлы Средиземнаго моря.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга князь А. Меншиковъ.

№ 296.
Въ С.-Петербургѣ, 29-го Іюля 1843.

5.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Секретно.

Милостивый государь Михаилъ Петровичъ!

Контръ-адмиралъ Путятинъ изъявилъ мнѣ желаніе, чтобы командиръ парохода «Отважный», капитанъ-лейтенантъ Воеводскій I-й, былъ назначенъ командиромъ транспорта, который долженъ отплыть, въ скоромъ времени, изъ Севастополя для извѣстнаго вашему превосходительству крейсерства въ Средиземномъ морѣ съ однимъ изъ корветовъ Черноморскаго флота.

Приказавъ вмѣстѣ съ симъ отправить капитанъ-лейтенанта Воеводскаго въ Николаевъ съ тѣмъ, чтобы онъ явился къ вамъ, милостивый государь, для полученія дальнѣйшихъ приказаній, спѣшу предупредить о томъ ваше превосходительство.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга

князь А. Меншиковъ.

С.-Петербургъ, 7-го Августа 1843.
№ 297.

6.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 10 Августа 1843.

Я получилъ два секретныя повелѣнія вашей свѣтлости, изъ коихъ главное № 296, заключающее въ себѣ изготовленіе корвета и транспорта для плаванія въ Тихій Океанъ и Китайское море, требуетъ особеннаго соображенія и заботливости, какъ по краткости времени къ таковому изготовленію, такъ и по важности предмета.

Контръ-адмиралъ Путятинъ въ тоже время сообщилъ мнѣ (секретно) нѣкоторыя подробности, относящіяся до дѣлаемаго ему порученія и полагаетъ необходимымъ имѣть корветъ сколь можно помѣстительный, а транспортъ такихъ размѣреній, чтобы сидѣлъ въ грузу около 12-ти футъ и въ случаѣ надобности могъ бы войти въ Охотскъ.

Лучшій и удобнѣйшій для сего корветъ въ Черномъ морѣ есть безъ всякаго сомнѣнія «Андромаха», но онъ находится въ Греціи, и на смѣну ему отправился бригъ «Персей» только 5-го сего Августа; слѣдовательно по возвращеніи корвета и очищеніи его отъ карантина, онъ не можетъ быть свободенъ ранѣе второй половины Октября. А потому я рѣшился приступить къ изготовленію корвета «Менелай», построеннаго въ Севастополѣ изъ Крымскаго дубу и спущеннаго на воду въ 1841 году. Онъ не такъ изящно отдѣланъ и изготовленъ, какъ «Андромаха» по неимѣнію въ Севастополѣ къ тому средствъ, но не менѣе того — судно совершенно благонадежное и удобное для таковаго плаванія. Что касается до транспорта, то съ ограниченіемъ, чтобъ онъ сидѣлъ въ грузу не болѣе 12 футъ, встрѣчается немалое затрудненіе. Большіе транспорты наши сидятъ многимъ глубже, а малые не будутъ, можетъ быть, достаточно вмѣстительны; то я и прошу разрѣшенія вашей свѣтлости, въ случаѣ необходимости, употребить для сего одинъ изъ новыхъ Кавказскихъ транспортовъ, который наиболѣе по углубленію своему будетъ тому соотвѣтствовать. Мѣра весьма непріятная, но, находясь въ неизвѣстности — какой грузъ потребуется помѣстить на оный и сколько посторонниихъ лицъ будетъ какъ на корветѣ, такъ и на транспортѣ, приходится избирать то, что́ удобнѣе. Въ ожиданіи

разрѣшенія на это вашей свѣтлости, я, между прочимъ, пришедшій съ углемъ изъ Англіи первый транспортъ «Добъ» приказалъ выгрузить въ карантинѣ и, окуривъ какъ самое судно, такъ и платье людей и выдержавъ необходимый лишь карантинный терминъ, прислать его въ Николаевъ для прибавочнаго на немъ крѣпленія и изготовленія по всѣмъ частямъ. Разрѣшенія этого я испрашиваю у вашей свѣтлости въ случаѣ только необходимости. Къ этой мѣрѣ вынуждаетъ меня также и то, что лучшіе средней величины транспорты «Гагра» и «Соча», изъ коихъ первый сидитъ въ грузу до 15, а другой 14 футъ 2 д., находятся въ Таганрогѣ за желѣзомъ и якорями; и хотя послано имъ повелѣніе немедленно прибыть въ Николаевъ, но до возвращенія ихъ пройдетъ не мало времени.

Другой предметъ не менѣе важный есть экстраординарная сумма, которая потребуется для этой экспедиціи и которая вѣроятно ассигнована будетъ отъ министерства финансовъ особо, ибо изъ нашихъ суммъ рѣшительно невозможно удѣлить нисколько. Между тѣмъ лучшая морская провизія для этой экспедиціи, и въ томъ числѣ квашеная кислая капуста, будетъ изготовлена въ свое время; но какъ сія послѣдняя, не смотря на противуцинготное ея свойство, въ числѣ морской провизіи по регламенту не полагается, то я просилъ бы уполномочія вашей свѣтлости въ дѣйствіяхъ моихъ какъ на это, такъ и на нѣкоторые другіе предметы, входящіе въ снабженіе судовъ и провизіею, и матеріалами, но не положенные по штату, напр., ржаные сухари долѣе трехъ мѣсяцевъ не продержатся, сальныя свѣчи жаркихъ климатовъ не выдержатъ. Гораздо полезнѣе и выгоднѣе отпустить вмѣсто ихъ стеариновыя; нижнимъ чинамъ потребно бѣлья болѣе обыкновеннаго, фланелевыя рубашки и пр. и пр. Ежели вашей свѣтлости угодно будетъ разрѣшить мнѣ дѣйствовать, смотря по надобности, руководствуясь прежними примѣрами и опытами, то я надѣюсь устроить все хорошо.

1844 годъ.

1.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 30 Іюня 1844.

Изъ письма Е. В. Путятина, отъ 25-го Апрѣля, я узналъ, что ваша свѣтлость, услышавъ отъ него о намѣреніи моемъ, въ теченіе этого лѣта, воспользоваться Крымскими грязями, изволили благосклонно отозваться, что въ этомъ вы не находите никакого препятствія, тѣмъ болѣе, что еслибы Государю Императору и вздумалось посѣтить здѣшній край, то я, находясь вблизи Севастополя, всегда могу быть

заблаговременно извѣщенъ о таковомъ намѣреніи. Пользуясь этимъ дозволеніемъ, я рѣшаюсь послѣ завтра отправиться въ Севастополь, а оттуда на нѣсколько дней въ Евпаторію, и могу обнадежить вашу свѣтлость, что теченіе дѣлъ по Черноморскому управленію, въ продолженіе этого времени, нисколько не измѣнится, а будетъ продолжаться въ томъ же видѣ, какъ и было; впрочемъ я и не думаю пробыть тамъ болѣе двухъ недѣль, развѣ помѣшаетъ дурная погода.

На прошедшей тяжелой почтѣ я отправилъ для вашей свѣтлости два весьма порядочныя произведенія здѣшней компасной мастерской, а именно: карманный термометръ и складной циркуль. Прошу принять ихъ на память Николаева. Циркуль довольно замысловатъ: по отложеніи ножекъ онѣ повертываются въ одну только сторону, а въ другую нѣтъ, и вообще, чтобы сдѣлать его хорошо, требуется самая чистая и акуратная работа. Термомертъ сзади имѣетъ выдвигающуюся пластинку, посредствомъ коей можно вѣшать его и на стѣнѣ, можно ставить его и на столъ; но лучше, еслибы для этого имѣть какой нибудь футляръ или станочекъ, потому что одинъ изъ подобныхъ термометровъ, стоя у меня на столѣ, упалъ, и отъ сотрясенія трубка въ самомъ колѣнѣ лопнула; а какъ мнѣ очень жаль будетъ, если онъ не дойдетъ до васъ въ цѣлости, то, по открытіи ящика, позвольте просить приказать не вытряхивать его изъ своего мѣста, а чѣмъ нибудь выковырять.

Работы у насъ идутъ по всѣмъ частямъ довольно успѣшно; но опасаюсь недостатка дубовыхъ лѣсовъ, которые въ началѣ лѣта, по причинѣ крѣпкихъ вѣтровъ, не могли пройти пороги, и теперь говорятъ, что вода уже такъ мала, что спускать ихъ опасно. Долго ли еще недостатокъ въ обводномъ каналѣ продолжится? Богъ знаетъ; но что онъ послужилъ бы благодѣяніемъ всему здѣшнему краю, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

2.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Петергофъ, 7 Августа 1844.

Письмо ваше, любезный Михайло Петровичъ, отъ 30 Іюня я получилъ и въ слѣдъ за онымъ изящный циркуль и термометръ; но къ несчастію стеклянный пузырекъ послѣдняго разбился дорогою. Сіе произошло не отъ укладки термометра, который весьма плотно былъ врѣзанъ въ ящикъ, но отъ хрупкости, свойственной стеклу, не выдержавшему толчковъ почтовыхъ телѣгъ. Не менѣе того премного вамъ

благодаренъ за присылку сихъ предметовъ, коихъ прекрасная отдѣлка свидѣтельствуетъ о высокой степени искусства Черноморскихъ мастеровъ.

Государю весьма понравились и, онъ взялъ для себя, литографированныя и раскрашенныя въ Николаевскомъ Гидрографическомъ Депо малаго размѣра изображенія нѣсколькихъ судовъ Черноморскаго флота. Прикажите по мѣрѣ выхода сихъ изображеній доставлять мнѣ таковыя для пополненія Государевой коллекціи.

Податель сего письма, адъютантъ мой графъ Апраксинъ. Онъ имѣетъ расположеніе быть хорошимъ морскимъ офицеромъ, но ему нужна практика, которой здѣсь доставить невозможно. Назначьте его на одно изъ судовъ,отправляющихся въ Средиземное море, гдѣ онъ по знанію языковъ и по образованности можетъ быть и полезенъ. Въ случаѣ же ухода сихъ судовъ можно бы до Константинополя назначить на почтовый пароходъ съ тѣмъ, чтобы оттуда отправился на то судно, на которое назначенъ будетъ.

Не описываю вамъ «Ингерманланда» и его расположенія, полагая, что Корниловъ исполнитъ это съ бо̀льшимъ знаніемъ дѣла, чѣмъ я, и въ разсказахъ капитанъ о качествахъ судна лучше моего отличитъ истину отъ заносчиваго воображенія.

Я полагаю, что вы уже выѣхали изъ Евпаторіи и надѣюсь, что пребываніе сіе принесло вамъ желаемую пользу.

Примите, почтенный Михайло Петровичъ, всѣ доброжеланія вамъ преданнаго

Князя Меншикова.

3.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 25-го Августа 1844.

Письмо вашей свѣтлости отъ 7-го Августа съ графомъ Апраксинымъ я имѣлъ честь получить и очень сожалѣю о второй уже неудачѣ при пересылкѣ термометровъ, не смотря на то, что онъ уложенъ былъ такъ, какъ лучше, кажется, и уложить невозможно.

Литографированныя изображенія судовъ (въ маломъ размѣрѣ) будутъ доставляться согласно желанію вашей свѣтлости по мѣрѣ того, какъ они выходить будутъ; но нельзя ихъ ожидать много. Эти сдѣланы были для того только, чтобы нѣкоторымъ образомъ украсить издаваемую Логиномъ Ивановичемъ книжку о построенныхъ здѣсь судахъ. Говоря объ изображеніи судовъ, не угодно ли будетъ вашей свѣтлости

взглянуть на картину, представляющую корабль «Двѣнадцать Апостоловъ», идущій въ крѣпкій попутный вѣтръ. Положеніе корабля и разсѣкаемыя имъ волны сдѣланы довольно удачно. Она будетъ выставлена въ Академіи на имѣющей быть Сентябрской выставкѣ.

Апраксинъ назначенъ на корветъ «Менелай», находящійся теперь въ Пиреѣ и отправится туда въ скоромъ времени на шкунѣ «Забіякѣ», которая еще не ушла. Объ «Ингерманландѣ» онъ разсказывалъ мнѣ очень много, и нѣтъ сомнѣнія, что корабль отдѣланъ и удобно, и хорошо. Одно мнѣ не совсѣмъ нравится: помѣщеніе каютъ-компаніи внизу. Куреніе трубокъ, къ которому офицеры наши такъ (можно сказать) пристращены, на кубрикѣ не совсѣмъ удобно; воспретить же курить табакъ вовсе будетъ для нихъ большимъ лишеніемъ, и едва ли ваша свѣтлость на это посягнете. Кормовыя окна при этомъ расположеніи оказываются тоже ненужными, и гораздо полезнѣе вмѣсто ихъ сдѣлать обыкновенные пушечные порты,—тогда исказится совершенно корма, и едва ли можно будетъ сдѣлать изъ нея что-либо для глазъ пріятное.

На послѣдней почтѣ я рѣшился безпокоить вашу свѣтлость и спросить, какъ поступить мнѣ на счетъ оффиціальнаго требованія дирекціи архивовъ въ Парижѣ. Я хотѣлъ было вовсе ничего не отвѣчать имъ, но перемѣнилъ это намѣреніе изъ одного опасенія, чтобы они не переврали тамъ и не написали того, чего никогда со мною не бывало, тѣмъ болѣе, что они и сами меня въ этомъ предупреждаютъ.

Принося чувствительную благодарность за участіе, которое ваша свѣтлость принимаете въ состояніи моего здоровья, я долженъ сказать, что Евпоторійскія грязи не имѣли того дѣйствія, котораго я ожидалъ; но не менѣе того я чувствую себя лучше.

4.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 26 Сентября 1844.

Пользуясь отъѣздомъ въ С.-Петербургъ К. А. Зорина, я имѣю случай поправить неудачу въ прежнемъ отправленіи къ вамъ карманнаго термометра, разбившагося въ дорогѣ и посылаю съ нимъ для доставленія вашей свѣтлости точно такой же и еще другой маленькій здѣшняго же издѣлія, которые прошу принять благосклонно на память здѣшней компасной мастерской.

Вчера кончились опыты снарядамъ изобрѣтенія г.-л. Лехнера въ присутствіи артиллерійскихъ генераловъ: Ваксмута, Брокера и Долго-

во-Сабурова, и нельзя не сказать, что опыты эти удались какъ нельзя лучше и тѣмъ опровергли мнѣніе артиллерійскаго комитета, доказывавшаго, что хвость при бомбѣ измѣняетъ направленіе снаряда, основываясь на томъ, что при пробѣ на Волковомъ полѣ, на разстояніи 150 сажень, они не могли ни одного раза попасть въ щитъ длиною 12 сажень и высотою 11 футъ. Здѣсь же, при первомъ опытѣ на 500 сажень, въ щитъ длиною въ 8 и высотою 4 сажени изъ 22-хъ бомбъ попали въ щитъ 15, которыя разорвались при самомъ ударѣ, и дѣйствіе, которое онѣ произвели какъ въ самомъ щитѣ, такъ и въ близкомъ разстояніи за онымъ, было таково, что еслибы онѣ попали въ корабль, то имѣли бы весьма вредныя и, можно сказать, пагубныя послѣдствія; ибо тѣ изъ бомбъ, которыя имѣли достаточно силы, чтобы пробить щитъ, черепки ихъ, при разрывѣ, разбрасывало вплоть за щитомъ, а нѣкоторые на разстояніе отъ 50 до 100 сажень; а тѣ, которыя не успѣли пробивать, разрывало въ самомъ щитѣ и производило пожаръ, отъ котораго щитъ сгорѣлъ до основанія, не смотря на приготовленныя средства къ потушенію онаго бранспойтомъ и ведрами. Второй опытъ былъ на разстояніи около 850 сажень на противулежащій рѣки Ингула берегъ, и всѣ онѣ, не взирая на дальнее разстояніе и крѣпкій боковой съ лѣвой стороны вѣтръ, имѣли направленіе самое правильное и ложились между двумя шестами, нарочно для того поставленными на томъ берегу. Господа артиллеристы, по свойственному имъ эгоизму, могутъ говорить о бомбахъ Лехнера что́ хотятъ; но всякій тотъ, кто былъ свидѣтелемъ дѣйствія ихъ, не можетъ не согласиться, чтобы для корабля онѣ не были жестоко вредны. Коль скоро журналъ всѣхъ произведенныхъ опытовъ приведенъ будетъ въ порядокъ, то я не замедлю представить оный вашей свѣтлости.

12-го сего мѣсяца я имѣлъ честь представить на разрѣшеніе вашей свѣтлости проектъ продолженія постройки провіантскихъ магазиновъ вдоль по набережной въ корабельной бухтѣ до Павловскаго мыса, на которомъ предположено построить 3-хъ ярусную въ видѣ башни батарею. Я особенно прошу участія вашей свѣтлости объ исходатайствованіи исполненія этого предназначенія, ибо тогда какъ весь сухопутный провіантъ, такъ и вся морская провизія будутъ храниться въ одномъ мѣстѣ и тѣмъ Черноморское вѣдомство избавится отъ весьма значительныхъ издержекъ чрезъ наемъ разныхъ негодныхъ помѣщеній, которые оно принуждено ежегодно дѣлать для продовольственныхъ своихъ запасовъ. Съ этимъ вмѣстѣ я покорнѣйше прошу ходатайства вашей свѣтлости о разрѣшеніи представленія моего отъ сего числа на счетъ предполагаемой колоннады близъ Екатерининской пристани. Незначительная сумма на устоеніе этого барьера отвратитъ на буду-

щее время случившіяся въ недавнемъ времени несчастія, подвергавшія двухъ человѣкъ и лошадей съ ними опасности; а съ тѣмъ вмѣстѣ онъ составитъ и украшеніе, которое скроетъ отъ глазъ безобразныя строенія комендантскаго вѣдомства. Говоря объ этихъ строеніяхъ, производящихся сухопутнымъ инженернымъ вѣдомствомъ, я не могу не обратить вниманія вашей свѣтлости и не пожаловаться вамъ, что мѣста для нихъ избираются помимо всякаго сношенія со мною и получаютъ разрѣшеніе прямо отъ инженернаго департамента по представленію начальника Херсонскаго инженернаго округа г.-м. Павловскаго. Точно такъ и теперь разрѣшено построить на прекрасной этой площади (вблизи Екатерининскаго дворца), въ смежности комендантскаго дома, конюшни для комендантскихъ лошадей. Я позволяю себѣ думать, что еслибы спросили о томъ меня, то я нашелъ бы имъ болѣе приличное мѣсто, какъ равно и самому дому коменданта, для жительства коего впрочемъ (сколько извѣстно мнѣ) предположено отдѣлать комнаты въ западномъ бастіонѣ Николаевской батареи.

5.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 9-го Декабря 1844.

Невзгода на термометры, любезный Михайла Петровичъ, и изъ двухъ, посланныхъ съ к.-л. Зоринымъ, разбился дорогою лучшій, который съ нимъ отправляю обратно для починки съ тѣмъ, чтобы лично получить его будущею осенью въ Николаевѣ.

Великаго Князя Константина Николаевича предполагается отправить на одномъ изъ вашихъ фрегатовъ въ сопровожденіи парохода въ Константинополь, Смирну, Архипелагъ и обратно къ Абхазскимъ берегамъ съ тѣмъ, чтобы въ первыхъ числахъ Сентября соединиться въ Николаевѣ или Севастополѣ съ Государемъ. Государь же полагаетъ въ концѣ Августа отправиться изъ столицы смотрѣть войска по пути, миновать Одессу, въ Николаевѣ сѣсть на пароходъ (нужна рубка), въ морѣ маневрировать съ Черноморскимъ флотомъ, обозрѣть Севастополь и возвратиться такимъ же образомъ въ Николаевъ для слѣдованія въ Елисаветградъ или Вознесенскъ на смотръ собираемыхъ тамъ войскъ. На дняхъ пришлю къ вамъ Краббе со всѣми вопросами и свѣдѣніями до сихъ плаваній относящимися; а между тѣмъ, любезный Михайло Петровичъ, сообщите, какія суда и какихъ командировъ назначить. Весь вашъ князь Меншиковъ.

ДОБЫЧА ЗОЛОТА ВЪ РОССІИ.

Въ самый разгаръ Крымской войны, вскорѣ по кончинѣ государя Николая Павловича и еще до его похоронъ, графъ (позднѣе князь) А. Ѳ. Орловъ, издавна знавшій В. А. Кокорева, пригласилъ его къ себѣ и въ одиночной бесѣдѣ завелъ съ нимъ рѣчь о трудномъ денежномъ положеніи Россіи, о томъ, что, вслѣдствіе Австрійской измѣны, имѣлась въ виду необходимость перенести войну за Русскія границы и что Государь приказалъ ему, графу Орлову, теперь же озаботиться пріисканіемъ способовъ, чтобы запастись звонкою монетою, которую добыть посредствомъ иностраннаго займа становилось тогда невозможнымъ. При этомъ графъ Орловъ замѣтилъ, что сообщаетъ это въ крайней довѣренности, такъ какъ Государю не угодно, чтобы объ этой правительственной заботѣ зналъ даже и министръ финансовъ, которымъ тогда былъ Брокъ.

В. А. Кокоревъ предложилъ графу Орлову три мѣры:

1) отмѣнить пошлину съ добываемаго золота,

2) дозволить добычу онаго на огромныхъ пространствахъ дворцоваго вѣдомства и

3) уничтожить стѣснительныя канцелярскія распоряженія и формальности, съ которыми сопряжена золотопромышленность.

Одинъ слухъ о подобныхъ мѣропріятіяхъ долженъ былъ поубавить отвагу нашихъ враговъ, которые разсчитывали на денежную скудость Россіи.

Графу Орлову полюбилась мысль Кокорева; онъ доложилъ о своихъ бесѣдахъ съ нимъ Государю, и вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе образовать *негласный* комитетъ изъ графа Орлова и Я. И. Ростовцева съ тѣмъ, чтобы Кокоревъ лично докладывалъ этимъ сановникамъ подробности дѣла. Они собирались въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ у графа Орлова, между тѣмъ какъ на мѣста пріисковъ посланы были В. А. Кокоревымъ частныя лица для ото-

бранія нужныхъ свѣдѣній у золотопромышленниковъ. Весь дѣйствующій уставъ о золотопромышленности былъ пересмотрѣнъ; составлены къ нему измѣненія и дополненія, и, согласно личной волѣ Государя, не было пощажено труда и времени на эту работу.

Въ началѣ осени 1855 г. графъ Орловъ поѣхалъ съ Государемъ въ Николаевъ, откуда потомъ отправился въ Парижъ заключать миръ. Выработанный, при особливомъ участіи Ростовцева, проектъ устава о золотомъ промыслѣ былъ посланъ къ графу Орлову въ Николаевъ и тамъ доложенъ Государю. Государь приказалъ передать его для обсужденія въ Финансовый Комитетъ. Узнавъ о томъ, Ростовцевъ пришелъ въ отчаяніе и утверждалъ, что дѣло погибло, такъ какъ по его убѣжденію у насъ только то удается, что̀ исходитъ отъ непосредственной воли Государя и прямо повелѣвается его именемъ.

Министръ финансовъ немедленно отнесся къ этому дѣлу очень недоброжелательно. Онъ имѣлъ по этому поводу горячій разговоръ съ Кокоревымъ, причемъ Кокоревъ предъявлялъ ему приказаніе графа Орлова о полномъ соблюденіи тайны, а равно и то, что самъ онъ лично не имѣлъ тутъ никакихъ видовъ, вовсе не занимаясь золотопромышленностью. Не внося проекта въ Финансовый Комитетъ, г-нъ Брокъ рѣшилъ отправить его на предварительное обсужденіе Сибирскихъ губернаторовъ. Тѣмъ временемъ наступилъ миръ, и предвѣщаніе Ростовцева оправдалось: дѣло кануло въ вѣчность.

Черезъ много лѣтъ, въ послѣднюю Восточную войну, В. А. Кокоревъ снова возбудилъ забытый вопросъ. Проэктъ потребовали изъ Архива, и только одна часть его, именно отмѣна пошлины съ добывамаго золота, была временно приводима въ исполненіе.

Благодаря любезному сообщенію В. А. Кокорева, печатаемъ какъ самый проектъ, такъ и объяснительную къ нему записку, которая тогда же, въ 1855 году, была составлена, при участіи М. П. Погодина, для того, чтобы сообщить ее членамъ Финансоваго Комитета, во время предполагаемаго обсужденія.

Вмѣстѣ съ читателями пожелаемъ, чтобы это государственное дѣло обновилось въ памяти и сознаніи Русскихъ людей. П. Б.

А.

Проектъ главныхъ основаній устава о частной золотопромышленности въ Европейской и Азіатской Россіи.

Дѣйствующій нынѣ уставъ находится въ X томѣ Свода Законовъ. По мысли графа А. Ѳ. Орлова и Я. И. Ростовцова необходимо этотъ уставъ дополнить новыми параграфами, а другіе параграфы измѣнить.

Ниже слѣдуютъ параграфы новые (*предполагаемые*) и тѣ, которые подлежатъ измѣненію (*измѣненные*). П. Б.

1.

Предполагаемый.

Отысканіе и добываніе золота предоставляется частной промышленности во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ обнаружились золотоносные пласты, какъ-то:

а) на казенныхъ земляхъ въ Восточной и Западной Сибири и Оренбургской губерніи.

б) на земляхъ Оренбургскаго и Сибирскаго казачьихъ войскъ.

в) на Тептярскихъ земляхъ въ Оренбургской губерніи.

г) на земляхъ Башкиро-Мещерякскаго войска.

д) на казенныхъ земляхъ въ Ставропольской и во всѣхъ Закавказскихъ губерніяхъ.

и е) въ Киргизской степи, граничащей къ Сибирскимъ и Оренбургской губерніямъ.

Сверхъ означенныхъ мѣстностей замѣчены были признаки золотоносности въ губерніяхъ Пермской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской, то и въ сихъ губерніяхъ также дозволяется отыскиваніе и добываніе золота частнымъ лицамъ. Равнымъ образомъ, при обнаруженіи золотоносныхъ признаковъ въ другихъ губерніяхъ, открытіе и разработка золота составляютъ предметъ частной промышленности.

2.

Предполагаемый.

За симъ существовавшее доселѣ воспрещеніе отыскивать и добывать частнымъ людямъ золото на земляхъ, причисленныхъ къ казеннымъ заводамъ или тамъ, гдѣ добывается золото отъ казны, равно и недопущеніе частной золотопромышленности въ округахъ Нерчинскихъ, Колыванскихъ, а также Верхнеудинскихъ и въ Забайкальскихъ земляхъ, отмѣняется. Отыскиваніе и добываніе золота въ означенныхъ мѣстностяхъ дозволяется частнымъ лицамъ на основаніи изложенныхъ въ семъ уставѣ правилъ.

3.

Предполагаемый.

За вышеизложеннымъ въ предшествовавшемъ пунктѣ дозволеніемъ отыскивать и добывать золото частнымъ лицамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не допускалась частная золотопромышленность, прекращается съ изданія сего устава отыскиваніе вновь золота посредствомъ распоряженія Кабинета Его Императорскаго Величества или казеннаго отъ Министерства Финансовъ, исключая изъ сего правила токмо Алтайскій горный округъ, въ которомъ остается производство работъ отъ горнаго вѣдомства, для практики горныхъ офицеровъ.

4.

Предполагаемый.

Если явятся желающіе изъ частныхъ лицъ взять на себя пріиски, находящіеся въ распоряженіи Кабинета Его Императорскаго Величества или Министерства Финансовъ (кромѣ состоящихъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ), то разрѣшается передать ихъ въ частныя руки, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы добыча золота правильными работами была усилена въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ послѣ отдачи втрое противъ того количества, которое получалось по сложности послѣднихъ трехъ лѣтъ и чтобы эта тройная добыча золота продолжалась до истощенія пріиска. Исполненіе таковой обязанности должно быть обезпечено залогами въ достаточномъ размѣрѣ. Само собою разумѣется, что подобное обезпеченіе не относится къ пріискамъ, которые будутъ, на земляхъ, причисленныхъ къ казеннымъ или горнымъ округамъ, открыты самими золотопромышленниками, но только къ тѣмъ, которые, находясь въ разработкѣ отъ казны или отъ Кабинета, передаются въ частныя руки въ дѣйствующемъ состояніи.

5.

Предполагаемый.

Къ передачѣ казенныхъ и кабинетскихъ дѣйствующихъ промысловъ въ частныя руки приступить по изданіи сего устава. Въ производствѣ работъ на таковыхъ переданныхъ отъ Кабинета или отъ Министерства Финансовъ пріискахъ, равно въ сдачѣ за нихъ золота въ казну, разсчетѣ за оное и т. д., руководствоваться тѣми же правилами, которыя настоящимъ уставомъ ниже сего опредѣляются.

6.

Измѣненный.

ст. 423, 2,332 2333 и дополн. къ ст. 788-й X т. Свода Законовъ Гражд.

На земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, на крѣпостномъ или посессіонномъ правѣ, отысканіе и добываніе золота предоставляется владѣльцамъ земель, а постороннимъ по соглашенію съ ними и заявленію о томъ Министерству Финансовъ; въ отношеніи же порядка добычи золота и полученія за оное денегъ руководствоваться правилами, въ семъ уставѣ изложенными.

7.

Измѣненный.

ст. 2341. X т.

Къ производству золотопромышленности допускаются: 1) Дворяне потомственные и личные, служащіе и неслужащіе, не исключая и состоящихъ на службѣ по горному вѣдомству. 2) Почетные граждане, потомственные и личные. 3) Священники и діаконы. 4) Купцы 1-й и 2-й гильдій и торгующіе на правахъ которой либо изъ сихъ гильдій временные купцы. Но отставленные отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредъ не опредѣлять и оглашенные по суду изобличенными въ поступкахъ предосудительныхъ, не имѣютъ права на полученіе дозволенія заниматься золотопромышленностью, хотя бы принадлежали къ вышеозначеннымъ сословіямъ.

8.

Измѣненный.

ст. 462, 463 и 2429 X т.

Все добытое золото на пріискахъ нынѣ существующихъ и впредъ имѣющихъ возникнуть сдается въ казну: по Восточной и Западной Сибири — въ Алтайское Горное Правленіе, по Оренбургской и Пермской губерніямъ — въ Екатеринбургское Горное Правленіе; изъ Киргизскихъ степей въ тѣже Горныя Правленія, смотря по тому, куда ближе и удобнѣе; изъ прочихъ же мѣстъ въ С.-Петербургскій Монетный Дворъ.

9.

Предполагаемый.

По сдачѣ золота, установленнымъ для Монетнаго Двора порядкомъ, въ вышеозначенныя Горныя Правленія, выдаются въ пріемѣ его квитанціи съ обозначеніемъ въ нихъ количества принятаго золота. По предъявленіи таковыхъ квитанцій, банковыя конторы въ Сибири и Екатеринбургѣ платятъ предъявителю по три рубли пятидесяти пяти копѣекъ серебромъ за золотникъ, выдавая пять шестыхъ частей кредитными билетами, а одну шестую часть переводомъ къ выдачѣ золотою монетою изъ С.-Петербургскаго Монетнаго Двора. Желающимъ получить всю сумму кредитными билетами таковые выдаются за все золото сполна.

10.

Предполагаемый.

Для приближенія денежныхъ средствъ къ мѣстамъ золотопромышленной дѣятельности, сверхъ нынѣ существующихъ банковыхъ конторъ въ Барнаулѣ и Екатеринбургѣ, открыть еще третью въ Красноярскѣ, составляющемъ средоточіе главной золотопромышленности въ Енисейской губерніи.

11.

Предполагаемый.

Для операцій означенныхъ банковыхъ конторъ снабдить ихъ достаточнымъ количествомъ кредитныхъ билетовъ, сообразно съ потребностію дѣла.

Выдачи производить за золото, добытое въ Восточной Сибири изъ Красноярской Конторы, въ Западной изъ Барнаульской; въ Оренбургской и Пермской губерніяхъ изъ Екатеринбургской; въ Киргизскихъ степяхъ, по желанію золотопромышленниковъ—изъ Барнаульской или Екатеринбургской конторъ, а въ прочихъ мѣстахъ—изъ Государственнаго Коммерческаго Банка въ С.-Петербургѣ. При выдачѣ денегъ изъ банковыхъ конторъ за сданное въ Горныя Правленія или въ С.-Петербургскій Монетный Дворъ золото никакихъ вычетовъ не только по частнымъ, но и по казеннымъ взысканіямъ не допускается.

12.

Предполагаемый.

За вышеопредѣленнымъ поступленіемъ изъ добываемаго золота пяти шестыхъ частей въ казну, для присоединенія онаго къ государственному фонду, всѣ вновь окрываемые по изданіи сего устава пріиски освобождаются отъ существующаго нынѣ взиманія различныхъ пошлинъ за право добыванія золота. Сила сего правила всемилостивѣйше распространяется на пріиски, какъ дѣйствующіе, такъ и заявленные по дозволительнымъ свидѣтельствамъ, выданнымъ до изданія сего устава. Что же касается до установленныхъ нынѣ вычетовъ съ золотопромышленниковъ на содержаніе горной полиціи и на расходы по сплаву золота, то оные остаются въ своей силѣ.

13.

Предполагаемый.

Независимо отъ вышеизложенныхъ главнѣйшихъ основаній вновь предполагаемаго устройства золотопромышленнаго дѣла необходимо сдѣлать и въ самыхъ подробностяхъ нынѣ дѣйствующихъ узаконеній разныя измѣненія соотвѣтственныя съ предположеніемъ достигнуть наибольшаго увеличенія въ добычѣ золота. Въ сихъ видахъ потребно:

а) Правила о выдачѣ дозволительныхъ свидѣтельствъ, заявкѣ пріисковъ и отводѣ заявленныхъ земель освободить отъ излишнихъ формальностей и сдѣлать ихъ для всѣхъ мѣстностей, въ 1-мъ пунктѣ поименованныхъ, сколь возможно однообразнѣе.

б) Опредѣленное нынѣ въ отводъ для каждаго пріиска пространство земли 250 тыс. квадр. сажень увеличить вдвое, не воспрещая при томъ отводовъ и меньшаго размѣра; но вмѣстѣ съ тѣмъ постановить ограниченіе въ отводѣ пріисковъ въ одни руки, дозволяя каждому лицу или компаніи, и даже отдѣльно членамъ ея, имѣть не болѣе пяти пріисковъ.

и в) Для пріисковъ, открытыхъ какъ до изданія сего устава, такъ и по введеніи онаго въ дѣйствіе, постановить правило о срокѣ, въ который должна начаться разработка ихъ и самая сдача золота, по минованіи же этого срока объявлять пріиски свободными для заявки другими лицами. Вышеозначенные сроки должны быть различны, по соображенію съ разстояніемъ отъ населенныхъ мѣстъ.

14.

Предполагаемый.

Дабы доставить возможность желающимъ дѣйствовать на поприщѣ золотопромышленности имѣть свѣдѣнія о ходѣ дѣла, вмѣнить въ обязанность горнымъ управленіямъ, по окончаніи каждаго года, составлять реестры всѣмъ сдѣланнымъ заявкамъ въ теченіе того года по алфавитному порядку съ раздѣленіемъ по губерніямъ, въ которыхъ открыты золотосодержащія россыпи. Реестры эти публиковать въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и кромѣ того отпечатывать въ большомъ числѣ экземпляровъ и имѣть при горныхъ управленіяхъ для раздачи золотопромышленникамъ, которые пожелали бы имѣть таковые реестры.

15.

Измѣненный.

Ст. 2375 и 2408 X т.

Всѣ нынѣ дѣйствующія правила о наймѣ рабочихъ на пріиски остаются и по изданіи сего устава прежнія, съ таковымъ токмо дополненіемъ, что а) къ обязанности золотопромышленника относится содержаніе на пріискахъ больницъ съ числомъ кроватей въ размѣрѣ на тридцатую часть всей массы людей работающихъ на пріискѣ, съ аптекою и фельдшерами или палатными служителями, по одному на двадцать кроватей. Въ тѣхъ пріискахъ, гдѣ число рабочихъ болѣе тысячи, долженъ быть при больницѣ кромѣ фельдшеровъ лѣкарь, а на пріискахъ меньшаго размѣра хотя постояннаго лекаря не назначается, но долженъ быть таковой въ Сибирскихъ губерніяхъ чрезъ двѣ недѣли, а въ прочихъ одинъ разъ въ недѣлю. Но при томъ дозволяется золотопромышленникамъ, имѣющимъ пріиски съ большимъ 1000 человѣкъ размѣромъ, въ недальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, имѣть на нѣсколько пріисковъ одного лѣкаря, съ тѣмъ однакожъ, чтобы лѣкарь бывалъ въ каждомъ пріискѣ не рѣже, какъ черезъ день. б) Существующее нынѣ правило о выдачѣ задатковъ рабочимъ, нанимающимся на пріиски, не болѣе какъ по семи рублей, отмѣняется, а предоставляется выдавать задатки по взаимному соглашенію золотопромышленника съ наемщиками. в) По горнымъ и заводскимъ округамъ дозволяется золотопромышленникамъ нанимать на пріиски свободныхъ людей изъ заводскихъ и непремѣнныхъ работниковъ на условіяхъ по добровольному между работниками и золотопромышленникомъ согласію; заводскія же начальства, отпуская свободныхъ по излишеству отъ казенныхъ работъ людей, содѣйствуютъ золотопромышленнику въ томъ, чтобы таковые рабочіе исполнили условленное по найму исправно.

16

Предполагаемый.

Всѣ прочія правила, изложенныя въ Сводѣ Законовъ и въ дополнительныхъ указахъ, не противорѣчащія главнымъ основаніямъ предполагаемаго уста-

ва и не составляющія напрасной форменности и затрудненія, должны остаться въ своей силѣ.

17

Предполагаемый.

Всѣ тѣ правила, кои по указанію опыта служатъ препятствіемъ къ отысканію и добыванію золота, отмѣнить. Къ числу таковыхъ принадлежатъ нижеслѣдующія:

а) Раздѣленіе правилъ о золотоискательствѣ на нѣсколько категорій по роду земель, на которыхъ дозволена частная золотопромышленность.

б) отобраніе тамги или подписей отъ Башкиро-Мещеряковъ и Киргизовъ и соглашеніе въ условіяхъ на аренду золотосодержащихъ земель съ крестьянами-инородцами, Башкиро-Мещеряками и Киргизами.

в) Промежуточныя пространства между отведенными пріисками зачисляются въ казну подъ именемъ казенныхъ остатковъ.

г) Зачисленіе въ казну всякаго пріиска, найденнаго на земляхъ Сибирскаго казачьяго войска.

д) Отобраніе въ казну тѣхъ пріисковъ, по которымъ, при описаніи въ заявкахъ мѣстности, не соблюдены разныя форменности.

и е) Срочное опредѣленіе права владѣнія пріисками и краткость срока издаваемыхъ въ видѣ опыта правилъ.

18

Измѣненный.

Ст. 2342 X т.

Въ государственномъ управленіи дѣла о частномъ золотомъ промыслѣ принадлежатъ къ предметамъ вѣдомства Министерства Финансовъ; въ управленіи же мѣстномъ, они вѣдаются въ слѣдующихъ установленіяхъ:

а) *по первоначальной заявкѣ найденныхъ пріисковъ* въ земскихъ судахъ тѣхъ округовъ и уѣздовъ гдѣ открыты; въ заводскихъ управленіяхъ округами, въ полковыхъ кантонныхъ управленіяхъ казачьихъ и Башкиро-Мещерякскихъ войскъ и въ пограничныхъ коммисіяхъ для Киргизской степи.

б) *по отводу площадей къ пріискамъ и по надзору за добываніемъ на нихъ золота* въ Западной Сибири и въ округахъ Ачинскомъ и Минусинскомъ Сибири Восточной, они принадлежатъ къ вѣдомству Алтайскаго Горнаго Правленія, подъ особеннымъ наблюденіемъ главнаго начальника горныхъ заводовъ, а въ остальныхъ мѣстахъ Сибири Восточной они подчиняются непосредственно генералъ-губернатору; въ губерніяхъ же Оренбургской и Пермской—Уральскому Горному Правленію (въ Екатеринбургѣ), а въ прочихъ мѣстахъ начальникамъ губерній.

в) *по пріему и сплаву добытаго золота* принадлежатъ къ вѣдомству Алтайскаго и Уральскаго Горныхъ Правленій: по первому для обѣихъ частей

Восточной Сибири, а по второму для Оренбургской и Пермской губерній, а въ прочихъ губерніяхъ къ вѣдомству С.-Петербургскаго Монетнаго Двора.

г) *благочиніе или полиція на пріискахъ, дѣла слѣдственныя и уголовныя*, исключая предоставленныхъ военному суду, припадлежать къ вѣдомству общихъ установленій гражданскихъ по Своду Законовъ.

и д) *дѣла тяжебныя* разбираются третейскими судами, въ которыхъ спорящіе могутъ избирать и самыхъ золотопромышленниковъ, а въ случаѣ несогласій избранныхъ посредниковъ, рѣшаются въ присутственныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи.

19

Предполагаемый.

Составленный на вышеизъясненныхъ главныхъ основаніяхъ подробный уставъ о золотопромышленности сохраняетъ свою силу и дѣйствіе въ теченіи 25-ти лѣтъ со дня его изданія, послѣ каковаго срока золотопромышленность подчиняется тѣмъ правиламъ, какія по миновании срока могутъ быть вновь изданы.

1855 г. Іюль. Ушаки.

Б.

Записка о золотомъ промыслѣ въ Россіи.

(Написана въ 1855 году для прочтенія господамъ членамъ Финансоваго Комитета).

Представленный Государю Императору проектъ новыхъ правилъ о золотопромышленности Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить монаршаго вниманія повелѣніемъ разсмотрѣть оный въ Финансовомъ Комитетѣ.

Цѣль проекта не только устроить золотопромышленность на прочныхъ и выгодныхъ основаніяхъ, но преимущественно доставить правительству въ нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ средства удовлетворять своимъ нуждамъ и обезпечить, застраховать кредитъ.

Россія поставлена теперь въ необходимость вести войну, и для войны нужны деньги. Неизвѣстно, сколько времени продолжится война; неизвѣстно, на какія мѣста она распространится; слѣдовательно неизвѣстно, сколько потребуется денегъ.

Можетъ быть, самый успѣхъ войны будетъ зависить отъ большей или меньшей возможности ее продолжать.

Мы довольствовались до сихъ поръ, для удовлетворенія военныхъ нуждъ, наиболѣе бумажными деньгами.

Но бумажныя деньги подвержены опасностямъ своего рода. Напрасно нѣкоторые думаютъ: все равно деньги бумажныя или золотыя и серебряныя. Нѣтъ, не все равно: деньги золотыя и серебряныя выражаютъ собою истинное богатство государства, т.-е. тѣ средства, коихъ достоинство и сила признается во всѣхъ прочихъ державахъ, повсемѣстно, а бумажныя составляютъ только долгъ государственный, который надобно выплачивать золотомъ и серебромъ при востребованіи. Излишнее размноженіе бумажныхъ денегъ, лишая ихъ цѣны, угрожаетъ банкротствомъ государству.

Ободряютъ у насъ себя тѣмъ, что продолженіе войны можетъ произвести не въ одной Россіи, но и вездѣ денежный кризисъ. Но развѣ намъ отъ того будетъ легче, что другимъ станетъ тяжело? При томъ, такого общаго разстройства, какое угрожаетъ Россіи, не можетъ послѣдовать во Франціи и Англіи; тамъ не распространено столько бумажныхъ денегъ, какъ у насъ, и народъ тамошній задержалъ у себя металлъ въ монетѣ на всякій случай, объ чемъ у насъ никто и не помышлялъ.

Новая причина, почему въ Россіи на правительствѣ лежитъ обязанность не доводить общаго довѣрія къ бумажнымъ деньгамъ до сомнѣнія. Многіе успокоиваютъ себя тѣмъ, что курсъ нашъ на биржѣ весьма мало упадаетъ, слѣдовательно внутренній кредитъ государства находится внѣ всякихъ опасеній. Конечно, биржевой курсъ выражаетъ иногда собою мѣрило прилива и отлива капиталовъ посредствомъ удачнаго или неудачнаго хода торговыхъ оборотовъ въ извѣстное время; но надо принять въ соображеніе, что курсъ образуется отъ вліянія на него биржевыхъ дѣятелей, тогда какъ у насъ народъ живетъ своею жизнію, не только не слѣдя за этимъ курсомъ, но даже и не понимая его значенія. Напротивъ того, упадокъ бумажныхъ денегъ всѣ понимаютъ очень скоро, потому что видятъ это не по догадкамъ, а по явственному для каждаго недостатку монеты и по возвышающейся цѣнѣ вымѣна ея на бумажныя. Теперь въ крестьянской избѣ, въ лавкѣ, на базарѣ, на гумнѣ и мірской сходкѣ разсуждаютъ о войнѣ, потому что принимаютъ въ ней болѣе или менѣе дѣйствительное участіе. А какъ обращающіеся въ народѣ билеты представляютъ собою всѣ доходы, и трудъ человѣка, и производительность земли, служатъ ихъ мѣрою и, такъ сказать, цѣнностію, всѣмъ нужною: то надо заботиться, чтобы они стояли твердо и нерушимо въ свой цѣнѣ.

Важнѣйшая задача правительству въ настоящую минуту поддержать кредитъ или довѣріе къ своимъ обязательствамъ по бумажнымъ деньгамъ, уже выпущеннымъ и впредъ предполагаемымъ къ выпуску.

Я сказалъ задача, нѣтъ, не задача, а настоятельное требованіе со стороны обстоятельствъ, потому что показываются уже признаки колебанія государственнаго кредита. Вотъ они: въ С.-Петербургѣ и Москвѣ за полуимперіалъ при размѣнѣ его на бумажки вмѣсто законной цѣны 5 р. 15 коп. платятъ 5 р. 40 к., а въ Сибири 6 рублей. Въ губерніяхъ западныхъ встрѣчаютъ

невозможность размѣнять небольшое количество бумажекъ даже на мелкую серебряную монету. Въ Варшавѣ и прочихъ Польскихъ губерніяхъ самое обращеніе въ народѣ бумажныхъ денегъ находитъ уже затрудненія. Не разъ во многихъ пунктахъ перевала товаровъ держали извощиковъ по нѣскольку недѣль за невозможностію разсчитать ихъ мелочью отъ неимѣнія серебряной монеты. Наконецъ, извѣстность о недостаткѣ монеты дѣлается народною, потому что всѣ казначейства внутри Россіи отказываютъ въ размѣнѣ кредитныхъ билетовъ на серебро, тогда какъ на самыхъ билетахъ засвидѣтельствована обязанность казначействъ выдавать каждому приносителю безостановочно и во всякое время до 100 рублей. Самыя государственныя размѣнныя кассы въ столицахъ давно уже не удовлетворяютъ потребностямъ промышленности, нуждающейся въ размѣнѣ бумажекъ на монету.

Въ послѣднее время дозволено платить Китайцамъ до половины суммы, слѣдующей за чай, монетою, вслѣдствіе чего чайные торговцы обратились съ кредитными билетами въ размѣнныя кассы и получили отказъ.

Но отказы эти не могли уничтожить торговой потребности въ монетѣ, возникшей вслѣдствіе новаго закона, и потому чайные торговцы обратились къ покупкѣ въ мѣняльныхъ лавкахъ и на рыночныхъ столикахъ послѣднихъ крошекъ обращающейся въ народѣ монеты. Такимъ образомъ сошлись на рынкахъ и лавкахъ богачи и бѣдняки: первые получивъ отказъ въ промѣнѣ большихъ количествъ въ размѣнныхъ кассахъ, а послѣдніе не имѣя возможности размѣнять ничтожныя суммы въ уѣздныхъ казначействахъ.

Возвышеніемъ приплачиваемой къ бумажкамъ суммы при промѣнѣ ихъ на монету выражается степень настоящаго упадка цѣнности бумажныхъ денегъ въ отношеніи къ монетѣ. А что̀ будетъ впередъ, когда новыя потребности войны заставятъ выпустить еще множество билетовъ?

До какого разстройства могутъ дойти всѣ дѣла, когда всякій придетъ въ неизвѣстность о количествѣ своего состоянія, будетъ испытывать ежеминутно постепенное его уменьшеніе, почувствуетъ какъ таятъ въ его карманѣ рубли безо всякой съ его стороны вины, и онъ остается съ одними цифрами! И это въ государствѣ, наполненномъ и наполняющемся бумажными деньгами, гдѣ дробность ихъ доходитъ даже до одного рубля, гдѣ слѣдовательно убытокъ коснется всего народонаселенія включительно съ нищими. Страшно подумать о послѣдствіяхъ. Здѣсь такая можетъ произойти запутанность и разстроенность во всѣхъ отношеніяхъ гражданъ между собою, которая породитъ во всемъ государственномъ составѣ небывалыя затрудненія. Ясно-ли, что сохраненіе довѣрія къ билетамъ во всей его силѣ составляетъ жизненный вопросъ Россіи въ настоящую минуту?

Чѣмъ же можно поддержать это довѣріе, кредитъ? Увеличеніемъ основнаго капитала въ драгоцѣнныхъ металлахъ, добычею золота и серебра во что̀бы-то ни стало.

Франція и Англія, получившія въ послѣднее время огромные запасы золота и серебра изъ Калифорніи и Австраліи, прибѣгли, для покрытія военныхъ расходовъ, къ внутреннимъ займамъ.

Мы же къ составленію запаса монеты изъ частныхъ капиталовъ въ Россіи приступить не можемъ отъ того, что у насъ въ рукахъ капиталистовъ находятся одни только серіи и банковые билеты, такъ какъ недостатокъ въ правилахъ объ обращеніи золота и серебра и предшествовавшія въ этомъ дѣлѣ упущенія произвели оскудѣніе въ сихъ металлахъ. Истина этого не требуетъ ни изысканій, ни изслѣдованій; мы видимъ внутри своихъ домовъ, въ ежедневной своей жизни, что серебряной монеты у насъ очень мало, а золота вовсе нѣтъ.

О внѣшнихъ займахъ нѣтъ нужды распространяться: всякій понимаетъ, какъ трудно и неудобно прибѣгать къ этому средству въ настоящихъ обстоятельствахъ, какіе проценты и условія предложатся банкирами, еслибъ даже и можно было начать дѣло и, наконецъ, какая тягость ляжетъ съ ними на все будущее время.

Спасеніе наше денежное, какъ и всякое другое, дòма, въ своей землѣ!

Сибирь, по свидѣтельству всѣхъ, ученыхъ и неученыхъ людей, бывалыхъ и небывалыхъ, теоретиковъ и практиковъ, есть такое золотое дно, которое поспоритъ со всѣми рудниками Австраліи и Калифорніи; нужно только развязать руки, которыми выкапывается золото. Вотъ осязательное доказательство истины сихъ словъ: съ 1830 до 1848 года добываніе золота на частныхъ промыслахъ возрастало безпрерывно и дошло до 1600 пуд., а съ 1848 года, по изданіи новыхъ узаконеній, стало уменьшаться и въ 1853 году составляло уже только 1065 пудовъ. Остановимся на сихъ цифрахъ; взглядъ на нихъ невольно переноситъ насъ къ прошедшему. Зачѣмъ мы, видя золотодобываніе упадавшимъ, были хладнокровны къ тому въ то самое время, когда уже готовилась война, такъ что въ 1853 году, когда войска наши переходили за границу, когда потребность въ денежномъ богатствѣ должна была стоять на первомъ планѣ, у насъ добыто было золота на третью часть менѣе противъ бывшей за четыре года тому назадъ добычи. Еслибъ продолжалась хотя прежняя пропорція добыванія, то мы имѣли бы много лишняго золота и не дошли бы до теперешняго разстройства въ кредитѣ. Но мы умѣли остаться съ пустыми руками и убѣжденіемъ теоріи и системы, что все это очень выгодно было задумано по предположеніямъ и бумагамъ, хотя никто не можетъ показать, чѣмъ же изображается на самомъ дѣлѣ, въ натурѣ, эта выгода?

Но что̀ прошло, того не воротишь. Хотя и много потеряно времени для улучшенія золотопромышленности, хотя, какъ выше сказано, показываются и признаки разрушенія кредита, хотя въ теченіи нынѣшняго года грозитъ усиленіе подобныхъ признаковъ, но все еще не поздно обратиться съ быстрою

поспѣшностію къ извлеченію изъ земли какъ можно болѣе золота. Что же слѣдуетъ сдѣлать для того?

Развязать руки, которыми выкапывается золото, т. е. отстранить во первыхъ затрудненія, сочиненныя издали въ ущербъ этой промышленности и въ ущербъ государственныхъ финансовъ, и во вторыхъ открыть ей новые пути, которые, безъ всякаго сомнѣнія, поведутъ насъ къ желаемой цѣли, т. е. къ возможности усилить нашъ размѣнный фондъ и вывести размѣнныя кассы изъ предосудительнаго положенія отказывать въ размѣнѣ. Когда размѣнъ будетъ свободенъ, тогда опять возродится довѣріе къ бумажкамъ, и вымѣненную монету понесутъ обратно въ размѣнныя кассы для полученія за нее легкихъ знаковъ цѣнности, т. е. тѣхъ же бумажекъ. Независимо отъ усиленія размѣннаго фонда, потребно образовать еще особый запасъ золота, дабы въ случаѣ надобности производить военныя издержки монетою, можно было удовлетворять ихъ не трогая фонда, какъ достоянія частнаго, обезпечивающаго выпущенные правительствомъ въ народъ векселя, т. е. бумажныя деньги.

Приступаемъ собственно къ объясненію новаго проекта, къ изложенію причинъ, препятствующихъ успѣху золотопромышленнаго дѣла. Вотъ онѣ:

1) Самыя обширныя и богатыя мѣстности вовсе заперты для частной дѣятельности воспрещеніемъ отыскивать въ оныхъ золото частнымъ лицамъ. Мѣстности сіи составляютъ горные округа и казенные заводы, гдѣ вырабатываютъ золото распоряженіемъ Кабинета Его Императорскаго Величества и Министерства Финансовъ въ весьма малыхъ количествахъ. Неуспѣшность въ добываніи золота въ означенныхъ мѣстахъ видна изъ самыхъ отчетовъ.

Въ Мѣсяцесловѣ текущаго года помѣщено свѣдѣніе о добываніи золота, которое представляетъ слѣдующія цифры. На всѣхъ казенныхъ заводахъ и промыслахъ было добыто: въ 1830 году 148 пуд., а въ 1848 году, т. е. черезъ 18-ть лѣтъ, добываніе достигло только 197 пудовъ, тогда какъ на частныхъ промыслахъ было добыто въ 1830 году 204 пуда, а въ 1848 году добыча простиралась до 1529 пудовъ, не смотря на всѣ препятствія, производимыя законоизмѣняемостію и формальностями. Если на сдѣланную казною самую высшую добычу золота 197 пудовъ разложить всѣ годовые расходы, употребленные какъ на самое добываніе, такъ и на содержаніе горныхъ управленій и подвѣдомственныхъ имъ чиновниковъ, проѣзды ихъ, постройки и т. д., то конечно это золото обойдется казнѣ и Кабинету вдвое дороже самой его цѣнности. Очевидный успѣхъ частной дѣятельности произошелъ въ Сибирскихъ пустыняхъ, гдѣ частные люди собственными трудами открыли розсыпи на земляхъ никѣмъ незаселенныхъ; а казенная дѣятельность, состоя въ мѣстахъ многолюдныхъ и богатыхъ и имѣя въ пособіе себѣ цѣлый корпусъ горныхъ офицеровъ, доставила только восьмую часть въ сравненіи съ частною. Причина та, что казна не можетъ дѣйствовать на удачу, не навѣрное; при производствѣ же дѣла по формамъ, безъ затраты большихъ капиталовъ, безъ трудовъ

на страхъ, нельзя этому дѣлу дать такое движенiе и произвести такое развитiе, какое можетъ частная дѣятельность, оживленная отвагою и предпрiимчивостiю.

Выводъ этотъ, основанный на сравнительныхъ послѣдствiяхъ самаго опыта, убѣждаетъ въ необходимости распространить частную дѣятельность на всѣ тѣ мѣста, гдѣ есть признаки золотоносности, дабы получить изъ земли, безъ употребленiя издержекъ отъ казны, лежащее тамъ втунѣ золото. Въ два-три года частныхъ поисковъ раскроются несмѣтныя богатства Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ, и Государь получитъ въ скоромъ времени тѣ сокровища, которыя при существующемъ въ казенномъ управленiи порядкѣ будутъ сотни лѣтъ составлять мертвый капиталъ, никому ничего не приносящiй.

Казенные заводы, напримѣръ въ Нерчинскѣ, имѣютъ теперь за собою не участки земель, а цѣлыя области на нѣсколько тысячъ верстъ въ окружности. Здѣсь золото остается не только не вынутымъ, но даже и не открытымъ. Когда же казна соберется развѣдать почвы этихъ земель и что ей будутъ стоить даже одни первоначальныя попытки?

Многiе полагаютъ, что мѣстности, причисленныя къ казеннымъ заводамъ, составляютъ принадлежность Кабинета Его Императорскаго Величества и что въ нихъ не можетъ быть допущена частная дѣятельность. Возраженiе не основательное, потому что означенныя мѣстности не изъемлются отъ своего вѣдомства тѣмъ, что въ нихъ для добыванiя золота будетъ употреблена не казенная, а частная дѣятельность; напротивъ того, Кабинетъ Его Императорскаго Величества выиграетъ полученiемъ золота изъ земли безъ всякаго съ своей стороны расхода. Гораздо полезнѣе Государю Императору имѣть богатство собственныхъ золотоносныхъ земель въ наличности, нежели довольствоваться мыслiю, что оно гдѣ-то въ землѣ скрывается.

Развивая далѣе мысль о выгодномъ увеличенiи добыванiя золота, необходимо даже дѣйствующiе казенные прiиски передать въ частныя руки, дабы избавиться Кабинету и казнѣ расходовъ и получить болѣе золота. Разумѣется, что таковая передача должна совершиться на выгодныхъ для казны и Кабинета условiяхъ, а если не явятся охотники, то дѣло остается само-собою при нынѣшнемъ порядкѣ.

Спросятъ, какими же суммами Кабинетъ Его Императорскаго Величества будетъ платить частнымъ людямъ за добытое ими въ государевыхъ земляхъ золото?

Отвѣчаемъ: бумажными деньгами, которыя будетъ брать онъ изъ Министерства Финансовъ, отдавая ему не все свое золото, а положимъ примѣрно за рубль полтину.

По указу 10-го Января 1855 года разрѣшено выпускать въ народное обращенiе бумажныя деньги съ обезпечиванiемъ шести рублей выпуска однимъ рублемъ монеты; слѣдовательно означенное прiобрѣтенiе золота изъ Кабинета

въ государственный запасъ будетъ для Министерства Финансовъ удобно, и бумажныя его деньги, поступая чрезъ выдачу ихъ изъ Кабинета золотопромышленникамъ, пойдутъ въ народный оборотъ и обезпечатся не шестою частію, а половиннымъ количествомъ металла; Кабинетъ же получитъ весьма важную, существенную выгоду, передавая половину золота Министерству Финансовъ за полученные отъ него билеты, а другую сохраняя для себя.

Такимъ образомъ денежное богатство Государя и государства будетъ взаимно возрастать.

2) Подобно вышеозначенному воспрещенію отыскивать золото въ горныхъ округахъ и на земляхъ, причисленныхъ къ казеннымъ заводамъ, существуетъ правило относительно казачьихъ земель въ Сибири, на которыхъ всякое открытіе золота назначено зачислять въ пользу войскъ, вѣроятно съ предположеніемъ открыть когда-либо разработку золота войсковымъ распоряженіемъ. Въ слѣдствіе такого закона новыхъ розысковъ не производится, а случайно сдѣланные остаются безъ разработки. Бывшій въ Оренбургской губерніи на земляхъ Башкиро-Мещерякскаго войска опытъ разработывать пріиски па счетъ Башкирскихъ суммъ оказался столь безвыгоднымъ, что и самая разработка прекращена. Слѣдовательно и на земляхъ Сибирскаго казачьяго войска нельзя ожидать успѣха отъ повторенія подобной попытки.

3) Въ правилахъ, постановленныхъ для тѣхъ мѣстностей, гдѣ дозволена золотопромышленность, существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такія затрудненія, которыя равносильны совершенному воспрещенію, такъ напримѣръ: въ Оренбургской губерніи на земляхъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ разработка золота допускается только на 12-ть лѣтъ, отъ каковаго ограниченія весьма мало появляется желающихъ добывать золото. Если положить на поиски три года, а при неудачѣ пять, и потомъ годъ на первоначальную разработку, то при небогатомъ содержаніи пріиска 12-ти лѣтній срокъ не стоитъ труда. На земляхъ казачьихъ и Тептярскихъ, той же Оренбургской губерніи, промежутки между частными пріисками отбираются въ казну съ предположеніемъ отдавать ихъ за возвышенную пошлину, но по неявкѣ желающихъ остаются безъ разработки. Число таковыхъ неразработанныхъ пріисковъ, равно и отобранныхъ въ казну за несоблюденіе разныхъ формальностей, простирается въ одной Оренбургской губерніи до 200, и, какъ говорятъ мѣстные практики, на нихъ могло бы быть добыто на каждомъ не менѣе пуда въ годъ. Присоединеніе отъ сихъ пріисковъ 200 пудовъ золота къ государственному запасу имѣло-бы теперь свое значеніе. На земляхъ Башкиро-Мещерякскаго войска не иначе разрѣшается отводить земли подъ пріиски, какъ по представленіи отъ каждаго начальника Башкирской семьи согласія съ подписью или тамгой, подъ тѣмъ однакожъ условіемъ, что отыскавшій золото имѣетъ право добывать его въ одномъ только заявленномъ мѣстѣ, а еслибъ открылъ въ арендованномъ же округѣ въ другомъ мѣстѣ золото, то это новое открытіе

ведетъ къ новому соглашенію о прибавкѣ платежа; если же соглашеніе не состоялось, то отысканная розсыпь отдается другому лицу, предложившему высшій платежъ, несмотря на то, что это другое лицо тамги не собирало и округа не арендовало. Отъ невозможности получить общее согласіе и въ слѣдствіе новыхъ формальностей и условій произошло то, что въ настоящее время разработка золота существуетъ въ одномъ только изъ Башкирскихъ округовъ, гдѣ право получено еще по старымъ правиламъ, т. е. безъ ограниченія добычи золота въ одномъ мѣстѣ.

Во всѣхъ Башкирскихъ земляхъ содержаніе золота хотя не богатое, но за то повсемѣстное, и при томъ наемная плата рабочимъ не дорогая, а при предполагаемой ниже сего отмѣнѣ пошлины, былъ бы расчетъ добывать тамъ золото, и общій итогъ добычи его въ Башкиро - Мещерякскихъ земляхъ могъ бы быть довольно значительный.

На вопросъ, чѣмъ же будутъ вознаграждены Башкирцы, отвѣтимъ, что нынѣшнее ихъ вознагражденіе состоитъ только въ предположеніи закона, на бумагѣ, а на дѣлѣ они не получаютъ ничего, потому что при существуюшихъ правилахъ не отыскивается золота; а при исправленіи правилъ явятся золотоискатели, откроются пріиски, и тогда начнется дѣйствительный доходъ Башкирцевъ отъ заработка на пріискахъ и сбыта на нихъ жизненныхъ припасовъ.

4) На земляхъ казенныхъ въ Восточной и Западной Сибири, гдѣ существуетъ главный золотой промыселъ, золотопромышленность угнетена пошлиною, отъ чего золотопромышленники поставлены въ необходимость вырабатывать только богатые золотомъ пласты, оставляя безъ вниманія хотя золотосодержащія, но менѣе богатыя розсыпи. До введенія высокой пошлины въ 1848 году добыча золота частными людьми достигла до 1529 пудовъ, а со времени введенія оной въ 1849 году начала упадать и въ 1853 году составляла уже только 1065 пудовъ. Всѣ тѣ пріиски, которыя не выносятъ пошлины, остались безъ разработки, а происшедшее отъ того сокращеніе въ добычѣ металла составило для правительства существенную потерю, стоющую гораздо дороже всей пошлины.

Дѣйствіе пошлины таково, что всѣ небогатые пріиски остаются втунѣ лежащими, тогда какъ число ихъ по крайней мѣрѣ въ 50 разъ болѣе противъ числа богатыхъ пріисковъ, такъ что когда начнется въ нихъ разработка, по случаю отмѣны пошлины, то они могутъ удвоить и утроить общій итогъ всей нынѣшней добычи и упрочить самую золотопромышленность на продолжительное время.

Всѣ означенные бѣдные отъ нынѣшняго законоположенія пріиски не могутъ выносить никакого налога, потому что всякая копѣйка пошлины соединяетъ съ собою, какъ извѣстно, на гривну зависимости, сопряженной съ обрядами взиманія и формами.

Самое исчисленіе потерь казны отъ снятія пошлины, сравнительно съ выгодами отъ присоединенія золота къ государственнымъ запасамъ, убѣждаетъ въ необходимости совершенно отмѣнить пошлину. Отъ уничтоженія пошлины казна лишится дохода до $2^1/_2$ милл. руб. сер.; но какъ по новому проекту предположено не выдавать золотопромышленникамъ за золото золотомъ же, а оставлять $^5/_6$ частей изъ всего добываемаго количества въ казнѣ, то вышеозначенныя пять шестыхъ частей доставятъ металла въ государственную кладовую на сумму $16^1/_2$ милл. рубл. сер., если принять въ соображеніе даже только ту добычу, которая была въ 1848 году (1529 пудовъ). Таковой запасъ даетъ возможность, въ случаѣ надобности, сдѣлать огромный выпускъ кредитныхъ билетовъ (отъ 50 до 75 милл. рубл. въ годъ), при очевидномъ для всѣхъ обезпеченіи ихъ золотомъ; при чемъ будетъ возможность пополнять и самую народную потребность обращеніемъ монеты. А какъ отъ снятія пошлины всѣ небогатые пріиски возвратятся къ жизни и начнутъ разработываться, то это вмѣстѣ съ допущеніемъ повсемѣстной частной дѣятельности безъ сомнѣнія утроитъ добычу золота, и тогда въ руки правительства будетъ каждогодно поступать его на 50 милл. рубл. сер.

Сочтите, напримѣръ, сколько процентовъ слѣдуетъ заплатить за подобный заграничный заемъ, и не вознаграждаетъ ли эта сумма потерянную пошлину?

Слѣдовательно, возраженіе, какъ можно казнѣ потерять свой доходъ отъ пошлины и чѣмъ его можно замѣнить—уничтожается само собою.

Замѣтимъ также.

Тѣ доходы заслуживаютъ попеченія о сохраненіи ихъ, которые имѣютъ свойство развивать промышленность и получаются въ казну не на счетъ упадка прочихъ доходовъ. Получаемая же съ золота пошлина утѣсняетъ собою золотодобываніе и ведетъ къ упадку другія статьи доходовъ. До изданія закона о возвышенной пошлинѣ, сумма, платимая за Сибирскіе откупа, каждое 4-хъ-лѣтіе возрастала. На торгахъ въ 1846 году было наддано до 700 тысячъ рублей въ годъ; но съ 1851 года послѣдовала значительная недодача, которая едва-ли не составитъ 1 милліона рублей. Еслибъ народное благосостояніе поддерживали развитіемъ золотопромышленности въ Сибири, то она, распространяя тамъ капиталы, повела бы и откупной доходъ къ возрастанію. Кромѣ сего казна нашла бы много новыхъ выгодъ какъ въ доходахъ гильдейскихъ, такъ и въ исправномъ сборѣ податей. Одно только развитіе производительныхъ силъ можетъ, повторяю, дать доходы прочные и сдѣлать государство богатымъ; а потому всѣ тѣ приходы кои стѣсняютъ производительность человѣка и земли, суть доходы призрачные и по послѣдствіямъ своимъ вредные, ибо они задерживаютъ государство въ его промышленномъ преуспѣяніи.

Теорія финансовъ, можетъ быть, представитъ и другое еще возраженіе: какъ можно добытое частными людьми и пріобрѣтенное отъ нихъ въ казну посредствомъ уплаты бумажныхъ денегъ золото считать доходомъ? Какая страшная финансовая ошибка этого проекта называть пріобрѣтеніемъ то, что не даромъ досталось!

Не входя въ отвлеченныя словопрѣнія, скажемъ, что всѣ сіи теоріи могли уважаться и исполняться только въ такое время, когда состояніе государствъ жизнь народовъ и взаимная между ними торговля были въ покойномъ положеніи; тогда и финансовыя начала могли быть болѣе или менѣе общія, взятыя изъ теоріи. Но во времена, подобныя нынѣшнимъ, времена грозныя и тяжкія, не нужно-ли, отбросивъ отвлеченныя мудрованія, извлекать основанія всякаго устройства просто изъ соображенія своихъ средствъ и своихъ нуждъ?

Легко можетъ случиться, что при дальнѣйшемъ распространеніи войны потребуются массы золота, то гдѣ же можно пріобрѣсти ихъ на наши бумажныя деньги? А надо заблаговременно знать то мѣсто, куда слѣдуетъ обратиться въ случаѣ нужды за золотомъ, въ полной увѣренности, что отказа не будетъ. Надежда удовлетворить потребность въ золотѣ займомъ за-границею есть не болѣе какъ только надежда. А если не найдемъ мы желающихъ одолжить насъ, тогда что?...

Частныя лица, хотя и получатъ за все золото, сданное ими въ казну рубль за рубль бумажными деньгами, но за то на ихъ счетѣ лежатъ первоначальные расходы по отысканію золота, и затѣмъ всѣ издержки, нужныя на добываніе его; значитъ, они не даромъ получатъ всю ту сумму, которая за золото причтется.

Не пропустимъ въ молчаніи то, что развитіе золотодобыванія окажетъ благотворное вліяніе на многія отрасли промышленности. Появятся деньги въ Сибири, понадобятся туда и товары мануфактуръ Московскихъ и другихъ губерній, и откроется заработка для многихъ. Благотворное вліяніе почувствуютъ земледѣльцы по сбыту своихъ произведеній на фабрики, ремесленники по умноженію своихъ работъ, извощики по перевозкѣ товаровъ. Всегда полезное оживленіе внутренней промышленности теперь дѣлается вполнѣ необходимымъ, дабы народъ, удрученный наборами, ополченіемъ и малоцѣнностію на произведенія земли, не сбываемыя за-границу, находилъ себѣ подкрѣпленіе и вспомоществованіе въ распространеніи правительствомъ денежныхъ богатствъ, чрезъ развитіе производительныхъ силъ. Развитіе сихъ силъ поддержитъ и самые доходы казны по многимъ статьямъ, которые, къ великой невыгодѣ общаго благоденствія, основываются большею частію на системѣ монополій. Въ нынѣшнее время необходимо для пользы отечества, скажемъ мимоходомъ, ослабить объемъ винной монополіи, дабы дать отдохнуть винокуренію и потребителямъ вина, первому отъ недостатка, а послѣднимъ отъ возвышенной цѣны за оное.

Но, оставляя эту вводную мысль о необходимости ослабить вредное вліяніе нашихъ монополій на государственное хозяйство, обратимся къ другимъ статьямъ золотопромышленнаго дѣла.

5) Къ числу изложенныхъ въ предшествовавшихъ пунктахъ неудобствъ присоединяется еще краткость сроковъ въ дѣйствіи издававшихся отъ правительства законовъ о золотопромышленности.

По указу 17 Августа 1854 года всѣ уставы о золотопромышленности на казачьихъ и Тептярскихъ земляхъ правительство предоставило себѣ измѣнять когда найдетъ нужнымъ, а по Сибири законоположеніе о новой пошлинѣ введено въ видѣ опыта на три года. Столь частая и при томъ неопредѣлительная законоизмѣняемость служитъ препятствіемъ къ открытію новыхъ золотоносныхъ площадей, заграждая путь частной дѣятельности опасеніемъ входить въ то предпріятіе, гдѣ перемѣна правилъ, чрезъ изданіе оныхъ въ видѣ опыта, уже впередъ заявлена.

и 6) Наконецъ раздѣленіе правилъ о золотоискательствѣ на нѣсколько категорій, по роду земель, на которыхъ дозволена частная золопромышленность и множество разнообразныхъ формальностей породили безконечные процессы и затруднили собою рѣшимость капиталистовъ вступать въ золотопромышленное дѣло, что̀ очевидно изъ того, какъ мало появляется новыхъ лицъ на этомъ поприщѣ.

По вышеизложеннымъ выводамъ оказывается, что золотопромышленное дѣло находится у насъ еще въ совершенномъ младенчествѣ и можетъ сильно развиться только при изданіи правилъ, сообразныхъ съ потребностію дѣла.

Сложившійся изъ нихъ новый уставъ имѣетъ слѣдующія начала:

1) Чтобы отыскиваніе и добываніе золота были предоставлены частной промышленности во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ золотоносные пласты.

2) Чтобы были прекращены поиски вновь золота казеннымъ распоряженіемъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ открыто золото казною, добываніе его было передано частнымъ людямъ на выгодныхъ для казны условіяхъ.

3) Чтобы къ производству золотопромышленности были допущены служащіе по горному вѣдомству, какъ люди практическіе, отстраненіе коихъ, за отмѣною пошлины и переходомъ сего дѣла въ частную дѣятельность, не имѣетъ уже никакой цѣли.

4) Чтобы все добываемое золото поступало въ казну, а золотопромышленникамъ выдавалось за оное пять шестыхъ частей кредитными билетами и одна шестая часть монетою, примѣняясь къ размѣру обезпеченія кредитныхъ билетовъ.

5) Чтобы все принятое въ казну золото было присоединяемо къ государственнымъ запасамъ.

Отдѣленіе нѣкоторой части онаго для народнаго обращенія составляетъ

предметъ особаго разсужденія, дабы постановить правила, отстраняющія возможность исчезать монетѣ за-границу.

6) Чтобы за вышеопредѣленнымъ поступленіемъ въ казну добываемаго золота были отмѣнены существующія нынѣ пошлины, по тому уваженію, что гораздо важнѣе этихъ пошлинъ имѣть правительству въ своихъ рукахъ какъ можно болѣе самаго металла. Сумма же получаемаго съ этихъ пошлинъ дохода съ избыткомъ возвратится въ казну съ другихъ статей и другими путями.

7) Чтобы разсчетъ за золото оканчивался въ мѣстахъ ближайшихъ къ золотопромышленной дѣятельности, т.-е. въ самой Сибири, выдачею кредитныхъ билетовъ изъ тамошнихъ банковыхъ конторъ.

8) Чтобы вообще золотопрошленное дѣло было освобождено отъ излишнихъ формальностей и имѣло правила для всѣхъ мѣстностей сколь возможно однообразнѣе, но чтобы при томъ было и ограниченіе въ возможности какъ забирать въ одни руки много пріисковъ, такъ и оставлять ихъ продолжительное время безъ разработки.

и 9) Чтобы владѣніе пріисками на всѣхъ вообще земляхъ было не срочное, а до истощенія ихъ и чтобы правила, на вышеизложенныхъ основаніяхъ составленныя, были неизмѣняемы въ теченіи 25 лѣтъ, такъ какъ безъ продолжительной незыблемости закона не можетъ возрастать число желающихъ отваживаться своими трудами и капиталами на золотоисканіе.

Необходимое условіе успѣха въ этомъ дѣлѣ заключается въ быстротѣ. Вспомнимъ слова адмирала Шишкова изъ письма его къ къ императору Александру I-му во время, сходное въ нынѣшнимъ: „При обстоятельствахъ, въ коихъ мы находимся, необходимость требуетъ скораго и рѣшительнаго разсмотрѣнія какъ и что́ дѣлать надлежитъ; ибо малѣйшее упущеніе времени можетъ приключить невозвратимое зло“.

Рѣшенію вопроса о золотопромышленности должно открыть кратчайшій путь дабы новыя правила могли быть извѣстны въ концѣ нынѣшняго же года въ золотопромышленныхъ губерніяхъ, и дали возможность подрядить рабочихъ на будущее лѣто и заготовить для нихъ припасы въ теченіи Января и Февраля нынѣшней зимы.

Если же составленію подробныхъ правилъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ будетъ предшествовать переписка съ различными вѣдомствами и лицами, то это возметъ столько времени, что лѣто будущаго 1856 года пропадетъ даромъ. А гроза между тѣмъ приближается. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, гдѣ дорога̀ всякая минута, не до справокъ и формъ. Не надобно дожидаться того времени, когда упадокъ бумажныхъ денегъ повергнетъ всѣхъ въ банкротство; тогда никакія мѣры не помогутъ, ибо указомъ нельзя заставить вѣрить въ бумажки, когда довѣріе къ нимъ станетъ разрушаться отъ внутренняго убѣжденія каждаго въ упадкѣ ихъ цѣнности.

Повторимъ вкратцѣ наши разсужденія: правильное распространеніе монеты въ народномъ обращеніи и гласное и публичное присоединеніе найденнаго золота къ государственнымъ запасамъ, должно тотчасъ воздѣйствовать успокоительно на внутренній кредитъ и предотвратитъ многія опасныя явленія.

Извѣстіе объ умноженіи запасовъ государственной кладовой принесетъ великую пользу и за границею. Если увеличатся и будутъ увеличиваться у насъ постоянно запасы золота, тогда самые за граничные займы въ случаѣ надобности могутъ совершаться успѣшнѣе и выгоднѣе по пословицѣ: муку даютъ въ заемъ тому, у кого въ закормѣ рожь лежитъ.

Быть можетъ, Россіи суждено окончить войну внѣ своихъ предѣловъ. Тогда, въ случаѣ перехода войскъ заграницу, потребность въ золотѣ окажется еще ощутительнѣе, и недостатокъ его можетъ поставить Государя Императора въ затрудненіе продолжать войну даже среди успѣховъ его оружія.

Хотя въ настоящемъ разгарѣ войны нельзя предвидѣть ея исхода, но можно однакожъ съ достаточною достовѣрностію предполагать, что побѣда останется за тѣмъ, кто долѣе будетъ имѣть средства вести войну, нести ея тягости, чьи средства истощатся позднѣе.

Убѣжденіе въ неистощимости нашихъ средствъ можетъ, вмѣстѣ съ другими причинами, склонить враговъ на сторону мира гораздо болѣе нежели другія побужденія. Самый миръ съ богатыми, кромѣ другихъ основаній, бываетъ охотнѣе и уступчивѣе, слѣдовательно выгоднѣе.

Наконецъ, золото понадобится и послѣ войны, по заключеніи мира, для возстановленія торговли, для утвержденія мануфактуръ, построекъ желѣзныхъ дорогъ, для сообщенія умножаемымъ теперь бумажнымъ деньгамъ свободнѣйшаго и вѣрнѣйшаго движенія.

И какъ мало нужно для достиженія такихъ важныхъ результатовъ! Отмѣнить пошлину, которая возвратится въ казну съ лихвою въ другихъ статьяхъ дохода и допустить частную дѣятельность во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть признаки золота, которое теперь лежитъ и долго, если не на вѣки, лежать будетъ, сокровенное въ глубинѣ земли, безъ пользы казнѣ, частнымъ людямъ и вообще государству.

Въ заключеніе оставимъ разсужденіе о выгодахъ операціи, какъ они ни очевидны и осязательны. На всякія доказательства, извѣстно, можно найти столько же возраженій и опроверженій, очень благовидныхъ и въ подробностяхъ даже убѣдительныхъ. Взглянемъ на дѣло съ другой стороны. Бываютъ обстоятельства, когда вопросъ долженъ рѣшаться одною необходимостію мимо всѣхъ толковъ объ его пользѣ или вредѣ. Приведу въ примѣръ желѣзныя-дороги. Сколько было у насъ предложено доказательствъ противъ ихъ учрежденія даже людьми знающими, опытными, благонамѣренными и доказательствъ важныхъ, основательныхъ, надъ которыми можно было задуматься: населеніе наше слишкомъ разсѣяно; быстрое сообщеніе ненужно; провозъ дешевъ; нѣтъ произ-

веденій, требующихъ скорой доставки; санной путь очень удобенъ; капиталовъ мало; дороги станутъ очень дорого; далеко не окупятся; множество промышленностей упадетъ; климатъ неблагопріятный, и мало-ли что̀ не было говорено и чѣмъ останавливалось построеніе. Теперь только мы увидѣли, что разсуждать объ устроеніи желѣзныхъ дорогъ было вовсе не нужно, а всѣ доказательства противъ нихъ, со всею ихъ премудростію, должно было оставить безъ вниманія, а строить желѣзныя дороги потому только, что мы живемъ въ Европѣ и что вся Европа покрылась желѣзными дорогами. Теперь только мы увидѣли, говорю я; ибо съ милліономъ лучшаго своего войска оказались вездѣ, за неимѣніемъ сообщеній, въ недостаткѣ противъ ста тысячъ на насъ высланныхъ и принуждены до сихъ поръ уступать. Нечего говорить, что война вѣроятно и не началась бы, еслибъ у насъ были желѣзныя дороги, кои сторицею такимъ образомъ вознаградили бы за свое построеніе.

Точно тоже разсужденіе можно приложить въ настоящую минуту къ золотопромышленности: намъ нужно золото, во что̀ бы то ни стало, а мы можемъ искать его только на одномъ извѣстномъ пути. Слѣдовательно и разсуждать нечего, а брать скорѣе въ руки лопату, иначе опять будемъ раскаяваться какъ по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ и кусать локоть, котораго не достанешь.

При необходимости не говорятъ о пользѣ: а если польза очевидно равняется необходимости? Сколько же силы у пользы и необходимости вмѣстѣ!

1855 г. Ноябрь. Москва.

ЛЕФОРТОВСКІЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ МОСКВѢ.

Перечитывая Русскій Архивъ за прежніе годы, я остановился на замѣткѣ г. Александрова „О Лефортовскомъ Дворцѣ въ Москвѣ“ (Р. Арх. 1875, кн. III, 482), и такъ какъ полагаю, что въ свѣдѣніяхъ, относящихся къ отечественной исторіи, каждая недомолвка или обмолвка ради полноты и вѣрности должна быть дополняема и исправляема, то и считаю нелишнимъ къ вышеозначенной замѣткѣ прибавить нѣсколько словъ.

Г. Александровъ указываетъ на свѣдѣніе, приводимое г. Есиповымъ, что домъ Лефорта, находившійся въ Москвѣ въ Нѣмецкой Слободѣ, былъ подаренъ въ 1707 году Петромъ Великимъ князю Меншикову, и косвенно опровергаетъ это свѣдѣніе, говоря, что „изъ подворнаго описанія Нѣмецкой Слободы, которая состояла въ вѣдѣніи Военной Канцеляріи, за 1707 годъ, видно, что домъ адмирала Лефорта принадлежалъ его вдовѣ Еленѣ Францовнѣ, жившей въ Епифанскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ племянника ея бригадира Петра Лефорта и что въ домѣ семъ для береженія оставленъ былъ человѣкъ ея Петръ Петровъ“. Затѣмъ г. Александровъ полагаетъ, что „по всему вѣроятію Петръ сперва пожаловалъ этотъ домъ Меншикову, но потомъ, усмотря, что онъ есть частная собственность вдовы Лефорта, возвратилъ домъ сей послѣдней и вознаградилъ Меншикова чѣмъ либо другимъ“ (стр. 483). Во всей замѣткѣ нѣтъ ни слова, чтобы домъ Лефорта *когда нибудь* принадлежалъ князю Меншикову; а потому читатель остается въ убѣжденіи, что домъ этотъ послѣ смерти Лефорта сталъ собственностью вдовы его и отъ нея уже перешелъ въ казну.

Но это невѣрно. Лефортовскій дворецъ, въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, дѣйствительно принадлежалъ князю Меншикову, въ чемъ удостовѣряютъ извѣстія того времени. Такъ Беркгольцъ говоритъ, что въ 1721 г. „на другой день праздника Рождества Христова, кн. Меншиковъ

въ своемъ большомъ домѣ, находящемся въ Нѣмецкой Слободѣ, великолѣпно угощалъ его высочество (герцога Голштинскаго) со свитою и иностранныхъ министровъ, при чемъ неимовѣрно пили". (Дневникъ Беркгольца, ч. 1, 271). О домѣ кн. Меншикова въ Нѣмецкой Слободѣ Беркгольцъ упоминаетъ неоднократно. Еще яснѣе говоритъ о томъ же Ханенко, находившійся тогда въ Москвѣ при гетманѣ Иванѣ Скоропадскомъ, пріѣзжавшемъ поздравить Петра съ заключеніемъ Ништадскаго мира. Будучи старшимъ канцеляристомъ войсковой канцеляріи, Николай Ханенко велъ въ Москвѣ свой журналъ [1]), въ которомъ, между прочимъ, пишетъ, что 20 Января 1722 года Скоропадскій ѣздилъ съ визитомъ къ князю Меншикову въ его домъ, называемый *Лафертовскимъ*, находящійся въ Нѣмецкой Слободѣ. Вотъ его слова: „Потомъ, надвечери, поѣхали обое панство, такожъ панове писарь и бунчуковый войсковый енеральній, до палатъ свѣтлѣйшаго князя, зовемаго Лафертовскаго, на Нѣмецкой Слободѣ будучого, для отданія въ резиденціи его свѣтлости визиты". Подъ 29 числомъ Января Ханенко пишетъ: „Свѣтлѣйшій князь, его милость, господинъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ, енаралъ-фельдмаршалъ, прислалъ надвечери ясновельможному на квартеру судно, называемое ботъ, дѣланное для ѣзды въ машкарадахъ, якіе готованы были завременно для потѣхи на тиждень масличный". 30 Января: „Рано судно, вчера присланное отъ свѣтлѣйшаго князя, одослалъ ясновельможный *до двора его свѣтлости на Нѣмецкую Слободу Лафертовскаго;* потомъ и самъ его вельможность тудажъ отъѣхалъ, гдѣ Его Императорское Величество и государыня императрица, такожъ и всѣ господа сенаторы, министры и прочіе господа съѣхавшись (бо тудажъ и вся аппаренція машкарадъ была спровожена и килька суденъ водныхъ, нарочно для того дѣланныхъ) кушали и по кушанью рушили всѣ на суднахъ и на другихъ поѣздахъ, о которыхъ подъ утрешнимъ числомъ обширнѣ опишется, и поѣхали до села, о 7 верстъ отъ Москвы отстоящаго, зовемого Всесвятское, гдѣ и ночевали" [2]).

Лѣтъ 30 тому назадъ, т. е. въ пятидесятыхъ годахъ, одинъ изъ прудовъ дворцоваго или Головинскаго сада, именно тотъ, который находится противъ Лефортовскаго дворца (задняго его фаса), былъ извѣстенъ подъ именемъ *Меншикова пруда*, что̀ мнѣ неоднократно приходилось слышать, когда я служилъ въ 1 Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, которому садъ этотъ принадлежалъ. Причины такого названія никто мнѣ тогда разъяснить не могъ, и я узналъ ее только тогда, какъ напалъ на вышеприведенныя свѣдѣнія у Беркгольца и Ханенки. Сохраняетъ ли прудъ историческое свое названіе и теперь, не знаю; время все стираетъ; но желательно, чтобы хотя эта замѣтка спасла отъ забвенія старинное преданіе.

---

[1]) Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1858, кн. I.

[2]) О сборѣ маскарадныхъ поѣздовъ въ домѣ князя Меншикова въ Нѣмецкой Слободѣ разсказываетъ и Беркгольцъ, ч. II, 66—68.

И такъ, Лефортовскій дворецъ былъ нѣкогда Московской „резиденціей“ князя Меншикова [3]).

Говоря о прошлой судьбѣ этого зданія, нелишне сказать, что въ 1702 г. въ одной изъ палатъ его былъ устроенъ „комедійный театрумъ и хоры“, гдѣ въ то время отличался иностранецъ Кунштъ съ своей труппой. Театръ этотъ помѣщался временно, пока отстроивалась „комедійная деревянная храмина“ на Красной площади. Актерамъ „для ихъ скудости“ и для того, что „ходя въ Нѣмецкую Слободу по вся дни платьемъ и обувью обносились и испроѣлись“, Петръ приказалъ выдать съ Октября 1702 г. по Январь 1703 г. сто рублей (Статья Пекарскаго: *Актеры въ Россіи при Петрѣ Великомъ.* Современн. 1858 г. № 2).

Село Капустино, Серпуховскаго уѣзда.

А. Корсаковъ.

---

[3]) Кромѣ Лефортовскаго дворца у Меншикова было въ Москвѣ еще три дома. 1) На Яузѣ и Хопиловкѣ; 2) На Мясницкой, близъ церкви арх. Гавріила, извѣстный подъ именемъ *Меншиковой башни* и 3) у Боровицкаго моста. (Ст. Есипова: *Ссылка князя Меншикова*, От. Зап. 1861 г. № I).

ВОСПОМИНАНІЯ МОСКОВСКАГО КАДЕТА.

1834—1837 *).

„Впередъ, впередъ, моя исторья...“
А. Пушкинъ.

Житковская исторія завершилась перемѣною старшаго нашего начальства **). Директоръ корпуса Ренненкампфъ осенью 1834 года былъ назначенъ вице-директоромъ Военной Академіи, а на его мѣсто поступилъ командиръ 2-й гвардейской артиллерійской бригады генералъ-маіоръ Александръ Осиповичъ Статковскій.

Въ Ноябрѣ пріѣхалъ новый директоръ и принялъ корпусъ. Это былъ мущина средняго роста, лѣтъ съ чѣмъ нибудь сорока, но уже съ сѣдыми волосами, которые онъ щеголевато причесывалъ, съ чрезвычайно красивымъ и умнымъ, но поразительно строгимъ лицомъ. Его походка и всѣ движенія были медленны и величавы, величавы, можетъ быть, болѣе нежели сколько нужно было для скромной роли директора кадетскаго корпуса; но эта величавость, эта серьезная мина, хладнокровіе, неспѣшная, но твердая и отчетливая рѣчь, были у него не напускныя: въ нихъ обнаруживалась натура, надъ выработкой которой трудились умъ и желѣзная воля. Послѣдняя служба его въ артиллеріи проходила подъ начальствомъ Сухозанета; не мудрено послѣ того, что и во взглядѣ его па служебныя обязанности и отношенія проглядывало что-то Сухазанетовское. Не знаю, случалось ли когда кому-либо изъ моихъ товарищей видѣть на лицѣ его улыбку; не за то вѣрно никто изъ насъ не забудетъ окаменявшаго взгляда его черныхъ зрачковъ, окруженныхъ воспаленными и красноватыми бѣлками. Взглядъ этотъ обдавалъ

---

*) Начало этихъ воспоминаній помѣщено въ Русскомъ Архивѣ 1880, I, 449.

**) Кадетъ Житковъ изранилъ своего офицера. П. Б.

страхомъ и заставлялъ уходить въ себя, какъ улитку въ раковину. Назначенный директоромъ, Статковскій, по волѣ Государя, продолжалъ числиться по спискамъ 2-й гвардейской артиллерійской бригады, почему всегда почти носилъ свой гвардейскій мундиръ, корпусный же надѣвалъ только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ.

Съ прибытіемъ Статковскаго терроръ въ корпусѣ не прекратился; но обвинять его въ томъ *безусловно* было бы, мнѣ кажется, не совсѣмъ справедливо. Прежде всего, онъ и былъ назначенъ (такъ по крайней мѣрѣ говорили тогда) именно съ тѣмъ, чтобы Московскій корпусъ «подтянуть»; а это, по понятіямъ того времени, значило взять часть въ «ежовыя рукавицы» и вести ее такъ, чтобы каждое лыко шло въ строку. Да потомъ, какое понятіе могъ составить себѣ Статковскій о заведеніи, когда не дальше, какъ чрезъ недѣлю послѣ его прибытія поступокъ Житкова повторился, хотя и не въ такомъ серьезномъ видѣ, какъ съ Соколовскимъ; когда болтовня, въ родѣ той, за которую такъ жестоко поплатился князь К—скій, еще легкомысленно повторялась? Случаи, о которыхъ я сказалъ, были таковы.

Кадетъ 3-й мушкатерской роты Б*** ушелъ изъ корпуса и потомъ, будучи возвращенъ (по розыску, или самъ явившись) вздумалъ за что-то отомстить исправлявшему должность фельдфебеля унтеръ-офицеру Л—ву. Рано утромъ 20 Ноября (я это хорошо помню, потому что это былъ день восшествія на престолъ Государя), Б*** всталъ, когда еще всѣ спали, взялъ у портнаго большія ножницы и, подойдя къ спавшему Л—ву, началъ наносить удары острыми концами въ голову. Его арестовали и потомъ мѣсяца черезъ два или три передъ собраніемъ всего батальона сняли съ него кадетскую куртку, надѣли солдатскую шинель и отправили въ кантонисты.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, кадетъ 2-й мушкатерской роты К—скій (замѣчательный тѣмъ, что во все время пребыванія своего въ корпусѣ не умѣлъ заслужить ни малѣйшаго расположенія ни начальниковъ, ни товарищей) выдумалъ, Богъ знаетъ съ чего и для чего, будто бы онъ самъ слышалъ, какъ кадеты гренадерской роты сговаривались разбить голову директору, если на Рождественскіе праздники не будетъ кадетамъ отпуска домой. Я долженъ припомнить, что корпусъ за поступокъ Житкова находился въ опалѣ, и отпускъ къ роднымъ по повелѣнію Государя былъ прекращенъ.

Вотъ эти-то два случая и дали намъ возможность узнать свойства новаго директора, до тѣхъ поръ въ нашихъ глазахъ ничѣмъ себя не заявившаго, кромѣ формальнаго, по уставу, пріема батальона. Происшествіе въ 3-й ротѣ случилось, какъ я сказалъ, рано утромъ 20 Ноября. Хотя мы узнали объ этомъ тотчасъ же, но не замѣтили ничего похо-

жаго на то смятеніе, какое было произведено поступкомъ Житкова. День прошелъ тихо, какъ будто ничего не случилось. Я былъ тогда во 2-й ротѣ. Рекреаціонная зала наша отдѣлялась отъ 3-й роты только спальнею. Шумно рѣзвились мы и играли, когда въ сумерки разнесся слухъ, что въ 3-ю роту скоро пойдетъ «генералъ» (такъ обыкновенно называли у насъ директоровъ). Этотъ слухъ, переходя отъ одного къ другому, прекратилъ шумъ, бѣготню и игры и замѣнилъ ихъ чиннымъ хожденіемъ по залѣ. Все обратилось въ ожиданіе: дежурный офицеръ былъ, какъ говорится, на чеку, чтобы встрѣтить рапортомъ начальника. Но вотъ по залѣ раздалось: «смирно!» и всѣ остановились, какъ вкопанные. Въ дверяхъ показался Статковскій въ полной парадной, общей генеральской формѣ. Это «смирно» въ рекреаціонные часы, раздававшееся всякій разъ, какъ въ роту входилъ кто либо изъ старшихъ начальниковъ, было введено, кажется, Сухозанетомъ и пересажено имъ въ кадетскіе корпуса изъ казармъ гвардейской артиллеріи *). По этому слову всѣ должны были остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ кого застала команда и обратиться лицомъ къ вошедшему начальнику. Тишина наступала мгновенно, какъ бы въ строю. По слову начальника «разойтись» къ кадетамъ снова возвращалась способность двигаться, ходить, сидѣть и пр. На этотъ разъ слово «разойтись» сказано не было, и между нами, какъ между могильными изваяніями, тихой и мѣрной поступью прошелъ Статковскій, а за нимъ Святловскій. Чтò дѣлалъ и говорилъ онъ въ 3-й ротѣ, не знаю; но вотъ распоряженіе его, отданное въ приказѣ по корпусу.

«Кадета Б***», оказавшагося виновнымъ въ самовольной отлучкѣ изъ корпуса и въ нанесеніи удара ножницами въ голову спавшему унтеръ-офицеру Л—ву, впредъ до разрѣшенія содержать подъ строгимъ арестомъ въ уединенной комнатѣ».

«Оказавшихся по сему случаю виновными: 1) командира 3-й мушкатерской роты капитана Г — дта, за слабое командованіе ротою, неумѣнье заслужить довѣренность ввѣренныхъ ему кадетъ, за непростительное промедленіе довести о первомъ поступкѣ Б*** до свѣдѣнія батальоннаго командира и директора корпуса (чѣмъ бы конечно отвращено было и второе его преступленіе, такъ какъ онъ немедленно былъ бы посаженъ подъ арестъ), въ уваженіе хорошихъ отзывовъ о прежней службѣ капитана Г—дта, арестовать на 10 дней съ содержаніемъ на гаубвахтѣ. 2) Поручика Г — ва, за неисправное исполненіе обязанности дежурнаго по ротѣ офицера 19 Ноября, за непредупреж-

---

*) Сравни Разсказъ Сухозанета: 14 Декабря 1826 года (Русск. Стар. 1873 г. кн. 3).

деніе безпорядка и за неумѣніе распорядиться, когда оный сдѣлался— арестовать на 8 дней съ содержаніемъ на гаубвахтѣ. 3) Подпоручика Л—ча за безпечное исполненіе обязанности во время дежурства по ротѣ 11 Ноября *)—арестовать на 7 дней съ содержаніемъ на гаубвахтѣ. 4) Подпоручика П — ва, въ отдѣленіи котораго состоялъ Б***, узнавшаго послѣднимъ о его проступкахъ, тогда какъ это ближе къ нему относилось—арестовать на 7 дней съ содержаніемъ на гаубвахтѣ».

Какъ эти, такъ и цѣлый рядъ подобныхъ же имъ распоряженій, объявленныхъ и необъявленныхъ въ приказахъ по корпусу, дали намъ несомнѣнное доказательство, что новый нашъ директоръ «малымъ чѣмъ умаленъ» отъ Сухозанета. Мнѣ случалось слышать отъ прежнихъ моихъ воспитателей, что Статковскій, приглашая иногда къ себѣ офицеровъ, какъ хозяинъ дома, очаровывалъ ихъ своею любезностію. Можетъ быть; онъ былъ умный и съ тактомъ человѣкъ. Но можетъ быть и то, что въ тѣ суровыя времена, когда начальство вообще не имѣло привычки баловать своихъ подчиненныхъ любезнымъ обращеніемъ, самое обыкновенное вниманіе, налагаемое долгомъ вѣжливости и гостепріимства, принимало въ ихъ глазахъ размѣры нѣсколько преувеличенные. Впрочемъ, по нынѣшнимъ понятіямъ и нравамъ нельзя судить о прежнихъ, и если сослуживцы Статковскаго сохраняютъ о немъ добрую память въ отношеніи его гостепріимства и пріятнаго обращенія съ подчиненными у него въ домѣ, то я считаю долгомъ отмѣтить эту черту въ его характерѣ. Вѣрно однакожъ и то, что лишь только Статковскій переступалъ порогъ директорской квартиры, вчерашніе гости его трепетали передъ нимъ не менѣе кадетъ; потому что ни одна неисправность или оплошность ихъ на службѣ не оставлялась съ его стороны безъ замѣчанія, хотя и не грубаго, но по суровости иногда довольно рѣзкаго и ужъ, во всякомъ случаѣ, весьма и весьма внушительнаго. Словомъ сказать, если только слухъ, что Статковскій былъ назначенъ директоромъ съ тѣмъ, чтобы подтянуть заведеніе, былъ справедливъ, то высшее начальство, возложившее на него эту миссію, должно было остаться вполнѣ довольнымъ: онъ не только взялъ корпусъ въ ежовыя рукавицы, но еще и пожималъ ихъ....

Теперь даже не вѣрится, какъ это мы могли пережить такое тяжкое время; а пережили! Не было минуты, когда бы мы чувствовали себя свободными отъ страха, тоски и унынія; точно, какъ будто свинцовый гнетъ прикрылъ насъ и давилъ немилосердно изо дня въ день. Между кадетами и начальствомъ была полная разобщенность; послѣд-

*) День отлучки Б*** изъ корпуса.

нее заявляло себя одними только приказаніями, повелѣніями и затѣмъ наказаніями—сплошь и рядомъ розгами, то передъ ротой, то передъ батальономъ; все дышало самымъ черствымъ безсердечіемъ. Понятно, къ чему могли вести такія отношенія: подъ вліяніемъ страха и порождаемаго имъ недовѣрія въ кадетахъ развивались скрытность, приниженность, огрубѣлость. «Старокадетчество», о которомъ я говорилъ уже въ другомъ мѣстѣ *), никогда не находило себѣ столько подражанія и никогда не распространялось такъ успѣшно въ средѣ кадетъ, какъ въ это время; оно было живымъ, хотя и безразсуднымъ протестомъ противъ всего строя нашего быта. А между тѣмъ, въ Петербургѣ, въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, писались и разсылались по корпусамъ такіе напр. приказы:

«Несоблюденіе мѣръ, указанныхъ высшею властію, есть, при наблюденіи за воспитаніемъ, преступленіе двойное: вопервыхъ, какъ неисполненіе воли начальства; вовторыхъ, какъ доказательство равнодушія къ усовершенствованію воспитанія».

«Между воспитателемъ полезнымъ и вреднымъ нѣтъ средины; ибо въ семъ святомъ дѣлѣ тотъ уже вреденъ, кто равнодушенъ».

«Полезное вліяніе на воспитанниковъ можетъ производить только тотъ воспитатель, который, служа имъ образцомъ и будучи проникнутъ вполнѣ чувствомъ своего долга, смотритъ на нихъ, какъ на своихъ дѣтей, а потому радуется ихъ успѣхамъ, радуется наградамъ ими получаемымъ и не только не пренебрегаетъ мѣрами ихъ поощренія, но и изобрѣтаетъ оныя самъ, какъ бы отецъ ихъ сіе дѣлалъ» **).

Сопоставьте же эти прекрасныя рѣчи съ тѣмъ что̀ было въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Москвѣ, и какимъ горькимъ чувствомъ сожмется ваше сердце!

Лишенные отпуска и запертые въ четырехъ стѣнахъ, печально встрѣтили мы святки 1834-го и новый 1835 годъ.

Развлеченій и удовольствій въ теченіи праздниковъ мы никакихъ не имѣли, не потому, чтобы начальство хотѣло наказать насъ, но просто отъ того, что никому не приходило въ голову, что мы нуждаемся въ нихъ, что въ нашемъ положеніи они были необходимы для насъ. За то, по окончаніи святокъ, усердно стали развлекать насъ разводами и т. п. упражненіями. Каждый Четвергъ, послѣ утреннихъ классовъ, ротные командиры приводили отъ своихъ ротъ къ Святловскому, въ столовую залу, ординарцевъ и вѣстовыхъ и вплоть до обѣда происхо-

---

*) Древн. и Новая Россія, мѣсяцъ Іюнь 1880 г. ст. *Московскій Кадетскій Корпусъ 1824—1828.*

**) Приказъ по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ отъ 13 Апрѣля 1835 г. № 70.

дила муштровка. Смѣшно, право, вспомнить, какую важность придавали тогда всѣмъ этимъ продѣлкамъ. Самымъ критическимъ моментомъ для представлявшихся ординарцами и вѣстовыхъ была команда: «скидавай ранцы» и потомъ: «надѣвай ранцы». Ну что бы тутъ кажется особеннаго? Ну скинулъ ранецъ и опять надѣлъ, какъ удобнѣе,—такъ вѣдь нѣтъ! Все нужно дѣлать по пріемамъ, которые требовали большой снаровки и ловкости; хотѣли, чтобы операція эта выходила картинно, а при томъ, чтобы всѣ манипуляціи казались совершенно естественными, непринужденными, такъ чтобы посторонній зритель не могъ и представить себѣ, что можно и снять и надѣть ранецъ какъ нибудь иначе. А между тѣмъ эта естественность давалась, да и то не всѣмъ, послѣ ежедневныхъ, въ теченіи недѣли, упражненій, и сколько на этомъ терялось времени! Года три тому назадъ, на бывшемъ столѣтнемъ юбилѣе 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса я былъ пораженъ музыкой и пѣніемъ воспитанниковъ теперешней военной гимназіи: пѣли всѣ отъ мала до велика—хòромъ, въ составѣ всего заведенія, и пѣли прекрасно;. музыкальный хоръ былъ составленъ человѣкъ изъ 25—30; они играли такъ, что игру ихъ нельзя было отличить отъ привычныхъ, обученныхъ музыкантовъ. Чтобы достигнуть такихъ результатовъ, конечно, нужно время; но вѣдь для этого врèмя-то было употреблено то самое, которое мы такъ непроизводительно тратили на скидыванье и надѣванье ранцевъ и другіе подобные кундштюки. Да, другія времена, другія и потребности; а вѣдь тогда-то, какъ подумаешь— «мнили службу Богу приносити»....

Разводы бывали по Воскресеньямъ, послѣ обычныхъ церковныхъ парадовъ, по окончаніи обѣдни, и потомъ пародировавшіе въ разводѣ вступали на цѣлый день въ караулъ. Статковскій хотя и не бывалъ на ежедневныхъ фронтовыхъ ученьяхъ, однакожъ на строевую часть смотрѣлъ также строго и серьезно, какъ и Святловскій—опять-таки, конечно, въ силу требованій свыше. По Воскресеньямъ онъ присутствовалъ при церковныхъ парадахъ и разводахъ, принималъ ординарцевъ и при всѣхъ подобныхъ экзерциціяхъ умѣлъ казаться, насколько позволяло ему знаніе пѣхотнаго устава и общихъ условій строя, не только зрителемъ, но и требовательнымъ начальникомъ.

Такъ прошла зима. Кончились экзамены, повѣяло весной; изъ душныхъ, иногда не въ мѣру накуренныхъ смолкой, залъ стали мы выходить въ открытыя галлереи и дышать чистымъ воздухомъ. Мы предвкушали близость лагернаго времени, когда, не смотря на нѣкоторыя своего рода тяжести, все таки пользовались относительно бòльшей свободой и привольемъ, нежели въ стѣнахъ корпуса. Между старшими кадетами пошли толки о выпускѣ; а у насъ, въ младшихъ ротахъ, о пе-

реводѣ въ старшія роты. Вотъ ужъ и выпускныхъ отдѣлили въ особое помѣщеніе; роты привели въ новый составъ, отпраздновали актъ, закончившій учебный годъ; на корпусномъ дворѣ появились повозки съ ямщиками, сновавшими туда и сюда около своихъ повозокъ; по воздуху разносился запахъ дегтя, кожи и свѣжихъ рогожъ. Будущіе офицеры собираются въ путь, возясь съ чемоданами, ящиками и прочими принадлежностями дальней дороги... Въ то время выпускныхъ кадетъ отправляли изъ Москвы въ Дворянскій полкъ на долгихъ при двухъ офицерахъ. Въ день ихъ отправленія въ корпусную церковь привозили икону Иверской Божіей Матери, служили молебенъ, священникъ говорилъ напутственное слово, и «счастливцы», распростясь съ товарищами и пообѣщавъ писать къ нимъ изъ Дворянскаго полка, трогались въ путь.

Дня два-три послѣ ихъ отъѣзда казалось какъ-то пусто, какъ-то непривычно, какъ будто все сдвинуто съ мѣста; новые фельдфебели, новые унтеръ-офицеры.... Эти господа, раздавая направо и налѣво начальническимъ тономъ короткія и отрывистыя приказанія, пріучались къ своимъ новымъ ролямъ; кадеты осторожно присматривались къ незнакомымъ еще начальникамъ, а которые были посмѣлѣе пробовали узнать свойства ихъ какой нибудь школьнической выходкой. Такъ помню, одинъ изъ моихъ товарищей, замѣтивъ въ унтеръ-офицерѣ Б. надутость и спѣсь, обратился къ нему въ банѣ съ предложеніемъ, выраженнымъ самымъ вѣжливымъ и предупредительнымъ образомъ: «Дмитрій Ѳедоровичъ, позвольте я вамъ шею намылю....» Острота была замѣчена по общему смѣху товарищей, а острякъ поплатился за нее котлетой и пирогомъ, оставшись при одномъ супѣ.

Въ 1835 году я отбылъ первый лагерь, который устроивался у насъ въ полутора верстѣ отъ села Коломенскаго, при деревнѣ Ногатиной. Въ лагерь выступали въ половинѣ Іюня. Въ день выступленія кадеты съ утра одѣвались въ походную форму—въ шинели и бѣлыя брюки, что̀ насъ новичковъ, т. е. въ первый разъ выступавшихъ въ лагерь, очень занимало. Съ этими шинелями шла возня до самаго обѣда; хотя онѣ еще за недѣлю были на насъ «пригнаты», но многіе оставались недовольны пригонкой каптенармуса и теперь старались исправить то, что̀ кому не нравилось. Заботились больше всего о томъ, чтобы шинель не казалась мѣшкомъ, а сидѣла бы ловко, чтобъ была видна талія, а назади всѣ складки были бы собраны аккуратно. Все это достигалось посредствомъ различныхъ приспособленій—пересадки крючковъ, пуговицъ, перешивки тесемокъ и проч. Здѣсь я долженъ замѣтить, что солдатское щегольство это вызывалось отнюдь не требованіемъ начальства, которое (надо отдать ему справедливость), наблюдая за чистотою и

опрятностію, было далеко отъ такихъ тонкостей, за исключеніемъ развѣ одного Гросвальдта. У насъ были судьи другіе—нѣкоторые изъ своихъ же товарищей, преимущественно тѣ, которые были мастерами по фронту, «фронтовиками», и потому пользовавшіеся по своей спеціальности общимъ у насъ авторитетомъ. Эти, если бывало увидятъ на комъ нибудь завалившійся на бокъ или на затылокъ киверъ, или опустившуюся аммуницію, или «неподтянутый прикладъ, тотчасъ же скажутъ: «эхъ ты шмара!» И хоть никто не понималъ, что̀ такое *шмара*, однакожъ не совсѣмъ равнодушно относились къ такому прозвищу и всячески старались избѣгать его не только изъ ребяческаго самолюбія, но и потому, что имѣть во мнѣніи фронтовика репутацію «шмары» было не выгодно. Имъ наравнѣ съ унтеръ-офицерами поручали на одиночномъ ученьѣ обучать новичковъ, и если кто изъ послѣднихъ казался фронтовику шмарой, то такому уже нечего было ожидать снисхожденія. Вотъ примѣръ. На первыхъ порахъ, по переводѣ меня изъ неранжированной во 2-ю мушкетерскую роту, я былъ тоже «шмарой». Помню однажды (да и какъ забыть это!) меня обучалъ «стойкѣ» ефрейторъ Д—совъ 1-й; не привыкнувъ еще къ тяжести ружья и простоявъ нѣсколько минутъ «подъ прикладъ», я искривился и выпятилъ правый бокъ. Не догадался Д—совъ дать мнѣ отдохнуть, а замѣтилъ только, что я стою кренделемъ; само собою разумѣется, что одно его замѣчаніе не могло распрямить мою фигуру. Что̀-же Д—совъ? Не говоря дурнаго слова, поднялъ свое ружье и двинулъ меня въ бокъ прикладомъ..... Гдѣ-то ты теперь, другъ мой Д—совъ, и что̀ съ тобой сталось въ водоворотѣ жизни? Помнится, ты вышелъ въ казаки... Пусть извинитъ меня читатель, если я отрываюсь иногда отъ разсказа и вдаюсь, скажутъ, можетъ быть, въ мелочи. Но вотъ въ томъ-то и дѣло, что это не мелочи, а крупные штрихи въ картинѣ тогдашняго нашего быта, затушевывать которые я не вижу никакой надобности. Возвращаюсь къ разсказу.

Черезъ часъ послѣ обѣда, который въ этотъ день назначался нѣсколько раньше, вокругъ стѣнъ корпуса раздавался бой генералъ-марша. Кадеты надѣвали походную аммуницію, строились по батальонному разсчету и выводились ротными камандирами на большой дворъ, гдѣ уже стоялъ столикъ съ водосвятной чашей и былъ въ готовности священникъ съ остальнымъ причтомъ для служенія напутственнаго молебствія передъ выступленіемъ въ «походъ». Въ сторонѣ, при берейторѣ и конюхѣ, стояли лошади съ Колымажнаго двора. Пока батальонъ выстраивался и ровнялся, дворъ наполнялся многочисленной публикой, пестрѣвшей разнообразными дамскими нарядами и зонтиками, что̀ придавало всей сценѣ праздничный видъ. Это были родители, родственники и

знакомые, пріѣхавшіе проститься съ дѣтьми; были и просто зрители, какихъ обыкновенно во множествѣ видимъ на военныхъ парадахъ. Тутъ же, въ этой толпѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ, можно было видѣть, и даже на первомъ планѣ, сѣменившаго ножками низенькаго, чистенькаго, опрятнаго старичка—учителя Французскаго языка, Ивана Павловича Арольза, непремѣннаго члена всѣхъ корпусныхъ парадовъ, смотровъ и др. военныхъ экзерецицій. Иванъ Павловичъ разговаривалъ съ своими знакомыми, переходя или лучше сказать перебѣгая отъ одного къ другому и объясняя имъ строевыя подробности, которыя онъ, находясь при корпусѣ съ 1824 года, изучилъ не хуже любаго офицера. Но вотъ показывается знамя, раздается бой гвардейскаго похода, батальонъ отдаетъ честь. Черезъ нѣсколько минутъ выходитъ директоръ. Снова команда: «на-караулъ!», снова грохочутъ барабаны, гремитъ музыка. Иванъ Павловичъ Арользъ въ восторгѣ: незамѣтно для себя, но замѣтно для другихъ, онъ принимаетъ какую-то воинственную осанку и вѣрно воображаетъ себя принадлежащимъ къ штабнымъ лицамъ.... Обойдя фронтъ, директоръ приказываетъ построить каре. Пока батальонъ перестроивается и исполняется команда: «на молитву—кивера долой», священникъ съ діакономъ надѣваютъ ризы, а дьячокъ раздуваетъ кадило. Начинается молебенъ тихимъ, согласнымъ пѣніемъ причта: *Царю Небесный*....

Восемь лѣтъ сряду приходилось мнѣ присутствовать при такомъ молебствіи, и всякій разъ умилительныя слова: *Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды* приводили меня въ благоговѣйный восторгъ, создававшій въ воображеніи моемъ ликъ Небесной Заступницы. Чиста и свѣтла молитва юности; но однажды восторженное настроеніе души моей было нарушено такъ непріятно, такъ грубо, что не могу забыть того и до сихъ поръ....

Молебенъ кончается, священникъ обходитъ фасы каре, кропитъ насъ св. водой, и батальонъ снова развертывается въ линію. Батальонный командиръ, младшій штабъ-офицеръ и адъютантъ, садятся на лошадей; раздается команда: *по отдѣленіямъ направо заходи* и потомъ *скорымъ шагомъ маршъ*, и мы подъ звуки горновъ и грохотъ барабановъ оставляемъ на два мѣсяца Головинскій дворецъ. Пестрая толпа сопровождаетъ насъ, кто въ экипажахъ, кто пѣшкомъ; по пути присоединяются босоногіе мальчишки и другой праздный людъ, группируясь преимущественно около музыкантовъ. Маршрутъ нашъ былъ двоякій: батальонъ выходилъ изъ Москвы или въ Проломную, или въ Спасскую заставы; первый путь былъ ближайшій, но онъ казался намъ вдвое утомительнѣе послѣдняго, хотя этотъ значительно былъ дальше. Музыка, игравшая во все время, пока мы шли въ чертѣ города,

развлекала насъ, и мы не замѣчали крюку; притомъ же по мостовой идти было гораздо удобнѣе, между тѣмъ какъ за Проломной заставой тотчасъ же начиналась грунтовая дорога, обдававшая насъ облаками пыли, что̀, при невыносимой вони отъ находившихся вблизи боень, составляло истинное мученіе, особливо когда погода стояла жаркая. Подъ Симоновымъ монастыремъ батальонъ останавливался, ружья ставили въ козла, снимали ранцы и дѣлали привалъ. Тутъ намъ раздавали по булкѣ и по кружкѣ сбитню, а кого провожали матушки и тетушки, тѣ усаживались съ ними угощаться лимонадомъ, чаемъ, молокомъ, пирожками, апельсинами и проч., у кого что̀ было запасено. Помню, что первый дебютъ мой въ походѣ былъ неудаченъ. Чувствуя съ непривычки сильную усталость, я тотчасъ же, какъ намъ дали свободу, растянулся на землѣ и пролежалъ все время отдыха; но когда пришелъ въ лагерь, то на другой день открылась такая сильная рвота желчью, что меня тотчасъ же отправили въ Коломенское, гдѣ былъ устроенъ лазаретъ. Въ лазаретѣ я оставался не долго—дня три или четыре, и въ Воскресенье меня выписали. День моей выписки остался у меня въ памяти по одному случаю, о которомъ тоже не мѣшаетъ разсказать. Рано утромъ въ Воскресенье привезли въ лазаретъ кадета 3-й роты Семенова 2-го. Я видѣлъ его: онъ былъ очень слабъ, глаза мутные, лицо темное, едва могъ говорить. Этотъ бѣдняга, по приходѣ въ лагерь, былъ поставленъ на «линейку». Въ то время это было одно изъ самыхъ обыкновенныхъ наказаній: велятъ надѣть аммуницію, ранецъ, ружье подъ прикладъ, и стой на солнечномъ припекѣ, пока не отпустятъ. Въ такомъ-то положеніи Семеновъ простоялъ *два дня сряду*. Кто его такъ угодилъ—ротный ли командиръ, или отдѣленный офицеръ, фельдфебель ли, или просто унтеръ-офицеръ, не знаю; вѣрнѣе, что кто-нибудь изъ послѣднихъ: ибо каковы бы тамъ ни были наши воспитатели, но такое безразсудное наказаніе едва ли бы кто изъ нихъ себѣ позволилъ, между тѣмъ какъ фельдфебели и унтеръ-офицеры, какъ я уже и прежде говорилъ, очень часто злоупотребляли своею властью. Неправы были конечно и ротный командиръ съ офицерами; неужели, въ самомъ дѣлѣ, живя рядомъ съ нами и ходя безпрестанно по палаткамъ и линейкамъ, могли они не видѣть истязанія, которому подвергался Семеновъ? Дальше еще лучше. Когда мальчика привезли въ лазаретъ, то младшій лѣкарь нашъ (не хочу называть его фамилію), при всѣхъ насъ, бывшихъ въ лазаретѣ, сказалъ, что Семеновъ «хитритъ»,т.-е. притворяется. Приходитъ старшій лѣкарь Дубецкій (этотъ былъ очень остороженъ, бывало лишній день продержитъ, а ужъ на авось не выпуститъ изъ лазарета), осмотрѣлъ Семенова и велѣлъ положить его въ постель. Все это, повторяю, было на моихъ глазахъ. Я, какъ назначенный къ выпискѣ, былъ

отправленъ въ церковь, куда пришелъ и батальонъ изъ Ногатиной и поступилъ въ роту. Отстояли мы обѣдню, приходимъ въ лагерь; не прошло и часа какъ слышимъ, что Семеновъ умеръ! Какъ страшно былъ пораженъ я, только что видѣвшій покойнаго; цѣлый день не выходилъ онъ у меня изъ головы. Припоминая теперь этотъ случай, съ сердечной болью останавливаюсь на имени врача — что̀ долженъ былъ онъ чувствовать при видѣ гроба юноши?

Итакъ мы на привалѣ. Послѣ двухчасоваго отдыха дежурный барабанщикъ ударяетъ повѣстку, мы поднимаемся, надѣваемъ ранцы, беремъ ружья и по бою «фельдъ-маршъ» идемъ дальше. Въ головѣ колонны раздавалась хоровая пѣсня:

За моремъ синичка жила,
Пиво ва́ривала....

Это пѣли музыканты подъ руководствомъ любителя солдатскихъ пѣсенъ, прикомандированнаго къ корпусу штабсъ-капитана пѣхотнаго принца Прусскаго полка Л—ча, и хотя это пѣніе далеко уступало настоящему солдатскому, которое, конечно, каждому изъ насъ приходилось потомъ слышать, служа въ войскахъ, однакожъ тогда мы рады были и тому — все-таки оно развлекало насъ и заставляло забывать усталость. Кто изъ Московскихъ кадетъ, временъ Анненкова, не помнитъ дядьку нашихъ Протащинскихъ—приземистаго, смуглолицаго, съ черными какъ смоль усами и бакенбардами, бандуриста Илью, который, вмѣшавшись въ ряды, затягивалъ своимъ теноромъ:

Я спою вамъ, братцы, пѣсню
Про Донскаго козака;
Про Донскаго, про лихова,
Про Плато̀ва молодца.

Любилъ его нашъ Анненковъ и всегда награждалъ синенькой бумажкой.

Но вотъ ужъ и Кожуховскій мостъ—теперь ужъ недалеко. Наконецъ, усталые и покрытые съ ногъ до головы толстымъ слоемъ пыли, приходимъ въ лагерь. Въ послѣдній разъ батальонъ выстраивается на батальонной линейкѣ для отданія чести знамени, при относѣ его въ палатку батальоннаго командира; затѣмъ разводятъ поротно, дѣлаютъ разсчетъ по палаткамъ, а мы расползаемся по всему лагерю, какъ муравьи въ муравейникѣ. Наибольшее скопленіе и движеніе замѣчалось въ унтеръ-штабѣ: это позади лагеря, около палатокъ служителей. Тамъ старались раздобыться водой, чтобъ утолить жажду и умыться, а затѣмъ захватить побольше хворосту для устройства себѣ кроватей, по-

тому что палатки отводились совершенно пустыя. Кровати были главной заботой въ этотъ вечеръ, не смотря на усталость и желаніе отдыха. Долго еще послѣ ужина возились мы съ кольями, хворостомъ, соломою, подушками и все-таки проводили ночь кое-какъ; работа продолжалась и на другой день; а кто былъ поплоше да помѣшковатѣе, такъ у тѣхъ и на третій. По приходѣ въ лагерь, давали намъ трехдневный отдыхъ, и въ эти-то три дня мы должны были окончательно устроиться въ лагерѣ. Когда кровати были подѣланы, начинались хлопоты объ остальномъ хозяйствѣ: надо было достать гдѣ-нибудь кувшинъ, чтобы ходить за водой, припасти тертаго кирпича для чистки мѣдныхъ вещей, отыскать какую - нибудь посудинку или просто черепокъ для ваксы и т. под. У кого были въ Москвѣ родные, тотъ заранѣе, передъ выступленіемъ въ лагерь, запасался иголками, нитками, разнаго рода щетками и ужъ непремѣнно складнымъ садовымъ ножемъ, безъ котораго въ домашнемъ обиходѣ никакъ нельзя было обойтись. Къ числу всѣхъ этихъ хозяйственныхъ потребностей надо отнести также маленькихъ животныхъ и птицъ, которыми обзаводились кадеты преимущественно 2-й и 3-й ротъ. Откуда что̀ бралось: не успѣешь придти въ лагерь, какъ появлялись кролики, морскія свинки, щенки, прирученныя галки, воробьи, молодыя совы, коршуны и пр. Въ палатку ставили по четыре человѣка—иногда по согласію, а то и просто по назначенію фельдфебеля; въ послѣднемъ случаѣ мало-знакомыхъ товарищей общая нужда и взаимныя услуги иногда такъ тѣсно сближали въ теченіе двухмѣсячной лагерной стоянки, что пріязнь и дружба оставались на все время пребыванія въ корпусѣ. Самыми «несчастными» были тѣ, которымъ приходилось стоять съ унтеръ-офицерами: и воды ему принеси, и пуговицы вычисти, и туда сходи, и сюда; а попробуй не послушаться!.... Въ годъ, когда мнѣ пришлось въ первый разъ отбывать лагерное время, житье было суровое. Умывальниковъ не было—ставили по два ушата съ водою и ковшами; а такъ какъ для цѣлой роты такой способъ умыванья былъ слишкомъ медленъ, то приходилось самимъ ходить за водой и помогать другъ другу умываться. Обѣдали подъ открытымъ небомъ изъ деревянныхъ чашекъ и деревянными ложками, безъ вилокъ и ножей. Въ палаткахъ, во время жары—духота, а при дождѣ—сырость, отъ которой не спасали никакія приспособленія: ни подшиваемыя наверхъ простыни, ни канавки, ни валики вокругъ палатокъ. Мѣсто для лагеря было выбрано чрезвычайно неудачно—кругомъ почти вездѣ песокъ, и ни одного деревца, ни одного кустика, которые разнообразили бы эту Сахару. Помню, что какъ-то, гуляя однажды по плацу и собирая на немъ камешки, замѣтилъ я въ сторонѣ небольшую лужайку, которая, среди тощихъ песковъ, красиво выдавалась и бросалась въ глаза своей растительностію. Понравилось

мнѣ это мѣстечко, и я любилъ ходить туда, сиживалъ тамъ одинъ-одинешенекъ по часу и болѣе. Присматриваясь къ неправильнымъ очертаніямъ краевъ лужайки, я уподобилъ ее не оазису, а острову, которому далъ какое-то названіе, а себя воображалъ Кукомъ. Фантазія моя такъ развернулась, что я однажды пришелъ туда съ бумагой и карандашемъ, чтобы описать свой островъ; но ничего изъ этого не вышло: оказалось, что горъ на немъ не было, также какъ и замѣчательныхъ заливовъ — такъ, развѣ бухточки небольшія. Произведенія трехъ царствъ природы тоже не отличались особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ: щавель, тминъ, розовая кашка, изъ которой можно было высасывать медъ, и еще какая-то трава съ желтыми цвѣтами, которой стебли имѣли острый вкусъ, отчего и называли ее дикой рѣдькой,—вотъ все что̀ было изъ царства прозябаемаго; кузнечики, стрекозы, шмели, пчелы и божьи коровки разныхъ цвѣтовъ—изъ царства животныхъ; а ископаемыя ограничивались окаменѣлостями и кремнями, къ которымъ я присоединилъ еще простыя обыкновенныя рѣчныя раковины и ракушки, находимыя по песчанымъ берегамъ. Хотя географическая наука не обогатилась описаніемъ открытаго мною острова, но онъ все-таки казался мнѣ самымъ пріятнымъ уголкомъ во всемъ лагерѣ.

Впослѣдствіи, когда лагерь перевели изъ Ногатина въ Коломенское, все перемѣнилось. Приходя изъ Москвы, мы находили просторные и хорошо устроенные шатры, въ которыхъ помѣщалось по цѣлому взводу; были устроены кровати, рукомойники и навѣсъ надъ столами; появились тарелки, ножи, вилки и др. удобства; но въ 1835 году все было такъ, какъ я сказалъ выше.

Послѣ трехъ дней отдыха начинались лагерныя занятія. Вставали мы въ 6 часовъ, а въ 7 были уже на ученьѣ, которыя въ первую половину лагеря бывали одиночныя, шереножныя и ротныя, а во вторую большею частію батальонныя. Какое бы ни было ученье, Святловскій всегда бывалъ на плацу, зорко и строго слѣдя за наукой. «Чему не научимся теперь, тому̀ ужъ поздно будетъ учиться зимой», обыкновенно говаривалъ онъ, и насъ учили, учили; а притомъ, въ силу Русской поговорки, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ, пороли. Ученье продолжалось два часа, послѣ того разводъ, ординарцы и топографическая съемка; въ часъ обѣдъ, до 6 часовъ отдыхъ, отъ 6 до 8 опять ученье, потомъ ужинъ, въ 9 заря и въ 10 ложились спать. Когда перешли въ Коломенское, то распредѣленіе времени было измѣнено. Такъ напр., послѣ утренняго ученья, кто не участвовалъ въ разводѣ, тѣхъ посылали на гимнастику, послѣ которой всѣхъ усаживали въ столовой за книги, чтобы повторять пройденное въ минувшемъ курсѣ и подго-

товиться къ будущему. Предметы для занятій были необязательны, кто чѣмъ хотѣлъ, тѣмъ и занимался: Исторіей, Географіей, Математикой, но больше всего занимались Русскимъ языкомъ, т.-е., ничего не дѣлая, болтали всякій вздоръ. Да, правду сказать, могли ли идти въ голову занятія мальчикамъ путемъ не выспавшимся, утомившимся и проголодавшимся послѣ разныхъ экзерсицій, да еще въ полуденную пору, хоть-бы и подъ навѣсомъ? Съ обѣда до 4-хъ часовъ давали отдыхъ и въ Коломенскомъ, но онъ нерѣдко уходилъ на разборку и чистку ружей, аммуничной мѣди и пр. Съ 4-хъ часовъ кадетовъ старшихъ возрастовъ занимали стрѣльбою въ цѣль, пріемами при артиллерійскихъ орудіяхъ, работами въ артиллерійской лабараторіи и разбивкой какого-нибудь полеваго укрѣпленія.

Каждое Воскресенье и праздникъ, когда кадеты освобождались отъ обыкновенныхъ ежедневныхъ занятій, назначался утромъ церковный парадъ, послѣ котораго батальонъ отправлялся въ Коломенское, въ церковь Казанской Божіей Матери къ обѣднѣ. Возвратясь въ лагерь, мы освобождались на весь день и проводили время, кто какъ зналъ. Развлеченій намъ и здѣсь никакихъ не дѣлали; по крайней мѣрѣ ничто не давало замѣтить, чтобы начальство объ этомъ заботилось, а между тѣмъ у насъ подъ бокомъ были Коломенское и Царицыно съ ихъ дворцами и садами. Изъ черты лагеря никуда, бывало, ни на шагъ, развѣ только на купанье поведутъ; это было единственнымъ нашимъ развлеченіемъ, да и то съ горемъ пополамъ. До Москвы-рѣки надо было пройти версты полторы; пока удовольствіе впереди, идешь бодро и весело, а поведутъ назадъ, опять раскиснешь, какъ будто и не купался. Заходилъ къ намъ въ лагерь изъ Коломенскаго какой-то низенькій, старенькій мужичекъ-бобыль, не знавшій куда голову приклонить и потому кормившійся мірскимъ подаяніемъ. Всѣ звали его какимъ-то уменьшительнымъ именемъ, кажется Савушкой, если не ошибаюсь. Не смотря на свою горькую долю, онъ никогда не унывалъ: придетъ, бывало, къ намъ и засвищетъ соловьемъ, да такъ натурально, что всѣхъ приводилъ въ изумленіе; а то замычитъ, какъ корова, заблѣетъ овцой, заржетъ лошадью, или захрюкаетъ и завизжитъ такъ, какъ будто у васъ передъ глазами свинья съ десяткомъ поросятъ; словомъ сказать, подражалъ всѣмъ животнымъ. Мы очень любили старика и заваливали его суму кусками хлѣба, говядины, пирогами, кто чѣмъ могъ и чѣмъ удавалось запастись для него. Захаживали въ лагерь иногда и вожаки съ медвѣдями; да еще одинъ разъ какъ-то начальство пригласило какого-то заѣзжаго въ Москву собачника, дававшаго представленія съ ученой Амебиканской собакой,—вотъ и всѣ наши развлеченія.

Поневолѣ, бывало, слоняешься по лагерю, не находя себѣ дѣла и ища развлеченія въ какихъ-нибудь шалостяхъ и школьныхъ выходкахъ.

Такъ, я помню, однажды кн. Ш—ковъ 1-й, бродя вмѣстѣ съ другими около кухонь, подошелъ къ запряженной въ телѣгу съ бочкой водовозкѣ, тощей и меланхолической кобылѣ, долго смотрѣлъ на нее, потомъ взялъ мазилку и окунувъ въ тутъ же стоявшую лагунку съ дегтемъ, старательно и отчетливо вывелъ на боку водовозки слово «лошадь». Онъ же, раздобывшись гдѣ-то толстой палкой съ корой, вырѣзалъ на ней ножичкомъ: «управа благочинія» и поставилъ около палатки Святловскаго. Надо думать, что эту палку увидѣлъ кто-нибудь раньше Святловскаго и убралъ ее, а то бы эта выходка не обошлася даромъ: непремѣнно, пошла бы переборка... Шалости, подобныя разсказаннымъ, были по крайней мѣрѣ забавны; но случалось, что отъ скуки, отъ бездѣлья сойдутся двое-трое и уговорятся идти на фуражировку за огурцами на крестьянскіе огороды. Мужикамъ не жаль было огурцевъ, но досадно было разоренье и притаптываніе грядъ, что неминуемо случалось, потому что фуражирамъ въ торопяхъ некогда было разсуждать, что огурцевъ они возмутъ на грошъ, а попортятъ на рубль. Иногда охотникамъ до огурцевъ удавались ихъ экспедиціи, а иногда и нѣтъ. Увидитъ ихъ какая-нибудь баба, работающая въ грядахъ и закричитъ раскатистымъ голосомъ: «ахъ, вы разбойники, да что жъ это вы дѣлаете»?. Сломя голову, бѣгутъ въ лагерь хищники и нерѣдко натыкаются на кого-нибуть изъ начальства. Улика на лицо, и запираться трудно, и вотъ фуражиры остаются не только безъ огурцевъ и рѣдьки, но и безъ всего обѣда, а подъ часъ бывало и хуже.

Грубы и жестки были наши нравы въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ. Помню, что однажды, подъ-вечеръ, чуть-ли не въ какой-то праздникъ (вѣроятно для того, чтобы на другой день не отнимать времени отъ ученья) на площадку, находившуюся между палатками, стали сводить роты, а когда всѣ заняли свои мѣста и водворилась общая тишина, Святловскій приказалъ исправлявшему должность адъютанта поручику Денисову прочесть приказъ Статковскаго, изъ котораго узнали, что двое изъ кадетъ старшихъ ротъ уговорили служителя принести имъ штофъ водки и «роспили его». Не знаю почему послѣднія слова обратили на себя особенное наше вниманіе, и мы, подражая голосу Денисова, повторяли потомъ: «и роспили его». Виновныхъ наказали вслѣдъ за прочтеніемъ приказа, но отчего имъ пришла эта блажъ въ голову?

Можетъ быть, спросятъ: неужели кадеты не могли развлекаться чтеніемъ? Но я уже прежде говорилъ, что читать было нечего; а если у кого и было что-нибудь съ дозволенія начальства, то не только чи-

талось, но и перечитывалось по нѣскольку разъ. У меня напр. до сихъ поръ еще въ памяти нѣкоторыя мѣста изъ *Писемъ Русскаго Офицера*, Ѳ. Глинки.

Такъ проводили мы время въ лагерѣ. Чистый воздухъ былъ, кажется, единственнымъ благомъ, которымъ пользовалась наша юность. Повторяю, послѣ все перемѣнилось; но въ то время, о которомъ говорю, тяжело было; ничего оживляющаго, но все какъ то бездушно, мертвенно.... Въ послѣднихъ числахъ Іюля директоръ дѣлалъ баталіону смотръ, повѣрялъ, чему научились въ лагерѣ, и затѣмъ начинались толки о возвращеніи въ Москву. Въ первыхъ числахъ Августа мы выступали изъ лагеря, а въ половинѣ мѣсяца начинался новый курсъ.

Статковскій часто ходилъ по классамъ, присматривался и прислушивался къ учителямъ и внимательно слѣдилъ за отвѣтами кадетъ, спрашиваемыхъ въ его присутствіи; вообще, къ умственному образованію воспитанниковъ онъ относился весьма серьезно. Ни при одномъ изъ директоровъ «лѣность» и «неуспѣшность въ наукахъ» не преслѣдовались такъ настойчиво и такъ строго, какъ при немъ, даже можно сказать черезъ-чуръ строго. Онъ ли самъ, или инспекторъ классовъ, гвардейской же артиллеріи полковникъ Зиновичъ - Кащенко, ввелъ бурсацкій обычай сѣчь по Субботамъ «лѣнивыхъ»—не знаю; но только обычай этотъ соблюдался во все время управленія его корпусомъ. Каждую Субботу, послѣ вечернихъ классовъ, когда прочіе кадеты собирались ко всенощной, виновныхъ приводили въ особый классъ, гдѣ были уже готовы и скамейка и ворохъ розогъ; затѣмъ являлся Зиновичъ-Кащенко, и начиналось вразумленіе. Крики и стоны далеко разносились по корридорамъ и заставляли содрогаться тѣхъ, кому по несчастью приходилось слышать ихъ.

Особенную услугу Московскому корпусу оказалъ Статковскій приглашеніемъ способныхъ и свѣдущихъ преподавателей, въ которыхъ тогга былъ крайній недостатокъ. По старой памяти временъ Смоленска и Костромы большая часть преподавателей въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ были свои же офицеры, бывшіе воспитанники кадетскихъ корпусовъ Александровскаго царствованія, между которыми если и встрѣчались нѣкоторые съ основательными свѣдѣніями, то развѣ только по Математикѣ, а между тѣмъ, кромѣ Закона Божія, Физики и Химіи, не было предмета, за преподаваніе котораго они не брались бы. Нечего и говорить, что ученость ихъ была весьма сомнительна, почему и выѣзжали они больше на щелчкахъ, да на толчкахъ. Повѣрки познаніямъ и учительскимъ способностямъ ихъ тогда никакой не было, а потому попасть въ преподаватели было очень легко—была бы только охота; сужу такъ потому, что даже капитанъ Ф—ръ І-й, человѣкъ бездарный

во всѣхъ отношеніяхъ, и тотъ уцѣпился за Русскую Грамматику, *читая* ее по Гречу, т.-е. буквально *читая* или, точнѣе сказать, *прочитывая* вслухъ по нѣскольку параграфовъ, чѣмъ и ограничивалось все его *преподаваніе*. И это продолжалось нѣсколько лѣтъ, и онъ получалъ плату! Впрочемъ и то сказать, само высшее начальство на жалованье, выдаваемое корпуснымъ офицерамъ за преподаваніе наукъ, смотрѣло, какъ на «сердобольное пособіе» *).

Въ 1836 году было Высочайше утверждено *Положеніе о службѣ по учебной части въ Военно-Учебныхъ заведеніяхъ*. Положеніе это, какъ справедливо замѣчаетъ Мельницкій **), имѣло громадное вліяніе на учебную часть въ кадетскихъ корпусахъ. Дѣйствительно, служба учителей была поставлена въ такія выгодныя условія, что могла привлекать на эти должности людей вполнѣ достойныхъ, опытомъ доказавшихъ свои познанія и способности. Этимъ воспользовался Статковскій, и въ Московскомъ корпусѣ появились такіе преподаватели, какъ напр. профессоръ Брашманъ, два брата Погорѣльскихъ, Соколовъ, по Математикѣ профессоръ Шиховскій, по Ботаникѣ Лихаревъ и Куцыба по Исторіи, Граниновъ по Географіи и Статистикѣ.

Съ особенною признательностію вспоминаю я объ одномъ изъ своихъ учителей того времени—Михайлѣ Ивановичѣ Хоткевичѣ. Это былъ первый учитель, у котораго мнѣ пришлось учиться Географіи. Ему обязанъ я, что тако повидимому сухой предметъ на первыхъ же порахъ не опротивѣлъ мнѣ, какъ это случается съ нѣкоторыми; напротивъ, Географія показалась мнѣ предметомъ весьма любопытнымъ, и я полюбилъ ее. Какая разница съ преподаваніемъ поручика Голеновскаго, у котораго я учился послѣ Хоткевича. У Голеновскаго сухой, голый, казенный разсказъ о границахъ, климатѣ, рѣкахъ, горахъ, городахъ страны—словомъ только то, что́ мы безъ него могли бы вызубрить по руководству Арсеньева, тогда какъ Михайло Ивановичъ никогда не ограничивался такимъ перечнемъ, но всегда знакомилъ съ страною чтеніемъ какого-нибудь путешествія. Намъ онъ чаще всего читалъ *Путешествіе съ дѣтьми по земному шару*, соч. Виктора Бурьянова, какъ наиболѣе доступное для нашего возраста. Книжечка эта немудреная, но для дѣтей весьма полезная; мнѣ, покрайней мѣрѣ, она въ то время очень нравилась; благодаря ей я получилъ охоту къ чтенію путешествій уже не вымышленныхъ, какъ Бурьянова, а настоящихъ. Помню, что разсказы объ Іерусалимѣ, Арабахъ, о степяхъ, Самумѣ,

---

*) Краткій отчетъ о положеніи и ходѣ Военно-Учебныхъ заведеній въ двадцатипятилѣтнее царствованіе Императора Николая. СПБ. 1850. стр. 153.

**) Сборникъ свѣдѣній о Военно-Учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи. СПБ. 1857.

Гангѣ, Индусахъ, факирахъ, пальмахъ, слонахъ и проч. давали моему воображенію краски для живаго представленія природы Азіатской Турціи, Аравіи и Индіи. Съ тѣхъ поръ я никогда не готовилъ уроковъ Географіи по одному только учебнику, но всегда старался отыскивать подробныя описанія, относившіяся къ извѣстной мѣстности и, прочитывая ихъ, легко усваивалъ себѣ картину всей страны. Такого рода занятія обратились у меня въ привычку, благодаря которой былъ я не изъ послѣднихъ учениковъ и у Голеновскаго.

Кстати упомянуть о преподаваніи у насъ иностранныхъ языковъ. Они преподавались по пресловутой въ то время методѣ Эртеля, состоявшей въ томъ, что фразы произносились вслѣдъ за учителемъ цѣлымъ классомъ на распѣвъ. Ничего нелѣпѣе этого способа нельзя было придумать: классъ пѣлъ, но какъ каждый произносилъ слова, да еще и выговаривалъ ли ихъ, а не просто издавалъ какіе-то звуки—этого учитель прослѣдить не могъ, и выходило одно только школьничество. Согласятся бывало кому тянуть низкимъ голосомъ, кому среднимъ, кому высокимъ—ну и выходитъ хоръ и поютъ: Das ist eine Blüme...... Не помню, кто-то разсказывалъ мнѣ анекдотъ. Въ 50-хъ годахъ въ Варшавѣ, въ перчаточный магазинъ на Краковскомъ-Предмѣстьи вошелъ почтенный маіоръ и увидалъ тамъ другаго офицера, тоже уже не молодыхъ лѣтъ, примѣрявшаго перчатки. Смотритъ маіоръ на офицера, и кажется ему, какъ будто лицо ему знакомо, какъ будто это одинъ изъ давнихъ его товарищей по корпусу, съ которымъ онъ когда-то улаживалъ концерты у Нѣмца-учителя по методѣ Эртеля, и вотъ, присматриваясь все болѣе и болѣе, маіоръ на распѣвъ, раздѣляя слоги, проговорилъ: Hier ist eine Hütte. Примѣрявшій перчатку поднялъ глаза и въ томъ же тонѣ отвѣчалъ: Diese Hütte ist bewohnbar.... Корпусные товарищи, послѣ долгой разлуки, узнали другъ друга, обнялись и прямо изъ магазина отправились въ бывшій рядомъ ресторанъ Michaux, чтобы за рюмкой вина вспомнить прошлое.

Объ обращеніи съ нами нашихъ преподавателей я говорилъ уже въ прошломъ очеркѣ и сказалъ, что штатскіе учителя были вообще гуманнѣе и учтивѣе, кромѣ двухъ, поступившихъ въ Корпусъ еще до перевода его въ Москву—В* и *Максимки* Яковлева. Послѣдній особенно памятенъ остался многимъ изъ насъ. По формулярному списку онъ значился изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, былъ безъ всякаго образованія, но тоже когда-то въ Смоленскѣ, да кажется и въ Костромѣ еще, былъ преподавателемъ Ариѳметики и Русскаго языка, теперь же, въ Москвѣ, только чистописанія, въ чемъ былъ настоящій мастеръ дѣла. Въ Москву онъ привезъ привычку говорить кадетамъ «каналья» и давать подзатыльники, а такъ какъ жаловаться начальству на такое

обращеніе было тогда не въ обычаѣ, то привычку эту онъ сохранялъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Маленькіе кадеты очень его боялись. Испишетъ бывало кто-нибудь тетрадь и дрожитъ, пока Максимка пересматриваетъ ее. Чтобы нагляднѣе представить читателямъ его отношенія къ намъ, разскажу два случая, бывшіе въ нашемъ классѣ. Одинъ изъ мальчугановъ кончилъ свою тетрадь и передалъ ее старшему, чтобы тотъ отнесъ на просмотръ Максимкѣ. Пока послѣдній, сидя на каѳедрѣ, чинилъ перо, потомъ сморкался въ свой синій клѣтчатый бумажный платокъ и взялся за тетрадь, скромный и робкій К—шеевъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, стараясь за спинами товарищей укрыться отъ взоровъ Максимки. Но ничто не помогло: долго высматривая по лавкамъ К—шеева, онъ таки увидалъ его и поманилъ къ себѣ пальцемъ. «Что̀ ты тутъ, братецъ, такое наваляль?»—К—шеевъ молчитъ, думаетъ—ужъ скорѣй бы далъ подзатыльника, да отпустилъ бы.—«Какъ ты прозываешься»? К—шеевъ, полагая, что его спрашиваютъ объ его имени, а не фамиліи, отвѣчаетъ: Апполономъ.—«Еще Апполономъ прозывается».... сосредоточенно, какъ будто про себя говоритъ Максимка; потомъ вдругъ оживясь, послѣ понюшки своего крѣпкаго зеленаго табаку, вскинулъ глаза на К—ва и спросилъ: «по̀ронъ былъ?»—Нѣтъ еще, никогда.—«Такъ поди, каналья, валяйся въ ногахъ у ротнаго, *дабы* онъ тебя выхворостилъ».... Находились однакожъ смѣльчаки, которые пробовали шутить съ нимъ шутки. Ходитъ однажды Максимка по классу, а мы, среди глубокой тишины, скрипимъ перьями. Одинъ только Д—скій 5-й сидитъ сложа руки и ничего не дѣлаетъ. «Что̀ ты, каналья, не пишешь?» спрашиваетъ онъ у Д—скаго.—«Да перо ушло, Максимъ Иванычъ», отвѣчаетъ ему школяръ. Смотритъ Максимка и дивится: перо дѣйствительно движется по-столу и уже далеко отошло отъ Д—скаго. Не сообразивъ сразу въ чемъ дѣло, Максимка нѣсколько секундъ стоялъ въ изумленіи, но нагнувшись, увидалъ, что перо тащитъ большая, здоровая черная муха, въ которую Д—скій воткнулъ его. Тогда только увидалъ онъ, что мальчишка дурачилъ его. Градъ колотушекъ посыпался на фокусника. Максимка выгналъ его изъ класса и тотчасъ записалъ его въ журналъ.

Былъ и еще одинъ оригиналъ, тоже учитель чистописанія, нѣкто М—тинъ, всегда ходившій въ форменномъ аудиторскомъ сюртукѣ. Этотъ отличался тѣмъ, что иногда провинившагося кадета запишетъ въ журналъ въ такихъ выраженіяхъ, что офицеръ мало-мальски деликатный затруднится бывало и прочесть вслухъ, что̀ написано.

А. К.

ПИСЬМО МОНТАЛАМБЕРА КЪ КНЯЗЮ В. А. ЧЕРКАСКОМУ.

La Roche en Breny, Côte d'Or, ce 21 mai 1859.

Prince,

Parmi les nombreux témoignages de sympathie que m'ont valu les poursuites intentées contre moi pendant l'hyver dernier, il en est bien peu qui m'aient plus agréablement surpris et plus sincérement ému que votre souvenir, si gracieusement exprimé par la lettre dont vous m'avez honoré en date du 29 décembre dernier. J'ai le malheur d'ignorer la langue et même l'alphabet russe, de sorte qu'il m'a été impossible d'apprécier l'imprimé qui accompagnait cette lettre; mais je n'en demeure pas moins pénétré de reconnaissance pour l'intention qui vous a dicté cet envoi et pour les sentimens si bienveillans que vous m'exprimez.

Permettez-moi de vous indiquer le texte corrigé de mon écrit incriminé et le compte-rendu complet et authentique de mes deux procès, qui ont paru ensemble chez le libraire Deck à Bruxelles, et que l'on doit pouvoir se procurer beaucoup plus facilement à Moscou qu'à Paris. Je me figure que la lecture des admirables plaidoyers de mrs. Dusaure et Berryer vous intéressera.

Et moi aussi, prince, j'ai gardé un fidèle souvenir de votre entretien du printemps dernier. Je désire qu'il me soit donné de le reprendre un jour avec vous. Les regards de l'Europe sont plus que jamais fixés sur la Russie. Fasse le Ciel qu'aucune entreprise politique ou militaire ne vienne détourner votre patrie de la grande oeuvre de civilisation chrétienne qui est son premier devoir et son premier intérêt.

Je suis convaincu qu'elle en viendra heureusement et glorieusement à bout avec la grâce de Dieu. Mais une fois l'émancipation civile de vos masses populaires accomplie, quelle sera la destinée de la Russie? Question immense, la plus grande peut-être et la plus importante de toutes pour l'avenir de l'Europe.

Deux voies s'ouvrent devant vous: celle qu'ont suivie les races germaniques et celle où semblent vouloir s'enfoncer, à l'instar de la

France, les races latines, le *self-governement* et le *césarisme*. Si, comme vos antécédens historiques semblent vous y convier, vous vous décidez pour le césarisme, l'Europe continentale sera perdue, et il ne restera aux trop rares amis de la liberté et de la dignité humaine qu'à maudire le jour où l'intervention des Slaves dans le sort de l'Occident aura assuré la préponderance du pouvoir absolu au sein de ces races chrétiennes que l'invasion des barbares du Nord avait délivrées il y a quatorze siècles du joug ignominieux de l'autocratie romaine. Puisse la justice et la miséricorde divine détourner un tel avenir de vous et de nous!

Croyez, prince, au vif plaisir que j'aurai toujours à vous retrouver, et agréez en attendant l'assurance de la très-haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être votre très-humble et très-obligé serviteur

C. de Montalembert.

ПЕРЕВОДЪ.

Ля Рошъ въ Брени, Кот-д-оръ, 21 Мая 1859.

Князь,

Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ сочувствія, которыя выпали на мою долю, вслѣдствіе преслѣдованія прошлой зимы, немногими былъ я такъ пріятно изумленъ и искренно тронутъ какъ вашимъ воспоминаніемъ, столь любезно выраженнымъ въ почтенномъ письмѣ вашемъ отъ 29 Декабря. По несчастью, не знаю Русскаго языка и даже Русской азбуки, такъ что мнѣ невозможно оцѣнить печатную статью приложенную къ этому письму; но я тѣмъ не менѣе проникнутъ благодарностью за намѣреніе ваше и за столь благосклонныя чувства.

Дозвольте мнѣ указать вамъ исправленный текстъ моего сочиненія, которое преслѣдовалось судомъ, и полный, подлинный отчетъ о двухъ моихъ процессахъ. Они появились вмѣстѣ у книгопродавца Декка въ Брюсселѣ, и конечно ихъ гораздо легче достать въ Москвѣ, чѣмъ въ Парижѣ. Я предполагаю, что чтеніе удивительныхъ рѣчей г-дъ Дюсора и Беррье васъ займетъ.

И я, князь, также сохранилъ вѣрное воспоминаніе о бесѣдѣ съ вами прошлой весною. Желаю, чтобы мнѣ удалось возобновить его. Взоры Европы болѣе чѣмъ когда-либо устремлены на Россію. Да пошлетъ Небо, чтобы никакое политическое или военное предпріятіе не отвлекло вашего отечества отъ великаго дѣла христіанской гражданственности, которая есть его первый долгъ и насущная потребность.

Я убѣжденъ что Россія совершитъ его счастливо и славно съ помощію Божіей. Но разъ гражданское освобожденіе вашихъ народныхъ массъ исполнится, какая будетъ судьба Россіи? Вопросъ громадный, самый громадный, можетъ быть и самый важный изъ всѣхъ, для будущности Европы.

Два пути открываются предъ вами: одинъ, которому слѣдовали племена Германскія, и другой, въ который, по образцу Франціи, завлекаются племена Латинскія; т. е. или *self-governement* (самоуправленіе), или *цезаризмъ.*

Если (къ чему ваша прошедшая исторія васъ, будто, приглашаетъ) вы изберете цезаризмъ, материковая Европа погибнетъ, и слишкомъ немногимъ друзьямъ свободы и человѣческаго достоинства останется только проклинать день, въ который вмѣшательство Славянъ въ судьбы Запада утвердитъ преобладаніе абсолютизма въ нѣдрахъ этихъ Христіанскихъ племенъ, которыхъ освободило, назадъ тому 14 вѣковъ, отъ постыднаго ига Римскаго самовластія—вторженіе варваровъ съ Сѣвера. Да отвратитъ справедливость и милосердіе Божеское такую будущность отъ васъ и отъ насъ!

Вѣрьте, князь, въ чувство живѣйшаго удовольствія, которое я всегда имѣлъ бы встрѣтиться съ вами снова, и извольте принять, пока, увѣреніе особо-высокаго почтенія, съ которымъ имѣю честь быть вашимъ покорнымъ и обязаннымъ слугою

Графъ де Монталамберъ.

Примѣчаніе.

Славный Французскій писатель и академикъ, графъ Монталамберъ съ 1848 года сталъ въ числѣ главныхъ представителей Орлеанистовъ во Франціи, и получилъ громкую извѣстность защитой ихъ дѣла, а равно католичества и даже іезуитизма. Онъ ратовалъ въ ихъ пользу какъ съ парламентской каѳедры, такъ и во многихъ сочиненіяхъ. Онъ увѣрялъ, будто возможно сочетать политическую свободу съ папствомъ.

Въ газетѣ *Correspondant* (25 Окт. 1858) графъ Монталамберъ напечаталъ статью: „Пренія объ Индіи въ Англійскомъ парламентѣ“, гдѣ сопоставляетъ Англійскія учрежденія съ тогдашними Французскими. За это онъ былъ преданъ суду, приговоренъ къ заточенію и къ большой денежной пени, но помилованъ Людовикомъ Наполеономъ.

Князь В. А. Черкаскій былъ съ нимъ въ личныхъ сношеніяхъ и послалъ ему появившуюся въ Русской Бесѣдѣ 1857 г. статью свою по поводу его книги о „Политической будущности Англіи“ (1856).

Письмо это свидѣтельствуетъ, до какой степени даже и такому просвѣщенному человѣку, какимъ былъ графъ Монталамберъ трудно понять Русскую жизнь: наше самодержавіе является ему ничѣмъ инымъ, какъ только цезаризмомъ, съ которымъ въ сущности своей оно имѣетъ такъ мало общаго.

П. Б.

ЧЕГО НЕ ДОСТАЕТЪ?

Недостаетъ многаго, но пока о наиболѣе нужномъ. Прежде всего выразимъ откровенно не только наше, но и всѣхъ здравомыслящихъ убѣжденіе, что наше отечество, безмѣрно-обширное и многоплеменно-населенное, можетъ сохранить свою силу и настоящее величіе въ ряду другихъ Европейскихъ государствъ исключительно самодержавіемъ. Всякая иная форма правленія, особливо въ настоящее время, непримѣнима къ нему и противорѣчитъ всему ходу нашей исторіи.

Съ этимъ невозможно не согласиться, и вмѣстѣ нельзя не признать, что самодержавіе навсегда неколебимо и прочно, если оно сильно и крѣпко охранительнымъ чувствомъ большинства народонаселенія вообще и тѣми изъ его сословій, которыя естественно заинтересованы величіемъ Царя и благосостояніемъ родины. Таковы у насъ безспорно дворяне и крестьяне. Затѣмъ, остальное народонаселеніе, какъ чуждое вовсе землѣ, важнѣйшей опорѣ нашего государственнаго благоустройства, обречено силою вещей исключительно имѣть въ виду только свои личные интересы и потому (позволяемъ себѣ выразить) даже при несомнѣнной благонамѣренности направленія, не можетъ быть признано безусловно-охранительнымъ элементомъ. Оно, напротивъ, безсознательно, даже при отсутствіи всякой цѣли, можетъ постепенно близиться къ тому, чтò на западѣ конституціонной Европы извѣстно подъ названіемъ третьяго, а теперь уже и четвертаго сословія, родоначальниковъ демократіи и коммунизма, отъ чего да хранитъ насъ Богъ!

Итакъ, чтò же теперь наиболѣе нужно? Отвѣтъ не затруднителенъ: нужна прочность сословной связи дворянства съ крестьянами, достижимая укрѣпленіемъ за ними обоими исключительнаго права на землевладѣніе, какъ твердой опоры ихъ гражданской и земской самостоятельности.

Слѣдуетъ признать, что такому настоятельному требованію времени великая реформа 19 Февраля 1861 года относительно крестьянъ

вполнѣ удовлетворила. Она положительно водворила ихъ на землѣ, даровала права свободныхъ гражданъ, голосъ въ земствѣ и самоуправленіе. Остается только пожелать, чтобъ они сознали значеніе такихъ государственныхъ преимуществъ и воспользовались ими во благо родины и себѣ.

Что же касается дворянскаго сословія, то, къ сожалѣнію, не считаемъ себя вправѣ признать, что реформа отнеслась къ нему одинаково благотворно съ крестьянскимъ, въ смыслѣ государственной пользы. Имѣя въ виду исключительно отмѣну крѣпостнаго права, она не озаботилась, въ замѣнъ послѣдняго, обезпечить за дворянствомъ его сословную самостоятельность по землевладѣнію. А достигнуть этого, кажется, было бы возможно удержаніемъ въ силѣ прежняго порядка отчужденія имѣній потомственныхъ дворянъ, съ разрѣшеніемъ, однакожъ, въ настоящее время перехода ихъ, въ цѣломъ и частями, во владѣніе обществъ крестьянъ-собственниковъ или отдѣльныхъ такихъ же лицъ, такъ какъ ихъ интересы вполнѣ солидарны съ крестьянскими. Послѣдствія такой неполноты въ реформѣ настолько уже оказались очевидны, что разъясненіе ихъ безполезно; отмѣтимъ только, что дворянинъ не-землевладѣлецъ едва ли уже естественный охранитель началъ самодержавія *).

Добавимъ къ вышесказанному, что не только въ общемъ сословномъ, но и въ частномъ, такъ сказать житейскомъ, отношеніи, сложившееся вновь положеніе дворянства далеко не нормально. Никакой связи дворянъ съ крестьянами не имѣется. Въ настоящее время дворянинъ-землевладѣлецъ въ своемъ имѣніи не болѣе какъ частное лицо, разобщенное съ крестьянскимъ обществомъ во всѣхъ личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ и если не стѣсненъ имущественно, то конечно только потому, что Русскій человѣкъ въ большинствѣ добродушенъ и непритязателенъ. Нельзя же отвергнуть, что такое исключительное положеніе все же очень близко ко взаимной враждебности двухъ важнѣйшихъ въ государствѣ сословій. Отмѣтимъ, кстати, что такая ненормальность сословныхъ отношеній особенно занимаетъ нашу такъ называемую либеральную публицистику, которая всѣми сподручными ей неправдами и клеветою старается поссорить крестьянъ съ дворянствомъ, и наоборотъ.

Здѣсь оканчиваемъ откровенное изложеніе нашихъ убѣжденій, и позволяемъ себѣ выразить наше задушевное желаніе: да увѣнчается великая реформа 19 Февраля 1861 года не менѣе великою Монаршею милостію къ сословію дворянъ, какая почіетъ на сословіи крестьянскомъ.

Т.

---

*) Много имѣній въ полномъ составѣ и въ розницу перешло въ собственность купцовъ, мѣщанъ и даже Евреевъ. Но есть, хотя и менѣе, многочисленные примѣры перехода дворянскихъ земель во владѣніе крестьянскихъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ.

Post Scriptum. Ожидаемъ, что на насъ съ извѣстной стороны обрушится обвиненіе въ посягательствѣ на право собственности; но приглашаемъ обвинителей не забывать, что въ жизни каждаго государства появляются моменты, разрѣшимые только роковою необходимостію. Такой моментъ былъ и разрѣшенъ у насъ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ. Пожалуй, обзовутъ эту мѣру даже нарушеніемъ человѣческой свободы. Но мы остаемся при своемъ мнѣніи, съ увѣренностію, что огромное большинство нашего благороднаго сословія не откажетъ намъ въ своемъ сочувствіи. Роковой моментъ у порога. Да разрѣшится онъ не ко вреду, а ко благу, конечно не такому, какого алчутъ зачумленные отброски иноземнаго либерализма. Господи, отпусти имъ!

*

Эта замѣтка принадлежитъ перу почтеннаго дѣятеля прошлаго царствованія, который былъ, между прочимъ, членомъ одного изъ столичныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Его мнѣнія, какъ окажется впослѣдствіи, удостоивались высшаго одобренія, вопреки сильнымъ лицамъ, которыя преобразованію не сочувствовали.

П. Б.

ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КЪ ЕГО ВОСПИТАТЕЛЮ ГРАФУ НИКИТѢ ИВАНОВИЧУ ПАНИНУ.

Какъ эти, такъ и нижеслѣдующія письма печатаются съ подлинниковъ. Сообщеніемъ ихъ почтила Русскій Архивъ графиня Н. П. Панина, вдова графа Виктора Никитича. П. Б.

1.

Ноября 1-го дня 1776.

Графъ Никита Ивановичъ.

При семъ посылаю письмо къ вамъ, писанное отъ Симолина изъ Митавы ко мнѣ, въ которомъ прописываетъ нѣкоторые свои претензіи. Я, не будучи въ состояніи ему самъ помочь, прошу васъ о семъ разсмотрѣть и есть ли можно сдѣлать что-нибудь и по разсужденію вашему ему о семъ дать знать. Сожалѣя, что васъ давно не видалъ и желая васъ видѣть вскорѣ, пребываю навсегда вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

2.

Петергофъ, Іюня 25-го дня 1777.

Графъ Никита Ивановичъ.

По сіе время не писалъ къ вамъ, разсчитая время пріѣзда вашего въ Дугино *) не прежде какъ къ симъ числамъ. Всѣмъ сердцемъ желаю, чтобъ вы время свое препроводили здоровы и скорѣе къ намъ возвратились. Желанія сіи—слѣдствіе натуральное привязанности и дружбы моей къ вамъ, основанныхъ на благодарности.

---

*) Великолѣпное помѣстье на рѣкѣ Вазузѣ, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губ., нѣкогда владѣніе Петербургскаго генералъ-полицмейстера, барона Корфа, купленное Екатериною и пожалованное графу Н. И. Панину, въ 1773 году. Нынѣ принадлежитъ княгинѣ М. А. Мещерской.—Кажется, это была первая продолжительная разлука графа Панина съ его воспитанникомъ.

Теперь увѣдомлю васъ о довольно странной и примѣчанія заслуживающей конверсаціи, которую имѣлъ со мною король Шведскій въ прошедшій Понедѣльникъ. За нѣсколько денъ предъ симъ сдѣлалъ онъ мнѣ приватную визиту, которой я отвѣтствовалъ равномѣрною съ своей стороны. Сію самую здѣсь и буду описывать. Пришедъ къ нему и, послѣ обыкновенныхъ комплиментовъ, началъ говорить про офицеровъ и дворянство. Тутъ ничего примѣчанія достойнаго не замыкалось, кромѣ того, что когда на что-нибудь дѣлалъ свои примѣчанія или дѣлалъ заключенія, то всегда во всемъ приравнивалъ все ко Франціи. Сей разговоръ пресѣкшись, сталъ мнѣ говорить про родство и связь съ нами, говоря, что онъ знаетъ, кто его хотѣлъ съ Россіею поссорить и кто его непріятель первый. Попрося его, чтобъ онъ мнѣ открылся, онъ мнѣ сказалъ, что то король Пруской и что онъ за вѣрно знаетъ, что инаго не ищетъ какъ чтобъ отхватить Шведскую Померанію. Я ему на сіе отвѣтствовалъ, что если и предполагать оному королю намѣреніе большихъ пріобрѣтеній, то конечно не съ сей стороны, по малости и дурнотѣ земли въ сравненіи другихъ земель, окружающихъ его. Онъ, замолчавъ, мнѣ сказалъ, что онъ знаетъ хитрыя намѣренія сего государя и сколько онъ ненавидитъ его и что еслибы до войны дошло, то онъ конечно оную схватитъ. Здѣсь я ему примѣтилъ, что сіе будетъ со всякимъ и что еслибы онъ король съ нами воевалъ, то бы отнялъ у насъ Финляндію, если бы удалось, а мы у него остатокъ оной. Сказалъ я ему, что, можетъ быть, не ненависть, а нѣкоторая недовѣрка къ нему; ибо, *какъ-де вы и сами мнѣ отозвались, вы были въ конекціи съ Франціею.* «Нѣтъ-де», отвѣтствовалъ онъ мнѣ, «а онъ свои замыслы имѣетъ». На сіе ему я отвѣтствовалъ, что, не отнимая у него замысловъ его, я увѣренъ, что онъ злаго съ умыслу не сдѣлаетъ и что можетъ быть я ошибаюсь по личной привязанности къ его дому и благодарности къ нему персональной, къ дому какъ натуральному нашему союзнику, а къ персонѣ по одолженіямъ, которыя я ему имѣю *). Тутъ онъ съ жаромъ мнѣ сказалъ и покраснѣвъ: «Какой можетъ быть натуральный сей союзъ, puisque sa puissance est factice et qu' au bout du compte il n'est issu que de margrave de Brandenbourg?“. Je lui répondis à cela: «Et vous, sire, n'êtes vous pas issu d'une famille particulière de Vasa?» Тутъ онъ замолчалъ, но спросилъ: «Mais quelles

---

*) Оба брака великаго князя Павла Петровича состоялись при ближайшемъ посредствѣ Фридриха II-го, который имѣлъ въ особенности въ Маріи Ѳеодоровнѣ (внучкѣ его родной сестры) ревностную оберегательницу его выгодъ при Петербургскомъ дворѣ. Спасенный Россіею при Петрѣ III-мъ, Фридрихъ II-й очень опасался Россіи и всячески искалъ усилить свое вліяніе въ Петербургѣ. Екатерина, въ письмахъ къ Гримму, свидѣтельствуетъ, что онъ домогался на нее дѣйствовать и чрезъ А. Г. Бобринскаго.

sont ces obligations personnelles, que j'avois, sinon l'accueil qu'il m'a fait".—„Sire", lui répondis-je, „l'intérêt particulier que le roi a toujours pris à moi et surtout lors de mes deux mariages. Les souverains et les princes sont hommes, sire. Malheur à ceux qui oublient les liaisons de sang et de reconnoissance qui les lient entre eux. Au bout du compte c'est mon parent", lui dis-je.—„Et mon oncle", me dit-il, „et je ne l'ai pas oublié" *).

Тутъ разговоръ, упавъ на другое, кончился. Я разсуждаю о семъ такъ, что хотѣлъ онъ меня пощупать и сентименты мои; но жаръ его завелъ далѣе, нежели онъ и самъ хотѣлъ, что̀ показываетъ великую étourderie. А можетъ быть, такъ какъ вы сами изъ сего описанія видите, не хотѣлъ ли и понаговорить и чрезъ то меня отъ сего союза отклонить. Но какъ бы оно ни было, все сіе чести гостю не дѣлаетъ, даже и авантюрируясь въ такомъ разговорѣ: ибо онъ все начиналъ и заставлялъ меня непріятные и вынужденные отвѣты себѣ давать. Про Курляндію, равномѣрно какъ про Померанію, мнѣ отозвался, на что я ему тѣмъ же какъ и выше отвѣтствовалъ.

Пребываю навсегда съ извѣстною вамъ моею привязанностію вашимъ вѣрнымъ другомъ

Павелъ.

3.

Царское Село, Іюля 29-го дня 1777.

Графъ Никита Ивановичъ.

Съ несказаннымъ удовольствіемъ получилъ письмо ваще отъ 5-го Іюля. Повтореніе пріятнаго намъ никогда скучнымъ не бываетъ; и такъ письмо ваше, содержащее знаки дружбы вашей ко мнѣ, которой доказательства столь часто я имѣлъ, мнѣ было весьма пріятно, тѣмъ больше, что продолженіе оной ко мнѣ есть и будетъ всегда мнѣ первымъ атестатомъ у самого себя: таковаго существа привязанность моя къ вамъ и притомъ вѣра къ поступкамъ вашимъ.

Весьма пріятно мнѣ было видѣть, что наслаждаетесь вы какъ хорошимъ здоровьемъ, такъ и присутствіемъ родни вашей; сожалѣю только, что не могу я быть на мѣстѣ князя Николая Васильевича **) который къ вамъ ѣдетъ.

Выше я помянулъ, что дружба ваша ко мнѣ самый лучшій для меня атестатъ; сіе самое приложу я къ поведенію моему съ королемъ

*) Мать Густава III-го была родная сестра Фридриха II-го.

**) Репнина.

Шведскимъ. Признаюсь, что мнѣ не непріятно было видѣть, что поступокъ мой въ разсужденіи его вамъ полюбился. Онъ отъ насъ уѣхалъ въ половинѣ текущаго мѣсяца и уже прибылъ къ себѣ; но не думаю, чтобъ онъ въ насъ и политикѣ нашей сдѣлалъ что-либо, а увидѣлъ, что тонъ Французской человѣка не дѣлаетъ и задобрить не всегда можетъ, а особенно, гдѣ дѣло прямое, а не одни *jolis mots et belles phrases.* Наша братья балуемся отъ того самаго, что некому правды намъ говорить; но при случаѣ таковой визиты, какову онъ намъ сдѣлалъ, будучи ровный съ ровнымъ, правду скорѣе услышишь, а особливо какъ не впопадъ что̀ сдѣлаешь, а исправленія надобно ожидать послѣ; ибо всегда все въ лучшее толковать должно.

Здѣсь у насъ ничего новаго нѣтъ; все чего-нибудь ждемъ, не имѣя ничего передъ глазами. Опасаемся, не имѣя страха; смѣемся не смѣшному и пр. Такъ судите, какъ могутъ дѣла дѣлаться, когда они зависятъ отъ людей провождающихъ всю жизнь свою въ таковомъ положеніи, разстроивающемъ все.

Я пользуюсь верховой ѣздой и, благо движеніе коляски дѣлаетъ добро женѣ моей, вожу ее съ собою. Она, слава Богу, здорова; предъ половиною почувствовала движеніе, и уже и кровь ей пускали. Если бы все прочее въ жизни моей соотвѣтствовало пріятностямъ внутренней моей, то бъ я былъ совершенно счастливъ.

Нетерпѣливо желаю видѣть васъ, дабы изустно вамъ сказать, что я есмь и буду вашимъ вѣрнымъ другомъ

Павелъ.

Братцу и княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ *) прошу отъ меня поклониться.

4.

Царское Село, Августа 22-го дня 1778.

Графъ Никита Ивановичъ.

Вчера, возвращаяся изъ города, усумнился, поставилъ ли мѣсто и число въ письмѣ моемъ къ королю Шведскому. Сіе произошло отъ того, что обыкновенно и то и другое ставлю въ письмахъ на верху, а въ семъ изъ учтивости онаго не сдѣлалъ. И такъ прошу мнѣ оное возвратить, если еще можно, дабы я могъ сію ошибку исправить.

Вашъ вѣрной

Павелъ

---

*) Куракиной, старшей сестрѣ графовъ Паниныхъ.

5.

Поѣхавши съ дождемъ, богато надобно жить. Сію пословицу мы на практикѣ испытали, ибо доѣхали весьма благополучно всѣ, и даже съ солнцемъ. Спальню и прочее что̀ до покою принадлежитъ, мы наѣхали, какъ изъ письма женина вы увидите, все очень хорошо и покойно. Теперь остается дожидаться и окончанія всему, каково было начало. Пребываю вашимъ вѣрнымъ другомъ

Павелъ.

6.

Графъ Никита Ивановичъ.

При семъ посылаю письмо Долгорукова *) съ отвѣтомъ моимъ, дабы вы видѣли, какъ я отвѣчалъ пунктъ на пунктъ, равномѣрно и Румянцова съ копіею къ нему отъ короля Прускаго, также и мое къ князю Репнину. А въ заключеніе герцога-епископа, на которое прошу приказать сдѣлать отвѣтъ, а остальныя ко мнѣ возвратить.

Вашъ вѣрной

Павелъ.

7.

Царское Село, Апрѣля 5-го дня 1779.

Графъ Никита Ивановичъ.

Не прогнѣвайтесь, что задержалъ почтальона вашего. Причиною тому, что хотѣлъ къ вамъ отправить три почты находящіяся у меня и притомъ, что не могъ еще ничего сказать о женѣ: ибо она по сію минуту почти спала и проснулась весьма здорова **). Желаю, чтобы вы ея примѣру подражали и вѣрили, что я на вѣки вашъ вѣрной

Павелъ.

Приписка Маріи Ѳеодоровны.

Grâces au Ciel, mon cher comte, je me porte au mieux, et j'ai dormi depuis les onze heures du soir jusques à neuf heures du matin, et cela très-bien; de manière que pour aujourd'hui il faudra renoncer

---

*) Нашего посла въ Берлинѣ. По вліянію жены, воспитателя и перваго тогдашняго полководца графа Румянцова, молодой Павелъ Петровичъ увлекся Фридрихомъ II-мъ. Не нашлось лица съ вѣсомъ, кто бы указалъ ему на черныя стороны въ дѣятельности и характерѣ Прускаго короля и на вредъ для Россіи отъ союзничества съ нимъ.

**) Передъ рожденіемъ Константина Павловича.

au parti de plaisir d'accoucher, et le remettre à un autre jour. Adieu, mon cher comte; n'oubliez pas votre très-sincère amie. Le petit se porte bien, de même que l'adorable grand-duc.

Marie.

8.

Царское Село, Апрѣля 8-го дня 1779.

Графъ Никита Ивановичъ.

Полученное мною письмо отъ графа Румянцова къ вамъ изъ любопытства для прочтенія посылаю. Я не знаю, чему вѣрить. Извѣстите меня, получили ли какое-нибудь извѣстіе подробнѣе моего о окончаніи замѣшательствъ между нами и Портою. Желаю, чтобъ вчерашняя поѣздка вамъ вреда не сдѣлала и чтобъ кашель вашъ скорѣе прошелъ. Жена моя, слава Богу здорова, только нетерпѣливо ожидаетъ родовъ своихъ. Пребываю навсегда вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

Приписка Маріи Θеодоровны.

Je ne puis malheureusement encore vous donner d'autre nouvelle, mon cher comte, que celle que j'ai passé fort bien la nuit et que je me porte bien; mais hélas, nulle apparence de couches prochaines. Je vous avoue qu'à la fin cela m'inquiète cruellement; je me tais et j'attends avec résignation les décrets de cette divine Providence. Adieu, mon cher comte; faites des voeux pour la consolation de votre sincère amie

Marie.

Je félicite sincèrement la princesse Repnine sur son jour de naissance et lui souhaite mille et mille bonheur.

9.

Царское Село, Апрѣля 14 дня 1779.

Графъ Никита Ивановичъ.

Вашъ почтальонъ пріѣхалъ, въ самое то время когда хотѣлъ я писать и препроводить къ вамъ два письма къ тестю и тещѣ. Мы, слава Богу, здоровы, и жена моя ночь хорошо проводила и отнюдь не устала, и теперь сбираемся ѣхать въ свое помѣстье, куда дорога не хуже Петербургской. Будьте здоровы и вѣрьте, что я на вѣкъ вашъ вѣрной

Павелъ.

10.

Смыслъ разговора между княземъ Репнинымъ *) и мною о недостаткѣ людей въ нашей арміи и рекрутъ съ земли для комплектованія оной и о способахъ къ награжденію сего недостатка.

1-е. Состояніе, въ которомъ находится нынѣ армія въ разсужденіи государства, а государство въ разсужденіи арміи.

Армія наша, заведенная Петромъ Великимъ, весьма велика сама по себѣ, но недостаточна для объятія границъ, для защищенія оныхъ отъ окружающихъ сосѣдей, для содержанія внутренняго порядка по обширности земель нашихъ, а еще меньше для какого либо наступательнаго подвига, безъ коего война всегда будетъ только оборонительная и потому рѣдко соединена съ пріобрѣтеніемъ верха настоящаго надъ непріятелемъ. Основаніе арміи препятствуетъ необходимому умноженію ея. Армія наша не вербованная, а служащая по наряду съ земли, земля же по пространству своему весьма мало населена; слѣдовательно, хотя она по пропорціи жителей и есть велика, но по обширности обороняемыхъ границъ весьма недостаточна. Политическое положеніе дѣлъ нашихъ въ семъ столѣтіи требовало всегда нашу осторожность, а часто и самую войну, которая уводила у насъ всегда людей. Обстоятельства наши въ послѣднихъ годахъ были таковы, что не успѣвали мы награждать недостатокъ людей въ арміи нашей, тѣмъ больше, что уже отъ частыхъ наборовъ рекрутскихъ и землѣ приходитъ нечего давать. И такъ армія, которая, какъ выше сказалъ, уже сама по себѣ въ разсужденіи пространства земли недостаточна, а по популяціи весьма велика, зачинаетъ ослабѣвать и уже становится совсѣмъ недостаточною.

2-е. Есть ли способъ къ поправленію сего недостатка и къ приведенію арміи въ надлежащую пропорцію въ разсужденіи земли, и каковаго онъ рода?

Мы видѣли изъ предъидущаго артикула, что армія людьми и наборомъ оныхъ въ тягость землѣ, а недостаточна къ оборонѣ оной; но не слѣдуетъ еще изъ сего, чтобы не было у насъ способовъ къ содержанію таковой, каковая намъ необходимо надобна.

---

*) Надо замѣтить, что родственникъ графовъ Паниныхъ князь Н. В. Репнинъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) съ молодыхъ лѣтъ занимался военною наукою и еще въ началѣ Семилѣтней войны посланъ былъ Елисаветою Петровною во Французскую армію въ родѣ нынѣшняго военнаго агента. Предъидущіе свои совѣты относительно войска изъ Поляковъ могъ онъ дать, будучи долго посломъ въ Польшѣ.

Для содержанія оной потребны люди и деньги. Въ первыхъ мы нашли у себя недостатокъ; но если бы вторыхъ довольно было, не могли ли бы мы первое вторымъ наградить, искавъ и платя для того вольныхъ людей? Мы имѣетъ около 30.000.000 рублей дохода. Разочтемъ мы, куда оные расходятся и не сыщется ли какого либо остатка для доставленія себѣ людей. Безспорно сей способъ будетъ больше стоить нынѣшняго, ибо вольный человѣкъ дороже нежели свой; но станетъ ли прихода въ таковомъ случаѣ на расходъ? Содержаніе внутреннее съ приключеніемъ къ тому двора и разныхъ другихъ положенныхъ издержекъ простираться можетъ до 15.000.000 рублей; за тѣмъ остается также 15.000.000, изъ которыхъ идетъ кругъ 10.000.000 на армію, флотъ и прочіе военные расходы. Оставаться будетъ 5.000.000 еще. Откладывая же изъ оныхъ по два каждый годъ на сторону, будетъ оставаться 3.000.000 для того употребленія, о которомъ теперь рѣчь.

Деньги имѣя, остается подумать о способѣ, откуда имѣть вольныхъ людей. У насъ въ государствѣ ихъ такъ мало, что и говорить о семъ не о чемъ; но не можно ли бы было оныхъ доставать изъ другихъ земель? Для сего два способа: первый и самый легчайшій Польша, которая снабжаетъ уже своими людьми и другія державы; не не лучшимъ его нахожу по свойству людей сей земли: они не лучшіе солдаты, и по характеру націи ненадежны бываютъ. Второй же наборъ въ Германіи. Домъ, отъ котораго я происхожу по природѣ, даетъ мнѣ равное право съ прочими Германскими князьями. Правда, что земли, мнѣ принадлежащія, уступлены мною младшему колѣну нашей фамиліи; но чрезъ это не потеряно достоинство князя имперіи, а еще меньше то, что я шефъ Голштинскаго дома. Все сіе подтверждено на сеймѣ имперскомъ. И такъ можно бы, симъ воспользовавшись, именемъ дома Голштинскаго наборъ въ вольныхъ имперскихъ городахъ дѣлать, какой бы надобенъ былъ.

11.

Мнѣніе князя Репнина, сообщенное мнѣ вслѣдствіе той записки, которую я вамъ при послѣднемъ моемъ письмѣ доставилъ.

Записка князя Н. В. Репнина для Павла Петровича объ иностранныхъ войскахъ въ Россіи.

«Слѣдуя повелѣніямъ Вашего Императорскаго Высочества, войду я здѣсь въ разсужденіе о способахъ, коими можно намъ доставать чужестранныя въ нашу службу войска. Два есть тѣхъ способовъ: однимъ получать можно людей изъ Нѣмецкой земли, а другимъ изъ Польши. Оба они Вамъ извѣстны. И тако, не медля болѣе, приступлю, по волѣ Вашего Императорскаго Высочества, къ подробностямъ оныхъ.

1) Изъ Нѣмецкой земли можемъ мы имѣть людей способомъ меньшаго колѣна Голштинскаго дома, надъ коимъ Ваше Императорское Высочество первенство себѣ соблюли въ обязательствахъ промѣна Голштиніи, и въ уступкѣ полученныхъ за оную земель.

Обрядъ сего полученія войскъ Нѣмецкихъ можетъ быть обыкновенный, сдѣлавъ трактатъ съ меньшимъ владѣющимъ колѣномъ Голштинскимъ, по которому мы будемъ платить оному субсудіи; а оно, набирая на тѣ деньги въ Нѣмецкой землѣ войска, къ намъ ихъ присылать станетъ *).

Сіи есть точныя мысли Вашего Императорскаго Высочества и какъ лучшія такъ и единственныя кажутся къ произведенію онаго въ дѣйствіе. Въ раздробленіи же по онымъ мнѣ видится теперь входить ни въ какія нельзя; понеже не вижу я тутъ иныхъ, какъ содержаніе тѣхъ войскъ и ихъ изъ Нѣмецкой земли къ намъ отправленіе, которыхъ опредѣлить инако нельзя, какъ по времени и обстоятельствамъ будущимъ при томъ случаѣ. За долгъ однакожъ, милостивѣйшій государь, поставляю донести, что исполненіе сего хотя можетъ имѣть мѣсто, но съ другой стороны могутъ тутъ иногда препятствія великія встрѣтиться по внутренней связи Нѣмецкой имперіи, и еслибы Австрійскій домъ съ своею въ имперіи партіею тому мѣшать захотѣлъ. Равнымъ образомъ и Пруской домъ много въ семъ дѣлѣ можетъ. А понеже не отъ насъ оно однихъ и обязательствъ нашихъ съ меньшимъ колѣномъ Голштинскимъ зависитъ, то и не можно оное совершенно вѣрнымъ почитать; хотя впрочемъ и можетъ оно исполниться, если главныя Нѣмецкія потенціи тому мѣшать не станутъ. Но сего я не смѣю почти себѣ представлять, а зависѣть все будетъ отъ расположенія тогдашнихъ ихъ интересовъ и связи нашей съ ними.

---

*) Родной дядя Павла Петровича, Ангальтъ-Цербскій князь († 1793) только тѣмъ и занимался, что покупалъ солдатъ, вымуштровывалъ ихъ, составлялъ изъ нихъ батальоны и потомъ продавалъ какому нибудь государю. (Отъ того, между прочимъ, Екатерина не хотѣла допустить его въ Россію). А первый тесть Павла Петровича, Дармштатскій великій герцогъ Людвигъ прославился даже и въ Германіи муштрованіемъ солдатъ.

2) Касательно до полученія изъ Польши войскъ должно также сказать, что и въономъ политическое положеніе того государства можетъ способы къ тому облегчить или препятствія навесть. Всякое умноженіе власти короля и правительства, всякое установленіе твердаго внутренняго у нихъ порядка должны почитаемы быть препятствіями къ сему дѣлу; а всякое увеличеніе вольности національной и шляхетской способностями къ его исполненію. По сихъ же поръ всякій Польскій дворянинъ имѣетъ право столько войскъ держать, сколько онъ хочетъ и можетъ, набирая оныя не только изъ своихъ маетностей, но и вездѣ въ городахъ изъ вольныхъ людей. И тако, если король и правительство не будутъ довольно сильны, чтобъ сему препятствовать, то не трудно будетъ такихъ дворянъ найтить, которые для собственнаго интереса будутъ подъ своими именами людей вербовать и къ намъ въ службу водить. А сверхъ денежной прибыли, поощряемы они тутъ будутъ честію службы и чинами. Ихъ же родня и друзья, тожъ и они сами, составлять станутъ нашу партію въ Польшѣ, которая конечно симъ способомъ велика будетъ.

Содержаніе оныхъ войскъ здѣсь опредѣлить нельзя; а выбравъ шефа изъ самыхъ знатныхъ и могущихъ Польскихъ фамилій, какъ корпусу, который особо изъ Польскихъ войскъ составленъ быть долженъ, такъ и нашей въ Польшѣ партіи, съ ними надлежитъ капитуляціи сдѣлать о всѣхъ подробностяхъ. Не думаю я однакожъ, чтобъ много разницы было въ содержаніи сихъ войскъ противъ нашихъ; а считаю, что давая имъ тоже жалованіе, мундиръ, ружье и аммуницію, надобно будетъ только прибавить мясныя деньги, тожъ офицерамъ и особливо капитанамъ умножить жалованіе; но выигрывать тутъ намъ можно на величинѣ ротъ, на раздачѣ ротъ штабъ-офицерамъ для уменьшенія капитановъ и на деньщикахъ, которыхъ можно, какъ и въ другихъ службахъ, офицерамъ не давать.

Касательно до шефа изъ Польскаго дворянства при набираемомъ въ Польшѣ войскѣ, нахожу я за нужное примѣтить, что таковой шефъ, командуя одинъ цѣлымъ корпусомъ, излишне великую имѣлъ бы инфлуенцію и силу какъ въ самой Польшѣ, такъ и у насъ, особливо же по вѣтренности и высокомѣрію свойственнымъ Польскому шляхетству.

Примѣчаніе.

Имѣвъ повелѣніе отъ Вашего Императорскаго Высочества доносить Вамъ откровенно мои мысли и поставляя оное за первый себѣ долгъ, думаю я:

1-е. Что никогда чужестранныхъ войскъ съ нашими Русскими мѣшать не должно, по причинѣ закона; потому что они, по своему вос-

питанію, привыкли въ иной пищѣ, и для того, имѣвъ разную плату, живучи съ ними къ однихъ артеляхъ, дѣлало бы то имъ зависть; а бывъ въ особомъ корпусѣ, не столько чувствительно будетъ.

2-е. Можно будетъ чужестранныя войска, когда они въ особыхъ корпусахъ служить станутъ, болѣе въ опасныхъ случаяхъ употреблять для сбереженія своихъ національныхъ.

3-е. Нужно, кажется, имъ всегда квартиры имѣть по городамъ, которые отъ нихъ наживаться станутъ; а по деревнямъ они надобныхъ имъ выгодностей имѣть не могутъ, да и хлѣбопашцамъ въ тягость будутъ».

Письмо Павла Петровича къ графу Петру Ивановичу Панину.

(Съ черноваго подлинника).

Сіе письмомъ отправлено въ Москву Марта 29-го дня (1779) со исключеніемъ первыхъ трехъ пунктовъ.

1. Легкая артилерія всеконечно надобна для Сибирской части и сколь можно больше и чаще расположена. Но какъ уже видѣли вы изъ разсужденія моего о артилерійской части, что не полагаю я пушекъ безпосредственно при полкахъ, то сіе самое можно сдѣлать распоряженіемъ домашнимъ по артилерійскому департаменту, заведя въ Сибири больше мелкихъ партій артилеріи, даже и конной.

2. Касательно до управленія самимъ Государемъ военною частію, то имѣю единственно здѣсь только нѣчто примѣтить: 1) чтобъ военный министръ и коллегія какъ можно къ Государю ближе были за тѣмъ, чтобъ управленіе войскъ, сія регалія государская, не излишне его занимала; 2) чтобъ онъ, сколь можно не удѣляя оной регаліи, былъ близостію какъ министра, такъ и коллегіи (которая узда сему послѣднему) способствованъ; 3) таковымъ расположеніемъ отнималъ случай къ злоупотребленіямъ, честолюбію и корысти партикулярной.

3. По пункту времени набора рекрутъ въ отвѣтъ имѣю сказать, что какъ всякій годъ дѣти рождаются, то и нѣтъ года, чтобъ нѣкоторое число не достигло всѣхъ равномѣрно лѣтъ: то и слѣдуетъ только предписать пропорцію лѣтъ къ отданію въ рекруты; а которые по оной лѣтами не подоспѣли, то и оставлять ихъ до того срока, когда подоспѣютъ, не смотря на то, что укомлектовано ли на ту минуту число, которое на тотъ или другой уѣздъ пришлось, или въ войскѣ не достаетъ.

4. Конечно, справедливы мысли ваши о подвигѣ дворянства выступать изъ службы; но какъ сему помочь? Говорите вы, что статская служба и способность къ помѣщенію въ оной много къ тому способ-

ствуетъ. Если сіе остановить, кѣмъ же будемъ наполнять чины оной? Всеконечно, довольно будетъ особеннаго вниманія Государя на военную службу, чтобъ возбудить честолюбіе въ дворянствѣ; но взысканіе въ точномъ исполненіи должности и службы, даже и мысль сія одна не довольными ли будетъ препонами въ исполненіи нами обоими желаемаго? Къ сему прибавить должно, что со временами фаворитовъ можетъ кончиться и время достиженія до чиновъ по прихотямъ, а не по очереди. Не видали мы таковаго еще времени, то и не знаемъ происходящаго отъ того слѣдствія.

Вотъ нѣсколько вопросовъ, отъ которыхъ часто я вздыхаю, когда, сдѣлавъ ихъ самъ себѣ, не нахожу на нихъ отвѣта. Не почитаю я насилованіе (о которомъ въ концѣ пункта сего письма вашего говорите) отвѣтомъ. Ссылаюсь въ оправданіе свое на всѣ свои письма къ вамъ о сей матеріи, въ которыхъ найдете туже самую о семъ заботу, а мысли сей нигдѣ. Но желалъ бы, чтобъ вы мнѣ на сіи пункты на каждый порознь мысль свою сказали.

5. Что касается до того, какого рода вербовать людей, то говорите вы между прочимъ, чтобъ вербовать въ тѣхъ провинціяхъ, которыя иныхъ націй. На сіе я примѣчу, что въ Финляндіи, Ингерманландіи, Эстляндіи, Лифляндіи и Польскихъ нашихъ провинціяхъ не только вольныхъ людей нѣтъ, но всѣ почти подданные помѣщичьи, исключая самаго малаго числа освобожденныхъ. И такъ, кромѣ Украйны мудрено будетъ свои вербунки учредить.

6. Пунктъ, писанный въ отвѣтъ на второе мое включеніе отъ 11-го Октября прошлаго года, столь важенъ по существу своему мнѣ показался, что не могъ его пройти безъ особливаго вниманія и большаго разсмотрѣнія, для чего и дѣлю его здѣсь отвѣтомъ на пять частей, по пяти матеріямъ, содержащимся въ немъ:

1) Практическое употребленіе войскъ нашихъ есть единственный способъ его содержать въ желаемомъ состояніи. Сіе не для насъ однихъ нужно, но и во всякой другой землѣ; ибо человѣкъ по естеству своему любитъ болѣе покой, а убѣгаетъ трудности и боится больше опасности нераздѣльной съ военнымъ состояніемъ. Въ нашей землѣ и то и другое чувствительнѣе по недостатку въ воспитаніи и потому что нѣтъ того, что̀ замѣнять и награждать должно человѣческіе недостатки въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ отъ нихъ терпѣть можетъ цѣлость и безопасность общія, то-есть законы и взысканіе по онымъ. Безпрестанное же практическое употребленіе отведетъ отъ покоя вреднаго и пріучитъ къ опасностямъ, не говоря о томъ, что всѣ вещи до исполненія касающіяся получатъ бо́льшую акцію.

2) Употреблять же войска въ войнахъ у союзниковъ принесетъ намъ пользы политическія, а именно покажетъ предъ глазами всей Европы нашу силу и готовность, чрезъ что̀ сохранимъ мы поверхность въ дѣлахъ оной; а не мѣшаясь безпосредственно, сохранимъ себя всегда въ силѣ и поверхности моральной, приставая лишь къ той или другой сторонѣ для перевѣса. Добро же, которое получимъ сами, будетъ почтеніе, а съ другой стороны сообщимся чрезъ то съ Европою, отъ чего не пострадаютъ и нравы наши, которые не имѣютъ нужды въ загрубѣніи.

3) Наблюдать во всемъ вообще войскѣ предпочтительнѣе всему прочему готовое въ ближайшихъ мѣстахъ содержаніе большей части его, тѣмъ болѣе необходимо въ нашей землѣ, что пространство земли столь велико, что никоими мѣрами невозможно содержать достаточнаго числа войска по пропорціи онаго и что сему помочь инымъ нельзя какъ награждая скоростію во всѣхъ исполненіяхъ. А дабы возможно было вездѣ съ скоростію исполнять, необходимо потребна всегдашняя и повсемѣстная готовность, не говоря о томъ, что и внутренніе наши обстоятельства требуютъ почти всегда готовности.

4) Что̀ касается до предпочтенія наступательной войны предъ оборонительною, то не буду я повторять тѣхъ причинъ, о которыхъ вы столь справедливо помянули; но примѣчу здѣсь, что моральное сложеніе нашего человѣка требуетъ, чтобы онъ какъ можно менѣе былъ при всякомъ случаѣ въ неизвѣстности и безъ дѣйствій: ибо таковое праздное положеніе всегда отворяетъ двери къ размышленіямъ часто непріятнымъ, которыхъ побѣдить инымъ нечѣмъ какъ разсужденіемъ пріобрѣтеннымъ чрезъ воспитаніе, котораго у насъ меньше нежели гдѣ-либо. И для того всегда лучше упражнять дѣйствіемъ и надеждою онаго, рождающимися всегда отъ всякаго наступательнаго дѣйствія.

5) Послѣ сей матеріи слѣдуетъ въ письмѣ вашемъ разсужденіе о укрѣпленіи границъ, именно сборныхъ мѣстъ съ арсеналами и магазейнами и о возобновленіи укрѣпленій внутреннихъ городовъ, гдѣ собираются доходы и содержатся архивы, то и объясню вамъ здѣсь мысли свои на каждый изъ сихъ трехъ артикуловъ.

По первымъ двумъ относусь на то, что̀ я вамъ прежде о сей матеріи писалъ съ такимъ только пополненіемъ, что, полагая четыре главныя оборонительныя арміи и пятую резервную, полагаю ихъ независимыми ни въ чемъ одна отъ другой, и для того каждая подъ особливымъ начальникомъ составлена изъ свойственнаго противулежащему союзу рода войскъ, а границы, защищаемыя таковою особою арміею оборонительными (равномѣрно свойственно роду войскъ сосѣда) укрѣпленіями, изъ которыхъ нѣкоторыя должны быть назначены подъ мага-

зины, арсеналы и депо. Таковыя укрѣпленія необходимы и для того, что во многихъ мѣстахъ границъ нашихъ жилья мало, и такъ какъ для всегдашняго помѣщенія такъ и для собиранія и кантонированія войскъ оныя бы могли награждать недостатокъ другаго жила. Внутреннія же, хотя самыя простыя укрѣпленія, нужными почитаю, какъ я и въ прежнихъ своихъ разсужденіяхъ сказалъ, для большей безопасности земской и при томъ для причинъ вами поминаемыхъ.

Относительно до пункта, въ которомъ вы говорите объ образѣ доставленія войску въ квартирахъ провіанта и фуража натурою, зачитая оный въ подушный окладъ, не могу не согласиться на оное, потому особливо, что ваши правила о сей матеріи, по существу своему, кажутся быть совершенно неоспоримыми.

Въ отвѣтъ же на разсужденіе ваше отъ 3-го Февраля не могу ничего инаго сказать, какъ только то, что нахожу весьма полезнымъ придуманное вами средство о управленіи войскомъ всѣмъ чрезъ походную государеву канцелярію, и прошу васъ войти въ точную подробность въ предписаніи, что̀ сей походной канцеляріи дѣлать и что̀ изъза сего останется на попеченіи Военной Коллегіи и ея президента.

На особомъ листѣ рукою Павла Петровича:

1. О правленіяхъ, ихъ преимуществахъ и неудобствахъ, особливо относительно до нашей земли.
2. О образѣ правленія.
3. О законѣ фундаментальномъ и о наслѣдствѣ.
4. О прочихъ законахъ.
5. О правительствахъ верховныхъ.
6. О государевомъ совѣтѣ.
7. О чинахъ, составляющихъ оный, и о ихъ должностяхъ.

Здѣсь слѣдуютъ мысли о каждой особенно.

8. О духовенствѣ.
9. О дворянствѣ.
10. О среднемъ состояніи.
11. О крестьянствѣ.
12. О воспитаніи и нравахъ.
13. О школахъ и училищахъ.
14. О торговлѣ.
15. О мануфактурахъ, фабрикахъ и о прочихъ ремеслахъ.
16. О винѣ и соли.
17. О рудахъ и заводахъ.

18. О государственныхъ, заводскихъ, экономическихъ и дворцовыхъ крестьянахъ.

19. О доходахъ.

20. О долгахъ.

21. О государственномъ кредитѣ.

22. О государственныхъ и партикулярныхъ долгахъ.

23. О расходахъ.

24. О доброй вѣрѣ.

25. О безопасности общей и полиціи земской и городской.

26. О политическомъ положеніи Россіи.

27. Тоже по связямъ и обстоятельствамъ.

28. Какая генеральная политика ея отъ сего?

29. Чѣмъ пріобрѣсти большее уваженіе къ себѣ и доставить бо́льшую безопасность?

30. Къ чему все сіе?

31. О военной силѣ.

32. О морской силѣ.

33. О силѣ государственной и о рессурсахъ на все.

ПИСЬМА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ

1.

Péterhof, ce 24 juin 1777.

Monsieur,

J'espère que cette lettre vous trouvera heureusement arrivé, et en bonne santé; du moins c'est le voeu que je fais bien sincèrement: suite naturelle des sentimens, que vous me connaissez pour vous, mon cher comte. S'il n'y a qu'une quinzaine de jours que je n'ai eu le plaisir de vous voir, il me paraît déjà que ce tems est bien long, et je voudrais que nous fussions au mois d'août pour avoir le plaisir de vous revoir.

Sous le sceau du secret, mon cher comte, il faut que je vous avertisse d'une chose, qui ne laisse point que de m'inquiéter beaucoup: le roi de Suède a très-grande envie de marier sa soeur au prince de Holstein; me voilà par conséquent et pour ainsi dire frustrée de l'espérance de le voir devenir mon beau-frère. Mais comme je crois que jusqu'à présent ce n'est encore qu'un désir du roi de Suède, je vous prie pour tout au monde, mon cher comte, d'arranger les choses de manière que mon espérance puisse renaître. Je vous en aurai une obligation infinie et éternelle.

J'ai mille tendres complimens à vous faire de la part de mon cher Grand-Duc; nous nous disputons qui vous est le plus attaché, et je crois presque que c'est celle qui vous prie d'être persuadé des sentimens d'estime distingués avec lequels je suis, monsieur, votre à jamais bien affectionnée amie

Marie.

P. S. Pensez-vous, cher comte, que le roi de Suède n'a eu que l'intention de brouiller notre cour avec celle de Prusse? Vous en ver-

rez les détails dans la lettre du Grand-Duc qui vient de me dire cet instant qu'il aurait le plaisir de vous écrire cet après-midi. Il faut que je vous avoue que l'intention de cette majesté ne m'a pas fait grand plaisir; mais grâces au Ciel j'espère que ces conseils ne feront pas grand effet. Adieu encore une fois, mon cher comte; portez-vous bien, et pensez quelquefois à une personne qui vous est bien attachée.

2.

Czarskoscello, ce 9 (20) septembre 1777.

Monsieur,

J'ai reçu votre seconde lettre avec le même plaisir que la première; l'attachement que vous témoignez au Grand-Duc et à moi, mon bien cher comte, ne peut que m'être infiniment sensible; mais nous croyons le mériter par les sentimens que nous vous portons et qui sont fondés sur l'estime et sur la reconnaissance. Je vois approcher avec un plaisir que je ne saurai vous dépeindre votre prompt retour, et j'espère que dans huit jours nous jouirons de la satisfaction de vous revoir. Vous nous trouverez dans la belle et grande ville de St.-Pétersbourg où nous allons nous cantonner aujourd'hui.

Il faut que je vous avoue, mon cher comte que je quitte Czarskoscello avec un bien vif regret. L'air de liberté qu'on y respire m'a fait un bien que je ne saurai exprimer; il en a fait moralement et physiquement à mon adorable mari. Eh bien, nous quittons tout cela pour aller nous enfermer pendant huit mois en ville. Vous savez combien nous y sommes gênés; ainsi je vous laisse à juger vous-même, mon cher comte, si l'aspect de huit mois de gêne n'est pas effrayant après avoir respiré avec assez de liberté pendant quatre mois. Certainement j'aime infiniment notre bonne ville de Pétérsbourg et j'y serai tout aussi volontiers qu'ici, si on pouvait y faire un peu plus ce que nous voudrions; mais hélas, vous savez mieux que moi ce que c'est.

Surtout, mon cher comte, plaignez moi: vous savez ce qui m'attend au mois de décembre. Je ne sais d'où vient, mais je redoute ce tems extrêmement, et je ne saurai vous dire le pourquoi? Vous me demanderez: craignez-vous de mourir? Non, car je suis bien faite, je me porte au mieux, je suis robuste; toutes ces trois choses osent me faire espérer les plus heureuses couches du monde. Ce n'est donc pas cela que je crains, mais quoi donc? Les six semaines d'emprisonnement, enfin le tout ensemble me cause une frayeur panique. Grondez moi, mon cher comte, je le mérite; je sens que je suis ridicule, mais toujours je

me montre à vous telle que je suis. Hélas, je ne puis avoir ce ton de confiance qu'avec mon cher Grand-Duc et avec vous; aussi je me soumets entièrement à votre jugement. Ah que vous allez me gronder, je meurs de peur d'avance.

Grâces au bon Dieu, le Grand-Duc se porte au mieux, est de fort belle et bonne humeur, craignant l'hyver tout comme je le crains. Cela augmente ma peine encore, et lorsqu'il me dit ses appréhensions, j'oublie tout de suite les miennes et tâche de lui faire voir couleur de rose.

Adieu, mon bien cher comte. Nous partons dans une couple d'heures, ce qui m'oblige d'abréger ma lettre ayant tout plein de choses à ranger. Je ne vous répète pas combien je vous estime: cela doit déjà être vieux pour vous; mais je finirai en vous priant de me conserver toujours les mêmes sentimens que vous me témoignez et que pour moi je n'aurai rien de plus empressé qu'à vous témoigner pendant toute ma vie que je serai toujours, mon bien cher comte, votre bien affectionnée amie

Marie.

3.

Ce 22 au soir, deux heures après votre départ.

Quoique les yeux à demi-fermés, je prends cependant la plume pour vous prier, mon cher comte, qu'en cas que l'achat du service de table d'Angleterre soit déjà fait, de l'envoyer s'il est possible à ma maison; je serais si enchantée d'y trouver mes assiettes à moi en propre. Mille pardons si je vous importune, mais votre complaisance m'a donné le ton avec vous de vous dire tout franchement mes désirs. Adieu, mon cher comte; dormez bien et en cas que vous réviez que ce soit de vos bons amis au nombre desquels j'espère que vous me comptez.

Marie.

4.

Je vous suis des plus obligées, monsieur le comte, du papier que vous venez de m'envoyer; mais je crois nécessaire de vous avertir qu'il me semble que vous vous êtes trompé. Le jour de naissance de ma mère ne tombe point sur le 7 de décembre nouveau style, mais sur le 7 décembre vieux style, ce qui fait le 18 de décembre nouveau style. Toutefois je vous prie de me marquer à quand mes lettres doivent être prêtes pour pouvoir partir de façon qu'elles arrivent le 7 (18) décembre le matin à Montbelliard. J'attends votre réponse et je m'y conformerai entiérement. Le Grand-Duc me charge de mille compliments pour vous, mon cher comte, et moi je vous souhaite de tout mon coeur le bon jour

Marie.

5.

Mon cher comte, vous qui connaissez l'amitié et la tendresse que j'ai pour ma famille, vous ne douterez nullement de la peine que j'ai ressentie en recevant l'incluse que je vous envoie, qui renferme la demande du prince de Holstein d'être uni à ma soeur Frédérique que j'aime à l'admiration. Venez dîner chez nous de grâce, car j'ai bien des conseils à vous demander, comme a mon meilleur ami.

Marie.

Le Grand-Duc est très-bien, grâces à Dieu.

6.

Ce soir à cinq heures.

Monsieur,

J'ai l'honneur de vous envoyer ce paquet des lettres et ces deux paquets, en vous priant instamment de les faire parvenir le plutôt possible à Montbelliard soit par estafette ou par courrier: ce sera tout-à-fait comme vous le jugerez à propos; mais j'ose vous prier que ce soit toujours sûrement. Les offres polies que vous m'avez fait, monsieur, m'enhardissent à faire cette demarche. J'ose encore vous prier de faire que cela arrive le plutôt possible; je le désire ardemment, puisque le jour de naissance de maman sera le 7 décembre vieux style, et je souhaiterais beaucoup que cela y parvienne vers ce temps. Je répète encore une fois, monsieur, qu'il faut que je soie si sûre que je le suis de vos bontés et de votre complaisance pour en abuser si terriblement. Bonsoir, monsieur, j'espère que vous êtes persuadé des sentiments d'estime et de consideration distingués avec lesquels je suis votre très-affectionnée Marie.

P. S. Le Grand-Duc vous fait mille complimens; nous vous sommes tous deux fort attachés.

7.

Mon cher comte. Je m'empresse à vous apprendre que mon cher enfant, après avoir un peu souffert cette nuit, a poussé une fort jolie petite dent en haut et qu'il se porte actuellement à ravir et est fort gai. Comme je sais l'intérêt que vous prenez à lui, j'ai voulu que vous fussiez le premier à apprendre cette bien bonne nouvelle qui m'a rendue bien heureuse. Adieu, mon cher et digne comte; je ne vous dis pas que je vous aime, puisque j'espère que vous en êtes persuadé; mais toujours mon amitié est en tout bien, et en tout honneur.

Marie.

8.

Mon cher comte, j'ai mille et mille excuses à vous faire de ne vous avoir pas averti d'abord ce matin de l'arrivée de Wagner; mais en vérité, dès l'instant que le Grand-Duc est indisposé, je perds la tramontane, et je ne m'occupe qu'à le soigner et à faire ce qu'on nomme en bon français *„faire la bonne reine“*. Le soir le Grand-Duc est tout-à-fait mieux, par conséquent n'ayant plus besoin de moi; je suis à réparer ma faute et à vous annoncer l'arrivée de Wagner, qui est venu ce matin et m'a apporté des lettres de mon frère, lequel arrivera Dimanche au soir. Les chemins doivent être presque impraticables. Nous comptons partir Samedi pour nos maisons, et aller Dimanche à Crasnoscello recevoir mon frère, l'emmener chez nous pour *l'endoctriner*, et le Lundi matin venir ici pour le dîner. Ayez des bontés et de l'amitié pour mon frère, mon cher comte; conseillez-le, je vous supplie; ce sera une nouvelle marque d'amitié que vous me donnerez, mon cher comte, tant y a que vous n'obligerez point une ingrate, car en vérité (daignez vous souvenir dans ce moment que vous avez soixante ans) je vous aime de tout mon coeur.

Marie.

P. S. Le Grand-Duc vous fait ses complimens: il moralise avec le p. Repnine.

9.

Grondez moi, mon cher comte, car d'honneur je le mérite; j'ai fait baisser les deux glaces dans la voiture et par là j'ai reçu un coup de vent à l'oeil qui me l'a fait tout d'un coup enfler. En outre j'ai eu la bêtise de rester deux jours constipée, mais grâces à Dieu tout est passé. Je n'ai plus d'enflure à l'oeil et par les soins de notre bon Krouse, je me monte à charme et si bien que je ne saurais le dire. Venez dîner chez nous demain, et le soir nous viendrons souper chez vous; car tout est passé, et je me porte à ravir; aussi j'ai déjà dansé une Allemande avec Krouse par reconnaissance.

10.

Mon cher comte. Nous sommes arrivés le plus heureusement du monde, et je me porte *benissimo*. Ma chambre à coucher est si bien rangée que je serai mieux qu'en ville. Nous sommes arrivés avec le soleil, enfin toutes les augures sont telles que l'on ne les saurait souhaiter meilleures. Le petit est vraiment fou, et ausgelassen lustig. Tout

va bien et très-bien; je suis contente et gaie; c'est tout ce que je puis vous dire pour le moment. Adieu, mon cher comte; je vous aime beaucoup.

Marie.

Czarskoscello, ce 30 avril, à 4 heures après-dîner.

10.

Mille grâces pour votre attention, mon cher comte; je me porte le mieux du monde, j'ai très-bien dormi, enfin tout va à souhait. Nous avons dîné avec l'Impératrice, il n'y a que le tems qui ne nous favorise pas, mais que faire, on ne peut être heureux de tous les côtés. Notre petit bonhomme de fils est gai comme un pinçon. L'adorable Grand-Duc me comble d'amitié et de caresses, et son exemple est suivi de tout le monde; on dirait qu'on ne pense qu'à me faire plaisir et à prévenir mes désirs; jugez donc vous-même, mon cher comte, si je n'ai pas lieu d'être *bien, bien* contente. Je me fais une fête de vous voir Samedi soir; mais je crains beaucoup de n'être pas encore une seconde fois maman vers ce tems-là. Adieu, mon cher comte, je suis tout à vous

Marie.

Czarskoscello, ce 4 avril 1779 à deux heures et demie de l'après-dînér.

11.

Mon très-cher comte et roi. Par une imennoy ukase de l'Impératrice le concert a été défendu, ou pour mieux dire contremandé, vu l'énorme froid qu'il fait, et à ce qu'il paraît il semble encore augmenter: car il y a vingt degrés dans ce moment. Ces deux raisons réunies nous priveront ce soir du plaisir de venir souper chez vous; car nous craignons que l'Impératrice ne trouve extraordinaire que nous sortions pendant ce grand froid, tandis qu'elle le trouve trop violent pour voir du monde. Agréez nos excuses, mon cher comte, et nos regrets. La reine de la fêve avait fait les plus grandes dépenses en frisure et en plume, pour paraître ce soir avec tout le brillant de sa qualité; mais si vous le voulez bien, ce sera partie remise à aujourd'hui en huit. Je vous souhaite de tout mon coeur le bonjour, mon cher comte, et suis tout à vous

Marie.

Le mari de votre reine vous fait ses complimens; par excès de tendresse ce même mari m'a fait une tâche blèue au bras qui m'a fait jeter un cri perçant. Adieu, mon cher roi; n'en déplaise à mon mari, je vous aime de tout mon coeur et j'ai même l'effronterie de l'avouer.

12.

Il n'y a point de roses sans épines, mon cher comte; vous en jugerez vous-même par la lettre ci jointe. Cette affaire est manquée, et mon pauvre père déchu de ses espérances. J'en suis bien vivement touchée, et je crois avoir raison de l'être. Vous verrons-nous ce soir?

13.

Mon cher comte, nous venons de recevoir dans ce moment une lettre de Krouse, et une encore de lui pour remettre à l'Impératrice. Il demande d'aller aux eaux. Vous jugerez, mon cher comte, du cruel embarras où cet homme nous met. A qui confierions-nous notre santé et celle de nos enfans qui n'ont pas même encore passé l'époque critique de la petite verole? Au nom de Dieu, engagez-le à changer de projet. Si ses affaires sont délabrées, nous l'aiderons; car nous lui avons tous des obligations. Personne au monde ne s'est attendu à cette incartade de sa part, je ne sais d'où cette idée lui vient.

Adieu, mon cher comte.

Marie.

J'écris à Krouse pour l'engager de venir ici pour arranger le voyage des enfants; de grâce, répondez moi un petit mot pour que je sache quoi lui dire.

(Juillet 1780).

ДВА ПИСЬМА ГРИГОРІЯ ГРИГОРІЕВИЧА ОРЛОВА КЪ ГРАФУ НИКИТѢ ИВАНОВИЧУ ПАНИНУ *).

1.

1768 года, Октября 18, въ 12 часу поутру.

Милостивый государь мой графъ Никита Ивановичъ.

Во первыхъ, вамъ донесть имѣю, что у насъ слава Богу все въ желаемомъ состояніи находится. Мы теперь были на горахъ и ходили версты съ двѣ гулять пѣшкомъ. Изъ сего можете разсуждать о нашемъ состояніи; какъ же слышно, что у васъ въ городѣ многіе объ ономъ разговоры, которые даже и въ подлости происходятъ и въ разныхъ мѣстахъ разныя дѣлаются заключенія, то Ея Императорское Величество указать соизволила дать знать вашему сіятельству, что въ разсужденіи Великаго Князя не лучше-ль будетъ исполнить предпринятое тогда уже, когда у насъ оное минуется и чтобъ она своей персоной уже могла въ городѣ на нѣсколько часовъ показаться, дабы заключенія простаго народа, если Великаго Князя прежде повезутъ къ намъ нежели точно народъ будетъ увѣренъ о состояніи Ея Императорскаго Величества, не произвели въ немъ нѣкоторой ферментаціи, а можетъ быть и непріятныхъ слѣдствій, на что̀ Ея Императорское Величество указала спросить ваше сіятельство совѣта, я жъ съ моей стороны оное положеніе почитаю хорошимъ. Сверхъ сего надѣюсь на вашего сіятельства прозорливость и осторожность и болѣе полагаюсь на васъ, нежели самъ на себя, будучи довольно опытами увѣренъ о вашемъ благоразсмотрѣніи и осторожности въ дѣлахъ подобныхъ. Мы положили, дабы нѣкоторый способъ подать быть свѣдомымъ о состояніи Ея Императорскаго Величества, въ полкахъ гвардіи каждую недѣ-

---

*) Писаны во время знаменитаго оспопрививанія. П. Б.

лю караулъ перемѣнять, которые всѣ Ея Императорское Величество ежедневно почти видятъ. Сіе заключа, вашему сіятельству, милостивый государь, всегда покорнымъ слугою пребуду

Графъ Г. Орловъ.

2.

Милостивый государь мой графъ Никита Ивановичъ.

Вчерашній вечеръ мною письмо вашего сіятельства, милостиваго государя моего, получено, которое предъ Ея Императорскимъ Величествомъ и читано, но токмо ничего на оное въ отвѣтъ мною не получено; слѣдственно и вашему сіятельству, милостивому государю моему, ничего сообщить не могъ. Причина жъ была та, что Ея Императорское Величество лихорадку вчерашній день и нынѣшнюю ночь имѣла, также и теперь жаръ видѣнъ въ лицѣ и чувствителенъ вкусъ. Однакожъ приказать изволила отписать къ вамъ, что ночное положеніе изволитъ опредѣлить дня три спустя отъ нынѣшняго въ разсужденіи Великаго Князя прививанія, сказавъ при томъ, что «съ таковою головою, какую я теперь имѣю, резолюціи дать не могу». Хотя лихорадка продолжается и нынѣшнюю ночь безпокойно проводить изволила, токмо то все происшествіе намъ было извѣстно еще вчерашній день, и сей да и завтрашній день должно намъ ожидать лихорадки еще большей степени, нежели оная теперь есть. Признаки и происшествіе въ сей болѣзни, по мнѣнію Димсдаля, самые лучшіе; токмо дня на два заказано быть въ большой самой компаніи, дабы чрезъ то не умножить жаръ больше. Что̀ будетъ происходить завтра, о томъ вашему сіятельству, милостивому моему государю, сообщу, заключая жъ сіе остаюсь и пр.

1768 года, 19 Октября, въ 10-мъ часу утра.

P. S. Между симъ временемъ, доколѣ точная резолюція отъ Ея Императорскаго Величества не послѣдуетъ, представленіе персонѣ Его Императорскаго Высочества быть можетъ.

Письма барона Александра Ивановича Черкасова къ графу Никитѣ Ивановичу Панину *).

1.

Voilà, monsieur le comte, ce que je viens de recevoir dans ce moment de la part de Sa Majesté Impèriale pour vous. Elle a eu la grâce de me marquer en même tems qu'elle a très-bien dormi cette nuit pendant huit heures, quoiqu' à deux différentes reprises. Dans une heure d'ici j'espère d'envoyer à votre excellence le rapport de m-r Dimsdale, après qu'il aura été fait sa cour à Sa Majesté. Ceci je vous envoye pour ne pas perdre l'occasion d'un courrier qui part pour la ville.

Le 16 d' Octobre (1768), à 7¾ heures du matin.

2.

Теперь привезъ ѣздовой вашего сiятельства письмо, которое сего утра въ 11-ть часовъ писать изволили. Включенное сослалъ къ Ея Императорскому Величеству съ господиномъ докторомъ; потому что, за подагрою, самъ не могъ вверхъ идти. Изволила указать посланнаго вашего обратно къ вамъ отправить съ увѣдомленiемъ о ея состоянiи. Описанiе онаго на особливой страницѣ найти изволите; а къ тому могу еще прибавить то, что мнѣ господинъ докторъ теперь сказалъ: что онъ, относя ваше письмо, нашелъ Ея Императорское Величество съ такимъ градусомъ лихорадки, какого онъ въ нынѣшнемъ случаѣ желаетъ, и что все по его ожиданiю происходитъ.

Объ вчерашнемъ Его Императорскаго Высочества завтракѣ я у господина Димсдаля спрашивалъ. Онъ на сiе въ отвѣтъ написалъ, что *можно Его Императорскому Высочеству завтра обыкновенный его завтракъ кушать, а именно чай съ молокомъ и хлѣбъ безъ масла.*

За возвращенiе вчерашней цидулки и за присылку Англiйскихъ газетъ всепокорно благодарствую; послѣднiя завтра возвращу. Включаю отъ господина доктора письмо къ г. Волчкову. Пребываю и проч.

Въ четвертомъ часу пополудни въ Воскресенье,
Октября въ 19-й день 1768 года.

3.

Письмо вашего сiятельства, сегодня въ полдень писанное, я теперь получилъ. Включенное графу Григорiю Григорьевичу **) отдалъ.

---

*) Воспитанникъ Кембриджскаго университета баронъ А. И. Черкасовъ былъ президентомъ Медицинской Коллегiи.

**) Орлову.

Ея Императорское Величество, прочтя ваше къ ней письмо, изволила на оное отвѣтъ написать, который при семъ включаю.

Господинъ Димсдаль сказалъ, что онъ не находитъ, чтобъ насморкъ Его Императорскаго Высочества могъ ему помѣшать сего вечера порошекъ принять, ежели нѣтъ лихорадки, какъ вы изволите писать.

О состояніи здравія Ея Императорскаго Величества изволите увидѣть г. Димсдаля мнѣніе, сего утра писанное.

Ея Императорское Величество изволила указать вамъ сообщить, что ей угодно, чтобъ Его Высочеству оспа привита была въ Среду или Четвертокъ, ежели лихорадка у Его Высочества не продолжится. Операція сдѣлана будетъ въ Царскомъ Селѣ. Матерія взята будетъ отъ Ея Императорскаго Величества. Господинъ Димсдаль думаетъ, что лучшей матеріи найти трудно.

При семъ включаю еще письмо отъ графа Григорія Григорьевича.

Въ Понедѣльникъ, въ 20 день Октября 1768 года, въ 5-мъ часу по полудни.

4.

Милостивый государь мой графъ Никита Ивановичъ.

Ея Императорское Величество указала вамъ сообщить, что вчера изволила лечь въ 9-ть часовъ въ вечеру и опочивала, хотя съ перемежками, около десяти часовъ. Сего утра пробудилась въ 9-ть часовъ съ веселымъ духомъ. Оспа высыпала во многихъ мѣстахъ, а главнѣйшихъ три показались на челѣ. Сей фронтисписъ хотя не красивъ, но онъ здоровъ. Докторъ сказываетъ, что еслибы природная оспа ко мнѣ пришла, то бы пришла очень дурная, а теперь будетъ хорошая.

Послѣ сего мнѣ не осталось ничего прибавить какъ только поздравить ваше сіятельство съ симъ благополучнымъ для всей Имперіи происшествіемъ, пребывая и пр.

Б. А. Черкасовъ.

Въ 21 день Октября 1768.
Въ 11-ть часовъ поутру.

5.

Вчера часу въ 4-мъ пополудни получилъ вашего сіятельства письмо, вчера въ 11-ть часовъ писанное. Включенное отдалъ его сіятельству графу Орлову. Ея Императорское Величество указала было обождать отправленіемъ привезшаго ваши письма до возвращенія сюда господина Димсдаля; а потомъ, какъ я доложилъ, не укажетъ ли чего вамъ съ онымъ ѣздовымъ сообщить, указала отложить отправленіе его до сего утра, прибавивъ, что *вы, видѣвшись съ господиномъ Димсдалемъ*

вчера, можете спокойны быть, хотя и посланный вашъ не скоро возвратится.

Вчера въ вечеру Ея Императорское Величество препроводила время гораздо веселѣе, нежели въ прошедшіе передъ тѣмъ три дня и не чувствовала никакого безпокойства кромѣ слабости; но и та не весьма велика была.

Господинъ Димсдаль, осматривая вчера въ вечеру руки своихъ трехъ инокулированныхъ паціентовъ, сказалъ, что хотя такъ скоро послѣ операціи утвердить еще ничего не можетъ, однако больше думаетъ, что кромѣ Александра Ѳеодоровича ни у кого оспы не будетъ, да и о немъ не могъ еще ничего утвердительнаго сказать.

Въ 23 день Октября 1768, въ 7 часовъ поутру.

6.

Изъ Царскаго Села, Октября въ 23 день, въ 11 ч. поутру.

Ея Императорское Величество указала вамъ сообщить, что прошедшую ночь весьма покойно почивала и сего утра чувствуетъ великое передъ прежнимъ облегченіе. Оспины наливаются такъ, какъ желать можно.

Остается желать для Его Императорскаго Высочества такого же успѣха. Надѣяться онаго, думаю, великую причину имѣемъ, наипаче послѣ счастливѣйшаго опыта въ особѣ Ея Императорскаго Величества.

Газеты Англійскія при семъ прилагая, прошу всепокорно прислать, если есть еще новѣйшія.

Включенное письмо всепокорно прошу сослать къ женѣ моей.

7.

Теперь, получа вашего сіятельства письмо, въ полдень писанное, включенное въ ономъ вручилъ Ея Императорскому Величеству, на которое при семъ и отвѣтъ ея прилагаю.

Рукою графа Григорія Орлова написано:

«И я вамъ, милостивый государь мой графъ Никита Ивановичъ, мое покорное почтеніе засвидѣтельствую. Прививішій и живущій на діетѣ, однако же безъ оспы, покорный слуга».

Ваше сіятельство всепокорно прошу приказать г. Волчкову увѣдомить меня, какъ онъ скоро можетъ, кто былъ тотъ мальчикъ, отъ котораго оспа была привита Ея Величеству. А господа Димсдали не могутъ мнѣ достаточно о немъ сказать и о имени его между собою не соглашаются.

Теперь не будете, ваше сіятельство, причины имѣть мнѣ выговаривать, что посланнаго вашего долго задержалъ. Едва ли онъ имѣлъ время обогрѣться.

Въ 23 день Октября 1768 года, въ 4 часа пополудни.

8.

Вчера въ вечеру получилъ я отъ вручителя сего секретаря Матинскаго извѣстіе, что будто дѣтей камергера Шкурина въ Вульфовъ домъ не принимаютъ для прививанія безъ моего приказанія или лучше сказать не смѣютъ имъ оспу привить, не получивъ отъ меня на то повелѣнія, хотя они туда уже и отданы. Всепокорно ваше сіятельство прошу приказать онымъ дѣтямъ оспу привить, какъ скоро удобно будетъ чрезъ молодаго г. Димсдаля. Онъ по большой части за тѣмъ и отсюда по Ея Императорскаго Величества соизволенію отправленъ.

Въ 28 день Октября 1768 года,
въ 7-мъ часу поутру.

9.

Вашего сіятельства письмо, сегодня въ полдень писанное, въ надлежащее время получилъ, включенное подалъ Ея Императорскому Величеству, также и большой пакетъ. При семъ посылаю отъ Ея Величества для васъ пакетъ. Изволила указать вамъ сообщить, что немного сегодня къ вамъ писала, для того что докторъ не велитъ утруждать ея очи, впрочемъ находится въ желаемомъ здравіи. Лекарство сего утра изволила принять, а около полудня чувствовала великій апетитъ, и докторъ позволилъ кушать жаркое.

У графа Григорія Григорьевича на той рукѣ, гдѣ была оспа привита, сегодня усмотрѣны нѣсколько оспинокъ. Господинъ Димсдаль весьма тѣмъ доволенъ и увѣряетъ, что ихъ всего будетъ немного, а завтра въ 9-мъ часу, по желанію вашего сіятельства, пріѣдетъ въ Петербургъ. При семъ приказалъ васъ просить включенныя письма приказать по надписямъ сослать. Онъ третьяго дня просилъ у Ея Императорскаго Величества позволенія о успѣхѣ своемъ увѣдомить пріятелей своихъ, которое получа не сомнѣваюсь, что наполнилъ о томъ свои письма.

Изъ Царскаго Села, въ 28 день Октября 1768, въ 6 часовъ по полудни.

P. S. Въ подтвержденіе письма моего къ вашему сіятельству, сего утра въ 7 часовъ писаннаго, всепокорно прошу приказать, чтобъ молодой Димсдаль имѣлъ смотрѣніе надъ дѣтьми господина камергера

Шкурина *), коихъ трое въ Вульфовъ домъ привезены, и чтобъ до прививанія крѣпко смотрѣли, чтобъ къ нимъ отъ другихъ оспа не прилипла.

10.

Присланное сегодня отъ вашего сіятельства къ Ея Императорскому Величеству письмо немедленно вручилъ и на оное отвѣтъ при семъ включаю; также и еще два пакета, подписанные на имя князя Александра Михайловича Голицына.

Ея Императорское Величество сегодня изволила ѣздить въ каретѣ прогуливаться и находится въ вождѣленнѣйшемъ здравіи. О прививкѣ оспы Его Императорскому Высочеству послѣ завтра изволила совершенно положиться на предложеніе господина Димсдаля. Онъ донесъ, что можно оную въ Субботу поутру привить, а Ея Императорскому Величеству можно безпрепятственно того же дня послѣ обѣда въ городъ пріѣхать. Онъ къ вамъ завтра къ обѣду пріѣдетъ. Теперь привили оспу мальчику по четвертому году изъ руки графа Григорія Григорьевича.

Изъ Царскаго Села, въ 5-мъ часу по полудни, Октября въ 30 день 1768 года.

---

*) У Шкурина въ это время жилъ и съ его дѣтьми воспитывался 6-ти лѣтній Бобринскій.

ФЕРДИНАНДЪ КРИСТИНЪ И ФРЕЙЛЬНА КНЯЖНА ТУРКЕСТАНОВА.

Въ слѣдующемъ выпускѣ Русскаго Архива начнется печатаніемъ въ подлинникѣ обширная переписка между двумя названными лицами, относящаяся къ 1813—1819 годамъ и представляющая собою живую картину тогдашнихъ событій, понятій, нравовъ, образа жизни Москвы и Петербурга. Чтобы дать предварительное понятіе объ этой важной исторической лѣтописи, приводятся ниже нѣкоторыя изъ нея выдержки. Къ сожалѣнію, подлинникъ съ трудомъ поддается переводу. Кристинъ (1763—1837), бывшій дипломатическій агентъ Екатерины Великой и графа Моркова, жилъ на покоѣ въ Москвѣ; а княжна Варвара Ильинишна Туркестанова (1779—1819) помѣщалась въ фрейлинскихъ комнатахъ Зимняго Дворца. П. Б.

Княжна Туркестанова Кристину.

Петербургъ, 10 Іюля 1813.

Спѣшу заявить вамъ: вы много виноваты въ томъ, что мнѣ грустно было покинуть Москву. Очень я благодарна г-жѣ Ноазевиль *) за доставленіе знакомства съ вами; положительно это одно изъ тѣхъ знакомствъ, которое я буду поддерживать вездѣ, гдѣ бы я ни была, и мнѣ пріятно вѣрить, что разстояніе, насъ раздѣляющее, не помѣшаетъ вамъ вспоминать иногда обо мнѣ и сообщать о себѣ извѣстія, которыя всегда будутъ для меня очень дороги.

Я путешествовала настоящимъ курьеромъ; я была въ дорогѣ день и ночь. Всѣ жаловались и жалуются еще на дороги; я не нашла ихъ слишкомъ дурными; впрочемъ развѣ у насъ есть шоссе, чтобы дозволять себѣ этотъ ропотъ? По моему мнѣнію, эта дорога изъ Москвы въ Петербургъ еще очень сносна; по крайней мѣрѣ можно гдѣ нибудь остановиться. Городъ опу-

*) Жившей у княгини Анны Александровны Голицыной (ур. княжны Грузинской), супруги князя Бориса Андреевича и бабки извѣстнаго въ наши дни князя Юрія Николаевича.

стѣлъ, и мое здѣшнее помѣщенiе произвело на меня впечатлѣнiе чердака; разбираясь, я не встрѣтила въ немъ даже кошки. Я одолѣла 113 ступеней съ трудомъ и, взойдя въ свою комнату, не ощутила и половины удовольствiя, которое я испытывала, по прiѣздѣ, въ прежнее время. Не говорите объ этомъ у моей тетушки. Наконецъ, я не разсчитываю оставаться въ этомъ уединенiи и чрезъ 4 или 5 дней переселюсь на Каменный островъ; это къ княгинѣ Юсуповой, особѣ очень уважаемой, которой, можетъ быть, вы не знаете; она очень дружна со мной. На другой день моего прiѣзда прiѣхала навѣстить меня княгиня Голицына; она совершенно одна въ городѣ, ея дочери уже въ Муринѣ. Въ свою очередь я провела вчера у нея весь день. Сегодня вечеромъ я увижу графиню Строгонову. Здѣсь мало знаютъ о новостяхъ изъ армiи; Берлинская газета говоритъ о продолженiи перемирiя до Сентября: это какъ бы предостереженiе, которое стараются пустить въ публику, чтобы ее приготовить. Мнѣ кажется, вы и я знаемъ объ этомъ съ того времени, какъ мы прочли знаменитыя статьи. Съ другой стороны графиня Литта написала изъ Царскаго Села княгинѣ Юсуповой, своей сестрѣ, что получены извѣстiя о тройномъ союзѣ, заключенномъ между Австрiей, Пруссiей и Россiей для наступательной и оборонительной войны. Г-да Балашовъ, Бубна и Штейнъ подписались за три двора. Вы, болѣе меня прозорливый, быть можетъ, догадаетесь, къ чему это поведетъ! Моя дорогая княгиня Голицына любитъ помечтать и забавляется перечисленiемъ нашихъ силъ; я же затыкаю себѣ уши. Когда вспомнишь, что въ прошломъ году не было ни одного бостоннаго стола, гдѣ бы я ни видала счета нашихъ войскъ, которыя, какъ говорили, простирались до шести сотъ тысячъ человѣкъ, и потомъ были всегда мы аттакованы превосходными силами: то по неволѣ надо думать, что у насъ никогда не было столько войска, сколько говорили, или Французы имѣли солдатъ миллiонами. По этому судите, какъ ариѳметика княгини Голицыной мало убѣждаетъ меня.

*

С.-Петербургъ, 31 Iюля 1813.

Я сожалѣю о Москвѣ и очень, очень; я думаю, что слишкомъ поспѣшила ее покинуть. Изъ нея вынесла я такое расположенiе духа и сердца, которое не даетъ мнѣ возможности бывать въ обществѣ съ особеннымъ удовольствiемъ, и съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь на Каменномъ острову, то-есть въ большомъ свѣтѣ, я позволила себѣ только одинъ разъ отправиться на вечеръ къ Гурьевой *); я тамъ нашла тѣже личности, тѣже разговоры, все довольно скучное. Я желала, чтобы тамъ были менѣе любезны и не такъ веселы. Если это вамъ кажется страннымъ, не обращайте вниманiя на это; но я вамъ говорю, что мое душевное состоянiе вовсе не соотвѣтствуетъ тому, что̀ я нашла въ обществѣ. Я рада княгинѣ Натальѣ

*) Супругѣ министра финансовъ.

Петровнѣ, поселившейся у своей дочери Строгоновой, потому что у нея болѣе сочувствія моему расположенію духа. Важное дѣло, которое занимаетъ и привлекаетъ вниманіе всѣхъ въ эту минуту, это извѣстіе о прибытіи Моро въ главную квартиру, обстоятельство отъ котораго ни тепло, ни холодно, потому что я не вижу тутъ ничего особеннаго. Мнѣ кажется, что это маленькая каверза наслѣднаго принца Шведскаго, или какъ думаетъ объ этомъ г-жа Ноазевиль, что г-жѣ Моро надоѣло въ Америкѣ. Мнѣ показалось бы страннымъ, если бы онъ могъ имѣть какую-либо власть, и Бернадоту совершенно достаточно имѣть Русскихъ въ своемъ распоряженіи безъ того, чтобы еще другой сталъ вмѣшиваться.

Эмигранты, все питающіеся надеждами въ продолженіе 23 лѣтъ, утверждали мнѣ вчера, что это появленіе Моро произведетъ очень большой эффектъ во Французской арміи, что будутъ дезертировать и пр. и пр. Я взяла на себя смѣлость замѣтить имъ, что едва ли остались въ этой арміи солдаты, знающіе Моро по имени, и что у Бонапарта въ ежедневныхъ приказахъ разстрѣливаніе было лучшимъ средствомъ противъ побѣговъ. Впрочемъ забавляться споромъ съ этими господами напрасный трудъ. Говорятъ о начавшихся непріятельскихъ дѣйствіяхъ и что Австрія совершенно за насъ; но нѣтъ еще ничего оффиціальнаго. Между тѣмъ черезъ недѣлю дѣло разъяснится, и въ особенности я боюсь за случайности, которыя еще придется намъ испытать. У Наполеона противъ насъ 350 тысячъ человѣкъ, и ихъ было бы у него еще больше, если бы онъ не приказалъ одному армейскому корпусу перейти опять за Рейнъ для занятія южныхъ провинцій Франціи, которымъ очень серіозно угрожаютъ Англо-Испанцы. Дай Богъ, чтобы они туда вошли; это можетъ послужить счастливымъ началомъ для всѣхъ насъ. Наконецъ, нельзя скрывать, что у насъ въ перспективѣ борьба на смерть.

*

С.-Петербургъ, 16 Августа 1813 г.

Молодой Воронцовъ *), послѣдній, прибывшій изъ арміи, уѣзжаетъ отсюда. Удивительныя вещи разсказываетъ онъ про наши войска! Отмѣнно хорошая посадка, духъ по истинѣ превосходный. Каждый Прусакъ, говоритъ онъ, герой. Австрійцы также очень твердо стоятъ въ своемъ намѣреніи, и ихъ армія превосходна. Число союзныхъ силъ простирается до 500 тысячъ, не считая нашихъ и ихъ резервовъ. *Злодѣй* также въ силѣ; но если можно полагаться на людскіе разсчеты, то кажется, что шансы на нашей сторонѣ.

Между разными разностями, которыя разсказывалъ Воронцовъ, я не могу скрыть отъ васъ негодованія на всеобщую радость, которую производитъ

*) Будущій герой Краона и впослѣдствіи князь.

прибытіе Моро; какъ бы хорошо ни позолотили эту пилюлю, я всегда буду ощущать дурной ея вкусъ. Я не понимаю, какъ распоряжаются, чтобы такъ скоро перейти отъ безпримѣрнаго самохвальства къ столь смѣшному униженію! Быть принуждену смотрѣть на Моро, какъ на спасителя трехъ монархій, мнѣ кажется столь страннымъ, что я никогда этого не пойму.

Кристинъ княжнѣ Туркестановой.

Москва, 28 Августа 1813.

Сдѣлайте милость, скажите мнѣ все, что вы знаете о нѣкоемъ г-нѣ Сакенѣ, который подъ выстрѣломъ изъ пистолета заставилъ жену разрѣшиться отъ бремени; эта исторія распространяется здѣсь на сто ладовъ, и г-жа Толстая, родственница несчастной жертвы, разспрашиваетъ меня о подробностяхъ, которыхъ я самъ не знаю. Невозможно, чтобы это супружеское звѣрство не надѣлало шуму въ Петербургѣ. Какія были послѣдствія для палача и для жертвы?

Гдѣ Жомини, знаменитый тактикъ Жомини, слѣдующій примѣру Моро? Я вамъ говорилъ, что этотъ Моро опровергаетъ мнѣніе, которое Бонапартъ распространяетъ относительно перебѣжчиковъ. Ни одинъ Французъ не сочтетъ себя безчестнымъ, поступая такъ, какъ Моро думалъ, что онъ въ состояніи и обязанъ сдѣлать. Правда, Жомини Швейцарецъ, но тѣмъ лучше по моему мнѣнію. Правда ли, что Любекъ снова занятъ и что Датчане намъ даютъ своихъ 25 тысячъ солдатъ? Они являются не много поздно; но въ этомъ случаѣ можно сказать: лучше поздно, чѣмъ никогда.

Княжна Туркестанова Кристину.

С.-Петербургъ, 8 Сентября 1813 г.

Смерть Моро объявлена во всѣхъ газетахъ. Сожалѣніе объ немъ всеобщее. Сѣтуютъ на странность его судьбы, которая принудила его оставаться столько лѣтъ въ Америкѣ спокойнымъ въ нѣдрахъ своего семейства и которая потомъ заставила его отправиться на встрѣчу смерти, почти въ ту минуту, какъ онъ сошелъ на берегъ, и найти могилу въ Петербургѣ (куда его только-что привезли хоронить). По этому поводу я сдѣлаю для себя только одно разсужденіе: до какихъ поръ умъ человѣческій будетъ такъ надмененъ! До какихъ поръ онъ будетъ забавляться составленіемъ плановъ, устройствомъ будущности, постройками на пескѣ! Наконецъ, до какихъ поръ онъ будетъ жить самъ по себѣ, а не въ Богѣ!

Позвольте мнѣ отослать васъ, милостивый государь, къ моей тетушкѣ по поводу исторіи Сакена. Я разсказала ей все подробно; избавьте меня отъ повторенія и знайте, что молодая дама здорова, какъ нельзя лучше въ

то время, какъ я вамъ пишу. Этотъ мужъ просто сумасшедшій, и думаютъ, что голова у него свихнулась уже давно.

С.-Петербургъ, 28 Сентября 1813.

Все, что вы говорите о Вандамѣ, прекрасно; я сообщила все это графинѣ Строгоновой, потому что я знала, что это ей очень пріятно. Итакъ мы прочли это письмо вмѣстѣ, и потомъ она пожелала, чтобы я снова прочла его еще у княгини Натальи Петровны, которой точно также оно понравилось. Всѣ эти чтенія мнѣ доставили случай говорить о писавшемъ. Я часто бываю недовольна, что васъ нѣтъ въ Петербургѣ не столько за себя, сколько за васъ: мнѣ кажется, что вамъ не отдаютъ въ Москвѣ должной справедливости и что тамъ не знаютъ вамъ настоящей цѣны. Это не отъ того, чтобы не было тамъ хорошихъ людей, не отъ того, чтобы не было тамъ мнѣнія; но я отрицаю въ Москвичахъ извѣстную тонкость вкуса.

Тѣло Моро привезли, его поставили въ Царскомъ Селѣ въ католической церкви; въ здѣшнемъ костелѣ приготовляется катафалкъ подъ наблюденіемъ Гваренги; когда все будетъ готово, его привезутъ и будетъ торжественная служба съ большой музыкой. Отецъ Розавенъ, іезуитъ, приготовляетъ надгробное слово; онъ образованъ, очень краснорѣчивъ; мы услышимъ что онъ скажетъ. Если я отправлюсь на церемонію, то единственно ради надгробнаго слова. Я думаю, что Моро будетъ похороненъ насупротивъ Польскаго короля, ибо я не знаю, гдѣ бы его положили въ другомъ мѣстѣ. Полковникъ Рапатель, его адъютантъ, пріѣхалъ съ тѣломъ; онъ былъ очень привязанъ къ его особѣ, сопутствовалъ ему во всѣхъ его походахъ, былъ съ нимъ въ Америкѣ, наконецъ никогда не оставлялъ его; сожалѣнія его очень живы и все, что онъ говоритъ о потерѣ, только-что имъ понесенной, показываетъ въ немъ человѣка съ чувствомъ. Государь назначилъ его своимъ адъютантомъ.

Кристинъ княжнѣ Туркестановой.

Москва, 9 Октября 1813 г.

Это благополучіе имѣть хорошую квартиру, и я наслаждаюсь имъ вполнѣ; потому что у меня одно изъ прекрасныхъ помѣщеній въ Москвѣ, очень чистое, очень хорошо меблированное и содержимое съ большою заботливостью. Будьте также увѣрены, что меня навѣщаютъ дамы, и небольшая болѣзнь, удерживающая меня дома, привела вчера ко мнѣ обѣдать г-жу Лобкову *) съ нѣкоторыми другими дамами. Между нами, я навѣрно думаю, что это скука, замаскированная благотворительностью; но я вѣжливъ и не показываю вида, что я догадался.

---

*) Анну Ивановну, мать С. А. Соболевскаго.

У насъ, въ Москвѣ, новая красавица, о которой нѣсколько поговорили: это молодая жена г-на Валуева-сына *); она—Ливонка, очень свѣжая, высокая, съ хорошимъ цвѣтомъ лица, съ прекрасными глазами, у ней пріятная рѣчь и много наивности; но здѣсь она скучаетъ, потому что она не любитъ даже гранъ - пасьянса, тѣмъ болѣе сплетенъ, какъ она говоритъ. Я васъ спрашиваю, какой образъ жизни избрали бы вы, если бы вамъ предоставили устроиться по своему желанію, такъ какъ общество въ двадцать особъ и триктракъ съ добрымъ старикомъ герцогомъ Полиньякомъ вамъ кажутся слишкомъ скучными? Вы такъ хорошо созданы для общества, что стараться отнять васъ у него было бы настоящимъ смертоубійствомъ. Уединеніе, чтеніе, обращеніе мыслей къ Богу содѣлываютъ, по моему, благополучіе дня; но вечеромъ въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, небольшое общество, подновляя мысли, оживляя умъ и сохраняя его расположеніе, необходимое для знакомства съ превратностями жизни, дѣйствуетъ очень хорошо.

Княжна Туркестанова Кристину.

Петербургъ, 6-го Октября 1813.

Мое помѣщеніе, состоящее изъ трехъ комнатъ, благодаря новому паркету, устроенному камину, перекрашенной заново драпировкѣ, возвратившейся отъ Казимира Верда мебели, приняло видъ свѣжести, плѣняющей взоры всѣхъ; въ особенности глаза моихъ собесѣдниковъ глядятъ на него съ настоящей завистью. Необыкновенная чистота, царствующая въ немъ, своего рода порядокъ во всѣхъ моихъ пожиткахъ, все это представляетъ его въ очаровательномъ видѣ. Я устроила для себя одинъ небольшой уголокъ, въ которомъ помѣстила очень удобное вольтеровское кресло съ небольшимъ столомъ напротивъ и этажерку съ боку, на которой положены мои книги; это нѣчто очень комфортабельное, какъ говорятъ Англичане. Всѣ мои утра я провожу въ этомъ уголкѣ и если захотите немного поискать меня, то навѣрное вы найдете меня тамъ. Я отказалась отъ прогулокъ, это кончено: невозможно подниматься по этимъ ужаснымъ лѣстницамъ въ нѣсколько пріемовъ; нужно ограничиться галлереями Эрмитажа. Сверхъ того вотъ очень точное распредѣленіе всей моей недѣли. Въ Понедѣльникъ я обѣдаю дома; у меня бываетъ супъ, котлета, яйца и рюмка портвейну; потомъ я занимаюсь письмомъ почти весь день; вечеромъ, т. е. въ 9 часовъ, я отправляюсь къ княгинѣ Голицыной. Во Вторникъ нѣтъ ничего опредѣленнаго для обѣда: я могу отправляться искать его въ какомъ-нибудь домѣ, гдѣ не бываю часто; вечеромъ возвращаюсь домой. Въ Среду обѣдаю у графини Строгановой, а ужинаю у ея матери. Въ

*) Мать министра нашихъ дней, графа Петра Александровича, урожденная фонъ деръ Бринкенъ, во 2-мъ бракѣ Фелькерзамъ.

Четвергъ обѣдаю у княгини Юсуповой, а вечеръ провожу у г-жи Гурьевой. Въ Пятницу обѣдаю у княгини Голицыной, а такъ какъ въ этотъ день она еще приглашаетъ гостей къ ужину, то я ускользаю оттуда и возвращаюсь въ свой уголокъ. Въ Субботу обѣдаю у графини Литта, тамъ играю въ бостонъ, а вечеромъ отправляюсь къ княгинѣ Натальѣ Петровнѣ. Въ Воскресенье еще разъ обѣдаю у княгини Голицыной и вечеръ провожу у г-жи Гурьевой. Вы видите, что есть два дня въ недѣлѣ для особъ, съ которыми въ особенности я предпочитаю видѣться, т. е. для моей доброй княгини, для графини Строгановой и для дома Гурьевыхъ; замѣтьте хорошенько домà, потому что это не столько для самой г-жи Гурьевой, сколько для добрыхъ друзей, съ которыми я тамъ встрѣчаюсь.

Нѣсколько дней тому назадъ похоронили Моро. Я не ѣздила на церемонію. Слишкомъ критикуютъ надгробное слово; но у этого преподобнаго было такъ мало желанія готовиться къ нему, и онъ навѣрно не говорилъ бы, если бы предвидѣлъ подобную критику. Этотъ отецъ Розавенъ человѣкъ умный; но мнѣ не было удивительно, что онъ не имѣлъ успѣха, потому что предметъ для разсужденія былъ очень труденъ. Полковникъ Рапатель пришелъ навѣстить меня; онъ плачетъ, говоритъ вещи очень трогательныя о своей привязанности къ Моро, но въ тоже время вещи очень странныя о томъ, что̀ происходитъ въ арміяхъ. Кажется, что онъ не предвидитъ, что все это скоро кончится.

Петербургъ, 20 Октября 1813.

Теперь бываю дома не въ Понедѣльникъ, а по Вторникамъ; эта перемѣна произошла отъ того, что я приняла должность въ Дамскомъ благотворительномъ обществѣ: я помощница г-жи Новосильцевой (урожденной Орловой). Такъ какъ у ней оказались двѣ довольно отдаленныхъ квартиры для бѣдныхъ, то она препоручила мнѣ одну изъ нихъ. Эти объѣзды должны происходить по Понедѣльникамъ, и въ тотъ же день я представляю свой отчетъ Новосильцевой, которая въ свою очередь представляетъ его каждую Среду въ Совѣтъ. Такимъ образомъ я устроилась съ каретой г-жи Новосильцевой, которая меня просила пріѣзжать къ ней обѣдать въ эти дни разъѣздовъ.

Она добрая особа; выѣзжаетъ въ свѣтъ немного, для своего сына живетъ у іезуитовъ и принимаетъ только нѣкоторыхъ отцовъ съ людьми подобнаго рода, какъ г-нъ де-Местръ. Итакъ я сегодня ѣду туда и вечеромъ вернусь къ себѣ домой, чтобы окончить мою корреспонденцію. Вчера я была у графа Моркова, о которомъ я знала, что онъ немного боленъ. Онъ принялъ насъ превосходно; было около двухъ часовъ; онъ только что всталъ съ постели; у него былъ небольшой насморкъ; я впрочемъ нашла его въ лицѣ здоровымъ и въ особенности очень любезнымъ. Онъ былъ очаро-

вателенъ, много смѣялся надо мною, сравнивалъ меня съ Амбруазомъ Ламела, но вообще такъ, что не производилъ другаго дѣйствія, кромѣ смѣха. Я просила видѣть его дочь, которая тотчасъ пришла; я была съ ней очень любезна, и отецъ благодарилъ меня за это. Онъ кончилъ приглашеніемъ насъ обѣдать у него завтра или въ Среду; у него бываетъ общество г-жи Гурьевой. Послѣ этого я не знаю, что̀ онъ сдѣлаетъ съ г-жою Гюсъ, которая не явилась вчера и не бываетъ всякій разъ, когда пріѣзжаетъ туда г-жа Гурьева. Я вамъ разскажу объ этомъ обѣдѣ, когда онъ состоится; но теперь скажу вамъ, какъ всегда, что я очень люблю вашего старика и желаю отъ души, чтобы онъ увѣровалъ въ Іисуса Христа. Боже мой, Боже мой! онъ еще философъ!

Кристинъ княжнѣ Туркестановой.

Москва, 30 Октября 1813 г.

Видѣли вы въ газетѣ, что Французскіе принцы присутствовали на панихидѣ, которую г-жа Моро заказывала въ Лондонѣ за упокой своего мужа? Это обстоятельство доставило мнѣ удовольствіе, какъ послѣ побѣды. Возвратятся ли наконецъ къ истиннымъ и основнымъ началамъ? Они одни въ состояніи возстановить прочный миръ, потому что онъ былъ бы основанъ на справедливости. Если земные цари хотятъ царствовать въ мирѣ, необходимо, чтобы они перестали одобрять захваты и чтобы они улучили первую минуту, въ которую они получатъ обратно свободное пользованіе своимъ могуществомъ и волей, чтобы доказать, что только одна сила обстоятельствъ могла заставить ихъ временно оставить домъ Бурбоновъ. Людовикъ XVIII точно также законный король Франціи какъ и Фридрихъ король Пруссіи, и нельзя не чувствовать необходимости поддерживать этого послѣдняго на его тронѣ, не восходя къ причинѣ, по которой думали того низвергнуть. Если бы священный союзъ монарховъ образовался въ 1792 г. для Людовика XVI, война ограничилась бы Франціей и не опустошала бы всей Европы въ продолженіи 20 лѣтъ. Потеряли изъ виду принципъ, и все было сокрушено. Нужно было изнеможеніе и отчаяніе народовъ, чтобы направить монарховъ на истинный путь; эта истина очень замѣчательна и будетъ поставлена въ исторіи какъ одинъ изъ необыкновенныхъ фактовъ, которыхъ міръ былъ свидѣтелемъ.

*

Москва, 5 Ноября 1813 г.

Побѣда дѣлаетъ насъ совершенно великодушными. Этотъ Вандамъ, котораго мы сначала считали за разбойника, сдѣлался неожиданно очень любезнымъ человѣкомъ, котораго видятъ съ удовольствіемъ, принимаютъ, приглашаютъ и чествуютъ. Уже нѣтъ рѣчи о томъ, что онъ сказалъ сегодня одно,

а въ другомъ мѣстѣ завтра другое; онъ говоритъ какъ книга, ѣстъ какъ голодный и всѣ эти удовольствія доставляетъ нашимъ добрымъ Москвичамъ. Меня приглашали на обѣдъ съ нимъ; я отказался и признаюсь вамъ, что я не ощущаю въ себѣ столь нѣжнаго сердца, какъ тѣ, которые такъ легко прощаютъ всѣ бѣды и несчастія, причиненныя этой проклятой Богомъ ордой, часть которой составляетъ Вандамъ. Чтò я буду дѣлать возлѣ такого человѣка? Мнѣ было бы невозможно слушать, какъ онъ будетъ хвастаться подвигами своего господина и молчать; сказать ему, что этотъ господинъ и тѣ, которые ему служатъ—висѣльники, было бы съ моей стороны подлостью противъ плѣнника, который не можетъ отвѣчать или отмстить за себя. И такъ нужно его избѣгать, и это я дѣлаю старательно. Между тѣмъ вчера я писалъ графинѣ Толстой, что если она, по своемъ возвращеніи, дастъ ему обѣдъ, то я пріѣду. Вчера вечеромъ я выдержалъ большой диспутъ противъ Вандама съ людьми, порицающими меня за то, что я отличаюсь отъ другихъ, не желая его видѣть. „Знаете ли вы", говорилъ мнѣ одинъ богачъ, котораго вы, можетъ быть, угадаете, „что у него полмилліона дохода?"—„Онъ могъ бы имѣть болѣе", возразилъ я, „если бы ему позволили дѣлать въ Россіи то, чтó онъ сдѣлалъ въ другихъ мѣстахъ; онъ пріобрѣлъ это состояніе посредствомъ злодѣйствъ и на счетъ честныхъ людей, и это дѣлаетъ его въ тысячу разъ ненавистнѣе въ моихъ глазахъ".—„Удивительный человѣкъ!" вотъ что мнѣ отвѣчали, пожимая плечами. Можно ли вѣрить, что счастіе разбойника внушаетъ къ нему уваженіе! Потому что разбойникъ былъ счастливъ, менѣе ли онъ сталъ разбойникомъ? Пугачовъ былъ бы также очень богатъ, если бы не успѣли его захватить.

*

Москва. Воскресенье, 16 Ноября 1813 г.

Вчера и сегодня я былъ на большихъ обѣдахъ, утомившихъ меня. Ихъ даютъ князю Барятинскому, который привезъ намъ довольно хорошенькую жену. Она глядитъ кроткой, любезной и очень хорошаго общества. Что касается до самого князя, котораго я не видалъ лѣтъ 18, то я съ трудомъ его узналъ, и какъ я видѣлъ, что это было съ обѣихъ сторонъ, то попробовалъ сказать ему слѣдующій стихъ Пирона: La Parque à la sourdine a diablement filé. (Парка втихомолку дьявольски напряла).

Но къ чему напоминать людямъ, что они были моложе и красивѣе теперешняго? Нужно поступать съ другими такъ же, какъ и съ самимъ собой: воображать себя въ 50 лѣтъ, чѣмъ былъ въ 30 и ни на что не обращать вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, князь Барятинскій похожъ на прекраснаго Клеона. Онъ проведетъ зиму здѣсь. Его жена Нѣмка, племянница графа Витгенштейна.

Вся Москва сегодня вечеромъ въ театрѣ Познякова; я вамъ сказалъ, что я также поѣду, но у меня нѣтъ уже охоты и надобности въ развлеченіи,

и этотъ вечеръ я остаюсь дома и беру ванну, чтобы уничтожить крапивную лихорадку, возвращающуюся безпрестанно. Когда находишься въ хорошемъ расположеніи духа, чувствуешь желаніе быть совершенно здоровымъ: вотъ почему я купаюсь въ то время, какъ поютъ про дерево Діаны на другомъ концѣ улицы.

Княжна Туркестанова Кристину.

С.-Петербургъ, 10 Ноября 1813.

Въ послѣдній разъ какъ я сопровождала императрицу Елисавету на прогулкѣ, мы проходили мимо дома графа Моркова, и по этому случаю я имѣла возможность вставить доброе слово о дочери и объ немъ. Императрица спросила меня, хорошенькая ли она, какова она лицомъ и пр. и проч. Я отвѣчала на все очень выгодно для дочери; потомъ мы говорили о матери, и я сказала, что я никогда ея не видала. Объ этомъ графу не сказала я ничего, очень просто, потому что я забыла это; но когда-нибудь, со временемъ, я предполагаю сообщить ему объ этомъ, какъ о вещи впрочемъ очень обыкновенной, но которая, какъ я полагаю, можетъ доставить ему удовольствіе. Все, что̀ я вамъ сообщала о графѣ Толстомъ *), пошло прахомъ. Сенъ-Сиръ возвратился въ Дрезденъ именно потому, что онъ не могъ пробиться. Молодой Гурьевъ писалъ своимъ роднымъ, что войска, расположенныя вокругъ города, помѣшали этому выходу, что онъ принужденъ былъ возвратиться по своимъ слѣдамъ, что онъ окруженъ и что начнутъ блокаду Дрездена. У насъ былъ курьеръ отъ 20, который сообщаетъ, что наша главная квартира была въ этотъ день въ Мейнингенѣ, а вчера Берлинская газета объявляетъ ее уже во Франкфуртѣ. Нѣсколько козаковъ перешли Рейнъ и навели ужасъ. Генералъ Вреденъ бился три дня, чтобы войти во Франкфуртъ; Платовъ пришелъ къ нему на помощь; непріятель принужденъ былъ уступить, и городъ былъ занятъ. Лордъ Веллингтонъ очень доволенъ жителями юга Франціи; было объ этомъ донесеніе въ Лондонъ, и г-нъ Бардаки разсказываетъ объ немъ всѣмъ. Наконецъ, все идетъ повидимому хорошо и, кажется, что можно себя льстить надеждою, что мы подходимъ къ концу этой страшной войны. Я получила извѣстія отъ моихъ Вѣнскихъ сестрицъ: онѣ мнѣ сообщаютъ о блистательномъ пріемѣ, сдѣланномъ графу Остерману. Въ самый день его прибытія къ нему пріѣхали съ визитомъ эрцгерцогъ Карлъ, потомъ пріѣхали всѣ остальные принцы. На другой день всѣ спѣшили въ Пратеръ его посмотрѣть, на него показывали пальцами и громко говорили: это графъ Остерманъ, который съ Русской императорской гвардіей спасъ Богемію при Кульмѣ. Нѣсколько дней спустя, онъ былъ въ театрѣ и

---

*) Графѣ Петрѣ Александровичѣ.

какъ только онъ появился въ своей ложѣ, ему апплодировали въ продолженіе болѣе десяти минутъ, такъ что пьеса была прервана. Словомъ, ему расточали доказательства уваженія. Вы поймете, какъ это дѣлаетъ его счастливымъ и какъ онъ утѣшился, что очутился безъ руки. Онъ пробудетъ зиму въ Вѣнѣ и мои сестры также.

Кристинъ княжнѣ Туркестановой.

Москва, 20 Ноября 1813 г.

Князю Барятинскому изъ Германіи пишутъ, что на графа Остермана смотрятъ тамъ, какъ на втораго Леонида. Положительно, онъ спаситель Богеміи; онъ сталъ имъ вслѣдствіе своего геройскаго подвига, и важность этого дня нельзя опредѣлить, потому что если бы проходы въ Богемію были заняты непріятелемъ, сраженіе, въ которомъ Вандамъ былъ взятъ и разбитъ, на другой день не имѣло бы смысла или успѣхъ былъ бы совсѣмъ не тотъ. Положеніе Кульма казалось Бонапарту столь важнымъ, что онъ три раза самъ лично рвался въ аттаку, послѣ того какъ все уже было кончено. Желающіе умалить заслугу Остермана, ссылаются на значеніе мѣстоположенія; но имѣя только 8000 человѣкъ, въ продолженіе 12 часовъ, онъ выдержалъ весь натискъ непріятеля, въ пять разъ сильнѣйшаго. Неужели это возможно на открытомъ полѣ, гдѣ непріятель имѣлъ бы полную возможность маневрировать и окружить его? Я очень любилъ Тучкова, а между тѣмъ мнѣ почти не было жаль его, когда я узналъ, что онъ, чтобы повредить князю Багратіону, былъ одною изъ причинъ Бородинскихъ несчастій. Я очень радъ, что клеветы на графа Толстаго сами собой рушились, по возвращеніи Сенъ-Сира. Но вамъ, какъ женщинѣ, не болѣе меня понимающей въ военныхъ дѣлахъ, сейчасъ предложу вопросъ, который, можетъ быть, людямъ свѣдующимъ покажется смѣшонъ, но который, мнѣ кажется, для здраваго смысла очень простъ. Послѣ того какъ Сенъ-Сиръ вышелъ изъ Дрездена, зачѣмъ Толстой не вошелъ туда, чтобы запереть Сенъ-Сиру ворота на случай возвращенія, которое по военнымъ диспозиціямъ должно было предвидѣть или предполагать? Заняли бы городъ и когда Сенъ-Сиръ воротился бы, сражались бы подъ его стѣнами. Можетъ быть этотъ вопросъ нелѣпъ, но онъ представляется самъ собою.

Я прочелъ очень любопытную статью, доставленную изъ Германіи и которую навѣрно не напечатаютъ ни въ одной изъ нашихъ газетъ; это страшная и язвительная критика Бонапарта, направленная на Шведскаго наслѣднаго принца, въ которой онъ припоминаетъ происхожденіе и жизнь Бернадота со времени вступленія его въ службу до настоящаго времени. Я не рѣшусь высказать вамъ, что онъ нашъ вѣрный союзникъ, и поэтому нужно его уважать; но эта статья замѣчательно сильна и конечно заключаетъ въ

себѣ поражающія истины; во всякомъ случаѣ неприличный тонъ, которымъ она написана, очень хорошо доказываетъ происхожденіе всѣхъ этихъ Бонапартовъ съ компаніей. Становится очень яснымъ, что рекрутъ есть жертва, обреченная надменности тирана безъ пользы отечеству, и наконецъ должно думать, что Французы послѣдуютъ примѣру Германцевъ и обратятся противъ притѣснителя ихъ страны. Мнѣ кажется, что это должно быть такъ, тѣмъ болѣе, что нельзя разумно надѣяться на что-либо хорошее во Франціи отъ новаго національнаго усилія. Люди разсудительные поймутъ эту крайность и поступятъ благоразумно, что̀ и погубитъ Бонапарта и возвратитъ Бурбоновъ. Если случится эта реставрація, я роскошно освѣщу домъ Моркова, даже если бы мнѣ пришлось сдѣлать какъ графъ Каменскій въ Орлѣ по случаю побѣды при Лейпцигѣ: не найдя въ продажѣ достаточно плошекъ, онъ вздумалъ закупить 1500 банокъ помады, въ которыя положилъ вату вмѣсто фитилей, такъ что иллюминація была на флердоранжѣ, резедѣ, ванили и пр. и проч. Не правда ли, это великолѣпно!

Княжна Туркестанова Кристину.

С.-Петербургъ, 17 Ноября 1813 г.

Въ послѣдній разъ я вамъ говорила объ очень печальномъ настроеніи духа, въ которомъ я находилась; оно еще немного продолжается, но не такъ сильно. Я не могу отъ васъ скрыть, что прекрасная обѣдня, слышанная у князя Голицына, Синодскаго, въ прошедшую Среду, и часъ разговора съ нимъ меня подняли снова. Если бы я имѣла возможность видѣть его чаще, мое уныніе разсѣялось бы скоро; но онъ не бываетъ у меня, а для свиданія съ нимъ мнѣ всегда нужно отправляться отыскивать его въ обществѣ, гдѣ я иногда имѣю непріятность не встрѣтить его. Онъ часто бываетъ нелюдимымъ, живетъ самъ съ собою; впрочемъ въ этомъ положеніи я сама нахожусь частію по системѣ, а больше по обстоятельствамъ. Положительно я считаю себя въ числѣ душъ, о которыхъ говоритъ Шатобріанъ, осужденныхъ на вѣчное вдовство, нравственное вдовство, и притомъ съ внутреннимъ сознаніемъ, что имѣешь въ высшей степени способность любить и даже съ пыломъ. Однакожъ остерегайтесь сожалѣть меня; въ особенности остерегайтесь слишкомъ разнѣжить меня: вы мнѣ повредите.

Ваше поведеніе относительно Вандама я нахожу очень похвальнымъ и прекраснымъ; мнѣ досадно смотрѣть на нашихъ Русскихъ, какъ они превратно разсуждаютъ. Примѣръ правителя въ подобномъ случаѣ не можетъ и не долженъ имѣть вліянія, потому что есть, можетъ быть, причины вести себя такъ, какъ онъ поступаетъ; другіе могутъ не имѣть никакой. Совсѣмъ не на пеплѣ Москвы должно угощать Вандама; видѣть его—порокъ, его приглашать—ужасъ. Я такъ была довольна всѣмъ, что̀ вы сказали по этому поводу, что вечеромъ,

бывъ у княгини Натальи Петровны, я прочла ваше письмо ей и графинѣ Строгоновой. Обѣ онѣ были удивлены и положительно одного со мною мнѣнія о Москвичахъ.

Меньшой Строгоновъ написалъ своей матери, что Швейцарія объявила себя на сторонѣ союзниковъ; но объ этомъ такъ часто говорили, что нельзя полагаться на эту новость. Кстати о Швейцаріи, у насъ здѣсь есть нѣкто г-нъ Галатенъ, уроженецъ этой страны, но поселившійся въ Америкѣ съ правомъ туземца. Онъ и г-нъ Баяръ повѣренные Соединенныхъ Штатовъ при нашемъ дворѣ. Я его встрѣчаю у княгини Голицыной. Г-нъ Галатенъ человѣкъ умный, съ познаніями; но его платье изъ матеріи въ родѣ чернаго атласа, манера его одѣваться и нѣкоторыя фразы, которыя я слышала какъ онъ произносилъ, заставляютъ меня смотрѣть на него какъ на члена собранія нотаблей, бывшаго во Франціи въ 1789 году; я почти готова держать пари, что я видѣла лицо и платье г-на Галатена на имѣющихся у насъ гравюрахъ вышесказаннаго собранія. Развѣ г-жа де-Ноазевиль не говоритъ вамъ про него?

*

С.-Петербургъ, 20 Ноября 1813.

Третьяго дни я провела вечеръ съ графомъ Морковымъ у г-жи Гурьевой; бостона не было, и волею или неволею нужно было заняться разговоромъ. Я начала его предметомъ, очень меня занимающимъ; я ему проповѣдывала истину, что должно или вѣрить въ Іисуса Христа, или не называться христіаниномъ; онъ мнѣ дѣлалъ нелѣпыя возраженія, но впрочемъ не шутки. Увы! не мнѣ обращать его; но я страстно желаю, чтобъ онъ могъ быть тронутъ истиною, потому что я очень искренно полюбила его и желаю ему сколько нибудь успокоиться, чего онъ не можетъ достигнуть въ этомъ мірѣ при его образѣ мыслей. Я не могу отъ васъ скрыть, что онъ у меня спросилъ, разсуждали ли мы съ вами объ этомъ предметѣ и довольна ли я вашей собственной религіей? Мнѣ казалось, что, задавая мнѣ этотъ вопросъ, онъ хотѣлъ мнѣ сказать, что у васъ слишкомъ много вѣры въ его смыслѣ; но я ему отвѣчала, что я не говорила съ вами и что мы будемъ разсуждать объ этомъ предметѣ не иначе какъ при нашемъ свиданіи.

Кристинъ княжнѣ Туркестановой.

Москва, 1 Декабря 1813.

Я убѣжденъ, что напрасны ваши труды и старанія обратить графа Моркова; но завѣряю васъ, что вы не поняли, что̀ онъ сказалъ на мой счетъ и что онъ хотѣлъ вамъ сказать совсѣмъ противоположное тому, что̀ онъ, повидимому, выразилъ. Очень хорошо знаетъ онъ, что я вѣрую и даже что эта вѣра

твердая; объ этомъ предметѣ мы когда-то много разсуждали, но это не повело ни къ чему ни съ той, ни съ другой стороны. Скажу вамъ, что если эта вѣра когда - либо подвергалась какой опасности, такъ это вслѣдствіе экзальтаціи, которую нѣкоторыя личности нашли секретъ утвердить въ моей головѣ и даже иногда въ моей душѣ. Всего ожидалъ я отъ религіи, ожидалъ я отъ нея утѣшеній и даже *удовлетвореній* и *ощутительныхъ* радостей, въ которыхъ нуждалась моя душа; думалъ я иногда овладѣть ими; въ своемъ воображеніи я восходилъ до высшей степени и когда я достигалъ, мнѣ приходилось испытывать физическое волненіе, соотвѣтствующее нравственному потрясенію, и несмотря на мои твердыя намѣренія, мои пламенныя молитвы и на помощь друзей, направлявшихъ меня, я кончалъ грубымъ проступкомъ, сводившимъ меня на землю, доказывая мнѣ, что я не иное что̀, какъ слабый человѣкъ. Я былъ въ отчаяніи; но одно обстоятельство меня удивляло безконечно: это полное снисхожденіе моихъ руководителей, смотрѣвшихъ на эти паденія, какъ на грѣшки, и считавшихъ необходимымъ приписать ихъ діаволу, а не мнѣ, увѣряя меня, что я долженъ былъ начать дѣло снова, что̀ я и не переставалъ дѣлать до новаго паденія. Я вамъ признаюсь, что этотъ неизсякаемый источникъ снисхожденія заставлялъ меня думать, и я пришелъ къ заключенію, сказавъ себѣ, что изъ меня хотятъ сдѣлать что-то въ родѣ преданнаго сектанта, и при томъ безъ моего вѣдѣнія, но что такъ какъ среди стольких упражненій въ набожности, утомлявшихъ мою голову, мнѣ позволяли также быть грѣшникомъ, насколько мои дурныя наклонности требовали этого отъ моей слабости, то я могъ безъ нарушенія совѣсти возвратиться къ религіи чистымъ и простосердечнымъ и вести себя какъ повелѣваетъ Евангеліе и какъ предписываетъ церковь, не ища идеальнаго совершенства. Вы болѣе или менѣе находитесь подъ тѣмъ же обаяніемъ, въ какомъ былъ я (при паденіяхъ, по крайней мѣрѣ такихъ же, какъ мои), и вы увидите впослѣдствіи, на сколько малъ успѣхъ нѣкоторыхъ усилій и нѣкоторыхъ попытокъ. Теперь навѣрно вы совсѣмъ мнѣ не повѣрите; но я этого ожидаю чрезъ нѣсколько лѣтъ. Остерегайтесь людей, которые во имя спасенія въ будущей жизни хотятъ всѣмъ руководить въ этой жизни. Будемъ поступать хорошо и оставимъ въ покоѣ другихъ. Во всякомъ случаѣ будемъ уважать тѣхъ и постараемся подражать тѣмъ, которые соединяютъ примѣръ съ правиломъ; ибо тѣмъ, кто проповѣдуетъ строгую нравственность и заботится объ удобствахъ жизни, я не придаю никакого значенія.

Итакъ вы избѣгаете этихъ шумныхъ вечеровъ; я вспоминалъ о васъ третьяго дня у Натальи Абрамовны. Всѣ остатки Москвы собрались въ ея гостиной по приглашенію. 10 столовъ бостона, одинъ—макао въ 17 женщинъ, и ни одного мужчины. Къ ужину осталось только 30 человѣкъ, 27 женщинъ и трое мужчинъ, изъ которыхъ я былъ самымъ свѣжимъ. Таковъ бѣдный городъ Москва въ то время, какъ всѣ наши воины на Рейнѣ.

Мнѣ очень бы хотѣлось имѣть возможность сопровождать г-жу де-Ноазевиль, когда она отправляется къ вамъ проводить вечера. Ахъ, Боже мой, да, это невозможно ѣхать мнѣ зимой въ Петербургъ; я все очень хорошо расчиталъ: это будетъ мнѣ стоить 1500 рублей и разоритъ меня. Съ мѣсяцъ тому назадъ я сильно покушался отправиться въ Петербургъ проѣсть нѣсколько десятинъ лѣсу, которыя я только-что продалъ въ моей небольшой подмосковной; но разсудокъ кричалъ мнѣ въ уши: тебѣ 50 лѣтъ; если ты проѣшь свой капиталъ, ты умрешь въ нуждѣ (чего я ужасаюсь).

Я уступилъ печальной необходимости и купилъ 9 хорошихъ мужиковъ, которыми я увеличилъ свою деревню; въ будущемъ году она дастъ мнѣ дохода больше. Девкаліонъ дѣлалъ людей изъ камней, а я ихъ дѣлаю изъ лѣсу; этотъ лѣсъ не даетъ мнѣ ничего, а мои 9 мужиковъ съ 11 бабами надѣлаютъ мнѣ дѣтей, сѣна, овса, а въ будущемъ году я повторю туже операцію, и моя деревня, которая въ настоящее время въ 35 душъ, будетъ въ 45, и такъ далѣе; потому что у меня много земли и мало рукъ. Вы скажете мнѣ: къ чему всѣ эти заботы? вы одинокій старикъ; но я возражу вамъ, что это точно, я старикъ и больной; но я хочу имѣть небольшую обезпеченную независимость въ моей немощной старости; это мнѣ поможетъ переносить невзгоды, наступающія съ лѣтами; я не умру на попеченіи другихъ, у меня будетъ кое-что̀, чтобы оставить послѣ себя. Это очень пріятное утѣшеніе въ смерти, потому что душа желаетъ пережить себя, я это сознаю.

*

Москва, 8 Декабря 1813.

Сейчасъ въ числѣ сорока отправляюсь обѣдать къ новому ресторатору, недавно поселившемуся на Кузнецкомъ Мосту; князь Юрій Долгорукій, его покровитель, устроилъ этотъ обѣдъ, въ которомъ примутъ участіе мущины и женщины, по десяти рублей съ каждаго. Говорятъ, что это должно быть прелесть; увидимъ. По Воскресеньямъ происходитъ драка у дверей г-на Познякова, чтобы видѣть его оперу, о которой отзываются хорошо, но я безъ предубѣжденія нахожу ее отвратительною; я молчу, потому что меня сочтутъ хулителемъ Москвы, гдѣ согласились, что все должно быть превосходно съ тѣхъ поръ, какъ ее очистили сквозь огонь. Я сдѣлалъ ужасную ошибку: сдалъ домъ графа Моркова для дворянскаго клуба, не выговоривъ себѣ никакого обезпеченія на случай пожара, потому что должно было сдать его такъ, или совсѣмъ не сдавать.

Я переписывался съ хозяиномъ дома объ этой статьѣ; его отвѣтъ замедлилъ, и я заключилъ условіе наканунѣ полученія его отказа. Я только-что подробно изложилъ мои резоны, которые считаю основательными и заслуживающими уваженія; поговорите ему немного объ этомъ, чтобы увидѣть, что̀ онъ

думаетъ о моей смѣлости. Но въ особенности молите Бога, чтобы не сгорѣлъ домъ; ибо, обремененный этой отвѣтственностью, навѣрно я скорѣе самъ себя сожгу, чѣмъ переживу бѣду.

*

Москва, 15 Декабря 1813.

На прошедшей недѣлѣ я былъ очень нездоровъ, между тѣмъ 12-го я отправился въ Дворянское Собраніе; балъ былъ прекрасный, и я испытывалъ истинное удовольствіе при видѣ, что Москва все же показала себя. Эта музыка, пѣсни, туши, за ужиномъ здоровье Императора стоя, произвели во мнѣ пріятное возбужденіе; не одинъ я былъ растроганъ, даже старуха г-жа Архарова, когда пила это здоровье, перекрестилась и заплакала; я готовъ былъ ее обнять за это.

Княжна Туркестанова Кристину.

С.-Петербургъ, 14 Декабря 1813.

Князь Голицынъ удивительный человѣкъ; я не знаю, хорошо ли вы знали его прежде, но онъ былъ совсѣмъ не таковъ какъ въ настоящее время: онъ положительно былъ рабомъ свѣта и всѣхъ пороковъ, встрѣчающихся въ немъ; вотъ уже два года какъ онъ совсѣмъ перемѣнилъ образъ жизни, и въ настоящую минуту нѣтъ ничего правильнѣе его жизни. Онъ уже не угрюмъ, не суровъ, не взыскателенъ; онъ мало соображаетъ, но убѣждаетъ кротко и очень ободряетъ дѣлать добро. Впрочемъ о нѣкоторыхъ предметахъ онъ говоритъ только съ людьми, его понимающими, и только въ такомъ случаѣ я люблю встрѣчать его, когда на меня находятъ минуты грусти, тяжелыя воспоминанія, душевное уныніе, необходимость забыться въ сѣтованіяхъ, какъ я говорила въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Почти по моему виду онъ угадываетъ что̀ со мною и высказываетъ нѣсколько словъ утѣшенія. Онъ не отсылаетъ меня къ *друзьямъ;* онъ направляетъ меня къ Тому, Который никогда не можетъ отказать и Который всегда останется, когда другіе могутъ удалиться отъ меня. Вотъ какимъ сдѣлался Голицынъ, и вотъ почему я очень рада видать его чаще.

Чувство дружбы, оказываемое графомъ Морковымъ, совсѣмъ не похоже на то, о которомъ я только-что говорила, и все, что̀ вы такъ обязательно переписали мнѣ изъ его письма побуждаетъ меня къ благодарности. Онъ очень любезенъ ко мнѣ, и гдѣ бы онъ ни былъ, онъ ищетъ меня; въ послѣдній разъ, чтобы поздороваться со мною, онъ прошелъ чрезъ всю собравшуюся толпу; съ того самаго утра, которое онъ провелъ у меня и когда онъ мнѣ говорилъ, положа руку на сердце, я нашла въ немъ нѣчто хорошее, что̀ внушило мнѣ искренній интересъ къ нему. Я думаю, что я не прочь была бы выйти за

него замужъ, если бы ему пришла къ тому охота нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Я не была бы въ него влюблена; но я убѣждена, что я полюбила бы его всей душой и что онъ былъ бы счастливъ, женившись на мнѣ, вслѣдствіе моего старанія составить его счастіе. Мы видѣлись третьяго дня вечеромъ у г-жи Гурьевой и разговаривали объ васъ.

Я думаю, что онъ будетъ очень доволенъ, что вы сдали его домъ для Дворянскаго Собранія; но мнѣ искренно жаль васъ, что у васъ на совѣсти отвѣтственность за пожаръ, и если вы думаете, что можно молиться о томъ, чтобы не сгорѣлъ домъ, я вамъ обѣщаю еще молитву на этотъ случай. Благодарю васъ за то, что вы были у моей тетушки въ день моихъ имянинъ. Она мнѣ пишетъ объ этомъ и отзывается съ особеннымъ удовольствіемъ. Я вамъ говорю, что это добрая особа, любитъ меня на столько, сколько возможно любить; положительно она считаетъ меня своей дочерью; она обидѣлась, что вы не обѣдали у нея въ этотъ день; но гдѣ же вы были, на какомъ праздникѣ? Г-жа де Ноазевиль положительно мнѣ сказала, что это былъ праздникъ, на которомъ играли комедію. Я не завидую ни этой комедіи, ни подобной у Познякова, ни ужину у Пушкиной. Г-жа де Ноазевиль вчера пришла ко мнѣ провести вечеръ; мы много говорили объ ея дочери, которая, я этого очень боюсь, рано или поздно ослѣпнетъ, послѣ послѣднихъ родовъ; здоровый глазъ начинаетъ у нея тускнѣть. Это ужасное положеніе, и вообще все будущее этой молодой женщины безпокоитъ ея мать; письмо, полученное ею въ послѣдній разъ отъ дочери и отъ Прескотта, заставило ее много плакать; и такъ вчера мы вновь говорили объ этомъ много, и снова она была очень растрогана. Я желала бы, чтобы можно было принудить ее пріѣхать въ Россію, по крайней мѣрѣ она была бы съ матерью и съ лицами болѣе ей знакомыми, чѣмъ тѣ, которыхъ она видитъ въ Парижѣ; но какимъ средствомъ вытащить ее оттуда въ настоящее время?

Вы не очень ли удивились отъѣзду Императрицы? У насъ здѣсь она была все лѣто, и въ тоже время мы были очень рады приглашенію, сдѣланному ей Императоромъ. Она уѣзжаетъ отъ насъ 20-го и съ собою беретъ только небольшую свиту; я думаю, что это путешествіе продолжится шесть мѣсяцевъ. Но какое счастіе для нея быть съ своими и въ странѣ, которую она покинула 21 годъ тому назадъ и еще бо́льшее счастіе, если это путешествіе сблизитъ два существа, такъ хорошо созданныхъ для взаимной любви.

Все что̀ вы сказали о Толстомъ мнѣ кажется очень правдоподобнымъ. Надѣюсь, его жена можетъ не знать всего, что̀ разсказывали объ немъ. Я ничего не говорю о переходѣ черезъ Рейнъ, г-жа де Ноазевиль вамъ разсказываетъ очень подробно; есть объявленіе, которое намъ кажется немного страннымъ, и я хотѣла бы знать, изъ подъ чьего пера оно вышло.

*

С.-Петербургъ, 3 Февраля 1814 г.

Императоръ пишетъ изъ Лангра; онъ говоритъ Императрицѣ, что народъ требуетъ не заключать мира съ Наполеономъ, что продовольствіе иностранныхъ армій стоитъ народу менѣе, нежели удовлетвореніе требованій правительства; наконецъ Императоръ прибавляетъ, что еслибы онъ не слыхалъ своими ушами обо всемъ этомъ, онъ не повѣрилъ бы этому. Частныя письма въ томъ же смыслѣ; я читала ихъ пять или шесть. Дмитрій Голицынъ пишетъ, что ему кажется, что онъ видѣлъ во снѣ, будто онъ находится во Франціи въ большомъ и прекрасномъ замкѣ у князя де Бофремона, котораго онъ знавалъ когда-то въ Парижѣ, въ обширной гостиной, у прекраснаго камина, въ обществѣ дамъ довольно дурного тона; хозяинъ дома сдѣлался камергеромъ Бонапарта и кавалеромъ Почетнаго Легіона, между тѣмъ какъ въ этой же самой гостинной виденъ портретъ его отца въ орденахъ Св. Духа и Золотаго Руна. Князь Голицынъ утверждаетъ, что очень ошибаются, воображая, что есть извѣстный установленный порядокъ вещей, которому слѣдуютъ во Франціи; онъ увѣряетъ, что тамъ все носитъ типъ революціи и что терроръ есть именно то, что̀ составляетъ такъ называемый порядокъ. Но онъ также говоритъ, что ошибаются на счетъ уменьшенія населенія: въ деревняхъ онъ нашелъ много молодыхъ людей. Разговаривая съ людьми изъ народа, онъ называлъ имъ Людовика XVIII. Охотнѣе говорятъ о герцогѣ Ангулемскомъ и говорятъ, что если былъ бы центръ, вокругъ котораго можно собраться, въ короткое время увидѣли бы королевскую армію. Словомъ, минута очень любопытная, и въ какихъ нибудь двѣ недѣли узнаютъ объ этомъ еще больше.

Кристинъ княжнѣ Туркестановой.

Москва, Воскресенье вечеромъ, въ день Пасхи, 29 Марта 1814.

Мнѣ хочется поговорить вамъ о Титовѣ; онъ навѣщаетъ меня иногда. Онъ открылъ извѣстный казусъ; не знаю, правду ли онъ сказалъ; но такъ какъ я не предлагалъ ему никакого вопроса, то я не вижу, почему бы онъ хотѣлъ обмануть меня. Онъ сказалъ мнѣ, что графъ Толстой на самомъ дѣлѣ вовсе не ссорился съ нимъ, но что нездоровье и *совершенная ненадобность его присутствія* принудили его удалиться изъ арміи. Потомъ довѣрилъ онъ мнѣ одну вещь, которую повторю только одной вамъ: что Толстой во всѣхъ своихъ письмахъ Императору сообщалъ о своей арміи, какъ имѣющей 70 тысячъ человѣкъ. Это было сильное подкрѣпленіе, котораго ожидалъ Императоръ; но когда подошли за 10 верстъ до главной квартиры и Его Величество располагалъ отправиться на смотръ этой арміи, онъ узналъ, что въ ней не имѣется даже 8 тысячъ человѣкъ. Это такъ не понравилось Государю,

что онъ не только не хотѣлъ дѣлать смотра, но еще отказалъ принять графа Толстаго. Этотъ послѣдній писалъ четыре раза, чтобы испросить аудіенцію и ничего никогда не получалъ кромѣ *словеснаго* отказа. Думаю, что Титовъ слишкомъ преувеличиваетъ, потому что онъ немного лгунъ по своему ремеслу; но можетъ быть, что часть этого страшнаго умаленія была справедлива. Оно произошло, по словамъ Титова, отъ дурнаго управленія, недостатка лазаретовъ и врачей; люди объявляли себя больными и оставались назади, безъ возможности провѣрить, притворялись ли они, или на самомъ дѣли были такими, какъ они себя выдавали. Однимъ словомъ, эта армія растаяла отъ Волги до границы вслѣдствіе недостатка попеченій и не знаю, чьей небрежности; но эти неудачи падаютъ на начальника, что̀ довольно естественно. Настоящая ошибка графа Толстаго въ томъ: когда онъ былъ прикомандированъ къ арміи Бенингсена, этотъ послѣдній писалъ къ нему, спрашивая у него, есть ли у него все необходимое для солдатъ. Толстой отвѣчалъ, что *у него все есть*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ *у него не было ничего*, даже ружей; ибо изъ этихъ 8000 человѣкъ не было и 5000 вооруженныхъ. Титовъ утверждаетъ, что онъ отвѣчалъ такъ для того, чтобы не объясняться съ Бенингсеномъ, который не любилъ его, имѣя въ виду при первомъ свиданіи лично все пересказать Императору. Въ такой политикѣ онъ очень опростоволосился, потому что этого свиданія никогда не было, а его письмо Бенингсену удостовѣряетъ, что онъ получилъ все, и вслѣдствіе этого обличаетъ его, повидимому, виновнымъ. По правдѣ сказать, есть тутъ чѣмъ доканать его въ умѣ Императора, и я не знаю, какъ онъ выйдетъ изъ этого, если не представится какой-нибудь очень благопріятный случай для объясненія. Это причинило графу Толстому страшное огорченіе и неохоту къ дѣлу, отразившуюся на его штабѣ, и Титовъ мнѣ сказалъ, что это не кончится ничѣмъ. Когда пришли въ Саксонію, было не болѣе 6000 человѣкъ и притомъ безъ выстрѣла; и для этихъ 6000 человѣкъ была дюжина генераловъ, что̀ другимъ армейскимъ корпусамъ давало поводъ къ насмѣшкамъ, въ особенности при видѣ наружности нѣкоторыхъ изъ этихъ генераловъ. Вотъ что̀ Титова заставило уйти; онъ, можетъ быть также, не сказалъ мнѣ всѣхъ своихъ резоновъ. Послѣ этого произошла капитуляція Дрездена, въ которой Толстой очень не кстати приложилъ свою подпись. Титовъ увѣряетъ, что графиня изъ писемъ своего мужа знаетъ только небольшую часть всего этого, но что самъ онъ ничего не говорилъ ей объ этомъ. Она очень страстна; онъ замѣчаетъ это, какъ и я, но она ни слова не проронитъ. Я ее очень жалѣю, потому что она горда, а безъ того подобнаго рода непріятности должны проходить легко: онѣ не затрогиваютъ сердца.

*

Москва, 1-го Мая 1814 г.

Положительно я пришелъ къ тѣмъ же, какъ и вы, размышленіямъ объ ухудшеніи Французской націи: она въ высшей степени отвратительна. Она обожала своихъ королей, и спокойно видѣла горсть злодѣевъ, душившихъ лучшаго изъ нихъ и повлекшихъ все его семейство на эшафотъ, рукоплескала этимъ бойнямъ, изъ всѣхъ угловъ Франціи посылала поздравительные адресы собранію цареубійцъ. Когда Парижъ вздумалъ стать за своихъ принцевъ въ 1795 г., Бонапартъ разстрѣлялъ 1500 молодыхъ людей на Парижскихъ улицахъ, что̀ ему доставило званіе генерала, и съ этого дня онъ сдѣлался героемъ въ глазахъ этой легковѣрной и жадной до новостей націи. Въ то время, какъ онъ грабилъ Италію, она рукоплескала 17-му фруктидора, изгонявшему въ пустыни Кайены одного изъ ея директоровъ и 24 членовъ совѣта старшинъ, которыхъ привязанность къ Бурбонамъ была извѣстна и составляла ихъ единственную вину. Изъ него сдѣлали императора, онъ притѣснялъ, тиранствовалъ, ему безпрестанно кадили. Война съ Россіей въ 1812 году и бѣгство изъ Москвы, стоившія Франціи столько крови, не попрепятствовали Французамъ ввѣрить ему еще безчисленныя арміи, погибшія въ 1813 г. Наконецъ, въ послѣднюю минуту ему позволяютъ организовать національную гвардію, расхитить сокровища, не смѣя поморщиться, и если бы онъ остался для защиты Парижа, Парижъ защищался бы до послѣдней крайности. Счастіе захотѣло, чтобы онъ былъ отрѣзанъ отъ своей столицы и чтобы послѣ Монмартра Парижанамъ, убѣдившимся, что у союзниковъ слишкомъ большія силы, нечего уже было бояться Корсиканца. Тогда они храбро обратили свою ярость на низверженнаго врага, предъ которымъ за 24 часа передъ тѣмъ трепетали. Это были низкіе рабы, которые, благодаря чрезмѣрному снисхожденію, съ которымъ союзники обходились съ ними, на другой день сдѣлались надменны въ редакціи статей оскорбительной конституціи, которую они осмѣлились предписать своему законному королю. Въ моихъ глазахъ эта конституція даже оскорбительна союзнымъ монархамъ, и большая неосторожность съ ихъ стороны позволить объявленіе оной въ ихъ присутствіи и въ нѣкоторомъ родѣ при ихъ одобреніи. Но государи не видятъ опасности, или безъ сомнѣнія они совсѣмъ хотятъ подвергнуться опасности. Въ эту минуту слава ихъ успѣховъ ослѣпляетъ ихъ, опьяняетъ ихъ; но они проснутся и рано или поздно почувствуютъ ошибку, которую они дѣлаютъ теперь. Увидя себя въ Парижѣ и побѣдивъ Наполеона, они сами удивились, и это удивленіе много вредитъ имъ. О если бы нашъ чудесный Императоръ, не принимая на себя дарованія конституціи Франціи, удовольствовался бы сказать Талейрану и его сообщникамъ: *Я надѣюсь, что вы повергнете вашъ Сенатъ къ стопамъ Людовика XVIII, чтобы выпросить у него забвеніе и прощеніе преступленій, которыми покры-*

лись Францiя въ продолженiе 25 лѣтъ. Этихъ немногихъ словъ было бы достаточно, чтобы Французскiй король вошелъ во Францiю просто съ правами своего рожденiя, не предполагая дерзкой мысли предписывать ему какое либо условiе. Я увѣренъ, что эта конституцiя непримѣнима къ дѣлу и что она долго не продержится. Я думаю, король сможетъ тотчасъ уничтожить ее, если съумѣетъ воспользоваться мнѣнiемъ народа, которое все въ его пользу противъ этихъ воровъ, сообщниковъ Бонапарта. Но если онъ хочетъ обернуться спиной и (чего достаточно въ его характерѣ) если онъ хочетъ притвориться одобряющимъ то, что̀ отъ всей своей души ненавидитъ, и дать время установиться новому порядку вещей, тогда (вспомните меня) мы увидимъ во Францiи новые безпорядки.

*

Москва. Суббота, 9 Мая 1814 г.

Я не вѣрю ни одному слову о голубой лентѣ Лагарпу; это было бы подъ пару Кутайсову, а такiя вещи не очень часто встрѣчаются въ два царствованiя сряду. Сверхъ того, я твердо убѣжденъ, что Лагарпъ ничего подобнаго не добивается, — почести, чины менѣе въ его вкусѣ, нежели *умозрительныя системы* философовъ. Ему болѣе понравится уравнивать, нежели выдаваться. Боже насъ сохрани отъ его влiянiя! Что̀ станетъ онъ дѣлать въ Россiи? Добрый и честный крестьянинъ Русскiй не созрѣлъ, чтобы къ нему приложить принципы, которыми управляются Швейцарскiе кантоны. Если хотятъ сдѣлать его счастливымъ такимъ образомъ, погубятъ все, и это будетъ сдѣлано быстро. Я совершенно отвергаю подобную мысль, исполненiе которой заставитъ меня тотчасъ бѣжать изъ этой страны.

Княжна Туркестанова Кристину.

С.-Петербургъ, 11 Iюня 1814 г.

Я держала бы пари, что я давно отвѣчала вамъ на счетъ Лагарпа и что̀ я вамъ уже написала, что у него положительно есть голубая лента и за что. Если я этого не сдѣлала, увольте меня теперь отъ этого разсказа, потому что это слишкомъ продолжительно; вамъ довольно знать, что онъ съ Талейраномъ направилъ дѣла по тому пути, по какому они пошли; давно онъ былъ въ сношенiяхъ съ герцогомъ Беневентскимъ, и вы понимаете, что должно быть нѣсколько признательнымъ ему за эту услугу и нужно было вознаградить его очевиднымъ образомъ. Придаетъ ли онъ цѣну тому, что̀ ему дали, или не придаетъ, я ничего объ этомъ не знаю; но дѣло въ томъ, что это украшенiе ставитъ его въ ряду генералъ-лейтенантовъ, преимущество, которое для него не послужитъ ни къ чему, если онъ возвратится въ Швейцарiю, но которое значитъ очень многое, если онъ прiѣдетъ въ Россiю.

Императоръ оставилъ Парижъ 18 Мая и, желая избѣжать церемоній, которыя не преминули бы сдѣлать при его отъѣздѣ, онъ уѣхалъ почти неожиданно. Наканунѣ онъ простился съ королемъ; приказалъ на завтра большой парадъ и, пока его дѣлали, онъ незамѣтно ушелъ къ себѣ, переодѣлся и, спустя минуту, отправился. Великій князь Константинъ сдѣлалъ тоже самое нѣсколько дней послѣ; онъ прибылъ къ намъ съ мирнымъ договоромъ, заключеннымъ съ Франціей. Хотя намъ вчера прочли въ Исакіевской церкви содержаніе его, но я не разслышала ни одного слова; ибо министръ юстиціи прочелъ его на ухо Императрицѣ, и никто не былъ счастливѣе меня. Были очень недовольны, что для этого чтенія не употребили секретаря, у котораго есть голосъ и легкія. Извѣстно только то, что въ настоящее время нѣтъ вопроса ни о какого бы то ни было рода раздѣлѣ территоріи и что о границахъ союзныхъ государствъ тщательно обсудятъ на конгрессѣ. Нужно посмотрѣть, какъ эти господа раздѣлятъ пирогъ; я буду очень довольна, ежели только не дадутъ ничего Австрійскому дому. Съ большою пышностію привезли насъ вчера въ Исакіевскую церковь, потому что въ Казанскомъ соборѣ дѣлаются нѣкоторыя поправки; толпа была невообразимая; великій князь ѣхалъ впереди кареты Императрицы-матери, высшіе сановники и мы всѣ составляли свиту; жара была нестерпимая и въ церкви и возлѣ церкви.

Кристинъ княжнѣ Туркестановой.

Москва, 22 Іюня 1814 г.

У меня еще нѣтъ никакого извѣстія отъ графа Моркова; г-нъ Васильчиковъ пріѣхалъ сюда съ миромъ и говорилъ моимъ друзьямъ, что онъ встрѣтилъ его въ Орлѣ совершенно здоровымъ, изъ чего я заключилъ, что онъ пріѣхалъ въ Кіевъ. Я не видѣлъ г-на Васильчикова, съ нимъ я не знакомъ; но я очень желалъ услышать отъ него о Парижѣ, откуда онъ выѣхалъ послѣ Императора. Вотъ насъ отослали съ нашимъ миромъ на Вѣнскій конгрессъ, и наши финансовыя надежды рушились. Очень странно, что въ договорѣ, подписанномъ въ Парижѣ, Россія не обозначена, словно Мекленбургъ или какое-либо другое маленькое княжество, то есть ни ея имя, ни имя ея Государя не встрѣчаются ни разу, и она просто подразумѣвается подъ именемъ союзницы Вѣнскаго двора. Или я не понимаю дѣлъ, или совѣтники Его Императорскаго Величества сдѣлали совершенную неловкость. Я понимаю, что молодыя головы могли допустить подобную оплошность; но Разумовскій, человѣкъ понимающій, съ возвышеннымъ характеромъ, удивляетъ меня этой разсѣянностью. Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ есть что-то досадное въ нашихъ трактатахъ: мы всегда забываемъ нѣкоторыя мелочи этикета. Дай Богъ, чтобы не забыли и теперь, какъ въ несчастномъ Тильзитскомъ мирѣ, за который такъ дорого мы поплатились. Читая Париж-

скій трактатъ 18 (30) Мая, кто повѣритъ, что Русская армія побѣдоносно вошла въ эту столицу два мѣсяца тому назадъ? Между тѣмъ это государственные акты, которые освящаютъ въ исторіи славу монарховъ и народовъ.—Что̀ говоритъ объ этомъ князь Юсуповъ? Если вы подъ одной кровлей, какъ я предполагаю, я васъ прошу напомнить ему при случаѣ обо мнѣ. Почему онъ не служитъ? Это зрѣлая голова, онъ любитъ свое отечество и былъ бы ему полезенъ. Но теперешняя система выдвигать впередъ молодежь; вотъ почему дѣлается столько безразсудствъ, а князь Юсуповъ очень можетъ показаться слишкомъ важнымъ въ глазахъ нашихъ молодыхъ людей. Одинъ франтъ недавно говорилъ, что человѣка послѣ 40 лѣтъ слѣдуетъ помѣщать въ сарай. Это дѣйствительно возрастъ, когда въ другихъ странахъ люди избираются для дѣлъ важныхъ.

*

Москва, 27 Августа 1814.

Я очень радъ, что герцогъ Ришелье остается въ Россіи, потому что вы принимаете въ немъ нѣкоторое участіе; но я не могу не позволить себѣ удивляться, что человѣкъ, котораго фамилія обязана Бурбонамъ какъ своимъ состояніемъ, такъ и всѣмъ своимъ возвышеніемъ, въ необходимую минуту не присоединяется опять къ своему монарху. 12 лѣтъ тому назадъ г-ъ Ришелье былъ въ Парижѣ съ переговорами объ условіяхъ, которымъ онъ готовъ былъ подчиниться съ тѣмъ, чтобы тамъ поселиться и служить Бонапарту. Консулъ обошелся съ нимъ высокомѣрно, и герцогъ предпочелъ возвратиться въ Россію. Но теперь я не вижу, что̀ его удерживаетъ; развѣ онъ не считаетъ положеніе короля достаточно прочнымъ; и если я осмѣлюсь сказать, по моему мнѣнію, это самое должно бы побуждать его къ возвращенію на родину помимо личной выгоды. Въ немъ признавали бы благородный характеръ Французскихъ рыцарей, которые не разсчитывали ни на что, имѣя въ предметѣ только своего короля, свою честь и свою даму. Возвратясь во Францію, по истинѣ, г-ъ Ришелье имѣлъ бы ту невыгоду, что онъ не желалъ поднять оружіе противъ Бонапарта. Тутъ былъ разсчетъ.... и я вамъ скажу: всякій рыцарь, который разсчитываетъ, уже измѣняетъ своему призванію. Говорите вы мнѣ объ Эммануелѣ Сенъ-При, о Ланжеронѣ, о принцахъ де-Брогліо и еще о нѣкоторыхъ другихъ, которые не измѣнились и никогда не выходили изъ прямой колеи.

ЗАПИСКИ НЕИЗВѢСТНАГО.

Изъ Общества Соединенныхъ Славянъ.

Подлинная рукопись этихъ Записокъ была привезена изъ Сибири. Она писана до того мелко, что изъ одной страницы ея выходитъ по нѣскольку печатныхъ. Достоуважаемый Александръ Ивановичъ Баландинъ принялъ на себя трудъ снять съ нея списокъ, по которому она здѣсь печатается. Кажется, что Записки эти составлены бывшимъ подпоручикомъ 8-й артиллерійской бригады Иваномъ Ивановичемъ Горбачевскимъ; но ручаться въ этомъ нельзя. Записки написаны долгое время послѣ событія, но еще въ царствованіе Николая Павловича. Они замѣчательны безпристрастіемъ изложенія и важны потому, что „Общество Соединенныхъ Славянъ" до сихъ поръ было извѣстно весьма мало въ нашей печати. П. Б.

Въ концѣ 1824 года, тайное общество подъ названіемъ Славянскаго Союза или Соединенныхъ Славянъ, состояло изъ малаго числа членовъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ южной Россіи. Усилія Славянъ укоренить свои мнѣнія и распространить общество оставались безъ желаемаго успѣха. Многіе изъ нихъ убѣждались даже, что время ни мало не сближаетъ ихъ съ цѣлію; но сіе убѣжденіе, не ослабляя желаній, еще болѣе другихъ воспламеняло. 6 Декабря 1824 года, Борисовъ 2-й и Горбачевскій, послѣ долгаго совѣщанія, признали, что, для единства въ дѣйствіяхъ къ скорѣйшему достиженію предназначенной цѣли, необходимо ускорить ходъ общества, дать новое образованіе оному, учредить порядокъ въ дѣлахъ и подвергнуть членовъ отвѣтственности за ихъ дѣйствія. Въ исполненіе сей мысли, первый изъ нихъ написалъ проектъ окончательнаго образованія Общества.

Мы упомянемъ здѣсь вкратцѣ о семъ уставѣ, чтобы тѣмъ хоть нѣсколько пояснить дѣла Общества, и показать въ какомъ положеніи оно находилось до маневровъ подъ Лещинымъ. Симъ проектомъ управленіе Общества поручалось президенту и секретарю, выбраннымъ на одинъ годъ и подлежащимъ отвѣтственности предъ Обществомъ; первый назначалъ время и мѣсто обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ собраній, давалъ направленіе дѣйствіямъ Общества и старался привести въ исполненіе всѣ намѣренія и планы, служащіе къ распространенію онаго. Послѣдній способствовалъ взаимнымъ сношеніямъ между чле-

нами, равно сношеніямъ ихъ съ президентомъ; кромѣ того ему ввѣрялась общественная сумма, изъ коей по согласію президента выдавались деньги, назначаемыя для всякаго предпріятія, признаннаго полезнымъ Обществу.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1825 года многіе изъ Славянъ собрались въ мѣстечкѣ Черниковѣ (въ 25 верстахъ отъ Житомира) и, разсмотрѣвъ помянутое предложеніе, приняли его единогласно: каждый чувствовалъ необходимость лучшаго и правильнѣйшаго устройства. По общему желанію Борисовъ принялъ должность президента на время, съ тѣмъ чтобы, сдѣлавъ полное собраніе членовъ въ лагерѣ подъ Лещинымъ и принявъ еще нѣкоторыя улучшенія въ предположенномъ образованіи Общества, избрать тамъ новаго президента. Ивановъ, находившійся по должности въ корпусной квартирѣ и имѣвшій средства вступить въ постоянныя сношенія со всѣми членами, былъ назначенъ временнымъ секретаремъ.

Составленіе общественной суммы должно было начаться съ 1-го Сентября; сумма сія должна была безпрерывно увеличиваться взносами членовъ; кромѣ сего секретарю дозволялось употреблять наличный капиталъ въ торговыхъ оборотахъ для приращенія онаго. Но непредвидѣнный случай разрушилъ всѣ сіи планы, прежде нежели они были приведены въ исполненіе.—Съ давняго времени члены Славянскаго Союза замѣчали, что офицеры бывшаго Семеновскаго полка имѣютъ какія-то тайныя предпріятія противъ правительства, и думали, что они состоятъ въ какомъ либо тайномъ обществѣ. Борисовъ 2-й, узнавъ отъ Пестова и Высогина о близкомъ знакомствѣ Сергѣя Муравьева съ офицерами конныхъ артиллерійскихъ ротъ, препоручилъ Громницкому принять въ Общество капитана Тютчева, служившаго прежде въ помянутомъ гвардейскомъ полку, и поручить ему возобновить прежнее знакомство съ Сергѣемъ Муравьевымъ, стараясь узнать его мысли и намѣренія, съ тѣмъ что ежели онъ замѣтитъ въ немъ что-либо клонящееся къ цѣли Славянскаго Общества, то немедленно увѣдомить о семъ Борисова или котораго-нибудь изъ членовъ. Не нужно говорить, что отъ Тютчева требовали скромности и осторожности; ему никто не препоручалъ принимать въ члены С. Муравьева; просили только съ нимъ сблизиться и узнать все что́ можно о тайномъ обществѣ.

Въ 1825 году, 3-й пѣхотный корпусъ (кромѣ 7-й дивизіи), для смотра, назначеннаго покойнымъ Государемъ, былъ собранъ подъ мѣстечкомъ Лещинымъ, находящимся отъ Житомира въ 15 верстахъ, влѣво отъ дороги изъ Житомира въ Бердичевъ. Полки 8-й и 9-й пѣхотныхъ дивизій ушли на сборное мѣсто еще въ началѣ Августа мѣсяца; артиллерія же сихъ дивизій и 3-я гусарская дивизія съ принад-

лежащею къ ней конною артиллеріею прибыли въ лагерь къ 1 Сентября. По проходѣ 8-й артиллерійской бригады чрезъ Житомиръ, Ивановъ увѣдомилъ Горбачевскаго, что Пензенскаго пѣхотнаго полка капитанъ Тютчевъ открылъ какое-то тайное общество, къ которому принадлежитъ Черниговскаго полка подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. На другой день, Борисовъ 2-й увидѣлся съ Тютчевымъ, который подтвердилъ сказанное Ивановымъ, присовокупляя, что сіе тайное общество чрезвычайно сильно, и что въ скоромъ времени оно начнетъ переворотъ въ Россіи; изъ словъ его видно было, что члены сего общества составили уже для Россіи конституцію и въ слѣдующемъ году намѣревались приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Сіе извѣстіе поразило всѣхъ Славянъ. Борисовъ 2-й и Ивановъ хотѣли увѣдомить о семъ отсутствующихъ членовъ и назначить время для предположеннаго въ Мартѣ мѣсяцѣ совѣщанія. Другіе члены, соглашаясь на сію мѣру, вмѣстѣ съ тѣмъ требовали, чтобы немедленно были открыты сношенія съ Муравьевымъ, который, по словамъ Тютчева и Громницкаго, ищетъ знакомства Славянъ. И въ самомъ дѣлѣ, С. Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ 29 Августа пріѣзжали въ деревню Млиницы [1]) съ намѣреніемъ познакомиться съ Горбачевскимъ и Борисовымъ 2-мъ и, не заставъ ихъ дома, запискою просили ихъ къ себѣ. Опасаясь потерять случай, благопріятный ихъ желаніямъ, Славяне положили, не дожидая общаго собранія всѣхъ членовъ, препоручить Борисову 2-му и Горбачевскому открыть сношенія съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ, но отнюдь не приступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, не объявлять имъ ничего и ни на что не соглашаться безъ общаго согласія всѣхъ членовъ Славянскаго Общества.

30 Августа, Громницкій и Тютчевъ пріѣхали къ Борисову и Горбачевскому съ предложеніемъ ѣхать въ лагерь къ Муравьеву; въ этомъ случаѣ они были нѣкоторымъ образомъ посредниками между двумя обществами. Свиданіе сіе съ помянутыми членами Южнаго Общества было роковымъ ударомъ для Славянскаго Союза. Муравьевъ принялъ Борисова и Горбачевскаго съ особеннымъ радушіемъ, осыпалъ ихъ ласками и лестными отзывами, которымъ едва могла противустоять врожденная недовѣрчивость Борисова. Бестужевъ-Рюминъ, бывшій при семъ свиданіи, говорилъ много и, въ пылу разговора, излилъ всю свою душу. Нельзя довольно изобразить удивленія Славянъ, когда члены Юж-

---

[1]) 8-й артиллерійской бригады 1-я батарейная и 2-я легкая роты стояли на тѣсныхъ квартирахъ въ деревнѣ Млиницахъ, отъ Лещина 3 версты, отъ. . . . . (пропускъ въ оригиналѣ) $1^1/_2$ версты. Тамъ происходили совѣщанія. Вообще, какъ артиллерія, такъ и кавалерія 3-го корпуса, стояли на тѣсныхъ квартирахъ.

наго Общества начали говорить о ихъ цѣли, намѣреніяхъ и даже объ именахъ всѣхъ ихъ сочленовъ. Муравьеву и Бестужеву все было уже извѣстно: самое образованіе Славянскаго Общества и предположенное совѣщаніе для отклоненія затрудненій сношеніямъ и дѣйствіямъ по обществу. Славяне догадались, что Тютчевъ, не будучи уполномоченъ, открылъ Муравьеву всѣ тайны ихъ Общества по личной къ нему довѣренности, а можетъ быть даже и неосторожности. Муравьевъ, говоря о силѣ своего общества и невозможности, въ которой находятся Славяне осуществить свои желанія безъ содѣйствія Русскаго и извѣстнаго ему Польскаго тайнаго общества, предложилъ Славянамъ немедленно соединиться съ Южнымъ Обществомъ. Борисовъ 2-й, желая отклонить подробныя объясненія, отвѣчалъ на все поверхностно и неудовлетворительно; между прочимъ говорилъ, что правила Славянскаго Общества запрещаютъ ему входить въ положительныя сношенія съ кѣмъ бы то ни было, безъ особеннаго на то согласія другихъ членовъ; что безъ согласія своихъ товарищей онъ не можетъ ни принять, ни отвергнуть лестныхъ предложеній Муравьева; что сіе требуетъ времени и размышленія; наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій, которыя имѣли цѣлію съ одной стороны получить рѣшительный отвѣтъ на предложеніе, а съ другой избѣжать онаго и оставить сіе дѣло неконченнымъ, условились назначить общее собраніе членовъ Славянскаго Общества, на которомъ Муравьевъ и Бестужевъ обѣщали лично возобновить свои предложенія.

Славяне, узнавъ отъ своихъ довѣренныхъ о предложеніи Муравьева, раздѣлились въ мнѣніяхъ: нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно радовались сему случаю и предлагали не медля ни мало соединиться съ Южнымъ Обществомъ; другіе, напротивъ того, вознегодовали на Тютчева, и желая, чтобы Славянскій Союзъ удержалъ свои формы, требовали его смерти, какъ примѣрнаго наказанія за нескромность и нарушеніе правилъ Славянскаго Общества, и тѣмъ пресѣчь всѣ дальнѣйшія сношенія съ Муравьевымъ. Мнѣніе Борисова 2-го было совершенно иное: онъ предлагалъ продолжить переговоры, не соглашаясь на предложенія С. Муравьева, и стараться склонить его къ цѣли Славянскаго Общества. Въ случаѣ же его отказа, взять съ него честное слово, что существованіе Славянскаго Общества останется тайною для другихъ членовъ Южнаго Общества, и увѣрить его, что всѣ Славяне готовы принять участіе въ переворотѣ, когда онъ начнется, и будутъ споспѣшествовать оному всѣми своими силами. Хотя многіе раздѣляли послѣднее сіе мнѣніе, но никто кромѣ Иванова не поддерживалъ онаго. Умы всѣхъ были обворожены близкимъ и какъ бы несомнѣннымъ преобразованіемъ Россіи и, повидимому, каждый предо-

ставлялъ обстоятельствамъ рѣшить вопросъ соединенія. Однакожъ, послѣ многихъ сообщеній, разсужденій и даже сильныхъ споровъ, положили собраться на квартиры подпоручика Пестова и Борисова 2-го всѣмъ членамъ находящимся въ лагерѣ, пригласить туда Муравьева и Бестужева, вступить съ ними въ переговоры и потомъ положить: должно ли Славянское Общество оставаться на прежнемъ основаніи, или, соединясь съ Южнымъ, принять иной видъ и характеръ?

3-го или 4-го Сентября, большая часть членовъ Славянскаго Общества собрались въ назначенномъ мѣстѣ и, въ ожиданіи пріѣзда членовъ Южнаго Общества, разсуждали снова о предложеніи соединить два общества; но мысль безусловнаго соединенія уже начинала преобладать надъ умами Славянъ, которыхъ желаніе дѣйствовать обращалось въ непреодолимую страсть. Появленіе Бестужева прекратило сіи пренія. «Важныя дѣла», сказалъ онъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, «помѣшали Муравьеву сдержать данное имъ обѣщаніе, но онъ поручилъ мнѣ кончить наши общія дѣла. Я долженъ объявить вамъ о намѣреніяхъ и цѣли Южнаго Общества и предложить присоединеніе къ оному Славянскаго». Потомъ началъ говорить онъ о силѣ своего Общества, объ управленіи онаго Верховною Думою, о готовности Москвы и Петербурга начать переворотъ, объ участіи въ сихъ намѣреніяхъ 2-й арміи, гвардейскаго корпуса и многихъ полковъ 3-го и 4-го корпусовъ. Изъ его словъ видно было, что конституція, заключающая въ себѣ формы республиканскаго правленія для Россіи и получившая одобреніе многихъ знаменитыхъ публицистовъ Англійскихъ, Французскихъ и Германскихъ, принята была единодушно членами Южнаго Общества. Бестужевъ обѣщалъ немедленно доставить имъ копію съ конституціи, объяснить цѣль, мѣры и управленіе онаго общества, и при окончательномъ соединеніи дать наименованіе главныхъ членовъ; но объявилъ, что правила общества запрещаютъ ему открыть мѣстопребываніе Верховной Думы и членовъ, составляющихъ оную. Сіи неудовлетворительные отвѣты поколебали большую часть Славянъ; сомнѣніе вкралось въ сердца многихъ; требовали доказательствъ, дѣлали возраженія,— однимъ словомъ съ обѣихъ сторонъ ожидали взаимной довѣренности, но никто первый не хотѣлъ быть откровеннымъ. Бестужевъ отложилъ дальнѣйшія объясненія до другаго времени, надѣясь, что время не охладитъ порыва, но еще болѣе усилитъ его, и въ этомъ онъ не ошибся [2]). На другой день по утру, онъ далъ Пестову извлеченіе изъ Русской Правды и

---

[2]) Бестужевъ, увидя на семъ совѣщаніи Полтавскаго полка поручика Усовскаго, удивился, что въ 9-й дивизіи есть члены тайнаго общества. Онъ обрадовался сему, но его радость, по замѣчанію другихъ, была притворная. Причину увидимъ послѣ.

просилъ его сообщить оное всѣмъ Славянамъ [3]). Въ тотъ же день было сдѣлано нѣсколько списковъ съ помянутаго извлеченія, и ввечеру уже всѣмъ Славянамъ была извѣстна будущая форма Русскаго правленія. Ввечеру того же дня, Горбачевскій и Борисовъ 2-й видѣлись съ Муравьевымъ, который, подтверждая все сказанное Бестужевымъ, просилъ ихъ снова собраться и кончить скорѣе дѣло соединеніемъ двухъ Обществъ.

По прошествіи двухъ или трехъ дней послѣ перваго совѣщанія, всѣ Славяне, исключая офицеровъ Черниговскаго полка [4]), собрались на квартирѣ подпоручика Андреевича, въ деревнѣ Млиницахъ. Сіе собраніе было многочисленное. Бестужевъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Тютчевымъ и началъ разговоръ требованіемъ неограниченной довѣренности къ Верховной Думѣ; во имя любви къ отечеству просилъ Славянъ соединиться съ Южнымъ Обществомъ безъ дальнѣйшихъ съ его стороны объясненій. Громкій ропотъ и изъявленіе негодованія служили ему отвѣтомъ. «Намъ нужны доказательства, мы требуемъ полнаго объясненія!» выкрикнуло нѣсколько членовъ. Бестужевъ началъ объяснять чертежомъ управленіе Южнаго Общества, говорилъ о различныхъ управахъ (ventes), существующихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи [5]), объ образѣ ихъ сношенія съ Верховною Думою, о силѣ своего общества, наименовалъ членовъ онаго: кн. Волконскаго, кн. Трубецкаго, генерала Раевскаго, генерала Орлова, генерала Киселева, Юшневскаго, Пестеля, Давыдова, Тизенгаузена, Повало-Швейковскаго, Александра и Артамона Муравьевыхъ, Фролова, Пыхачева, Враницкаго, Гоббе (Граббе?), Набокова и многихъ другихъ штабъ и оберъ-офицеровъ разныхъ корпусовъ, и дивизій, и полковъ. «Всѣ сіи благородные люди—сказалъ онъ въ заключеніе — забывая почести и богатства, поклялись освободить Россію отъ постыднаго рабства и готовы умереть за благо своего отечества» [6]).

Видя, что его слова произвели сильное дѣйствіе на умы Славянъ, онъ присовокупилъ, что многочисленное Польское Общество, коего члены разсѣяны не только въ Царствѣ Польскомъ и присоединен-

---

[3]) Нѣкоторые Славяне спрашивали у С. Муравьева: „Неужели Верховная Дума хочетъ принудить Россію взять для себя ту констятуцію, которую она написала и извлеченія изъ коей находятся у нихъ въ рукахъ?“ Муравьевъ отвѣчалъ, что Верховная Дума только предложитъ, но что народъ можетъ ее принять или отвергнуть.

[4]) Черниговскаго полка офицеры не могли быть на семъ совѣщаніи по дѣламъ службы.

[5]) Какъ то: въ Каменкѣ, въ Васильковѣ, въ Тульчинѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, въ Варшавѣ и пр.

[6]) Чтобы болѣе убѣдить въ силѣ своего общества, Бестужевъ присовокупилъ, что полки 3 гусарской дивизіи, конныя роты 5 и 6, многіе командиры пѣхотныхъ полковъ 3 и 4 корпусовъ, раздѣляютъ образъ мыслей (?) и совершенно уже готовы принять участіе въ замышляемомъ переворотѣ.

ныхъ къ Россіи губерніяхъ, но въ Галиціи и воеводствѣ Познанскомъ, готовы раздѣлить съ Русскими опасность переворота и содѣйствовать оному всѣми своими силами и способами; что оно уже соединилось съ Южнымъ Обществомъ, и что для сношенія сихъ двухъ обществъ назначены съ Польской стороны князь Яблоновскій, графъ Мошинскій и полковникъ Крыжановскій, а съ Русской — Сергѣй Муравьевъ и онъ, Бестужевъ-Рюминъ. Тутъ же онъ объявилъ, что открыты слѣды существованія тайнаго общества между офицерами Литовскаго корпуса и что Повало - Швейковскому поручено войти въ сношенія съ членами онаго, и въ особенности дѣйствовать на сей корпусъ.

Откровенность Бестужева обворожила Славянъ; немногіе могли противиться всеобщему влеченію; согласіе соединиться съ обществомъ благонамѣренныхъ людей, поклявшихся умереть за благо своего отечества, выражалось въ ихъ взорахъ, въ ихъ тѣлодвиженіяхъ; каждый требовалъ скорѣйшаго окончанія дѣла. Только Борисовъ 2-й и нѣкоторые изъ присутствующихъ на семъ совѣщаніи Славянъ почитали невозможнымъ безусловное соединеніе двухъ обществъ. По мнѣнію Борисова 2-го Славяне, обязавшись клятвою посвятить всю свою жизнь освобожденію Славянскихъ племенъ, искорененію существующей между нѣкоторыми изъ нихъ вражды и водворенію свободы, равенства и братской любви, не вправѣ нарушить сихъ обязательствъ. Нарушеніе это влечетъ за собою всеобщее порицаніе и упреки совѣсти. «Тѣмъ болѣе, подчинивъ себя безусловно Верховной Думѣ Южнаго Общества», продолжалъ онъ, «будемъ ли мы въ состояніи исполнить въ точности принятыя нами обязанности? Наша подчиненность не подвергнетъ ли насъ произволу сей таинственной думы, которая, можетъ-быть, высокую цѣль Славянскаго Союза найдетъ маловажною и, для настоящихъ выгодъ жертвуя будущими, запретитъ намъ имѣть сношенія съ другими иноплеменными народами?» [7]) Бестужевъ-Рюминъ всѣми силами старался опровергнуть сіе возраженіе; онъ доказывалъ, что преобразованіе Россіи необходимо откроетъ всѣмъ Славянскимъ племенамъ путь къ свободѣ и благоденствію; что соединенныя общества удобнѣе могутъ произвести сіе преобразованіе; что Россія, освобожденная отъ тиранства, будетъ открыто способствовать цѣли Славянскаго Союза: освободить Польшу, Богемію, Моравію и другія Славянскія земли, учредить въ нихъ свободныя правленія и соединить всѣхъ федеральнымъ союзомъ. «Та-

---

[7]) При первомъ свиданіи съ Борисовымъ и Горбачевскимъ, Бестужевъ обнаружилъ свои мысли относительно цѣли Славянъ и сношеній Русскихъ съ Поляками. Борисовъ не могъ забыть сего.

кимъ образомъ», сказалъ онъ, «наше соединеніе не только не удалитъ васъ отъ цѣли, но, напротивъ того, приблизитъ къ оной».

Энтузіазмъ Бестужева-Рюмина походилъ на вдохновеніе; увѣренность въ успѣхѣ предпріятія вдыхала въ сердце каждаго несомнѣнную надежду счастливой будущности. Онъ восторжествовалъ надъ холоднымъ скептицизмомъ Борисова 2-го, ожидавшаго успѣха отъ однихъ усилій ума, и приписывавшаго все постоянной волѣ людей. Мысль о силѣ Южнаго Общества, надежда видѣть при своей жизни освобожденіе отечества и другихъ Славянскихъ народовъ увлекла совершенно Славянъ; въ общемъ пылу благородныхъ страстей своихъ, они согласились немедленно соединиться съ Южнымъ Обществомъ, раздѣлять съ нимъ труды и опасности для блага своей родины, и отъ сей минуты цѣль, правила и мѣры, принятыя симъ обществомъ, почитать своими собственными. Такимъ образомъ окончательно соединились два общества: судьба Славянъ была рѣшена. Съ сего времени Славянскій Союзъ существовалъ только въ мысляхъ и сердцахъ немногихъ, которые не могли забыть возвышенной и великой (хотя, можетъ-быть, по мнѣнію нѣкоторыхъ мечтательной) идеи федеративнаго союза Славянскихъ народовъ [8]).

Получивъ отъ Славянъ согласіе на соединеніе съ Южнымъ Обществомъ, Бестужевъ-Рюминъ предложилъ имъ избрать изъ среды своей посредника и составить особенную управу [9]). «Избранный посредникъ», сказалъ онъ, «долженъ завѣдывать дѣлами управы и относиться во всемъ ко мнѣ или къ С. Муравьеву; мы обязываемся, съ своей стороны, доставлять ему предписанія отъ Верховной Думы и увѣдомлять его о всѣхъ дѣлахъ общества; Славяне могутъ принимать новыхъ членовъ не иначе какъ съ дозволенія посредника, который долженъ будетъ, хотя одинъ разъ въ годъ, отдавать отчетъ Верховной Думѣ о распространеніи и

---

[8]) Все сказанное Бестужевымъ о силѣ Южнаго Общества и содѣйствіи сего общества къ освобожденію другихъ народовъ, о силѣ онаго и пр. послѣ сего сообщенія было подтверждено многими членами Южнаго Общества, а особливо съ ужаснымъ хладнокровіемъ, отличнымъ краснорѣчіемъ и умомъ, Сергѣемъ Муравьевымъ, который не только подтвердилъ, но еще болѣе объяснилъ все сказанное Бестужевымъ на совѣщаніи. Нѣкоторыхъ изъ Славянъ это не утѣшило; они скорбѣли объ участи Славянскаго Союза, и даже двое изъ нихъ послѣ сего соединенія не хотѣли больше быть на совѣщаніяхъ; другіе съ сожалѣніемъ согласились съ большинствомъ. Достойно замѣчанія, что соединеніе двухъ обществъ воспослѣдовало въ томъ самомъ мѣсяцѣ (Сентябрѣ), когда Майборода донесъ правительству о существованіи Южнаго.

[9]) Члены Славянскаго Общества, на случай соединенія двухъ обществъ, положили слѣдующія условія: они имѣютъ право выбрать посредника изъ среды своей для сношенія съ Верховною Думою, состоять въ отдѣльной управѣ и принимать членовъ по своимъ правиламъ. Муравьевъ согласился на сіи условія; но въ послѣдствіи Славяне, соединившись съ Южнымъ Обществомъ, въ принятіи новыхъ членовъ не слѣдовали уже формамъ Славянскаго Общества.

дѣлахъ Славянской управы». Бестужевъ - Рюминъ продолжалъ: «Южное Общество уже такъ сильно, что не нуждается даже въ пріобрѣтеніи новыхъ членовъ. Посему гораздо лучше Славянамъ заняться постепеннымъ, осторожнымъ и *медленнымъ* приготовленіемъ солдатъ. Они могутъ принимать также въ Общество офицеровъ, если найдутъ такихъ, которые заслуживаютъ сію честь». — Относительно гражданскихъ чиновниковъ онъ былъ вовсе противнаго мнѣнія: въ его глазахъ эти люди были не только безполезны, но даже вредны; преобразованіе Россіи должно было быть слѣдствіемъ чисто-военной революціи. Поляки подверглись сему исключенію.

Бестужевъ-Рюминъ требовалъ отъ Славянъ, чтобы они умалчивали о существованіи Южнаго Общества даже предъ тѣми, которые уже нѣсколько лѣтъ были членами Славянскаго Общества. Сіе исключеніе Бестужевъ основывалъ на томъ, что въ Польшѣ существуетъ особенное общество, и что каждый изъ Поляковъ долженъ думать прежде о своемъ отечествѣ, а потомъ уже о Россіи. Изложивъ помянутыя условія и не дожидая принятія оныхъ, Бестужевъ требовалъ, чтобы всѣ бумаги касающіяся до Славянскаго Союза и списки членовъ онаго были представлены ему, какъ лицу уполномоченному Верховною Думою. Противъ сего не было сдѣлано никакого возраженія; но за то члены Славянскаго Общества, не почитая себя обязанными слѣдовать первому условію, на которое Бестужевъ не требовалъ изъявленія ихъ согласія, дѣйствовали по своимъ правиламъ, т. е. объявили всѣмъ гражданскимъ чиновникамъ и Полякамъ о соединеніи двухъ обществъ и принимали новыхъ членовъ на прежнемъ основаніи.

Совѣщаніе кончилось предложеніемъ съѣхаться на другой день для избранія посредника и приготовленія требуемыхъ Бестужевымъ бумагъ. На другой день, въ 5 или 6 часу вечера, всѣ Славяне собрались снова на квартирѣ (въ Млиницахъ) подпор. Андреевича; число ихъ было значительно и увеличено вновь принятыми членами. Борисовъ 2-й представилъ собранію отчетъ, содержащій въ себѣ цѣль и правила Славянскаго Общества, проектъ новаго образованія Славянскаго Союза, мнѣнія и дѣйствія членовъ, и присовокупилъ къ сему общій списокъ всѣхъ Славянъ, съ означеніемъ настоящаго ихъ мѣстопребыванія и рода службы.

Желая познакомить читателей съ духомъ Общества Соединенныхъ Славянъ, мы прервемъ на нѣкоторое время нить нашего разсказа и изложимъ въ нѣсколькихъ словахъ цѣль и правила онаго.

Общество имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ Славянскихъ племенъ отъ самовластія; уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностію

опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами Союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній. Вникая въ основанія благоденствія частнаго человѣка, мы убѣждаемся, что они бываютъ физическія, нравственныя и умственныя: посему гражданское общество, какъ цѣлое, составленное изъ единицъ, необходимо зиждется на тѣхъ же началахъ, и для достиженія возможнаго благосостоянія требуетъ промышленности, отвращающей бѣдность и нищету; нравственности, исправляющей бурныя наклонности, смягчающей страсти и внушающей человѣколюбіе, и наконецъ — просвѣщенія, вѣрнѣйшаго сподвижника въ борьбѣ противу золъ неразлучныхъ съ существованіемъ, которое дѣлаетъ умнѣе и искуснѣе во всѣхъ предпріятіяхъ. Развертывать, распространять сіи три остальныя нача̀ла общественнаго блага поставлялось въ первую и неизмѣнную обязанность Славянина. Онъ долженъ былъ по возможности истреблять предразсудки и порочныя наклонности, изглаживать различіе сословій и искоренять нетерпимость вѣрованій, собственнымъ примѣромъ побуждать къ воздержанію и трудолюбію, стремиться къ умственному и нравственному усовершенствованію и поощрять къ сему дѣлу другихъ, всѣми способами помогать бѣднымъ, но не быть расточительнымъ; не дѣлать людей богатыми, но научать ихъ, какимъ образомъ, посредствомъ труда и бережливости, безъ вреда для себя и другихъ, пользоваться оными. Убѣжденіе въ сихъ правилахъ заставляло Славянъ выводить слѣдующія заключенія: никакой переворотъ не можетъ быть успѣшенъ безъ согласія и содѣйствія цѣлой націи: посему прежде всего должно приготовить народъ къ новому образу гражданскаго существованія и потомъ уже дать ему оный; народъ не иначе можетъ быть свободнымъ, какъ сдѣлавшись нравственнымъ, просвѣщеннымъ и промышленнымъ. Хотя военныя революціи быстрѣе достигаютъ цѣли, но слѣдствія оныхъ опасны: онѣ бываютъ не колыбелью, а гробомъ свободы, именемъ которой совершаются. Славяне, убѣжденные въ томъ, что надежды ихъ не могутъ такъ скоро исполниться, какъ они того желали, не хотѣли терять времени въ пустыхъ и невозможныхъ усиліяхъ, но вознамѣрились дѣлать все что̀ зависитъ отъ нихъ и ведетъ хотя медленно къ предпринятой цѣли. Въ исполненіе сего намѣренія они положили опредѣлить нѣкоторую часть общественной суммы на выкупъ крѣпостныхъ людей, стараться заводить или споспѣшествовать заведенію небольшихъ сельскихъ и деревенскихъ училищъ; внушать крестьянамъ и солдатамъ необходимость

познанія правды и любовь къ исполненію обязанностей гражданина, и такимъ образомъ возбудить въ нихъ желаніе измѣнить унизительное состояніе рабства и пр.

Не взирая однакожъ на сіи постепенныя и кроткія мѣры, Славянскій Союзъ носилъ на себѣ отпечатокъ какой-то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членовъ онаго посвящать всѣ мысли, всѣ дѣйствія благу и свободѣ своихъ единоплеменниковъ и жертвовать всей жизнью для достиженія сей цѣли, произносилась на оружіи; отъ однихъ своихъ друзей, отъ одного оружія Славяне ожидали исполненія своихъ желаній; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотомъ, но кровью, была вкоренена въ ихъ сердцахъ, и слова знаменитаго республиканца, сказавшаго: «обнаживши мечь противъ своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далѣе», долженствовали служить руководствомъ ихъ будущаго поведенія [10]). Сей слабый очеркъ достаточно показываетъ, что духъ Славянскаго Общества во многомъ отличался отъ духа Южнаго Общества, и что даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, они были другъ другу совершенно противуположны. Но къ соединенію двухъ обществъ не столько содѣйствовало сходство ихъ характеровъ, сколько нетерпѣніе и желаніе скорѣйшаго достиженія цѣли. Мы обязаны сказать, не упрекая никого, что большинство Славянъ еще худо понимало правила и средства своего союза и порывомъ своимъ увлекло тѣхъ немногихъ, которые были вполнѣ проникнуты оными. Сіи послѣдніе видѣли невозможность бороться съ представителями сильнаго Русскаго Общества, обѣщавшаго немедленное освобожденіе Россіи, и съ прискорбіемъ приняли на себя трудъ онаго. Боязнь повредить благу отечества, показать себя малодушными или себялюбивыми, заставила ихъ утѣшаться надеждою, что послѣ переворота мысль Славянскаго Союза воспрянетъ и съ новою силою заставитъ трудиться для освобожденія всѣхъ Славянскихъ народовъ.

Но время намъ возвратиться къ Славянамъ, собравшимся для избранія посредника.

Разсмотрѣвъ бумаги и повѣривъ списки [11]), представленные Борисовымъ 2-мъ, члены Славянскаго Союза поручили доставить оные Бестужеву и приступили къ предположенному избранію посредника. Пензенскаго пѣхотнаго полка маіоръ Спиридовъ получилъ большинство голосовъ. Тотчасъ послѣ избранія онъ предложилъ и взялся самъ соста-

---

[10]) Сіи постановленія и правила Славянскаго Союза были разсматриваемы единственно для того, чтобы ихъ передать Южному Обществу безошибочно, чтобы оно могло въ нихъ найти правила, получившія ободреніе всѣхъ Славянскихъ членовъ, залогъ будущаго ихъ поведенія и основныя мысли сего Общества.

[11]) Въ спискахъ находились и гражданскіе чиновники и, не служащіе нигдѣ дворяне.

вить правила, которыя могли бы служить руководствомъ членамъ тайнаго общества въ ихъ будущихъ дѣйствіяхъ. Предложеніе Спиридова было принято безъ малѣйшаго возраженія; послѣ непродолжительныхъ преній, Славяне предоставили право другимъ изложить мысли о семъ предметѣ и предложить ихъ къ слѣдующему собранію на общее утвержденіе. Съ сего уже времени характеръ Славянскаго Союза начиналъ примѣтно измѣняться, дѣйствія и намѣренія членовъ принимали видъ рѣшительныхъ и даже слишкомъ смѣлыхъ мѣръ. Нельзя не замѣтить, что духъ Васильковской Управы находилъ отголоски въ пылкихъ страстяхъ Славянъ и увлекалъ ихъ за предѣлы благоразумія. Одна искра могла произвести пожаръ. Приведемъ примѣры.

Предъ закрытіемъ описываемаго собранія одинъ изъ членовъ объявилъ, что командиръ 1-й гренадерской роты Саратовскаго полка притѣсняетъ своихъ подчиненныхъ, что несправедливости и жестокости его превышаютъ всякую мѣру, и что даже запрещаетъ своимъ солдатамъ имѣть сношеніе съ солдатами бывшаго Семеновскаго полка, которые, по своему положенію, были ревностными агентами тайнаго общества, возбуждая въ своихъ товарищахъ ненависть и презрѣніе къ правительству. «Онъ долженъ быть наказанъ за свою жестокость», закричали немедленно многіе. Борисовъ 2-й и еще нѣкоторые изъ Славянъ хотѣли остановить сей порывъ негодованія; ихъ усилія остались тщетными. «Взбунтовать роту», вскрикнулъ въ изступленіи поручикъ Кузминъ. Многіе его поддержали. Собраніе поручило тотчасъ члену общества Саратовскаго же полка юнкеру Шеколѣ привести предложеніе Кузмина въ исполненіе. Отчаянный Шекола съ радостію принялъ сіе порученіе, и на другой же день осуществилъ желаніе своихъ сочленовъ [12]).

Сіе дѣло кончилось однакожъ безъ дурныхъ послѣдствій, которыхъ опасались нѣкоторые изъ членовъ союза. Командиръ 1-й гренадерской роты, узнавъ, что его подчиненные не хотятъ болѣе ему повиноваться и страшась подвергнуть жизнь свою опасности, спрятался въ балаганъ полковаго командира, который побѣжалъ къ возставшей ротѣ, стараясь какъ можно скорѣе ее усмирить. Дерзость недовольныхъ солдатъ часъ отъ часу увеличивалась; полковникъ, боясь, чтобы сіе происшествіе не навлекло ему непріятностей отъ высшаго начальства и лишило бы его полка, вступилъ съ ними въ переговоры, обѣщая

---

[12]) Саратовскаго полка юнкеръ Шекола имѣлъ отъ роду 20 лѣтъ, росту высокаго, лице страшное, обросшее волосами; глаза большіе, черные; физіогномія изображала всю пылкость его души. Былъ испытанной храбрости и рѣшительности; родомъ Сербъ, уважаемый сочленами и любимый солдатами.

забыть нарушеніе военной дисциплины, простить ихъ всѣхъ и смѣнить немедленно ротнаго командира. Зная трусливый характеръ полковника, Шекола искусно шепнулъ солдатамъ, чтобы они изъявили согласіе на сіе предложеніе и просили бы новаго ротнаго командира. Ихъ требованіе въ тотъ же день было исполнено; полковой командиръ сдержалъ вполнѣ свое слово.

Вотъ другой примѣръ. Васильковская Управа, ослѣпляясь мнимою силою Южнаго Общества и надеждою счастливаго успѣха своихъ предпріятій, полагала, что въ народѣ и въ арміи Общество не только не встрѣтитъ сопротивленія ко введенію конституціи, но найдетъ даже помощь, и потому намѣревалось воспользоваться сборомъ 3-го корпуса и начать дѣйствія тотчасъ по пріѣздѣ Государя въ лагерь. Обстоятельство сіе было поводомъ ко многимъ разговорамъ и различнымъ предположеніямъ. Многіе члены Южнаго Общества хотѣли даже, чтобы корпусъ поднялъ знамя бунта, не дожидая пріѣзда Государя, полагая, что усердіе членовъ, ропотъ и негодованіе войскъ достаточны для счастливаго начала и окончанія переворота. Славяне знали всѣ эти предположенія, и хотя были убѣждены въ силѣ Южнаго Общества и въ скоромъ преобразованіи Россіи, однакожъ большая часть изъ нихъ, сколько извѣстно, не думали, чтобы во время лагеря можно было начать возстаніе: никто изъ нихъ не сообщилъ еще о своихъ намѣреніяхъ подчиненнымъ, не зналъ ихъ образа мыслей (впрочемъ негодованіе и озлобленіе было общее) и потому не слишкомъ надѣялся на ихъ пособіе, которое, по мнѣнію Славянъ, было необходимымъ условіемъ успѣшнаго переворота. Не смотря на всѣ сіи обстоятельства, Кузминъ, по пылкости и рѣшительности своего характера, былъ готовъ на все, даже— и на невозможное. Преобладаемый, такъ сказать, единственною мыслію о возстаніи, о которомъ только и говорилъ, онъ вообразилъ, что существованіе самовластія въ Россіи приходитъ уже къ концу. Не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ изъ своихъ сочленовъ, этотъ пылкій человѣкъ собралъ роту и объявилъ преданнымъ своимъ солдатамъ о замышляемомъ переворотѣ; въ короткихъ словахъ изъяснилъ имъ причину, цѣль и средства достигнуть онаго. Получивъ отъ подчиненныхъ согласіе и клятву умереть съ нимъ для блага отечества, онъ съ радостнымъ лицомъ явился въ собраніе и торжественно объявилъ, что его рота готова и ожидаетъ только приказанія идти. «Когда назначено возстаніе?» спросилъ онъ при всѣхъ у Горбачевскаго. «Этого никто не знаетъ», отвѣчалъ послѣдній, «начало его зависитъ не отъ насъ, но отъ обстоятельствъ; ты напрасно спѣшишь, мы должны приготовлять медленно нижнихъ чиновъ; можетъ быть только въ будущемъ году намъ

представится случай осуществить наши намѣренія, и вѣроятно не ранѣе».

«Жаль», возразилъ Кузминъ, «я думаю лучше скорѣе начать; пустые толки ни къ чему не ведутъ. Впрочемъ, «прибавилъ онъ», мои солдаты умѣютъ молчать; я сожалѣю только, что объявилъ о семъ юнкеру Полтавскаго полка Богуславскому, и послалъ его въ Житомиръ съ порученіемъ увѣдомить нашихъ друзей о близкомъ возстаніи». Сіи слова были громовымъ ударомъ для многихъ: всѣ знали, что помянутый юнкеръ былъ глупъ, болтливъ и развратенъ, и что онъ безъ разбору все пересказываетъ своему дядѣ, начальнику артиллеріи 3-го корпуса. Никто не могъ удержать справедливаго своего негодованія.

Кузминъ, замѣтя сіе, сказалъ хладнокровно: «Развѣ сего поправить нельзя?» Взялъ шляпу и выходя изъ комнаты, прибавилъ»: «завтра вы найдете его мертвымъ въ постелѣ».

Горбачевскій и Громницкій, зная рѣшительность и твердость Кузмина, зная, что онъ ничего напрасно не говоритъ, схватили его и начали отклонять отъ сего опаснаго предпріятія. «Завтра онъ будетъ мертвымъ», повторяю вамъ, закричалъ въ бѣшенствѣ Кузминъ. Многіе изъ Славянъ окружили его, и послѣ долгихъ преній склонили наконецъ Кузмина отказаться отъ безразсуднаго и даже преступнаго намѣренія лишить жизни глупца, котораго легко можно увѣрить, что Кузминъ, говоря ему о возстаніи, хотѣлъ пошутить надъ его легковѣріемъ и простотою.

Славяне однако не совсѣмъ вѣрили Кузмину и, желая уничтожить въ немъ мысль о степени неосторожности его поступка, старались дать этому обстоятельству видъ маловажности и даже обратили это въ шутку; ибо, если бы Кузминъ замѣтилъ противоположное, несчастный юнкеръ въ тотъ же вечеръ не существовалъ бы.

На другой день нѣкоторые изъ Славянъ объявили Богуславскому, что Кузминъ надъ нимъ шутилъ, смѣясь надъ его легковѣріемъ, и этотъ бѣдный простякъ совершенно повѣрилъ всему и молчалъ [13]).

Сіи два случая, кажется, достаточно подтверждаютъ сказанное выше объ измѣненіи духа Славянскаго Союза по соединеніи онаго съ Южнымъ Обществомъ. Вліяніе Васильковской Управы возбудило бурныя страсти, до того времени дремавшія въ сердцахъ Славянъ. Люди, до того времени почитавшіе себя не въ правѣ дѣлать благодѣянія другимъ безъ ихъ вѣдома и согласія, вдругъ приняли на себя обязанности покровительствовать притѣсняемыхъ и карать притѣснителей. Мнимая

---

[13]) Соловьевъ и Щепила, слѣдуя примѣру Кузьмина, тоже начали приготовлять солдатъ, бывшихъ еще въ лагерѣ.

сила Южнаго Общества и убѣжденіе въ его силѣ породили въ Славянахъ сію гордость и самонадѣянность.

По окончаніи вышеописаннаго совѣщанія, Спиридовъ возвратился въ лагерь, посѣтилъ Муравьева и между прочими разговорами сказалъ ему, что успѣхи Славянскаго Общества невѣроятны. «Каждый день», говорилъ онъ, «общество усиливается новыми членами; кромѣ прежнихъ офицеровъ Черниговскаго полка пріобрѣтено еще нѣсколько новыхъ въ томъ же полку, въ другихъ полкахъ обоихъ дивизій и артиллеріи». Къ удивленію Спиридова Муравьевъ началъ охуждать сію дѣятельность, находилъ ее неумѣстною и сказалъ, что онъ вовсе не желаетъ, чтобъ принимали въ общество его полка офицеровъ, которыхъ онъ лично знаетъ, и коихъ, по его мнѣнію, можно возбудить къ возстанію, объявивъ объ этомъ наканунѣ дѣла. Въ отвѣтъ на сіе Спиридовъ сказалъ ему, что Кузминъ и Соловьевъ состоятъ въ обществѣ Соединенныхъ Славянъ уже два года, и что имъ невозможно воспрепятствовать прямо дѣйствовать; ибо прежнія правила не только даютъ имъ на сіе право, но даже обязываютъ умножать Общество новыми пріобрѣтеніями, налагая на нихъ отвѣтственность за принимаемыхъ членовъ.

«Эти правила», сказалъ Муравьевъ, «уничтожены соединеніемъ обществъ; они могутъ быть пагубны нашему дѣлу. Планъ нашихъ дѣйствій совсѣмъ иной: солдаты и офицеры должны быть приготовляемы, но не должны знать ничего; они будутъ орудіями и произведутъ переворотъ. Вы знаете что́ за люди Русскіе солдаты и офицеры?!»....

Замѣтя такое ложное понятіе о Русскихъ солдатахъ и офицерахъ и видя, какимъ образомъ С. Муравьевъ, а слѣдовательно и другіе главные члены Южнаго Общества, полагаютъ дѣлать переворотъ, Спиридовъ не хотѣлъ входить въ дальнѣйшіе споры и съ прискорбнымъ молчаніемъ удалился.

На другой день послѣ репетиціи смотра, С. Муравьевъ пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ Славянъ. Мы не знаемъ съ какими именно намѣреніями сіе было сдѣлано, но кажется, что онъ хотѣлъ показать Славянамъ на самомъ дѣлѣ силу Южнаго Общества и совершенно разрушить сомнѣніе, которое обозначалось въ словахъ многихъ относительно сего предмета. Догадка сія подтверждается тѣмъ, что даже большая часть членовъ Южнаго Общества не знала причины собранія [14]).

Кирѣевъ, Горбачевскій, Андреевичъ, Веденяпинъ 1-й, Борисовъ 2-й, Громницкій и проч., тотчасъ по окончаніи репетиціи, пришли къ Муравьеву и застали тамъ: Артамона Муравьева, Тизенгаузена, Швей-

---

[14]) Почти всѣ офицеры конной артиллеріи спрашивали у Славянъ, зачѣмъ звалъ ихъ къ себѣ Муравьевъ? Они отвѣчали, что ничего не знаютъ.

ковскаго, Враницкаго, Фролова, Пыхачева, Врангеля, Нащокина, Бестужева-Рюмина и проч. С. Муравьевъ знакомилъ своихъ сочленовъ съ Славянами и старался дружескими разговорами сгладить разницу въ лѣтахъ и чинахъ и внушить имъ взаимную довѣренность. Какъ С. Муравьевъ, такъ и прочіе члены Южнаго Общества, говорили только о злоупотребленіяхъ правительства. Каждый изъ нихъ увѣрялъ въ готовности искоренить зло, доказывалъ необходимость переворота и убѣждалъ въ силѣ Общества, составляемаго изъ благонамѣренныхъ людей, поклявшихся улучшить жребій своего отечества. Артамонъ Муравьевъ произносилъ безпрестанно страшныя клятвы—купить свободу своею кровью. Славяне видѣли въ немъ не только рѣшительнаго республиканца, но и ужаснаго террориста. Аполлонъ Веденяпинъ 1-й, одаренный проницательнымъ умомъ и никогда не довѣрявшій словамъ, особенно въ столь важныхъ случаяхъ, замѣтилъ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей, что не должно полагаться на слова сихъ господъ; что ихъ поведеніе совершенно несогласно съ тѣмъ, что̀ они говорятъ; что по его мнѣнію каждый членъ, какого бы то онъ званія ни былъ, необходимо долженъ представить доказательства преданности къ священному дѣлу не на словахъ, но на самыхъ дѣйствіяхъ; что, сколько ему извѣстно, полковые командиры, состоящіе въ обществѣ, не только не дѣйствуютъ на солдатъ, но даже не стараются принимать въ Общество достойныхъ офицеровъ своихъ полковъ, и что безъ сего никогда нельзя ожидать успѣха. Аполлонъ Веденяпинъ сіи самыя слова повторилъ С. Муравьеву и Бестужеву, прибавляя, что для успѣха въ предпринимаемомъ переворотѣ необходимо, чтобы всѣ члены безъ изъятія отдавали отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ. С. Муравьевъ отвѣчалъ ему, что «вѣроятно Верховная Дума, управляющая Южнымъ Обществомъ, приняла мѣры, и что не должно сомнѣваться въ чувствахъ тѣхъ, которые уже своими дѣлами доказали возвышенность и благородство своей души». Веденяпинъ возразилъ, что онъ не знаетъ никакихъ дѣлъ, и потому судить о нихъ не можетъ, но для побужденія къ дѣйствію недостаточно однихъ чувствъ, къ сему необходима обдуманная и твердая рѣшительность; что въ борьбѣ противъ гигантской власти мало одной военной храбрости, потребно еще гражданское мужество; что надобно заранѣе пріучить себя къ сей мысли: я погибну, если начну дѣйствовать; пусть другіе доканчиваютъ. «Для достиженія цѣли», сказалъ онъ наконецъ, «нужна сила; безъ единства же, совокупности и подчиненности нѣтъ силы, которая сверхъ того тогда только можетъ быть извѣстна, когда есть отчетность».

Никто не поддержалъ Веденяпина, и разговоръ снова обратился на предметы общіе, и снова начались восклицанія. Горбачевскій спросилъ

Муравьева, по какой причинѣ Южное Общество не воспользуется настоящимъ сборомъ корпуса и не начнетъ дѣйствовать? «Я и мои товарищи», продолжалъ онъ, «могутъ ручаться за себя и за своихъ подчиненныхъ; вы сами сему свидѣтели; по вашимъ словамъ большая часть полковыхъ командировъ раздѣляютъ наши мысли и готовы на все, если.....» Въ это время командиръ 5-й конной роты Пыхачевъ схватилъ Горбачевскаго за руку и сказалъ съ жаромъ: «Нѣтъ, милостивые государи, я никому не позволю первому выстрѣлить за свободу моего отечества; эта честь должна принадлежать 5-й конной ротѣ; я начну, да, я». С. Муравьевъ бросился Пыхачеву на шею и оставилъ Горбачевскаго безъ отвѣта. Разговоръ снова перемѣнился. Послѣдствія покажутъ, до какой степени можно было считать на сіи мгновенные порывы и взаимныя увѣренія нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ случай дѣломъ доказать прочность своихъ мнѣній и оправдать надежды Общества.

Выходя отъ Муравьева, Бестужевъ-Рюминъ, остановивъ Борисова 2-го и Бечаснаго, спросилъ ихъ, выбрали ли они посредниковъ? И не дождавшись отвѣта, прибавилъ въ разсѣянности: «сдѣлайте милость не выбирайте Борисова 2-го».—«Мы выбрали Спиридова», сказалъ хладнокровно сей послѣдній; «вы вѣроятно уже объ этомъ знаете».—«А я именно хотѣлъ сказать, чтобъ его не выбирали», подхватилъ Бестужевъ-Рюминъ съ замѣшательствомъ и началъ извиняться въ своей ошибкѣ.

Борисовъ 2-й улыбнулся вмѣсто отвѣта.

«Нельзя ли какъ-нибудь перемѣнить избранія?» продолжалъ Бестужевъ-Рюминъ [15]). «Я убѣжденъ въ невозможности», отвѣчалъ Борисовъ 2-й: «избраніе происходило въ присутствіи избраннаго; почти всѣ голоса были въ его пользу. Устранить его значитъ нанести оскорбленіе не только ему, но всѣмъ избирателямъ; впрочемъ, если вы имѣете на сіе достаточную причину, объясните ее и при будущемъ совѣщаніи предложите новый выборъ».

—«Я не имѣю никакой причины», прервалъ Бестужевъ съ досадою; «но мнѣ бы хотѣлось......»

Бечасновъ вывелъ его изъ сего затруднительнаго положенія, предложивъ раздѣлить Славянское Общество на два округа, такимъ образомъ, что артиллерія будетъ составлять одну управу, а пѣхота другую, изъ коихъ каждая будетъ имѣть своего посредника.

Эта мысль чрезвычайно понравилась Бестужеву; онъ и Муравьевъ просили Славянъ собраться на другой же день и осуществить оную. Апполонъ Веденяпинъ предложилъ съѣхаться на его квартиру, которая находилась въ уединенномъ мѣстѣ, на берегу рѣки, на что и согласи-

---

[15]) Причина сей недовѣрчивости къ Спиридову Бестужева никому неизвѣстна.

лись. За нѣсколько часовъ до назначеннаго времени, Бестужевъ просилъ Славянъ перемѣнить избранное ими мѣсто для совѣщаній и собраться опять у Андреевича. Сію перемѣну онъ основывалъ на какомъ-то особенномъ затрудненіи; послѣ нѣкоторыхъ возраженій онъ получилъ, наконецъ, согласіе и взялся увѣдомить о послѣдовавшей перемѣнѣ офицеровъ Черниговскаго полка.

Славяне собрались у Андреевича гораздо позже назначеннаго времени. Принятые въ Общество члены поручикъ Шультенъ, Тихоновъ (9-й артил. бригады) и старшій адъютантъ 9-й дивизіи Шахировъ, пріѣхали съ Пестовымъ. Вслѣдъ за ними явился Бестужевъ-Рюминъ и пригласилъ собраніе, не дожидая отсутствующихъ членовъ, заняться немедленно дѣлами [16]).

Спиридовъ тотчасъ представилъ составленныя имъ правила. Они заключались въ томъ, что каждый членъ подвергался отвѣтственности за свое бездѣйствіе и долженъ былъ отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ, кому слѣдуетъ, подвергаясь за нескромность, неосторожность и упущенія по дѣламъ Общества удаленію отъ совѣщаній и проч. За значительную же вину наказывался немедленно смертію.

Во время чтенія сего проекта сильное большинство оказалось противъ сихъ правилъ, во главѣ коего былъ Бестужевъ-Рюминъ. Но Борисовъ 2-й, Горбачевскій, Аполлонъ Веденяпинъ и Драгомановъ думали, что сіи правила необходимы и поддерживали Спиридова. Они доказывали, что заговорщики не могутъ быть свободны въ своихъ дѣйствіяхъ; что, принимая на себя священныя, необходимыя, вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасныя обязанности, они болѣе нежели кто-либо должны сами подчинять обществу личную свою свободу, и соблюдать съ точностію правила и постановленія, служащія къ достиженію цѣли, къ сохраненію союза и къ безопасности членовъ онаго: безнаказанное нарушеніе какихъ бы то ни было обязательствъ неминуемо разрушаетъ всякое сообщество, и совѣсть каждаго не всегда можетъ быть вѣрнымъ и надежнымъ блюстителемъ принятыхъ обязательствъ.

Бестужевъ-Рюминъ съ жаромъ отвергалъ сіи доводы, говорилъ о неограниченной свободѣ, о благородствѣ цѣли, о высокости намѣреній. «Для пріобрѣтенія свободы», вскричалъ онъ, «не нужно никакихъ сектъ, никакихъ правилъ, никакого принужденія,—нуженъ одинъ энтузіазмъ. Энтузіазмъ», продолжалъ онъ въ изступленіи, «пигмея дѣлаетъ гигантомъ; онъ разрушаетъ все, и онъ создаетъ новое».

Ему дѣлали возраженія; онъ опять отвѣчалъ; наконецъ, стали собирать голоса, и предложеніе Спиридова было отвергнуто сильнымъ

---

[16]) Отсутствующіе члены были офицеры Черниговскаго полка и Черноглазовъ.

большинствомъ. Большинство сіе вполнѣ раздѣляло мнѣніе Бестужева и не хотѣло слышать ни о какихъ правилахъ.

Тотчасъ послѣ сего Бестужевъ предложилъ новое раздѣленіе Славянскаго Общества на двѣ управы; опять сдѣланы были возраженія, но большинство снова взяло верхъ, при чемъ онъ прибавилъ, что члены 9-й артил. бригады будутъ относиться къ Пестову, который, находясь при корпусной квартирѣ, имѣетъ возможность вести съ Южнымъ Обществомъ постоянныя сношенія, а члены 9-й дивизіи непосредственно поступятъ въ вѣдѣніе Муравьева. Это предложеніе было одобрено; противники онаго не могли даже замедлить его принятія. Тотчасъ приступили къ новому избранію. Спиридовъ былъ снова избранъ (хотя Бестужевъ тайно противился сему) 8-ою пѣхотною дивизіею; мнѣнія артиллеристовъ пали на двухъ кандидатовъ: Борисова 2-го и Горбачевскаго. Первый уклонился самъ, а послѣдній былъ выбранъ посредникомъ. Посредники сіи обязаны были сохранять порядокъ, послѣдовательность и единство въ дѣйствіяхъ управы, наблюдать за поведеніемъ и поступками членовъ. Они одни имѣли право сноситься съ Верховною Думою черезъ С. Муравьева или Бестужева-Рюмина и представлять думѣ разные проекты и мнѣнія членовъ, которые черезъ нихъ получали предписанія Думы относительно дѣйствій, возстанія и проч. Равнымъ образомъ для принятія кого-либо въ члены Общества необходимо было согласіе посредника, который впрочемъ самъ имѣлъ право принимать не только въ члены Общества, но даже изъ нихъ назначать въ заговорщики [17]).

Объяснивъ права и обязанности посредниковъ, безусловное и слѣпое повиновеніе членовъ предписаніямъ Верховной Думы, Бестужевъ-Рюминъ читалъ рѣчь. Въ сей рѣчи онъ доказывалъ пользу соединенія двухъ обществъ, сильно говорилъ о необходимости переворота въ Россіи и краснорѣчиво убѣждалъ въ несомнѣнномъ успѣхѣ онаго. По окончаніи чтенія онъ объявилъ собранію о полученныхъ имъ отъ Борисова 2-го бумагахъ, которыя онъ взялся доставить Верховной Думѣ, восхищался намѣреніемъ и цѣлью Славянскаго Общества; но постепенное стремленіе и отдаленность цѣли ему не нравились. Сдѣлать народъ участникомъ переворота казалось ему весьма опаснымъ; «наша революція», сказалъ онъ, «будетъ подобна революціи Испанской (1823 г.); она не будетъ стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною арміею, безъ участія народа; Москва и Петербургъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возстанія войскъ. Наша конституція утвердитъ навсегда свободу и благоденствіе народа. Будущаго 1826 года въ Августѣ мѣсяцѣ

---

[17]) Это различіе объяснится впослѣдствіи.

Императоръ будетъ смотрѣть 3-й корпусъ, и въ это время рѣшится судьба деспотизма; тогда ненавистный тиранъ падетъ подъ нашими ударами; мы поднимемъ знамя свободы и пойдемъ въ Москву, провозглашая конституцію».

— «Но какія мѣры приняты Верховною Думою для введенія предположенной конституціи», спросилъ его Борисовъ 2-й; «кто и какимъ образомъ будетъ управлять Россіей до совершеннаго образованія новаго конституціоннаго правленія? Вы еще ничего не сказали объ этомъ».

— «До тѣхъ поръ пока конституція не приметъ надлежащей силы, отвѣчалъ Бестужевъ, временное правленіе будетъ заниматься внѣшними и внутренними дѣлами государства, а это можетъ продолжаться десять лѣтъ».

— «По вашимъ словамъ», возразилъ Борисовъ 2-й, «для избѣжанія кровопролитія и удержанія порядка, народъ будетъ вовсе устраненъ отъ участія въ переворотѣ; революція будетъ совершенно военная, одни военные люди произведутъ и утвердятъ ее. Кто же назначитъ членовъ временнаго правленія? Ужели одни военные люди примутъ въ этомъ участіе? По какому праву, съ чьего согласія и одобренія будетъ оно управлять 10 лѣтъ цѣлою Россіею? Чтò составитъ его силу, и какія огражденія представите въ томъ, что одинъ изъ членовъ вашего правленія, избранный воинствомъ и поддерживаемый штыками, не похититъ самовластія?» [18])

Вопросы Борисова 2-го произвели страшное дѣйствіе на Бестужева-Рюмина; негодованіе изобразилось во всѣхъ чертахъ его лица.

«Какъ можете вы меня объ этомъ спрашивать!», вскричалъ онъ съ сверкающими глазами. Мы, которые убьемъ нѣкоторымъ образомъ законнаго Государя, потерпимъ ли власть похитителей! Никогда! Никогда!»

— «Это правда», сказалъ Борисовъ 2-й съ притворнымъ хладнокровіемъ и съ улыбкою сомнѣнія; но Юлій Цезарь былъ убитъ среди Рима, пораженнаго его величіемъ и славою, а надъ убійцами, надъ пламенными патріотами восторжествовалъ малодушный Октавій, юноша 18-ти лѣтъ».

Борисовъ хотѣлъ продолжать, но былъ прерванъ другими вопросами, сдѣланными Бестужеву, о предметахъ вовсе незначительныхъ. Бестужевъ-Рюминъ симъ воспользовался и не отвѣчалъ ничего Борисову 2-му; потомъ, поспѣшая домой, просилъ избранныхъ посредниковъ

[18]) Тоже самое молодой А. С. Хомяковъ въ Ноябрѣ 1825 года предъявлялъ заговорщикамъ, собравшимся въ Петербургѣ у Рылѣева, который до того растерялся отъ его рѣшительныхъ доводовъ, что безъ шапки убѣжалъ изъ собственной квартиры; а конечно Хомяковъ не былъ врагомъ политической, гражданской и всякой свободы. П. Б.

назначить день послѣдняго собранія для утвержденія клятвою соединенія двухъ обществъ и готовности умереть за Россію.

Собраніе было закрыто. Всѣ обратили вниманіе на поспѣшный отъѣздъ Бестужева; вслѣдъ за нимъ уѣхали нѣкоторые изъ членовъ Славянскаго Общества, какъ вдругъ вошелъ Черниговскаго полка поручикъ Щепило, и видя, что собраніе уже кончилось, съ гнѣвомъ сказалъ: «Я и мои товарищи, по сдѣланному прежде условію, пріѣхали къ Веденяпину; не заставъ его дома и не зная ничего о перемѣнѣ мѣста, мы долго дожидали пріѣзда другихъ членовъ; наконецъ рѣшились ѣхать назадъ съ намѣреніемъ найти кого-нибудь изъ сочленовъ и узнать, гдѣ производить совѣщаніе. Недалеко отъ лагеря мы встрѣтили Мозгана, который сказалъ намъ, что мѣсто собранія перемѣнено, по какой причинѣ—сего никто не знаетъ, и что оно уже кончилось. Сія новость весьма огорчила моихъ товарищей; они подозрѣваютъ, что Бестужевъ-Рюминъ и даже нѣкоторые Славяне хотятъ удалить насъ отъ Общества, какъ будто опасныхъ или безпокойныхъ людей. Напрасно я старался уговорить ихъ ѣхать сюда для объясненій: они меня не послушали и говорили только о нанесенномъ имъ оскорбленіи и о своихъ подозрѣніяхъ насчетъ Муравьева и Бестужева-Рюмина».

Слова Щепилы произвели сильное впечатлѣніе на присутствующихъ; они видѣли обманъ со стороны Бестужева, и многіе приняли сторону Черниговскихъ офицеровъ. Борисовъ 2-й просилъ Щепилу употребить всѣ силы для прекращенія возбужденнаго негодованія и предупрежденія ссоры, которая въ самомъ началѣ можетъ разрушить всѣ предпріятія. Для лучшаго успѣха онъ съ нимъ поѣхалъ къ Соловьеву, но не заставъ его дома, онъ долженъ былъ отложить сіи переговоры до другаго дня. Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что во многихъ случаяхъ не можемъ одобрить поведенія Бестужева и Муравьева. Желаніе удалить отъ совѣщаній Черниговскихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ (причину сего мы увидимъ послѣ) разрушило прежнюю связь и довѣренность, которыми всегда хвалилось Славянское Общество.

Рѣчь Бестужева, его пустые и ничего незначущіе отвѣты на вопросы Борисова 2-го, его замѣшательство, неприбытіе Черниговскихъ офицеровъ на совѣщаніе и его скорый выѣздъ изъ собранія, многимъ весьма не понравились и навели на него подозрѣнія. Шультенъ, Тихановъ и Черноглазовъ послѣ сего отказались присутствовать на совѣщаніяхъ и не хотѣли принимать участія въ дѣлахъ Общества. На другой день Горбаческій поѣхалъ къ Кузмину и Архипову, объяснилъ, почему онъ ихъ не увѣдомилъ о перемѣнѣ мѣста, назначеннаго для собранія, и убѣдилъ ихъ, вмѣстѣ съ нимъ, идти къ Бестужеву и Муравьеву, желая объяснить все недоразумѣніе, породившее столь непрі-

ятныя чувства. Придя къ Муравьеву, Горбачевскій спросилъ его, почему онъ удаляетъ отъ совѣщаній Черниговскихъ офицеровъ и по какому праву онъ это дѣлаетъ?

Муравьевъ отвѣчалъ хладнокровно, что все касающееся до Черниговскаго полка принадлежитъ ему исключительно, и онъ не позволитъ никому другому вмѣшиваться въ его распоряженія.

— «Но какимъ образомъ», возразилъ Горбачевскій, «мы можемъ прекратить сношенія съ тѣми, которые уже около двухъ лѣтъ считаются нашими сочленами; мнѣ кажется для сего нужно наше и ихъ согласіе?»

Отвѣтъ Муравьева былъ точно такой же, какъ и первый; казалось, онъ не хотѣлъ дать никакихъ объясненій и заставить ихъ изъ уваженія къ нему забыть оскорбленіе и кончить ссору. Но онъ обманулся; его настойчивость и хладнокровіе привели Кузмина въ бѣшенство.

— «Черниговскій полкъ», вскричалъ онъ внѣ себя отъ ярости, «не вашъ и не вамъ принадлежитъ; я завтра взбунтую не только полкъ, но и цѣлую дивизію; не думайте же, г-нъ подполковникъ, что я и мои товарищи пришли просить у васъ позволенія быть патріотами», повернулся и вышелъ вонъ.

Бестужевъ-Рюминъ подошелъ къ Сухинову и старался оправдать себя и Муравьева, однакожъ его оправданія не произвели никакого дѣйствія. Сухиновъ, не слушая ихъ, сказалъ ему въ сильномъ гнѣвѣ: «Если онъ когда-нибудь вздумаетъ располагать мною и моими товарищами, удалять насъ отъ тѣхъ, съ которыми мы быть хотимъ въ связи, и сближать съ тѣми, которыхъ мы не хотимъ знать, то клянусь всѣмъ для меня священнымъ, что я тебя изрублю въ мелкіе куски; знай навсегда, что мы найдемъ дорогу въ Москву и Петербургъ; намъ не нужны такіе путеводители какъ ты и».... (тутъ онъ взглянулъ на С. Муравьева).

Муравьевъ, видя, что сіи объясненія могутъ имѣть весьма вредныя слѣдствія, перемѣнилъ тонъ и началъ хвалить чувствованія Кузмина и Сухинова, превозносилъ ихъ любовь къ отечеству и сказалъ наконецъ: «Я не имѣлъ никогда намѣренія что-либо скрывать отъ такихъ достойныхъ людей; но хотѣлъ только имѣть честь сноситься съ вами прямо какъ съ товарищами одного полка», и тому подобное.

За симъ послѣдовало примиреніе. Разговоры Щепилы и Борисова успокоили совершенно Черниговскихъ офицеровъ и другихъ членовъ, и все пришло въ прежній порядокъ. Здѣсь должно замѣтить, что до 4-го совѣщанія ни Бестужевъ-Рюминъ, ни С. Муравьевъ ничего не говорили о покушеніи на жизнь императора Александра, хотя при первомъ свиданіи съ Борисовымъ и Горбачевскимъ С. Муравьевъ старался

проникнуть мысли Славянъ на сей счетъ и узнать, думаютъ ли они, что Государь согласится дать конституцію, и что, давши оную, соблюдетъ ее съ точностію? Борисовъ 2-й, при всей своей осторожности и недовѣрчивости своего характера, говорилъ всегда о переворотѣ чистосердечно и свободно; но какъ цѣль Славянскаго Союза была чрезвычайно отдаленна, то никто изъ членовъ сего Общества не дѣлалъ себѣ вопроса, чтò будетъ съ царствующимъ Императоромъ и его домомъ? Каждый считалъ безполезнымъ заниматься рѣшеніемъ онаго. Славянское Общество желало радикальной перемѣны, намѣревалось уничтожить политическіе и нравственные предразсудки, однакожъ всѣмъ своимъ дѣйствіямъ хотѣло дать видъ естественной справедливости и потому, гнушаясь насильственныхъ мѣръ какого бы рода они ни были, почитало всегда самымъ лучшимъ средствомъ законность. Посему Борисовъ 2-й и нѣкоторые изъ его товарищей осуждали.... и всѣ вообще дворцовыя революціи, но одобряли судъ Карла I-го, Людовика XVI-го, изгнаніе Іакова II-го и заточеніе Фердинанда VII-го.

С. Муравьевъ, желая вѣроятно приготовить Славянъ къ мысли Южнаго Общества, т. е. къ истребленію всей царской фамиліи, сказалъ однажды Борисову 2-му и Горбачевскому, что невозможно полагаться на слова Государя, и въ доказательство привелъ поступокъ Испанскаго короля съ конституціонистами [19]). Борисовъ 2-й, не зная помянутой мѣры Южнаго Общества, выразилъ откровенно мысли своего Общества слѣдующими словами: «Народъ долженъ дѣлать условія съ похитителями власти не иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ, купить свободу кровію и кровію утвердить ее; безразсудно требовать, чтобы человѣкъ, родившійся на престолѣ и вкусившій сладость властолюбія съ самой колыбели, добровольно отказался отъ того, чтó онъ привыкъ почитать своимъ правомъ; хотя нѣкоторые и приводятъ въ примѣръ Траяна, который хотѣлъ въ Римской имперіи ввести демократическое правленіе, но Траянъ можетъ быть исключеніемъ очень рѣдкимъ какъ въ физической, такъ и въ нравственной природѣ человѣка, и не можетъ служить правиломъ и руководствомъ».

Вѣроятно Муравьевъ и Бестужевъ слова Борисова приняли въ пользу мѣръ Южнаго Общества и думали, что истребленіе царствующаго дома не будетъ новостію для Славянъ; однакожъ во всѣхъ сво-

---

[19]) О Сергѣѣ Муравьевѣ (сынѣ дипломата и нашего посланника въ Испаніи) не лишнее припомнить, что по матери своей (ур. Черноевичъ) онъ былъ южнаго происхожденія, а раннюю молодость и года ученія провелъ въ Парижѣ, гдѣ еще много оставалось членовъ такъ называемаго Легіона Цареубійцъ (Légion des régicides), успѣвшаго погубить императора Леопольда II-го, короля Густава III-го и злоумышлявшаго на жизнь Екатерины Великой. П. Б.

ихъ разговорахъ они никогда не упоминали о сей мѣрѣ, и на 4-мъ только совѣщаніи, какъ мы видѣли, Бестужевъ, увлеченный энтузіазмомъ, въ первый разъ въ присутствіи Славянъ вскрикнулъ: «тогда тиранъ падетъ подъ нашими ударами». Впрочемъ и сіе восклицаніе можно было принять въ переносномъ смыслѣ, если бы на томъ же совѣщаніи онъ не сказалъ Борисову 2-му: «мы, которые убьемъ законнаго Государя». Это одно объясняетъ, почему многіе изъ Славянъ показывали въ слѣдственной коммиссіи, что злоумышленіе на царствующій домъ было извѣстно всѣмъ Славянамъ, и что объ этомъ было говорено неоднократно, между тѣмъ Борисовъ 2-й, Горбачевскій и еще нѣкоторые всѣми силами отрицали сіи показанія, и на ихъ сторонѣ была справедливость.

Безъ сомнѣнія тѣ даже, которые говорили утвердительно о истребленіи, никогда не думали о семъ; разсуждая о близкомъ переворотѣ, зная, что форма правленія должна быть республиканская, они полагали, что Императоръ и его домъ не могутъ остаться въ Россіи, и можетъ быть послѣ словъ Бестужева-Рюмина «убьемъ законнаго Государя», истребленіе всей царской фамиліи показалось имъ самымъ надежнымъ и скорымъ рѣшеніемъ сего труднаго вопроса.

Если бы планъ сего сочиненія не заставлялъ насъ заняться главнѣйшими происшествіями и избѣгать разсужденій, то мы могли бы подтвердить нашу мысль многими другими разговорами Славянъ и тѣмъ доказать, что помянутое истребленіе никогда не было предметомъ общихъ разсужденій на совѣщаніяхъ.

13 Сентября, въ день назначенный для послѣдняго совѣщанія, всѣ члены Славянскаго Общества поспѣшили собраться на квартиру Андреевича 2-го. Это собраніе было многочисленное и представляло любопытное зрѣлище для наблюдателя. Люди различныхъ характеровъ, волнуемые различными страстями, кажется, помышляли только о томъ какъ бы слиться въ одно желаніе и составить одно цѣлое: всѣ ихъ мысли были заняты предпріятіемъ освобожденія отечества; всѣ ихъ надежды затмѣвались надеждою блистательныхъ и несомнѣнныхъ успѣховъ. Радость, самоотверженіе блистали на ихъ лицахъ; посреди всеобщаго упоенія, проницательный взоръ наблюдателя могъ бы замѣтить, что не всѣ Славяне чистосердечно радовались соединенію ихъ общества съ Южнымъ, подобно какъ просвѣщенный путешественникъ, присутствующій при шумномъ и радостномъ торжествѣ дикихъ, погребающихъ одного изъ своихъ собратій, читаетъ въ глазахъ отца и супруги скорбное чувство разлуки и видитъ незамѣчаемую никѣмъ слезу, посвященную памяти умершаго. Пріѣздъ Бестужева-Рюмина довершилъ упоеніе. Онъ говорилъ снова объ успѣхахъ, о счастіи пожертвовать

собою для блага своихъ согражданъ, и послѣ сего каждый хотѣлъ произнести немедленно требуемую клятву; всѣ съ жаромъ клялись при первомъ знакѣ явиться въ назначенное мѣсто, съ оружіемъ въ рукахъ, употребить всѣ способы для увлеченія своихъ подчиненныхъ, дѣйствовать съ преданностію и съ самозабвеніемъ. Бестужевъ-Рюминъ, снявъ образъ висѣвшій на его груди, поцѣловалъ оный пламенно, призывая на помощь Провидѣніе; съ величайшимъ чувствомъ произнесъ клятву умереть за свободу, и передалъ оный Славянамъ, близъ него стоявшимъ. Невозможно изобразить сей торжественной, трогательной и вмѣстѣ странной сцены. Воспламененное воображеніе, потокъ бурныхъ и неукротимыхъ страстей, производили безпрестанныя восклицанія. Чистосердечныя, торжественныя, страшныя клятвы смѣшивались съ криками: «Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ народъ! Да погибнетъ различіе сословій! Да погибнетъ дворянство вмѣстѣ съ царскимъ саномъ!»... Образъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Славяне съ жаромъ цѣловали его, обнимали другъ друга съ горящими на глазахъ слезами, радовались какъ дѣти,—однимъ словомъ, это собраніе походило на сборище людей изступленныхъ, которые почитали смерть верховнымъ благомъ, искали и требовали оной [20]). Бестужевъ-Рюминъ, пораженный и тронутый сими чувствами, симъ бурнымъ порывомъ энтузіазма, или, желая, можетъ быть, надеждою лучшей будущности еще болѣе воспламенить страсти Славянъ, сказалъ со слезами на глазахъ: «Вы напрасно думаете, что славная смерть есть единственная цѣль вашей жизни; отечество всегда признательно: оно щедро награждаетъ вѣрныхъ своихъ сыновъ. Наградою вашего самоотверженія будетъ не смерть, а почести и достоинства; вы еще молоды, и васъ ожидаетъ не мученическій вѣнецъ, но вѣнецъ славы и счастія». Сіи слова, подобно магическому жезлу Эндоры, въ одно мгновеніе перемѣнили сцену: шумныя восклицанія умолкли, негодованіе заступило мѣсто упоенія: «Говоря о наградахъ», вскрикнули многіе, «вы обижаете насъ!» «Не для наградъ, не для пріобрѣтенія почестей хотимъ освободить Россію», говорили другіе. «Сражаться до послѣдней капли крови: вотъ наша награда!» закричали съ неистовствомъ нѣкоторые. Бестужевъ-Рюминъ смѣшался, видя, что неумѣстно выразился на счетъ наградъ; но сіе справедливое негодованіе прошло послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Бестужевымъ: они успокоили Славянъ, которые снова предались изліянію своихъ чувствъ.

---

[20]) Когда Бестужева вели на казнь, онъ сей самый образъ, надъ которымъ клялись Славяне, подарилъ своему сторожу, который былъ при немъ въ казематѣ. Сторожъ продалъ оный образъ Лунину, у котораго оный и теперь хранится.

15 Сентября С. Мураевьевъ попросилъ къ себѣ Спиридова, Горбачевскаго и Пестова, которые пріѣхали къ нему въ назначенный часъ. Бестужевъ-Рюминъ началъ разговоръ похвалами Славянскому Обществу, разсказывалъ и повторялъ нѣсколько разъ С. Муравьеву, съ какимъ восторгомъ они произносили клятву соединенія двухъ обществъ, превозносилъ ихъ преданность къ общему дѣлу, и тому подобное. Но Спиридовъ, Горбачевскій и Пестовъ все еще не знали, за чѣмъ ихъ къ себѣ звалъ С. Муравьевъ. Сначала они полагали, что онъ ихъ приглашаетъ къ себѣ по какимъ-нибудь моловажнымъ обстоятельствамъ, или для того, чтобы кончить какіе-нибудь переговоры; но вышло противное (мы увидимъ въ скорости, чего хотѣли С. Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ отъ Славянъ, на чтò они согласились и въ чемъ отказали С. Муравьеву). Разговоръ сдѣлался общимъ: разсуждали о сношеніяхъ съ Верховною Думою, о дѣйствіи на нижнихъ чиновъ и пр. Спиридовъ, Пестовъ и Бестужевъ-Рюминъ перешли къ разсужденіямъ о принятии членовъ и, по несогласію мнѣній относительно сего предмета, между ними произошелъ довельно жаркій споръ. Сергѣй Муравьевъ съ Горбачевскимъ, удалившись въ другой конецъ комнаты, разговаривали о возстаніи, въ особенности о приготовленіи солдатъ. Горбаческій утверждалъ, что отъ солдатъ ничего не надобно скрывать, но стараться съ надлежащею осторожностію объяснить имъ всѣ выгоды переворота и ввести ихъ постепенно, такъ сказать, во всѣ тайны Общества, разумѣется не открывая имъ сего, заставить ихъ о семъ думать и дойти до того, чтобы они сражались не въ минуту энтузіазма, но постоянно, за свои мысли и за отыскиваемыя ими права. Здѣсь Горбачевскій разсказалъ С. Муравьеву предполагаемый Славянами планъ дѣйствія на нижнихъ чиновъ и говорилъ, что должно принять всѣмъ членамъ одинакій способъ дѣйствій. Онъ былъ убѣжденъ, что откровенность и чистосердечіе подѣйствуютъ на Русскаго солдата болѣе, нежели всѣ хитрости махіавелизма. Муравьевъ думалъ иначе: ему казалось не только безполезнымъ, но даже опаснымъ открывать солдатамъ что-либо клонящееся къ цѣли общества; что они отнюдь не въ состояніи понять выгодъ переворота; что республиканское правленіе, равенство сословій и избраніе чиновниковъ будутъ для нихъ загадкою сфинкса. Горбачевскій возражалъ, что сихъ политическихъ тонкостей не нужно имъ толковать и разсказывать, но что на это есть другой языкъ, который они поймутъ, лишь бы только сообразались съ ихъ понятіями. Кромѣ того, прибавилъ онъ, у всякаго командира есть столько способовъ, что если солдаты, во время возстанія, за нимъ не пойдутъ, то конечно командиръ самъ виноватъ, и сіе должно приписать ничему другому какъ его нехотѣнію, или просто

нерадѣнію. С. Муравьевъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, лучшій способъ дѣйствовать на Русскихъ солдатъ религіею; что въ нихъ должно возбудить фанатизмъ и что чтеніе Библіи можетъ внушить имъ ненависть къ правительству. „Нѣкоторыя главы", продолжалъ онъ, „содержатъ прямыя запрещенія отъ Бога избирать царей и повиноваться имъ. Если Русскій солдатъ узнаетъ сіе повелѣніе Божіе, то, не колеблясь ни мало, согласится поднять оружіе противъ своего Государя". „Я съ вами несогласенъ", отвѣчалъ Горбачевскій: „вы знаете, что терпимость составляетъ отличительную черту Русскаго народа; вамъ не нужно говорить, что ни священники, ни монахи не могутъ имѣть вліянія на Русскихъ и что они пользуются весьма невыгоднымъ для нихъ мнѣніемъ между нашими соотечественниками. Скажите, можно ли съ Русскимъ говорить языкомъ духовныхъ особъ, на которыхъ онъ смотритъ съ весьма худой стороны? Я думаю, что между нашими солдатами можно болѣе найти вольнодумцевъ, нежели фанатиковъ, и легко можетъ случиться, что здравый смыслъ заставитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сказать, что запрещеніе Израильтянамъ избирать царя было не Божіе повелѣніе, а обманъ и козни священниковъ-левитовъ, желавшихъ поддержать теократію".—„Вы дѣлаете много чести нашимъ солдатамъ", возразилъ С. Муравьевъ: „простой народъ добръ, онъ никогда не разсуждаетъ, и потому онъ долженъ быть орудіемъ для достиженія цѣли". Говоря сіе, онъ вынулъ изъ ящика исписанный листъ бумаги и, подавая его Горбачевскому, сказалъ: „Повѣрьте мнѣ, что религія всегда будетъ сильнымъ двигателемъ человѣческаго сердца; она укажетъ путь къ добродѣтели, поведетъ къ великимъ подвигамъ Русскаго, по вашимъ словамъ равнодушнаго къ религіи, и доставитъ ему мученическій вѣнецъ". Горбачевскій молча взялъ бумагу изъ рукъ Муравьева, пробѣжалъ ее глазами и увидѣлъ, что это переводъ той главы изъ Ветхаго Завѣта, гдѣ описывается избраніе Израильтянами царя Саула. „Это все очень хорошо", сказалъ онъ, отдавая назадъ Муравьеву помянутый листъ; „но я увѣренъ, что никто изъ Славянъ не согласится такимъ образомъ дѣйствовать; что же касается до меня, то я

первый отвергаю сей способъ и не прикоснусь до сего листа". Въ это время подошелъ къ нимъ Спиридовъ. С. Муравьевъ, отдавая ему сей листъ, повторилъ сіе мнѣніе. Услышавъ оное, Спиридовъ началъ поддерживать мнѣніе Горбачевскаго, говоря, что сей способъ совершенно не соображенъ съ духомъ Русскаго народа; что онъ не принесетъ никакой пользы, и что кто проникнутъ чувствомъ религіи, тотъ не станетъ употреблять столь священный предметъ орудіемъ для достиженія какой либо посторонней цѣли. Муравьевъ силился доказать Горбачевскому, что сіе средство дѣйствовать на солдатъ есть самое надежное; Горбачевскій же, напротивъ, утверждалъ, что оно относительно Русскаго солдата есть совершенно безполезное, и что ежели ему начнутъ доказывать Ветхимъ Завѣтомъ, что ненадобно царя, то съ другой стороны, ему съ малолѣтства твердятъ и будутъ доказывать Новымъ Завѣтомъ, что идти противъ царя значитъ идти противъ Бога и религіи и, наконецъ, что никто не захочетъ входить въ теологическіе споры съ солдатами, которые совсѣмъ не въ томъ положеніи, чтобы ихъ понимать, и не тѣ отношенія между ними и офицерами. Муравьевъ замолчалъ, положилъ бумагу въ ящикъ и обратилъ разговоръ на другой предметъ. Мы не будемъ здѣсь разсуждать, почему Муравьевъ полагалъ, что Священнымъ Писаніемъ можно привлечь къ дѣлу солдатъ, и показать имъ, какимъ образомъ должны управляться народы; не будемъ также доказывать, ложно ли или справедливо было сіе его мнѣніе, но только скажемъ, что ни Горбачевскій, ни Спиридовъ не только не приняли предложенія С. Муравьева, но даже въ послѣдствіи оставили его безъ всякаго вниманія и не сообщали его своимъ товарищамъ, ибо напередъ знали, что они будутъ противнаго мнѣнія.

Такимъ образомъ кончилось замѣчательное и странное совѣщаніе. Описывая его подробно, со всею справедливостію и истиною, мы хотимъ показать, какимъ образомъ дѣйствовали С. Муравьевъ и Бестужевъ, чего они хотѣли и должно ли было имъ такъ поступать съ людьми, которые, не скрывая отъ нихъ ничего, и которые, одинъ

разъ рѣшившись на все, не подвергая обсужденію предложенія Бестужева, хладнокровно и безъ всякаго противорѣчія, назначили себя въ убійцы изъ одного убѣжденія, что сего требуетъ цѣль общества и успѣхъ предпріятія. Но между тѣмъ, Бестужевъ и Муравьевъ не замѣтили самаго важнаго: отъ ихъ вниманія ускользнуло, что, дѣйствуя такимъ образомъ, они теряютъ довѣренность, необходимую въ столь важныхъ случаяхъ и наводятъ на себя подозрѣнія. Славяне ясно видѣли, что съ ними обходятся неоткровенно и употребляютъ извороты, вовсе не нужные, чтобы получить отъ нихъ согласіе. Однако, не смотря на сіе, имѣя всегда въ виду только достиженіе цѣли, они согласились и молчали обо всемъ, единственно для того еще, чтобы не повредить успѣху дѣла. Не менѣе того, заговорщики съ сей минуты еще болѣе убѣдились въ невыгодныхъ мнѣніяхъ на счетъ откровенности Муравьева и Бестужева, и вообще на счетъ дѣлъ ихъ Общества.

Муравьевъ и Бестужевъ, прощаясь съ Пестовымъ и Горбачевскимъ, просили ихъ сообщить о всемъ происходившемъ на семъ совѣщаніи Борисову 2-му и желали, чтобъ онъ непремѣнно, до выхода изъ лагеря, съ ними повидался. Борисовъ 2-й, на другой день, рано утромъ былъ у Муравьева и Бестужева (они вмѣстѣ жили), которые, сообщивъ ему помянутую мѣру Южнаго Общества, объявили ему, что онъ поступилъ въ заговорщики и взяли съ него клятвенное обѣщаніе.

Въ тотъ же день, т. е. 16 Сентября, всѣ полки и артиллерійскія роты, бывшія въ лагерѣ, выступили на кантониръ-квартиры.

Краткое описаніе сихъ происшествій Лещинскаго лагеря доказываетъ, сколь сильное вліяніе имѣло соединеніе двухъ обществъ на направленіе дѣйствій и будущую судьбу оныхъ. Постараемся теперь означить сколько возможно отличительныя черты ккждаго изъ этихъ обществъ: сіе сближеніе яснѣе покажетъ составныя части и характеръ оныхъ.

Члены Южнаго Общества дѣйствовали, большею частію, въ кругу высшаго сословія людей; богатство, связи, чины и значительныя должности считались какъ бы необходимымъ условіемъ для вступленія въ Общество; они думали призвести переворотъ одною военною силою, безъ участія народа, не открывая даже предварительно тайны своихъ намѣреній ни офицерамъ, ни нижнимъ чинамъ, изъ коихъ первыхъ надѣялись увлечь энтузіазмомъ и обѣщаніями, а послѣднихъ—или тѣми же средствами, или деньгами и угрозами [21]). Сверхъ того, такъ какъ

---

[21]) Въ справедливости сего мы могли бы привести множество примѣровъ, но скажемъ главные, которые служатъ доказательствомъ нашего мнѣнія.

Изъ происшествій Лещинскаго лагеря легко можно видѣть, что С. Муравьевъ и Бестужевъ съ трудомъ согласились, чтобы Славяне дѣйствовали на солдатъ, и когда дали оное согласіе, то не иначе какъ съ ограниченіемъ, какъ-то: дѣйствовать медленно, косвенно. Мы смѣло утверждаемъ, чему всѣ свидѣтели, бывшіе въ Лещинѣ, что полковые командиры всегда говорили, въ томъ числѣ и С. Муравьевъ, что они безъ всякаго предварительнаго приготовленія увлекутъ за собою солдатъ и офицеровъ. Сему служатъ (доказательствомъ?) самые рѣзкіе примѣры.

Ни одинъ полковой командиръ 9-й дивизіи, 8-й гусарской и командиръ артиллерійской роты, никто изъ нихъ, никогда, изъ своего полка не принялъ ни одного офицера въ Общество. (Хотя въ полкахъ сихъ дивизій находилось много членовъ Общества изъ субалтернъ-офицеровъ, но всѣ они были приняты или Славянами, или Бестужевымъ-Рюминымъ). Муравьевъ не только не принималъ въ члены офицеровъ Черниговскаго полка, но даже не зналъ, что съ нимъ служатъ офицеры, которые уже два года принадлежатъ къ другому тайному обществу. Мнѣніе, что можно увлечь съ собою офицеровъ и солдатъ, было единственною причиною, которая заставляла С. Муравьева противиться, чтобы Черниговскаго полка офицеры не принимали никакого участія въ сообщеніяхъ бывшихъ въ Лещинѣ, и сія же самая причина была удивленію Бестужева, при первомъ совѣщаніи (прим. 2), когда онъ увидѣлъ тамъ 9-й дивизіи поручика Усовскаго. Черниговскаго полка офицеры прямо дѣйствовали на солдатъ, но о семъ никогда не зналъ С. Муравьевъ; никогда сіи офицеры не говорили ему о семъ, ибо знали напередъ, что онъ будетъ сему противиться.

Вятскаго полка командиръ Пестель никогда не заботился объ офицерахъ и угнеталъ самыми ужасными способами солдатъ, думая симъ возбудить въ нихъ ненависть къ правительству. Вышло совершенно противное. Солдаты были очень рады, когда его избавились, и послѣ его ареста они показали на него жалобы. Непонятно, какъ онъ могъ себѣ вообразить, что солдаты сіе угнетеніе вовсе не отнесутъ къ правительству, но къ

члены Южнаго Общества были, большею частію, люди зрѣлаго возраста, занимавшіе довольно значущія мѣста, имѣвшіе нѣкоторый вѣсъ по гражданскимъ отношеніямъ, то для нихъ было тягостно самое равенство ихъ свободнаго соединенія; привычка повелѣвать невольно брала верхъ и мѣшала повиноваться равному себѣ, и тѣмъ болѣе препятствовала имѣть довѣренность въ сношеніяхъ по Обществу съ лицами стоящими ниже ихъ въ гражданской іерархіи.—Славяне, напротивъ, въ дѣйствіяхъ своихъ руководствовались совершенно противоположными началами: они требовали отъ своего сочлена, ни мало не взирая на свѣтскія его отношенія, старанія стремиться къ собственному усовершенствованію, презрѣнія къ предразсудкамъ и твердаго и обдуманнаго желанія полнаго во всемъ преобразованія. Они были проникнуты общирностію своего плана, и для приведенія его въ исполненіе считали необходимымъ содѣйствіе всѣхъ сословій; въ народѣ искали они помощи, безъ которой всякое измѣненіе непрочно; собственнымъ же своимъ положеніемъ убѣждались, что частная воля, частное желаніе—ничтожны безъ сего всемощнаго двигателя въ политическомъ мірѣ. Славяне всѣ безъ исключенія, люди молодые, пылкіе, довѣрчивые и рѣшительные, не могли ограничиваться одними желаніями: дѣятельность сдѣлалась потребностію ихъ души, жаждущей овладѣть желаемымъ. Равенство и даже подчиненность въ стремленіи къ общему дѣлу не могли устрашить тѣхъ, которые еще не вкусили яда власти. Однако, не смотря на разномысліе въ средствахъ и образѣ дѣйствій, сіи люди соединились и поклялись, жертвуя всѣмъ, достигнуть цѣли. Сближеніе сіе конечно измѣнило нѣсколько характеръ Васильковской Управы, но не могло вполнѣ пробудить ее отъ бездѣйствія. Славяне же, укрѣпленные новыми силами, начали еще съ бо́льшимъ рвеніемъ дѣйствовать на своихъ

нему самому: они видѣли, что въ другихъ полкахъ солдатамъ лучше нежели имъ; слѣдовательно, понимали и даже говорили, что сіе угнетеніе не отъ правительства, а отъ полковаго командира. Полковникъ Тизенгаузенъ всегда говорилъ, что для него довольно будетъ, если онъ, выстроивши полкъ, выкативши нѣсколько бочекъ вина, выдавши нѣсколько денегъ, вызвавши пѣсенниковъ впередъ, крикнувши: „ребята, за мной!“—чтобы полкъ двинулся и дѣйствовалъ въ смыслѣ его.—Бригадный командиръ 3-й конной бригады, подполковникъ Фроловъ, и ротный командиръ 5-й конной роты капитанъ Пыхачевъ, говорили тоже самое, что̀ и полковникъ Тизенгаузенъ, прибавляя еще къ ихъ словамъ, что онъ прикажетъ дать нѣсколько кусковъ сала въ кашицу, и Русскіе солдаты пойдутъ за нимъ. Бывшій командиръ 27-й конно-артиллерійской роты, подполковникъ Янтальцевъ, однажды спросилъ у Горбачевскаго: „зачѣмъ въ 8-й артиллерійской бригадѣ объявили солдатамъ и фейерверкерамъ о замышляемомъ переворотѣ?“—„Затѣмъ“, отвѣчалъ ему Горбачевскій, „чтобы имъ знать за что они будутъ сражаться и поэтому быть совершенно убѣждену въ ихъ содѣйствіи и усердіи, и быть увѣрену всякую минуту въ готовности ихъ къ возстанію“.—„Этого никогда не должно дѣлать: я бы свою роту, еслибъ она за мной не пошла, погналъ бы палкою“, возразилъ Янтальцевъ.

подчиненныхъ. Плодомъ ихъ дѣйствія было возстаніе Черниговскаго полка, которое составляетъ главный предметъ нашего разсказа. Сила обстоятельствъ заставила, можетъ-быть, начать его ранѣе нежели слѣдовало, и надолго удалила Россію отъ того благоденствія, которое ей обѣщало сіе благородное усиліе людей истинно благомыслящихъ. Приступимъ къ описанію сего незабвеннаго происшествія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изложимъ предварительно всѣ содѣйствовавшія оному обстоятельства.

Немедленно, по возвращеніи изъ Лещинскаго лагеря на зимнія квартиры, Славяне, горѣвшіе нетерпѣніемъ достигнуть желаемой цѣли, начали распространять свои мысли между нижними чинами. Въ 9-й дивизіи, офицеры Черниговскаго полка еще во время лагеря дѣйствовали на солдатъ; прибывъ на квартиры, они усилили свои дѣйствія и неослабимо, съ величайшею ревностію, приготовляли своихъ подчиненныхъ,—будущихъ сподвижниковъ великаго дѣла. Въ полкахъ 6-й дивизіи, члены Общества также не оставались праздными и всѣми способами стремились къ избранной цѣли; но можно положительно сказать, что никто изъ нихъ не дѣйствовалъ сильнѣе и рѣшительнѣе артиллеристовъ 8-й бригады. Они употребляли всѣ возможныя усилія къ приготовленію своихъ подчиненныхъ, старались какъ бы слиться съ ними, породнить ихъ съ своими мыслями и желаніями; они даже открыли имъ всѣ свои намѣренія, и когда повѣряли имъ свои надежды, въ семъ случаѣ Славяне Черниговскаго полка и 8-й бригады переступили, можетъ быть, границы благоразумія; но къ ихъ счастію и къ чести Русскихъ, между нижними чинами не нашлось ни одного измѣнника: за довѣренность своихъ офицеровъ они платили скромностію и вѣрностію, слушали пылкихъ Славянъ со вниманіемъ, любопытствомъ, хотя и не безъ удивленія; нѣкоторые изъ нихъ даже клялись слѣдовать всюду за добрыми, какъ они говорили, офицерами, и если нужно—умереть вмѣстѣ съ ними. Какое-то темное желаніе измѣнить существующій порядокъ вещей волновало ихъ умъ и сердце; настоящее положеніе было имъ тягостно; они хотѣли перемѣны, но какой?—они въ томъ не могли себѣ сначала дать яснаго отчета.

Въ концѣ Октября мѣсяца, командированъ былъ начальствомъ Андреевичъ 2-й въ Кіевскій арсеналъ для черченія плановъ [22]). Горбачевскій послалъ съ нимъ письмо къ Бестужеву, гдѣ описывалъ дѣйствія Славянъ на нижнихъ чиновъ, готовность ихъ къ возстанію и

[22]) Послѣ лагеря, Андреевичъ былъ переведенъ изъ 2-й легкой роты въ 1-ю батарейную 8-й же бригады.

принятіе новыхъ членовъ. Въ семъ письмѣ успѣхи Славянъ нисколько не были преувеличены: они желали чистосердечно переворота, потому дѣйствовали смѣло и были увѣрены въ скоромъ исполненіи ихъ желаній. Тутъ же было приложено мнѣніе Петра Борисова относительно приготовленія артиллеріи и передѣлки снарядовъ: онъ предлагалъ управляющимъ обществами найти способы внушить начальству, чрезъ когонибудь изъ близкихъ къ оному, мысль объ отданіи приказа по корпусу на счетъ осмотра и передѣлки всѣхъ вообще зарядовъ, и полагалъ необходимымъ привести сію мѣру въ дѣйствіе, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ ротахъ артиллеріи, гдѣ находятся члены общества [23]).

Среди сихъ занятій и приготовленій получено было извѣстіе о внезапной смерти Александра I. Сіе неожиданное происшествіе призывало къ немедленному возстанію. Различныя чувства волновали сердца, ожиданія, надежды приводили умы въ движеніе; но все было спокойно. Въ началѣ Декабря, военные и гражданскіе чиновники получили повелѣніе приступить къ присягѣ новому императору Константину. Славяне присягали съ неудовольствіемъ и, пользуясь симъ случаемъ, старались внушить своимъ подчиненнымъ недовѣренность къ правительству и представить сію присягу, какъ обстоятельство, вынужденное насиліемъ, отъ которой каждый можетъ освободиться при первомъ благопріятномъ случаѣ, безъ малѣйшаго упрека совѣсти. — Въ Черниговскомъ полку, сами обстоятельства помогали офицерамъ дѣйствовать на солдатъ въ семъ смыслѣ. Командиръ сего полка, подполковникъ Гебель, не соображаясь нисколько съ духомъ времени, ни съ важностью присяги, поступилъ какъ обыкновенно поступаютъ наши должностные люди, по мнѣнію коихъ все искусство въ управленіи состоитъ въ томъ, чтобы сбыть съ рукъ скорѣе дѣло. Пользуясь сборомъ полка для присяги, онъ вздумалъ привести въ исполненіе сентенцію главнокомандующаго 1-ю арміею надъ двумя рядовыми, приговоренными за грабительство къ позорному наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжную работу. Такимъ образомъ, въ одинъ и тотъ же часъ, по его распоряженію, были исполнены два повелѣнія, разительно противуположныя одно другому. Солдаты знали, что они собраны для присяги и не могли не удивиться, услышавъ чтеніе сентенціи и видя приготовленія къ постыдному нака-

---

[23]) Въ артиллерійскія роты, для практическихъ ученій, порохъ и снаряды принимались всякій годъ въ Кіевѣ и расходовались во время лагеря. Между тѣмъ, по небреженію ротныхъ командировъ, заряды, находящіеся въ ящикахъ, никогда не перемѣнялись. Это дѣлалось почти вездѣ, и Борисовъ, будучи въ сраженіи противъ горцовъ, съ бригадою, которая перешла на Кавказъ изъ первой арміи и пошла тотчасъ въ дѣйствіе, не успѣвъ перемѣнить и осмотрѣть снарядовъ и будучи свидѣтелемъ неудачнаго дѣйствія гранатъ, брандскугелей и картечъ,—боялся, чтобы сего не случилось и при возстаніи.

занію виновныхъ ихъ товарищей. При самомъ началѣ чтенія, въ рядахъ былъ слышанъ глухой ропотъ, который вскорѣ превратился въ явное изъявленіе негодованія. Сей поступокъ полковаго командира убѣждалъ солдатъ въ его злобѣ и недоброжелательствѣ. Они думали, что онъ могъ бы избавить ихъ товарищей отъ жестокаго наказанія, зная, что при восшествіи на престолъ новаго Государя самые ужасные злодѣи получаютъ смягченіе наказанія [24]). Офицеры, пораженные симъ неблагоразумнымъ распоряженіемъ, жаловались вслухъ, при солдатахъ, на неумѣстную жестокость правительства, выражали явно свою ненависть къ деспоту, къ исполнителямъ его воли и, не желая быть свидѣтелями сего позорища, оставили свои мѣста. Сіе торжество человѣколюбія предъ военною дисциплиною сильно подѣйствовало на солдатъ. Казалось, они ожидали только слова, чтобы слѣдовать примѣру своихъ офицеровъ.

Нечаянный случай выразилъ сей порывъ. Сергѣй Муравьевъ, человѣкъ чувствительный, по своему высокому и благородному характеру чуждый всякой жестокости, былъ пораженъ воплемъ жертвъ тяжко терзаемыхъ вѣчно-свирѣпымъ палачемъ. Напрасно онъ дѣлалъ усилія казаться спокойнымъ: не будучи въ состояніи выдержать сильныхъ потрясеній души, производимыхъ симъ отвратительнымъ зрѣлищемъ, онъ лишился чувствъ и палъ за-мертво. Офицеры и солдаты, увидя сіе, всѣ безъ исключенія, забывъ военную дисциплину, забывъ присутствіе строгаго Гебеля, бросились къ Муравьеву на помощь. Строй пришелъ въ совершенный безпорядокъ, солдаты собрались въ кучу около лежавшаго безъ чувствъ С. Муравьева и старались возвратить его къ жизни. Ни командныя слова, ни угрозы, не могли привести ихъ къ послушанію и возстановить порядокъ. Происшествіе сіе еще болѣе привязало солдатъ Черниговскаго полка къ ихъ офицерамъ и особенно къ Муравьеву; въ его чувствительности они видѣли доказательство его человѣколюбія и участія къ бѣдственному жребію Русскаго солдата, неограждённаго никакими законами отъ самовластія послѣдняго офицера: они чувствовали, что онъ для ихъ собственнаго добра желаетъ перемѣны ихъ положенія. Увлеченные гнѣвомъ, они осыпали проклятіями полковаго командира, правительство, и сей случай заронилъ въ ихъ сердца искру мщенія. Присяга новому Императору, произнесенная сейчасъ послѣ сей ужасной экзекуціи, не могла быть чистосердечна: умы и сердца были поражены жестокостію наказанія и не могли вознестись къ Престолу Вѣчнаго съ обѣщаніемъ умереть за..... [25]).

---

[24]) Сіи несчастные солдаты, будучи пьяны, отлучились отъ полка и въ 3 верстахъ отъ штаба, отняли у мужика 2 рубля сер. Конечно они виноваты, но въ семъ случаѣ такая строгость хуже всякаго послабленія.

[25]) Въ подлинникѣ не разобрано.

За два дня до Рождества Христова, въ Черниговскомъ полку узнали о происшествіи 14 Декабря. На другой день по утру, С. Муравьевъ объявилъ Славянамъ, что онъ поѣдетъ въ Житомиръ и скоро возвратится. Цѣлію сей поѣздки, по его словамъ, было намѣреніе испросить у корпуснаго командира отпускъ Бестужеву-Рюмину въ С.-Петербургъ. Намъ неизвѣстно, зачѣмъ Бестужевъ долженъ былъ ѣхать въ столицу; мы только можемъ сказать, что онъ, незадолго предъ симъ, писалъ Горбачевскому и Спиридову и приглашалъ ихъ пріѣхать къ 15 Генваря 1826 года въ г. Кіевъ, вмѣстѣ съ Борисовымъ и Тютчевымъ. Наканунѣ отъѣзда С. Муравьева, Бестужевъ-Рюминъ просилъ Кузьмина приготовиться въ дорогу и сказать объ этомъ Соловьеву, Сухинову и Щепилѣ. «Вы всѣ поѣдете», говорилъ онъ, «со мною въ Кіевъ, а оттуда въ С.-Петербургъ» [26]). По симъ даннымъ невозможно сдѣлать никакого заключенія, и весьма трудно рѣшить, зачѣмъ Бестужевъ приглашалъ ихъ въ Кіевъ къ назначенному сроку.—Вечеромъ того же дня, вскорѣ послѣ отъѣзда С. Муравьева (24 Декабря), ротные командиры Черниговскаго полка получили отъ полковаго командира повелѣніе собрать роты въ полковой штабъ для присяги новому императору Николаю I. Услыша о семъ повелѣніи, Славяне сейчасъ согласились собрать свои роты въ полной походной и боевой аммуниціи, намѣреваясь воспользоваться случаемъ и, не ожидая пріѣзда Муравьева изъ Житомира, возмутить полкъ и идти прямо на Кіевъ, гдѣ Муравьевъ, услыша о семъ, могъ соединиться съ ними. Сію мысль подало имъ извѣстіе о неудачномъ происшествіи 14-го Декабря въ С.-Петербургѣ: зная несчастныя слѣдствія онаго, они хотѣли произвесть новое возстаніе на Югѣ и тѣмъ спасти тайное общество отъ конечной гибели.—Рано по утру, 25 Декабря, когда всѣ роты Черниговскаго полка собрались въ Васильковъ, члены Славянскаго Общества поколебались въ своемъ намѣреніи; они не знали, на что рѣшиться: начать ли дѣйствовать, или ожидать возвращенія С Муравьева. «Что мы будемъ дѣлать», говорили нѣкоторые изъ нихъ, «если, по приходѣ нашемъ въ Кіевъ, мы не найдемъ ни одного изъ членовъ, желающихъ раздѣлить съ нами опасность возстанія, и если, по какимъ-либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, Муравьевъ будетъ задержанъ въ Житомирѣ и не пріѣдетъ къ намъ? Наше возстаніе, начатое безъ вѣдома и согласія главныхъ членовъ Общества, не повредитъ ли общему дѣлу и не разстроитъ ли плановъ составленныхъ ими?» Сіе разсужденіе остановило бурный порывъ нетерпѣливыхъ Славянъ и, послѣ долгаго совѣщанія, они почли нужнымъ

[26]) Муравьевъ прежде самъ хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ съ сими офицерами, но, какъ видно, отложилъ сіе намѣреніе.

наконецъ отложить свое предпріятіе и спокойно ожидать возвращенія С. Муравьева [27]).

Того же дня, въ 10 часовъ утра, былъ совершенъ обрядъ присяги [28]). Солдаты произносили обѣщаніе съ отвращеніемъ; нѣкоторые изъ нихъ стояли съ мрачнымъ и неподвижнымъ взоромъ, въ глубокомъ молчаніи, и не только не повторяли словъ священника, но даже не слушали оныхъ; офицеры показывали явно нетерпѣніе и негодованіе, были совершенно невнимательны къ сему обряду, и многіе изъ нихъ даже не поднимали руки, какъ это бываетъ при подобныхъ случаяхъ. Глухой ропотъ въ рядахъ сопровождалъ почти каждое слово священника. «Сколько будетъ этихъ присягъ?» говорили иные.—«Богъ знаетъ», отвѣчали другіе; «это ни на что не похоже: сегодня присягай одному, завтра другому, а тамъ, можетъ-быть, и третьему». Неудовольствіе, досада, изображались во всѣхъ движеніяхъ и показывали сильное броженіе умовъ; казалось, что всѣ ожидали чего-то необыкновеннаго и желали быть свидѣтелями совершенія онаго. Гебель все сіе видѣлъ, но старался скрыть свое неудовольствіе отъ своихъ подчиненныхъ и произносилъ клятвенное обѣщаніе съ особеннымъ благоговѣніемъ и усердіемъ, какъ бы желая тѣмъ пробудить въ сердцахъ угасшую ихъ преданность къ царственному дому. Тотчасъ по окончаніи присяги, полкъ былъ распущенъ по квартирамъ; члены Общества, по принятому ими намѣренію, остались въ Васильковѣ и, отпустивъ свои роты въ деревни, приказали имъ, по первому приказу, явиться въ полной боевой и походной аммуниціи туда, куда потребуютъ ихъ ротные начальники [29]).

---

[27]) ...Офицеры говорили впослѣдствіи о семъ Муравьеву; онъ очень жалѣлъ, что они тотчасъ не исполнили.

[28]) Рано поутру ротные командиры, Соловьевъ и Щепило, пришли къ полковому командиру съ рапортомъ о прибытіи ихъ ротъ въ штабъ. Когда они явились, подполковникъ Гебель спросилъ у нихъ, между разговорами, знаютъ ли они причину требованія въ штабъ? Соловьевъ отвѣчалъ, что онъ слышалъ будто бы присягать новому Государю Гебель сіе подтвердилъ, прибавивъ, что онъ боится, чтобы при семъ случаѣ не было переворота въ Россіи, и при сихъ словахъ заплакалъ. Соловьевъ отвѣчалъ съ улыбкою, что всякій переворотъ всегда бываетъ къ лучшему и что даже желать должно. „Охъ, я боюсь", сказалъ, закрывъ руками лице, Гебель, какъ будто предчувствуя то, что съ нимъ случится. Соловьевъ началъ шутить, Гебель—плакать; а Щепило, который былъ характера вспыльчиваго и нетерпѣливаго, ненавидѣлъ Гебеля за его дурные поступки, дрожа отъ злости, сердился и едва могъ удерживать свою досаду. Соловьевъ разсказываетъ, что изъ этого вышла пресмѣшная и оригинальная сцена.

[29]) Читая сіи намѣренія членовъ Славянскаго Общества и ихъ распоряженія, нельзя не убѣдиться, какъ важно для всякаго общества, которое хочетъ дѣйствовать военною силою, имѣть въ немъ ротныхъ командировъ и субалтернъ-офицеровъ, и какъ важно заранѣе объявить свое намѣреніе солдатамъ. Спрашивается: кто бы осмѣлился приказывать ротамъ явиться въ походной аммуниціи къ присягѣ и, пришедши въ штабъ, скрыть оное отъ всѣхъ? Кто бы осмѣлился приказывать ротамъ явиться съ боевыми патронами туда,

Вечеромъ, по случаю полковаго праздника, приглашены были къ полковнику Гебелю на балъ всѣ офицеры, городскіе жители и знакомые помѣщики съ ихъ семействами. Собраніе было довольно многочисленное; хозяинъ всѣми силами содѣйствовалъ къ увеселенію гостей, а гости старались отблагодарить его радушіемъ, веселились отъ чистаго сердца и танцовали, какъ говорится въ тѣхъ мѣстахъ, до упаду. Музыка не умолкала ни на минуту; дамы и кавалеры кружились безпрестанно въ вихрѣ танцевъ; даже пожилые люди принимали участіе въ забавахъ, опасаясь казаться невеселыми. Однимъ словомъ, веселиться и веселиться искренно, было общимъ желаніемъ, закономъ собранія. Время летѣло быстрѣе молніи. Вдругъ растворилась дверь въ залу, и вошли два жандармскіе офицера: поручикъ Несмѣяновъ и прапорщикъ Скоковъ. Мгновенно удовольствія были прерваны, все собраніе обратило на нихъ взоры, веселіе превратилось въ неизъяснимую мрачность, всѣ глядѣли другъ на друга безмолвно: жандармы навели на всѣхъ трепетъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Гебелю, спросилъ его, онъ ли командиръ Черниговскаго полка и, получа отъ него утвердительный отвѣтъ, сказалъ ему: «Я къ вамъ имѣю важныя бумаги.» Гебель тотчасъ удалился съ нимъ въ кабинетъ.—Тутъ начались вопросы, предположенія, безпокойства; одни члены Славянскаго Общества сейчасъ поняли, что ударилъ часъ общей для нихъ гибели. Все открыто, думали они про себя. Сегодня арестуютъ одного, завтра другаго; надобно на что нибудь рѣшиться! Черезъ нѣсколько минутъ, Гебель, въ сопровожденіи жандармскихъ офицеровъ, возвратился въ залу и, не сказавъ никому ни слова, вышелъ, сѣлъ въ тѣже самые сани, въ которыхъ пріѣхали Несмѣяновъ и Скоковъ, и вмѣстѣ съ ними поскакалъ на квартиру С. Муравьева [30]).

Въ это время Бестужевъ-Рюминъ находился въ Васильковѣ и жилъ съ Башмаковымъ на квартирѣ Муравьева. Было довольно поздно: они уже спали. Никто изъ членовъ, бывшихъ у Гебеля, не могъ ихъ увѣдомить о нечаянномъ появленіи жандармовъ: отдаленное разстояніе и быстрое дѣйствіе Гебеля не позволили предварить ихъ, и они узнали о немъ только тогда, когда, разбуженные стукомъ и требованіемъ огня, увидѣли передъ собою командира Черниговскаго полка, со-

---

куда потребуетъ ротный командиръ? Можно ли отдавать такія приказанія такимъ солдатамъ, которые не знаютъ намѣреній ротнаго командира? Вопросы сіи сами собою рѣшаются. Но мы еще прибавимъ, что одни офицеры въ состояніи сіе сдѣлать, и притомъ такимъ образомъ, что ни баталіонный, ни полковой командиръ никогда о семъ не могутъ знать. Этому примѣръ—Черниговскій полкъ.

[30]) Сіи жандармскіе офицеры посланы были изъ главной квартиры 1-й арміи; одинъ пріѣхалъ, чтобы арестовать С. Муравьева, другой—брата его Матвѣя.

провождаемаго жандармами, которые прямо вошли въ кабинетъ Муравьева и, не сказавъ ни одного слова, взяли всѣ бумаги тамъ находящіяся. Кончивъ свое дѣло, они помчались по Житомирской дорогѣ. Бестужевъ-Рюминъ и Башмаковъ, пораженные симъ явленіемъ, оставались нѣсколько минутъ въ недоумѣніи, изъ коего были выведены пришедшими Славянами, которые, полагая навѣрное, что жандармы привезли повелѣніе арестовать Муравьева, оставили тотчасъ домъ Гебеля и побѣжали въ разныя мѣста города, чтобы собрать хотя нѣсколько солдатъ и захватить Гебеля, вмѣстѣ съ жандармами; но, не найдя солдатъ, которые до одного разошлись по деревнямъ, они поспѣшили къ Бестужеву и просили его скакать въ туже минуту вслѣдъ за Гебелемъ, стараясь обогнать его и увѣдомить Муравьева объ угрожающей ему и всему Обществу опасности, говоря, что, между тѣмъ, они займутся приготовленіемъ къ возстанію. Бестужевъ-Рюминъ не ожидалъ повторенія, взялъ лошадей и полетѣлъ. Онъ такъ скоро ѣхалъ, что обогналъ на дорогѣ Гебеля, былъ 1/4-ю часа на первой станціи прежде его и поскакалъ далѣе.

Отправивъ Бестужева, офицеры Черниговскаго полка рѣшились въ Васильковѣ ожидать возвращенія С. Муравьева, и, если онъ будетъ арестованъ на дорогѣ, непремѣнно поднять полкъ и идти на Кіевъ, не заботясь, какой конецъ будетъ имѣть сіе дѣйствіе. Однакожъ, не взирая на сію твердую рѣшительность пасть первыми жертвами свободы, ихъ положеніе было весьма тягостно. Окруженные неизвѣстностью, мучимые желаніями, они терзались въ догадкахъ и предположеніяхъ, и почти не покидали квартиры Муравьева, ожидая его возвращенія. 27 Декабря, когда, по обыкновенію, всѣ тамъ находились и бесѣдовали о будущемъ, стараясь забыть настоящее, неожиданно явился 8-й бригады подпоручикъ Андреевичъ 2-й. Черниговцы обрадовались. Андреевичъ войдя въ комнату, спросилъ: гдѣ Муравьевъ? «Мы не знаемъ, гдѣ онъ и что̀ съ нимъ дѣлается», отвѣчали Славяне. Тутъ разсказали они Андреевичу, въ короткихъ словахъ, о всемъ случившемся 25 Декабря и потребовали, чтобы онъ немедленно ѣхалъ по слѣдамъ Муравьева и старался отыскать его; чтобъ онъ просилъ его остаться въ 8-й дивизіи или въ какомъ-нибудь гусарскомъ полку и тамъ поднять знамя бунта. Они поручили Андреевичу успокоить его на счетъ ихъ; ибо коль скоро они узнаютъ о возстаніи, то немедленно взбунтуютъ Черниговскій полкъ и придутъ на сборное мѣсто. Сверхъ того они сказали Андреевичу, чтобы онъ извѣстилъ всѣхъ извѣстныхъ ему членовъ, какъ Южнаго, такъ и Славянскаго Обществъ о началѣ возстанія, и наконецъ, если Муравьевъ арестованъ, то чтобы онъ старался побудить другихъ членовъ къ дѣйствію и къ освобожденію арестованнаго, и что сами они

ожидаютъ отъ него увѣдомленія объ успѣхѣ его предпріятія. Андреевичъ не дѣлалъ никакихъ возраженій: предложеніе Черниговскихъ офицеровъ ему понравилось; онъ тотчасъ согласился исполнить его со всевозможною ревностію. Ему дали казенную подорожную на имя Александрійскаго гусарскаго полка поручика Сухинова, а Кузминъ снабдилъ его деньгами на прогоны. Андреевичъ, ни минуты не медля, поскакалъ по дорогѣ къ Житомиру [31]).

Теперь оставимъ на время Черниговскій полкъ и бросимъ взглядъ на движенія, происходившія въ тоже самое время въ другихъ мѣстахъ: это отступленіе необходимо для обозрѣнія общаго хода дѣла; мы часто будемъ переносить нашего читателя изъ одного мѣста въ другое, прерывать начатый разсказъ и начинать новый.

Послѣ присяги Константину, Славяне 8-й дивизіи, 48-й артиллерійской бригады не имѣли никакого извѣстія ни отъ Муравьева, ни отъ Бестужева. Не смотря на сіе, члены неусыпно старались приготовлять солдатъ. Хотя планъ возстанія, назначенный на Лещинскихъ собраніяхъ къ концу 1826 года, разстроивался смертію Александра I, но они думали, что распространеніе мыслей и желаніе переворота не можетъ вредить общей цѣли. 20 Декабря Борисовъ 2-й былъ у Горбачевскаго, и когда они разсуждали о своихъ дѣйствіяхъ на солдатъ, одинъ фейерверкеръ принесъ Горбачевскому письмо отъ Андреевича, въ которомъ онъ иносказательно изъяснялъ, сколько Бестужевъ радуется успѣхамъ Славянъ въ ихъ дѣйствіяхъ и..... о близкомъ началѣ желаемаго переворота. Еще не было прочтено письмо, какъ, къ удивленію ихъ, Андреевичъ самъ вошелъ въ комнату въ дорожномъ платьѣ. Радость ихъ была неимовѣрная. Онъ подалъ имъ письмо отъ Бестужева. Изъ сего письма они увидѣли, что главные члены Южнаго Общества почитаютъ необходимымъ начать дѣйствіе ранѣе положеннаго времени; Бестужевъ просилъ Славянъ ускорить дѣло и употребить всѣ усилія къ приготовленію нижнихъ чиновъ. «Намъ представляется случай ранѣе, нежели мы думали умереть со славою за свободу отечества», писалъ онъ Горбачевскому; «можетъ-быть, въ Февралѣ или Мартѣ мѣсяцѣ, голосъ родины соберетъ насъ вокругъ хоругви свободы». Въ семъ же письмѣ Бестужевъ просилъ Горбачевскаго, вмѣстѣ съ Борисовымъ 2-мъ, пріѣхать къ 15 Генва-

---

[31]) Торопливость, съ какою отправили Андреевича, была такъ велика, что никто даже не вздумалъ спросить у него, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ Васильковъ.—Черниговскаго полка поручикъ Сухиновъ былъ еще въ началѣ Ноября мѣсяца 1825 года переведенъ въ Александрійскій гусарскій полкъ и въ томъ же мѣсяцѣ получилъ отъ полка повелѣніе отправиться куда слѣдуетъ; но, не смотря на всѣ угрозы начальства, которое побуждало его ѣхать въ гусарскій полкъ, Сухиновъ не выѣзжалъ изъ Черниговскаго полка, единственно дожидая возстанія онаго.

ря 1826 года въ г. Кіевъ. Извѣстіе сіе чрезвычайно ободрило Славянъ. Горбачевскій тотчасъ увѣдомилъ Бестужева о пріѣздѣ Андреевича и просилъ его пріѣхать къ нему. Славяне провели всю ночь въ сообщеніяхъ, разбирали возможность скораго возстанія, пріискивали средства къ приведенію сего дѣла въ исполненіе и наконецъ положили: ускорить свои дѣйствія, объявить фейерверкеру и рядовымъ о близости переворота, стараться укрѣпить ихъ духъ и усугубить дѣятельность. Они поручили Андреевичу изъяснить словесно Бестужеву то, что они считали необходимымъ для поднятія артиллерійскихъ ротъ 8-й бригады. Борисовъ 2-й, съ общаго согласія, написалъ памятную записку и вручилъ ее Андреевичу. Сія записка заключалась въ слѣдующихъ семи пунктахъ, на которые Андреевичъ долженъ былъ требовать разрѣшенія отъ Муравьева и Бестужева:

1) Артиллерія не можетъ выступить въ походъ и дѣйствовать безъ прикрытія; посему необходимо снестись къ Спиридовымъ, Арт. Муравьевымъ, и требовать, чтобы они прислали въ 8-ю артиллерійскую бригаду: первый пѣхоту, а второй гусаръ.

2) Въ батарейной ротѣ состоитъ на лицо одинъ только офицеръ (прочіе въ командировкѣ), принадлежащій къ Обществу и рота находится въ городѣ, гдѣ квартируетъ бригадный командиръ, который, въ случаѣ возстанія, можетъ получить содѣйствіе отъ внутренней стражи. Посему, для надлежащаго дѣйствія въ сей ротѣ нужна значительная часть пѣхоты и кавалеріи, безъ коей фейерверкеры и рядовые, вооруженные только тесаками, не смотря на ихъ готовность и рвеніе къ дѣлу, не могутъ одни обѣщать успѣхъ, тѣмъ болѣе, что артиллерійскія лошади стоятъ въ 45 верстахъ отъ парка.

3) Во 2-й легкой ротѣ не существуетъ сихъ затрудненій къ возстанію: она совершенно готова и требуетъ только прикрытія на походѣ.

4) Изъ 4 орудій, остающихся въ каждой ротѣ, за неимѣніемъ лошадей (роты состояли на мирномъ положеніи), Славяне намѣрены сформировать новую батарею, лошадей надѣются найти подъ квитанцію одного изъ своихъ сочленовъ, а прислугу думаютъ взять изъ 4-й парочной роты, полагаясь вполнѣ на служащихъ въ оной солдатъ.

5) Немедленно по возстаніи, Славяне полагаютъ необходимымъ объявить скорое освобожденіе крестьянъ.

6) Славяне хотятъ, посредствомъ Поляковъ, состоящихъ въ ихъ Обществѣ, дѣйствовать на шляхту и склонить ее къ участію въ общемъ дѣлѣ объявленіемъ всеобщаго возстанія (pospolite ruszenie).

Наконецъ, 7) Славяне требуютъ отъ Муравьева и Бестужева немедленнаго увѣдомленія о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ, заблаговременнаго извѣщенія о днѣ возстанія, съ означеніемъ сборнаго пункта,

гдѣ предполагается сосредоточить всѣ силы, поднявшія оружіе противъ правительства.

На другой день Горбачевскій и трое его товарищей видѣлись съ фейерверкерами двухъ ротъ 8-й бригады и, согласно съ принятымъ рѣшеніемъ, сообщили имъ о полученныхъ изъ Кіева извѣстіяхъ и о мѣрахъ къ дальнѣйшему дѣйствію. Это не удивило фейерверкеровъ: они, кажется, заранѣе были на все готовы; но нечаянный пріѣздъ Андреевича изъ Кіева безъ дозволѐнія начальства сильно подѣйствовалъ на умы солдатъ и произвелъ глубокое впечатлѣніе, благопріятное намѣреніямъ Славянъ. Черезъ два дня Андреевичъ оставилъ 8-ю бригаду и возвратился въ Кіевъ, откуда 27 Декабря отправился въ Васильковъ къ Муравьеву, котораго какъ мы видѣли выше, не найдя дома, поѣхалъ отыскивать, послѣ минутнаго свиданія съ офицерами Черниговскаго полка. Пріѣздъ Андреевича еще болѣе сблизилъ Славянъ съ ихъ подчиненными. Довѣренность возрастала съ каждымъ днемъ, и нѣкоторые фейерверкеры сдѣлались настоящими членами тайнаго общества. Офицеры не пренебрегали ихъ бесѣдами и, напротивъ, старались всѣми средствами облагородить чувства своихъ подчиненныхъ, возвысить ихъ въ собственныхъ ихъ глазахъ и тѣмъ пробудить въ ихъ сердцахъ желаніе свободы. Все содѣйствовало ихъ намѣреніямъ: неожиданное отреченіе отъ престола Константина и присяга новому императору Николаю и его наслѣднику. Сіи происшествія поселили въ умахъ неизвѣстность и сомнѣніе, весьма споспѣшествующее замышляемому перевороту. Члены общества пользовались сими важными событіями для ускоренія своего дѣла. Между всѣми сословіями начали распространяться разные слухи о перемѣнѣ существующаго порядка. Одинъ изъ фейерверкеровъ, преданныхъ Борисову 2-му, сообщилъ, что городской голова, мѣщанинъ, уважаемый всѣмъ городомъ, разговаривая съ нимъ о смерти Александра, явно обнаружилъ свои надежды на лучшую будущность и намекалъ о близкомъ переворотѣ, котораго желаютъ многіе. По словамъ сего же фейерверкера, многіе унтеръ-офицеры и солдаты Саратовскаго полка, ночевавшіе въ городѣ, изъявляли готовность дѣйствовать и упоминали о какомъ-то штабъ-офицерѣ, который поддерживалъ эти чувства и давалъ имъ понять, что улучшеніе ихъ положенія находится въ собственныхъ ихъ рукахъ, и что отъ нихъ самихъ зависитъ терпѣть притѣсненія или прекратить оныя. Подобные слухи и разговоры нижнихъ чиновъ сильно помогали дѣйствіямъ Славянъ, коихъ дѣла примѣтно улучшались. 14 Декабря неожиданно пріѣхалъ въ Новградъ-Волынскъ, изъ Харьковской губерніи, Борисовъ 1-й. Узнавъ изъ письма своего брата о знакомствѣ его съ Муравьевымъ и Бестужевымъ, онъ отправился въ Кіевъ, съ намѣреніемъ повидаться съ

ними; но, не заставъ тамъ ни Муравьева, ни Бестужева, онъ пріѣхалъ къ брату. Пріѣздъ Борисова обрадовалъ не только его брата, но и другихъ Славянъ: они съ удовольствіемъ узнали о намѣреніи его вступить опять въ военную службу и опредѣлиться въ одну конную роту, стоявшую въ Украйнѣ.

26 Декабря, по утру, извѣстіе полученное о происшествіи 14 Декабря заставило Славянъ собраться для совѣщанія; они убѣдились въ скоромъ возстаніи, думая, что члены Южнаго Общества пожелаютъ довершить начатое въ столицѣ. На семъ совѣщаніи, они положили: держать своихъ подчиненныхъ въ строгой дисциплинѣ, стараться предупреждать безпорядки, обходиться съ жителями какъ можно лучше, тотчасъ по возстаніи образовать въ городѣ временное правленіе и выдать прокламаціи объ освобожденіи крѣпостныхъ людей; между тѣмъ, въ ожиданіи положительнаго извѣстія отъ Муравьева, приготовлять солдатъ и офицеровъ, на которыхъ совершенно можно бы положиться. Борисовъ 1-й вызвался ѣхать немедленно въ Харьковскую губернію и приготовить къ возстанію конныя роты, въ коихъ было нѣсколько офицеровъ, принятыхъ имъ въ Славянское Общество; проѣзжая же Житоміръ, онъ хотѣлъ объявить находящимся тамъ Славянамъ о мѣрахъ принятыхъ въ 8-й бригадѣ. Вслѣдствіе сего плана, Борисовъ 1-й отправился 30-го Декабря изъ Новградъ-Волынска въ Житоміръ; но обстоятельства измѣнили всѣ предположенія. Въ Житомірѣ, при свиданіи съ Ивановымъ и Кирѣевымъ, онъ узналъ о повелѣніи арестовать С. Муравьева, о погонѣ за нимъ подполковника Гебеля и о проѣздѣ Андреевича черезъ Житоміръ, который тоже поскакалъ догонять С. Муравьева. Борисовъ 1-й сейчасъ предложилъ всѣмъ членамъ собраться и положить что̀ должно дѣлать въ сихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ? Члены тайнаго общества, находившіеся тогда въ Житомірѣ, безъ отлагательства съѣхались къ Веденяпину 2-му. На семъ совѣщаніи были: Ивановъ, Веденяпинъ 1, Веденяпинъ 2, Кирѣевъ, Андреевъ, Нащокинъ и нѣкоторые другіе. Борисовъ 1-й предложилъ имъ возстать немедленно, стараться освободить Муравьева, если онъ арестованъ и дѣйствовать по обстоятельствамъ, сообразно съ планомъ, принятымъ артиллеристами 8-й бригады, который состоялъ въ томъ, чтобъ идти на Кіевъ или на Бобруйскъ, запереться въ которой нибудь изъ сихъ крѣпостей и ожидать присоединенія 2-й арміи и полковъ 3-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ, на содѣйствіе коихъ можно было надѣяться по увѣреніямъ членовъ Южнаго Общества. Конной роты поручикъ Нащокинъ, принятый въ общество Бестужевымъ-Рюминымъ, противился сему предложенію, почитая такаго рода возстаніе безразсуднымъ поступкомъ, внушеннымъ отчаяніемъ. «Мы должны по-

гибнуть», возразилъ Борисовъ 1-й, «и погибнуть позорно: нашему выбору представляется или смерть или заточеніе. Мнѣ кажется лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели жить цѣлую жизнь въ желѣзахъ». Сіе мнѣніе одержало верхъ; всѣ согласились съ Борисовымъ 1-мъ. «Я ѣду обратно въ 8-ю бригаду и тамъ положимъ начало мятежу; но дайте мнѣ письменное доказательство, что вы будете содѣйствовать моему брату и тѣмъ, которые согласятся погибнуть вмѣстѣ съ нами». Сего не приняли, а удовольствовались тѣмъ, что Ивановъ написалъ двѣ записки: одну къ Горбачевскому о готовности Житомирскихъ членовъ дѣйствовать, а другую къ двумъ ротнымъ командирамъ Троицкаго (?) полка, коихъ онъ приглашалъ участвовать въ возстаніи. Кирѣевъ также написалъ письмо къ Борисову 2-му, исполненное рвенія къ благому дѣлу и совершенною надеждою на несомнѣнные успѣхи.

Борисовъ 1-й поспѣшилъ отъѣздомъ и, къ удивленію своего брата и Горбачевскаго, былъ уже снова въ Новградѣ-Волынскѣ. Узнавъ о происшедшемъ въ Житомирѣ, Борисовъ 2-й и его товарищи рѣшились немедленно начать дѣйствіе, не ожидая увѣдомленія С. Муравьева и стараться увлечъ за собою все, что̀ только показывало склонность къ мятежу. Они просили Борисова 1-го ѣхать въ Пензенской полкъ и, если можно, оттудова увѣдомить членовъ Саратовскаго полка, лично или письменно, смотря по обстоятельствамъ. Между тѣмъ какъ искали лошадей для Борисова 1-го, братъ его написалъ къ Громницкому, Тютчеву и Лисовскому письмо въ весьма сильныхъ выраженіяхъ, напомнилъ имъ священныя узы, ихъ соединяющія, клятву данную Южному Обществу, общую опасность, законы чести, однимъ словомъ—все, что̀ только могло пробудить въ нихъ самоотверженіе и рѣшить трудный выборъ между смертію и позоромъ. Письмо сіе онъ вручилъ брату, который долженъ былъ доставить его лично, равно какъ и къ Спиридову записку отъ Горбачевскаго. Въ это самое время отставной поручикъ Креницкій, принимавшій во всемъ дѣятельное участіе, привелъ къ Борисову 2-му четырехъ Поляковъ, присоединенныхъ имъ къ Славянскому Обществу и давшихъ клятвенное обѣщаніе дѣйствовать и погибнуть вмѣстѣ съ артиллеристами за общее дѣло. Борисовъ 2-й написалъ письмо къ юнкеру Головинскому, служившему въ 4-й парочной ротѣ, квартировавшей тогда въ Овручскомъ уѣздѣ (въ Некорости). Онъ просилъ помянутаго члена приготовить къ возстанію солдатъ и убѣдить своего брата, занимавшаго должность повѣтоваго маршала, содѣйствовать имъ по возможности и, наконецъ, стараться узнать мнѣніе шляхты Овручскаго повѣта, и если можно склонить ихъ къ участію въ дѣлѣ. Славяне думали во время возстанія послать Кирѣева изъ Житомира въ парочную роту для окончательнаго дѣйствія на солдатъ, ко-

торые могли быть полезны 8-й бригадѣ. Съ симъ письмомъ къ Головинскому двое Поляковъ отправились въ Овручъ, взявъ на себя обязанность дѣйствовать тамъ на шляхту; третій поѣхалъ въ Заславъ съ тѣмъ, чтобы узнать расположеніе тамошнихъ Поляковъ, дѣйствовать на нихъ и при первомъ извѣстіи о началѣ возстанія поднять оружіе. Четвертый изъ нихъ остался въ Новградѣ-Волынскѣ при Борисовѣ 2-мъ, надѣясь имѣть нѣкоторое вліяніе на шляхту, живущую въ окрестностяхъ сего города. Славяне были въ большомъ безпокойствѣ, видя невозможность вдругъ отправить Борисова 1-го въ Старый Константиновъ: они не могли найти наемныхъ лошадей; почтовыхъ же никому не давали, даже по подорожной, безъ особеннаго дозволенія мѣстнаго начальства. У Евреевъ былъ праздникъ, и никто изъ нихъ не хотѣлъ нарушить законъ. По симъ обстоятельствамъ, Борисовъ 1-й выѣхалъ изъ Новградъ-Волынска уже поздно вечеромъ 1 Генваря. На другой день неизвѣстный Еврей доставилъ Борисову 2-му записку изъ мѣстечка Полоннаго (?) отъ его брата, въ коей было сказано, что Ахтырскій полкъ собирается въ штабъ-квартиру м. Любаръ; что артиллерія второй арміи и Литовскій корпусъ, квартирующіе въ Полонномъ (?), находятся уже въ сборѣ и что вездѣ замѣчается движеніе войскъ.— Надежда возбудилась въ сердцахъ Славянъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ, имъ невозможно было соблюдать правила, принятыя на Лещинскихъ совѣщаніяхъ. Точное исполненіе оныхъ было бы даже безразсудно; посему они немедленно увѣдомили фейерверкеровъ и рядовыхъ о всѣхъ сихъ происшествіяхъ, о своемъ намѣреніи возстать, о надеждѣ на пособіе другихъ и особенно отъ С. Муравьева, и о непремѣнномъ прибытіи къ нимъ Пензенскаго полка и Ахтырскихъ гусаровъ. Они препоручили имъ дѣйствовать на остальныхъ своихъ товарищей и приготовляться къ походу. Борисовъ 2-й говорилъ явно двумъ офицерамъ, что онъ ожидаетъ переворота и приглашалъ ихъ принять въ немъ участіе, представляя опасность противиться или оставаться равнодушнымъ во время возстанія. Сіи офицеры дали слово дѣйствовать.—Борисовъ 1-й, возвращаясь изъ Стар. Константинова, заѣхалъ въ Барановку къ Горбачевскому и Бечаснову и сказалъ имъ, что онъ видѣлся съ Тютчевымъ, Громницкимъ и Лисовскимъ, которые готовы дѣйствовать, но отсовѣтовали ему ѣхать къ Спиридову, говоря, что они сами сообщаютъ маіору свои намѣренія. Борисовъ прежде сего не былъ знакомъ съ офицерами Пензенскаго полка. Онъ видѣлъ изъ ихъ словъ, что они какъ будто не довѣряютъ Спиридову, котораго онъ тоже никогда не видалъ. Надѣясь, что они исполняютъ свое обѣщаніе, онъ уѣхалъ отъ нихъ. Горбачевскій и Бечасновъ совѣтовали Борисову 1-му ѣхать изъ Барановки прямо домой, не подвергаться опасности быть

заранѣе арестовану въ Новградѣ-Волынскомъ, или гдѣ-нибудь на дорогѣ, и взялись увѣдомить о всемъ его брата. Борисовъ 1-й охотно согласился, тѣмъ болѣе, что считалъ свое присутствіе въ 8-й бригадѣ совершенно ненужнымъ, между тѣмъ какъ надѣялся въ конныхъ ротахъ возбудить офицеровъ къ участію въ общемъ дѣлѣ. Кромѣ того онъ намѣревался обо всемъ происходившемъ въ 8-й дивизіи увѣдомить Кіевскихъ членовъ и, если можно, сдѣлать тамъ что-нибудь въ пользу возстанія, смотря по ходу обстоятельствъ. Борисовъ отправился вечеромъ 5 числа, проселочными дорогами въ Житоміръ. Городъ былъ окруженъ военною цѣпью: онъ отпустилъ извощика и пѣшкомъ прошелъ заставу. Тутъ сообщилъ онъ Кирѣеву и Иванову, въ какомъ положеніи находятся дѣла Общества; ему нужно было продолжать путь и хотя трудно было выѣхать изъ Житомира, но ему удалось обмануть бдительность мѣстнаго начальства. Еще до его пріѣзда въ Житоміръ, монахини католическаго ордена сестеръ милосердія предлагали нѣкоторымъ членамъ Общества скрыть ихъ отъ поисковъ правительства и вывести за границу. Андрей Борисовъ отказался отъ сего предложенія и просилъ только доставить ему случай выѣхать изъ города. Желаніе его было немедленно исполнено, и онъ отправился въ Кіевъ. Въ семъ странствованіи на каждомъ шагу встрѣчалъ новыя опасности, которыя однакожъ миновалъ довольно счастливо.

6 Генваря Борисовъ 2-й узналъ о возстаніи С. Муравьева, а 7-го получилъ, чрезъ Еврея изъ подъ Житомира, отъ его брата записку слѣдующаго содержанія: «Я сдѣлалъ все, что могъ; Громницкій, Лисовскій и Тютчевъ готовы на все; ожидайте ихъ. Къ вамъ будетъ скоро, если не весь Пензенскій полкъ, то, по крайней мѣрѣ, баталіонъ. Они послали при мнѣ за патронами. Прощай. Ѣду въ конныя роты къ знакомымъ». Борисовъ 2-й и его товарищи были увѣрены въ скоромъ прибытіи Пензенскаго полка и Ахтырскихъ гусаровъ и старались приготовить все нужное къ походу. Между тѣмъ какъ они упивались надеждою и мечтами, судьба готовила имъ страшное разочарованіе; гроза носилась надъ ихъ головами, покоющимися подъ сѣнію довѣренности и ожиданія.

Оставимъ ихъ въ семъ сладкомъ заблужденіи, возвратимся назадъ и посмотримъ что дѣлалось въ Старомъ Константиновѣ и Любарѣ. Борисовъ 1-й пріѣхалъ въ 11-мъ часу ночи, со 2 на 3 Генваря, въ Ст. Константиновъ, прямо къ Громницкому и Лисовскому, которые жили вмѣстѣ. Разсказавъ, въ короткихъ словахъ, все ему извѣстное и отдавъ имъ письмо отъ брата, онъ просилъ ихъ немедленной помощи. Будучи увѣренъ, что движеніе гусарскихъ полковъ производится въ революціонномъ смыслѣ, по планамъ членовъ Южнаго Общества, Борисовъ 1-й

говорилъ Пензенскимъ офицерамъ утвердительно, что возстаніе уже начато въ 3-й гусарской дивизіи и, вѣроятно, въ Черниговскомъ полку, гдѣ служитъ С. Муравьевъ. Въ послѣднемъ онъ не ошибся. Громницкій и Лисовскій изъявили согласіе на всѣ мѣры, принятыя артиллеристами, попросили Борисова 1-го ѣхать къ капитану Тютчеву, квартировавшему съ своею ротою въ 10 верстахъ отъ города, въ деревнѣ Кузьминѣ, говоря, что впередъ согласны на все, что̀ предложитъ ихъ товарищъ. Борисовъ 1-й черезъ два часа былъ уже у Тютчева, который тотчасъ согласился съ предложеніемъ артиллеристовъ и просилъ его ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Константиновъ, къ помянутымъ офицерамъ, для совѣщанія, какимъ образомъ приступить къ дѣйствію. Выѣзжая изъ дому, въ присутствіи Борисова 1-го, Тютчевъ отдалъ приказаніе фельдфебелю собрать роту рано по утру и раздать боевые патроны. Желая скрыть пріѣздъ свой въ городъ, онъ не заѣхалъ къ Громницкому и остановился съ Борисовымъ 1-мъ въ отдаленной корчмѣ, куда послалъ пригласить Громницкаго и Лисовскаго, которые, вмѣстѣ съ Тютчевымъ, уговорили Борисова 1-го ѣхать назадъ въ 8-ю бригаду, извѣстить членовъ о готовности офицеровъ Пензенскаго полка къ возстанію и сказать, что они, въ самомъ скоромъ времени, съ ротами прибудутъ въ 8-ю бригаду. Борисовъ 1-й хотѣлъ дождаться нача̀ла дѣйствія, но сіи офицеры представили ему опасность его положенія, говоря, что онъ можетъ навлечь на себя подозрѣніе и тѣмъ самымъ повредить дѣлу. Вездѣ были разосланы повелѣнія арестовать подозрительныхъ людей; опасеніе быть схваченнымъ заставило Борисова 1-го согласиться на немедленный отъѣздъ. Отправивъ его, Пензенскіе офицеры снова начали разсуждать о предложеніи артиллеристовъ 8-й бригады. Тютчевъ предложилъ взбунтовать полкъ и идти на Новградъ-Волынскъ за артиллеріей. Громницкій и Лисовскій согласились съ симъ мнѣніемъ, попросили его съѣздить къ Спиридову, отдать ему записку Горбачевскаго и потомъ уже приступить къ дѣлу всѣмъ вмѣстѣ. Тютчевъ охотно принялъ сіе порученіе и, пробывъ въ Констанвиновѣ цѣлый день, вечеромъ поѣхалъ къ Спиридову, квартировавшему въ 20-ти верстахъ отъ города, въ деревнѣ. Онъ отдалъ ему записку Горбачевскаго, которая была слѣдующаго содержанія: «Податель сей записки разскажетъ вамъ подробно все случившееся съ нашими знакомыми; отъ него вы узнаете на что̀ мы рѣшились и чего ожидаемъ отъ васъ».—«Гдѣ податель»?—спросилъ Спиридовъ, прочитавъ записку, «и кто онъ»?—«Онъ уже уѣхалъ обратно» отвѣчалъ Тютчевъ: «то былъ братъ извѣстнаго вамъ Борисова 2-го». Потомъ онъ разсказалъ все, что̀ слышалъ отъ Борисова 2-го о намѣреніи членовъ, находящихся въ 8-й бригадѣ и Житомирѣ. — «И такъ, надобно начинать», сказалъ Спиридовъ, «но готовы ли у васъ роты»?—

«Я согласенъ дѣйствовать и приготовилъ 30 человѣкъ самыхъ лучшихъ солдатъ моей роты; я убѣжденъ, что они увлекутъ за собою всѣхъ и за это ручаюсь»,—отвѣчалъ Тютчевъ; «что же касается до ротъ Громницкаго и Лисовскаго, я ничего не знаю: поѣдемъ къ нимъ». Спиридовъ согласился, а между тѣмъ, пока приготовляли лошадей, онъ написалъ въ Саратовскій полкъ, къ Шимкову, слѣдующее: «Увѣдомьте членовъ, что возстаніе начнется немедленно, приготовьте къ сему солдатъ, но не начинайте дѣйствовать до вторичнаго моего увѣдомленія; можетъ быть, я самъ пріѣду къ вамъ»; а къ Горбачевскому, въ 8-ю бригаду: «Если не удастся мнѣ привести къ вамъ Пензенскій полкъ, то я самъ пріѣду; будучи вмѣстѣ, мы скорѣе придумаемъ что̀ должно дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ». Обѣ сіи записки онъ отдалъ своему вѣрному человѣку, которому приказалъ непремѣнно доставить ихъ по адресамъ какъ можно скорѣе и надежнѣе. Послѣ Спиридовъ поѣхалъ съ Тютчевымъ въ Константиновъ, къ Громницкому и Лисовскому. Онъ предложилъ начать возстаніе, спрашивая предварительно, полагаются ли они на своихъ солдатъ? Готовы ли роты? «Нѣтъ»—отвѣчали единогласно Громницкій и Лисовскій,—«мы не успѣли приготовить ни одного солдата». Спиридовъ далъ замѣтить, что почитаетъ это неисполненіемъ принятыхъ на себя обязанностей, на что̀ Лисовскій съ жаромъ вскричалъ: «С. Муравьевъ требовалъ, чтобы мы дѣйствовали на солдатъ медленно; Бестужевъ-Рюминъ говорилъ мнѣ лично, равно какъ и всѣмъ, что возстаніе начнется не ранѣе Августа 1826 года; поэтому я дѣйствовалъ сообразно съ принятыми на себя обязанностями; клянусь всѣмъ что̀ для меня свято, что къ назначенному времени вся рота пойдетъ за мною въ огонь и въ воду». Громницкій оправдывалъ свое поведеніе тѣмъ же условіемъ медленно дѣйствовать и, кромѣ того, сказалъ: «Намъ предлагаетъ начать бунтъ простой членъ Общества, Борисовъ 2-й; приглашеніе сіе привезъ его братъ, но мы не имѣемъ никакого увѣдомленія ни отъ С. Муравьева, ни отъ Бестужева, которымъ мы дали слово содѣйствовать. Я не обязывался сломить себѣ шею для каждаго; пускай пріѣдетъ самъ Муравьевъ, или пускай покажутъ мнѣ приглашеніе къ возстанію, написанное его рукою, — я тотчасъ взбунтую свою роту; до сего же времени ограничусь приготовленіемъ солдатъ». Тютчевъ не отказывался отъ сказаннаго имъ прежде Борисову 1-му и Спиридову: онъ опять подтвердилъ при всѣхъ, что готовъ туже минуту начать дѣйствовать; что онъ ручается за свою роту, и прибавилъ къ сему: «Если мы начнемъ возстаніе и ежели полковой командиръ будетъ намъ препятствовать, я беру на себя убить его». Наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій, Спиридовъ и Тютчевъ, видя, что невозможно никого уговорить, уѣхали. Капитанъ

Тютчевъ выступилъ съ ротою, 7 Генваря, въ походъ, слѣдуя съ батальономъ Пензенскаго полка въ Житомиръ, для занятія карауловъ при корпусной квартирѣ. Маіоръ же Спиридовъ возвратился въ Красиловъ, куда, на другой день, прибылъ посланный имъ человѣкъ, который не могъ исполнить въ точности его порученія; ибо, оставивъ Шимкову записку и взявъ отъ него отвѣтъ, онъ, на дорогѣ къ Новградъ-Волынску, былъ схваченъ земскою полиціею, какъ шпіонъ злоумышленнаго общества. Его обыскивали, но такъ какъ, по приказанію Спиридова, записки были зашиты въ складкахъ шинели около воротника, то и не были найдены, не смотря на то, что полицейскіе служители отпарывали даже воротникъ. Изъ подъ ареста, ночью, онъ бѣжалъ съ помощью Еврея, въ корчмѣ коего содержался подъ стражею. Еврей за полтину серебра отважился спасти арестанта, который возвратился къ Спиридову и вручилъ ему записку отъ Шимкова, въ коей заключалось слѣдующее: «Саратовскій полкъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ начала возстанія. Я ѣздилъ въ Тамбовскій полкъ и принялъ тамъ пять ротныхъ командировъ, которые поклялись, при первомъ случаѣ, соединиться съ нашимъ полкомъ и готовы содѣйствовать намъ съ своими подчиненными». При запискѣ Шимкова была другая, отъ капитана того же полка, Ефимьева, который, между прочимъ, говорилъ: «Къ сожалѣнію моему», писалъ онъ къ Спиридову, «я такъ несчастливъ, что не заслужилъ вашей довѣренности и не былъ членомъ общества; это моя вина. Но теперь будьте увѣрены и знайте, что при первомъ извѣстіи начинать, я поведу свою роту, на которую полагаюсь совершенно и надѣюсь на помощь своихъ товарищей; осмѣливаюсь ручаться не только за нѣсколько ротъ, но и за весь полкъ», Спиридовъ однако не могъ воспользоваться симъ предложеніемъ. Получивъ отказъ двухъ ротныхъ командировъ Пензенскаго полка и узнавъ 7 Генваря о совершенномъ разбитіи С. Муравьева, онъ неминуемо долженъ былъ удержаться отъ дальнѣйшаго дѣйствія.

Описывая сіи разнообразныя дѣйствія, мы не можемъ не замѣтить, сколь много вредилъ общему дѣлу неопредѣленный и двумысленный языкъ членовъ Южнаго Общества. Слова, безпрестанно повторяемыя С. Муравьевымъ, Бестужевымъ-Рюминымъ и прочими, *медленно, постепенно, исподволь,* заставили многихъ членовъ вовсе не дѣйствовать. Безпечность нѣкоторыхъ находила въ нихъ благовидный предлогъ къ извиненію; другіе оправдывали ими свою нерѣшимость или, лучше сказать, трусость, и краснѣя смотрѣли въ глаза тѣмъ, которые требовали точнаго соблюденія обязательствъ. Не менѣе сего вредно было явное желаніе Муравьева и Бестужева сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ: они хотѣли одни двигать членами, разбросанными въ разныхъ

полкахъ и запрещали имъ имѣть между собою сношенія. Такимъ образомъ, не имѣя возможности увѣдомить о началѣ возстанія, они доставили случай многимъ членамъ искренно или только наружно сомнѣваться въ необходимости мѣстныхъ возмущеній, направленныхъ къ одной цѣли.

Мы желали показать общее усиліе Славянъ возстать противъ правительства, съ цѣлью дополнить картину описываемаго нами событія. Сіе отвлекло насъ отъ Черниговскаго полка; мы полагаемъ, что такого рода отступленіе не только не лишнее въ нашемъ повѣствованіи, но даже необходимо: оно даетъ понять о расположеніи умовъ и о ходѣ дѣла.

Теперь возвратимся къ С. Муравьеву, котораго мы оставили въ Житомирѣ. Пріѣхавъ въ Житомиръ рано утромъ, 25 Декабря, онъ явился къ корпусному командиру, который пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ. Во время стола, генералъ Ротъ разсказалъ ему подробно о происшествіи 14-го Декабря, получивъ сіе извѣстіе чрезъ экстрапочту. Изъ сего разговора С. Муравьевъ ясно видѣлъ, что общество открыто правительствомъ и что мѣры къ арестованію членовъ уже приняты. Послѣ обѣда, нимало не медля, онъ проѣхалъ въ Трояновъ, гдѣ квартировалъ Александрійскій гусарскій полкъ, коимъ командовалъ Александръ Муравьевъ, братъ Артамона Муравьева. Сергѣй Муравьевъ, пробывъ въ Трояновѣ не болѣе часу, успѣлъ переговорить съ офицерами сего полка, принадлежавшими къ Обществу и, безъ сомнѣнія, увѣдомилъ ихъ о случившемся въ столицѣ происшествіи. Потомъ поѣхалъ онъ съ братомъ своимъ Матвѣемъ въ Любаръ къ Артамону Муравьеву, командовавшему Ахтырскимъ полкомъ. Должно полагать, что С. Муравьевъ въ это время не думалъ о возмущеніи: ибо, по пріѣздѣ къ Артамону Мувьеву, онъ не дѣлалъ никакихъ предложеній, но старался узнать о готовности нижнихъ чиновъ, и даже, разсказывая о 14 Декабрѣ, онъ не одобрялъ сего дѣла. Потомъ разговоръ обратился на предметы вовсе посторонніе, какъ вдругъ вошелъ въ комнату Бестужевъ-Рюминъ. «Тебя приказано арестовать», сказалъ онъ, задыхаясь, С. Муравьеву: «всѣ твои бумаги взяты Гебелемъ, который мчится съ жандармами по моимъ слѣдамъ».

Эти слова были громовымъ ударомъ для обоихъ братьевъ и Артамона Муравьева. «Все кончено!» вскричалъ Матвѣй Муравьевъ. «Мы погибли, насъ ожидаетъ страшная участь; не лучше ли намъ умереть? Прикажите подать ужинъ и Шампанскаго», продолжалъ онъ, оборотясь къ Артамону Муравьеву: «выпьемъ и застрѣлимся весело».—«Не будетъ ли это слишкомъ рано?» сказалъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ С. Муравьевъ. «Мы умремъ въ самую пору», возразилъ Матвѣй; «подумай, братъ, что

мы четверо главные члены, и что своею смертію можемъ скрыть отъ поисковъ правительства менѣе извѣстныхъ».—«Это отчасти правда», отвѣчалъ С. Муравьевъ; «но однакожъ еще не мы одни главные члены Общества. Я рѣшился на другое. Артамонъ Захаровичъ можетъ перемѣнить видъ дѣла». И обратясь къ Артамону Муравьеву, онъ предложилъ ему немедленно собрать Ахтырскій полкъ, идти на Трояновъ, увлечь за собою Александрійскій гусарскій полкъ (такъ какъ прежде и обѣщалъ Артамонъ Муравьевъ), явиться нечаянно въ Житомиръ и арестовать всю корпусную квартиру. Не ожидая отвѣта отъ Артамона, С. Муравьевъ вслѣдъ за симъ написалъ двѣ записки: одну—къ Горбачевскому, другую—къ Спиридову и Тютчеву, въ коихъ увѣдомлялъ ихъ о началѣ возстанія и приглашалъ къ содѣйствію, назначивъ Житоміръ сборнымъ пунктомъ. Отдавая сіи записки Артамону Муравьеву, онъ просилъ его убѣдительно отправить ихъ тотчасъ съ нарочными. Артамонъ, взявъ отъ него сіи записки, послѣ нѣкотораго молчанія, началъ говорить о невозможности возстанія и, между прочими отговорками, сказалъ: «Я недавно принялъ полкъ и потому еще не знаю хорошо ни офицеровъ, ни солдатъ; мой полкъ не приготовленъ еще къ такому важному предпріятію; пуститься на оное значитъ заранѣе приготовить неудачу.» Ротмистръ Семичевъ, который пришелъ къ Артамону Муравьеву за нѣсколько минутъ до пріѣзда Бестужева, при такомъ отвѣтѣ своего командира о расположеніи полка, не могъ удержаться отъ возраженія. «Я думаю совершенно противное, г. полковникъ», сказалъ онъ: «въ этомъ случаѣ нужна рѣшимость и сильная воля; если вы не хотите сами говорить съ офицерами и солдатами, то соберите полкъ въ штабъ-квартиру; остальное намъ предоставьте.» Замѣчаніе Семичева пробудило надежду въ сердцѣ Муравьева, его просьба приняла видъ требованія; представляя будущность ожидающую членовъ Общества, отъ требованія онъ перешелъ къ упрекамъ. Но Артамонъ Муравьевъ не хотѣлъ и слышать о возмущеніи. «Я сейчасъ ѣду», сказалъ онъ съ жаромъ, «въ С.-Петербургъ къ Государю, разскажу ему все подробно объ Обществѣ, представлю, съ какою цѣлью оно было составлено, что̀ намѣревалось сдѣлать и чего желало. Я увѣренъ», продолжалъ онъ, «что Государь, узнавъ наши добрыя и патріотическія намѣренія, оставитъ насъ всѣхъ при своихъ мѣстахъ, и вѣрно найдутся люди, окружающіе его, которые примутъ нашу сторону». При сихъ словахъ онъ сжегъ на свѣчкѣ записки, писанныя Сергѣемъ Муравьевымъ къ Славянамъ. С. Муравьевъ потерялъ терпѣніе. «Я жестоко обманулся въ тебѣ», сказалъ онъ съ величайшею досадою; «поступки твои относительно нашего Общества заслуживаютъ всевозможные упреки. Когда

я хотѣлъ принять въ Общество твоего брата, онъ, какъ прямодушный человѣкъ, объявилъ мнѣ откровенно, что образъ его мыслей противенъ всякаго рода революціямъ и что онъ не хочетъ принадлежать ни къ какому Обществу; ты же, напротивъ, принялъ предложеніе съ необыкновеннымъ жаромъ, осыпалъ насъ обѣщаніями, клялся сдѣлать то, чего мы даже не требовали; а теперь, въ критическія минуты, когда дѣло идетъ о жизни и смерти всѣхъ насъ, ты отказываешься и даже не хочешь увѣдомить нашихъ членовъ объ угрожающей мнѣ и всѣмъ опасности. Послѣ сего я прекращаю съ тобою знакомство, дружбу, и съ сей минуты всѣ мои сношенія съ тобою прерваны.» Послѣ минутнаго молчанія, С. Муравьевъ еще разъ попытался уговорить Артамона Муравьева, написалъ новую записку въ 8-ю бригаду и, отдавая ее Артамону, сказалъ съ выраженіемъ горести: «Доставь эту записку въ 8-ю бригаду; это послѣдняя моя къ тебѣ просьба; одна услуга, которую я смѣю отъ тебя ожидать.» Артамонъ Муравьевъ взялъ записку и, казалось, тронутый просьбами своего родственника и сочлена, соглашался доставить оную Славянамъ, но лишь только С. Муравьевъ уѣхалъ, онъ ее уничтожилъ, какъ и прежнія. Славяне послѣ сѣтовали на С. Муравьева, и именно за то, что онъ изъ Любара не далъ имъ никакого извѣстія, и въ послѣдствіи только узнали причину непонятнаго его молчанія.

Сергѣй Муравьевъ рѣшился тотчасъ оставить мѣст. Любаръ, не имѣя болѣе надежды на Ахтырскихъ гусаръ. Онъ просилъ Артамона Муравьева дать ему своихъ лошадей, чтобы скорѣе доѣхать въ свой полкъ, но и сія маловажная просьба осталась безъ удовлетворенія: командиръ Ахтырскаго полка извинялся и клялся, что у него нѣтъ ни одной лошади годной къ упряжи. Между тѣмъ Бестужевъ-Рюминъ рѣшился ѣхать къ артиллеристамъ и лично увѣдомить Славянъ о началѣ возстанія. «Я самъ ѣду въ 8-ю бригаду», сказалъ онъ; «дайте мнѣ, Артамонъ Захаровичъ, верховую лошадь; 20 верстъ не далекій путь». Просьба Бестужева имѣла одну участь съ просьбою Муравьева: Артамонъ засыпалъ его словами, но не далъ верховой лошади, оправдываясь тѣмъ, что такой поступокъ покажется подозрительнымъ мѣстному начальству. Онъ совѣтовалъ Бестужеву выѣхать изъ Любара вмѣстѣ съ Муравьевымъ, отпрячь за городомъ отъ его тройки пристяжную лошадь и, объѣхавъ кругомъ Любаръ, скакать куда ему угодно.

Огорченный столь неожиданнымъ поведеніемъ командира Ахтырскаго полка, Сергѣй Муравьевъ, вмѣстѣ съ братомъ Матвѣемъ и Бестужевымъ-Рюминымъ, спѣшили оставить Любаръ и должны были тащиться на измученныхъ уже лошадяхъ. Желая скорѣе пріѣхать въ свой полкъ, С. Муравьевъ далъ Еврею, своему извощику, по три рубля серебромъ

на милю. Разными проселочными дорогами, наконецъ, 29 Декабря, подъ вечеръ, они достигли деревни Трилѣсы, отстоящей отъ Василькова въ 45 верстахъ, и остановились на квартирѣ поручика Кузьмина, квартировавшаго въ сей деревнѣ съ своею ротою. Бестужевъ-Рюминъ тотчасъ опять уѣхалъ, неизвѣстно куда.

Вскорѣ послѣ отъѣзда С. Муравьева изъ Любара, прiѣхалъ къ Артамону Муравьеву подполковникъ Гебель, съ жандармскимъ поручикомъ Лангомъ, котораго онъ взялъ съ собою изъ Житомира, вмѣсто двухъ жандармскихъ офицеровъ, Несмѣянова и Скокова, бывшихъ у него въ Васильковѣ. Командиръ Ахтырскаго полка, подъ разными предлогами, задержалъ Гебеля нѣсколько часовъ, и чрезъ то далъ возможность С. Муравьеву и его товарищамъ доѣхать до деревни Трилѣсы (одна услуга оказанная имъ Тайному Обществу и С. Муравьеву). Не позволяя себѣ обвинять поведенiе кого-либо изъ членовъ въ сiи критическiя минуты, можно однако замѣтить, что еслибы Артамонъ Муравьевъ имѣлъ болѣе смѣлости и рѣшительности въ характерѣ и принялъ немедленно предложенiе С. Муравьева поднять знамя бунта, то мѣстечко Любаръ сдѣлалось бы важнымъ сборнымъ пунктомъ возставшихъ войскъ. Стоитъ только знать мѣсторасположенiе полковъ 6-й дивизiи съ артиллерiею и второй гусарской бригады, и взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что Любаръ былъ почти въ самой срединѣ сихъ войскъ, куда, при возстанiи, они сошлись бы въ самое короткое время, какъ радiусы къ своему центру.

Въ то самое время какъ С. Муравьевъ старался уговорить къ дѣйствiю командира Ахтырскаго полка, Андреевичъ 2-й, посланный изъ Василькова, какъ мы выше сказали, Черниговскими офицерами съ подобнымъ предложенiемъ къ другимъ членамъ Общества, прiѣхалъ въ городъ Радомысль къ бывшему командиру Алексопольскаго полка, полковнику Повало-Швейковскому. Хотя, со времени Лещинскаго лагеря, Швейковскiй лишился полка, но какъ онъ неоднократно утверждалъ, что это не помѣшаетъ ему поднять прежнiй свой полкъ, то Славяне положительно считали на его помощь. Андреевичъ узналъ отъ юнкера Энгельгарда, жившаго у Швейковскаго, что полковника дома нѣтъ. Сгарая отъ нетерпѣнiя приступить скорѣе къ объясненiю, Андреевичъ былъ въ ужасной досадѣ. — «Давно ли уѣхалъ полковникъ?» спросилъ онъ юнкера.—«Онъ уѣхалъ рано поутру», отвѣчалъ Энгельгардъ съ замѣшательствомъ.—«Не знаете ли вы, скоро ли онъ воротится назадъ?» —«Не знаю, но вѣроятно около полуночи; ибо онъ всегда возвращается въ это время».—«Скажите, по крайней мѣрѣ, далеко ли онъ уѣхалъ?» —«Не очень далеко, за нѣсколько верстъ, въ гости къ одному помѣщику». Андреевичъ спросилъ бумаги и написалъ къ Швейковскому за-

писку, прося его поспѣшить домой.—«Я долженъ переговорить съ вами», писалъ онъ, «о важномъ дѣлѣ; время мнѣ дорого». Потомъ, отдавая записку Энгельгарду, сказалъ: «Потрудитесь послать съ симъ письмомъ нарочнаго къ полковнику, а между тѣмъ прикажите дать мнѣ чаю; дорога чрезвычайно дурная, я жестоко прозябъ; къ тому же чай сократитъ время ожиданія, которое мнѣ кажется весьма долгимъ». Юнкеръ взялъ письмо и, ни слова не говоря, вышелъ вонъ. Подали чай. Андреевичъ расположился покойно за чайнымъ столикомъ, съ твердою рѣшимостью дождаться возвращенія Швейковскаго, полагая, что онъ видѣлся съ Муравьевымъ и Бестужевымъ, знаетъ о приказѣ арестовать перваго изъ нихъ и можетъ сказать ему, куда они оба поѣхали. Ему необходимо было свиданіе съ бывшимъ командиромъ Алексопольскаго полка: онъ долженъ былъ извѣстить его о началѣ возстанія, уговорить его, чтобы онъ немедленно возбудилъ Алексопольцевъ къ мятежу и, принявъ надъ ними команду, шелъ на Кіевъ или Житомиръ, для соединенія съ Черниговскимъ полкомъ или съ 8-ю дивизіею. Между тѣмъ время летѣло, и отъ Швейковскаго не было отвѣта. Андреевичъ терялъ терпѣніе. Безпрестанно возрастающее замѣшательство Энгельгарда подало Андреевичу мысль, что отсутствіе Швейковскаго не что иное какъ ложь, вымышленная единственно для того, чтобы избавиться отъ непріятнаго гостя. Сіе подозрѣніе скоро показалось ему несомнѣнною истиною. Въ боковыхъ комнатахъ были слышны шопотъ и тихій стукъ шаговъ; всѣ двери, ведущія въ комнаты изъ залы, въ которой находился Андреевичъ, были заперты. «Вѣроятно онъ дома», думалъ Андреевичъ про себя: «догадываясь о цѣли моего пріѣзда, безъ сомнѣнія онъ хочетъ уклониться отъ объясненій. Но это напрасно: я долженъ говорить съ нимъ». Въ сихъ мысляхъ онъ подошелъ къ одной изъ боковыхъ дверей и попробовалъ отворить оную, но внутренній замокъ сопротивлялся его силѣ. Съ досадою онъ пошелъ прочь и началъ снова ходить по залѣ, ожидая развязки. Наконецъ его терпѣніе истощилось совершенно. Не видя юнкера, Андреевичъ не могъ болѣе владѣть собою: подошедши къ запертой двери, онъ ударилъ ее изъ всей силы ногою; замокъ не могъ устоять противъ удара, дверь отворилась съ шумомъ и, къ удивленію, онъ увидѣлъ передъ собою Швейковскаго, который, въ замѣшательствѣ, отступилъ назадъ и не зналъ съ чего начать разговоръ съ неотвязчивымъ гостемъ... «Г. полковникъ», сказалъ Андреевичъ, принявъ важный видъ; «я другъ Бестужева-Рюмина; вѣроятно вы догадываетесь, о чемъ дѣло идетъ; но напередъ позвольте васъ спросить, былъ ли онъ у васъ, и если былъ, то куда онъ поѣхалъ?»—«Бестужевъ у меня былъ, но куда онъ поѣхалъ я не знаю.»—«Наше Общество открыто правительствомъ»,

сказалъ Андреевичъ, «и мы рѣшились поднять знамя мятежа». Потомъ, въ короткихъ словахъ разсказавъ Швейковскому о всемъ случившемся въ Васильковѣ, онъ просилъ принять участіе въ общей опасности и, взбунтовавъ свой полкъ, идти на Кіевъ или Житомиръ».—«Оставьте скорѣе мой домъ», былъ отвѣтъ полковника; «я ничего не могу для васъ сдѣлать.»—«Я думаю совершенно противное», возразилъ съ притворнымъ хладнокровіемъ Андреевичъ; «товарищи мои надѣются на васъ, и ихъ надежды основываются на вашихъ собственныхъ словахъ; вы не разъ говорили о преданности и любви къ вамъ своихъ подчиненныхъ, о готовности офицеровъ и солдатъ слѣдовать за вами повсюду; и такъ вамъ легко возбудить ихъ къ мятежу.»—«Вы ошибаетесь», отвѣчалъ Швейковскій: «меня ненавидятъ и офицеры, и солдаты». Андреевичъ, пораженный симъ отвѣтомъ, не зналъ что̀ говорить, и наконецъ, видя, что уговаривать полковника значитъ по напрасну терять слова и время, послѣ долгаго молчанія, сказалъ: «Вы видите, что я пріѣхалъ къ вамъ безо всего, въ одной шинели; вы знаете, куда и зачѣмъ я ѣду; на каждомъ шагу я долженъ подвергаться опасности быть арестовану.... И такъ, дайте мнѣ пару пистолетовъ или солдатское ружье: въ моемъ положеніи необходимо имѣть что-нибудь для обороны».—Швейковскій ему и въ этомъ рѣшительно отказалъ, говоря: «не ожидайте отъ меня ничего».—Андреевичъ, раздраженный такимъ поведеніемъ, сказалъ съ негодованіемъ: «Успокойтесь, г. полковникъ; я вижу, вы блѣдны какъ смерть; успокойтесь, я васъ оставляю»—и съ этими словами удалился.

Изъ Радомысля Андреевичъ спѣшилъ въ Житомиръ: тамъ онъ надѣялся увидѣться съ Славянами и рѣшиться на какія-нибудь мѣры. Пріѣздъ Андреевича обрадовалъ Житомирскихъ членовъ. Они ему сказали, что Муравьевъ, 25 Декабря, уѣхалъ въ Трояновъ и требовали отъ него, чтобы онъ тотчасъ ѣхалъ по слѣдамъ и старался бы его догнать, между тѣмъ какъ они будутъ стараться дать знать во всѣ полки о началѣ возстанія.—Въ Трояновѣ Андреевичъ узналъ, что С. Муравьевъ поѣхалъ въ Любаръ, почему, не останавливаясь ни на одну минуту, онъ пустился въ дорогу. За нѣсколько верстъ отъ Любара, лошади его выбились изъ силъ; къ счастію, какой-то Польскій извощикъ ѣхалъ той же дорогою и, видя затруднительное положеніе незнакомаго ему офицера, предложилъ Андреевичу мѣсто въ своей повозкѣ и довезъ его очень скоро до Любара. Пріѣхавши туда, онъ тотчасъ пошелъ къ командиру Ахтырскаго полка, думая, что если онъ и не застанетъ у него С. Муравьева, то, по крайней мѣрѣ, получитъ отъ него прикрытіе для артиллеріи, которая квартировала отъ Любара очень близко, и что Артамонъ Муравьевъ вѣроятно начнетъ возстаніе. Пришедши къ нему, Андреевичъ узналъ, что С. Муравьевъ и Бесту-

жевъ уѣхали. Тогда онъ объявилъ Артамону Муравьеву, что должно начать возстаніе; что въ 9-й дивизіи непремѣнно будутъ дѣйствовать, и что онъ, съ своей стороны, обязанъ вывести свой полкъ. Артамонъ Муравьевъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ ничего сдѣлать, приводя тѣ-же причины, которыя онъ представлялъ лично С. Муравьеву. Андреевичъ, видя, что онъ отказывается, возразилъ съ жаромъ: «По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ, полковникъ, одинъ эскадронъ гусаръ; я пойду съ нимъ въ артиллерійскія роты и тамъ начнемъ дѣйствіе». Муравьевъ рѣшительно отказался дать ему какое либо пособіе, говоря: «поѣзжайте куда хотите». Андреевичъ представлялъ ему, что онъ не можетъ никуда ѣхать; что изъ 25 рублей серебромъ, данныхъ ему Черниговскими офицерами на наемъ лошадей, остался у него одинъ рубль; что у него нѣтъ паспорта, ни вида, кромѣ одной подорожной, и то на имя Сухинова; что онъ вездѣ затрудняется лошадьми, и что даже не только не имѣетъ способа догнать С. Муравьева, но даже выѣхать изъ Любара.—«У меня нѣтъ денегъ: я *десять тысячъ* далъ С. Муравьеву, когда онъ отъ меня уѣзжалъ, и мнѣ нечѣмъ вамъ пособить».—«Дайте мнѣ гусаръ, мнѣ не надо вашихъ денегъ», сказалъ съ досадою Андреевичъ; «я пріѣхалъ къ вамъ не за деньгами, а за гусарами. Дайте мнѣ гусаръ, мнѣ нужны ваши солдаты и офицеры!» повторилъ онъ нѣсколько разъ въ совершенномъ отчаяніи.—«Въ послѣдній разъ говорю вамъ, что ваше требованіе не можетъ быть исполнено: мой полкъ не готовъ», возразилъ полковникъ и вышелъ въ другую комнату. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и, подавая Андреевичу 400 рубл., сказалъ: «Я знаю, что у ротмистра Малявина продается лошадь; купите ее за эти деньги и поѣзжайте верхомъ скорѣе, вслѣдъ за Муравьевымъ и Бестужевымъ. Прощайте, я ничего не могу для васъ сдѣлать».

Замѣшательство Андреевича увеличивалось болѣе; онъ не зналъ что̀ дѣлать: скакать верхомъ зимою до Василькова, почти 200 верстъ, ему казалось невозможнымъ; но видя, что Артамонъ Муравьевъ рѣшительно отказывается поддержать Славянъ возстаніемъ, рѣшился ѣхать, взялъ деньги и спѣшилъ къ ротмистру Малявину. Пришедши туда, онъ засталъ у Малявина многихъ офицеровъ, изъ коихъ нѣкоторые были члены Южнаго Общества, принятые Бестужевымъ-Рюминымъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Андреевичъ обратился къ хозяину. «Я слышалъ отъ вашего полковника», сказалъ онъ, «что вы продаете лошадь, которую цѣните въ 400 рубл.; я даю вамъ сію сумму безъ торга, не видавши лошади». Громкій смѣхъ всѣхъ присутствовавшихъ былъ отвѣтомъ на сіе предложеніе. Андреевичъ удивился... «Полковникъ давно знаетъ, что я мою лошадь иначе не продаю какъ за 800 рубл.», отвѣчалъ Малявинъ: «вы напрасно ему повѣрили». Андреевичъ, огорченный

неудачею, объяснилъ офицерамъ, принадлежавшимъ къ Обществу, цѣль своей поѣздки, разсказалъ имъ свое свиданіе съ Швейковскимъ, съ Арт. Муравьевымъ и ихъ отговорки. Гусары слушали Андреевича съ величайшимъ чувствомъ негодованія; когда же онъ кончилъ, то ругательства и проклятія посыпались на малодушныхъ, но гнѣвъ ихъ кончился одними словами. Они не могли приступить тотчасъ къ дѣйствію; полкъ ихъ былъ разбросанъ по деревнямъ. «Солдаты наши не приготовлены», говорили они, «и бо́льшая часть офицеровъ ничего не знаютъ; полковой командиръ никогда не говорилъ намъ о намѣреніяхъ Общества и не имѣлъ никакихъ сношеній съ нами; поэтому мы сами оставались въ такомъ бездѣйствіи и не думали приготовлять своихъ подчиненныхъ. Андреевичъ, видя, что всѣ надежды его исчезли, убѣдясь, что нѣтъ надобности ѣхать въ артиллерійскія роты безъ требуемаго его товарищами прикрытія, рѣшилъ ѣхать по слѣдамъ С. Муравьева, стараться догнать его и, пріѣхавъ съ нимъ въ какой-нибудь полкъ, начать тамъ возстаніе. Ротмистръ Семичевъ и другіе члены Южнаго Общества были согласны съ симъ мнѣніемъ Андреевича и совѣтовали ему немедленно ѣхать въ Васильковъ. Семичевъ просилъ сказать С. Муравьеву, если онъ начнетъ возстаніе и если Ахтырскій полкъ будетъ посланъ для усмиренія мятежа, то всѣ офицеры за долгъ почитаютъ соединиться съ нимъ и станутъ дѣйствовать за общее дѣло. Поручикъ Никифораки самъ побѣжалъ искать лошадей и въ скорости возвратился съ нанятымъ имъ Евреемъ, который взялся доставить Андреевича до Василькова за неимовѣрно-высокую плату. Дѣлать было нечего: Андреевичъ тотчасъ согласился и снова пустился въ дорогу. Отъѣхавъ верстъ 40 отъ Любара, подъ самымъ селеніемъ Пятками (?), извощикъ его сбился съ дороги. Ночь была очень темная; порывистый вѣтеръ, начавшій дуть съ вечера, поднялъ сильную мятель. Андреевичъ не имѣлъ на себѣ никакой теплой одежды; одна офицерская шинель сверхъ мундира не могла его защитить отъ пронзительнаго холоднаго вѣтра. Поле было ровное и не представляло никакой защиты. Къ счастію, лошади сами собою набрели на крестьянскую избу, гдѣ жили майданщики (дѣлающіе селитру). Эта нечаянность спасла ему жизнь. Обогрѣвшись и давъ отдохнуть измученнымъ лошадямъ, Андреевичъ поскакалъ проселочными дорогами прямо въ Васильковъ; но, пріѣхавъ въ сей городъ 31 Декабря, онъ не засталъ уже Черниговскаго полка, который выступилъ въ походъ. Городъ былъ въ величайшемъ страхѣ, и никто не принималъ пріѣзжающихъ къ себѣ на квартиру: мѣстное начальство замѣчало за всѣми подозрительными людьми. Угрожаемый каждую минуту попасться въ руки правительства, Андреевичъ спрятался къ одному Еврею, который согласился его принять въ домъ за нѣсколько рублей серебромъ.

Потомъ просилъ онъ его достать ему лошадей, чтобы догнать Черниговскій полкъ. Еврей старался сыскать, но не могъ, хотя Андреевичъ обѣщался ему тотчасъ заплатить вдесятеро. Видя невозможность оставаться въ Васильковѣ, онъ рѣшился выйти изъ города пѣшкомъ, въ дальней деревнѣ, въ сторонѣ отъ большой дороги, нанялъ у крестьянина пару лошадей и поѣхалъ въ Кіевъ. Онъ старался доѣхать туда какъ можно скорѣе, поспѣшая объявить всѣмъ Кіевскимъ членамъ о дѣйствіяхъ С. Муравьева.

Оставимъ Андреевича въ Кіевѣ и обратимся, наконецъ, къ описанію возстанія Черниговскаго полка, которое началось въ деревнѣ Трилѣсахъ, вскорѣ по пріѣздѣ туда С. Муравьева и Бестужева-Рюмина.

Черниговскіе офицеры, которыхъ мы оставили въ Васильковѣ, съ нетерпѣніемъ ожидали знака къ возстанію. Хотя они не сомнѣвались въ готовности другихъ членовъ Тайнаго Общества содѣйствовать имъ въ достиженіи общей цѣли и были увѣрены, что поѣздка Андреевича и Бестужева увѣнчается счастливымъ успѣхомъ, но неизвѣстность становилась для нихъ часъ отъ часу тягостнѣе: они не могли дѣйствовать и не умѣли оставаться праздными. Для начала дѣйствія имъ необходимо было узнать, гдѣ С. Муравьевъ и на что̀ онъ рѣшился? Наконецъ, сіе желаніе ихъ исполнилось. Около 11 часовъ ночи, съ 28 на 29 Декабря 1825 года, Кузьминъ получилъ чрезъ рядоваго ввѣренной ему роты записку слѣдующаго содержанія: «Анастасій Дмитріевичъ! Я пріѣхалъ въ Трилѣсы и остановился на вашей квартирѣ. Пріѣзжайте и скажите барону Соловьеву, Щепилѣ и Сухинову, чтобы они тоже пріѣхали какъ можно поскорѣе въ Трилѣсы. Вашъ Сергѣй Муравьевъ». Кузьминъ немедленно сообщилъ своимъ товарищамъ желаніе Муравьева съ ними увидѣться. «Ѣдемъ», вскричали они въ одинъ голосъ, «ѣдемъ въ сію же ночь». Чрезъ нѣсколько минутъ лошади были готовы. Но мысль, что, можетъ быть, С. Муравьевъ уже арестованъ Гебелемъ, по пріѣздѣ его въ Трилѣсы, остановила ихъ стремленіе и заставила ихъ подумать. «Что̀ мы будемъ дѣлать, если Гебель арестовалъ Муравьева»? спросилъ одинъ изъ нихъ. «Освободить его и начать дѣйствовать, освободить его!»—былъ единодушный отвѣтъ. Рѣшившись на столь смѣлое предпріятіе и не зная, какою дорогою поѣдетъ Гебель съ арестованнымъ Муравьевымъ изъ Трилѣсъ въ Васильковъ, Черниговскіе офицеры рѣшились раздѣлиться и ѣхать двумя дорогами, чтобы непремѣнно его встрѣтить. Соловьевъ и Щепила поѣхали большою дорогою, а Кузьминъ и Сухиновъ—проселочною. Между тѣмъ, какъ они спѣшили въ Трилѣсы, ихъ опасеніе исполнилось. Въ полночь того же числа прибылъ туда Гебель съ жандармскимъ офицеромъ Лангомъ и, узнавъ, что С. Муравьевъ и братъ его Матвѣй остановились на квар-

тирѣ Кузьмина, онъ собралъ часть квартировавшей тамъ роты, окружилъ домъ, вошелъ тихонько въ комнату, въ которой оба Муравьева спокойно спали, взялъ пистолеты, лежавшіе на столѣ и потомъ, разбудивши ихъ, объявилъ имъ повелѣніе объ арестѣ [32]). Въ 8 часовъ утра, 29 Декабря, Кузьминъ и Сухиновъ прискакали первые въ Трилѣсы. Увидя домъ свой, окруженный часовыми, Кузьминъ сказалъ своему товарищу: «сбылось наше предположеніе, Муравьевъ арестованъ; къ счастію мы его здѣсь застали». И съ этими словами они оба вошли прямо въ комнату. Гебель встрѣтилъ Кузьмина выговоромъ за отлучку отъ роты, а Сухинова — за неявку къ новому своему назначенію. Кузьминъ и Сухиновъ, пораженные таковыми привѣтствіями, старались однакожъ сохранить хладнокровіе и не отвѣчать ни слова на дерзости Гебеля. Мысли ихъ были заняты другимъ предметомъ: они съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда Соловьева и Щепилы, которые съ такимъ же чувствомъ летѣли къ нимъ на помощь и скоро достигли Трилѣсъ. Сухиновъ выбѣжалъ къ нимъ на встрѣчу: «Муравьевъ арестованъ, Гебель здѣсь», сказалъ онъ съ досадою. Услышавъ сіе, Щепила тотчасъ соскочилъ съ повозки и въ сильномъ движеніи сказалъ: «убить его!» Сдѣлавъ два шага впередъ: «убить его непремѣнно» — повторилъ нѣсколько разъ рѣшительнымъ голосомъ пылкій товарищъ Соловьева. «Пойдемъ къ нимъ скорѣе», продолжалъ онъ, запыхаясь отъ гнѣва и идя скорыми шагами къ квартирѣ Кузьмина. Соловьевъ и Сухиновъ за нимъ слѣдовали.— Командиръ Черниговскаго полка, увидя еще двухъ новопріѣзжихъ и, можетъ быть, подозрѣвая ихъ въ какомъ нибудь замыслѣ, началъ также имъ дѣлать выговоры и упреки за отлучку отъ своихъ мѣстъ и требовалъ, чтобы они немедленно отправились въ свои роты. Баронъ Соловьевъ отвѣчалъ ему, что онъ первый рѣшительно не будетъ повиноваться его приказанію. Щепила повторилъ тоже. Не взирая на положительность отказа и на рѣшительный тонъ, которымъ онъ былъ произнесенъ, Гебель требовалъ повиновенія еще съ бо̀льшею настойчивостью. Это произвело ужасный споръ, во время котораго Муравьевъ далъ знакъ офицерамъ, чтобъ они приступили къ дѣйствію, и къ сему знаку прибавилъ онъ тихимъ, но внятнымъ для нихъ голосомъ: «убить его». Гебель, разгоряченный споромъ, хотя не замѣтилъ знака и не слы-

[32]) Муравьевъ сдѣлалъ ошибку, пріѣхавъ въ Трилѣсы и, зная, что по слѣдамъ его скачетъ Гебель, не взявъ никакихъ предосторожностей, даже не приказавъ фельдфебелю роты Кузьмина дать ему тотчасъ знать, когда Гебель пріѣдетъ. Онъ легъ спать спокойно; но Гебель, съ своей стороны, арестовавъ Муравьевыхъ, былъ тоже неостороженъ, не отправивши тотчасъ ихъ дальше, но сталъ дожидаться разсвѣта и, удовольствовавшись тѣмъ, что они уже арестованы, расположился преспокойно отдыхать и готовился поутру пить чай. Бѣдный Гебель не зналъ, что роковая записка была послана въ Васильковъ.

халъ роковаго приговора, но видя невозможность восторжествовать надъ упорствомъ своихъ офицеровъ, а можетъ-быть опасаясь непріятныхъ слѣдствій, смягчилъ строгій голосъ командира и хотѣлъ возстановить дисциплину ласковыми словами. Однако его усилія были тщетны; все было кончено, и намѣреніе начать дѣйствовать твердо было принято.

Чрезъ нѣсколько минутъ Кузьминъ вышелъ въ другую комнату, отдѣленную отъ первой большими проходными сѣнями, съ тѣмъ, чтобы все приготовить къ возстанію и объявить солдатамъ своей роты о предпринимаемомъ дѣйствіи. Щепила, Соловьевъ и Сухиновъ вышли вслѣдъ за нимъ съ тою же цѣлію. Успѣхъ былъ неимовѣрный: солдаты изъявили готовность во всемъ повиноваться своимъ офицерамъ. Ободренные столь счастливымъ началомъ, офицеры Черниговскаго полка немедленно хотѣли приступить къ освобожденію Муравьева. Щепила и Соловьевъ вышли изъ кухни, гдѣ была временная караульня, въ сѣни, чтобы свободнѣе тамъ переговорить о мѣрахъ, необходимыхъ къ исполненію сего намѣренія. Въ это самое время жандармскій поручикъ Лангъ, хлопотавшій объ отъѣздѣ, вышелъ изъ противулежащей комнаты. Щепила, увидя Ланга и думая, что онъ подслушалъ ихъ разговоръ, схватилъ ружье, стоявшее въ углу сѣней, и хотѣлъ его смертію начать предполагаемое дѣйствіе. Но Соловьевъ, махнувъ рукою, отвелъ смертельный ударъ: «оставимъ его въ живыхъ», сказалъ онъ Щепилѣ; «лучше мы его арестуемъ; для насъ достаточно этого.» Испуганный жандармъ, видя опасность, выбѣжалъ безъ всякаго шума изъ сѣней и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Черниговскіе офицеры замѣтили его удаленіе и, опасаясь, чтобы онъ не извѣстилъ кого либо о началѣ возмущенія и не остановилъ бы тѣмъ успѣха, послали тотчасъ Сухинова схватить Ланга и привести его. Сухиновъ поймалъ жандармскаго поручика недалеко отъ дома, но изъ человѣколюбія не рѣшившись вести ненавистнаго жандарма къ своимъ товарищамъ, онъ оставилъ его въ домѣ священника и посадилъ въ погребъ, намѣреваясь его взять оттуда, когда умы успокоются и когда можно будетъ содержать его подъ арестомъ, не подвергая опасности его жизнь. Возвратившись, онъ объявилъ своимъ товарищамъ, что жандарма не нашелъ; въ пылу негодованія, Щепила и Кузьминъ настоятельно требовали отъ Сухинова, чтобы онъ привелъ бѣглеца. Сухиновъ послушался и поспѣшилъ въ домъ священника, но, къ удивленію своему, не нашелъ тамъ своего узника, который, во время его отсутствія, въ самомъ дѣлѣ бѣжалъ и почти первый донесъ въ дивизіонную квартиру о началѣ возмущенія.

Между тѣмъ, подполковникъ Гебель, разговаривая съ Муравьевымъ, ничего не зналъ что̀ происходило въ сѣняхъ. Не видя долгое время поручика Ланга и скучая долгимъ приготовленіемъ лошадей, онъ

началъ звать его громкимъ голосомъ. Не имѣя никакого отвѣта, онъ съ досадою выбѣжалъ изъ комнаты и бросился прямо въ караульню, чтобы послать вѣстоваго отыскивать Ланга, но, встрѣтивъ тамъ Щепилу и Кузьмина, который отдавалъ приказанія своему фельдфебелю, онъ забылъ свое намѣреніе, пришелъ снова въ бѣшенство и началъ осыпать выговорами и укоризнами офицеровъ, которые, на этотъ разъ, не были такъ снисходительны, какъ прежде: Щепила отвѣчалъ Гебелю на его выговоры сильнымъ ударомъ штыка въ брюхо. Почувствовавъ тяжелую рану, командиръ Черниговскаго полка хотѣлъ выскочить вонъ изъ комнаты, но въ дверяхъ его встрѣтилъ Соловьевъ и, ухвативъ обѣими руками за волосы, повалилъ на землю. Кузьминъ и Щепила бросились на упавшаго Гебеля и начали его колоть и бить. Соловьевъ, оставя Гебеля въ рукахъ своихъ товарищей, спѣшилъ освободить арестованныхъ Муравьевыхъ, которые, пользуясь отсутствіемъ полковаго командира и жандарма, и замѣтя движеніе офицеровъ и шумъ происходившій въ сѣняхъ, выбили окошко и выскочили изъ комнаты. Часовой, не зная ничего, хотѣлъ было воспрепятствовать мнимому побѣгу, но прибѣжавшій на его крикъ ефрейторъ заставилъ его молчать пощечиною ([33]). Соловьевъ выбѣжалъ въ комнату и, не нашедъ въ оной Муравьевыхъ (Сергѣя и брата его Матвѣя), бросился къ выбитому окошку, изъ коего къ крайнему удивленію увидалъ С. Муравьева на дворѣ, наносившаго тяжелые удары ружейнымъ прикладомъ по головѣ Гебелю, который, послѣ побоевъ Щепилы и Кузьмина, собралъ послѣднія свои силы и, поднявшись на ноги, вынесъ ихъ, такъ сказать на своихъ плечахъ изъ сѣней и былъ остановленъ въ дверяхъ С. Муравьевымъ.

Видъ окровавленнаго Гебеля, прислонившагося къ стѣнѣ и закрывающаго голову руками, въ надеждѣ тѣмъ защитить себя отъ наносимыхъ ему ударовъ, заставилъ Соловьева содрогнуться: онъ немедленно выскочилъ въ окно и, желая какъ можно скорѣе кончить сію отвратительную сцену, схватилъ ружье и сильнымъ ударомъ штыка въ животъ повергнулъ Гебеля на землю. Обратясь потомъ къ С. Муравьеву, началъ онъ его просить, чтобы онъ прекратилъ безполезныя жестокости надъ человѣкомъ, лишеннымъ возможности не только имъ вредить, но даже защищать свою собственную жизнь. Сіи просьбы имѣли свое дѣйствіе: С. Муравьевъ оставилъ Гебеля и только въ это время почувствовалъ, что ознобилъ себѣ пальцы отъ прикосновенія ружейнаго ствола.

---

[33]) Этотъ самый часовой былъ въ походѣ съ Муравьевымъ и былъ одинъ изъ лучшихъ солдатъ во время онаго.

Едва С. Муравьевъ оставилъ полумертваго Гебеля, какъ сей несчастный пришелъ въ себя, приподнялся на ноги и въ безпамятствѣ пошелъ, шатаясь, самъ не зная куда. Къ несчастію, онъ попался на глаза Кузьмину, который подбѣжалъ къ нему, ударомъ по шеѣ сшибъ его съ ногъ и, въ изступленіи, нанесъ ему еще восемь тяжелыхъ ранъ; удары были такъ сильны, что за каждымъ разомъ Кузьминъ долженъ былъ употреблять силу, чтобы выдернуть свою шпагу изъ костей Гебеля. Можетъ быть, Кузьминъ прекратилъ бы страданія Гебеля, еслибы не подбѣжалъ къ нему Соловьевъ и не уговорилъ оставить изувѣченнаго человѣка, представляя его совершенно имъ безвреднымъ и едва дышущимъ. Кузьминъ удалился, но жизнь не оставила Гебеля. Ослабленный истеченіемъ крови, съ разбитою головою, покрытый ранами, онъ снова собралъ силы, поднялся на ноги и, шатаясь, вышелъ за ворота, сдѣлалъ тамъ нѣсколько шаговъ и упалъ безъ чувствъ посреди улицы. Одинъ рядовой роты Кузьмина остановилъ ѣхавшаго по улицѣ крестьянина, положилъ Гебеля на сани и повезъ его въ домъ управителя.

С. Муравьевъ, узнавъ объ этомъ, впалъ въ нѣкоторый родъ неистовства: требовалъ, чтобы офицеры отыскали Гебеля и непремѣнно лишили его жизни, а самъ побѣжалъ по переулку, съ намѣреніемъ перехватить сани, на которыхъ солдатъ везъ своего полковаго командира. Не догнавъ его, С. Муравьевъ поручилъ Сухинову непремѣнно остановить Гебеля, вывезти его за деревню и бросить въ снѣгъ. Видя ярость и бѣшенство С. Муравьева, Сухиновъ притворился согласнымъ исполнить его приказаніе и побѣжалъ вслѣдъ за санями, но возратившись объявилъ Муравьеву, что солдатъ отдалъ уже Гебеля управителю и что сей послѣдній собралъ къ себѣ множество вооруженныхъ крестьянъ [34]). Между тѣмъ, С. Муравьевъ приказалъ Кузьмину собрать роту и идти въ Ковалевку, а самъ, взявъ съ собою Соловьева и Щепилу, поѣхалъ впередъ въ сію деревню. Когда они подъѣхали къ управительскому дому, Щепила, находясь еще съ сильномъ раздраженіи, предложилъ С. Муравьеву заѣхать къ управителю и убить тамъ Гебеля. С. Муравьевъ тотчасъ согласился и приказалъ кучеру прямо туда ѣхать; но Соловьевъ всѣми силами воспротивился сему, какъ без-

---

[34]) Покажется страннымъ, что послѣ столькихъ полученныхъ ранъ, Гебель могъ еще остаться въ живыхъ. Но вѣроятно сему способствовало его крѣпкое и здоровое сложеніе, скорая помощь лѣкаря, а можетъ быть отъ изступленія и ярости офицеровъ невѣрно наносимые удары. Однакожъ, за всѣмъ тѣмъ, онъ былъ четыре мѣсяца въ постели, лишился нѣсколькихъ пальцевъ на обѣихъ рукахъ, которые ему отбилъ С. Муравьевъ ружейнымъ прикладомъ, и получилъ тринадцать тяжкихъ ранъ острымъ оружіемъ.

полезному, такъ и ничтожному покушенію, просилъ Муравьева оставить его намѣреніе и, не ожидая его согласія, крикнулъ грозно на кучера: «пошелъ прямо!» Кучеръ послушался Соловьева, ударилъ по лошадямъ и пронесся мимо дома. Муравьевъ и Щепила противились, Соловьевъ ихъ не слушалъ и тѣмъ отвратилъ ихъ отъ сего безполезнаго дѣйствія. Щепила и Соловьевъ, оставивъ С. Муравьева въ деревнѣ Ковалевкѣ, гдѣ квартировала 2-я гренадерская рота, подъ командою поручика Петина, поѣхали къ своимъ ротамъ, чрезъ Васильковъ.

Все случившееся въ Трилѣсахъ было уже извѣстно въ городѣ. Ужасъ распространился между жителями, а мѣстное начальство старалось взять мѣры, могущія остановить успѣхъ Муравьева. Трухинъ, старшій маіоръ послѣ С. Муравьева, удвоилъ городской караулъ и отправилъ приказаніе во всѣ роты непремѣнно собраться въ городъ. Узнавъ, что Соловьевъ и Щепила пріѣхали въ Васильковъ и остановились у полковаго квартермистра, поручика Войниловича, маіоръ Трухинъ тотчасъ взялъ роту внутренней стражи, городничаго и дежурнаго по карауламъ, поручика Быстрицкаго, пошелъ на квартиру помянутаго офицера и тамъ арестовалъ Соловьева и его товарища, въ то время какъ они отдыхали, ожидая свѣжихъ лошадей. Потомъ онъ приказалъ поручику Быстрицкому ѣхать въ деревню, принять роту Соловьева и привести ее въ Васильковъ. На главной гауптвахтѣ, гдѣ содержались арестованные офицеры, было отдано строжайшее приказаніе отъ маіора никого къ нимъ не впускать, не говорить ни слова съ мятежниками, и если они вздумаютъ подговорить караульныхъ, то стрѣлять по нимъ безъ всякаго сожалѣнія. Однако, не смотря на сей строгій приказъ, Щепила и Соловьевъ не только принимали посѣщенія другихъ офицеровъ, говорили съ солдатами, но даже разсказали имъ подробно о всемъ случившемся въ Трилѣсахъ и просили ихъ не оставлять своихъ товарищей въ столь трудныхъ обстоятельствахъ. Какъ караульные солдаты, такъ и офицеры, посѣщавшіе арестантовъ, обѣщали непремѣнно присоединиться къ возставшимъ ротамъ.

Въ скоромъ времени, маіоръ Трухинъ, вѣроятно изъ предосторожности, разлучилъ Соловьева и Щепилу, приказавъ перевести сего послѣдняго на квартиру и содержать тамъ подъ такимъ же строгимъ присмотромъ, какъ и на гауптвахтѣ. Бѣдный маіоръ не замѣчалъ, что надъ его приказаніями явно смѣялись не только офицеры, но и солдаты, хотя повидимому приводили ихъ въ исполненіе.

С. Муравьевъ въ деревнѣ Ковалевкѣ позвалъ тотчасъ къ себѣ фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ 2-й гренадерской роты, чтобы узнать ихъ мнѣніе относительно замышляемаго возмущенія.

Видя, что они готовы раздѣлить съ нимъ всѣ опасности предпріятія, онъ приказалъ фельдфебелю собрать роту. Гренадеры собрались противъ квартиры своего ротнаго командира, съ которымъ Муравьевъ вышелъ къ нимъ и, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, объявилъ о дѣлѣ въ короткихъ словахъ. Потомъ спросилъ ихъ, чувствуютъ ли они довольно мужества, чтобы отважиться на столь смѣлый и великій подвигъ. Гренадеры единодушно изъявили свое согласіе и отвѣчали положительно. Распустивъ ихъ по квартирамъ, С. Муравьевъ приказалъ имъ готовиться къ походу.

Для успѣха возстанія, начатаго безъ всякаго предварительнаго плана, необходимо было скорое и единодушное содѣйствіе всѣхъ членовъ Тайнаго Общества. С. Муравьевъ былъ увѣренъ въ преданности къ общему дѣлу членовъ Славянской Управы и потому спѣшилъ ихъ увѣдомить о возстаніи Черниговскаго полка. Съ симъ намѣреніемъ онъ послалъ Башмакова извѣстить членовъ 8-й артиллерійской бригады и пригласить ихъ къ поднятію оружія. Кромѣ сего, Башмаковъ долженъ былъ заѣхать къ капитану Черниговскаго полка Фурману и отправить его съ такимъ же порученіемъ къ членамъ 8-й пѣхотной дивизіи. Вслѣдъ за Башмаковымъ Муравьевъ послалъ въ 17-й егерскій полкъ, къ подпоручикамъ Вадковскому и Молчанову, унтеръ-офицера Какаурова, съ запискою, въ которой просилъ одного изъ нихъ пріѣхать въ Васильковъ для совѣщанія [35]). Отъ скораго исполненія подобныхъ приказаній, можетъ быть, зависѣлъ жребій С. Муравьева и его товарищей; но, къ несчастію, сіи приказанія не были исполнены съ надлежащею скоростію и точностью. Унтеръ-офицеръ Какауровъ выполнилъ возложенную на него обязанность какъ слѣдовало умному и расторопному солдату, но поведеніе Башмакова и Фурмана заслуживаетъ самое строгое порицаніе: вмѣсто того, чтобы спѣшить въ назначенныя имъ мѣста, они теряли время за картами и виномъ. Въ 25 верстахъ отъ Василькова, они были арестованы земскимъ исправникомъ, который взялъ ихъ за карточнымъ столомъ весьма не въ трезвомъ видѣ.

Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ въ Ковалевку и тутъ узналъ о происшествіяхъ, случившихся во время его поѣздки. Положительно неизвѣстно, гдѣ онъ былъ; но, вѣроятно, сколько можно догадываться по обстоятельствамъ, онъ ѣздилъ въ ближайшіе полки и приглашалъ къ

---

[35]) Вмѣсто того, чтобы послать Какаурова въ 17-й егерскій полкъ съ приказаніемъ, дабы члены тамъ находящіеся взбунтовали тотчасъ полкъ и шли бы къ Черниговцамъ на помощь, С. Муравьевъ приказалъ пріѣхать въ Васильковъ одному члену и тогда далъ ему оное порученіе. Отъ сего произошла неудача и потеря времени, которая такъ дорога въ сихъ случаяхъ.

дѣйствію командировъ оныхъ [36]). Почти вслѣдъ за нимъ пришелъ Кузьминъ съ частію своей роты. Опасаясь оставить С. Муравьева безъ прикрытія, онъ дожидался пока соберется вся рота, разбросанная по деревнямъ, и препоручилъ своему фельдфебелю Шутову привести остальную команду въ городъ Васильковъ. На другой день (30 Декабря), рано по утру, С. Муравьевъ, съ 1-ю гренадерскою ротою и большею частію 5-й мушкатерской, выступилъ изъ Ковалевки, намѣреваясь въ одинъ переходъ сдѣлать 35 верстъ и придти въ Васильковъ. Маіоръ Трухинъ, узнавъ о семъ движеніи, приказалъ въ городѣ бить тревогу, а 4-й мушкатерской ротѣ, занимавшей караулы, приготовиться къ бою. Сіи приготовленія навели на городскихъ жителей ужасъ: всѣ думали, что чрезъ нѣсколько минутъ Васильковъ будетъ театромъ кровавой битвы; но вышло совершенно противное. Въ 3 часа пополудни авангардъ С. Муравьева, подъ командою Сухинова, спокойно вошелъ въ городъ, достигъ городской площади, безъ всякаго сопротивленія, и не обнаружилъ никакихъ непріязненныхъ расположеній противъ жителей. Миролюбивый видъ мятежниковъ ободрилъ маіора Трухина: надѣясь обезоружить ихъ одними словами, онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ и барабанщика, подошелъ къ авангарду и началъ еще издалека приводить его въ повиновеніе угрозами и обѣщаніями; но, когда онъ подошелъ поближе, его схватили Бестужевъ и Сухиновъ, которые, смѣясь надъ его витійствомъ, толкнули его въ средину колонны. Мгновенно исчезло миролюбіе солдатъ: они бросились съ бѣшенствомъ на ненавистнаго для нихъ маіора, сорвали съ него эполеты, разорвали на немъ въ куски мундиръ, осыпали его ругательствами, насмѣшками и, наконецъ, побоями. Въ сіе время, С. Муравьевъ, подошедши съ своею колонною на площадь, избавилъ Трухина отъ дальнѣйшихъ непріятностей, приказавъ солдатамъ не трогать его и отправить на гауптвахту подъ арестъ. Почти въ тоже самое время, 4-я мушкатерская рота, стоявшая на караулѣ, и 6-я, пришедшая къ ней на смѣну, подъ предводительствомъ арестованнаго Соловьева, при радостныхъ восклицаніяхъ, присоединилась къ С. Муравьеву. Вскорѣ потомъ пришелъ на помощь Щепила, командуя карауломъ, содержащимъ его подъ арестомъ.

---

[36]) Положительно извѣстно, что Бестужевъ пріѣзжалъ въ Радомысль, къ Швейковскому, и тотъ отъ него спрятался. Съ огорченіемъ онъ уѣхалъ оттудова; но неизвѣстно, гдѣ онъ еще былъ. Станціонный писарь города Радомысля, послѣ разбитія С. Муравьева, доставилъ начальству записку его, писанную на Французскомъ языкѣ къ Швейковскому, гдѣ онъ приглашалъ его къ возстанію. Изъ сего видно намѣреніе Бестужева и его неудача; вѣроятно онъ былъ и у другихъ полковыхъ командировъ. По возвращеніи своемъ, онъ очень скрывалъ отъ Черниговскихъ офицеровъ, куда онъ ѣздилъ, гдѣ былъ и зачѣмъ?

Столь счастливое начало оживило новою надеждою сердца Черниговскихъ офицеровъ. Они не сомнѣвались въ будущихъ успѣхахъ своего оружія и уже мечтали объ окончаніи труднаго подвига. Пріѣздъ подпоручика Вадковскаго 17-го егерскаго полка усилилъ еще болѣе ихъ надежды. Онъ обѣщалъ С. Муравьеву, съ помощію товарища Молчанова, взбунтовать если не весь егерскій полкъ, то, по крайней мѣрѣ, батальонъ; и туже минуту отправился съ площади въ Бѣлую Церковь, для приведенія въ дѣйствіе своего намѣренія. Но, по пріѣздѣ туда, на заставѣ былъ арестованъ, закованъ въ кандалы и тотчасъ отправленъ въ главную квартиру 1-й арміи. Когда всѣ роты собрались на площадь, и Муравьевъ увидѣлъ, что городъ въ его власти, онъ приказалъ Сухинову и Мозгалевскому идти на квартиру Гебеля (котораго уже привезли изъ Трилѣсовъ) за знаменами и полковымъ ящикомъ. При семъ семъ случаѣ произошелъ безпорядокъ, о которомъ нельзя не упомянуть. При входѣ въ домъ, занимаемый Гебелемъ, Мозгалевскій замѣтѣлъ, что на лѣвомъ флангѣ взвода, назначеннаго подъ знамена, недостаетъ нѣсколькихъ рядовъ; тутъ же услышалъ онъ въ комнатахъ шумъ и крикъ. Онъ тотчасъ догадался, что солдаты, оставивъ ряды, ворвались во внутренность дома и предаются безчинству. Догадки свои онъ сообщилъ Сухинову, который, обнаживъ саблю, бросился въ комнаты и увидѣлъ предъ собою толпу разъяренныхъ солдатъ, готовыхъ принести Гебеля въ жертву ихъ мщенію. Они оскорбляли несчастную жену своего командира, а нѣкоторые даже предлагали убить ее вмѣстѣ съ малолѣтними ея дѣтьми. Просьбы и ласковыя слова были въ семъ случаѣ безполезны. Одна твердость характера, смѣлость и рѣшительность могли укротить буйство солдатъ. Сначала Сухиновъ угрожалъ наказать смертію тѣхъ, которые, забывъ военную дисциплину, оставили ряды безъ приказанія офицера, осмѣлились нарушить спокойствіе бѣдной женщины, оскорбляютъ ее и даже замышляютъ гнусное убійство. Но видя, что его слова не производятъ никакого дѣйствія, онъ рѣшился подтвердить оное дѣломъ и наказать немедленно перваго виновнаго. Раздраженные солдаты вздумали обороняться, отводя штыками сабельные удары и показывали явно, что даже готовы покуситься на жизнь своего любимаго офицера. Сухиновъ, не теряя духа, бросился на штыки, осыпалъ сабельными ударами угрожавшихъ ему убійцъ и выгналъ ихъ изъ дому. Остальные солдаты, стоявшіе въ это самое время на дворѣ, подъ командою Мозгалевскаго, хотѣли было идти на помощь къ своимъ товарищамъ; но Мозгалевскій, вставъ впереди и съ саблею въ рукахъ, сказалъ имъ, что кто первый осмѣлится пошевелиться, тотъ ляжетъ на мѣстѣ. Мужествомъ и твердостію сихъ двухъ офицеровъ

спасена жизнь Гебелю, его женѣ и дѣтямъ, и домъ избавился отъ конечнаго разграбленія.

По возвращеніи на площадь со знаменами, Мозгалевскій получилъ отъ С. Муравьева приказаніе отыскать непремѣнно скрывавшагося полковаго адъютанта Павлова, отобрать отъ него архивъ, полковую печать и посадить его самого подъ арестъ. Щепилѣ дано было такое же повелѣніе, и, взявши солдатъ, они отправились вмѣстѣ съ Мозгалевскимъ отыскивать Павлова, который, какъ извѣстно было, скрывался въ городѣ. Поиски были безполезны. Павловъ былъ спрятанъ въ постелѣ между перинами у жены городничаго, гдѣ онъ пробылъ до самаго выступленія С. Муравьева изъ Василькова, и тогда только оставилъ свою роскошную темницу и поспѣшилъ увѣдомить Кіевское начальство о возмущеніи въ Черниговскомъ полку. Сіи поиски, коихъ цѣль была извѣстна всѣмъ въ городѣ, послужили однакожъ къ сплетенію гнусной клеветы, которою недоброжелатели всякаго нововведенія старались очернить С. Муравьева и его сподвижниковъ и выдумали, что будто бы, по приказанію его, уголовные преступники были выпущены изъ тюрьмы, а уѣздное казначейство разграблено. Но, по произведенному самимъ правительствомъ слѣдствію, эти обвиненія оказались ложными, къ стыду самихъ клеветниковъ [37]). С. Муравьевъ оставался на городской площади и еще не дѣлалъ послѣднихъ распоряженій. Замѣтя безпокойство городскихъ властей и желая уничтожить ихъ опасенія, онъ призвалъ къ себѣ почетныхъ гражданъ, объявилъ имъ цѣль возмущенія, которое нимало не угрожало личной и вещественной ихъ безопасности, просилъ ихъ не предаваться напрасному страху и увѣрилъ, что порядокъ и тишина будутъ строжайше наблюдены. Потомъ просилъ онъ доставить подъ квитанцію нижнимъ чинамъ съѣстные припасы и водку. Ласковое и благородное обращеніе Муравьева не осталось безъ дѣйствія. Успокоенные жители доставили всѣ припа-

---

[37]) Офицеры, посланные Муравьевымъ для отысканія адъютанта Павлова и утомленные долгими и безуспѣшными поисками, начали распрашивать городскихъ жителей о бѣглецѣ. Мозгалевскому какой-то канцеляристъ сказалъ, что Павловъ скрывается въ уѣздномъ казначействѣ. Онъ прямо туда пошелъ съ находящимися при немъ рядовыми, которыхъ однакожъ оставилъ на дворѣ присутственнаго мѣста, вошелъ въ оное одинъ и, узнавъ отъ служащихъ приказныхъ, что никого другаго изъ посторонниxъ не находилось и не находится въ томъ мѣстѣ, онъ вышелъ обратно и спѣшилъ продолжать свои розыски въ другихъ мѣстахъ города. При семъ должно замѣтить, что на этомъ же дворѣ находилась городская тюрьма, въ коей содержались разнаго рода уголовные преступники. Сіи два обстоятельства подали поводъ выдумать, будто бы Муравьевъ посылалъ солдатъ съ офицеромъ въ уѣздное казначейство, съ приказаніемъ завладѣть государственною казною и, кромѣ того, разбить тюрьму и освободить оттуда всѣхъ преступниковъ. Кто первый выдумалъ столь унизительную ложь, неизвѣстно.

сы, удовольствованные солдаты были помѣщены на тѣсныхъ квартирахъ, городъ окруженъ военною цѣпью, а Богуславская и Кіевская заставы были заняты сильнымъ карауломъ. На первую былъ назначенъ Мозгалевскій, на вторую—Рыбановскій. Въ 8 часовъ вечера пришелъ въ Васильковъ 5-й мушкатерской роты фельдфебель Шутовъ, съ рядовыми, оставленными поручикомъ Кузьминымъ. Не доходя 7 верстъ до Василькова, около корчмы называемой Мытницы, встрѣтилъ его командиръ 9-й дивизіи, генералъ Тихановскій и на его вопросъ куда онъ идетъ съ командою? Шутовъ отвѣчалъ: «къ своей ротѣ, въ Васильковъ».—«Знаешь ли ты что̀ дѣлается въ полку?» спросилъ генералъ.—«Знаю, и затѣмъ именно туда иду», отвѣчалъ смѣло Шутовъ. Генералъ Тихановскій, услышавъ сіе, приказывалъ ему идти съ командою въ дивизіонную квартиру, или обратно на ротный дворъ. Шутовъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ ему повиноваться и нарушить обѣщанія, даннаго ротному командиру, поручику Кузьмину и баталіонному командиру, С. И. Муравьеву; что ежели его команда оставитъ, то онъ одинъ пойдетъ въ Васильковъ. Генералъ Тихановскій, видя твердость Шутова, оставилъ его и, подошедши къ солдатамъ, сталъ ихъ уговаривать отстать отъ своего фельдфебеля и идти не въ Васильковъ, а въ Бѣлую Церковь; грозилъ имъ жестокимъ наказаніемъ за непослушаніе, а въ противномъ случаѣ обѣщалъ имъ большія награды. Но слова и убѣжденія его не дѣйствовали: солдаты остались такъ же вѣрны, какъ и ихъ фельдфебель; всѣ до одного пришли, подъ командою Шутова, въ Васильковъ и явились къ своему ротному командиру. Шутовъ, донося при вечернемъ рапортѣ С. Муравьеву о встрѣчѣ съ генераломъ Тихановскимъ, сказалъ ему: «Я хотѣлъ было, ваше высокоблагородіе, арестовать его, но не смѣлъ этого сдѣлать, не имѣя на сіе никакого приказанія» [38]). Полагая, что Тихановскій можетъ-быть пріѣдетъ въ Васильковъ, С. Муравьевъ приказалъ Мозгалевскому арестовать его на заставѣ и привести тотчасъ къ нему. Сего однакожъ не случилось; но вмѣсто Тихановскаго, въ 9 часовъ вечера, на Богуславскую заставу прискакалъ жандармскій поручикъ Несмѣяновъ. Часовые остановили повозку и вызвали офицера. Мозгалевскій потребовалъ отъ жандарма его бумаги и объявилъ ему, что онъ арестованъ. Жандармъ не хотѣлъ ничего слушать и показывалъ видъ, что онъ намѣренъ защищаться, вынимая пистолеты. Мозгалевскій приказалъ караульнымъ окружить

---

[38]) Такая вѣрность и преданность солдатъ достойна всякаго замѣчанія. Шутовъ зналъ, что онъ произведенъ въ офицеры, что приказъ объ ономъ находится въ дивизіонной квартирѣ; также зналъ, какая его ожидаетъ награда и какое наказаніе. Онъ прогнанъ сквозь строй и сосланъ въ Сибирь на каторгу.

повозку и скомандовалъ «на руку». Нечего было дѣлать; жандармъ выдалъ свои бумаги и былъ отвезенъ на главную гауптвахту. Въ скоромъ времени, другой жандармскій офицеръ, Скоковъ, пріѣхавшій съ повелѣніемъ арестовать Матвѣя Муравьева, подвергся той же участи, какъ и первый, который долженъ былъ арестовать Сергѣя Муравьева.

Между тѣмъ, офицеры Черниговскаго полка не теряли времени. Ночь съ 30 на 31 Декабря проведена въ приготовленіяхъ къ походу. Каждый занимался своимъ дѣломъ, забывая опасность; дѣятельность и усердіе членовъ общества были безпримѣрны: они старались одушевить солдатъ новымъ мужествомъ и поддержать бодрость ихъ духа. Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на нихъ, они всѣми силами старались обезпечить ихъ продовольствіе. Сами солдаты въ приготовленіи къ походу показывали не менѣе ревности: ружья, патроны и вся аммуниція были осмотрѣны съ величайшимъ тщаніемъ, и всѣ недостатки были исправлены. Посреди общей дѣятельности, одинъ С. Муравьевъ не принималъ участія въ приготовленіяхъ: онъ оставался уединеннымъ, писалъ цѣлую ночь, но куда и къ кому? никто даже изъ близкихъ ему не могъ узнать.

Въ вечернемъ приказѣ С. Муравьева было сказано, что всѣ роты, находящіяся на лицо, должны собраться на площадь, на другой день (31 Декабря) въ 9 часовъ утра. Въ назначенное время, пять ротъ, а именно: 1-го батальона 3 мушкатерская, 2-го батальона — 2-я гренадерская, 4, 5 и 6 мушкатерскія роты пришли на сборное мѣсто, въ полной походной аммуниціи. Музыканты безъ всякаго приказанія явились сами, и 60 человѣкъ, оставя инструменты, взяли оружіе изъ полковаго цейхауза и стали въ ряды своихъ товарищей. 1-й гренадерской и 1-й мушкатерской ротъ не было на площади, потому что, по приходѣ въ Васильковъ, С. Муравьевъ тотчасъ послалъ приказаніе въ сіи роты собраться имъ въ деревню Мотовиловку и тамъ ожидать его прихода. 2-я мушкатерская рота, за которой былъ отправленъ поручикъ Быстрицкій маіоромъ Трухинымъ, не успѣла еще придти. При собравшихся ротахъ находились слѣдующіе офицеры. Командиры ротъ: 3 мушкатерской—поручикъ Щепила; 2 гренадерской — поручикъ Петинъ; 4 мушкатерской—поручикъ Маевскій; 5—поручикъ Кузьминъ; 6—поручикъ Сухиновъ, вмѣсто откомандированнаго Фурмана. Командиръ 2 мушкатерской роты, штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ, тутъ же находился, хотя рота его еще въ то время не пришла. Въ сихъ ротахъ офицеры: Апостолъ-Кегичъ, Рыбановскій, князь Мещерскій, Мозгалевскій, Белелюбскій Кондыревъ, Жизневскій, Войниловичъ. Сверхъ-того находились тутъ и Полтавскаго полка поручикъ Бестужевъ-Рюминъ, отставной подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, и пріѣхав-

шій во время сбора полка на площадь, свиты Е. В. подпоручикъ Ипполитъ Муравьевъ-Апостолъ. Ротные командиры и офицеры повѣрили людей, осмотрѣли аммуницію и съ нетерпѣніемъ ожидали С. Муравьева, который долго не выходилъ изъ своего кабинета, проведши тамъ около часу времени съ Мозгалевскимъ. Никто не зналъ, зачѣмъ Мозгалевскій былъ у Муравьева и какое получилъ порученіе. Вышедши въ залу, онъ приказалъ позвать полковаго священника и, объяснивъ ему цѣль возстанія и свои намѣренія, просилъ его содѣйствовать въ семъ благомъ дѣлѣ молитвою и крестомъ. «Русское духовенство», сказалъ ему наконецъ С. Муравьевъ, «всегда было на сторонѣ народа; оно всегда, во времена бѣдствій нашего отечества, являлось смѣлымъ и безкорыстнымъ защитникомъ правъ народныхъ. Священникъ, человѣкъ молодой и довольно просвѣщенный, постигнулъ возвышенныя и благородныя чувства С. Муравьева. «Я согласенъ на ваше предложеніе», сказалъ онъ ему, «и готовъ умереть съ вами для общей пользы; но.... я имѣю жену, дѣтей», прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: «если ваше предпріятіе не удастся, что̀ будетъ съ ними? Бѣдность, нищета и даже позоръ ожидаютъ мою жену и моихъ сиротъ». Супружеская и родительская любовь мгновенно поколебали въ немъ первый порывъ любви къ отечеству; онъ готовъ былъ отказаться отъ прежнихъ словъ своихъ. Но Муравьевъ снова успѣлъ возбудить въ душѣ его благородное самоотверженіе. Желая успокоить справедливое опасеніе священника на счетъ его семейства, онъ далъ ему 200 рубл.: «Вручите сіи деньги вашему семейству, сказалъ С. Муравьевъ, «они будутъ необходимы для него во время вашего отсутствія; между тѣмъ будьте увѣрены, что ни Россія, ни я, никогда не забудемъ вашихъ услугъ». Священникъ, не возражая болѣе, пошелъ вмѣстѣ съ Муравьевымъ на площадь. Собравшіяся роты были построены въ густую колонну. Подошедъ къ ней, С. Муравьевъ привѣтствовалъ солдатъ дружелюбно и потомъ въ короткихъ словахъ изложилъ имъ цѣль возстанія и представилъ сколь благородно и возвышенно пожертвовать жизнію за свободу. Восторгъ былъ всеобщій: офицеры и солдаты изъявили готовность слѣдовать всюду, куда поведетъ ихъ любимый и уважаемый начальникъ. Тогда С. Муравьевъ, обратясь къ священнику, просилъ его прочитать Политическій Катихизисъ, который состоялъ изъ чистыхъ республиканскихъ правилъ, принаровленныхъ къ понятіямъ каждаго. Священникъ читалъ громкимъ и внятнымъ голосомъ правила и обязанности свободныхъ гражданъ. «Наше дѣло», сказалъ Муравьевъ по окончаніи чтенія, обратясь снова къ солдатамъ, «наше дѣло такъ велико и благородно, что не должно быть запятнано никакимъ принужденіемъ; и потому кто изъ васъ, гг. офицеры и рядовые, чувствуетъ себя неспособнымъ къ

такому предпріятію, тотъ пускай немедленно оставитъ ряды; онъ можетъ безъ страха остаться въ городѣ, если только совѣсть его позволитъ ему быть спокойнымъ и не будетъ его упрекать за то, что онъ оставилъ своихъ товарищей на столь трудномъ и славномъ поприщѣ, и въ то время какъ отечество требуетъ помощи каждаго изъ сыновъ своихъ». Громкія восклицанія заглушили послѣднія слова С. Муравьева. Никто не оставилъ рядовъ, и каждый ожидалъ съ нетерпѣніемъ минуты летѣть за славою или смертію.

Между тѣмъ, священникъ приступилъ къ совершенію молебна. Сей религіозный обрядъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Души, возвышенныя опасностію предпріятія, были готовы принять священныя и таинственныя чувства религіи, которыя проникли даже въ самыя нечувствительныя сердца. Дѣйствіе сей драматической сцены было усугублено неожиданнымъ пріѣздомъ свитскаго офицера, который съ восторгомъ бросился въ объятія С. Муравьева. Это былъ младшій братъ его—Ипполитъ. Надежда получить отъ него благопріятныя извѣстія о готовности другихъ членовъ заблистала на всѣхъ лицахъ. Каждый думалъ видѣть въ его пріѣздѣ неоспоримое доказательство всеобщаго возстанія, и всѣ заранѣе радовались счастливому окончанію предпринятаго подвига. Среди сихъ надеждъ, колонна, получивъ благословеніе священника, съ крикомъ: ура! двинулась по дорогѣ въ деревню Мотовиловку. Городскіе жители, тѣснившіеся вокругъ, провожали воиновъ, желая имъ успѣха. «Да поможетъ вамъ Богъ!» раздавалось повсюду. Солдаты были бодры; мужество блистало въ ихъ взорахъ; веселыя пѣсни выражали спокойствіе ихъ душъ. Для удержанія порядка и отвращенія внезапнаго нападенія, войско шло въ боевомъ порядкѣ. Авангардомъ командовалъ Войниловичъ; арріергардомъ — Сухиновъ. Дѣятельность и бдительность сего послѣдняго оправдали вполнѣ довѣренность Муравьева и его товарищей. Не смотря на благородное чувство, одушевлявшее бо́льшую часть солдатъ, въ столь значительномъ числѣ оныхъ неминуемо находились такіе, которые думали, что при подобныхъ случаяхъ можно позволить себѣ, безъ упрека совѣсти, разнаго рода шалости и безчинства, и безнаказанно нарушать дисциплину. Сухиновъ, благоразумною осторожностью и строгимъ соблюденіемъ военныхъ правилъ, укрощалъ ихъ буйство и поддерживалъ порядокъ. Нѣкоторые изъ нихъ притворялись пьяными, съ намѣреніемъ отстать отъ полка и предаться безпорядкамъ. Подобныя хитрости не ушли отъ бдительности Сухинова: онъ уничтожалъ всѣ ихъ замыслы. При самомъ началѣ, одинъ рядовой, сорвавшій платокъ съ женщины, провожавшей его, какъ добраго постояльца, былъ немедленно строго наказанъ, при всѣхъ его товарищахъ. Войниловичъ, по распоряженію

С. Муравьева, приближаясь къ каждой корчмѣ, посылалъ туда унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ, съ строгимъ приказаніемъ ставить у дверей корчмы часовыхъ и никого не впускать въ оную. Такимъ образомъ прекращались всѣ безпорядки, почти неизбѣжные при движеніи полка.

Во время дороги къ Мотовиловкѣ, Ипполитъ Муравьевъ разсказалъ офицерамъ Черниговскаго полка, что онъ выѣхалъ изъ Петербурга 13-го Декабря, съ порученіемъ отъ членовъ Сѣвернаго Общества увѣдомить членовъ Южнаго о намѣреніи начать возмущеніе въ столицѣ и пригласить ихъ къ содѣйствію. Тутъ же онъ сказалъ, что Московскіе члены раздѣляютъ мнѣніе Петербургскихъ и обѣщаютъ помогать успѣхамъ возстанія, гдѣ бы оно ни началось. И, наконецъ, онъ прибавилъ, что дорогою узналъ о печальномъ событіи 14 Декабря. «Мой пріѣздъ къ вамъ въ торжественную минуту молебна», говорилъ онъ, «заставилъ меня забыть все прошедшее. Можетъ-быть ваше предпріятіе удастся; но если я обманулся въ своихъ надеждахъ, то не переживу второй неудачи, и клянусь честію пасть мертвымъ на роковомъ мѣстѣ». Сіи слова тронули всѣхъ. «Клянуся, что меня живаго не возмутъ!» вскричалъ съ жаромъ поручикъ Кузьминъ. Я давно сказалъ: «свобода или смерть!» Ипполитъ Муравьевъ бросился къ нему на шею. Они обнялись, помѣнялись пистолетами и оба исполнили клятву.

Прервемъ разсказъ о Черниговскомъ полку, который уже выступилъ изъ Василькова, и займемся отправленіемъ и поѣздкою Мозгалевскаго въ Кіевъ. Сіе отступленіе отчасти объяснитъ намъ намѣренія, дѣйствія и надежды С. Муравьева. 31 Декабря, въ день выступленія полка изъ Василькова, въ 8 часовъ утра, Мозгалевскій былъ съ рапортомъ у С. Муравьева, который, послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ о приготовленіи полка къ походу, сказалъ ему, что намѣренъ откомандировать его съ важными порученіями, и потому просилъ его приготовиться скорѣе къ дорогѣ и запастись партикулярнымъ платьемъ. «О времени вашего отправленія», прибавилъ онъ, «вы узнаете когда все къ тому нужное будетъ готово». Въ 10 часовъ Мозгалевскій узналъ отъ Щепилы, что Муравьевъ желаетъ съ нимъ видѣться. Онъ сейчасъ пошелъ къ нему и нашелъ тамъ Бестужева-Рюмина и Матвѣя Муравьева, которые впрочемъ кажется ничего не знали о намѣреніи С. Муравьева. Едва Мозгалевскій успѣлъ войти въ комнату, какъ С. Муравьевъ взялъ его за руку, повелъ въ свой кабинетъ и заперъ за собою дверь. Потомъ сказалъ ему, что онъ долженъ ѣхать въ Кіевъ съ письмами къ тамошнимъ членамъ Тайнаго Общества. «Вы должны», говорилъ онъ, «спѣшить въ сей городъ; постарайтесь какъ можно скорѣе кончить по-

рученное вамъ дѣло и немедленно возвратиться ко мнѣ. Будьте осторожны; старайтесь всѣми средствами скрыть вашъ пріѣздъ, какъ отъ Кіевскихъ жителей, такъ и отъ тамошняго мѣстнаго начальства». По порученію Муравьева, Мозгалевскій долженъ былъ вручить письма тремъ членамъ Тайнаго Общества и распустить въ народѣ нѣсколько списковъ Политическаго Катихизиса. Содержаніе сихъ писемъ неизвѣстно; но изъ наставленій, данныхъ Муравьевымъ Мозгалевскому, можно догадываться, чего онъ желалъ и чего надѣялся. Вручая ему письмо на имя одного генерала (котораго фамилія неизвѣстна), Муравьевъ просилъ Мозгалевскаго пересказать ему о всемъ случившемся въ Черниговскомъ полку, узнать отъ него что̀ думаютъ другіе члены о происшествіи 14 Декабря и о возстаніи Черниговскаго полка, и распросить его о мѣрахъ, какія они съ своей стороны думаютъ принять; объявить ему о надеждахъ С. Муравьева на Кіевъ, гдѣ находится такъ много членовъ Русскаго и Польскаго Обществъ и, наконецъ, просить на все письменнаго или словеснаго отвѣта. Отдавая другое письмо къ подполковнику Крупенникову, Муравьевъ сказалъ: «Объявите ему, что представляется удобный случай присоединиться ему съ своимъ полкомъ къ нашему; скажите, что я надѣюсь на его патріотизмъ и усердіе къ общему дѣлу и ожидаю отъ него положительнаго отвѣта. Сверхъ того, не забудьте узнать отъ сихъ членовъ о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ противъ насъ, и какіе именно полки назначены воспрепятствовать нашимъ успѣхамъ и кто ими будетъ командовать. Но болѣе всего требуйте отъ нихъ отвѣтовъ», повторилъ онъ Мозгалевскому нѣсколько разъ. Наконецъ, онъ отдалъ ему третье письмо, адресованное на имя одного Поляка. Тутъ же вручилъ онъ Мозгалевскому большой пакетъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько списковъ Политическаго Катихизиса, приказалъ выбрать изъ своего полка надежныхъ и расторопныхъ двухъ рядовыхъ и одного унтеръ-офицера, одѣть ихъ въ простое платье, или, по крайней мѣрѣ, срѣзать съ шинелей погоны, взять ихъ съ собою въ Кіевъ и, по пріѣздѣ туда, поручить имъ пустить въ народъ сіи катихизисы, снабдивъ для сего необходимыми наставленіями. На вопросъ Мозгалевскаго, когда онъ долженъ ѣхать и гдѣ, по исполненіи порученія, догнать полкъ, Муравьевъ отвѣчалъ: «Чтобы отвлечь всякое подозрѣніе о вашей поѣздкѣ, вы должны быть, во время молебна, на площади и выйдти изъ города вмѣстѣ съ полкомъ, пройти съ нимъ до первой корчмы, Малой Мытницы; а оттуда вы можете уже ѣхать проселочными дорогами, миновавъ Васильковъ. Когда же кончите всѣ ваши дѣла въ Кіевѣ, то пріѣзжайте въ Брусиловъ и дожидайтесь меня тамъ у командира Кременчугскаго полка,

полковника Набокова; ежели не застанете меня тамъ, то, узнавши гдѣ я, немедленно пріѣзжайте ко мнѣ» [39]).

По окончаніи разговора, С. Муравьевъ, вмѣстѣ съ Мозгалевскимъ, пошелъ на площадь, гдѣ были собраны возставшія роты Черниговскаго полка. Намъ уже извѣстно что̀ тамъ происходило. Мозгалевскій съ большимъ затрудненіемъ могъ нанять лошадей. Узнавъ о времени своего отправленія, незадолго до выступленія полка и не имѣя возможности отлучиться въ продолженіе молебна и чтенія катихизиса, онъ двинулся вмѣстѣ съ полкомъ и тогда только забѣжалъ на свою квартиру, когда полкъ проходилъ мимо ея. Онъ приказалъ своимъ людямъ отыскать непремѣнно двѣ тройки лошадей, дать за наемъ все, что̀ хозяева потребуютъ, и стараться какъ можно скорѣе догнать его. Лошади были отысканы и наняты. Они догнали полкъ за $^1/_2$ версты отъ Малой Мытницы. Муравьевъ, узнавъ о семъ, тотчасъ приказалъ Мозгалевскому взять съ собою означенныхъ солдатъ и отправиться куда слѣдуетъ. Мозгалевскій воротился, проѣхалъ глухими переулками Васильковъ, поворотилъ вправо, на деревню Бугаевку, лежащую въ сторонѣ отъ большой дороги и проселками доѣхалъ до деревни, находящейся близъ Кіева. Тутъ онъ долженъ былъ взять свѣжихъ лошадей, встрѣтилъ новыя затрудненія, однакожъ, послѣ нѣкоторой остановки, нашелъ извощика и выѣхалъ на большую Васильковскую дорогу подъ самымъ Кіевомъ. Здѣсь, отдавъ унтеръ-офицеру Николаеву и одному изъ рядовыхъ по равному числу списковъ Политическаго Катихизиса, онъ приказалъ имъ, по пріѣздѣ въ городъ, оставить лошадей въ какомъ-нибудь скрытомъ мѣстѣ, разойтись въ разныя стороны по Подолу и Печерску, и тамъ раздавать сіи списки встрѣчающимся людямъ, подбрасывать ихъ въ дома или оставлять въ мѣстахъ болѣе посѣщаемыхъ; когда же всѣ списки такимъ образомъ будутъ сбыты съ рукъ, то немедленно сойтись и ожидать его близъ заставы, на Подолѣ.

Въ полночь, съ 31 Декабря на 1 Генваря, Мозгалевскій пріѣхалъ въ Кіевъ, миновавъ заставу на Печерскѣ позади госпиталей. Въ городѣ все было тихо; кажется, никто не зналъ еще о возстаніи Черниговскаго полка и никто не думалъ, что спокойствіе города скоро будетъ нарушено. Зная квартиру того генерала, къ которому имѣлъ письмо, Мозгалевскій прямо поѣхалъ къ нему (онъ жилъ на Печерскѣ). Оставивъ въ недальнемъ разстояніи своихъ лошадей и при нихъ бывшаго съ нимъ солдата, онъ вошелъ въ домъ и просилъ доложить о себѣ, не

[39]) Не выходя еще изъ Василькова, С. Муравьевъ хотѣлъ идти, чрезъ Фастовъ, въ Брусиловъ, взявши тамъ Кременчугскій полкъ, слѣдовать въ Радомысль, соединиться тамъ къ Алексопольскимъ полкомъ и оттуда идти на Житомиръ.

упоминая однако ни своего званія, ни своей фамиліи. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, его попросили войти. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Мозгалевскій вручилъ генералу письмо, объявивъ, что онъ офицеръ возставшаго Черниговскаго полка, присланный съ порученіемъ отъ С. Муравьева. Замѣшательство генерала было чрезвычайно. Прочитавъ письмо, онъ сказалъ Мозгалевскому дрожащимъ голосомъ: «Я не буду отвѣчать; скоро самъ съ нимъ увижусь». Потомъ онъ началъ просить Мозгалевскаго оставить скорѣе его домъ и спѣшить выѣхать изъ Кіева. Когда же Мозгалевскій спросилъ его: что̀ сказать Муравьеву на словесныя его порученія, генералъ отвѣчалъ ему еще съ бо̀льшимъ замѣшательствомъ: „я ничего не знаю". Мозгалевскій, не смотря на это, повторилъ нѣсколько разъ вопросы, которые поручилъ ему сдѣлать С. Муравьевъ, и на которые, вмѣсто всякаго отвѣта, генералъ повторялъ: «ничего не знаю; прошу оставить меня». Мозгалевскій, видя его страхъ и опасеніе и не получая отъ него никакого отвѣта, рѣшился, наконецъ, удалиться. Отъ него онъ не могъ уже ѣхать, а пошелъ пѣшкомъ; потому что долженъ былъ отыскивать квартиру подполковника Крупенникова, которую нашелъ шедши съ Печерска на Подолъ. Мозгалевскій вошелъ къ нему и, отдавая письмо, началъ разсказывать о возстаніи Черниговскаго полка. «Знаю, знаю», сказалъ Крупенниковъ съ радостію, «и желаю вамъ успѣха отъ всего сердца». Потомъ, прочитавъ письмо и узнавъ отъ Мозгалевскаго нѣкоторыя подробности, спросилъ:» куда намѣренъ идти С. Муравьевъ и надѣется ли на помощь другихъ членовъ?» Мозгалевскій отвѣчалъ, «что Муравьевъ идетъ на Брусиловъ, хотя сего не знаетъ онъ навѣрное; что все зависитъ отъ обстоятельствъ, но что С. Муравьевъ положительно болѣе всего надѣется на Кіевъ». «Я увѣренъ», возразилъ Крупенниковъ, «что братья Александръ и Артамонъ Муравьевы первые пристанутъ къ нему съ своими гусарскими полками. За четверть часа до вашего прихода, здѣшнее начальство», продолжалъ онъ, «получило извѣстіе о вашемъ возстаніи и приказано бить тревогу: всѣ войска, находящіяся здѣсь, будутъ собраны и пойдутъ въ Васильковъ для усмиренія вспыхнувшаго мятежа. Посему, если вы имѣете еще какое-либо порученіе, то исполняйте его какъ можно скорѣе и спѣшите выѣхать изъ Кіева. Я думаю, впрочемъ, вы не успѣете увѣдомить Сергѣя Муравьева; правительство вездѣ беретъ противъ него сильныя мѣры. Чтобы не задерживать васъ», продолжалъ Крупенниковъ, «я не стану отвѣчать письменно; но скажите С. Муравьеву, что изъ Кіева идутъ противъ него три батальона. Я иду съ ними и буду имѣть случай соединиться съ вами, исполнить данное обѣщаніе и раздѣлить общую опасность». При выходѣ Мозгалевскаго отъ него, Крупенниковъ прибавилъ: «Я не могу увѣдомить С. Муравь-

ева, что думаютъ другіе члены, находящіеся въ Кіевѣ, на счетъ возстанія, на что они рѣшились и что намѣрены дѣлать; но вѣроятно Воронежскому и Витебскому полкамъ также дано повелѣніе идти противъ Муравьева, и конечно члены, находящіеся въ сихъ полкахъ, воспользуются случаемъ исполнить принятую ими обязанность и соединиться съ Черниговскимъ полкомъ для общаго дѣла».

Едва Мозгалевскій вышелъ отъ Крупенникова, какъ уже во всѣхъ частяхъ города били тревогу. Это былъ второй часъ ночи. Смятеніе безпрестанно увеличивалось; испуганные жители выбѣгали изъ домовъ, толпились на улицахъ или бѣжали, сами не зная куда и зачѣмъ. Солдаты въ полной походной аммуниціи пробѣгали улицы, не зная также что означаетъ всеобщая тревога. Темнота, вопли жителей, крики солдатъ, барабанный бой и звукъ оружія увеличивали ужасъ сей ночи. Мозгалевскій, видя предстоящую для него опасность, спѣшилъ оставить Кіевъ и, не видавши третьяго члена Тайнаго Общества, рѣшился какъ можно поскорѣе увѣдомить обо всемъ С. Муравьева. Для сего онъ старался отыскать пріѣхавшихъ съ нимъ унтеръ-офицера Николаева и рядоваго, которые, исполнивши въ точности данное имъ порученіе, ожидали своего офицера въ назначенномъ мѣстѣ [40]). Не имѣя возможности достигнуть Радомысльской заставы большими улицами, въ которыхъ толпился народъ и войско, Мозгалевскій, чтобы избѣжать задержки, хотѣлъ выѣхать въ ближайшую отъ Подола заставу и предмѣстіемъ Кореневкою пробраться на большую дорогу въ Брусиловъ. Но, не доѣзжая до заставы, онъ услышалъ позади себя лошадиный топотъ и смѣшанные голоса; вскорѣ громкіе крики: «стой, стой!» убѣдили его, что за нимъ гонятся. Надежда миновать опасность не оставила его и въ сію критическую минуту. Онъ приказалъ ямщику не жалѣть лошадей, обѣщая большія деньги; но всѣ усилія усерднаго извощика были тщетны: толпы народа стремились имъ на встрѣчу и безпрестанно останавливали повозку. Тогда Мозгалевскій, видя невозможность спастись отъ рукъ правительства, разорвалъ письмо, котораго не успѣлъ вручить по адресу, и началъ глотать куски бумаги. Между тѣмъ извощикъ съ усиліями пробирался сквозь толпу народа, и едва Мозгалевскій успѣлъ проглотить изорванное письмо, какъ обѣ повозки были окружены взводомъ жандармовъ, при которыхъ находились: начальникъ штаба 4 корпуса, генералъ Красовскій, старшій адъютантъ Малецкій и Кіевскій полиціймейстеръ, полковникъ Дуровъ. Мозгалевскій былъ отвезенъ въ дежурство 4-го корпуса, откуда, не снимая съ него допроса, отправили его на главную гауптвахту. По прошествіи нѣсколь-

[40]) Они нѣсколько списковъ подбросили въ публичныя мѣста, много роздали въ трактирахъ, прочіе по рукамъ на улицахъ, бо̀льшею частію во время тревоги.

нихъ минутъ, его повели къ командиру 4-го корпуса, князю Щербатову, гдѣ, къ удивленію, онъ увидѣлъ Черниговскаго полка маіора Трухина, полковаго адъютанта Павлова и двухъ жандармскихъ офицеровъ—Несмѣянова и Скокова. Князь Щербатовъ позвалъ Мозгалевскаго въ кабинетъ и, оставшись съ нимъ наединѣ, съ душевнымъ прискорбіемъ сказалъ ему: «Вы начали дѣйствовать слишкомъ рано; я знаю лично С. И. Муравьева, уважаю его и жалѣю отъ искренняго сердца, что такой человѣкъ долженъ погибнуть вмѣстѣ съ тѣми, которые участвовали въ его безполезномъ предпріятіи. Очень жалѣю васъ: вы молодой человѣкъ и должны также погибнуть». Слезы катились у добраго генерала. Потомъ князь Щербатовъ, вмѣстѣ съ Мозгалевскимъ, вышелъ въ ту комнату, гдѣ находились помянутыя лица и съ ними начальникъ штаба. Тутъ началъ онъ спрашивать Мозгалевскаго, къ кому онъ пріѣзжалъ въ Кіевъ и съ какими именно порученіями. Мозгалевскій отвѣчалъ: «Я убѣжалъ изъ возставшаго полка, съ намѣреніемъ явиться къ вашему сіятельству».—«Это несправедливо», возразилъ маіоръ Трухинъ, обращаясь къ князю. «Онъ пріѣхалъ сюда съ порученіемъ отъ С. Муравьева, но къ кому и за чѣмъ я не знаю. Онъ участвовалъ въ бунтѣ и, вмѣстѣ съ Сухиновымъ, хотѣлъ убить меня, когда я содержался на гауптвахтѣ» [41]). Адъютантъ Павловъ, съ своей стороны,

---

[41]) Мозгалевскій арестованнаго послѣдняго жандарма самъ отводилъ къ С. Муравьеву, который приказалъ ему отвести его на главную гауптвахту. Идя туда, онъ встрѣтился на улицѣ съ Сухиновымъ, который съ нимъ тоже пошелъ на гауптвахту, за какимъ-то дѣломъ. Тамъ содержался подъ арестомъ маіоръ Трухинъ. При входѣ въ комнату, Трухинъ, при всѣхъ солдатахъ, упалъ на колѣни предъ ними и началъ просить помилованія, говоря, что онъ ни въ чемъ не виноватъ. Мозгалевскій и Сухиновъ удивились, видя въ семъ положеніи маіора, начали увѣрять, что они не за тѣмъ пришли на гауптвахту, чтобы что нибудь съ нимъ сдѣлать, но за своимъ дѣломъ, и просили его встать, (говоря) что не прилично для маіора это положеніе, и съ сими словами они его подняли на ноги. Трухинъ не переставалъ просить помилованія. Сухиновъ, видя его подлость, началъ ему говорить о развратномъ его поведеніи, укорялъ въ низости предъ начальствомъ, въ тиранствѣ съ солдатами, и потомъ совѣтовалъ ему оставить военную службу, чтобы пересталъ онъ носить мундиръ, который маралъ своимъ поведеніемъ. Трухинъ во всемъ согласился съ Сухиновымъ, признавалъ во всемъ себя виновнымъ и клялся ему, что онъ оставитъ службу, въ которой не достоинъ служить; но вдругъ упалъ на колѣни и началъ жалобнымъ тономъ просить, повторяя: „Батюшка, Иванъ Ивановичъ (имя Сухинова), сдѣлайте милость!“—Сухиновъ и Мозгалевскій бросились къ нему съ поспѣшностію и начали ему опять повторять, чтобы онъ ничего не боялся, чтобы онъ былъ покоенъ, и что скоро выпустятъ его на волю. Трухинъ, не вставая, продолжалъ просить. Сухиновъ долго не могъ понять чего онъ просилъ и, наконецъ, какъ-то нечаянно спросилъ: чего онъ хочетъ? „Батюшка Иванъ Ивановичъ, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ бутылку рому“, отвѣчалъ Трухинъ. При сихъ словахъ, хохотъ раздался, какъ громъ, во всей гауптвахтѣ. Сухиновъ закричалъ: „Унтеръ-офицеръ, пошли ко мнѣ на квартиру за бутылкою рому для маіора, и ежели онъ впередъ захочетъ хоть цѣлую бочку водки привезти къ себѣ на гауптвахту, то позволить ему это, для утѣшенія его“.

увѣрялъ князя, что Мозгалевскій искалъ его въ Васильковѣ, съ намѣреніемъ лишить его жизни. Жандармскіе офицеры говорили, что они были арестованы Мозгалевскимъ, стоявшимъ тогда съ мятежниками въ караулѣ, на въѣздѣ. Князь Щербатовъ приказалъ обыскать Мозгалевскаго; маіоръ Трухинъ взялъ на себя исполнить сію обязанность, но ничего не нашелъ. Не взирая на то, что Мозгалевскій отрицалъ всѣ сдѣланныя на него показанія, онъ былъ отправленъ въ главную квартиру первой арміи, въ 3 часа утра, съ жандармскимъ офицеромъ Сковымъ.

Такимъ образомъ кончилась неудачная поѣздка Мозгалевскаго, которая, конечно, была бы успѣшнѣе, еслибы С. Муравьевъ послалъ его тотчасъ по возстаніи полка. Мозгалевскій, съ своей стороны, сдѣлалъ все что могъ; доказательство, что онъ пріѣхалъ въ Кіевъ получасомъ раньше маіора Трухина и жандармскихъ офицеровъ, которые, будучи освобождены изъ подъ ареста Муравьевымъ въ корчмѣ Мытницѣ, тотчасъ возвратились въ Васильковъ, взяли съ собою адъютанта Павлова и поскакали прямо въ Кіевъ, на почтовыхъ лошадяхъ. Они первые извѣстили мѣстное начальство обо всемъ что̀ могли узнать или слышать.

Возвратимся опять къ Черниговскому полку, который мы оставили на пути въ Мотовиловкѣ, и посмотримъ, что̀ происходило въ сей деревнѣ по прибытіи туда возставшихъ Черниговцевъ. 31 Декабря 1825, въ 2 часа пополудни, роты Черниговскаго полка, подъ командою С. Муравьева, вступили въ Мотовиловку, гдѣ уже были собраны 1-я гренадерская рота и часть 1-й мушкатерской, и ожидали его прибытія. Какъ скоро Муравьевъ увидѣлъ солдатъ помянутыхъ ротъ, подошелъ къ нимъ [42]) и началъ говорить о цѣли возстанія и дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ. «Я надѣюсь», сказалъ онъ, «что вы не оставите своихъ товарищей и готовы или умереть или побѣдить съ ними; однакожъ, если вы чувствуете себя неспособными раздѣлить наши труды, я не принуждаю васъ слѣдовать за полкомъ; это зависитъ отъ вашей воли». Солдаты молчали, и ни одинъ изъ нихъ не изъявилъ го-

---

Караульные солдаты, арестованные жандармы, громко смѣялись, а Мозгалевскій и Сухиновъ тотчасъ оставили этого маіора. Кузьминъ, изъ жалости, послалъ ему на гауптвахту 100 рубл. на водку и на ромъ. Послѣ этотъ маіоръ донесъ въ Кіевѣ на Сухинова и Мозгалевскаго, что они приходили на гауптвахту убить его.

[42]) Носились слухи, что будто бы 1-й гренадерской роты капитанъ Козловъ скрылся отъ С. Муравьева, переодѣтый въ солдатское платье. Это совершенная ложь. Когда С. Муравьевъ подходилъ къ сей ротѣ, то капитанъ Козловъ былъ тутъ же и даже рапортовалъ С. Муравьеву о благополучіи своей команды. И когда С. Муравьевъ увидѣлъ, что гренадеры молчатъ и не хотятъ за нимъ идти, то онъ, обратясь къ капитану Козлову, приказалъ ихъ вести по квартирамъ.

товности повиноваться своему подполковнику. «Я отгадываю ваши мысли», воскликнулъ С. Муравьевъ послѣ нѣкотораго молчанія. «Вы не можете быть нашими товарищами. И такъ, возвратитесь на свои квартиры». Гренадеры немедленно пошли обратно въ деревню Снетинку; взводъ же мушкатеровъ 1-й роты, квартировавшій въ Мотовиловкѣ, хотя разошелся по квартирамъ, однакожъ послѣ соединился съ полкомъ.

С. Муравьевъ, не распустивъ еще полкъ, отдалъ приказъ, что 1-го Генваря будетъ дневка, поручилъ ротнымъ командирамъ имѣть попеченіе о продовольствіи нижнихъ чиновъ, такъ и о снабженіи ихъ теплою одеждою, и стараться болѣе всего поддерживать бодрость духа солдатъ. Роты, по его приказанію, были размѣщены по тѣснымъ квартирамъ; на всѣхъ входахъ и выходахъ изъ деревни и въ деревню были поставлены посты, всѣмъ отдано было приказаніе быть въ готовности во всякое время къ защитѣ, и были назначены дежурные по полку и ротамъ. На дневкѣ С. Муравьевъ осматривалъ всѣ караулы, былъ во всѣхъ ротахъ, разговаривалъ съ солдатами, ободрялъ ихъ и болѣе всего заботился о ихъ нуждахъ. Объѣзжая караулы, Муравьевъ былъ окруженъ народомъ, возвращавшимся изъ церкви. Добрые крестьяне радостно привѣтствовали его съ новымъ годомъ, желали ему счастія, повторяли безпрестанно: «да поможетъ тебѣ Богъ, добрый нашъ полковникъ, избавитель нашъ!» С. Муравьевъ тронутъ былъ до слезъ, благодарилъ крестьянъ, говорилъ имъ, что онъ радостно умретъ за малѣйшее для нихъ облегченіе, что солдаты и офицеры готовы за нихъ жертвовать собою и не требуютъ отъ нихъ никакой награды, кромѣ ихъ любви, которую постараются заслужить. Казалось, крестьяне, при всей ихъ необразованности, понимали какія выгоды могутъ имѣть отъ успѣховъ Муравьева; они радушно принимали его солдатъ, заботились о нихъ и снабжали ихъ всѣмъ въ избыткѣ, видя въ нихъ не постояльцевъ, а защитниковъ. Чувства сихъ грубыхъ людей, искаженныхъ рабствомъ, утѣшали С. Муравьева. Въ послѣдствіи, онъ нѣсколько разъ говорилъ, что на новый годъ онъ имѣлъ счастливѣйшія минуты въ жизни, которыя одна смерть можетъ изгладить изъ его памяти.

Въ тотъ же день прибылъ въ Мотовиловку, со 2-ю мушкатерскою ротою, подпоручикъ Быстрицкій. Получивъ приказаніе отъ маіора Трухина принять означенную роту, онъ немедленно отправился въ деревню Германовку, гдѣ, собравъ оную, выступилъ съ нею въ Васильковъ. Въ Васильковѣ узналъ онъ, что С. Муравьевъ съ полкомъ уже вышелъ въ походъ и тотчасъ рѣшился догнать его, но передъ тѣмъ хотѣлъ убѣдиться въ расположеніи солдатъ. Для сего спросилъ ихъ хотятъ ли они слѣдовать за товарищами и намѣрены ли дѣйствовать съ ними заодно? Они всѣ объявили готовность, однако Быстрицкій

симъ еще не удовольствовался. Взявъ въ сторону фельдфебеля, всѣмъ полкомъ любимаго и уважаемаго, унтеръ-офицера Аврамова; онъ спросилъ его, какъ онъ думаетъ: можно ли рѣшиться на сіе дѣло? „Не только можно, но должно", отвѣчалъ храбрый и честный Аврамовъ; „намъ будетъ стыдно отстать отъ своихъ товарищей. Какъ я, такъ и вся рота, знаемъ цѣль Сергѣя Ивановича Муравьева; я ручаюсь за солдатъ". Увѣрясь такимъ образомъ въ единодушіи всей роты, Быстрицкій тотчасъ выступилъ изъ Василькова и на другой день, въ 12 часу, прибылъ въ Мотовиловку, переночевавши въ деревнѣ Салтановкѣ. Быстрицкій построилъ роту на небольшой площадкѣ сей деревни, поблагодарилъ солдатъ за ихъ усердіе, за сохраненіе порядка и тишины во время похода, и въ заключеніе сказалъ: „я уже не вашъ командиръ, вы здѣсь найдете любимаго вашего капитана" и, простившись съ ними, пошелъ къ Муравьеву. Отдадимъ должную похвалу обдуманному и рѣшительному дѣйствію подпоручика Быстрицкаго, который, до самаго конца, не измѣнилъ своему характеру. Когда послѣ разбитія, онъ и товарищи его были привезены въ Могилевъ къ начальнику штаба, и когда генералъ Толь сказалъ ему: „вы могли бы удержать роту и тѣмъ заслужить награду", онъ отвѣчалъ ему: „ваше превосходительство, я можетъ быть сдѣлалъ глупость, но подлости никогда...."

Между тѣмъ, Соловьевъ узнавъ о прибытіи своей роты, спѣшилъ къ своимъ мушкатерамъ. Солдаты бросились на встрѣчу къ своему командиру, обнимали, цѣловали его; искренняя радость изливалась изъ сердецъ непринужденно. Тутъ унтеръ-офицеръ Кучковъ при всей ротѣ спросилъ Соловьева, куда Муравьевъ хочетъ идти и въ какомъ мѣстѣ соединятся они съ другими полками? Услышавъ отъ Соловьева, что Муравьевъ идетъ на Житомиръ и соединится на пути къ сему городу съ другими полками, Кучковъ возразилъ съ радостью, которая выражала нѣкоторое нетерпѣніе: „что̀ намъ медлить, зачѣмъ еще дневка, лучше бы безъ отдыха идти до Житомира". Солдаты одобряли слова Кучкова. Проницательность и опытность стараго служиваго внушили ему сіе здравое размышленіе. Слова его смутили Соловьева; онъ чувствовазъ всю справедливость сего замѣчанія, но, желая успокоить солдатъ, хладнокровно сказалъ: „Пол-

ковникъ лучше васъ знаетъ что̀ дѣлать. Надобно подождать, а тѣмъ временемъ провѣдать какіе полки идутъ противъ насъ“. Отдавъ нѣкоторыя приказанія фельдфебелю, Соловьевъ велѣлъ размѣстить роту по квартирамъ.

Наблюдая дѣйствія 2-й мушкатерской роты и другихъ возставшихъ ротъ Черниговскаго полка, съ невольнымъ удивленіемъ спрашиваешь себя: откуда Шутовъ, Николаевъ, Аврамовъ и другіе, взяли сію твердость и рѣшимость? Какимъ образомъ во всѣхъ нижнихъ чинахъ явилось столь постоянное усердіе и столь высокое самоотверженіе? Преданность къ ротнымъ командирамъ и любовь къ С. Муравьеву однѣ не могли сего произвести. Къ симъ побужденіямъ присоединялись другіе двигатели. Кузьминъ, Щепила, Соловьевъ и другіе офицеры часто бесѣдовали между собою о дѣлахъ Общества въ присутствіи своихъ фелдфебелей, и такимъ образомъ знакомили ихъ съ своимъ образомъ мыслей, который заставлялъ сихъ простодушныхъ, но благородныхъ людей обдумывать свое поведеніе и готовиться оправдать довѣренность своихъ начальниковъ. Фельдфебеля, съ своей стороны, были откровенны съ солдатами, и сіи послѣдніе, невольнымъ образомъ, сколько могли, привыкли раздѣлять ихъ желанія и цѣль. Присоединимъ къ сему дѣйствію благородное поведеніе офицеровъ, кроткое обращеніе съ подчиненными, безкорыстную заботливость о ихъ нуждахъ; тогда это вмѣстѣ намъ покажетъ, какимъ образомъ они умѣли найти вѣрное и неизмѣнное содѣйствіе людей, рѣшившихся съ ними погибнуть.

Въ 9 часовъ полкъ выступилъ изъ Мотовиловки и двинулся по дорогѣ, которая, чрезъ деревню Марьяновку, ведетъ къ деревнѣ Пологамъ, лежащей въ 12 верстахъ отъ Бѣлой Церкви. Симъ движеніемъ Муравьевъ надѣялся соединиться съ 17-мъ егерскимъ полкомъ, квартировавшимъ тогда въ семъ мѣстечкѣ. Въ 4 часа пополудни (2 Генваря), С. Муравьевъ занялъ деревню Пологи. Не получая никакого извѣстія о 17-мъ егерскомъ полку, на который онъ имѣлъ большую надежду, С. Муравьевъ препоручилъ Сухинову развѣдать, гдѣ находится сей полкъ и что можно ожидать отъ находящихся въ семъ полку членовъ. При наступленіи вечера, Сухи-

новъ взялъ нѣсколько надежныхъ солдатъ и, составивъ изъ нихъ конный отрядъ, отправился къ Бѣлой Церкви. За $1\frac{1}{2}$ версты отъ сего мѣстечка, онъ встрѣтилъ казаковъ графини Браницкой, посланныхъ для развѣдыванія и охраненія ея имѣнія отъ такъ называемыхъ бунтовщиковъ. Сухиновъ воспользовался встрѣчею. Подъѣхавъ на довольно близкое разстояніе къ казачьему отряду, онъ обнажилъ саблю и бросился на нихъ, съ громкимъ крикомъ· „впередъ!" Испуганные нечаяннымъ и смѣлымъ нападеніемъ казаки разсѣялись; одинъ изъ нихъ, пойманный самимъ Сухиновымъ, хотѣлъ было сопротивляться, но Сухиновъ ударомъ сабли сшибъ его съ лошади и началъ распрашивать. Хотя, повидимому, казакъ чистосердечно говорилъ, что 17-й егерскій полкъ уже другой день какъ вышелъ изъ Бѣлой Церкви неизвѣстно куда; но Сухиновъ, желая удостовѣриться въ истинѣ сего показанія, самъ подъѣхалъ къ мѣстечку и старался узнать отъ нѣкоторыхъ жителей все касающееся до выхода сего полка. Отвѣты жителей, съ которыми говорилъ Сухиновъ, подтвердили сказанное казакомъ. Въ самомъ дѣлѣ, полковой командиръ, арестовавъ Вадковскаго, въ туже ночь выступилъ съ полкомъ изъ Бѣлой Церкви въ противоположную сторону отъ Василькова, не сказавъ никому, куда идетъ.

Развѣдываніе Сухинова о 17-мъ егерскомъ полку послужило поводомъ къ сплетенію гнусной лжи, будто бы С. Муравьевъ, возмутивъ Черниговскій полкъ, пошелъ къ Бѣлой Церкви съ намѣреніемъ завладѣть несмѣтными сокровищами, хранившимся у богатой и скупой графини Браницкой. Конечно никто изъ благоразумныхъ людей не вѣрилъ и не повѣритъ сей клеветѣ; но, можетъ быть, нашлись люди, которые почитали возможнымъ столь безчестное дѣйствіе. Привязанность ихъ къ старому порядку вещей, выгоды получаемыя отъ злоупотребленій, внушаютъ имъ ненависть ко всякой перемѣнѣ и заставляютъ думать, что каждое нововведеніе есть уже начало анархіи, что желающій улучшенія есть болѣе нежели анархистъ, и потому способенъ быть убійцею, грабителемъ, однимъ словомъ—противуобщественнымъ человѣкомъ.

Извѣстіе о выходѣ 17-го егерскаго полка заставило С. Муравь-

ева перемѣнить планъ дѣйствія. На другой день, т.-е. 3-го Генваря, онъ оставилъ Пологи и вознамѣрился идти черезъ Ковалевку и Трилѣсы на Паволочь, а оттуда въ Житомиръ, для соединенія съ Славянами. Въ Паволочѣ квартировала 5-я конная рота. С. Муравьевъ думалъ, что командиръ сей роты и офицеры, принадлежа къ Обществу, тотчасъ соединятся съ Черниговскимъ полкомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ артиллеріею дѣло Муравьева приняло бы иной видъ, тѣмъ болѣе, что пѣхотные солдаты смотрятъ на орудія съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ и ожидаютъ отъ нихъ почти сверхъестественной помощи; къ тому же присоединеніе конной роты придало бы новыя силы солдатамъ и обновило бы ихъ надежду на другіе полки.

Въ деревнѣ Пологахъ, ночью съ 2-го на 3-е Генваря, нѣсколько гусаръ подъѣхали къ самымъ часовымъ. Часовые хотѣли стрѣлять, и потому гусары, не отваживаясь на дальнѣйшія покушенія, скрывались немедленно. Замѣчательно, что въ это время гусарскій офицеръ высокаго роста и довольно плотный, подъѣхавъ на близкое разстояніе къ одному изъ постовъ, началъ разговаривать съ солдатами, хвалилъ ихъ рѣшительность, одобрялъ возстаніе, удивляясь ихъ пожертвованіямъ и обѣщалъ скорой помощи. На другой день офицеры Черниговскаго полка, услышавъ о семъ обстоятельствѣ отъ солдатъ занимавшихъ сей постъ, полагали, что пріѣзжавшій офицеръ былъ командиръ Ахтырскаго полка и радовались нечаянной помощи отъ человѣка, на котораго перестали расчитывать. Но, вѣроятно, это было ничто иное какъ хитрость: гусарамъ нужно было только узнать расположеніе и духъ Черниговскихъ солдатъ, ибо прежде разсвѣта они всѣ скрылись и до самаго разбитія С. Муравьева ни одинъ солдатъ не видалъ ни одного гусара.

Сергѣй Муравьевъ, какъ и всѣ оставшіеся съ нимъ офицеры, скрыли свое неудовольствіе и, по возможности, старались поддерживать бодрость солдатъ, обѣщая скорую помощь и несомнѣнный успѣхъ въ предпріятіи. Въ 4 часа утра Черниговскій полкъ выступилъ изъ Пологъ и, въ исходѣ 11-го часа, вступилъ въ де-

ревню Ковалевку, гдѣ Муравьевъ далъ солдатамъ роздыхъ, остановясь на площади, противъ управительскаго дома. Онъ потребовалъ подъ квитанцію хлѣба и водки для нижнихъ чиновъ. Управитель доставилъ солдатамъ всего въ изобиліи, во время привала пригласилъ С. Муравьева и офицеровъ къ себѣ на обѣдъ и угощалъ ихъ радушно. Тотчасъ послѣ обѣда, С. Муравьевъ, вмѣстѣ съ офицерами, пересматривалъ бумаги, взятыя у него Гебелемъ въ Васильковѣ и опять отнятыя въ Трилѣсахъ; какъ бы предчувствуя ожидавшее его пораженіе, онъ сжегъ всѣ письма, полученныя отъ членовъ тайныхъ обществъ, и нѣкоторыя изъ бумагъ, относящіяся къ симъ дѣламъ. Тѣ же, которыя онъ, неизвѣстно почему, оставилъ, были, въ послѣдствіи, захвачены правительствомъ.

Въ полдень, Муравьевъ вышелъ изъ Ковалевки къ Трилѣсамъ. Прежде нежели разскажемъ встрѣчу его съ отрядами Гейсмара, необходимо показать (сколько намъ извѣстно), въ какихъ силахъ онъ сошелся съ непріятелемъ. Полагая, круглымъ счетомъ, въ ротѣ по 140 человѣкъ, съ унтеръ-офицерами, въ 6 ротахъ было 840 человѣкъ. Къ сему должно прибавить взводъ мушкатеровъ 1-й роты, которые, въ числѣ 70 человѣкъ, соединились въ Мотовиловкѣ съ полкомъ, и 60 музыкантовъ, ставшихъ въ ряды своихъ товарищей по собственному желанію; слѣдовательно вся сила С. Муравьева состояла изъ 970 человѣкъ нижнихъ чиновъ, и пяти офицеровъ, а именно: барона Соловьева, Щепилы, Кузьмина, Сухинова и Быстрицкаго. Кромѣ сихъ офицеровъ, находились при немъ: Бестужевъ-Рюминъ, Матвѣй и Ипполитъ Муравьевъ-Апостолы. С. Муравьевъ, съ своимъ отрядомъ, оставивъ вправо и влѣво дороги, идущія изъ Ковалевки въ Трилѣсы, чрезъ деревни, для сокращенія пути, избралъ дорогу, проложенную прямо черезъ степь [43]). Полкъ, сомкнутый въ полувзводную колонну, медленно двигался впередъ; не выходя изъ околицы [44]) и прошедши отъ Ковалевки не болѣе 6 верстъ, между солдатами распространился слухъ, будто бы пушечное ядро убило въ обозѣ крестьянина съ лошадью. Никто не слыхалъ выстрѣла; нигдѣ не было видно не только орудій, но даже ни одного непріятельскаго солдата; между тѣмъ, въ колоннѣ произошло волненіе, и солдаты начали толковать, спорить, теряясь въ догадкахъ. Офицеры старались ихъ успокоить, увѣряя, что сія новость не что иное, какъ выдумка ка-

---

[43]) Въ Кіевской губерніи, загороженныя около деревни на большое пространство пастбищныя мѣста называются „околицами“.

[44]) Дорога лежащая вправо, изъ Ковалевки въ Трилѣсы, идетъ черезъ деревни Пилиничинцы, Фаменовку и Королевку; они соединяются между собою и составляютъ какъ бы одно селеніе до самыхъ Трилѣсъ; влѣво дорога лежитъ чрезъ деревню Устиновку.

кого-нибудь труса или лгуна. Однакожъ С. Муравьевъ построилъ взводы, сомкнулъ полкъ въ густую колонну справа, вызвалъ стрѣлковъ по мѣстамъ взводовъ и продолжалъ идти. Едва колонна вышла изъ околицы и сдѣлала не болѣе $^1/_4$ версты, какъ пушечный выстрѣлъ поразилъ слухъ изумленныхъ солдатъ, которые увидали, въ довольно значительномъ разстояніи, орудія прикрытыя гусарами. За симъ выстрѣломъ вскорѣ послѣдовало нѣсколько другихъ, но ни одинъ изъ оныхъ не причинилъ ни малѣйшаго вреда колоннѣ: можетъ-быть, стрѣляли холостыми зарядами. Полкъ шелъ впередъ. Муравьевъ приказалъ осмотрѣть ружья и приготовиться къ бою. Приказаніе сіе ободрило солдатъ, но сей порывъ оживленнаго мужества былъ остановленъ дѣйствительными пушечными выстрѣлами. Первый картечный выстрѣлъ ранилъ и убилъ нѣсколько человѣкъ. С. Муравьевъ хотѣлъ вызвать стрѣлковъ: новый выстрѣлъ ранилъ его въ голову; поручикъ Щепила и нѣсколько рядовыхъ пали на землю мертвыми. С. Муравьевъ стоялъ какъ бы оглушенный: кровь текла по его лицу. Онъ собралъ всѣ свои силы и хотѣлъ сдѣлать нужныя распоряженія, но солдаты, видя его окровавленнымъ, поколебались: первый взводъ бросилъ ружья и разсыпался по полю; второй слѣдовалъ его примѣру; прочіе, остановясь сами собою, кажется, готовились дорого продать свою жизнь. Нѣсколько мѣткихъ картечныхъ выстрѣловъ перемѣнили сіе намѣреніе. Дѣйствіе ихъ было убійственно: множество солдатъ умерли въ рядахъ своихъ товарищей. Кузьминъ, Ипполитъ Муравьевъ, были ранены; Быстрицкій получилъ сильную контузію, отъ которой едва могъ держаться на ногахъ. Мужество солдатъ колебалось: Сухиновъ, Кузьминъ и Соловьевъ употребляли всѣ усилія къ возбужденію въ нихъ прежнихъ надеждъ и бодрости. Послѣдній, желая подать собою примѣръ и одушевить ихъ своею храбростью, показывалъ явное призрѣніе къ жизни, становился подъ самые картечные выстрѣлы и звалъ ихъ впередъ; но все было тщетно. Видъ убитыхъ и раненыхъ, отсутствіе С. Муравьева, нанесли рѣшительный ударъ мужеству возставшихъ Черниговцевъ: они, бросивъ ружья, побѣжали въ разныя стороны. Одинъ эскадронъ гусаръ преслѣдовалъ разсыпавшихся по полю бѣглецовъ; другой окружилъ офицеровъ, оставшихся на мѣстѣ, занимаемомъ прежде колонною, между ранеными и убитыми. Въ это самое время, Соловьевъ, увидя недалеко отъ себя С. Муравьева, идущаго тихими шагами къ обозу, подбѣжалъ къ нему, чтобы подать ему помощь. С. Муравьевъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ помѣшательства; онъ не узнавалъ Соловьева и на всѣ вопросы отвѣчалъ: «гдѣ мой братъ, гдѣ мой братъ?» Взявъ его за руку, Соловьевъ хотѣлъ его вести къ офицерамъ, оставшимся еще на прежнемъ мѣстѣ. Но едва онъ сдѣлалъ это движеніе, какъ Бестужевъ-Рюминъ подошелъ къ нимъ

и, бросясь на шею къ С. Муравьеву, началъ осыпать его поцѣлуями и утѣшеніями. Вмѣстѣ съ Бестужевымъ приблизился къ нимъ одинъ рядовой первой мушкатерской роты. Отчаяніе изображалось на его лицѣ; видъ Муравьева привелъ его въ изступленіе; ругательныя слова полились изъ дрожащихъ отъ ярости устъ его. «Обманщикъ», вскричалъ онъ наконецъ, и съ симъ словомъ хотѣлъ заколоть С. Муравьева штыкомъ. Изумленный таковымъ покушеніемъ, Соловьевъ закрылъ собою Муравьева. «Оставь насъ, спасайся!», закричалъ онъ мушкатеру, «или ты дорого заплатишь за свою дерзость». Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, солдатъ прицѣлился въ Соловьева, грозя застрѣлить его, если онъ не откроетъ С. Муравьева. Соловьевъ схватилъ на землѣ лежавшее ружье и сдѣлалъ наступательное движеніе, которое заставило опомниться бѣшенаго солдата: онъ удалился, не сказавъ ни слова [45]). Когда надежды успѣха исчезли, Ипполитъ Муравьевъ, раненый, истекая кровью, отошелъ нѣсколько шаговъ отъ роковаго мѣста и, почти въ тоже самое время, когда гусаръ наскочилъ на него и прострѣлилъ ему черепъ, упалъ мертвый къ ногамъ лошади гусара. По приказанію генерала Гейсмара, гусары окружили офицеровъ и раненыхъ солдатъ и отобрали отъ нихъ оружіе [46]).

Такимъ образомъ кончилось пагубное для многихъ возстаніе Черниговскаго полка. Около 60 человѣкъ и 12 крестьянъ, находившихся въ обозѣ, были убиты или тяжело ранены. Поручикъ Щепила умеръ въ рядахъ; С. Муравьевъ былъ раненъ въ голову; Ипполитъ Муравьевъ въ лѣвую руку; Кузьминъ—въ плечо на вылетъ: всѣ трое картечами. Быстрицкій получилъ сильную контузію въ правую ногу; шинель Бестужева была прострѣлена въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Это служитъ доказательствомъ подъ какимъ убійственнымъ огнемъ стоялъ Черниговскій полкъ и сколь мало думали офицеры о своей жизни. Носились слухи, будто бы гусары сдѣлали атаку на безоружныхъ Черниговцовъ и рубили ихъ безъ пощады. Долгъ истины заставляетъ ска-

---

[45]) При допросѣ, сей солдатъ показалъ будто бы С. Муравьевъ бѣжалъ, будто онъ его удержалъ, грозя ему за сіе смертію. Эта презрительная ложь недостойна никакого опроверженія. Состояніе Муравьева само за себя говоритъ. Говорили, что сего солдата произвели въ унтеръ-офицеры въ Полтавскій полкъ.

[46]) Въ Annuaire Historique за 1826 годъ напечатано показаніе самого С. Муравьева, который объясняетъ сіе дѣло такимъ образомъ: „je fis ranger mes compagnies en bataille; je leur commandai de se porter sur les canons etc." Неизвѣстно, почему такъ написалъ С. Муравьевъ. Двоякимъ образомъ можно объяснить сіе: или - онъ не хорошо помнилъ всѣ подробности, происходившія вокругъ его, или—желаніе облегчить наказаніе солдатъ, которыхъ онъ увлекъ за собою, заставило его объяснять сіе дѣло, оправдывая болѣе солдатъ и обвиняя себя. Быстрицкій, Сухиновъ и Соловьевъ говорятъ, что ничего подобнаго не происходило, и они не слыхали сихъ распоряженій отъ С. Муравьева.

зать, что сіе вовсе несправедливо. Они, догнавши, нѣкоторыхъ окружили; другихъ, разсѣявшихся, собирали въ одно мѣсто. Одинъ только вахмистръ началъ ругать Черниговскихъ офицеровъ. Соловьевъ, обратясь къ гусарскому поручику, сказалъ: «Г. офицеръ, прикажите этому глупцу молчать». Офицеръ полновѣсною пощечиною заставилъ вахмистра быть учтивѣе.

Въ 5 часовъ вечера (3 Генваря), плѣнные офицеры и солдаты были привезены подъ сильнымъ конвоемъ, въ дер. Трилѣсы. С. Муравьевъ, братъ его Матвѣй, Соловьевъ, Кузьминъ, Быстрицкій, Бестужевъ-Рюминъ и солдаты, разжалованные изъ офицеровъ—Грохольскій и Ракуза, были всѣ вмѣстѣ помѣщены въ корчмѣ, въ одной большой комнатѣ, а за перегородкою находилась караульня. Внутри и около корчмы были разставлены часовые. Нижніе чины были размѣщены по разнымъ крестьянскимъ избамъ подъ строгимъ карауломъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Трилѣсы умеръ Кузьминъ истинно-геройскою смертію. При самомъ началѣ дѣла онъ былъ раненъ картечною пулею въ правое плечо на вылетъ, но рана сія не помѣшала ему ободрять солдатъ словами и личнымъ своимъ примѣромъ. Будучи прежде всѣхъ окруженъ гусарами, онъ сдался безъ сопротивленія. Тутъ же въ душѣ его возродилась мысль кончить добровольно безполезныя страданія, избѣгнуть позора и наказанія. Когда съ мѣста сраженія отправили ихъ въ Трилѣсы, Кузьминъ сѣлъ въ одни сани съ Соловьевымъ. Въ продолженіе дороги онъ былъ спокоенъ, веселъ; даже шутилъ и смѣялся. Не далеко отъ Трилѣсъ, Соловьевъ, почувствовавъ холодъ, всталъ изъ саней и прошелъ около версты пѣшкомъ; садившись опять въ сани, онъ нечаянно облокотился на плечо Кузьмина. При семъ движеніи, болѣзненное выраженіе изобразилось на лицѣ его товарища. Соловьевъ, замѣтя сіе и не подозрѣвая вовсе, что онъ раненъ, спросилъ его: «Что̀ съ тобою? Вѣроятно я крѣпко придавилъ тебѣ плечо: извини меня». Кузьминъ ему отвѣчалъ: «Я раненъ, но сдѣлай милость, не сказывай о семъ никому».—По крайней мѣрѣ, возразилъ Соловьевъ, пріѣхавъ въ Трилѣсы, позволь мнѣ перевязать твою рану.—«Это лишнія хлопоты; рана моя легкая», сказалъ улыбаясь Кузьминъ, «я вылечусь безъ перевязки и пластыря». Веселость Кузьмина дѣйствительно заставила Соловьева думать, что рана не опасна: онъ замолчалъ, ожидая пріѣзда на мѣсто. Въ корчмѣ, раненаго С. Муравьева положили въ углу комнаты, въ которой было ужасно холодно. Онъ лежалъ тамъ около часу, но, почувствовавъ сильную знобь, всталъ и пошелъ отогрѣться къ камину. Кузьминъ съ самаго пріѣзда все ходилъ тихими, но твердыми шагами по комнатѣ, но, вѣроятно ослабѣвши отъ истеченія крови и чувствуя маленькую лихорадку, присѣлъ на лавку, подозвалъ къ себѣ Соловьева,

котораго просилъ придвинуть его поближе къ стѣнѣ. Въ ту самую минуту какъ Соловьевъ, взявъ его подъ руки, потихоньку приподнималъ, чтобы хорошенько посадить, С. Муравьевъ, отъ теплоты ли огня, горѣвшаго въ каминѣ, или отъ другой какой-либо причины, упалъ безъ чувствъ. Нечаянность его паденія встревожила всѣхъ: всѣ, исключая Кузьмина, бросились къ нему на помощь, какъ вдругъ пистолетный выстрѣлъ привлекъ общее вниманіе въ другую сторону комнаты. Часовые выбѣжали вонъ, крича: „стрѣляютъ, стрѣляютъ!“ — и домъ почти остался безъ караула. Удивленіе и горесть поразили сердца плѣнниковъ. На скамьѣ лежалъ окровавленный Кузьминъ безъ черепа; большой, еще дымящійся пистолетъ былъ крѣпко сжатъ лѣвою омертвѣвшею его рукою. Когда же съ Кузьмина сняли шинель и мундиръ, то увидѣли, что правое плечо раздроблено картечною пулею, которая вышла ниже лопатки; все нижнее платье было въ крови. Тутъ товарищи его увидѣли явно, что онъ, получивши рану во время сраженія, не смотря на жестокую боль, скрывалъ ее, съ намѣреніемъ лишить себя жизни пистолетомъ, спрятаннымъ въ рукавѣ его шинели, и выжидалъ удобную минуту прибѣгнуть къ роковой его помощи. Такимъ образомъ кончилъ жизнь одинъ изъ злополучныхъ и отважнѣйшихъ сподвижниковъ С. Муравьева. Сила воли, твердость души были отличительными чертами его характера. Будучи столь же пылокъ и рѣшителенъ, какъ Ипполитъ Муравьевъ, Кузьминъ присовокуплялъ къ сему постоянство въ стремленіи къ цѣли: ни время, ни препятствія не могли отвратить его отъ предпринятаго имъ однажды намѣренія. „Свобода или смерть“—часто говаривалъ онъ съ душевнымъ движеніемъ, и смертію своею доказалъ, что чувствовалъ и говорилъ одно. Ипполитъ Муравьевъ и Кузьминъ покоятся въ одной могилѣ съ Щепилою, близъ деревни Трилѣсы [47]).

---

[47]) Ипполитъ Муравьевъ, Кузьминъ и Щепила брошены, 4 Генваря 1826 года, въ одну могилу, вырытую въ полѣ близъ Трилѣсъ.

Въ 4 часа пополудни, плѣнные пришли въ Бѣлую Церковь и были сданы 18 егерскому полку, который къ тому времени пришелъ въ сіе мѣстечко изъ гор. Богуславля. С. Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ были арестованы порознь, а Матвѣй Муравьевъ и другіе офицеры остались вмѣстѣ. Нижніе чины содержались въ крестьянскихъ избахъ и были тутъ закованы въ кандалы, сдѣланныя изъ 100 пудъ желѣза, пожертвованнаго графинею Браницкою, которая на сей разъ забыла свою скупость. 5-го Генваря началось слѣдствіе, порученное ген.-маіору Курносову, въ продолженіе коего, въ ночь съ 11 на 12 Генв., Муравьевъ и прочіе офицеры въ кандалахъ были отправлены въ г. Могилевъ.

Между тѣмъ, члены Общества, находившіеся въ Кіевѣ, по пріѣздѣ къ нимъ Андреевича и Борисова 1-го, намѣревались тамъ произвести возстаніе, надѣясь на содѣйствіе 8-й пѣхотной дивизіи. Среди сихъ начинаній, они узнали о разбитіи С. Муравьева, тотчасъ же рѣшились освободить его и Бестужева, и нашли Еврея, который за 2000 рубл. брался доставить арестованныхъ изъ Бѣлой Церкви въ Кіевъ. Не найдя сей суммы, офицеры начали закладывать вещи; но прежде нежели они успѣли собрать нужныя деньги, неожиданно Андреевичъ и Борисовъ были арестованы, и тѣмъ самымъ осталось безъ исполненія покушеніе возвратить свободу С. Муравьеву, котораго, впрочемъ по словамъ Соловьева, легко было увезти чрезъ заднее окошко того дома, гдѣ онъ содержался: оно примыкало къ Жидовской корчмѣ, и близко онаго не было поставлено часоваго.

Взглянемъ теперь на совокупность происшествій и разсмотримъ внимательно, безпристрастно, дѣйствія С. Муравьева. Медленность и какая-то неопредѣленность въ движеніяхъ поражаютъ при первомъ взглядѣ. Спрашиваемъ: что̀ заставляло его, послѣ столь смѣлаго начала, ограничиться движеніями около Василькова, дѣлать небольшіе переходы и дневать въ Мотовиловкѣ, между тѣмъ какъ солдаты, такъ и офицеры только того и желали, чтобы дѣйствовать наступательно. Сіи жалобы не могли скрыться отъ начальника. Если бы Муравьевъ, не дожидая помощи, самъ

искалъ оную; еслибы движенія Черниговскаго полка были быстры, внезапны, то кромѣ существенной выгоды, сіи движенія укрѣпляли бы духъ подчиненныхъ и поддерживали ихъ надеждою успѣха. С. Муравьеву должно было собрать полкъ какъ можно скорѣе, избрать какой-либо одинъ или два пункта и дѣйствовать съ быстротою молніи. Кіевъ, Брусиловъ, Бѣлая Церковь, Паволочь, потомъ Житомиръ, — вотъ мѣста, куда онъ долженъ былъ броситься и увлечь за собою находившіеся тамъ полки, въ коихъ или командиры или офицеры, будучи членами Тайнаго Общества, вѣрно бы соединились съ нимъ, тѣмъ болѣе, что одинъ усиленный переходъ достаточенъ былъ для занятія котораго-нибудь изъ этихъ мѣстъ [48]). Въ Кіевѣ онъ могъ бы надѣяться на присоединеніе Курскаго пѣхотнаго полка и даже другихъ полковъ, стоявшихъ въ окрестностяхъ города. Кромѣ того, артиллерійскіе офицеры, находившіеся при арсеналѣ, вѣроятно сдержали бы слово, данное ими Андреевичу, и занятіе такого города какъ Кіевъ имѣло бы большое вліяніе на умы. Въ Паволочѣ, командиры конной роты артиллерійской и офицеры, принадлежа къ Обществу, конечно не упустили бы случая оправдать, при появленіи С. Муравьева, дѣломъ, все что̀ говорилось ими при другихъ членахъ. Брусиловъ и Бѣлая Церковь представляли ему болѣе или менѣе подобныхъ выгодъ. Если же онъ не имѣлъ намѣренія воспользоваться сими выгодами и надѣялся болѣе на 8-ю, нежели на 9-ю дивизію, то и въ такомъ случаѣ ему должно было устремиться къ квартирамъ и занять Житомиръ быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ. Во время самаго похода изъ Василькова до деревни Пологъ и далѣе, С. Муравьевъ на каждомъ шагу дѣлалъ ошибки и непростительныя упущенія; кромѣ того онъ не принималъ никакихъ предосторожностей. Когда онъ находился въ Пологахъ и его увѣдомили, что ночью гусары подъѣхали къ самымъ постамъ, онъ оставилъ сіе донесеніе безъ вниманія. Совѣтъ Сухинова сдѣлать сильную рекогносцировку также былъ отвергнутъ. Вмѣсто того, чтобы, по предложенію Сухинова, идти изъ Ковалевки въ Трилѣсы, которою-нибудь изъ дорогъ, лежащихъ чрезъ деревни, онъ пошелъ степью, незащищенною ничѣмъ и весьма удобною, какъ для кавалерійской атаки, такъ и для дѣйствія артиллеріи. Идя же въ Трилѣсъ чрезъ деревни: Пилиничинцы, Филиповку и Королевку, которыя, соединяясь между собою, составляютъ какъ бы одно селеніе, при нападеніи на него отряда Гейсмара онъ могъ бы защищаться противъ гусаръ стрѣлками; тѣмъ болѣе, что тогда артиллерія не вредила бы ему картечью и можетъ-быть Гейсмаръ не рѣшился бы сжечь селенія.

---

48) Отъ Василькова до Кіева—35 верстъ; прочія мѣста болѣе или менѣе на такое же разстояніе отстоятъ отъ Василькова.

Даже при выстрѣлахъ въ него, сдѣланныхъ конной артиллеріей, онъ могъ бы перемѣнить направленіе и послать одну или двѣ роты въ деревню Королевку, которыя, обойдя гусарскій полкъ, могли бы ударить его во флангъ или грозить ему симъ движеніемъ [49]). Конечно, гусары не стали бы оспаривать поле сраженія; ибо, повидимому они были посланы только для наблюденія за движеніемъ Черниговскаго полка, въ ожиданіи войскъ, шедшихъ противъ онаго. Кромѣ сего, гусары неохотно дѣйствовали и, можетъ-быть, нѣкоторые изъ нихъ присоединились бы, еслибъ сіи послѣдніе одержали верхъ въ семъ дѣлѣ. С. Муравьевъ долженъ былъ употребить всю дѣятельность и расторопность, чтобы непремѣнно въ первомъ дѣлѣ, имѣть хоть малый успѣхъ надъ непріятелемъ: это придало бы болѣе нравственной силы его подчиненнымъ и, можетъ быть, слухи о его успѣхѣ привлекли бы къ нему людей нерѣшительныхъ, но готовыхъ дѣйствовать. При этомъ случаѣ, нельзя не упомянуть и о нравственномъ состояніи самого С. Муравьева. Кажется, онъ вовсе не приготовлялся къ возстанію и не думалъ объономъ; оно было произведено обстоятельствами. Рѣшительное дѣйствіе четырехъ офицеровъ, когда онъ былъ арестованъ, поставило его въ необходимость принять команду. Насильственное начало, ужасная и жестокая сцена съ Гебелемъ сильно поразили его душу: во все время похода, онъ былъ задумчивъ и мраченъ, дѣйствовалъ безъ обдуманнаго плана и какъ будто предавая себя и своихъ подчиненныхъ на произволъ судьбы. Веселость появлялась на его лицѣ только въ кругу офицеровъ, которые всегда были одушевлены надеждами: тутъ онъ опять находилъ въ себѣ твердость и рѣшительность и когда выходилъ съ ними къ фрунту, всегда являлся съ свойственною ему привлекательностью и важностью,—одушевлялъ солдатъ сильнымъ, краткимъ краснорѣчіемъ, которое овладѣвало всѣми умами. Но сіе дѣйствіе было непродолжительно. Его братъ, Матвѣй, много вредилъ ему. Не имѣя ни твердости въ характерѣ, ни желанія жертвовать всѣмъ для достиженія цѣли, этотъ человѣкъ, съ своею дѣтскою боязнію, своими опасеніями, смущалъ С. Муравьева и отнималъ у него твердость духа. Послѣ каждаго разговора съ братомъ, С. Муравьевъ впадалъ въ глубокую задумчивость и даже терялся совершенно. Офицеры, замѣтя сіе, старались не оставлять Матвѣя наединѣ съ братомъ и даже хотѣли просить С. Муравьева, чтобы онъ удалилъ его отъ полка. Онъ дорогою упрекалъ С. Муравьева въ неумѣренной жестокости съ Гебелемъ до того, что С. Муравьевъ хотѣлъ въ Васильковѣ идти просить у него прощенія, но офи-

[49]) Онъ могъ держаться въ деревняхъ и ночью продолжать путь, какъ солдаты сами желали того.

церы его не допустили. По его же совѣту, С. Муравьевъ выпустилъ изъ подъ ареста маіора Трухина и жандармскихъ офицеровъ. При первыхъ выстрѣлахъ, онъ спрятался въ обозѣ. Вообще, поведеніе его было таково, что офицеры раскаявались, что, изъ уваженія къ С. Муравьеву, не настояли на томъ, чтобы удалить его отъ отряда. Тягостно иногда говорить прямую истину, но уваженіе къ памяти погибшихъ людей и уваженіе къ самому себѣ требуетъ исполненія сихъ обязанностей.

Мы сказали, въ чемъ можно упрекнуть С. Муравьева; скажемъ теперь и то, что̀ можетъ служить къ его оправданію. Можетъ быть, онъ держался близъ Василькова съ какимъ-либо намѣреніемъ: вѣроятно надежда, что посланные противъ него полки соединятся съ нимъ, была причиною медленности его движеній (это подтверждается наставленіями, данными Мозгалевскому при отправленіи его въ Кіевъ, а именно—узнать, какіе полки будутъ посланы противъ него, кто ими будетъ командовать и пр.). Высокія чувства и благородная душа С. Муравьева не позволяли ему сомнѣваться въ обѣщаніи другихъ членовъ; онъ надѣялся, что тѣ, которые ручались честію за свои полки и роты, не оставятъ его въ трудныя минуты возстанія. Онъ вѣрилъ всѣмъ, не воображая, что въ этомъ случаѣ, люди извѣстные своею храбростію и честностію, сыграютъ роль трусовъ и обманщиковъ. Обѣщанія ихъ набросили на его шею веревочную петлю; за увѣренность въ ихъ мужествѣ и правдивости онъ заплатилъ жизнію. Пріуготовительныя дѣйствія членовъ Южнаго Общества не имѣли никакой опредѣленной цѣли. Раздоры членовъ, обманчивыя надежды на помощь людей (солдатъ), съ коими они не имѣли никакихъ сношеній, преувеличиваніе силъ своихъ, слабость характеровъ, боязнь междоусобія, желаніе достигнуть своей цѣли безъ трудовъ и опасностей, заранѣе уничтожали всякую увѣренность въ успѣхѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, борьба горсти людей съ исполинскими силами правительства была верхъ безразсудства; чтобы выйти побѣдителемъ, нужно было чудо. Безъ сомнѣнія, никто не станетъ обвинять С. Муравьева въ легковѣріи. Можно ли было полагать, что средствомъ къ разбитію Черниговскаго полка будетъ употреблена конная артиллерійская рота, въ которой не только командиръ, но всѣ, безъ исключенія, офицеры, принадлежали къ Южному Тайному Обществу [50])?

Если медленность Муравьева и робость нѣкоторыхъ членовъ Общества вредили успѣхамъ переворота, то, съ другой стороны, и рѣшительныя мѣры, принятыя мѣстнымъ начальствомъ для усмиренія мятежа, дѣлали

[50]) Генералъ Ротъ, узнавъ о возстаніи Черниговскаго полка, поѣхалъ въ расположеніе квартиръ гусарской бригады и конной артиллеріи. Пыхачевъ могъ бы его тамъ арестовать, но онъ потерялъ въ семъ случаѣ, какъ говорятъ, голову.

оные невозможными. Командиры 3 и 4 корпусовъ дѣйствовали съ необычайною скоростію. Положительно извѣстно, что всѣ повелѣнія въ полки о выступленіи въ походъ были посланы отъ нихъ; неизвѣстно, имѣли ли они прежде какія-либо предписанія отъ высшаго начальства, или сами собою дѣйствовали. Не станемъ теряться въ догадкахъ: сближая время возстанія Черниговскаго полка и движенія войскъ противъ него со временемъ разбитія С. Муравьева, можно предполагать, что корпусные командиры лично отъ себя распоряжались.

Какъ скоро слухъ о возстаніи Черниговскаго полка дошелъ до командировъ 3 и 4 корпусовъ, то всѣ квартировавшіе недалеко отъ Василькова пѣхотные и каваллерійскіе полки поднялись съ быстротою молніи и шли для укрощенія возникшаго мятежа. Жандармскій офицеръ Лангъ, бѣжавшій изъ Трилѣсъ, далъ первый знать въ дивизіонную квартиру 9-й дивизіи (въ Бѣлую Церковь) о случившемся тамъ происшествіи 29 Декабря (1825). Курьеры туже минуту были отправлены къ высшему начальству. По полученіи извѣстія генералъ Ротъ тотчасъ поѣхалъ въ Бердичевъ и Паволочь за гусарскими полками и артиллеріей. Должно думать, что мѣстныя начальства не имѣли настоящаго понятія о силѣ Общества. Боязнь и подозрительность увеличивали въ ихъ глазахъ опасность. Изъ распоряженій генерала Рота можно видѣть, что Маріупольскій полкъ и конная N 5 рота были посланы только для наблюденія за движеніемъ Черниговскаго полка, а не для усмиренія онаго. Ибо, раздѣливъ помянутый полкъ на три отряда, онъ приказалъ имъ занять тѣ дороги, по которымъ могъ слѣдовать С. Муравьевъ, единственно съ тѣмъ, чтобы сіи конные отряды дѣйствовали по обстоятельствамъ, въ ожиданіи другихъ войскъ. Сіи отряды были расположены слѣдующимъ образомъ: первый, подъ командою самого генерала Рота, находился между Бѣлою Церковью и Паволочемъ; второй — въ деревнѣ Пологахъ, подъ командою генерала Гейсмара, который отыскалъ С. Муравьева и потомъ разбилъ его; третій неизвѣстно гдѣ стоялъ; по всей вѣроятности, онъ занималъ такой пунктъ, изъ котораго могъ въ случаѣ нужды подать скорую помощь, какъ первому, такъ и второму отряду.

Кромѣ того, генералъ Ротъ приказалъ двинуться въ Паволочь гусарскимъ полкамъ, а именно: Принца Оранскаго, Александрійскому и Ахтырскому. Еще съ большею скоростію дѣйствовало военное начальство города Кіева. Узнавъ отъ маіора Трухина и жандармскихъ офицеровъ о возстаніи Черниговскаго полка, тамъ все пришло въ движеніе. Въ ту же ночь высланы были противъ С. Муравьева стоявшіе въ караулѣ: 8 дивизіи—Курскій пѣхотный полкъ, и 7 дивизіи—батальонъ Муромскаго полка. Кромѣ того, въ $1^1/_2$ не болѣе часа, было отправле-

но множество курьеровъ въ полки, съ повелѣніями выступить немедленно къ г. Василькову [51]), а къ разнымъ начальствамъ — съ увѣдомленіемъ о происшествіи [52]). Въ слѣдствіе сихъ повелѣній, полки 10 дивизіи: Витебской, Полоцкой, 19 и 20 егерскіе полки; вся 11 дивизія; полки 12 дивизіи: Воронежской, Рыльской, Старооскольской, — выступили изъ своихъ квартиръ еще до разбитія С. Муравьева и двинулись противъ Черниговскаго полка. 4-я драгунская дивизія слѣдовала къ Василькову, а нѣкоторые полки оной дивизіи, 3 Генваря, уже дошли до города Козельца. Кромѣ сего, 2-й арміи драгунская дивизія была на походѣ и находилась уже близъ Василькова. 25-я пѣхотная дивизія Литовскаго корпуса была собрана въ городѣ Дубнахъ и ожидала только вторичнаго повелѣнія выступить въ походъ. Утверждаютъ, будто границы Галиціи занялъ 30-ти-тысячный корпусъ Австрійцевъ. Генералъ Ротъ, подозрѣвая, что офицеры 3-го корпуса должны быть въ связяхъ съ С. Муравьевымъ, не послалъ противъ него ни одного пѣхотнаго полка ввѣреннаго ему корпуса и отрядилъ только 3-ю гренадерскую дивизію и конную артиллерію [53]). Вѣроятно онъ предоставилъ дѣйствовать пѣхотою противъ С. Муравьева командиру 3-го корпуса, князю Щербатову, который двинулъ почти всѣ полки своего корпуса [54]). Но и здѣсь генералъ Ротъ и князь Щербатовъ могли жестоко обмануться; полки: Курской, Витебской, Воронежской, Старооскольской, гдѣ были члены Общества подполк. Крупенниковъ, Хотяинцовъ, Капнистъ и, вѣроятно, много другихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, могли соединиться съ Черниговскимъ полкомъ и подать помощь С. Муравьеву. Можно было также надѣяться на часть 4-й драгунской дивизіи. Кромѣ сего, къ С. Муравьеву могло присоединиться множество членовъ Тайнаго Общества, разсѣянныхъ въ разныхъ полкахъ, которые, при малѣйшемъ успѣхѣ, лично или съ своею частію войскъ, пристали бы къ нему и тѣмъ увеличили его силу. Еслибы С. Муравьевъ былъ подкрѣ-

---

[51]) Мозгалевскій былъ въ туже ночь отправленъ съ курьеромъ въ г. Могилевъ, и уже на первой станціи ни одной тройки не нашли лошадей. Курьеры, разосланные изъ Кіева съ извѣстіями о возстаніи Черниговскаго полка, забрали всѣхъ лошадей.

[52]) Между прочими курьерами, княземъ Щербатовымъ были посланы два курьера въ Полтавскую губернію: одинъ—прямо въ имѣніе С. Муравьева, село Хомутецъ, неизвѣстно за чѣмъ; другой къ Полтавскому генералъ-губернатору, съ сообщеніемъ наложить запрещеніе на имѣніе С. Муравьева.

[53]) С. Муравьевъ не принялъ въ соображеніе сего обстоятельства, и для того ему должно было не дожидать помощи, но самому стремиться въ тѣ полки, гдѣ находятся члены.

[54]) 3-го корпуса, 7-й дивизіи, баталіонъ Муромскаго полка, стоявшій въ городѣ Кіевѣ, одинъ изъ цѣлаго корпуса былъ посланъ противъ С. Муравьева, и то княземъ Щербатовымъ.

пленъ артиллеріей и нѣсколькими пѣхотными или конными полками, и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ; еслибы Поляки и жители западныхъ губерній приняли участіе въ семъ дѣлѣ, то правительство встрѣтило бы большія затрудненія въ усмиреніи мятежа.

Оставимъ догадки и предположенія и возвратимся къ печальной существенности,—къ нашему повѣствованію. Мы оставили поручика Сухинова на мѣстѣ сраженія. Скажемъ теперь, какимъ образомъ онъ избѣгъ, на нѣкоторое время, преслѣдованія правительства и по какому случаю подвергся потомъ одной участи съ своими товарищами. Сухиновъ, видя невозможность остановить и собрать разсѣянныхъ солдатъ, рѣшился самъ искать спасенія въ бѣгствѣ и пустился вслѣдъ за ними къ деревнѣ Пилиничинцамъ, отдѣленной отъ поля сраженія глубокимъ оврагомъ. Преслѣдуемый гусарами, онъ добѣжалъ до сего оврага и прямо бросился въ оный; снѣгъ былъ глубокъ и вязокъ; Сухиновъ никакъ не могъ выйти и уже думалъ, что тутъ кончилось его предпріятіе при самомъ началѣ. Но солдаты Черниговскаго полка, увидя любимаго ими офицера, съ опасностію жизни, бросились къ нему на помощь и, вытащивъ его изъ снѣга, перенесли на другую сторону оврага. Тщетно гусары, стоя на краю пропасти, приказывали имъ схватить офицера и привести назадъ; солдаты не повиновались сему приказанію: переправивъ Сухинова, они воротились и сдались гусарамъ. Часть преслѣдовавшихъ гусаръ окружила сдавшихся солдатъ и повела ихъ къ сборному мѣсту; другая поскакала кругомъ, съ намѣреніемъ перехватить Сухинова, который между тѣмъ перебѣжалъ поле, отдѣляющее оврагъ отъ деревни, и достигъ безопасно одной крестьянской избы. Увидя хозяина, онъ просилъ убѣжища; добрый крестьянинъ спряталъ его въ погребъ. Положеніе Сухинова было ужасно: вообразите человѣка въ глубокомъ, холодномъ погребу, терзаемаго горестными мыслями о несчастіи своихъ товарищей и лишеннаго всѣхъ надеждъ и ожиданій. Крики гусаръ, обыскивающихъ ближніе домы, безпрестанно напоминали ему объ угрожающей опасности и ожидающей его участи. Въ такомъ положеніи Сухиновъ пробылъ до наступленія ночи; жизнь казалась ему тяжкимъ бременемъ, отъ коего онъ желалъ освободиться какъ можно скорѣе. При свиданіи съ товарищами, разсказывая имъ свои приключенія, онъ чистосердечно признавался, что въ эти тягостныя минуты онъ дорого бы заплатилъ за вѣчный, безпробудный сонъ. «Сидя въ холодномъ погребѣ», говорилъ онъ, «слыша лошадиный топотъ и крики гусаръ, я рѣшился умереть. Со мною былъ заряженый пистолетъ: два раза клалъ оный къ себѣ въ ротъ, и два раза кремень осѣкался. Бросивъ, наконецъ, убійственное оружіе, я по-

думалъ, что мнѣ должно жить и ожидать другой участи». Вскорѣ послѣ сего пришелъ къ нему крестьянинъ и простымъ Малороссійскимъ нарѣчіемъ сказалъ: «идыте, пане, до хаты; нечутко никого; Москали побигли дале». Пришедъ въ избу, Сухиновъ подкрѣпилъ истощенныя свои силы ужиномъ, надѣлъ крестьянскую одежду хозяина и собрался въ дорогу. Прощаясь съ добрымъ крестьяниномъ, который, провожая, благословилъ нечаяннаго своего гостя, онъ отдалъ ему послѣднія шесть рублей серебромъ. Простодушный Малороссіянинъ долго не хотѣлъ принять сихъ денегъ, но усильныя просьбы Сухинова побѣдили, наконецъ, его безкорыстіе.

Уже было около 10 часовъ ночи, какъ Сухиновъ пошелъ прямо въ Гребенки, гдѣ жилъ знакомый ему Полякъ. Онъ постучалъ въ окно и просилъ пріюта. Полякъ, узнавъ Сухинова по голосу, вышелъ къ нему навстрѣчу, повелъ въ комнату и, разспрося о всемъ случившемся, благословлялъ Небо за спасеніе его пріятеля. Какъ онъ, такъ и его жена, осыпали Сухинова ласками, стараясь помочь ему во всемъ чѣмъ только могли. Они приняли всѣ предосторожности для отвращенія всякаго подозрѣнія; старались даже, чтобы дворовые люди не знали о приходѣ Сухинова. Хозяйка сама согрѣла воды и приготовила чай, между тѣмъ какъ хозяинъ пошелъ тихонько въ конюшню, запрегъ лошадь въ сани и, одѣвъ Сухинова въ свое платье, снабдилъ его 10 рублями на дорогу и отправилъ въ путь съ истиннымъ желаніемъ счастія. Благородный поступокъ Поляка и его жены выше всякихъ похвалъ: онъ самъ за себя говоритъ; за достовѣрность онаго ручается каждое благородное сердце (?). Прискорбно, что имя и фамилія сего великодушнаго человѣка останутся неизвѣстными, но онъ щедро награжденъ своею совѣстію.

Оставивъ деревню Гребенки, нашъ странникъ выѣхалъ на Богуславскую дорогу и въ первый ровъ бросилъ свое военное платье. Чрезъ нѣсколько дней онъ добрался до селенія Каменки, принадлежавшаго полковнику Василію Львовичу Давыдову. У Давыдова былъ штабъ-лекарь Зинькевичъ, прежде служившій въ Черниговскомъ полку и потому знакомый Сухинову. Зинькевичъ, увидя его, тотчасъ догадался, что онъ участвовалъ въ возмущеніи и ищетъ убѣжища. Сухиновъ съ откровенностію разсказывалъ Зинькевичу все случившееся. «Я надѣюсь», сказалъ онъ, кончивъ свой разсказъ, «что вы будете великодушны... (?) и дадите мнѣ способъ скрыться отъ поисковъ правительства». Зинькевичъ отвѣчалъ почти положительно, но былъ прерванъ приходомъ Давыдова, который, поговоривъ съ Зинькевичемъ, вывелъ его тотчасъ въ другую комнату. Черезъ нѣсколько минутъ, Зинькевичъ возвратился одинъ и объявилъ Сухинову, что правительство

ищетъ его повсюду и что онъ долженъ, не теряя времени, уѣхать туда, гдѣ думаетъ обмануть дѣятельность полиціи. «Я вамъ совѣтую», говорилъ онъ, «прошу васъ, требую, чтобы вы не оставались ни секунды не только здѣсь, но даже и въ имѣніи Давыдова; поѣзжайте скорѣе и куда хотите: я не хочу отвѣчать за васъ, Богъ съ вами!» Пораженный, какъ громовымъ ударомъ, Сухиновъ не могъ произнести ни одного слова. Онъ никакъ не думалъ найти такого пріема въ деревнѣ, принадлежавшей одному изъ главныхъ членовъ Южнаго Общества, никогда не полагалъ, чтобы прежній товарищъ, Зинькевичъ, такимъ образомъ его принялъ. Штабъ-лекарь, замѣтя смущеніе Сухинова, смѣшался и началъ извиняться: «Я неволенъ ни въ одномъ изъ своихъ поступковъ», сказалъ онъ между прочими извиненіями; «я служу у помѣщика и потому нахожусь въ зависимости, не могу ничего сдѣлать для васъ безъ его согласія, но радъ вамъ пособить всѣмъ чѣмъ могу и что̀ принадлежитъ собственно мнѣ. Я еще повторяю вамъ, что вы не найдете у меня убѣжища; скрывайтесь, если можете, въ другомъ мѣстѣ и поѣзжайте поскорѣе». Можетъ быть, опасеніе навлечь на себя подозрѣніе правительства заставило Зинькевича принять такимъ образомъ несчастнаго своего товарища; но Сухиновъ всегда думалъ и, въ послѣдствіи, говорилъ своимъ товарищамъ, что Зинькевичъ можетъ быть и не сдѣлалъ бы сего безъ особеннаго внушенія со стороны Давыдова.

Огорченный Сухиновъ запрегъ свою лошадь и, простившись съ Зинькевичемъ, собрался въ дорогу. Когда онъ уже сѣлъ въ сани, Зинькевичъ подошелъ къ нему, далъ ему нѣсколько рублей сер. и, прощаясь, просилъ Сухинова убѣдительно не открывать правительству своего пребыванія въ Каменкѣ, если по несчастію, онъ не успѣетъ уѣхать за границу. Сухиновъ, поблагодаривъ своего товарища за денежное вспоможеніе, сказалъ: «относительно моей скромности, я васъ увѣряю, что никогда не вспомню ни о Каменкѣ, ни о ея владѣльцѣ». Такимъ образомъ, онъ выѣхалъ изъ деревни днемъ, пробывъ въ ней не болѣе часа. Между тѣмъ, правительство разослало повсюду объявленіе о бѣжавшемъ Сухиновѣ, съ описаніемъ его примѣтъ и съ строгимъ повелѣніемъ доставить его въ руки начальства; вездѣ производились розыски. Пріѣхавъ въ Александрію, Херсонской губерніи, Сухиновъ отыскалъ своего роднаго брата, служившаго тамъ въ гражданской службѣ, и былъ принятъ имъ съ братскимъ участіемъ; но, какъ человѣкъ недостаточный, онъ ничѣмъ не могъ ему помочь и, живя въ наемномъ домѣ, не рѣшался долго скрывать его у себя. Посему Сухиновъ, пробывъ въ Александріи нѣсколько дней, написалъ себѣ па-

спортъ отставнаго офицера и поѣхалъ въ Кишиневъ, съ цѣлою пробраться въ Турецкія владѣнія. Путь его къ Кишиневу былъ весьма труденъ и опасенъ; очень часто онъ думалъ, что его узнають, часто онъ читалъ объявленія правительства о бѣжавшемъ мятежникѣ Сухиновѣ. Иногда ему случалось ночевать вмѣстѣ съ отыскивавшими его чиновниками; нѣсколько разъ спрашивали его: «не случалось ли ему встрѣтить гдѣ-нибудь человѣка съ такими-то примѣтами, прозываемаго Сухиновъ?» Наконецъ, послѣ долгаго и труднаго странствованія, онъ пріѣхалъ въ Кишиневъ 6 Февраля 1826 года и остановился у одного мѣщанина. Распросивъ въ городѣ, у разныхъ людей, дорогу и мѣсто переправы черезъ Прутъ и узнавши, что очень легко сіе исполнить, онъ рѣшился, наконецъ, оставить Кишиневъ и вмѣстѣ съ нимъ отечество. «Горестно было разставаться съ родиною», говорилъ онъ послѣ съ сильнымъ чувствомъ своимъ товарищамъ: «я прощался съ Россіею какъ съ родною матерью, плакалъ и безпрестанно бросалъ взоры свои назадъ, чтобы взглянуть еще разъ на Русскую землю. Когда я подошелъ къ границѣ, мнѣ было очень легко переправиться черезъ Прутъ и быть внѣ опасности; но, увидя предъ собою рѣку, я остановился... Товарищи, обремененные цѣпями и брошенные въ темницы, представились моему воображенію... Какой-то внутренній голосъ говорилъ мнѣ: ты будешь свободенъ, когда ихъ жизнь пройдетъ среди бѣдствій и позора; я почувствовалъ, что румянецъ покрылъ мои щеки; лице мое горѣло, я стыдился намѣренія спасти себя, я упрекалъ себя за то, что хочу быть свободнымъ... и возвратился назадъ въ Кишиневъ!... Пробывъ нѣсколько дней въ городѣ у прежняго своего хозяина, я снова вознамѣрился бѣжать, опять на берегу Прута,—таже тяжесть разстаться съ родиною, я опять тотъ же упрекъ совѣсти, и я опять возвратился снова въ Кишиневъ.» Когда онъ возвратился во второй разъ въ Кишиневъ, онъ былъ уже безъ денегъ. Тутъ онъ продалъ лошадь, подаренную ему въ Гребенкахъ Полякомъ, рѣшился остаться въ Россіи и не укрываться отъ поисковъ правительства. Безъ всякой предосторожности написалъ онъ къ своему отцу, гдѣ подробно изобразилъ свое положеніе, мѣсто своего пребыванія и отослалъ сіе письмо на почту. Между тѣмъ, хозяинъ дома началъ подозрѣвать своего постояльца. 15 Февраля Сухиновъ сидѣлъ одинъ въ дальней комнатѣ, преданный самымъ мрачнымъ мыслямъ, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою полиціймейстера, который, посмотрѣвъ на него пристально, вышелъ вонъ, не сказавъ ни слова. Нельзя было не догадаться, что его узнали; но Сухиновъ спокойно ожидалъ своей участи. Вскорѣ послѣ сего пріѣхалъ генералъ Желтухинъ съ помянутымъ полиціймейстеромъ. На вопросъ генерала: «кто онъ таковъ?» Сухиновъ отвѣчалъ смѣло: «офицеръ Черниговскаго

полка; послѣ разбитія С. Муравьева, я бѣжалъ, скрывался до сихъ поръ въ Кишиневѣ и другихъ мѣстахъ; я съ радостію отдаюсь въ руки правительства, мнѣ тягостно мое положеніе.» По приказанію Желтухина, его тотчасъ повели на гауптвахту, гдѣ заковали ему руки и ноги. На другой день онъ былъ отправленъ въ Одессу. Дорога изъ Кишинева въ Одессу была весьма тягостна для Сухинова: цѣпи, обременявшія его руки и ноги, были столь тѣсны, что желѣзо впилось въ тѣло. Холодная и сырая погода, трудный путь, боль, производимая цѣпями, разстроили его здоровье; раны, полученныя имъ въ отечественную войну, открылись, и онъ чувствовалъ лихорадку (Сухиновъ служилъ въ отечественную войну въ Лубенскомъ гусарскомъ полку, получилъ въ разныхъ сраженіяхъ противъ Французовъ семь ранъ, лѣвая рука была сильно разрублена и въ другой разъ прострѣлена пулею).

Въ Одессѣ онъ былъ представленъ немедленно графу Воронцову, который принялъ его очень ласково и оказалъ величайшее соболѣзнованіе. Цѣпи съ Сухинова были сняты, по приказанію графа. Ему была отведена особенная комната въ домѣ генералъ-губернатора, дано новое бѣлье, предложенъ обѣдъ и ужинъ. На другой день поутру, на Сухинова набили тѣже самыя желѣза и, подъ присмотромъ частнаго пристава, отправили въ главную квартиру, въ городъ Могилевъ. Обхожденіе полицейскаго чиновника было грубо и даже жестоко. Сухиновъ переносилъ оное съ терпѣніемъ. Пріѣхавъ въ Житомиръ, частный приставъ остановился въ трактирѣ обѣдать. Сухиновъ, пользуясь симъ, просилъ позволенія отдохнуть нѣсколько времени, представляя ему, что открывшіяся раны и растройство здоровья лишаютъ его возможности продолжать по прежнему дорогу. Грубости были отвѣтомъ на его просьбу. Сухиновъ, выведенный изъ терпѣнія и раздраженный жестокостями частнаго пристава, схватилъ ножъ, лежавшій на столѣ и, бросившись на него: «я тебя, каналью, положу съ одного удара», вскричалъ въ бѣшенствѣ Сухиновъ, «мнѣ одинъ разъ отвѣчать; но твоя смерть послужитъ примѣромъ другимъ мошенникамъ, подобнымъ тебѣ». Испуганный полицейскій чиновникъ упалъ на колѣни и, дрожа весь отъ страха, просилъ прощенія во всѣхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ имъ Сухинову, обѣщалъ впередъ быть вѣжливымъ и дѣлать все что̀ отъ него будетъ зависѣть. Частный приставъ сдержалъ свое слово: отъ Житомира до Могилева заботился о Сухиновѣ, какъ о своемъ родномъ, позволялъ ему отдыхать, самъ перевязывалъ ему раны, былъ учтивъ и вѣжливъ. Угрозы сдѣлали его совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Поступокъ Сухинова, во всякомъ случаѣ достойный порицанія, который могъ даже усугубить его положеніе, былъ ему на этотъ разъ полезенъ. Страхъ заставилъ испорченное и грубое сердце вспомнить о томъ, что̀ требуетъ

отъ насъ несчастный, изнемогающій подъ бременемъ судьбы. Въ концѣ Февраля, Сухиновъ прибылъ въ главную квартиру 1-й арміи, гдѣ уже по высочайшему повелѣнію производилось слѣдствіе.

Для полноты разсказа, упомянемъ о дѣйствіи Славянъ, служившихъ въ Полтавскомъ пѣхотномъ полку: оно въ тѣсной связи съ возстаніемъ С. Муравьева. Мы уже видѣли, что оно случилось неожиданно для бóльшей части членовъ тайныхъ обществъ; что нѣкоторые узнали о семъ происшествіи вмѣстѣ съ разбитіемъ, а иные, хотя узнали прежде, но не хотѣли или не могли содѣйствовать оному. Другіе же, напротивъ, полагая, что Черниговскій полкъ возсталъ по предварительному намѣренію и будучи увѣрены, что сіе возстаніе есть и исполненіе заранѣе-обдуманнаго плана,—только что услышавъ о происшествіи 29 и 30 Декабря, рѣшились сами дѣйствовать. Такимъ образомъ, члены Славянскаго Общества, служившіе въ Полтавскомъ полку, почитая священною обязанностію исполнить слово, данное во время присоединенія къ Южному Обществу, и думая, что возмущеніе Черниговскаго полка есть знакъ ко всеобщему возстанію, хотѣли немедленно слѣдовать влеченію сихъ чувствъ, но встрѣтили препятствіе въ своемъ полковомъ командирѣ, Тизенгаузенѣ, членѣ Южнаго Общества. Разскажемъ подробно сіе происшествіе: оно рѣзко обозначиваетъ характеръ лицъ, участвовавшихъ въ семъ дѣлѣ и представляетъ полезныя наблюденія изучающему человѣческое сердце.

Въ 1824 году былъ принятъ въ Славянское Общество юнкеръ Драгомановъ, молодой человѣкъ, получившій хорошее воспитаніе. Природныя его дарованія были развиты занятіями, дѣятельною жизнію и желаніемъ образовать себя еще болѣе. Вступивъ въ Общество, онъ былъ ревностнѣйшимъ членомъ онаго, участвовалъ во всѣхъ совѣщаніяхъ въ лагерѣ подъ Лещинымъ и зналъ условія, на коихъ соединились два общества. Хотя онъ былъ недовѣрчивъ и не полагалъ, что можно такъ скоро освободить Россію, однакожъ вѣрилъ силѣ Южнаго Общества и надѣялся на успѣхъ замышляемаго переворота. Будучи убѣжденъ, что для возмущенія полка необходимо принять въ общество ротныхъ командировъ, способныхъ дѣйствовать на солдатъ, и зная, что въ Полтавскомъ полку, кромѣ полковаго командира Тазенгаузена, поручика Усовскаго и Бестужева-Рюмина, нѣтъ ни одного члена,—онъ рѣшился тотчасъ послѣ Лещинскаго лагеря увеличить число оныхъ. Вслѣдствіе сего намѣренія, онъ принялъ въ Общество двухъ ротныхъ командировъ: поручика Троцкаго и подпоручика Трусова, пылкихъ и рѣшительныхъ молодыхъ людей; сообщилъ имъ все извѣстное о дѣлахъ и намѣреніяхъ Тайнаго Общества, взялъ обѣщаніе дѣйствовать по общему плану и поднять знамя свободы при первомъ знакѣ къ

возстанію. За три мѣсяца до возстанія Черниговскаго полка, Тизенгаузенъ съ своимъ полкомъ занялъ крѣпость Бобруйскъ для содержанія въ оной караула. Драгомановъ, Усовскій, Троцкій и Трусовъ, будучи отдалены отъ своей дивизіи, не знали, что́ происходитъ въ оной. Отъ Бестужева-Рюмина, который никогда не жилъ въ полку, они не имѣли никакого извѣстія; онъ ихъ не увѣдомлялъ даже, что̀ намѣрены предпринять члены Тайнаго Общества послѣ смерти Государя. По сему они слѣдовали правиламъ, положеннымъ въ Лещинѣ: «дѣйствовать медленно на солдатъ и офицеровъ, но быть въ готовности на все». С. Муравьевъ не заботился о нихъ и вѣроятно забылъ, что они существуютъ: онъ видѣлъ одного Тизенгаузена и всю надежду полагалъ на него; Тизенгаузенъ же, съ своей стороны, не имѣя въ душѣ намѣренія способствовать къ возстанію и показывая себя свободолюбивымъ изъ какихъ-то личныхъ по службѣ неудовольствій, никогда не заботился объ офицерахъ и солдатахъ и съ первыми не имѣлъ никакого сношенія по дѣламъ Общества. Обхожденіе Тизенгаузена съ офицерами было, въ полномъ смыслѣ, предосудительно. При каждомъ случаѣ, онъ обнаруживалъ деспотическій и мстительный характеръ; лучшіе офицеры вышли изъ его полка, другіе намѣревались оставить оный; обращеніе его съ солдатами было еще хуже: на него жаловались какъ на грабителя и притѣснителя подчиненныхъ [55]).

Въ началѣ Генваря 1826 года, въ Бобруйскѣ Полтавскій полкъ вступилъ въ свою очередь въ караулъ. За нѣсколько часовъ до развода, разнесся слухъ о возстаніи Черниговскаго полка. Трусовъ и Троцкій, думая воспользоватьтя случайнымъ сборомъ полка, немедля нимало, положили взбунтовать полкъ и завладѣть крѣпостью Бобруйскомъ. Пылая рвеніемъ подражать Черниговцамъ и полагаясь на содѣйствіе Тизенгаузена, какъ ревностнаго члена Южнаго Общества (?), сіи офицеры, при вступленіи полка въ разводъ, обнажили шпаги и, выбѣжавъ впередъ, закричали: «Товарищи,—солдаты, за нами! Черниговцы возстали. Стыдно намъ отъ нихъ отстать; они сражаются за вашу свободу, за свободу Россіи; они надѣются на нашу помощь; пособимъ имъ,—впередъ, ура!» Всѣ офицеры были поражены поступкомъ Троцкаго и Трусова. Нечаянность сего поступка навела на всѣхъ какую-то неподвижность и оцѣпенѣніе; солдаты поколебались, въ рядахъ раздался гулъ, и еслибъ хотя одинъ изъ нихъ выбѣжалъ впередъ, безъ сомнѣнія онъ увлекъ бы

[55]) Сіе мнѣніе было общимъ въ 3-мъ корпусѣ, а особливо въ 9-й дивизіи. Положительно можно сказать, что Тизенгаузена офицеры и солдаты ненавидѣли. На счетъ его характера, деспотическаго и мстительнаго, можно было-бы множество примѣровъ привести. Кто служилъ въ 3-мъ корпусѣ, то всѣ знаютъ ихъ.

многихъ. Можетъ быть, нужно было одного человѣка, одной минуты, и Бобруйскъ былъ бы въ рукахъ Общества; но какая-то невидимая сила держала солдатъ и офицеровъ какъ прикованныхъ къ одному мѣсту. Троцкій и Трусовъ, пробѣгая ряды, продолжали убѣждать солдатъ; но Тизенгаузенъ, стоявшій съ начала сего дѣйствія въ отдаленіи, тотчасъ догадался о чемъ идетъ дѣло. Подбѣжавъ къ Троцкому и Трусову, онъ приказалъ ихъ схватить и связать, какъ негодныхъ бунтовщиковъ. Ему повиновались немедленно: ихъ схватили и тутъ же, предъ полкомъ, связали. Троцкаго и Трусова сейчасъ отвели на гауптвахту, гдѣ Тизенгаузенъ приказалъ имъ набить кандалы на руки и ноги. Потомъ написалъ рапортъ о семъ происшествіи къ главнокомандующему 1-ю арміей и при семъ рапортѣ отправилъ Троцкаго и Трусова, черезъ часъ, въ городъ Могилевъ. Тѣ которые читали сей рапортъ говорятъ что полковникъ Тизенгаузенъ не позабылъ ничего, могущаго очернить сихъ офицеровъ; онъ былъ, такъ - сказать, наполненъ словами: пьяницы, разбойники, бунтовщики, развратники, грабители и пр. По пріѣздѣ въ Могилевъ, Троцкій и Трусовъ, въ тотъ же день, были отправлены въ Петербургъ, изъ коего, по прошествіи сутокъ (?), были снова отосланы въ главную квартиру, съ повелѣніемъ кончить дѣло въ 24 часа. По прошествіи сего времени, имъ была прочтена военносудною комиссіею сентенція, коей они приговорены къ смерти; но конфирмаціею главнокомандующаго сіе наказаніе смягчено и перемѣнено въ вѣчно-крѣпостную работу. Они подверглись своему наказанію на мѣстѣ преступленія; чрезъ два дня ихъ отправили въ крѣпость Бобруйскъ. Когда Троцкаго и Трусова представили коменданту сей крѣпости, генералу Безаку, который ихъ лично зналъ, онъ имъ сказалъ: «вы меня простите, я нисколько не могу смягчить вашей участи; вы по такому дѣлу сосланы сюда, что я ничего не въ состояніи для васъ сдѣлать.» Имъ тутъ же выбрили головы, надѣли каторжное платье и отослали тотчасъ въ работу.

Описавъ возстаніе Черниговскаго полка и горестный конецъ сего предпріятія, мы почитаемъ необходимымъ сказать, какой жребій постигъ всѣхъ участвовавшихъ въономъ. Всѣ офицеры Черниговскаго полка были привезены въ Могилевъ и тамъ преданы военному суду при главной квартирѣ, исключая капитана Фурмана и С. Муравьева, которые судились въ Петербургѣ. Мы не будемъ говорить, какимъ образомъ производилось дѣло, о чемъ подсудимыхъ спрашивали и что̀ они показывали. Мы только скажемъ, что въ Могилевѣ было двѣ коммиссіи военнаго суда, изъ коихъ одна разбирала дѣло о 40 человѣкахъ, служившихъ въ разныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полкахъ и артиллерійскихъ ротахъ и взятыхъ по подозрѣніямъ и показаніямъ, а во

второй судились 13 человѣкъ офицеровъ Черниговскаго полка и еще 17-го егерскаго полка, подпоручикъ Дмитрій Молчановъ. Каждый изъ офицеровъ Черниговскаго полка содержался въ особой комнатѣ. Соловьевъ, Сухиновъ, Быстрицкій и Мозгалевскій были закованы, во все время суда, въ желѣза. Монастырь, принадлежавшій прежде Іезуитамъ, служилъ темницею симъ офицерамъ. Судъ былъ конченъ въ концѣ Мая мѣсяца, и 13 Іюля въ Могилевѣ были прочтены сентенціи офицерамъ, бѣжавшимъ изъ полка во время возстанія, а именно: Рыбаковскому, Кондыреву, князю Мещерскому, Апостолъ-Кегичу и Белелюбскому, кои были приговорены къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости и, по истеченіи сего срока, къ зачисленію въ полки тѣми же чинами. Петинъ, Войниловичъ, Жизневскій и Маевскій, были лишены чиновъ и дворянскаго достоинства и сосланы рядовыми въ дальніе сибирскіе гарнизоны. Соловьеву, Сухинову, Мозгалевскому и Быстрицкому въ Могилевѣ не читали конфирмованныхъ сентенцій; они, 18 Іюня, были отправлены въ городъ Острогъ, гдѣ квартировалъ новосформированный Черниговскій полкъ. 22 или 23 Іюля, на другой день ихъ пріѣзда въ помянутый городъ, новый Черниговскій полкъ былъ собранъ на городской площади, подъ командою излечившагося отъ ранъ полковника Гебеля [56]). Для исполненія сентенціи назначенъ былъ начальникъ штаба 3-го корпуса, князь Горчаковъ. Первые были выведены передъ полкъ Соловьевъ и Быстрицкій, которымъ [57]) на квартирѣ сняли желѣза. Соловьеву прочли сентенцію, въ коей, между прочимъ сказано было: «переломить шпагу предъ полкомъ; съ имѣнія взыскать деньги за растраченныя казенныя вещи во время бунта; подвесть на мѣстѣ преступленія, въ городѣ Васильковѣ, подъ висѣлису», и пр.; Быстрицкаго же, разжаловавъ и переломивъ шпагу предъ полкомъ, сослать на вѣчно въ каторжную работу. По исполненіи сего, ихъ тутъ же, на площади, заковали въ желѣза. Быстрицкаго прямо отвели въ городскую тюрьму, для отсылки въ Сибирь, а Соловьева посадили на приготовленную кибитку и отправили въ Житомиръ. Потомъ привели предъ полкъ Сухинова и Мозгалевскаго: имъ была прочтена сентенція таже самая, что̀ и Соловьеву. Когда Сухиновъ услышалъ слова: «сослать въ вѣчно-каторжную работу въ Сибирь», то громко сказалъ: «и

---

[56]) Гебель въ сіе время назначенъ уже былъ комендантомъ въ городъ Кіевъ, но, за неприбытіемъ новаго полковаго командира, продолжалъ командовать Черниговскимъ полкомъ.

[57]) Соловьевъ былъ въ одной рубашкѣ и халатѣ. Генералъ прислалъ ему сюртукъ и рейтузы, чтобы одѣться для церемоніи. Соловьевъ не принялъ сего и пошелъ къ слушанію сентенціи въ томъ въ чемъ былъ прежде, и въ этомъ же самомъ платьѣ дошелъ съ партіею до Москвы.

въ Сибири есть солнце»... Но князь Горчаковъ не далъ ему докончить, закричавъ съ бѣшенствомъ, чтобы онъ молчалъ и грозя, что будетъ за это непремѣнно во второй разъ отданъ подъ судъ. Говорятъ даже, что начальникъ штаба хотѣлъ привести въ исполненіе сію угрозу, но генералъ Ротъ не согласился. Соловьевъ, Сухиновъ и Мозгалевскій, привезенные изъ города Острога, содержались въ Житомирѣ цѣлый мѣсяцъ и потомъ отправлены были въ городъ Васильковъ. 23 Августа, на другой день ихъ пріѣзда въ сей городъ, они были выведены на городскую площадь, на которой собранъ былъ Тамбовскій пѣхотный полкъ, занимавшій въ сіе время прежнія квартиры стараго Черниговскаго полка, и баталіонъ, составленный изъ солдатъ выбранныхъ изъ всѣхъ ротъ каждаго полка 9-й дивизіи. На площади стояла огромная висѣлица; народъ тѣснился кругомъ площади, какъ бы въ ожиданіи какого-нибудь необыкновеннаго зрѣлища. Помѣщики, не только Кіевскіе, но изъ Полтавской и Черниговской губерній, пріѣхали въ Васильковъ съ своими семействами единственно для того, чтобы увидѣть, какимъ образомъ повѣсятъ бунтовщиковъ. Кровли домовъ и заборы все было унизано зрителями. По вторичномъ прочтеніи читанной уже сентенціи, палачъ каждаго изъ нихъ обводилъ кругомъ висѣлицы и оставилъ всѣхъ трехъ нѣкоторое время подъ оною. Тутъ же къ висѣлицѣ прибили доску съ именами Щепилы, Кузьмина и Ип. Муравьева. По окончаніи сей церемоніи, Соловьевъ и его товарищи были сданы офицеру инвалидной команды, который ихъ отвелъ въ городскую тюрьму.

Изъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ возстаніи Черниговскаго полка и бывшихъ въ походѣ съ С. Муравьевымъ, военнымъ судомъ приговорено было къ наказанію 120 человѣкъ, изъ коихъ нѣсколько были осуждены къ прогнанію сквозь строй чрезъ 12 тысячъ и къ сосланію въ Сибирь въ каторжную работу; прочіе чрезъ 8, 6, 5, 2 и 1000 человѣкъ; нѣкоторые только къ 500 или 200 ударовъ палками предъ полкомъ, и съ сосланіемъ въ Грузію на службу. Тѣ изъ солдатъ, которые не были наказаны, отправились въ Грузію всѣ вмѣстѣ; наказанные же отправлены туда по 12 человѣкъ въ партіи, подъ конвоемъ. Сіи приговоры приведены были въ исполненіе въ Бѣлой Церкви, генералъ-маіоромъ Вреде. Тамбовскій и Саратовскій полки назначены были для экзекуціи. Человѣколюбіе генералъ-маіора Вреде заслуживаетъ особенной похвалы. Онъ просилъ солдатъ щадить своихъ товарищей, говоря, что ихъ поступокъ есть слѣдствіе заблужденія, а не злаго умысла. Его просьбы не остались тщетными: всѣ нижніе чины были наказываемы весьма легко; но въ числѣ сихъ несчастныхъ находились разжалованные прежде изъ офицеровъ—Грохольскій и Ракуза и были приговорены къ наказанію шпицрутеномъ черезъ шесть тысячъ чело-

вѣкъ. Незадолго до экзекуціи между солдатами пронесся слухъ, что Грохольскій и Ракуза лишены офицерскаго званія за возстаніе Черниговскаго полка и, не взирая на сіе, приговорены судомъ къ тѣлесному наказанію. Мщеніе и негодованіе возродилось въ сердцахъ солдатъ: они радовались случаю отомстить своими руками за притѣсненія и несправедливости, испытанныя, болѣе или менѣе, каждымъ изъ нихъ отъ дворянъ. Не разбирая на кого падетъ ихъ мщеніе, они ожидали минуты съ нетерпѣніемъ: ни просьбы генерала Вреде, ни его угрозы, ни просьбы офицеровъ, — ничто не могло остановить ярости бѣшеныхъ солдатъ; удары сыпались градомъ; они не били сихъ несчастныхъ, но рвали кусками мясо съ какимъ-то наслажденіемъ. Грохольскаго и Ракузу вынесли изъ линіи почти мертвыми. Отецъ Грохольскаго, богатый помѣщикъ Смоленской губерніи, далъ своему сыну весьма хорошее воспитаніе и опредѣлилъ его въ Полтавскій полкъ, гдѣ, въ скоромъ времени, онъ дослужился до капитанскаго чина; но, не взирая на то, что кротость и благородство души составляли отличительныя черты его характера и внушали любовь и уваженіе каждому, Грохольскій, оскорбленный баталіоннымъ командиромъ, имѣлъ несчастіе ударить его въ щеку. За сей поступокъ онъ былъ лишенъ всего и записанъ въ рядовые въ Черниговскій полкъ. Мы не знаемъ, гдѣ и когда онъ познакомился съ одною благородною дѣвицею, полюбилъ ее, былъ любимъ взаимно. Родители сей дѣвицы согласились на ихъ бракъ; Грохольскій былъ уже обрученъ и ожидалъ только перемѣны своей участи, чтобы назвать ее своею; но возстаніе С. Муравьева разрушило счастіе двухъ любовниковъ. Услыша объ арестѣ Грохольскаго, его невѣста пріѣхала въ Бѣлую Церковь и просила тамошнее начальство о дозволеніи видѣться съ Грохольскимъ; ей было дозволено, и она, воспользовавшись этимъ, каждый день по нѣскольку часовъ проводила въ тюрьмѣ съ злополучнымъ женихомъ своимъ. Ея родители и самъ Грохольскій просили ее оставить Бѣлую Церковь и возвратиться домой, но всѣ просьбы были напрасны. Въ роковой день экзекуціи, невѣста Грохольскаго прибѣжала на лобное мѣсто; видъ ея жениха, терзаемаго безчеловѣчными палачами, его невольные стоны, смутили ея разсудокъ: въ безпамятствѣ, она бросилась на солдатъ, желая исторгнуть изъ ихъ рукъ несчастнаго страдальца; ее остановили отъ сего безполезнаго предпріятія и отнесли домой. Сильная нервическая горячка была слѣдствіемъ сего послѣдняго свиданія. Во все продолженіе краткой своей болѣзни, она слышала стонъ своего друга, видѣла кровь его и старалась остановить свирѣпыхъ его мучителей. Искусство врачей было безполезно, и въ тотъ же самый вечеръ смерть прекратила ея страданія.—Ракуза былъ изъ Польскихъ дворянъ, служилъ въ

Пензенскомъ полку поручикомъ, и за такую же вину какъ Грохольскій, былъ разжалованъ въ солдаты, въ Черниговскій полкъ. Во время суда, онъ помѣшался въ умѣ, но сіе помѣшательство не спасло его отъ жестокаго тѣлеснаго наказанія.—Бывшій командиръ 17 артиллерійской бригады, полковникъ Башмаковъ, извѣстный въ арміи своею храбростію и разжалованный въ 1820 году въ солдаты, съ зачисленіемъ въ Черниговскій полкъ, за растрату артельныхъ суммъ, по участію его въ дѣлахъ Тайнаго Общества, былъ приговоренъ къ наказанію шпицрутеномъ чрезъ 12 тысячъ человѣкъ и къ сосланію въ Сибирь въ каторжную работу. Неизвѣстно, былъ ли онъ наказанъ или нѣтъ; но только извѣстно, что, въ послѣдствіи, онъ былъ сосланъ на поселеніе, Тобольской губерніи въ городъ Тару.

Участь, постигшая С. Муравьева, какъ начальника возстанія, и Бестужева-Рюмина, какъ ревностнѣйшаго члена Общества, всѣмъ извѣстна. И такъ возвратимся къ Соловьеву, Сухинову, Мозгалевскому и Быстрицкому, которыхъ мы—трехъ первыхъ—оставили въ городѣ Васильковѣ, а послѣдняго—въ городѣ Острогѣ, и для которыхъ, съ сего времени, началась новая эпоха жизни и бѣдствій. Въ тотъ же день, когда они стояли подъ висѣлицею, они были отправлены чрезъ внутреннюю стражу въ Кіевъ. Въ семъ городѣ они нашли больнаго горячкою Быстрицкаго; его болѣзнь помѣшала немедленному ихъ отправленію въ Сибирь, и они пробыли въ Кіевѣ съ 23 Августа по 5 Сентября, въ ожиданіи выздоровленія ихъ товарища. Во все это время съ нихъ не снимали желѣзъ. Однажды полковникъ Дуровъ, Кіевскій полиціймейстеръ, пріѣхалъ въ тюрьму, въ которой содержались бывшіе Черниговскіе офицеры и объявилъ имъ, что нѣкоторые жители Кіева, зная ихъ бѣдность и нужду, прислали чрезъ него нѣкоторую сумму денегъ и просятъ ихъ принять оныя не какъ подаяніе, но какъ пособіе изъ человѣколюбія и участія соотечественниковъ. Соловьевъ и его товарищи благодарили добрыхъ Кіевлянъ, но не приняли предложенныхъ имъ денегъ, хотя нуждались какъ въ деньгахъ, такъ и въ платьѣ. При переводѣ въ гусарскій полкъ, Сухиновъ заказалъ Кіевскому портному полную офицерскую обмундировку, но не успѣлъ взять сшитаго платья до несчастнаго возстанія Черниговскаго полка. По прибытіи своемъ въ Кіевъ, онъ вознамѣрился продать оное и употребить вырученныя деньги на содержаніе свое и своихъ товарищей во время дороги въ Сибирь, почему и просилъ полиціймейстера взять сіе платье у портнаго и продать оное хоть за 1.000 рублей. Охотно на сіе согласился Дуровъ, но на другой день началъ отговариваться отъ взятаго на себя обязательства. Предлоги сего отказа были самые

ничтожные: между прочимъ онъ говорилъ, что невозможно продать платье до ихъ отправленія и совѣтовалъ Сухинову, для избѣжанія безполезныхъ хлопотъ, отдать свои вещи на церковь. Услышавъ такой совѣтъ, Сухиновъ не могъ удержаться отъ смѣха. «Ваше предложеніе кажется мнѣ страннымъ», сказалъ онъ полиційместеру; «ужели вы не знаете, что я и трое моихъ товарищей должны идти 7.000 верстъ безъ платья и денегъ?» Дуровъ не противорѣчилъ, но съ сего времени до самаго отправленія, Сухиновъ не видалъ въ глаза ни полиціймейстера, ни платья, ни денегъ.

Легко представить себѣ положеніе Черниговскихъ офицеровъ безъ всякаго пособія, безъ родныхъ, безъ знакомыхъ, оставленныхъ и забытыхъ всѣми. Они отправились въ Москву, полуодѣтые, имѣя при себѣ два рубля серебромъ. Наготу барона Соловьева прикрывали рубашка и старый халатъ. При отправленіи своемъ изъ Кіева, они видѣлись въ канцеляріи съ 12 человѣками своего полка солдатъ и съ 14-лѣтнимъ разжалованнымъ юнкеромъ, назначеннымъ въ Грузію; ихъ свиданіе было трогательно; нечаянная встрѣча заставила ихъ на минуту забыть свое несчастіе. Слезы катились изъ глазъ добрыхъ солдатъ, видя бѣдственное положеніе своихъ офицеровъ; они хотѣли утѣшать ихъ, но ихъ утѣшенія обращались въ простыя, но сильныя выраженія горести. Соловьевъ и его товарищи отдали своимъ сослуживцамъ послѣдніе два рубля серебромъ и не иначе могли ихъ заставить принять оные, какъ обманомъ, увѣря, что они имѣютъ деньги и ожидаютъ еще скорой помощи отъ родныхъ; сами же пошли на кормовыхъ, которыхъ полагается по 12 коп. въ сутки.

5 Сентября 1826 года, съ партіею арестантовъ они отправились въ Москву, черезъ города Козелецъ, Нѣжинъ, Глуховъ, Орелъ и Калугу. Не станемъ описывать трудностей сей дороги: никакое перо не можетъ изобразить оныхъ и, можетъ быть, самое пламенное и самое мрачное воображеніе не въ состояніи представить себѣ страданій испытанныхъ нашими изгнанниками. Безъ одежды, безъ денегъ, оставленные на произволъ судьбы, преданные самовластію каждаго командира инвалидной команды, они испытывали всѣ физическія и нравственныя мученія. Днемъ они подвергались всѣмъ перемѣнамъ осенней погоды и не имѣли средствъ защитить себя отъ холода и дождя; ночью смрадная и тѣсная тюрьма, вмѣсто отдыха, была для нихъ новымъ истязаніемъ. Сообщество воровъ, разбойниковъ, бродягъ и распутныхъ женщинъ внушало отвращеніе къ жизни и презрѣніе къ человѣчеству. Въ городѣ Кромахъ, Орловской губерніи тюрьма, въ коей они провели ночь, была настоящею пыткою и сдѣлалась почти губительною

для нихъ. Въ двухъ маленькихъ комнатахъ набито было полно арестантовъ, между коими находилось нѣсколько больныхъ женщинъ, которыя, изъ религіознаго фанатизма, отрѣзали себѣ груди и были оставлены безъ всякаго пособія; тѣла ихъ были почти полусгнившія; смрадъ былъ такой, что къ нимъ близко никто не подступалъ. Кромѣ сего, тѣснота, жаръ и дурной запахъ дѣлали сію тюрьму нестерпимою. Соловьевъ провелъ всю ночь у маленькаго тюремнаго окошка; его товарищи спали подъ нарами, на сыромъ и нечистомъ полу, но и въ семъ успокоеніи они должны были очередоваться, по причинѣ чрезмѣрной тѣсноты: когда одинъ лежалъ, другіе двое стояли. На другой день послѣ сего ночлега, баронъ Соловьевъ и Мозгалевскій заболѣли; смрадныя и тѣсныя тюрьмы совершенно разстроили ихъ здоровье; съ желѣзами на рукахъ и на ногахъ, они не могли даже перемѣнить рубашку (у нихъ были на рукахъ такъ-называемые наручники, т. е. желѣзная палка, не имѣющая посрединѣ ни одного кольца). Съ ними сдѣлалась сильная горячка, такъ-что они ничего не помнятъ о случившемся съ ними во время ихъ дороги отъ Калуги до Москвы. Когда въ Москву входила партія, они до того были слабы, что, лежавши на подводахъ своихъ арестантскихъ вещей, были привязаны веревками къ повозкѣ. Сухиновъ и Быстрицкій кое-какъ еще держались на ногахъ, но по пришествіи въ Москву, также заболѣли горячкою и были, всѣ четверо, помѣщены въ госпиталь, въ Московскомъ замкѣ находящійся.

По прошествіи нѣкотораго времени, здоровье ихъ начало поправляться. Съ ними вмѣстѣ въ тюремномъ замкѣ содержались подъ арестомъ: прапорщикъ конно-піонернаго эскадрона Молчановъ и гвардейскаго конно-егерскаго полка капитанъ Алексѣевъ, за стихи написанные ими на смерть С. Муравьева, Рылѣева, Пестеля, Бестужева (Рюмина) и Каховскаго. Соловьевъ и его товарищи познакомились съ сими офицерами и проводили съ ними время, какъ обыкновенно проводятъ время въ тюрьмахъ. Одна твердость характера спасла ихъ: хладнокровное терпѣніе, презрѣніе ко всѣмъ гоненіямъ рока, безпечность и беззаботливость о будущемъ, были единственными средствами спасенія ихъ отъ унынія,—самой ужасной изъ нравственныхъ болѣзней въ семъ положеніи. Однажды, однообразная ихъ жизнь была прервана приходомъ въ Московскій за̀мокъ бывшихъ Черниговскаго полка фельдфебеля Шутова, унтеръ-офицера Николаева и рядоваго Никитина, прежнихъ ихъ сослуживцевъ. Это нечаянное свиданіе было величайшею радостію для всѣхъ: дѣло, за которое они погибли, уничтожило между ними различіе чиновъ и сословій; общее несчастіе сдѣлало ихъ искренними друзьями. Ни одинъ упрекъ не сорвался съ языка благородныхъ солдатъ; напротивъ, утѣшенія и заботы о прежнихъ ихъ офи-

церахъ, казалось, заставляли ихъ забывать свои собственныя бѣдствія и были источникомъ чистыхъ удовольствій. Вскорѣ ихъ разлучили: Шутовъ и его товарищи были отправлены въ Сибирь.

Соловьевъ видѣлся въ замкѣ съ роднымъ своимъ братомъ, который, узнавъ о его прибытіи въ Москву, тотчасъ къ нему пріѣхалъ и потомъ часто у него бывалъ; онъ помогалъ несчастному брату всѣмъ чѣмъ только могъ. Положеніе Соловьева и его товарищей поправилось, но это продолжалось не долго; ибо деньги полученныя ими частію были розданы несчастнымъ, находившимся въ совершенной нищетѣ; 200 рублей изъ подъ подушки у больнаго Соловьева украли; прочія они издержали на пищу и на покупку самыхъ необходимыхъ вещей. Московское начальство имѣло намѣреніе отправлять Соловьева и его товарищей по мѣрѣ ихъ выздоровленія, но снисходя къ убѣдительнымъ ихъ просьбамъ, все откладывало ихъ отправленіе. Къ несчастію, Быстрицкій снова заболѣлъ горячкою; его товарищи снова прибѣгнули къ новымъ просьбамъ, но на сей разъ ихъ просьбы были безполезны, и 1 Генваря 1827 года, Соловьевъ, Сухиновъ и Мозгалевскій, закованные въ кандалы, отправились изъ Москвы, оставя въ оной бѣднаго Быстрицкаго. Вьюги, мятели и жестокіе морозы встрѣчали и провожали ихъ на пути. Тѣже бѣдствія начались снова и не разъ заставляли ихъ вспомнить тюремное заключеніе въ Московскомъ замкѣ. Однако, по мѣрѣ того какъ они удалялись отъ границъ Европейской Россіи, ихъ положеніе видимо улучшалось, не смотря на то, что они нуждались во всемъ по прежнему. Извѣстно, что до границы Азіатской Россіи нѣтъ этаповъ; тюрьмы, наполненныя всегда арестантами, тѣсны, нечисты и смрадны; въ Сибири же, напротивъ, построены довольно-просторные этапы, въ которыхъ можно провести ночь утомленному трудною дорогою арестанту съ нѣкоторымъ удобствомъ. Разумѣется, это улучшеніе есть относительное къ тому состоянію, въ которомъ они находились; но такая дальняя и медленная дорога, сообщество развратныхъ и порочныхъ людей, нужда, холодъ, лишеніе всякаго пособія, неизвѣстность о родныхъ и друзьяхъ, мысль никогда не видѣть родины и мрачная, страшная будущность, все это можетъ поколебать человѣка съ самою твердою душою, и все это было предоставлено испытать нашимъ изгнанникамъ.

Сенаторъ князь Куракинъ, бывшій въ Западной Сибири ревизоромъ, при проѣздѣ чрезъ Тобольскъ, видѣлся тамъ съ Соловьевымъ и его товарищами. Онъ спросилъ: не можетъ ли имъ быть чѣмъ-нибудь полезнымъ? Но когда Соловьевъ, Мозгалевскій и Сухиновъ представили страшную картину ихъ жизни и просили, чтобы онъ приказалъ или отправить ихъ поскорѣе къ мѣсту назначенія, или снять съ рукъ и ногъ обреме-

няющія ихъ желѣза, то князь, тронутый ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, соболѣзновалъ и, въ заключеніе всѣхъ утѣшеній и состраданій, объявилъ, что въ семъ отношеніи не можетъ имъ ни въ чемъ помочь и не имѣетъ права удовлетворить ихъ просьбамъ. Но судьба бываетъ столь же непостижима въ своихъ гоненіяхъ, какъ и въ своихъ дарахъ, и человѣкъ, преслѣдуемый ею, нерѣдко, когда менѣе всего ожидаетъ, встрѣчаетъ минуты утѣшенія. Наши путешественники-страдальцы не одинъ разъ забывали свои несчастія; не разъ слезы радости текли изъ впадшихъ ихъ глазъ. Двѣ станціи за Тобольскомъ догнала ихъ Елисавета Петровна Нарышкина, которая ѣхала къ своему мужу, сосланному въ каторжную работу, за участіе въ дѣлахъ Тайнаго Общества; но на почтовомъ дворѣ она узнала, что Черниговскаго полка офицеры слѣдуютъ въ Нерчинскъ въ партіи арестантовъ и остановилась нарочно для ночлега. Не медля нимало, она пришла въ острогъ и провела съ ними болѣе двухъ часовъ. Не нужно говорить что̀ ощущала сія добродѣтельная женщина при семъ свиданіи: ея мужъ страдалъ подобно тѣмъ, которыхъ она видѣла предъ своими глазами; она разсказала имъ объ участи ихъ товарищей, сосланныхъ въ Сибирь и содержащихся въ Читѣ, также и другихъ знакомыхъ нашимъ странникамъ; она простилась съ ними и просила ихъ принять на дорогу 300 рубл. денегъ, обѣщая увидѣться съ ними въ помянутомъ селеніи и доставить имъ все нужное. Недалеко отъ Томска, они видѣли Сутгофа, Щепина-Ростовскаго и Панова; въ одномъ селеніи Иркутской губерніи ихъ догнали двое Бестужевыхъ, Горбачевскій и Барятинскій, которыхъ тогда везли въ Читу. Они хотѣли видѣться съ ними, но офицеръ позволилъ размѣняться только нѣсколькими словами чрезъ окошко. Сіи свиданія были кратки, но въ ихъ положеніи приносили чистое удовольствіе и въ скучной и долгой дорогѣ доставляли имъ минуты, несказанно-пріятныя и утѣшительныя. Послѣ свиданія съ Нарышкиной, имъ оставалось еще пройти 4000 верстъ. Истративши деньги, которыми она ихъ надѣлила, они подвергнулись снова всѣмъ бѣдствіямъ нищеты; они всегда нуждались въ одеждѣ и здоровой пищѣ, но въ семъ трудномъ положеніи имъ какъ будто было назначено, среди долгихъ страданій, чувствовать всю цѣну добродѣтельныхъ сердецъ и получать внезапно утѣшенія въ своихъ бѣдствіяхъ. Неисповѣдимое Провидѣніе посылало имъ по временамъ ангеловъ-хранителей, какъ бы для поддержанія въ семъ суровомъ испытаніи.

12 Февраля 1828 года, Соловьевъ и его товарищи пришли въ Читу. Княгиня Трубецкая, княгиня Волконская, Янтальцова и Александра Григорьевна Муравьева не замедлили увидѣться съ ними (въ сіе время Нарышкина была сильно больна и не могла съ ними видѣться). Не

возможно себѣ представить участія, которое принимали сіи добродѣтельныя женщины въ нашихъ страдальцахъ; каждая изъ нихъ какъ бы хотѣла превзойти другихъ въ великодушіи, между тѣмъ какъ онѣ всѣ съ искреннимъ сердцемъ и безпримѣрною попечительностію заботились о несчастныхъ жертвахъ. Своею внимательностію они старались удалить отъ нихъ мысль, что они забыты и оставлены своими родными; ихъ утѣшенія и заботливость о состояніи несчастныхъ были цѣлительнымъ бальзамомъ для растерзанныхъ сердецъ Соловьева, Сухинова и Мозгалевскаго и, видя живое участіе принимаемое сими женщинами въ ихъ положеніи, они въ сіе время забыли прошедшія свои бѣдствія и не думали о будущихъ. Партія, въ которой они шли, имѣла дневку въ Читѣ. Дамы старались сколь-возможно болѣе облегчить ихъ участь, проводили съ ними цѣлые часы; сильный морозъ не могъ воспрепятствовать имъ оставаться внѣ или внутри тюремной ограды. Княгиня Волконская и княгиня Трубецкая посѣщали ихъ чаще и оставались съ ними долѣе другихъ. Замѣтя въ Сухиновѣ озлобленіе противъ правительства и желаніе отомстить ему какимъ-то ни было образомъ, они употребляли всѣ средства, могущія успокоить его и отвратить отъ всякихъ намѣреній; говорили ему о терпѣніи и надеждахъ, и пр. Потомъ просили Соловьева и Мозгалевскаго беречь своего товарища и имѣть о немъ попеченіе; наконецъ, снабдивъ ихъ деньгами и платьемъ, онѣ разстались съ ними, оставивъ въ признательныхъ сердцахъ Соловьева, Мозгалевскаго и Сухинова вѣчную благодарность и утѣшительныя воспоминанія.

14 Февраля партія вышла изъ Читы и 16 Марта 1828 года наши странники прибыли въ большой Нерчинскій заводъ, лежащій между Нерчинскими рудниками, въ 270 верстахъ за Нерчинскомъ и въ 20 верстахъ отъ Китайской границы. По прошествіи двухъ дней, ихъ отправили въ Горную Контору, находящуюся отъ большаго завода въ 15 верстахъ и отъ границы въ 9 верстахъ, и по прибытіи въ оную они были на другой день посланы въ глубокіе рудники на работу. Такъ кончилось ихъ долгое путешествіе до Китайской границы, продолжавшееся 1 годъ 6 мѣсяцевъ и 11 дней. Сіе время казалось имъ вѣчностью; однообразіе, порождающее нестерпимую скуку, было уже адскимъ мученіемъ; но присоединивъ къ сему бѣдность и крайнюю нищету, желѣза обременяющія руки и ноги, сообщество людей оподленныхъ преступленіями и развратомъ,—вы будете имѣть понятіе о бѣдствіяхъ, испытанныхъ нашими изгнанниками. Но симъ не кончились ихъ страданія. Имъ было суждено *еще разъ испытать* всѣ ужасы ихъ беззащитнаго положенія и оплакать смерть своего товарища, который,

по своему сердцу и качествамъ заслуживалъ лучшей участи. Сухиновъ и его товарищи жили въ Горной Конторѣ въ домѣ, принадлежавшемъ одному солдату Семеновскаго полка, сосланному по извѣстному дѣлу полковника Шварца. Зная, что Соловьевъ и Мозгалевскій не согласятся участвовать въ какомъ-нибудь предпріятіи, Сухиновъ таилъ отъ нихъ свои намѣренія, но не скрывалъ своей злобы противъ правительства. Рѣшившись на что-либо однажды, для исполненія предпринятаго имъ дѣла, онъ не видѣлъ уже никакихъ препятствій, его дѣятельности не было границъ; онъ шелъ прямо къ цѣли, не думая ни о чемъ болѣе, кромѣ того, чтобы скорѣе достигнуть оной. Его характеръ, твердый и настойчивый, не терпѣлъ отлагательства; предаться на произволъ судьбы и ожидать спокойно отъ нея одной было для него величайшимъ несчастіемъ. Въ бѣдствіи и въ неволѣ, онъ считалъ не только правомъ, но долгомъ искать собственными силами свободы и счастія; къ тому же его душа искала всегда сильныхъ потрясеній; посреди опасности только онъ находился въ своей сферѣ. Намѣреніе Сухинова было освободить всѣхъ членовъ Тайнаго Общества, содержавшихся въ Читинскомъ острогѣ, и бѣжать съ ними за границу. Онъ замыслилъ составить заговоръ и посредствомъ довѣренныхъ людей взбунтовать всѣхъ ссыльныхъ, находившихся въ семи Нерчинскихъ заводахъ и въ 20 рудникахъ, вооружить ихъ по возможности, идти съ ними на Читу и привести въ исполненіе свое намѣреніе. Освободивъ же государственныхъ преступниковъ, или тотчасъ бѣжать за границу, или дѣйствовать по ихъ согласію для достиженія какой-либо цѣли. Чтобы исполнить сіе предпріятіе, Сухиновъ ввѣрился двумъ ссыльнымъ, которые ему казались способными ко всему, и сдѣлалъ ихъ главными своими агентами. Голиковъ, разжалованный и наказанный кнутомъ фельдфебель какого-то карабинернаго полка, и Бочаровъ, сынъ одного богатаго Астраханскаго (кажется) купца, подвергнувшійся тому же наказанію, были люди имъ избранные. Они дѣйствовали на другихъ по наставленіямъ Сухинова и открыли свои замыслы Михаилу Васильеву, также бывшему фельдфебелемъ въ одномъ гвардейскомъ полку, и еще двумъ другимъ ссыльнымъ, которыхъ имена намъ неизвѣстны. Голиковъ, Бочаровъ и трое ихъ товарищей были, каждый въ своемъ родѣ, весьма замѣчательные люди и отличались отъ презрѣнной толпы обык-

новенныхъ воровъ и разбойниковъ. Ни страхъ наказанія, ни видимая опасность, не могли удержать ихъ ни въ какихъ замыслахъ; будучи доведены до крайней нищеты и униженія, не имѣя никакой надежды къ избавленію, испытывая безпрерывно несправедливости, они были ожесточены противъ всякихъ начальствъ. Ненависть, злоба и мщеніе наполняли ихъ сердца; развратъ погасилъ въ ихъ сердцахъ чувствованіе своего достоинства; однакожъ, при всемъ своемъ униженіи, они отличались отъ всѣхъ другихъ ссыльныхъ какимъ-то особеннымъ надъ ними вліяніемъ и видимо брали вездѣ надъ своими товарищами поверхность. Голиковъ поражалъ всѣхъ дикимъ и независимымъ своимъ нравомъ; какая-то душевная сила возвышала его надъ всѣми другими и приводила въ трепетъ самыхъ закоснѣлыхъ, отчаянныхъ воровъ и разбойниковъ. Тонкій и хитрый умъ Бочарова и нѣкоторая степерь образованности покоряли ему развращенную и необдуманную толпу его товарищей. Михайло Васильевъ и двое другихъ сообщниковъ болѣе или менѣе походили на Голикова и Бочарова.

Составивъ между собою родъ нѣкотораго совѣта, въ главѣ коего былъ Сухиновъ, Голиковъ и его сообщники приступили къ дѣйствію. Они сообщили свои замыслы еще нѣкоторымъ изъ ссыльныхъ и начали распространять оные съ удивительною скоростію между менѣе значительными по своимъ качествамъ негодяями. Удрученные бѣдствіями, безъ цѣли въ жизни, безъ надежды лучшаго жребія, развращенные и ожесточенные далговременными страданіями, ссыльные принимали съ радостію предложенія Бочарова и Голикова. Они не думали ни о какихъ важныхъ предпріятіяхъ, не думали объ улучшеніи своей участи: для нихъ довольно было и того, чтобы освободиться на нѣкоторое время отъ работъ и тягостной подчиненности, грабить и провести нѣсколько веселыхъ дней въ пьянствѣ и разнаго рода буйствахъ: вотъ ихъ цѣль. Сначала Соловьевъ и Мозгалевскій ни въ чемъ не подозрѣвали Сухинова и не обращали никакого вниманія на его сношенія съ ссыльными. Они часто разговаривали съ нимъ о своемъ положеніи, и когда Сухиновъ ничиналъ говорить о возможности освобожденія они

старались доказать ему нелѣпость такого предпріятія. Несогласіе ихъ мнѣнія происходило особенно отъ того, что Соловьевъ и Мозгалевскій смотрѣли на ссыльныхъ безъ всякаго пристрастія; напротивъ того, Сухиновъ видѣлъ въ нихъ качества, коихъ они никогда не имѣли. Въ его глазахъ сіи люди были способны ко всякимъ предпріятіямъ, были храбры, отчаянны, тверды и настойчивы въ своихъ намѣреніяхъ, и потому нечужды благородныхъ чувствованій, развратъ же ихъ происходилъ только отъ униженія и бѣдности. Это заблужденіе погубило Сухинова и внушило ему недовѣрчивость къ совѣтамъ его товарищей, которые употребляли всѣ средства могущія отвратить его отъ обманчивыхъ надеждъ и разрушить ложное мнѣніе о качествахъ ссыльныхъ.

Нельзя сказать, чтобы между ссыльными не было людей, незаслуживающихъ имени человѣка. Если бы начальство обратило вниманіе на сихъ несчастныхъ, и еслибъ оно обезпечило ихъ нужды, занялось исправленіемъ пороковъ, удалило молодыхъ, еще неопытныхъ, отъ старыхъ закоснѣлыхъ мошенниковъ, и дало имъ надежду на измѣненіе ихъ состоянія: то нѣтъ никакого сомнѣнія, что многіе изъ нихъ возвратились бы снова на путь добра и честности и, узнавъ гнусность и тягость порока, имѣли бы болѣе возможности оцѣнить добродѣтель. Но состояніе сосланныхъ въ каторжную работу, обращеніе съ ними, препятствуетъ всякой спасительной перемѣнѣ ихъ нравовъ. Кажется, что тѣ, которые избрали сей родъ наказанія, имѣли цѣлію оподлить и развратить преступниковъ, а не исправить ихъ. Дальній походъ въ партіи, составленной изъ людей разнаго возраста и пола; содержаніе ихъ въ одной тюрьмѣ, въ однихъ казармахъ, нужды, жестокія и несправедливыя наказанія, однимъ словомъ, все служитъ къ тому, чтобы низвести ихъ на самую послѣднюю степень нравственнаго существованія. Если бы предметъ сего сочиненія позволилъ намъ подробно изложить всѣ причины развращенія ссыльныхъ, показать всѣ пагубныя слѣдствія наказанія подобной ссылки, то каждое сердце, нечуждое человѣколюбія, облилось бы кровью при чтеніи сего описанія. Но какъ нашъ трудъ имѣетъ вовсе иную цѣль, то мы скажемъ только, что сосланные въ Сибирь преступники нисколько не походятъ ни на Испанскихъ, ни на Германскихъ разбойниковъ. Между Русскими разбойниками нѣтъ никакого сообщества; ихъ выгоды одинаковы, но они не понимаютъ сего и никогда не дѣйствуютъ согласно; на каждомъ шагу обманъ, измѣна и предательство; часто составляютъ заговоры и сами доносятъ на тѣхъ, которымъ предлагали раздѣлить свои замыслы. Штофъ водки есть такая цѣна, за которую почти каждый ссыльный продастъ подъ кнутъ себя и своихъ товарищей, не колеблясь ни минуты. Воровство у своихъ товарищей, картежная игра, пьянство и развратъ, суть глав-

ныя и единственныя ихъ занятія. Если ссыльные предпринимаютъ частые побѣги, то цѣлію ихъ побѣговъ бываетъ только одна надежда уклониться на нѣкоторое время отъ работъ и на волѣ предаться пьянству, грабительству и убійствамъ. Сколько есть примѣровъ (и это всѣ знаютъ, которые жили въ заводахъ), что за штофъ водки, за рубль, два или пять, ссыльные берутъ на себя преступленія; а за сіи деньги, которые бываютъ тотчасъ прожиты на водку или проиграны въ карты, выдерживаютъ по 100, 150 и болѣе ударовъ кнутомъ. Кто между ними подвергается часто сему наказанію, тотъ почитается героемъ. Вотъ съ какими людьми Сухиновъ думалъ освободить всѣхъ государственныхъ преступниковъ и, можетъ-быть, что-нибудь сдѣлать болѣе. Неудивительно, что его товарищи не приняли въ этомъ никакого участія.

По прошествіи нѣкотораго времени, частыя посѣщенія Голикова и Бочарова, тайные ихъ переговоры съ Сухиновымъ, начали безпокоить Соловьева и Мозгалевскаго. Справедливое подозрѣніе побудило ихъ къ рѣшительному поступку. Они вознамѣрились узнать отъ самаго Сухинова о его предпріятіяхъ и употребить всѣ силы къ уничтоженію вредныхъ замысловъ и къ спасенію своего ослѣпленнаго товарища. При первомъ удобномъ случаѣ, они спросили Сухинова, въ чемъ состоятъ его сношенія съ Голиковымъ, и что̀ значатъ частыя посѣщенія сего ссыльнаго и его товарища Бочарова? Отвѣтъ Сухинова былъ холоденъ и двусмысленъ. «Я имѣю свои цѣли», сказалъ онъ, «вы напрасно безпокоитесь: будьте увѣрены, что мои поступки не причинятъ зла ни вамъ, ни мнѣ». Эти слова не успокоили Соловьева и Мозгалевскаго; напротивъ того увеличили ихъ подозрѣніе. Они старались удержать своего товарища отъ сношеній съ ссыльными и употребили все что̀ могли для отвращенія отъ предпріятія, въ коемъ начали его подозрѣвать. Но ни дружба, ни любовь къ нему Соловьева и Мозгалевскаго, ничто не могло поколебать Сухинова въ замышляемомъ планѣ. На всѣ ихъ увѣщанія, совѣты и просьбы былъ одинъ отвѣтъ: «ничего не бойтесь; будьте спокойны». Видя упорство своего товарища, Соловьевъ и Мозгалевскій запретили Голикову и другимъ ссыльнымъ ходить въ свой домъ безъ надобности. Сухиновъ сердился, негодовалъ; а Голиковъ и другіе его товарищи продолжали видѣться съ Сухиновымъ по прежнему.

Несчастіе соединило Черниговскихъ офицеровъ еще тѣснѣйшими узами дружбы, нежели совмѣстная служба. Различіе между твоимъ и моимъ сдѣлалось имъ неизвѣстно, вещи и деньги все было общее; но каждый изъ нихъ сообщалъ своимъ товарищамъ, куда онъ истратилъ деньги и кому отдалъ какую вещь. Поэтому, Соловьевъ и Мозгалевскій, видя недостатокъ въ нѣкоторыхъ вещахъ и зная, что Сухиновъ издерживаетъ много денегъ, не говоря имъ для чего, еще болѣе утвер-

дились въ своихъ подозрѣніяхъ относительно его сношеній и замысловъ съ Голиковымъ и Бочаровымъ, и старались узнать о семъ, чтобы принять противъ оныхъ какія-нибудь мѣры... Упрекать Сухинова въ расточительности не позволяла имъ деликатность; а угрожавшая бѣдность и, можетъ-быть, ужасное наказаніе, раждали въ нихъ сильное безпокойство. Положеніе было тягостное: они предвидѣли гибель Сухинова и не имѣли средства спасти его. 17 Мая они купили домъ съ огородомъ и другими хозяйственными заведеніями, а 24 числа перешли съ нанимаемой ими квартиры и думали вполнѣ заняться хозяйствомъ.

Между тѣмъ какъ Соловьевъ и Мозгалевскій тщетно искали средства отвратить своего товарища отъ сношеній съ Голиковымъ и Бочаровымъ, шайка заговорщиковъ часъ отъ часу увеличивалась. Тутъ же находился одинъ негодяй, по прозванію Козаковъ; бо́льшая часть дурныхъ его качествъ, кажется, не была извѣстна его соумышленникамъ, ибо они слѣпо ввѣрили ему свои предпріятія и наименовали ему Сухинова въ тотъ же самый день какъ онъ, съ своими товарищами, перешелъ въ купленный ими домъ. Въ тотъ же самый день (24 Мая), Голиковъ и Бочаровъ, со многими изъ своихъ соумышленниковъ, пьянствовали въ кабакѣ, и когда, прогулявъ назначенныя для сего деньги, начали расходиться по домамъ, то пьяный Козаковъ, проходя мимо управляющаго рудниками, маркштейгера г. Черниговцова и увидя его близъ окна, вздумалъ сдѣлать доносъ на своихъ товарищей. Не колеблясь ни мало, онъ тотчасъ подошелъ къ нему и объявилъ, что ссыльные составили заговоръ для освобожденія своего, и что главные участники онаго суть «секретные» (такъ называли всѣхъ государственныхъ преступниковъ). Управляющій, видя Козакова пьянымъ, отослалъ его въ казарму, сказавъ, что онъ потребуетъ его къ себѣ черезъ нѣсколько времени. Сообщники Голикова, жившіе въ домѣ управляющаго, тотчасъ узнали о доносѣ Козакова и увѣдомили о семъ его и Бочарова. Свѣдавъ объ угрожающей имъ опасности, сіи отчаянные разбойники бросились въ казарму и предложили Козакову распить штофъ вина, вмѣстѣ съ другими товарищами, на свободѣ, въ маленькомъ лѣску, недалеко отъ завода. Развратный Козаковъ, не смотря на то, что едва держался на ногахъ, принялъ съ радостію предложеніе новой попойки и, шатаясь, пошелъ вслѣдъ за Голиковымъ. Достигнувъ назначеннаго мѣста, Бочаровъ и его товарищи бросились на пьянаго Козакова и, не давъ ему придти въ себя отъ нечаяннаго нападенія, убили его. Тѣло сего жалкаго негодяя было разрублено ими на части и закопано въ разныхъ мѣстахъ. Но роковой часъ ударилъ для сихъ злодѣевъ. Кажется, что какая-то невидимая сила старалась разрушить ихъ замыслы и ускорить трагическую развязку. Между тѣмъ какъ они думали избѣгнуть преслѣдованія, спа-

сти себя и своихъ соумышленниковъ убійствомъ измѣнника, другой изъ сообщниковъ явился къ Черниговцову съ доносомъ и подтвердилъ сказанное Козаковымъ. Сей вторичный доносъ обратилъ вниманіе управляющаго заводомъ и породилъ въ немъ справедливое подозрѣніе. Не медля ни мало, онъ приказалъ схватить заговорщиковъ и заковать ихъ въ кандалы. Голиковъ былъ въ числѣ схваченныхъ; Бочарову удалось бѣжать.

Подозрѣваемые въ заговорѣ тотчасъ были приведены къ допросу. Извѣстно, какимъ образомъ въ Сибири производятся допросы: плети, палки и розги почитаются въ семъ случаѣ лучшими путеводителями къ истинѣ. Тѣлесныя истязанія заставили Голикова признаться и, по его показанію, ввечеру 26-го Мая, Сухиновъ и его товарищи были взяты подъ стражу. Голиковъ не сказалъ ни слова объ участи Козакова, почему и думали, что сей негодяй бѣжалъ вмѣстѣ съ Бочаровымъ. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, голодная собака, вырывъ изъ земли руку убитаго человѣка, принесла въ заводъ: этотъ случай заставилъ сдѣлать розыски, и открыто было разрубленное на части тѣло Козакова. Однакожъ его смерть оставалась загадкою до тѣхъ поръ, пока пойманный Бочаровъ не сознался въ своемъ преступленіи. Вскорѣ послѣ сего началось формальное слѣдствіе: ссыльные нѣсколько разъ показывали на Сухинова и нѣсколько разъ отрицали свои показанія. Но удары плетьми снова заставляли ихъ именовать Сухинова главнымъ заговорщикомъ. Сухиновъ отрицалъ все рѣшительно и не признавался ни въ чемъ.

Между тѣмъ какъ Горная Экспедиція разбирала сіе дѣло, управляющій г. Черниговцовъ рапортовалъ объ открытомъ заговорѣ въ С.-Петербургъ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Горная Экспедиція и комендантъ Горныхъ Заводовъ, генералъ Лепарскій, получили повелѣніе изъ Петербурга отдать всѣхъ замѣшанныхъ по дѣлу Голикова и Бочарова подъ военный судъ. Въ концѣ сего же мѣсяца, Сухиновъ и всѣ участвовавшіе въ семъ дѣлѣ были перевезены изъ Горной Конторы въ большой Нерчинскій Заводъ и преданы военному суду. Всѣхъ подсудимыхъ было 22 человѣка. Мозгалевскій и Соловьевъ оставались въ Горной Конторѣ, но, во время производства дѣла, ихъ требовали предъ военный судъ для снятія допросовъ. Они отвѣчали на всѣ вопросы отрицательно, но не могли отклонить отъ себя подозрѣнія судей, которые знали, что Соловьевъ и Мозгалевскій жили вмѣстѣ съ Сухиновымъ и были соединены узами дружбы, укрѣпленной еще болѣе несчастіями. Невозможно себѣ представить положенія Соловьева и Мозгалевскаго: кромѣ явной гибели ихъ товарища, къ которому они питали искреннюю любовь, ужасное наказаніе носилось надъ ихъ несчастными головами. Невинные, подозрѣваемые,—они ожидали каждую минуту несправедли-

ваго рѣшенія судей-невѣждъ, развращенныхъ и безчувственныхъ. Не было никакого средства доказать свою невинность: они молчали и покорились своей судьбѣ, уже рѣшаясь погибнуть съ Сухиновымъ, какъ одно показаніе при допросѣ Голикова и Бочарова перемѣнило видъ ихъ дѣла и спасло ихъ отъ явной погибели. Голиковъ и Бочаровъ показали предъ военнымъ судомъ, что они однажды спрашивали у Сухинова: знаютъ ли о его намѣреніи Соловьевъ и Мозгалевскій? Можно ли о семъ говорить съ ними? И пойдутъ ли они? „Мои товарищи", отвѣчалъ Сухиновъ, „не знаютъ ничего и не должны совсе знать: вы должны таить отъ нихъ все, что́ я вамъ говорю". Когда же Голиковъ и Бочаровъ, удивленные симъ отвѣтомъ, старались узнать, по какой причинѣ онъ скрываетъ свои замыслы отъ своихъ товарищей, съ которыми живетъ дружно и раздѣляетъ все что́ имѣетъ, то Сухиновъ сказалъ имъ: „Если Соловьевъ и Мозгалевскій узнаютъ о нашемъ предпріятіи, то они помѣшаютъ намъ; когда все будетъ готово къ исполненію нашего намѣренія, то откроемъ имъ оное, и если они не захотятъ слѣдовать за нами, то мы заставимъ ихъ идти за собою; если же они станутъ противиться и захотятъ намъ препятствовать, то наше мщеніе упадетъ на нихъ, и они содѣлаются первыми жертвами нашего праведнаго гнѣва".

Сухиновъ, закованный въ желѣза, содержался особенно отъ другихъ, подъ строгимъ карауломъ. Упорствуя въ прежнихъ своихъ показаніяхъ, онъ отвергалъ всѣ улики ссыльныхъ, оправдывалъ Соловьева и Мозгалевскаго и совершенно отрицалъ существованіе заговора. Но, невзирая на это, онъ узналъ, что по свидѣтельству другихъ, онъ подвергнется позорному наказанію и, дабы предупредить оное, онъ вознамѣрился лишить себя жизни, которая давно уже сдѣлалась для него тяжкимъ бременемъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ, онъ досталъ мышьяку и, при первомъ удобномъ случаѣ, принялъ часть онаго; вѣроятно пріемъ былъ очень слабъ относительно физическаго его сложенія, ибо ядъ произвелъ только рвоту. Сухиновъ скрылъ это отъ часовыхъ и на другой день, усиливъ пріемъ, проглотилъ вторично; и тутъ ядъ не имѣлъ надлежащаго дѣйствія. Сильная рвота, которою Сухиновъ страдалъ отъ сего пріема, обратила вниманіе часовыхъ: они спрашивали у него причину болѣзни и предлагали ему разныя средства прекратить оную; Сухиновъ старался отклонить отъ себя всѣ подозрѣнія и успѣлъ въ этомъ. Наконецъ, чрезъ нѣсколько времени, выпилъ третій пріемъ и, чрезъ нѣсколько

минутъ, ужасныя конвульсiи обнаружили дѣйствiе яда. Сначала онъ скрывалъ боль, но вскорѣ природа восторжествовала надъ твердостiю его души, и онъ упалъ безъ памяти на землю въ сильныхъ конвульсiяхъ и невольнымъ стономъ обнаружилъ свои страданiя. Испуганные часовые дали тотчасъ о семъ знать; прибѣжалъ лекарь, котораго искусство, сверхъ всякаго чаянiя, спасло жизнь несчастному страдальцу,— и слѣдствiемъ покушенiя на свою жизнь была одна долговременная тяжкая болѣзнь. Сухиновъ былъ сильно огорченъ, когда узналъ отъ лекаря, что дѣйствiе яда уничтожено. Смерть составляла для него единственное благо; онъ жаждалъ ея пламенно, какъ вѣчнаго спокойствiя, въ коемъ онъ надѣялся найти конецъ всѣмъ своимъ страданiямъ; но всякiй разъ какъ онъ думалъ достигнуть сей счастливой для себя пристани, враждебныя силы снова бросали его въ бурный океанъ жизни.

Комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ, находившiйся въ Читѣ при государственныхъ преступникахъ, торопилъ военно-судную коммиссiю кончить дѣло Сухинова какъ можно поскорѣе. Онъ предписалъ сей комиссiи рѣшить оное непремѣнно въ послѣднихъ числахъ Ноября, объявляя при семъ, что въ исходѣ сего мѣсяца онъ самъ прiѣдетъ въ большой заводъ для конфирмованiя и приведенiя въ исполненiе приговора. Повелѣнiе, полученное изъ С.-Петербурга въ самомъ началѣ Ноября мѣсяца, побудило коменданта сдѣлать сiе предписанiе. Ему было повелѣно конфирмировать военно-судное дѣло, главныхъ участниковъ въ открытомъ заговорѣ—разстрѣлять, а ихъ соумышленниковъ наказать кнутомъ и плетьми, по собственному усмотрѣнiю. Въ послѣднихъ числахъ Ноября, военно-судная комиссiя кончила дѣло. Сухиновъ, не по собственному признанiю, а по свидѣтельству другихъ, и главные его сообщники— были приговорены къ позорному и тяжкому наказанiю 400 ударами кнутомъ. Сей приговоръ не былъ имъ объявленъ, вѣроятно потому, что для подтвержденiя онаго нужно было прибытiе генерала Лепарскаго.

Въ концѣ Ноября мѣсяца прiѣхалъ комендантъ въ большой заводъ. Тотъ же день, неизвѣстно кто увѣдомилъ Сухинова, что онъ приговоренъ къ 400 ударамъ кнута и что генералъ Лепарскiй прiѣхалъ въ заводъ. Повелѣнiе правительства наказать главныхъ виновниковъ смертною казнiю было для всѣхъ глубокою тайною, и даже никто не полагалъ возможности такого наказанiя, вышедшаго изъ употребленiя съ давняго времени и почти никогда не существовавшаго

для ссыльныхъ. Сухиновъ, будучи увѣренъ, что комендантъ утвердитъ приговоръ военно-судной комиссіи, рѣшился во что̀ бы то ни стало избавиться отъ позора: самоубійство было единственнымъ средствомъ. За нѣсколько дней до пріѣзда Лепарскаго, Сухинова перевели изъ особенной тюрьмы, гдѣ онъ одинъ содержался. Намѣреніе лишить себя жизни гнѣздилось въ его душѣ; онъ тщательно осматривалъ всѣ углы и стѣны тюремныя и, увидя большой гвоздь, вбитый въ стѣну недалеко отъ печки, надъ нарами, рѣшился привести свою мысль въ исполненіе. Въ роковую ночь, по пробитіи зари, когда въ тюрьмѣ погасили огни и когда беззаботные преступники, не думая, что̀ ожидаетъ ихъ завтра, предались сну, Сухиновъ отвязалъ ремень, на которомъ поддерживалъ свои желѣза, прикрѣпилъ оный къ помянутому гвоздю, набросилъ на свою шею петлю и—спустивъ ноги съ наръ—повѣсился. Черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ арестантовъ, проснувшись, пошелъ зачѣмъ-то къ дверямъ и задѣлъ за ноги Сухинова; ему показалось это страннымъ. Онъ хотѣлъ узнать, что это такое, сталъ искать около себя ощупью и дотронулся до тѣла Сухинова. Испуганный арестантъ началъ кричать: „спасайте, кто-то изъ нашихъ повѣсился“! Сей неожиданный крикъ поднялъ всѣхъ на ноги, принесли тотчасъ огонь, и первый предметъ (который) представился—это было бездушное тѣло Сухинова. Ремень былъ снятъ съ его шеи: привели лекаря, который тотчасъ замѣтилъ въ тѣлѣ признаки жизни. Можно думать, что для возвращенія оной не нужно было употребить большихъ усилій искусства, ибо гвоздь былъ вбитъ довольно низко, и Сухиновъ, желая затянуть какъ можно крѣпче петлю, спустивши ноги съ наръ, еще колѣнами касался оныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лекарь сообразилъ всѣ сіи обстоятельства, но вѣроятно, не зная приговора правительства и не рѣшаясь изъ состраданія предать бѣднаго Сухинова позорному наказанію кнутомъ, онъ не старался возвратить къ жизни несчастнаго страдальца, но приказалъ тѣло его положить на телѣгу и отвезти въ лазаретъ шагомъ, какъ можно тише, какъ будто бы для того, чтобы не произвести въ немъ ни малѣйшаго сотрясенія, могущаго возбудить кругообращеніе остановившейся крови. Тотчасъ по привозѣ въ лазаретъ, тѣло было спущено въ погребъ и положено на ледъ. Если сіи причины, а не невѣжество и равнодушіе побудили лекаря оставить безъ вниманія всѣ средства, которыя могли возвратить жизнь Сухинову, то поступокъ его достоинъ уваженія, и самое безчеловѣчіе было вели-

кодушно. Такимъ образомъ, несчастный Сухиновъ кончилъ свою бѣдственную жизнь. Заговоръ не дѣлаетъ пятна его чести; желанiе получить утраченную свободу и возвратить ее своимъ товарищамъ ослѣпило пылкiй умъ его и заставило унизиться предосудительною связью съ презрительными людьми. Ошибка сiя смыта его страданiями и его кровiю.

Изъ судившихся военнымъ судомъ, пятеро было разстрѣляно (шестой, Сухиновъ, избѣгнулъ сей участи самоубiйствомъ). Изъ остальныхъ, многiе получили отъ 400 до 150 ударовъ кнутомъ; прочiе были наказаны жестоко плетьми. По окончанiи сей кровавой сцены, Соловьеву и Мозгалевскому, въ полицiи, прочитали приговоръ, конфирмованный комендантомъ Нерчинскихъ рудниковъ. Рѣшенiе ихъ участи заключалось въ слѣдующемъ: Соловьевъ и Мозгалевскiй, найденные военно-судною коммиссiю непричастными къ дѣлу Голикова, Бочарова и другихъ, освобождаются отъ суда, но горному начальству предписывается (сiя мѣра вѣроятно взята Лепарскимъ) удалить ихъ изъ Горной Конторы и сослать въ отдаленные рудники порознь. Черезъ два дня они были отправлены изъ завода: Соловьевъ въ рудникъ Култуму, а Мозгалевскiй въ Акатуй, лежавшiе одинъ отъ другаго на разстоянiи 200 верстъ. Въ сей новой ссылкѣ они провели два мѣсяца въ скукѣ и бѣдности. По прошествiи сего времени, горное начальство получило повелѣнiе отъ коменданта Лепарскаго прислать государственныхъ преступниковъ Соловьева и Мозгалевскаго въ Читинской острогъ. Въ началѣ Февраля 1830 года они были отправлены въ Читу и скоро прибыли къ мѣсту назначенiя, гдѣ нашли прежняго товарища своего, Быстрицкаго, котораго комендантъ оставилъ въ Читѣ, когда онъ слѣдовалъ съ партiею чрезъ сiе селенiе въ Нерчинскiе рудники. Въ 1830 году, Соловьевъ, Мозгалевскiй и Быстрицкiй, вмѣстѣ съ другими государственными преступниками, были переведены изъ Читинскаго острога въ государственную тюрьму, вновь построенную при Петровскомъ Заводѣ, находящемся въ Верхнеудинскомъ округѣ, на рѣкѣ Балягѣ.

Подробная бiографiя Сухинова помѣщена въ Русскомъ Архивѣ 1870 года. Можно думать, что она составлена тѣмъ же лицомъ, которому принадлежатъ эти *Записки*. П. Б.

ЦАРСКОЕ ВРЕМЯ.

Время Царское дороже всего на свѣтѣ. Оно должно быть сберегаемо и соблюдаемо до послѣдней минуты, для рѣшенія вопросовъ государственныхъ, для размышленія о существенныхъ предметахъ управленія.

Занимать Царя частностями и подробностями, развлекать формами и церемоніями—есть величайшее гражданское преступленіе.

Петръ I-й, отличавшійся отъ природы особенной дѣятельностію, жаловался часто на недостатокъ времени. А у него въ управленіи было только 10 милліоновъ. Теперь Русское государство считаетъ до 70 милліоновъ жителей, слѣдовательно число дѣлъ умножилось всемеро по естественному приращенію народонаселенія, въ семьдесятъ разъ по вновь возникшимъ, разнообразнымъ отношеніямъ между гражданами, не имѣющимъ сравненія съ прежними. Въ такой же соразмѣрности всѣ дѣла стали сложнѣе, мудренѣе и труднѣе для рѣшенія. Войско Петра I-го едва равнялось одному нынѣшнему отдѣльному корпусу. Что такое была торговля, внѣшняя и внутренняя, финансовая часть, при немъ, и что онѣ при насъ! О печати ему нечего почти было думать, между тѣмъ какъ для современнаго Государя печать есть одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ заботы. Сравните число служащихъ чиновниковъ, которыхъ надо руководствовать, наблюдать, награждать и наказывать. А донесенія объ особыхъ происшествіяхъ со всѣхъ концовъ Имперіи, оффиціальные пріемы, осмотры, путешествія, проекты, доносы, жалобы, мнѣнія! Присоедините множество дѣлъ (назову ихъ искусственными), дѣлъ пустыхъ и ничтожныхъ, коимъ придается иногда важность для полученія лишней аудіенціи, для сообщенія докладу разительности, причемъ запутываются понятія, и должны напрягаться умственныя способности, съ заблужденіемъ часто въ награду!

Мы не говорили еще о внѣшнихъ отношеніяхъ, кои ограничивались при Петрѣ I-мъ сосѣдними государствами. Нынѣ къ Русскому Царю везутся депеши изъ всѣхъ пяти частей свѣта, изъ Европы и Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Политика отдаленнѣйшихъ государствъ со всѣми ея превратностями, связь ихъ между собою, требуютъ неусыпнаго вниманія. До какихъ же колоссальныхъ размѣровъ достигло количество дѣлъ, подвергаемыхъ на высочайшее воззрѣніе, рѣшеніе, утвержденіе! Мысль цѣпенѣетъ.

И вотъ Русскій Царь дѣлается первымъ труженикомъ своего царства, несчастнѣе послѣдняго батрака, у котораго, послѣ тяжкихъ ежедневныхъ трудовъ, остается все-таки нѣсколько времени для беззаботнаго отдохновенія. У Русскаго Царя нѣтъ этого времени—для возношенія своего духа къ Богу и теплой сердечной молитвы, нѣтъ времени для вкушенія тихихъ радостей въ кругу своего семейства. Ему нѣкогда думать о Себѣ, о важнѣйшихъ человѣческихъ вопросахъ и задачахъ земной жизни; Ему нѣкогда заглянуть въ книгу и освѣжить свою мысль, свое чувство. Предъ Его глазами мелькаютъ безпрестанно длинные списки текущихъ обязанностей, и встаютъ грознымъ привидѣніемъ высокія груды безконечныхъ дѣлъ, подъ которыми онъ долженъ проводить свои черты; груды, кои завтра смѣнятся новыми, и такъ далѣе, безъ конца.... Сизифова работа!

Есть ли физическая, не только умственная, возможность заниматься ими, съ перерывами и отвлеченіями, еще болѣе тягостными, безъ противуестественнаго напряженія, безъ неизбѣжнаго утомленія, безъ разслабленія всѣхъ силъ, иногда медленнаго, но всегда гибельнаго, не зародивъ во глубинѣ своего сердца этого страшнаго внутренняго червя тоски, досады, неудовольствія, который подточитъ самое крѣпкое тѣлесное здоровье и истомитъ самую твердую душу? Какое зрѣніе не притупится отъ однихъ взглядовъ, бросаемыхъ по заказу на всю эту пестроту?

Несчастная система, низведшая во гробъ, вмѣстѣ со внѣшними неожиданными ударами, покойнаго Императора Николая Павловича! Въ порывѣ неограниченнаго своего усердія ко благу отечества, Онъ хотѣлъ дѣлать все самъ, работалъ въ продолженіи тридцати почти лѣтъ, не думая о себѣ, и палъ наконецъ жертвою царственнаго долга, самимъ на себя возложеннаго. Увлекшись блистательнымъ примѣромъ предка, онъ не подумалъ, что со временъ Петра I-го обстоятельства перемѣнились, и что Петровское дѣланіе, перенесенное въ наше время, становится оптическимъ обманомъ; что бо́льшая часть дѣлъ, не смотря на видимую непосредственную зависимость отъ Государя, обращаются такимъ образомъ въ добычу частнаго произвола, застрахованнаго свя-

щеннымъ Царскимъ именемъ, и потому безнаказаннаго, или дѣлается, такъ сказать, сама собою по установленному порядку, вопреки часто Его желанію, въ ущербъ общей пользѣ, въ противоположность Россіи по бумагамъ съ Россіею въ натурѣ.

Первая, по моему мнѣнію, задача Государственному Совѣту въ наше время—разобрать и опредѣлить, какія дѣла должны быть представляемы на Высочайшее воззрѣніе, и какія, безъ малѣйшаго нарушенія самодержавной власти, могутъ быть рѣшаемы разными отдѣльными высшими вѣдомствами.

Вторая задача — опредѣлить, въ какой степени можетъ быть допущена гласность, въ видахъ предохраненія правительственныхъ и прочихъ рѣшеній отъ произвольности и учрежденія надъ ними новой необходимой инстанціи—бдительнаго общаго мнѣнія, безъ котораго само правительство остается часто во тьмѣ.

Эта гласность, въ предѣлахъ благоразумной осторожности, доставитъ еще Государю и Его ближайшимъ сотрудникамъ средства узнавать людей, которыхъ при прежней системѣ узнавать было невозможно, а въ тѣсномъ кругѣ приближенныхъ мудрено дѣлать и выборъ. Даръ выбирать людей, впрочемъ очень рѣдкій въ исторіи всѣхъ государствъ, лишился нынѣ почти своей цѣны и значенія; потому что Государь по ходу дѣлъ не можетъ быть въ такомъ близкомъ общеніи съ народомъ, въ какомъ были Петръ I-й и Екатерина II-я. Этотъ случайный даръ долженъ замѣниться дѣйствіями гласности и общаго мнѣнія.

Государь, освободясь изъ подъ бремени гнетущихъ Его (часто безъ нужды и пользы) дѣлъ, облегчась, такъ сказать, во всѣхъ Своихъ движеніяхъ, войдя въ Свои человѣческія права, возможетъ посвящать полное вниманіе на дѣла, достойныя Его высокаго сана, употреблять Свое время на спокойныя размышленія о великой Царской обязанности, обращать Свой умъ, куда заблагоразсудится, и вести Богомъ ввѣренный Ему народъ къ великой его цѣли, по избранному пути такъ, какъ Богъ Ему на сердце положитъ.

Господи! Вразуми Его, спаси, сохрани и помилуй!

М. Погодинъ.

Москва
Апрѣля 17-го 1865 г.

Помѣщается съ дозволенія Софьи Ивановны Погодиной, вдовы М. П. Погодина.

Е. Ѳ. ТЮТЧЕВА.

Смерть жатву жизни косит, косит....

Неумолимая рука смерти, въ немногіе дни болѣзни, лишила наше общество одного изъ лучшихъ украшеній: 11 Марта 1882 года скончалась въ Москвѣ Екатерина Ѳедоровна Тютчева, вторая дочь поэта Ѳедора Ивановича (отъ перваго брака его съ графинею Ботмеръ).

Е. Ѳ. Тютчева родилась и провела дѣтство въ чужихъ краяхъ, гдѣ отецъ ея служилъ при одномъ изъ нашихъ посольствъ. Рано лишившись матери, она воспитывалась въ Смольномъ, и по выходѣ оттуда поселилась въ Москвѣ у своей бабки Екатерины Львовны Тютчевой, которая жила съ дочерью и зятемъ Сушковыми. Многимъ памятны Сушковскіе вечера, на которые въ теченіи цѣлыхъ десятилѣтій собирались представители словесности, политики, просвѣщенія, на которыхъ происходилъ живой обмѣнъ мыслей и убѣжденій, въ изящныхъ предѣлахъ благоволительности и взаимнаго снисхожденія. Душою этихъ собраній была Е. Ѳ. Тютчева. Основательное, многостороннее образованіе, при полномъ отсутствіи педантизма, живая прелесть ума, крѣпкаго и цѣльнаго, но въ тоже время изящно-женскаго, сообщали необыкновенную привлекательность ея бесѣдѣ. Лучшія произведенія всѣхъ вѣковъ и образованныхъ народовъ были ей близко знакомы, и предметы политики, словесности, исторіи, богословія занимали ее постоянно. Митрополитъ Филаретъ почиталъ ее своимъ другомъ. Послѣ его кончины она перевела по-англійски избранныя его проповѣди и напечатала ихъ особою книгой (London, 1873). Покойный Государь Александръ Николаевичъ оказывалъ ей отмѣнное уваженіе и любилъ съ нею бесѣдовать. Во Владимирской деревнѣ, сел. Варваринѣ, гдѣ по смерти своей тетки Сушковой проводила она бо́льшую половину года, любимая крестьянами цѣлаго округа, надъ которыми пріобрѣла она благодѣтельное нравственное господство, Екатерина Ѳедоровна умѣла завести тишь, и гладь, и Божью благодать. Что-то властное, что-то обязующее къ совершенствованію, было въ этой дѣвушкѣ, по истинѣ достопамятной. Отъ нея вѣяло нравственною свѣжестью.

Родные, друзья, всѣ бывшіе съ нею хотя бы въ кратковременныхъ сношеніяхъ, никогда ея не позабудутъ. Горячія, обильныя слезы проводили ее въ преждевременную могилу въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

П. Б.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ

РУССКАГО АРХИВА

1882 ГОДА.

(тетради 1 и 2).

---

*

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1882 ГОДА

(тетради 1 и 2).

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.
Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**
Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **Н. В. Баталина**, доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины Второй,** императора **Александра Павловича,** князя **Суворова** и проч.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго**, по его письмамъ.
Бумаги **С. П. Шевырева.**
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. И. Шипова.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ В. А. Черкаскомъ.
Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.
Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796.
Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **П. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**
Бумаги **графа П. И. Панина.**
Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**
Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ.
Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.
Исторія Яицкаго войска.
Письма **князя Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина.—Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго. - Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.—Новая глава „Капитанской Дочки".

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАЕТСЯ

въ 1882 году

ШЕСТЬЮ КНИЖКАМИ, ВЫХОДЯЩИМИ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

(ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ)

девять рублей

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

АДРЕСЪ: **Москва**, Ермолаевская Садовая, домъ 157-й.
Въ Петербургѣ: книжные магазины „Новаго Времени" и И. И. Глазунова (на Большой Садовой).

Цѣна каждой книжкѣ 1882 года въ отдѣльной продажѣ **2** рубля.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1881 года, въ шести книгахъ съ приложеніемъ двухъ книгъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ", со снимками и большою гравюрою, продается по 8 рублей (съ пересылкою по 9 рублей). Приложенная къ этому году Русскаго Архива большая гравюра съ портретомъ Екатерины Великой раздается подписчикамъ Русскаго Архива въ Москвѣ, въ Конторѣ Русскаго Архива (Ермолаевская Садовая, 157), въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени", на Невскомъ Проспектѣ.